Николай Иванович Максимов
Поиски счастья

Николай Иванович Максимов
Поиски счастья

Глава 1
НА АЛЯСКЕ

В один из летних дней 1900 года к Михайловскому редуту с полусгнившими башнями по углам ветхого тына, за которым высилась деревянная церковь с православным крестом на зеленом куполе, подходил кряжистый молодой мужчина с буйной русой бородой.

Рубаха в крупную красную клетку, простые синие штаны с подтяжками и множеством накладных карманов и металлических пуговиц, грубые тупоносые ботинки и потерявшая цвет шляпа – весь этот наряд в сочетании со старообрядческой бородой, несомненно, вызвал бы недоумение в России, но здесь, на Аляске, казался самым обычным.

Василий Устюгов возвращался домой из Нома.

– Никак, Васильюшка, уже в городе побывал? – окликнул его с завалинки дед.

Но внук хотел молча пройти мимо.

– Ну и дитятко… – старик покачал головой.

– Чего тебе? Сказывай быстрее.

– Экий ты неугомонный! Тебе бы все быстрее, все быстрее, – заворчал дед. – Поди, не на пожар спешишь, избави, господи, от сей напасти, – он перекрестился, отодвигаясь на край завалинки.

Несмотря на теплую погоду, сидел он в шапке и ватном домотканом зипуне. Суконные шаровары были заправлены в добротные сапоги, густо смазанные жиром.

– Наталья-то твоя с сынком пошла кирпич ворочать, а батька – не сказался куда,

Чтой-то ноне все вы нелюдимы, – дед насупился, – Никак из города идешь?

– Из города, – нехотя ответил Василий.

Старик искоса взглянул на него, закашлялся, торопливо полез в шаровары за трубкой.

– Табачок-то есть?

Василий понял, что никакого дела к нему у деда нет, а просто старику хочется с кем-нибудь поболтать. И хотя в этом ничего зазорного не было и в другое время внук отнесся бы к такому желанию терпимо, будучи сам по природе молчалив, – сейчас он не мог скрыть раздражения.

– Непутевый ты, дед! – проговорил он, доставая кисет. – Никаких у тебя в голове мыслей нет человеческих. Все бы курил да языком чесал.

– Постой, постой! Это как же так выходит?

– А так и выходит, что заехали вы сюда, за тридевять земель, а нам вот теперь здесь маяться!

– Стыда у тебя нет, Василий! – взъярился старик. – А эту землю не прадед твой добыл, не мы тут разве утвердились?

– Только неладно, видно, утвердились, коли янки теперь хозяевами тут стали.

Раскуривая трубки, дед и внук смолкли. Старик так же быстро остыл, как и вспыхнул: он тоже видел, что и впрямь вышло все как-то неладно.

Василий Устюгов являлся прямым потомком русских Колумбов: его прапрадед приплыл сюда в числе первых землеоткрывателей и поселенцев. Однако для Василия земля эта – хотя и кровная, родная – была далеко не той обетованной землей, к которой устремлялись его предки. Особенно это стало ощутимым для русских людей после 1867 года, когда все владения России в Новом Свете перешли к Соединенным Штатам Америки.

Согласно договору, заключенному при продаже Аляски, русские могли возвратиться в Россию или принять американское подданство. Одни решили остаться – не для того они уходили сюда, чтобы снова вернуться в кабалу к помещику; других в спешке не включили в списки отъезжающих; третьи вовсе не знали о продаже их земель Америке, а узнав, уехать уже не успели, но отказались от иностранного подданства. «Мы русские. Как можно принять американство!» – говорили они.

Поселенцы Михайловского редута относились к тем, кто долгое время не верил в продажу Аляски и отказал ся принять чужое подданство, считая Русскую Америку своей кровной землей, такой же, как Сибирь и Дальний Восток: продвигаясь на восток, русские достигли Западного полушария, открыли не известную еще тогда никому Аляску, спустились к югу до Калифорнии. «Русская Америка» – так и нарекли эти земли первооткрыватели. Поколения простых русских людей прочно обживали свою Америку: добывали соль на озерах, выращивали ячмень и пшеницу, занимались охотой, огородничеством, ремеслами, строили лесопильни, верфи, кирпичные и кожевенные заводы, закладывали шахты, обучали грамоте индейцев, алеутов и эскимосов, наносили на карты горные хребты и реки, строили редуты и посты, форты и поселения. Но вот пришел 1867 год, и настоящие хозяева этих земель стали быстро утрачивать свое былое положение.

Объединенные лишь храмами, которые официально остались собственностью членов православной церкви, проживающих на уступленной территории, русские люди оказались в тисках. Выехать в Россию было не на что, да и пугала полная неизвестность: где и как они стали бы жить? К тому же расставаться с родными местами всегда не легко, хотя русским, как лишенным подданства, и чинили всякие затруднения, не давали участков для золотых разработок, а перекупить не было средств. С другой стороны, и оторванность от исконной родины предков, от своей нации тяготила их.

А годы шли. Вот уже и Василию исполнилось двадцать шесть лет. Михайловский редут, расположенный близ города Нома, был не единственной русской колонией в Новом Свете, где многое напоминало Россию: и избы с резными наличниками на окнах, и петухи на воротах, и православный крест на церкви, и бани, и обычаи, и церковные книги в тисненых кожаных переплетах, И все же не один Василий был хмур и нелюдим.

– То верно: неладно все как-то вышло, – после долгого раздумья, накурившись, снова заговорил дед. – Однако царь-батюшка не ведает о нас, горемычных. Обманули, видать, его супостаты – слуги неверные.

– Тебе что… Все одно, где кости сложить. А мне с Натальей да Колькой жить надобно. Да разве мы одни? Какая это жизнь! Кругом жулье, купцы-обдиралы. Ни тебе правды, ни закона. Один доллар власть имеет.

Сынок Колька вон подрастает – куда его? В лакеи отдавать, что ли? А там язык родной забудет, женится, гляди, без присмотру-то на какой-нибудь поджарой герл. Изведем эдак здесь русский род…

– Ой, правда твоя, Васильюшка, – заохал старый, – твоя правда! Изменилась жизнь.

Хотел Василий рассказать о своих планах позже, за ужином, когда соберется вся семья, да втравил его дед в разговор раньше времени.

– Надумал я, дед, пробиваться к России-матушке.

– Отступаешься? – всполошился старик.

– Доколь буду жить, как в плену, среди янок?!

– Так это ж наша земля, Васильюшка! Куда ж ты с нее пойдешь, на кого оставишь?

– Эх, дед, замолчи!.. – глаза Василия повлажнели, он крепко сжал рукой бороду, отвернулся, встал с завалинки и, едва не свалив штабель сохнущего кирпича-сырца, вошел в избу.

Сколько раз, еще до женитьбы, порывался он наняться на какой-нибудь транспорт и уехать в Россию, Но ни отец, ни мать, – которая тогда была еще жива, – ни дед, ни многие другие поселенцы не поддержали его. Как ни тяжело, как ни бесправно жилось им тут, а все же это была земля их дедов и прадедов, они не смели ее покинуть, хотя и тосковали по всему русскому. Душа рвалась, стонало сердце при слове «Россия», но суровая действительность оставляла мало времени для тоски. Два сложных чувства все время боролись в их сознании: невозможность отступиться от своих земель, бросить все то, во что вложено столько сил и труда, предать забвению дела своих дедов и прадедов и почти такая же невозможность жить оторванными от России, от своего народа. Были, конечно, и такие, кто, не стерпев, уехал, за годы накопив денег на дорогу.

– Поеду за пролив ка заработки, – вечером решительно заявил семье Василий. – Пятьдесят долларов в месяц на всем готовом – слыханное ли дело! Это за год – шестьсот! А с деньгами будет видно, что делать.

Наталья тихо заплакала, уйдя в темный угол избы. Колька стоял с широко открытым ртом, отец Василия хмурился, дед неодобрительно покачивал головой.

Наутро отслужили в церкви молебен. Проводы устроили прямо во дворе Устюговых, Всю эту летнюю ночь не смолкали то буйные, то грустные песни. Одни гости смеялись, другие плакали, женщины, утешая, целовали Наталью, Лишь к заре все вокруг стихло, Отец благословил сына, помог ему надеть котомку.

И зашагал Василий в город.

Тревога за оставленную семью неотступно щемила сердце, но тревога эта заглушалась взволнованной радостью: уже через несколько дней его не будет среди опостылевших янки.

– Ничего, – вслух думал Василий, – вызволю и Наталью и Кольку из этого американского плена!

* * *

На палубе парусника «Гоулд биич»[1], идущего в Америку, «страну, где каждый парень может стать президентом», – стоял юноша. Ветер разметал волосы, завернул полу отцовского пиджака, брюки плотно облегли крепкие ноги. Казалось, юноша пристально всматривался в горизонт, но, кроме сказочных видений будущего, которые теснились перед его затуманенным взором, он не различал ничего.

1 Золотой берег

– Мистер Ройс? – прервал его мечты чей-то голос.

Молодой норвежец изумленно оглянулся. Еще утром его называли просто Бентом, и вот – даже в таком виде – он уже мистер! Кровь бросилась в голову, потом отлила от нее и, как показалось ему, приятно согрела сердце.

– Мистер Ройс решил посетить Штаты? – глядя в список пассажиров, произнес стандартную фразу ревизор парусника.

– Я в Калифорнию, к дяде еду, – смущенно ответил юный мистер и спрятал за спину непомерно длинные руки.

Ревизор поставил в списке крестик, приложил два пальца к козырьку и скрылся в дощатой конюшне, наспех сколоченной на корме.

Помнится, Бент посмотрел тогда назад. Скалистые берега Норвегии исчезли. Судно шло открытым морем.

«Как давно это было! – вспоминает теперь Ройс день своего отплытия в Америку. – Минуло целых десять лет…»

Грустный, понурив голову, Ройс одиноко сидит на берегу студеного моря. На нем большие болотные сапоги, меховые брюки, куртка и шапка. Он возмужал, раздался в плечах, лицо заросло рыжей щетиной. «Двадцать девять лет парню, – думает он, – и опять бродить…» Разве за этим отправился он в заокеанские страны? А Марэн? Уже год, как он не получал от нее писем. Юность прошла в разлуке. В руке у Ройса фотография: на него смотрит полная девушка с задумчивыми глазами. На ней платье с белым передником школьницы.

Марэн обещала ждать его. В ту пору ей предстояло еще два года учиться в школе, и Бент был спокоен. Но теперь, когда промчалось столько лет, сомнения все чаще точили его сердце.

Ройсу удалось окончить среднюю школу, но учить сына дальше родители не смогли. Выручил дядя.

«Приезжай-ка, Бент, ко мне», – писал он, прилагая билет и вырезанные из иллюстрированных журналов «сториз» – рассказы о том, как простые парни стали миллионерами.

Дядя давно эмигрировал в Америку и теперь ежегодно вызывал к себе на ферму родственников и знакомых из Норвегии, которые затем годик – два «делали ему деньги», отрабатывая стоимость проезда… Бент Ройс оказался одним из них.

После трех лет жизни на ферме племянник сбежал от дяди и с тех пор уже успел загрузить углем несколько тысяч паровозов, постигнуть слесарное ремесло, побродяжить в долине Юкона, но удача в руки не давалась.

Последний раз Марэн писала, что ей уже двадцать шесть, что она теряет надежду на его возвращение, но будет ждать еще год.

Сегодня исполнился этот год.

Бент в поисках золота с утра до ночи копал землю, перемывал породу, однако счастье обходило его. Но не может же он вернуться с пустыми руками! Да и, наверно, Марэн только пугает, торопит, а ждать все равно будет, если даже он задержится здесь еще на год. Ведь жизнь велика, Разве можно все так скоро!

Золотя мелкую рябь полярного моря, на востоке сквозь мрачные тучи медленно, но настойчиво пробивалось солнце.

Бент взглянул на него, поднялся и направился в почтовую (контору. Он не ошибся: за время его отсутствия в городе Номе на Аляске для него накопились письма; ему подали три конверта.

Все три письма были из дому. Марэн молчала. Она, видно, твердо выдерживала обещанный год, Об этом намекала сыну и мать.

Бент читал письма, прислонившись к стене, чувствуя, как на него наваливается страшная усталость. Потом, тяжело ступая по скрипучим доскам тротуара, он угрюмо побрел к бару. В кармане еще позвякивало несколько монет.

* * *

В этот же час в отдельном кабинете шумного бара «Золотой пояс» кого-то нетерпеливо поджидал щуплый лысеющий брюнет во фраке. Он стоял спиной к накрытому на две персоны столу, выглядывая из-за шторы на улицу. Беспокойные руки нигде не могли найти себе места – ни в карманах брюк, ни за спиной.

На этот раз мистер Роузен ждал здесь не какую-нибудь шантанную певичку или своего секретаря – великолепную Элен. Свидание предстояло деловое. Мистеру Роузену не терпелось потолковать о многообещающем бизнесе в связи с созданием «Северо-Восточной сибирской компании по поискам золота на Чукотке»… Сколько было неудач! Куда только он ни обращался, чтобы получить концессию за Беринговым проливом: и в русское консульство в Сан-Франциско, и к приамурскому генерал-губернатору, и в министерство земледелия и государственных имуществ! Отказ, отказ, отказ всюду…

«Бесполезный ледник…» – вспомнил он, как отозвался о Чукотке один из его прежних компаньонов.

– Хотел бы я посмотреть на этого идиота, когда «ледник» начнет согревать меня долларами!

Уже немало лет Эдгар Роузен с компаньонами промышлял китов в дальневосточных водах торговал с туземцами на азиатском берегу. Но стать твердой ногой на земле за проливом ему не удавалось. Теперь же… Дверь кабинета распахнулась, и на пороге появилась массивная фигура в черном пальто с поднятым воротником, в надвинутой на лицо шляпе.

– О, мистер… – Роузен бросился навстречу, но вошедший движением руки остановил его.

– Не забывайте: я здесь инкогнито, никто не должен знать о нашей встрече на Аляске. Вы поняли меня? – Он оглядел комнату, устало снял пальто и шляпу, передал их, как лакею, Роузену и грузно опустился в кресло. – Приспустите пониже штору.

Роузен торопливо выполнил приказание и позвонил, глядя, как важный гость, далеко вытянув вперед ноги, белоснежным платком вытирал морщинистый лоб.

Слуга подал обед, налил в бокалы вино и удалился.

Гость сразу опустошил свой бокал. Долго ели молча. Наконец вашингтонец заговорил:

– Надеюсь, вы получили нашу телеграмму о назначении вас главным директором компании?

– Я не знаю, как мне благодарить вас!

Гость отодвинул тарелку с куриным бульоном, вытер салфеткой рот и небрежно отбросил ее в сторону.

– Мы, акционеры, считаем вас подходящим человеком – и только, – после долгой паузы процедил он, изучающе оглядывая Роузена.

– Смею заверить, господин сенатор!.. – прижав руки к груди, воскликнул тот, но гость раздраженно поморщился, и Роузен не окончил фразы.

За дверями, в общем зале, шумели подвыпившие солдаты и офицеры, матросы, гарпунеры, золотоискатели.

– Вам известно, – продолжал пожилой джентльмен, – с каким трудом, каким обходным маневром нам удалось вырвать у России согласие на это дело?

– Да, да! Столько отказов… Я знаю.

– Вы ничего не знаете, – перебил сенатор. – Это едва ли не первая наша серьезная победа за тридцать лет, после того как нам удалось овладеть Аляской. Да. Мы заплатили этому отставному полковнику русской армии, этому шталмейстеру высочайшего двора, мы заплатили ему… – Однако конгрессмен, видно, передумал и суммы не назвал. – Вижу, вам туманят голову лишь близкие успехи. Но мы обязаны видеть дальше. Мы не только деловые люди, мы государственные деятели! – энергично заключил он.

Роузен придвинул свое кресло ближе к столу, Гость взглянул поверх его головы:

– Шталмейстер русского двора – кукла. Хозяева – мы. Акции у нас.

В дверях показался официант.

– Не надо. Идите! – Главный директор компании сам наполнил стопки.

– Я пью этот бокал, – гость поднялся, – за старика Сьюарда, мудрейшего из государственных секретарей Штатов!

Роузен недоумевал: все это было для него так необычно.

– Русский царь был глуп, как мул, – снова усаживаясь, продолжал гость: – он уступил Сьюарду Аляску, этот ключ к Тихому океану, за семь миллионов долларов. А нам – нам только котиковый промысел на этих берегах, не говоря о золоте, столько же приносит ежегодно.

– Я начинаю вас понимать.

– Мы вынудили Россию отступиться от этой территории. Аляска – это мост в Азию, шаг на пути к господству на Тихом океане, – конгрессмен зажег сигару и со вкусом потянул дым. – Аляскинское направление – это основное направление для нашего проникновения в Сибирь и на Дальний Восток. Приобретение Алеутских островов и Аляски сразу ставит Америку на полпути к Китаю и Японии.

Роузен чувствовал себя все более растерянным: он никак не ожидал подобного разговора. А босс продолжал:

– Деловые люди должны не только хорошо понимать политику – они обязаны ее делать, как делают доллары, если не хотят остаться нищими. Политика – тоже бизнес, да.

Бутылки пустели. Кабинет наполнялся дымом сигар, Лица и шеи собеседников краснели.

– Аляска, коллега, пройденный этап. Задача – Двигаться дальше! Тихий океан – главная арена событий в великом будущем мира, арена триумфа американской цивилизации, – он оперся на стол руками, покрытыми сеткой бугроватых синих вен.

– Академия! – воскликнул Роузен.

Довольный произведенным впечатлением, сенатор едва заметно улыбнулся.

– Русские дьявольски энергичны, – продолжал он. – Почти на столетие раньше нас они достигли этих земель, заселили их до самой Калифорнии, истинной жемчужины Тихого океана, слава господу, не даровавшему разума царю этого народа и мудрости Сьюарда. Но мы не можем надеяться на случайности. Англосаксы должны всегда быть могущественнее и дальновиднее неполноценных народов. А для этого их надо держать у себя в кармане. Вы поняли меня? – Он внимательно вгляделся в лицо Роузена. – А теперь, – продолжал он, шевеля обрюзгшими щеками, – приступим к практической стороне дела. Мы должны организовать его так, чтобы русские не смогли конкурировать с нами. Мы вытесним Россию с северо-востока Азии, как уже вытеснили с северо-запада Америки. Да. Мы создадим предпосылки для последующей защиты интересов своих подданных за проливом путем дипломатического вмешательства. Мы сумеем повлиять на правительство… Как идет вербовка людей?

Главный директор доложил.

– Не скупитесь на обещания, Вербуйте русских, Слишком уж много их тут осело да так и осталось после приобретения нами Аляски. Они пригодятся вам в Азии. А с этим шталмейстером… – на лице старого американца появилась брезгливая мина. – Он еще нужен нам и нужен будет долго, его жалует русский царь. А придет время… – он сделал достаточно выразительный жест кистью руки.

Возбужденный, сияющий Роузен теперь уже не мог усидеть на месте. Юркий, маленький, он суетился перед креслом своего нового босса, наливал вино, предупредительно зажигал спички, когда у хозяина гасла сигара.

– Ну, – потирая руки, гость кашлянул, – обращению с туземцами учить вас, кажется, не надо?

– Я все понял, мистер… – Роузен снова осекся. – Имея в своих руках страну, богатую

золотом, мы должны владеть и соседним с ней берегом.

– Но оружие наше – доллар! – Конгрессмен засмеялся, и, хотя его кустистые седые брови сдвинулись к переносью, морщинистое лицо продолжало некоторое время сохранять выражение добродушия.

Через полчаса, уже выходя из бара, гость Роузена столкнулся в дверях с каким-то развязным молодым человеком, оравшим с порога через весь зал:

– Хэлло, Ройс! Что нос повесил? Эскимоска под одеяло не пустила, что ли?

Сенатор ниже надвинул шляпу и вышел на улицу.

Вяло пережевывая жесткую солонину, Ройс поднял голову. Тяжелая челюсть отвисла, светлые брови нахмурились.

– Искать золото в постелях – специальность твоя.

За соседними столиками засмеялись.

– Ты нездоров, Бент?

– Как жить дальше, Мартин? Что делать?

– Делать что? – бойко переспросил маленький швед с зелеными глазами, настолько похожий на мистера Роузена, что надень на него фрак и парик с лысиной и не различишь, где новоиспеченный директор компании, а где его двойник. – Эй, старина, виски! – крикнул никогда не унывающий Мартин хозяину бара и лукаво подмигнул Ройсу. – Дело всегда найдется, Бент, – Он взял со стойки граненую бутылку с невысоким горлышком и наполнил стопки. – Я пришел к выводу, дружище, что на Аляске уже не пообедаешь. Опоздали. Все золотоносные участки давно расхватаны. Пей!

Уставившись на стопку, Ройс с совершенным безразличием поднял ее и вылил содержимое в рот.

– Умные люди, – еще более оживился Мартин Джонсон, – тянутся сейчас не на восток, а на запад. – Он в упор посмотрел на Ройса, вновь проворно наполнил стопки, огляделся по сторонам. – Говорят, Америка и Азия были когда-то единым материком. За проливом должен быть второй Клондайк. И там, Бент, на Чукотке, уже найдено золото…

Слово «золото», как током, ударило Бента. Вилка со звоном упала на тарелку. Золото – это Марэн, это оправдание десятилетнего бродяжничества, это будущее. Золото – это…

– Золото? – тихо переспросил он и воровато осмотрелся по сторонам.

Мартин утвердительно кивнул головой, наблюдая, как между столиками пробирался к ним рослый, плечистый Олаф Эриксон, третий искатель счастья и удачи из группы Ройса – Джонсона.

– Олафу ни слова, – успел шепнуть Мартин.

– Я так и знал, что эти бездельники здесь! – громко приветствовал их Эриксон.

– Хэлло, бродяга, – Джонсон поднялся ему навстречу. – Хозяин, виски!

Олаф сел на табурет, положил на стол локти, вгляделся в лица подозрительно смолкших приятелей, сам помолчал, глядя, как Мартин наполняет стопки, выпил, затем полез в карман и небрежно бросил на стол золотоискательский контракт, только что заключенный им с представителем «Северо-Восточной сибирской компании».

Зеленоглазый швед стал разглядывать бумагу, над его плечом склонился Ройс.

– Что за компания? – пробормотал Мартин. – Первый раз слышу.

Олаф пояснил:

– Говорят, какой-то русский получил у своего правительства концессию на Чукотский полуостров, Выпустил акции. Их сумел прибрать к рукам мистер Роузен. Вот и весь секрет.

– Роузен? Китобой? – Джонсон пожал плечами.

В этот день друзья не только пили, но и занимались делом.

Утро Ройс встретил в самом бодром настроении. Накануне, вслед за Олафом и Мартином, он тоже подписал контракт. По этому контракту он получит треть добытого им золота натурой и шестьсот долларов годовых. Кроме того, их берут бесплатно на полное обеспечение и довольствие.

После четырех долларов в неделю на железной дороге получать двенадцать с

половиной на всем готовом – это совсем неплохо! Если он даже не найдет золота, то и в этом случае через год сможет вернуться домой.

Бент Ройс написал пространные письма в Норвегию.

Глава 2
ЗА ПРОЛИВОМ

Не успел закат погаснуть, как небо вновь воспламенилось. Легкий ветерок подернул рябью перламутровую поверхность едва задремавшего пролива, всколыхнул дрейфующие льдины, разбудил уток и топорков.

Из Чукотского моря всплыло яркое полярное солнце. И хотя часы показывали полночь, на окраинах двух великих материков началось утро.

Лавируя между льдинами, «Морской волк» пересекал Берингов пролив. Вулканообразный мыс принца Уэльского на фоне слаборазличимых очертаний Аляски и два острова в середине пролива остались далеко позади. Азиатский материк приближался. Уже отчетливо стали видны скалистые берега мыса Дежнева. Зубчатыми уступами они почти отвесно спадают к морю, На пологом предгорье, как копны сена, в беспорядке были разбросаны куполообразные жилища туземцев. Ближе, ближе земля. Вот смолкает двигатель, гремит якорная цепь, на воду спускаются шлюпки.

Вооруженные винчестерами, человек сорок золотоискателей в брезентовых костюмах сходят на берег.

Чукчи сторонятся пришельцев. Стоят поодаль в потертых одеждах из шкур; лишь на нескольких женщинах пестреют затасканные халаты из ситца. Дети жмутся к матерям. Взгляды мужчин настороженны.

Молодые туземки смотрят на людей в брезентовых костюмах из-под пугливо опущенных ресниц. Старики хмуры. «Зачем пришли эти люди? Что им нужно здесь?» Только в глазах матерей затаенная радость. Шхуна? Значит, можно кое-что выменять для детей!

Почти одинаковые по численности, две группы людей невесело разглядывают друг друга. Чукчи стараются выйти из подветренной стороны, чтобы на них не несло чужого, неприятного им запаха дегтя от сапог белых людей. Те и другие молчат. У них нет общего языка, Все равно им не понять друг друга.

Народам крайнего северо-востока Азии и северо-запада Америки европейцы были известны давно. Еще в допетровскую эпоху сюда начали проникать русские мореходы и землеоткрыватели. Они создавали поселения и зимовки, строили крепости и редуты, склады и дома – не только на азиатском побережье, но и далеко за проливом, от реки Юкон до Калифорнии. Они научили чукчей пользоваться огнестрельным оружием, принесли с собой много полезного для них.

От парусных кочей Семена Дежнева до иноземных торговых и китобойных шхун и фрегатов под русским флагом – все уже повидали чукчи и эскимосы. Вначале, еще в семнадцатом веке, они познакомились с казаками, посланными «для прииску новых земель» или по своей инициативе отправлявшимися в неизведанные края.

Позднее, когда вслед за «золотой лихорадкой» в Калифорнии началась здесь «китовая горячка», появились англичане, французы, американцы, испанцы. Обилие незванных гостей в северо-восточных водах заставило тогда русских нести крейсерскую службу для охраны, своих владений и безопасности границ: китобои бесчинствовали, выжигали леса на берегах Аляски, разоряли жилища туземцев и постройки «Российско-Американской компании», истребляли и распугивали морских зверей; на обоих берегах Берингова пролива шла тайная торговля виски и оружием.

Земли по обе стороны пролива принадлежали России – и по праву открытия и по праву освоения и заселения: к моменту прихода туда русских там не было никаких государственных образований, а немногочисленное местное население жило разрозненно.

За два с половиной века чукчи привыкли к русским. Но теперь высадились чужие люди. За свою долгую жизнь старики не встречали еще людей с того берега, которые пришли бы к ним с добрыми побуждениями.

Однако, убедившись во взаимном миролюбии, и чукчи и золотоискатели стали подходить друг к другу, смешались. Начались попытки объясниться.

Огромный длиннорукий Ройс протиснулся в толпу, достал из-за пазухи кисет с щепотью золотого песку: жестами пробовал выведать у одного из туземцев, есть ли у того золото. Чукча, ничего не понимая, поднял брови, слегка приоткрыл рот, недоуменно глядел на пришельца. К ним подходили другие, и Ройс спрятал кисет.

Двадцатилетнего Мартина Джонсона интересовало другое. Высмотрев своими зелеными глазами миловидную чукчанку, он протянул ей нитку цветных бус. Та не брала их.

Василий Устюгов оказался в этой первой партии единственным русским. Он стоял в стороне, зажав бороду в кулак, и о чем-то думал. На него никто не обращал внимания.

Как коршун, нацеливающийся на добычу, Олаф Эриксон – сухощавый, рослый, нос с горбинкой – вглядывался в туземцев. Все они черноволосы, с непокрытыми головами; смуглые лица, немного выдающиеся скулы, у некоторых – низкие переносья. Одежда молодежи нарядна: со вкусом подобраны цвета мехов, видны орнаменты, вышивки. Голенища замшевых сапожек у девушек, полы кухлянок, рукава расшиты выкрашенными в яркие цвета сухожилиями животных или составлены из кусочков пестрых шкур. Эриксон обратил внимание, что вся чукотская одежда сделана из сырья, добытого охотой или оленеводством. Было похоже, что среди льдов и тундры люди здесь жили независимо от других стран и народов. Он знал, что питались они мясом тюленей, моржей, китов, дичью, кореньями; что одежды шили из шкур, а при постройке жилищ использовали опять же шкуры и китовые ребра для каркаса.

Олаф Эриксон осмысливал новую для себя обстановку. Он относился к тем людям, которым необходимо вначале осмотреться, все продумать, а уж потом действовать по точно рассчитанному плану. Так он прожил свои двадцать пять лет.

Капитан «Морского волка», наоборот, всегда действовал быстро. Высадив золотоискателей, он сразу же приступил к торговле. В этом году он первым приплыл в Уэном и спешил воспользоваться своим преимуществом.

Как обычно, в больших и малых кожаных байдарах чукчи направились к борту шхуны. Они везли с собой шкурки песцов, лисиц и росомах, китовый ус, моржовые клыки, отличные модели парусников, изготовленные из кости, такие же ножи, брошки, мундштуки, шкуры белых медведей, нерпичью и оленью замшу – все добытое и изготовленное ими за целый год.

Прежде всего каждому хочется получить чай и табак, Трубка табаку и чашка крепкого чая кажутся здесь самым дорогим, о чем мечтает давно все поселение.

Торг в разгаре. Вот молодой чукча по имени Тымкар пытается приобрести ружье. Глаза его горят. Из кожаного мешка он торопливо достает пушистые шкурки песцов и укладывает стопой на палубу. Хозяин «Морского волка» – большой чернобородый янки – держит за ствол винчестер. Стопа должна быть равна высоте ружья. Но шкурок у юноши не хватает…

Он не просит их у односельчан. Не просит не потому, что ему могут отказать, нет! Просто он знает, что это невозможно: ведь тогда у других не будет ни чая, ни табака.

Покупка не состоялась. Песцы Тымкара пошли за котел, нож, бутылку виски, чай и табак.

А на берегу суетились проспекторы[1]. Но не успели еще они разбить палатки, как день стал быстро меркнуть: с севера надвинулись низкие тучи, заслонили солнце, окутали вершины прибрежных скал. Море тревожно зашумело, подул ветер. Мелкий июльский дождь заслонил очертания окрестностей.

Золотоискатели наскоро прикрыли брезентами свое имущество, оставили сторожа и разбрелись по ярангам туземцев.

Ройс дождался, когда ушли с берега Мартин и Олаф, и направился в дальний конец

1 Золотоискатели (англ.)

поселения, к одному из куполообразных шатров, обтянутых сверху шкурами. Тяжелые камни, привязанные к шкурам, свисали вокруг, почти касаясь земли: они натягивали кровлю на каркас из китовых ребер и плавника, обложенный снизу дерном.

Найдя отверстие, норвежец согнулся и перешагнул высокий порог. В полумраке безоконного свода блеснули чьи-то глаза и тут же исчезли в меховой палатке, установленной внутри шатра.

Ройс не мог различить окружающие предметы, но сырой запах ворвани, гниющих шкур и тухлого мяса сразу ударил ему в нос.

– Этти![1] – раздался где-то у самой земли, чуть ли не под его ногами, приветливый голос.

Ройс всмотрелся. Из-под шкуры меховой палатки выглядывала плешивая голова. И не успел еще незваный гость сообразить, что может означать это слово, как плешивый человек неожиданно громко закричал:

– Га! Га! Га! – и около головы появились руки; они тянулись за оленьим ребром, отчетливо выделявшимся на темной земле.

Норвежец отшатнулся, задел головой о свод шатра. От него шарахнулась собака, еще сильнее перепугав его.

Чукча сморщился в улыбке, неуклюже выполз из спального помещения, взял вещевой мешок пришельца, в который пыталась залезть собака, и втолкнул в полог.

Разутый, в одних Штанах из тюленьих шкур, перед Бентом Ройсом стоял костлявый старик с несколькими седыми волосками вместо бороды.

Рассмотрев гостя и послушав, как шумит по кровле порывистый дождь, хозяин произнес:

– Тагам! – опустившись на четвереньки, он подсунул голову под меховой занавес спального помещения и скрылся внутри.

Ройс последовал за ним. По шее, спине, ногам неприятно протащилась отсыревшая оленья шкура.

– Этти, – теперь произнесла это непонятное слово туземка. Спустив с одного плеча меховой комбинезон, она сидя кормила младенца и одновременно оленьим ребром поправляла фитиль из черного моха в каменной плошке, наполненной жиром. Над очагом висел чайник, покрытый толстым слоем копоти.

Стоя на коленях и едва не касаясь головой закопченного потолка, Ройс молча разглядывал кожаное жилище. Ему казалось, что он попал внутрь большого ящика, выложенного черной бумагой. Несколько оленьих шкур лежало в углу; неподалеку – котел, чашки; на перекладине под потолком сушилась одежда; там же лежала еще какая-то рухлядь; больше в пологе ничего не было.

Костлявый полуголый старик и молодая женщина тоже молча разглядывали длиннорукого человека с тяжелой челюстью и заросшим рыжей щетиной лицом.

Вскоре Ройс достал из-за пазухи кисет и протянул его старику. Чукча заерзал на месте, вытащил из кармана трубку, закашлялся, белки потухших глаз налились кровью. Но как его, так и пришельца постигло разочарование: понюхав щепоть золотого песку, Эттой нахмурил седые брови, еще сильнее забился в кашле и, обессилев, повалился на шкуру вниз лицом.

Ройс – уже второй раз за этот день – досадливо спрятал кисет обратно.

Семья Эттоя состояла из шести человек: старик со старухой, два сына, невестка да внук. Тымкар еще не вернулся с торга на шхуне, старший сын Унпенер на охоте.

Тауруквуна, жена Унпенера, укачала ребенка, взяла медный тазик, обтерла с него пальцами жир, облизывая их, положила туда из котла кусок моржового мяса и пододвинула гостю.

Норвежец сказал, что у него есть свои продукты.

Старик оживился вновь.

В это время в шатре взвизгнула собака, послышались легкие и быстрые шаги, шкура

1 Здравствуй

полога приподнялась и младший сын Эттоя Тымкар ловко вполз внутрь. Он был совсем еще молод: на юном загорелом лице никаких признаков зрелости.

– Вот! – радостно сказал он по-чукотски и протянул отцу новый котел. В котле были табак, чай, водка и нож.

И только передав старику все свои приобретения, юноша заметил, что в жилище находится чужой человек.

– Этти! – приветствовал он Ройса.

Норвежец догадался, что незнакомое ему слово, вероятно, означает приветствие, повторил его и кивнул головой.

Старик, юноша и молодая женщина добродушно засмеялись.

…Всю эту немеркнущую полярную ночь не стихали голоса в яранге Эттоя: старик почти без умолку болтал, потягивая виски, курил, смеялся, пил крепкий чай.

Утомившийся Ройс спал.

Дождь не перестал и к утру. Однако все, кроме Тауруквуны, куда-то ушли. Бент и жена старшего сына Эттоя оказались в пологе только вдвоем. Ребенок спал.

Тауруквуна – не дурнушка; наоборот, чукчи-мужчины находили ее «стоящей». Правда, на вид ей можно было дать лет тридцать, хотя она прожила всего двадцать четыре, но Ройс думал сейчас не о ее возрасте. Его волновало само присутствие молодой женщины, с которой они – только вдвоем…

Конечно, она грязновата, ее не сравнить с танцовщицами Нома и Сан-Франциско, и все же Ройс чувствовал, как она волновала его. Марэн – далекая, туманная – вспомнилась лишь на мгновение. «Как же подойти к этой туземке?» – думал он, в то время как она, небольшая, ладная, заправляла жирник, мела пол. Там, в Штатах, он знал язык. Что мог он сказать этой женщине? Но вот Ройс вспомнил, что ему уже известно одно чукотское слово.

– Этти! – неестественным, дрогнувшим голосом поздоровался он и приподнялся.

– И-и[1] – добродушно протянула она в ответ, подвешивая над жирником новый котел.

Ничего не прочел Ройс в этой улыбке. Мысли ее, очевидно, были далеки от его тайных желаний. Кареглазая, плотная, она вылезла из меховой палатки и забросила наверх нижний край входной шкуры.

В пологе стало светло и прохладно.

* * *

Дождь не прекращался неделю.

По-разному провели это время золотоискатели. Одни успели проиграться в карты, другие – перессориться. У Мартина Джонсона оказалось поцарапанным лицо. Впрочем, повеса Мартин был не одинок среди своих коллег, которые, опоив мужчин, настойчиво пытались изучать чукотский язык с их дочерьми и женами.

Наконец дождь перестал.

Вместе с чукчами из яранг высыпали американцы, норвежцы, шведы, англичане, испанцы – все те сорок пять человек, включая Василия Устюгова, которых доставила сюда первым рейсом «Северо-Восточная сибирская компания».

Щурясь от яркого солнца, разноплеменные чужеземцы разбрелись по поселку и берегу. Послышались замечания протрезвившихся пришельцев:

– Голая тундра.

– Ни одного европейского строения.

– Да, Азия.

– Вот тебе и Уэном!

Действительно, чукотское селение выглядело жалким не только по сравнению с Номом на Аляске. Среди десятка разбросанных в беспорядке шатров, на вкопанных в землю китовых ребрах устроены лабазы, на них лежат нарты и кожаные байдары, убранные туда,

1 Да

чтобы не достали собаки. Повсюду обложенные и прикрытые камнями ямы-хранилища, из которых несет запахом киснущего мяса. Вокруг бродят собаки, гложут кости, грызутся между собой. Вот и весь Уэном.

Судно, появившееся из-за мыса, привлекло всеобщее внимание. Вскоре была замечена еще шхуна. К полудню целая флотилия «купцов» стояла на рейде. Тут были и «Северная звезда», и маленькая «Луиза», и матерый «Бобер», и потрепанная штормами «Китти». Но все они опоздали. Пушнина из Уанома уже уплыла в трюме «Морского волка».

Проспекторы готовились на берегу к предстоящему перемещению на опорные базы. Осматривали лодки, чистили оружие, делали динамит, лопаты, кайла, промывочные «люльки», помпы, бадьи, продовольствие, Василий Устюгов обратил внимание, что одна группа оснащалась совсем не золотоискательским оборудованием. Он не знал названий инструментов, но ему приходилось видеть, что ими измеряют глубины бухт и заливов, делают съемку берегов, определяют по светилам широту и долготу местности.

В отличие от других проспекторских партий, которые направлялись на юг (в одной из них был Олаф Эриксон), Ройсу, Устюгову и Джонсону предстояло пробираться на северо-запад. Но там, по сведениям чукчей, пока еще непроходимые льды. Учитывая это, Ройс решил не терять времени и завтра же приступить к поискам золота в окрестностях.

Спустя несколько дней, кроме Василия, Мартина и Бента, никого из «Северо-Восточной компании» в Уэноме не осталось. Вслед за недоброй молвой о себе – в тундре новости расходятся быстро – золотоискатели разбрелись по чукотской земле.

Глава 3
ТЫМКАР

В год вторжения на Чукотку чужеземцев из «Северо-Восточной компании» у младшего сына Эттоя было две мечты: ружье и девушка. Это и понятно: только семнадцать лет Тымкару.

Ружье… Кайпэ… Легко сказать, а как возьмешь? Много песцов хочет купец за винчестер. Не отдаст старик отец Кайпэ бедняку.

Тыкмар строен, у него прямой нос, длинные ресницы. Многие девушки улыбаются ему. Но что они? Среди них нет такой, как Кайпэ! Ох, далеко Кайпэ, в тундре, там, где Вельма-река!.. Скоро опять, как каждую осень, поплывут уэномцы к кочующим оленеводам на ярмарку. Жир морских животных, ремни, лахтачьи шкуры станут менять на оленьи постели, камусы для зимней обуви, телячьи шкурки для одежды. Там, в стойбище Омрыквута, – Кайпэ, Но жаден старик, не пустит дочь к безоленному. Вот если б ружье! Много тогда добыл бы зверя, много припас ремней, жира, всего припас бы много, Зимой песцов настрелял бы, множество товаров взял бы за них у купца. Все было бы: Кайпэ, яранга новая, разный товар на камлейки[1]. Водку, чай, табак, нож новый, чайник, котел отдал бы старику: «Вот, возьми, ней, кури – все тебе пусть будет!» Удивился бы старый Омрыквут. «Какой богатый! Откуда столько? Что хочешь взамен? Говори, называй!» – «Кайпэ дай! Пусть станет моей женой. Потом еще тебе всего принесу: водки принесу, табаку, чаю, другое, что нужно, принесу…» Не устоял бы старик: больно жаден. Отдал бы дочь, Тымкар глядит на пролив. Вместе с дрейфующими льдинами течение сносит его байдару на север. Он не ощущает движения, не замечает, что солнце клонится к закату и стаи уток возвращаются с кормежки.

Но вот ресницы его дрогнули, рука взметнулась, и что-то черное, внезапно появившееся на воде, плеснулось, окрасилось кровью. Костяной наконечник копья-гарпуна насквозь пронзил шею тюленя и остался в ней. Тымкар потянул конец ремня, вытащил лоснящегося зверя – морда усатая, оловянные глаза выпучены – и привычным движением рук переломил, ему шейный позвонок. Конвульсии прекратились.

Заслышав возню, показался невдалеке любопытный морской заяц. Тымкар схватился за

1 Халаты

весло. Зверь юркнул под льдину. Через минуту его голова всплыла вновь, но уже в другом разводье. Байдаре туда не попасть. Юноша вылез на лед. Лахтак – дальше…

Прыгая со льдины на льдину, Тымкар начал преследовать зверя. Охотник крался, ложился на лед, выжидал, полз, менял позиции. Лахтак не подплывал, Наконец нетерпеливому охотнику надоело лежать за торосом, он быстро вскочил и наудачу метнул копье. Ледяной плот под ним колыхнулся, зачерпнул воду. Тымкар прыгнул на другую льдину, но нога не попала на ее середину, глыба едва не стала на ребро, охотник скользнул вниз… Раня руки, он хватался за острые грани, оставляя кровавые следы. Когда вылез, с кожаной одежды струйками стекала вода. Ничего, бывает. Снял с пояса закидушку, раскрутил ее над головой, бросил, не отпуская ременного конца. Деревянная болванка с острыми шипами зацепилась за соседний торос. Охотник подтянул к нему ледяной плот, на котором стоял, и перебрался на торос. Затем этой же закидушкой подтащил морского зайца вместе с копьем и, не без усилия, вытащил добычу на лед. Жирный усатый зверь лежал у его ног ластами вверх.

Тымкар осмотрелся. Байдара едва виднелась позади. Очертания разводий успели измениться, льдины переместились, перемычки исчезли… Еще беглый взгляд вокруг – и охотник начал вбивать копье в лед.

Багряный закат пламенел. В лиловых, перламутровых, зеленых разводьях, как в зеркале, отражались причудливые льдины. Пролив заполняли миражи, Берега были далеко. Надеясь в стороне найти перемычки и по ним выйти к байдарке, юноша уходил все дальше и дальше. Уже не стало видно лахтака, только копье с шапкой наверху слегка различалось вдали.

Все охотники из Уэнома давно возвратились.

Эттой и больная мать Тымкара, обеспокоенные, стояли на берегу, всматривались в пролив. К ним подходили другие чукчи и молча глядели туда же. Тымкара не было.

Вот-вот багряный закат пронзят сильные и яркие лучи и снова появится солнце.

В такую пору года подолгу не спит молодежь. Девушки и юноши надевают самые пестрые камлейки и на фоне зеленеющей тундры издали кажутся большими цветами… Тымкара среди них не было.

– Придет, – уверенно произнес Эттой, – сын молод, силен! – И он вместе со старухой поплелся в ярангу. Пора ко сну.

…Вот и солнце нового дня! По-иному заискрились льды, заалели разводья. Далеко-далеко в проливе темным косяком показался парус. Но слаб полуночный ветерок, медленно движется груженая байдара. Ровными движениями весла Тымкар ведет ее в замысловатом лабиринте «озер» и ледяных перемычек.

«Что лахтак? Что нерпы? – думает он про добычу. – Мясо съедим, шкуры износим… А ружье? Как возьмешь? Скоро на ярмарку – и опять с пустыми руками…»

Солнце начинает припекать. Клонит ко сну. Тымкар сильнее сжимает весло. Непослушные ресницы прикрывают глаза. Байдара ударяется о льдину. Юноша вздрагивает. И снова – ровные движения сильных рук, снова – разводья, перемычки…

«Кайпэ… Что скажу ей? Ох, отдаст старик дочь многооленному!»

Тауруквуна? Конечно, Тауруквуна – «стоящая». Тымкар знает это. По долгу и праву младшего брата Тымкар в течение полугода жил с ней, когда Унпенера унесло на льдине на остров святого Лаврентия и он считался погибшим. Но этой весной брат неожиданно вернулся. Тауруквуна… Брат не напрасно отрабатывал за нее два года в Энурмино. Но что она теперь? Чужая жена, брата жена, Унпенера. Плохо жить так в одной яранге…

Опять смыкаются веки, закрывают глаза.

«Отдельную ярангу для Кайпэ построю. Ох, хорошо, что я самый младший брат!»

Тымкар сидит на корме. Он то управляет веслом, то безвольно склоняет голову. Уже сутки, как он в море. Но мозг не спит. Беспорядочные мысли будоражат его.

Пойти к Омрыквуту помогающим? Отработать за Кайпэ? А мать, отец? Трудно Унпенеру одному прокормить семью…

Неестественно широко открыв глаза, юноша смотрит вперед. «Оленей пасти? Мне, морскому охотнику, стать пастухом? Нет! Я не только «тело имеющий»! Байдара есть, снасть, копье, гарпун – все есть. Будет Кайпэ моей!»

Не спуская почти обвисшего паруса, через узкие каналы сильными и резкими движениями весла ведет байдару Тымкар. Перед его мысленным взором – Кайпэ. «Возьму, – думает он о ней, взмахивая веслом, – отниму. – Отталкивается от ледяного берега. – Нет, добуду». – Байдара снова дергается вперед.

* * *

Да, всем людям свойственно мечтать. Без мечты какая же жизнь! Но далеко не каждый знает, как осуществить ее, как найти свое счастье. Не знал этого и Тымкар. К тому же он был нетерпелив. Даже короткое полярное лето показалось ему долгим. В ожидании поездки на ярмарку непромысловые дни он проводил с проспекторами, наблюдал непонятную жизнь этих людей.

– Зачем землю копаешь? – спросил он как-то Василия Устюгова.

Ройс и Джонсон посмотрели на него. Обычно Тымкар стоял около них молча.

– Ищем золото, – ответил Василий.

– О чем вы говорите? – вмешались Бент и Мартин, не знавшие русского языка.

– Спрашивает, зачем землю копаем.

Приятели переглянулись. Они не поняли и того, что ответил Василий.

– Вы, может быть, забыли, мистер Устьюгофф, что мы не понимаем этого азиатского языка? – Джонсон говорил по-английски.

Василий вогнал лопату в землю. Взгляд холодных серо-голубых глаз заставил Мартина неприятно поежиться.

– Азиатский, говоришь? А ты в Америке, что ли? Тут Россия, и язык тут российский. Буду я еще здесь лаять по-собачьи! Хватит. Налаялся досыта там, – он поглядел за пролив.

– Вы, я вижу, нездоровы сегодня.

– Не ссорьтесь, – примирительно бросил Бент Ройс. Теперь ничего не понимал Тымкар.

– Зо-ло-то – что такое?

– Бент, покажи ему. – Василий знал о содержимом кисета.

Юноша посмотрел, пощупал золотые песчинки.

– Однако, это вроде песок. Что станете делать?

«Как объяснить ему?» – па секунду задумался Устюгов.

– Зубы можно делать, браслеты, серьги.

– Зубы? – Тымкару стало смешно. – Ты, однако, болтаешь пустое…

– Может быть, вы, мистер Устьюгофф, полагаете, что я один должен за всех работать? – негодовал маленький Джонсон. Он широко расставил ноги, руки сложил на груди, не вытирая потного лица, измазанного грязью.

– Не понимаю, говори по-русски, – не без злорадства ответил Василий.

Он хорошо помнил, как в Номе с ним самим поступали так же, требуя, чтобы он говорил только по-английски.

Мартин выругался.

В этот день – накануне отплытия уэномцев к оленеводам (уже стали темными ночи, свежел воздух, серой пеленой начали обволакивать тундру туманы, потянулись на юго-восток гуси и журавли. – настало время осеннего забоя оленей) – чукчи понесли подарки шаману, Он вызовет духов, заручится их поддержкой для удачи в пути и на ярмарке.

Связки ремней, нарезанных из целых тюленьих шкур, бурдюки с жиром, свежее мясо приносили в его ярангу; делились своими запасами чая и табака. Шаман молча все примечал. Он – в меховой кухлянке, сшитой из пестрых шкур, на голове волчья шапка.

Вечерело. Уже из каждой яранги были доставлены жертвы духам, а Тымкар все тянул, Только он и задерживал шамана.

«Хитрый, – думал про одноглазого Кочака Тымкар, нарочно подольше задержавшийся в этот день у проспекторов. – Не начинает. Ждет… – Он вспомнил, что прошлый год при поездке на ярмарку все равно штормом разбило одну байдару, – Слабый шаман. Напрасно даем ему все. Напрасно кормим… Но другого шамана нет. А без него нельзя, все может случиться, Что скажут тогда старики?»

Но вот в яранге Кочака угрожающе зарычал бубен, Тымкар улыбнулся. Однако звуки становились все реже, реже и вдруг смолкли.

Старики озабоченно выглянули из шатров. Бубен молчал. Тогда они направились к яранге Кочака. Остановились у входа.

– Духи гневаются, – не поднимая головы, произнес шаман, обвешанный связками моржовых и волчьих зубов, бусин, кусочками звериных шкур, деревянными «охранителями», почерневшими от времени и копоти. – Гневаются, – печально повторил он.

Чукчи стояли встревоженные.

– Трава увядает, мор близится, оживает нечестивый иноземец. Дух безумия набирает силу… Ох! – шаман застонал, схватил бубен, ударил в него, захрипел, но вдруг отбросил бубен в сторону, вскочил, кинулся к выходу.

Старики испуганно расступились.

– Дайте ему жиру! Почему стоите? Где прячется Тымкар?

– Тымкар, Тымкар! – закричали старики.

Испуганный, едва не бежал к шатру Кочака Тымкар.

В руках у него – бурдюк жиру, связка ремней, шкура морского зайца.

Кочак подобрал бубен, забил в него, запрыгал. Кисти из собачьей шерсти, моржовые зубы, бусины, амулеты, подвешенные к одежде, затряслись вместе с ним.

– О-о-о! О-о-о! Вот твоя пища, вот она! Имирит, имирит гыр! У тебя власть, у тебя! Будь по-твоему, будь!

С моря потянул ветерок. Зашумела прибрежная волна, зашуршала галька.

– Не гневайся, не гневайся! Если только ты хочешь, как тебе надо, возьми…

Молча, боязливо чукчи разбрелись по шатрам.

– О-о-о! О-о-о!.. – все глуше и глуше слышались заклинания шамана, сопровождаемые тревожными звуками бубна.

Сумраком окутывало Уэном.

…Утром на берегу царило редкое оживление. На плаву загружались три большие байдары из моржовых шкур. Яранги опустели. Почти все вышли провожать отплывающих к оленеводам на обменную ярмарку. Только Кочак оставался в своем шатре.

Среди отплывающих был и Тымкар. Он стоял в байдаре подтянутый, еще более стройный, на лице играла улыбка. Глядя на него, девушки переговаривались. Они стайкой переходили от байдары к байдаре, нарядные, веселые. Некоторые из них тоже отправлялись в стойбище Омрыквута: одним из них приглянулись там парни, другие еще с рождения были просватаны родителями.

В своем поселении вся жизнь на виду, все примелькались друг другу. Молодой оленевод с гордостью говорит, что жена у него дежневская или акканийская, нунямская или уэлленская. Это значит, что ему повезло, что там, на берегу, у него есть родственники, есть возможность получать продукты морского промысла, так необходимые в тундре. Береговые же, напротив, гордятся тем, что у отца его жены есть олени.

Тымкар ни с кем помолвлен не был. Кто же будет спешить пристроить дочь в ярангу бедняка!

…Байдары отчалили. Свежий ветерок дул с берега, хорошо наполнял кожаные паруса.

Провожающие, прикрыв ладонями глаза от солнца, выкрикивали напутствия. Среди стоящих на берегу были костлявый, но еще бодрый Эттой со своей старухой, Унпенер, Тауруквуна с ребенком за спиной.

Поездка к оленеводам – большой праздник. Это и отдых, и сытая жизнь у кочевников, встречи, оленьи шкуры для зимней одежды и обуви, жилы для шитья и вышивания… Для

Тымкара это еще и встреча с Кайпэ.

Прелестная Кайпэ – дочь богатого оленевода. Но не поэтому приглянулась она Тымкару, нет! Когда он увидел ее, он еще не знал, чья она дочь. Это случилось прошлой осенью. Юноша вспоминает: моховая пятнистая тундра, кочкарник, вдали – озеро. На южном склоне долины – кустарник. Там, на берегу Вельмы, в редких и низких порослях ерника и ивняка, Кайпэ собирала ягоды. В ее кожаном ведерке среди шикши и голубики алела брусника. Было утро. Лакомясь ягодами, Тымкар случайно встретился с ней. Поздоровался, она ответила и, не разгибаясь, прошла мимо. Он остановился. Она оглянулась… Легкий румянец цвета недозрелой брусники лег на смуглые щеки. Как Тымкар помнит этот румянец! Тогда он сам, кажется, слегка покраснел, – он, юноша, покраснел, как девушка!.. Она удалялась, а он не смел заговорить с ней, следовать за ней… «Кто она? – думал тогда он. – Быть может, младшая жена хозяина стойбища?» А она уходила все дальше и дальше.

В этот же день уэномцы отплывали домой. В числе провожающих была и она. Тымкар сразу узнал ее. Девушка потупила взор, но не ушла, как утром. В суматохе проводов никто не наблюдал за ними, и они исподтишка разглядывали друг друга. «Как звать его? – думала она. – Женат наверное. Такой не будет без девушки!» Почти то же самое думал о ней Тымкар. Впрочем, имя девушки и чья она дочь, он уже успел разузнать…

Так и расстались они, не сказав друг другу больше ни слова. Но Тымкар почему-то верил, что Кайпэ думает о нем, ждет его. И он не ошибся: весь этот год девушка мечтала о том, что молодой чукча вернется.

Никто не знал об их встретившихся взглядах. И даже каждый из них не был достаточно уверен, что они поняли друг друга.

Так прошел год. И вот уже завтра они увидятся вновь!

До горла Ванкаремской лагуны оставалось совсем немного. В лагуну впадает Бельма. Там, на ее берегах, пасутся стада Омрыквута. Там – Кайпэ!

На третий день пути ветер изменил направление, теперь он дул с севера, почти навстречу мореходам, Шли на веслах. Тымкар греб, не жалея сил. Все чаще и чаще стали встречаться льды.

Вот, наконец, и последний мыс! За ним будет видно горло лагуны.

Преодолевая ветер, байдары вышли к повороту, и глазам открылось сплошное море льдов… Однако льды здесь обычны, Тымкар даже не подумал, что они могут помешать ему встретиться с Кайпэ. Но случилось именно так.

Подступы к лагуне оказались забитыми льдами. Многолетние, тяжелые, они сплошной массой надвигались с севера, ветер яростно гнал их к проливу. Льды шумно лезли друг на друга, закрывая собою море. Впереди все бело. Только слева желтела тундра.

Льды надвигались вплотную.

Байдары сблизились. Как и все молодые, Тымкар сейчас молчал. Всматриваясь туда, где должны были находиться истоки Вельмы, он почти ничего не видел и не слышал вокруг. Его еще не оставляла надежда добраться до тундры. Но какая же тундра, когда льды уже подступали к байдарам!

Суетливые движения гребцов, громкие окрики людей, поднимавших паруса, возвратили Тымкара к действительности. Плыли… обратно. А позади, далеко во льдах, виднелась шхуна. Она попала, как видно, в ледовый плен. Но ни о ней, ни о команде, быть может терпевшей бедствие, не думал молодой охотник из Уэнома, Мысли его путались. То он не понимал: как же так, ничего не обменяв для зимней одежды, он вернется домой? То перед ним вновь возникало лицо Кайпэ, покрытое румянцем, То видел он перед собою Кочака… «Слабый шаман, – Тымкар покачал головой. – Напрасно даем ему все, напрасно кормим его».

Измученные погоней льдов, мрачные, злые, на пятые сутки после отплытия на ярмарку уэномцы вернулись домой.

Глава 4
ЧЕРНОБОРОДЫЙ ЯНКИ

«Морской волк» терпел бедствие. Ледяные поля окружили его и под напором северного ветра вместе с собой увлекали к проливу, где берега Азии и Америки сжимали их все больше и больше. «Волк» попал в ледовый плен. Ребра его трещали. И хотя впереди виднелась чистая вода, пробиться туда ему не удавалось.

Чернобородый капитан шхуны согнал команду на лед. Ломами и взрывчатой пытались предотвратить катастрофу.

Послышались взрывы.

В эту навигацию лишь он один рискнул проникнуть так далеко за Берингов пролив. Другие шхуны побоялись льдов и давно ушли к Анадырю и Камчатскому побережью. Была уже поздняя осень.

Льды сжимало. Все чаще трещали шпангоуты «Морского волка». Подгоняемые капитаном, торопливо работали матросы. Бегом подносили взрывчатку, закладывали ее, поджигали шнуры, прятались и, переждав за торосами взрыв, повторяли все вновь.

Эта торопливость и послужила причиной несчастья. Оно пришло не оттуда, откуда ждал его капитан. Во время спуска взрывчатого вещества с палубы ящик соскользнул с петли и грохнулся об лед. Взрыв разнес на части троих матросов, лед окрасился кровью, вода хлынула в трюм.

Услыхав небывалый грохот, уэномцы высунулись из яранг.

Почти у самой кромки льдов виднелась шхуна. Ее мачта слегка накренилась.

Чукчи посовещались и пошли к байдарам, чтобы оказать помощь людям со шхуны. Но в это время надвигающийся ледяной фронт начал разворачиваться внутрь пролива. Появились разводья, и «Морской волк», пользуясь этим, устремился в бухту, к Уэному.

Ветер заметно стихал.

…Трое суток ушло на откачку воды и заделку пробоины. Все мужчины помогали купцу в его несчастье. Пушнина не пострадала: она была в другом трюме. Подмокли лишь железные товары – котлы, ножи, ружья – и полсотни сорокафунтовых мешков с мукой, которую как плату за помощь капитан отдал уэномцам. Чукчи остались довольны. Ножами они отскребали от мешков толстый слой теста, пекли из него горько-соленые лепешки, а сухую муку из середины бережно ссыпали в тюленьи шкуры.

Минуло уже два дня, как «Морской волк» мог бы опять выйти в море. Но на шхуне не было команды.

– Вы пользуетесь моим затруднением, мистер Ройс. Это нехорошо, – уговаривал чернобородый янки проспектора помочь довести шхуну хотя бы до Нома, так как после катастрофы у него остался в живых один лишь моторист. – Что ж, если для вас деньги дороже моей дружбы, я прибавлю пятьдесят долларов, и это мое последнее слово!

– Вы забываете, что я связан контрактом.

– Ерунда! Мы поладим с мистером Роузеном.

– Мне предъявят неустойку, и ваши двести долларов не спасут меня. К тому же…

– К тому же, – перебил его владелец шхуны, – вы великолепно перезимуете в Номе, вместо того чтобы прозябать здесь.

Василий Устюгов и Мартин Джонсон сидели тут же, в капитанской каюте.

Бент Ройс решительно поднялся.

– Благодарю вас за любезный прием, но я категорически отказываюсь. Нарушить контракт, потерять верных шестьсот и платить неустойку – нет, это совершенно невозможно! К тому же…

– Гуд бай, мистер Ройс!

Хлопнула дверь. Тяжелые шаги затихли.

Хозяин снова наполнил стопки.

– А как смотрите на мое предложение вы, мистер Устьюгофф? У вас и семья, кажется, в

Номе?

Василий провел рукой по своей широкой русой бороде, не знавшей бритвы.

– Жена, сын – все там, – вздохнул он.

– Тем лучше! Вы увидите их через пару суток. Это будет, я думаю, для них большая радость, не так ли, мистер Устьюгофф? Я бы сказал – неожиданная радость! Правда?

Василий задумчиво покачал головой. Конечно, не будь у него в кармане контракта, Устюгов бы не задумался. Но он знал, что нарушение принятых на себя обязательств повлечет за собой иск, а то, чего доброго, и суд.

– Представляете себе, мистер Джонсон, как обрадуется его жена, когда он вручит ей сразу такую огромную сумму? – с этими словами капитан полез в бумажник и вынул две новенькие хрустящие ассигнации.

– Двести? – вдруг заговорил Василий. Глаза его забегали при виде денег. – Двести мало! Считайте, – он протянул руку к счетам, лежавшим на сейфе. – Пятьдесят в месяц – это годовых шестьсот. – На счетах щелкнули косточки. – Доставка сюда… Сколько вы взяли с компании?

– О, это совсем пустяки, совсем мелочь!

Чернобородый, разумеется, умолчал, что «Морской волк» принадлежит самому мистеру Роузену.

– Скажем, пятьдесят. Теперь – продуктов изведено долларов на двести. Неустойка. – Счеты все щелкали. – В общем, – округлил Василий, – тысяча – и я готов!

– Вы шутник, мистер Устьюгофф! – искренне рассмеялся капитан. Его черная борода вздрагивала. – Вы же не год здесь пробыли, а всего несколько месяцев, и вы получите за них положенное. Кроме этого, двести плачу вам я! А что касается компании – поручите уладить все мне. Вам не предъявят никаких претензий, это говорю вам я!

Торг шел долго и кончился тем, что и на следующее утро «Морской волк» продолжал оставаться без матросов.

Тогда капитан попытался нанять чукчей, обещая в следующую навигацию доставить их обратно и щедро заплатить.

Желающих не оказалось. Уэномцы говорили, что, оставшись без охотников, их семьи умрут с голоду. А когда купец предложил им муку, чай, сахар, табак, то чукчи, уже не выдвигая никаких доводов, просто покачивали отрицательно головами. Что мука? Жир нужен! Мясо нужно! На шхуне этого нет. А ведь без жира – без топлива – не проживешь.

Чернобородый не унимался. Чукчи упорствовали. А время торопило. Каждую минуту мог снова подуть северный ветер, нагнать льдов, закупорить бухту и обречь шхуну на гибель или, в лучшем случае, на зимовку в этой «ужасной стране», как называл ее капитан.

Несмотря на возражения Ройса – «Мы проспекторы, а не купцы», – Джонсон согласился торговать в Уэноме предстоящую зиму товарами владельца шхуны. «Все равно, – рассуждал он, – до лета нам не продвинуться на север, а торговля – дело прибыльное». Ройс пригрозил, что они с Устюговым двинутся в путь сразу же, как только позволят льды, но и это не поколебало Мартина.

Все нераспроданные товары перенесли со шхуны к их палатке, оформили документы. Таким образом, торговые дела оказались улаженными.

Близился вечер. Чернобородый снова собрал уэномцев. Он решил во что бы то ни стало отплыть на заре.

– Утром я выбираю якорь, – сказал он. – Я решил отблагодарить вас за помощь.

Второй раз приглашать не пришлось. От мала до велика все собрались к палатке проспекторов. Запахло спиртом. Захрустели на зубах сухари.

Хмелея, чукчи много говорили, смеялись, курили. Они сидели кружком в три-четыре ряда. Посередине – спирт, сухари, табак. С каждой минутой шум усиливался. Стойбище пьянело.

Джонсон вынес из палатки мешок муки, банку спирта, кусок яркого ситца, несколько плиток чаю, три папуши табаку, нож, котел, бусы.

Чукчи столпились вокруг. «Кому это? Зачем? Почему?»– взглядами спрашивали они друг друга.

Купец разъяснил:

– Каждый, кто поплывет со мной, получит столько!

Люди зашевелились. Наиболее охмелевшие подошли ближе, пощупали товары. Все настоящее! При обмене за это нужно отдать много песцов и лисиц. Однако согласия никто не давал.

Чернобородый янки ждал.

Тымкара подмывало ввязаться в торг. Глаза его горели, он косился то на товар, то на мать, отца, брата, Тауруквуну. «Пусть бы винчестер лучше дал». Тымкар был взволнован, слегка кружилась голова. «Мне можно: в яранге есть еще охотник – брат Унпенер».

– Ну, что же вы молчите? – спросил купец. – Мало, что ли? – Впрочем, он уже не сомневался в успехе, так как с Джонсоном они договорились, что если не сумеют никого нанять, то ночью переволокут на борт шхуны одного-двух пьяных чукчей, и сразу же «Морской волк» отойдет от берегов. А в море он сумеет договориться с ними…

Уэномцы молчали. Все это настолько необычно для них! И товар получить хочется, очень хочется: ведь у многих уже кончался и чай, и табак. Но и бросить семью, ярангу – страшно. Не за пролив плыть страшно, нет! Кое-кому из них доводилось бывать там. Однако тогда они плавали на своих байдарах и вскоре возвращались. А теперь… теперь почти зима!

Пьяненький Эттой выступил вперед, пощупал товары, оглянулся на Кочака, потоптался, покачал зачем-то головой и вдруг ко всеобщему удивлению заявил, что он согласен.

Чукчи не сразу осознали потешность этого заявления. Но когда купец, Кочак, Ройс и Джонсон громко засмеялись, а янки вдобавок спросил, нет ли в Уэноме еще кого подряхлее, они захохотали тоже. Не сдержал улыбки и Василий Устюгов.

Эттой помрачнел, отошел в сторону. Горько стало ему, что над ним смеются. Видно, и в самом деле уже никуда не годный он старик…

От обиды за отца у Тымкара пересохло в горле, вспыхнули щеки. Не отдавая себе отчета, он выкрикнул с места:

– Вы! Почему смеетесь вы над стариком?

Все головы повернулись к нему. Кочак нахмурился.

– Что он сказал? – спросил у Джонсона купец, как будто тот лучше его знал чукотский язык.

Глядя на Тымкара, Мартин вспомнил, что этому юнцу очень хочется иметь оружие. «С ружьем он был бы страшен в эту минуту!» – подумал Джонсон, но все же сказал своему новому хозяину:

– Предложите ему винчестер, и он избавит нас от необходимости осуществлять наш ночной план.

Дав согласие на помощь, Джонсон все же побаивался впутываться в это дело.

Не раздумывая долго, чернобородый положил на ворох товаров винчестер и две пачки патронов.

– Ну? – крикнул он и уставился на Тымкара. Он тоже вспомнил, что в начале лета тот упорно выторговывал у него на шхуне оружие.

Лишь на мгновение взгляд Тымкара скользнул по лицам отца и матери. В следующую секунду юноша уже стоял около ружья.

Чукчи притихли.

Эттой подошел к сыну и одобрительно похлопал его по спине. Влажными глазами глядела на них старуха.

– Кто еще? – надрываясь, кричал купец.

Но его не слушали: ведь товары забраны Тымкаром, а выложить еще столько отдельных кучек, сколько ему нужно матросов, янки не догадался.

– Кто еще? – не унимался он, размахивая пустыми руками. – В Номе я дам каждому по

второму винчестеру!

На пролив и тундру опускалась холодная ночь.

Опьяневшие чукчи шумно брели к яранге Эттоя пить полученный Тымкаром спирт. У палатки проспекторов стало тихо.

Ночью Уэном был необычайно шумен. А на заре, когда все заснули, Тымкар выбрал якорь, и «Морской волк», разрезая тонкую пленку молодого льда, покинул чукотские берега.

* * *

Еще на борту «Морского волка» настроение Тымкара начало падать. Возможно, была тому причиной головная боль от выпитого спирта, но во всяком случае мысли об оставленных стариках, о Кайпэ делали его грустным. Даже сознание, что он приобрел винчестер, не могло приободрить его, хотя ружье, по расчетам Тымкара, открывало ему путь к Кайпэ.

Угрюмый, с воспаленными глазами, уже вторые сутки стоял он у штурвала.

Хозяин лишь изредка показывался из каюты. Проходил по палубе и скрывался вновь.

Тымкар крепился. Впереди уже видно это огромное стойбище американцев – город Ном, родившийся за последние два-три года на месте дикой и безмолвной тундры.

К полудню, на подходе к рейду, капитан, наконец, сам стал за руль.

Рейд открытый. Но для разгрузки кораблей в непогоду опущен в море длинный бетонный вал с железной башней посередине. К ней по подвесной канатной дороге сейчас ползла одинокая платформа от такой же башни на берегу.

Огражденный лесом мачт, берег выглядел беспорядочной ярмаркой, где наспех разбиты бесчисленные палатки, украшенные разноцветными флагами наций. А среди них в два ряда вытянулись вперемешку домишки-курятники, сараи, склады из оцинкованного железа, неуклюжие дома с мансардами, фанерные убежища от непогоды.

Казалось, что берег шевелился: так много там копошилось людей. Однако, видно, никто из них, думал Тымкар, не может выбраться из этого непонятного стойбища. Но вот он заметил, что какое-то черное чудовище, изрыгая искры и дым, с ревом и грохотом бросилось назад по своему старому следу из этого скопища палаток, складов, перевернутых лодок, флагов, инструментов, грузов, брезентовых шлангов, золотопромывочных люлек, разбросанных на изрытой, изувеченной земле. Тымкар приметил дорогу, по которой вырвалось к морю непонятное и страшное чудовище.

Резкие свистки паровозов – черных чудовищ, передвигающихся без помощи собак, тяжелые вздохи подъемных кранов, экскаваторов и драг, скрежет и лязганье металла, толкотня, шум и гул людских голосов, волны доносящейся из салунов музыки – все это пугало Тымкара, как наваждение, но и влекло к себе, как все неизвестное. И достаточно было «Морскому волку» ошвартоваться, как вслед за хозяином юноша сошел на берег и, всех сторонясь, озираясь, направился в непонятное стойбище.

Шапка его свалилась за спину, повисла на ремешке, завязанном вокруг шеи. Тымкар рассматривал все: невиданные строения и наряды женщин, лошадей, которых принимал за уродливых – без рогов – оленей, дощатые мостовые и нарты на колесах… Как все это страшно и смешно!

У причала и на единственной улице – Фронт-стрит – бурлила пестрая толпа. Американцы и шведы, норвежцы и англичане, японцы, эскимосы, алеуты, индейцы наполняли галдящий город.

Игорные палатки и аптеки, конторы и гостиницы, похожие на сараи, шантаны и бары, телеграф и масонский клуб, больницы и молельни, лавки и магазины с обеих сторон обступили Фронт-стрит, непрерывно поглощая и выплевывая из-под вывесок разноязычную толпу.

Город? Скорее всего это напоминало бестолковую ярмарку – грязную, захламленную, задавленную пестрыми вывесками, которые кричали, смеялись, уговаривали, соблазняли…

Люди ходили сосредоточенные, подслушивали, что говорят другие, без конца бегали на телеграф, без конца заключали сделки. Казалось, достаточно какого-то сигнала, и вся эта масса свернет палатки, разберет склады и, обгоняя друг друга, бросится на новое место…

Вначале робко, а потом все смелее и смелее входил Тымкар в этот новый для него мир. Без стука, не спрашивая разрешения, как будто приходя к своим односельчанам-чукчам, он открывал двери несуразных яранг и так же удивленно и молча глядел на людей, как и они на него. В лоснящихся штанах и торбасах из тюленьих шкур, в коричневой кухлянке из шкур молодого оленя, черноволосый, черноглазый – таким он появлялся на порогах жилищ, салунов, почты, золотоскупок. Кое-где с ним заговаривали, предполагая в нем удачливого золотоискателя, в других домах указывали на дверь, в третьих, не стесняясь, смеялись над его первобытной одеждой и растерянностью в черных глазах. Пестро одетая блондинка заметила на улице своему спутнику:

– Смотрите, Роузен, какой чудесный индеец. Ресницы, нос, фигура… А как он гордо несет голову! Только почему в его шапке нет перьев?

Начинало смеркаться, когда усталый, пресыщенный впечатлениями юноша возвращался к морю. Вдруг на улице снова стало светло, как днем: зажгли газовые фонари. Тымкар вздрогнул, поднял голову, его отшатнуло в сторону, на лице отразился испуг.

Но тут кто-то бесцеремонно толкнул его, он ткнулся спиной в дверь, едва не свалился, когда она открылась, и оказался внутри большого сарая, где бесновалась толпа раскрасневшихся мужчин и женщин. Схватив друг друга за руки, в табачном дыму, они топтались парами почти на месте под грохот огромного бубна и рычащих, как звери, труб.

Не успел Тымкар осмотреться, как две девицы бросились к нему. Одна из них – красногубая, в коротком платье цвета пламени и в таких же чулках – отшвырнула другую, схватила его за руки и потащила к столу. В следующую минуту она уже протягивала ему кружку спирта, сидя у него на коленях. Однако через четверть часа, когда выяснилось, что золоту у него нет, двое солдат под свист и смех веселящихся вытолкнули его на улицу.

Ничего не понимая, оглушенный спиртом, мрачный, Тымкар заспешил к шхунам, быть может, ему удастся сейчас же вернуться домой, в Уэном.

На шхунах с трудом понимали его жесты и слова, смеялись, кричали:

– Ноу!

– Сан-Франциско.

– Шанхай.

– Мексико.

Так дошел Тымкар до места стоянки «Морского волка».

– Где шлялся? – с руганью набросился на него чернобородый. – Кто разрешил сходить на землю? – он кричал на него так, будто был богатым оленеводом, а Тымкар – его пастухом… Капитан-купец назвал его по-чукотски бродягой, грязным и вонючим чертом и еще хуже.

Ошарашенный юноша молчал. Он не понимал, почему в этом стойбище такие странные люди: то зовут, то выгоняют, то ругают неизвестно за что. Что плохого сделал он капитану? Ведь он довел его шхуну, более суток не отходил от штурвала. Он ничего плохого не делал.

– Что таращишь глаза? Пошел на борт! – орал хозяин уже по-английски, и Тымкар, конечно, не мог его понять.

Янки схватил его за плечо и начал подталкивать к трапу.

Резким движением всего корпуса Тымкар высвободился, но тут же ощутил удар по голове. Сжав кулаки, он начал подступать к обидчику – огромному, чернобородому, в высоких болотных сапогах.

– Винчестер! – прохрипел хозяин и отступил к трапу.

Все больше краснея, слегка приподняв сильные руки, Тымкар в нерешительности остановился. На мгновение ему показалось, что купец звал его на шхуну, чтобы отдать ему обещанный второй винчестер, и теперь велел принести ружье, но яростный вид янки говорил совсем о другом. Злобная усмешка змеилась на плотно стиснутых губах.

– Я вымуштрую тебя, дикий щенок! – отступая все дальше, пробормотал капитан.

Еще днем он продал Тымкара своему приятелю Биллу Бизнеру, шхуна которого стояла вдали от берега. В ее трюмах уже томилось около двадцати закованных в кандалы мужчин и женщин: всех их ожидало вечное рабство в южных штатах.

Каждый год после торгового рейса к берегам Азии капитан «Китти» наполнял трюмы живым товаром и продавал его там, где знали ему цену. Пленниками мистера Бизнера неизменно оказывались и возвращающиеся домой золотоискатели, и нанявшиеся в его команду матросы, и люди, купленные, как Тымкар, и гуляки, которых удавалось заманить на борт, и пьяные, подобранные у шантанов.

Моторист бежал с винчестером.

– На борт! – скомандовал чернобородый и двинулся на Тымкара.

Еще никогда за свои семнадцать лет юноша не видел такого. Ни с ним, ни с другими никто прежде так не обращался. Но винчестер был направлен на него, как на белого медведя, и он пошел.

На трапе, видно, предвкушая расправу, хозяин ткнул его стволом в спину.

Едва ли Тымкар успел принять какое-либо решение, но в тот же миг он резко повернулся, рука сама взметнулась вверх, и они оба рухнули в воду.

На соседнем корабле гулко раскатился смех.

Первым, ухватившись за конец, брошенный с трапа мотористом, испуганный, вымокший Тымкар вылез и что есть силы, бросился от шхуны вдоль берега. Спустя минуту сумерки поглотили его.

На следующий день – с синяком под глазом – янки набрал новую команду до Сан-Франциско и по распоряжению мистера Роузена ушел туда зимовать.

Покидали рейд и другие шхуны.

К Ному подступала зима.

Глава 5
ЗИМА

Отцу Амвросию везло в жизни. Всего два года тому назад он удачно женился на купеческой дочери, а теперь, совсем еще молодой, возглавил православную миссию в Нижнеколымске.

Жизнь текла бессуетно, как тихая река. Амвросий регулярно отсылал отчеты о числе туземцев, обращенных в христианство, крестил детей, разводил ездовых породистых собак, посещал ярмарку на реке Анюе, проповедовал слово божие.

Дородная, уже второй раз забеременевшая матушка голубила близнецов, молилась, бранила служанку и собачника, коротала досуг с исправничихой. Но вот стала она примечать, что Амвросий спит неспокойно, днями бродит задумчивый, нелюдимый.

– Что с тобой, батюшка? – спросила она его.

Батюшка поднял глаза и молвил:

– Часто спится мне, матушка, что спим мы с тобой, а вокруг постели нашей в превеликом числе снуют песцы голубые, лисицы черно-бурые, огневки, горностаи… Беспокойные сны.

Батюшка смолк, погрузившись в думы, а матушка заспешила к исправничихе – толковать смысл пророческого сна.

Прошла неделя. Амвросий вдруг просветлел и решительно объявил, чтобы матушка готовила его в путь-дорогу. Поедет он выполнять давнее предписание епископа – обращать в веру праведную дикоплеменных чукчей, что живут по берегам Северного океана и Берингова пролива.

1901 года, января 3 дня под плач матушки и вой возбужденных ожиданием собак, впряженных в шесть нарт, отец Амвросий тронулся в нелегкий путь.

Медленно, от кочевья к кочевью, продвигалось на восток слово божие; местами

подолгу задерживала непогода.

У каждого оленевода Амвросий брал проводника до следующего стойбища, ибо в тундре, как в море, где всюду дороги и нет дорог, бывает страшно. Полярный ветер здесь обрушивается внезапно, срывает затвердевший на земле снег, поднимает его в воздух, повергая величавую до этого в своем покое тундру в состояние буйства. Шквальные порывы валят с ног, ледяной ветер проникает во все швы одежды, швыряет в лицо колючие крупинки и комья смерзшегося на земле снега. Вьюга закрывает горизонт и небо, оставляя видимость на шаг в окружности. Последняя пара собак, впряженных в нарту, едва заметна впереди; упряжка воротит от ветра морды и невольно сбивается с пути. Собаки облизывают покрывающиеся льдинками лапы, скулят и, наконец, ложатся. Все попытки сдвинуть их с места бесполезны. Чувство безысходности наполняет душу. Одежда давит плечи, прижимает к земле. Все угнетает. Псы изредка поднимаются, жалко поджав хвосты, топчутся на месте и ложатся вновь. Ночь усиливает тревогу. В усталой голове бродят беспокойные мысли, мерещатся огни волчьих глаз, уши наполнены ревом ветра. И так сутки, трое, неделя… Страшно!

В одном из кочевий миссию задержала пурга. В шатре у хозяина стойбища отец Амвросий вкратце излагал учение христово. Два его переводчика, обливаясь потом от жары и натуги, переводили: один с русского на якутский, а другой, который не знал русского, – с якутского на чукотский.

Полураздетые слушатели вертели головами, почесывались, курили. Иногда раздавались возгласы удивления.

Запах жира и шкур неприятно раздражал ноздри миссионера.

Когда речь зашла о непротивлении злу, какая-то старуха отползла в сторону и пополнила ачульхин – общее мочехранилище. Амвросий поморщился. Теперь он говорил о молитвах, постах. «Однако, – подумал он, – старая ведьма подала дурной пример». Ибо вслед за ней к ачульхину потянулся хозяин стойбища, а потом и остальные миряне без различия пола и возраста.

Поспешно окончив проповедь, миссионер попятился к выходу. Но тут старуха засуетилась, схватила ачульхин и, что-то говоря, пододвинула его отцу Амвросию. Тот отшатнулся, сказал, что ему не нужно, и в подтверждение остался в пологе.

Вскоре прихожане начали расходиться по своим шатрам а хозяева – кушать оленину, ничуть не смущаясь, что нарушают великий пост. Амвросий отправился в другие яранги и увидел то же: всюду ели мясо… Он попытался вмешаться в это нарушение закона божьего, но чукчи ответили через переводчиков, что законов таньгов – белых людей – они не знают, но разве может быть такой закон, по которому человек должен голодать? Отец Амвросий сообразил, что чукчи правы, так как мясо – основная пища оленеводов, такая же, как хлеб у европейцев. И он тут же решил: для чукчей пункт о посте из православия исключить.

Ночью в одной из яранг шаман гремел бубном, а утром к миссионеру начали приходить чукчи со шкурками лисиц и песцов, требуя за них разные товары. Амвросий увлекся обменом даров, и дни непогоды прошли незаметно.

Когда же хозяин одного из стойбищ потребовал у миссионера платы за прокорм собак, а в другом кочевье вообще отказались от проповеди, спеша на новые пастбища, Амвросий пришел к выводу, что еще некоторые пункты из указаний епископа «О задачах, обязанностях и средствах миссий» следует исключить. Таким образом, его деятельность упрощалась: беседы о христианстве стали лишь вводной частью к обмену дарами.

Отец Амвросий был человеком неглупым, понимал, что насколько благотворна его миссионерская деятельность была в Нижнеколымске, настолько бесперспективна она здесь. Он отлично видел, что обратить в христианство кочевников Севера – дело не только непосильное для него, но и вообще нереальное. Он знал, что никогда больше не встретится с теми, кому ныне проповедует слово божие. Теперь он возлагал надежды лишь на оседлых, береговых жителей. И, чтобы не терять понапрасну времени, он совсем перестал руководствоваться указаниями епископа, а прямо приступал к обмену дарами, как называл

торговлю. Время шло, а до вскрытия рек он должен объехать побережье от Колючинской губы до Мичигменской и вернуться в Нижнеколымск.

Еще в тундре один из переводчиков отказался ехать дальше и вернулся домой. Его не стали задерживать, так как операции с дарами мог вполне обеспечить второй, да и многие чукчи знали русский язык.

Лишь в начале марта миссия въехала в поселок береговых чукчей близ Ванкаремской лагуны. В первой же яранге, куда заполз отец Амвросий, он увидел картину, которая заставила его ужаснуться. В полумраке квадратного помещения, обнаженные, покрытые струпьями чесотки, лежали чукчи. Опершись на локоть, держа у груди ребенка, безучастно смотрела на Амвросия молодая чукчанка. Черный от копоти потолок усиливал впечатление страшной тесноты. По одну сторону у горящего жирника сидела раздетая девочка, по другую – пожилая женщина с татуировкой на носу, на щеках, на лбу. Она обмакивала кусок кожи в ачульхин и натирала им выделываемую шкуру. Амвросий молча оглянулся. Переводчика не было. Неуклюже пятясь, Амвросий поспешно выбрался наружу. Чукчанка оставила ребенка и поправила меховой полог.

Пока Амвросий устраивался на ночлег, выбирая ярангу почище, проводник маялся в поисках корма для собак. В селении – голод. Охоты нет, на много миль – торосистые льды. Люди бродят мрачные, худые.

В поселке, как показалось миссионеру, не было разделения на богатых и бедных; все, думал он, здесь равны и в дни редкой радости, когда бывает удачная охота, и в дни, недели, месяцы, когда одного тюленя, добытого кем-либо, делят между всеми ярангами. Кто хороший охотник, того старики чтут, девушки любят: кто убил зверя, тот и знатен. Но нет охоты – и тускло теплится жизнь поселка.

Обмена дарами здесь не состоялось: пушнину уже выкачали поворотчики – скупщики-одиночки из местного населения и торговые агенты русских купцов. Поворотчики, кочуя по тундре, вели меновой торг, вывозя затем пушнину на Анюйскую ярмарку или к берегам Берингова пролива, куда летом приплывали «бородатые люди» – американские китоловы и купцы. А минувшим летом здесь вдобавок побывал еще и «Морской волк».

На следующее утро Амвросий заторопился дальше на восток, в другое селение, чтобы спасти от голодной смерти собак, часть которых, изнуренная столь длительной дорогой, уже не была способна тянуть груженые нарты.

В этот день с полдороги незаметно отстал второй переводчик, опасаясь за жизнь своих личных собак. В поселке у Колючинской губы Амвросий оказался один с тремя упряжками истощенных ездовиков.

Здесь свирепствовала эпидемия какой-то болезни. Из-за тяжелых льдов охота и летом и сейчас была плохая. Ослабленные недоеданием, чукчи едва держались на ногах.

Ценой больших даров и усилий приезжий достал собакам по куску гнилого мяса. Выступить с проповедью он не решился. Разве могла она помочь больным, голодным людям?

Ночью долго не спалось. По телу ползали насекомые, расчесы болели. Бесплодность миссии становилась очевидной. Воспоминание об указаниях епископа вызвало в душе у проповедника веры христовой еще большее раздражение. Но, прикинув в уме количество полученных в пути даров, Амвросий прочел молитву и уснул.

Еще до света явились чукчи. Им нужны были чай и табак.

Амвросий начинал кое-что понимать по-чукотски. Ему удалось выяснить, что неподалеку кочует оленевод. Выход был найден. Быстро закончив торговлю, он нанял проводника, собрал оставшихся собак – часть их разбрелась в поисках пищи – и на двух нартах уехал с побережья к сытно живущим оленеводам.

Теперь его путь лежал уже не на восток, а на запад.

Нарты были перегружены. Собаки ослабели. Целый день пришлось идти пешком рядом с упряжками. Ночь застигла в тундре. Разыгрывалась пурга.

Амвросий трясся от холода и страха: «А вдруг проводник не найдет кочевника? А если пурга захватит на неделю? Придется есть собак…» В душе он уже проклинал свою поездку. Все его стремления были теперь направлены к тому, чтобы живым добраться к матушке, к чадам своим. За все время он первый раз попал в пургу ночью, без корма и опытного проводника. Изредка он поглядывал на большие тюки из оленьей кожи: в них хранились драгоценные дары – почти полтораста песцовых и лисьих шкур. Пурга все усиливалась. Чтобы не замерзнуть, Амвросий бегал вокруг полузасыпанных снегом собак. Проводник, прислонясь к нарте, дремал. Амвросию хотелось есть, но кроме чая, табака, женских украшений да сотни железных крестов, ничего не осталось.

Много пережил Амвросий до утра. Не один его волос навсегда побелел в эту ночь. Но и утро не принесло отрады: вьюга не унималась.

Амвросий читал молитвы, надоедал проводнику, каялся в грехах своих, согревался бегом на месте. Несколько собак уже околело. Они лежали калачиками, едва видные из-под снега. Их тушки успели замерзнуть и при ударе палкой издавали звенящий звук, заставляющий содрогаться.

Мужество покинуло главу православной миссии: он плакал.

* * *

Пятые сутки не утихает вьюга. Северный ветер лижет стылую землю, срывает ее зимний покров и шквалом несет над землей.

Уэном в сугробах. Среди них едва различимы яранги.

Ветер валит с ног, сбрасывает со снежных застругов, свистит, угрожая разрушить жилища.

Слабо теплятся жирники в пологах: жир на исходе. Спальные помещения изнутри покрылись изморозью. Она отсвечивает зеленым светом.

Тауруквуна дремлет. Годовалый сын ноготками скребет выступивший на шкуре полога снег. Мать открывает глаза, молча втаскивает сына к себе под оленью шкуру. Ребенок хнычет.

Под ворохом рухляди бьется в кашле Эттой. Старуха пьет горячую воду. Подперев подбородок руками, в меховой одежде сидит Унпенер. Рядом – ружье Тымкара.

Вчера под вечер в этой яранге съели последнее мясо, вынутое из ямы-хранилища. Оно было старое, успевшее загнить летом, но все же это было мясо. Сегодня нет ничего.

Только в двух ярангах тепло и сытно. В одной живет шаман Кочак, в другой – проспекторы. У Кочака есть жир, есть мясо. У Джонсона всего много: и мука есть, и вонючий жир для ламп, который называют керосином, и сухари, мясо в железных банках, спирт, табак, чай.

«Почему эти люди не делятся с нами? – думает Эттой. – Ну, американы – те чужие, у них свой закон. Но почему Кочак не зайдет к нам? Он шаман, он знает, что мы голодны. Почему он не камлает, чтобы кончился ветер, была охота? Или он сердит на нас?»

«Жив ли сынок?» – думает старушка-мать. Ее глаза опухли от многодневного сна, в них только усталость и безразличие.

Ройса и Устинова льды вынудили зазимовать в Уэноме.

Ройс совсем оброс рыжей щетиной. Сидит, протянув перед собой ноги. Он в меховой жилетке, в таких же унтах и штанах. «Опять проходит год… Ужасный край». Бент качает головой.

Зеленоглазый Джонсон – щуплый, проворный – что-то подсчитывает в записной книжке, Устюгов спит, задрав бороду вверх.

В пологе горят три большие лампы и жирник. Варится ужин.

В соседней яранге между двумя женами – ярангу первой жены он за плату сдал на зиму проспекторам – сидит коренастый чукча средних лет. У него всегда прищурен единственный глаз. Вот и сейчас, сквозь узкую щель между воспаленными веками он смотрит, как жены

шьют ему теплую обувь. Одна из них уже стареет, другая едва оформилась в женщину. Кочак курит, прислушивается к непогоде: не пора ли пошаманить? Сытые дети спят. Только дочь-подросток что-то мастерит из маленьких обрезков шкур.

Пурга неистовствует. В проливе уже не слышно скрежета льдов: видно закупорили его весь, остановились. А ветер все ревет и ревет. Март. Пятые сутки не утихает вьюга.

Закончив подсчеты, Джонсон оделся и вышел. Большая, просторная яранга Кочака рядом.

Шаман подобострастно приветствовал желанного гостя. Швед осмотрелся. Вся семья шамана дома. Жены, пятнадцатилетняя дочь, сын Ранаургин.

Мартин достал из кармана плоскую флягу, оглядел дочь шамана. Кочак перехватил его взгляд, в прищуренном глазу зажглись лукавые огоньки.

Начали пить. Джонсон болтлив, хотя и плохо еще знает чукотский язык. Он решил торговать, потом он купит шхуну, будет привозить много товаров. Согласен ли Кочак помогать ему? Они будут богаты…

Пьянея, он все упорнее смотрит на дочь Кочака. Зеленые глаза мутнеют.

Кочак уже давно догадывается о цели визита, однако вида не подает, думает, что попросить взамен. Хмель и ему начинает туманить голову.

Наконец Джонсон говорит:

– Отдай дочь мне.

Худенькая девочка с пугливыми глазами спрятала лицо за спину матери. Та безгласно ждет приказа мужа.

Для солидности Кочак молчит, задумчиво покачивает головой, но он уже прикинул, что взять за дочь.

– Ну? – нетерпеливо повторил швед.

– Хорошая жена тебе будет, – подзадоривал отец.

Обрадованный Мартин сходил к себе в ярангу, принес еще спирту, консервов, сахару, чаю, табаку. Теперь он угощал всю семью Кочака, его жен, детей, дочь.

Девочка прятала в ладонях лицо, тело ее дрожало, она отказывалась пить, по щекам катились слезы. Но отец велел, и она выпила.

Долго не ложились спать этой ночью. Кочак несколько раз повторял, что, как и когда он хочет получить от Джонсона. Потом они станут вместе торговать.

Швед соглашался на все. Ночевать он остался в яранге Кочака.

* * *

Лишь к полудню шестых суток ветер начал заметно стихать. А спустя час ощущалось только слабое движение воздуха.

Постаревший, худой Амвросий заторопил провод ника.

Собак хватило лишь на одну упряжку. Их впрягли в нарту с пушниной и, бросив другую нарту, двинулись в путь. Истощенные собаки с трудом тащили груз, часто приходилось помогать им.

Незадолго до сумерек проводник заметил на склоне холма оленей. Вскоре нашли и жилье: несколько темных куполов торчало из снега.

Без шапки, в кожаных дубленых штанах, в меховой рубашке, мужчина средних лет вышел из яранги.

– Откуда приехал? Заходи кушать, – приветливо сказал он и тут же острым взглядом ощупал груз на нарте Амвросия. Затем быстро подошел, помял рукой тюки с пушниной.

– Где же меновые товары? – возбужденно спросил оленевод. Его лицо посерело, глаза беспокойно забегали по фигурам пришельцев.

Усталые, они молчали. Он повторил вопрос. Проводник Амвросия сказал о брошенной нарте.

– Кейненеун! – крикнул хозяин стойбища.

На его зов вышла из яранги молодая чукчанка в красиво расшитых торбасах. Опустив голову, она выслушала приказание мужа и побежала к заднему шатру пастуха Кутыкая.

Амвросий сидел на снегу и утомленно, с полным безразличием смотрел ей вслед.

– Чаю нет, табаку нет, хорошая жизнь моя… – ни к кому не обращаясь, произнес хозяин.

Амвросий понял, что хозяин говорит о чае и табаке, и показал рукой на тундру в том направлении, где осталась нарта. Омрыквут улыбнулся.

– Ты, – оказал он, – причина моей боли. Ты почему меновые товары в тундре оставил?

Амвросий ничего не понял, но, видя улыбающееся лицо оленевода, тоже силился улыбнуться.

Омрыквут смотрел на небо. Оно так и не прояснилось, в долине мела поземка, наступили сумерки. Замерцало северное сияние.

– Большая пурга будет, – заметил он, глядя вдаль.

Из заднего шатра пробежал чукча, направляясь к стаду. Хозяин что-то крикнул ему вдогонку. И, лишь послав пастуха за оставленной нартой, Омрыквут подумал, что купец наверное голоден.

Миссионер вполз в спальное помещение, снял прелое от пота шкурье, принялся жадно есть.

Кейненеун, младшая жена хозяина стойбища, ухаживала за гостями. Для удобства ее меховой керкер был спущен до пояса. Сильные руки ловко резали оленье мясо. Грудь, отсвечивающая бронзой, при этом упруго вздрагивала. Гибкие движения Кейненеун, вся ее здоровая молодость обычно волновали мужчин. Но Амвросий не смотрел на женщину: он был поглощен трапезой.

Оленевод, выпив чашку горячей воды, все прислушивался, не возвращается ли пастух из тундры.

Омрыквут, отец Кайпэ, не был стариком, каким почему-то представлял его себе Тымкар. Это был такой же крепкий, коренастый мужчина средних лет, как и Кочак; на голове его еще не засеребрился ни один волос. Потомственный владелец большого стада, краснощекий, с черными усиками, он обычно был исполнен довольства человека, хорошо знающего себе цену.

Однако сейчас, томясь ожиданием, он выглядел несколько растерянным. Но вот крик радости вырвался из его груди. Омрыквут выскочил из полога.

Спустя минуту, он притащил в полог два тюка Амвросия с меновыми товарами.

– Едва не умер я! Чай давай, табак давай! Что попросишь – дам, – торопливо говорил он, вытаскивая из кожаного мешка, поданного ему Кейненеун, связку лисьих и песцовых шкур.

В тундре опять разыгрывалась вьюга. Но ее не слышали в этой яранге.

Наполнив чрево, отец Амвросий перекрестился, на четвереньках переполз к приготовленной ему шкуре, лег и захрапел.

Омрыквут и Кейненеун пили крепкий чай и курили.

Ночью счастливый владелец чая и табака вышел из полога. Сначала он зашел в ярангу первой жены – матери Кайпэ, потом в другие жилища: к родственникам, пастухам. Все радостно встречали хозяина.

Разморенные чаем, долго не спали в эту ночь в стойбище Омрыквута. Сизый табачный дым висел над головами, медленно тянулся к небольшим отдушинам. Стойбище пило чай и курило.

Амвросий проснулся далеко за полдень. Осмотрелся, помолился. Омрыквут курил трубку. Над жирником шумел большой медный чайник. В тундре бушевала пурга.

В пологе окон нет. Круглые сутки горят жирники, они дают и свет и тепло. Амвросий выполз из спального помещения и убедился, что уже наступил день. Вспомнились ночи, проведенные в тундре. «Как же пастухи?»– подумал он, начиная снова проявлять интерес к жизни. И тут же, сидя в холодной части яранги, он решил, что не выйдет из жилья, не

двинется в путь, пока не будет уверен в том, что пурга те сможет снова застигнуть его в дороге.

– Довольно! – вслух пробормотал он и полез обратно в полог.

Больше двух недель не утихал ветер. Пастухи сутками караулили стадо, оберегая его от волков.

Когда же, наконец, пурга утихла, Амвросий увидел солнце. Оно уже высоко поднималось над горизонтом. Зализанный ветром, ослепительно блестел снег, раздражая зрение. Было начало апреля.

За это время миссионер освоился в яранге оленевода, стал лучше понимать чукотский язык, свыкся с обстановкой.

Правда, его тянуло домой. Однако Омрыквут говорил, что Колыма далеко, а весна близко: скоро вскроются реки. Амвросий уговаривал, просил, обещал богатые дары, но оленевод оставался непреклонным.

– Карэм![1] – отрезал он в конце концов. И добавил в утешение: – Пусть ты будешь кочевать с нами. Придет время коротких дней, станут реки, тогда поедем.

Амвросий не унимался.

– Многословный ты! – раздраженно бросил хо зяин. – Думал я – ты умный человек, а между тем – ты глупый.

Миссионеру пришлось остаться в ожидании следующей зимы у кочевника: почти все собаки Амвросия разбежались или передохли.

* * *

Велика Чукотка! Много оленьих стад пасется на ней, немало разбросано стойбищ по тундре и поселений вдоль рек и морских берегов. И все же неделями можно бродить здесь, не встретив ни одного человека.

С незапамятных времен уэномцы не меняли места своего стойбища, хотя не раз они терпели здесь бедствия. Впрочем, это была участь всего побережья. Периодически, через каждые несколько лет, с севера пригоняло тяжелые льды, которые на всю зиму загромождали пролив, отнимая у людей море.

Эта зима оказалась именно такой. Льды припаялись к берегам, закупорили пролив, скрыли под собой чистую воду. За много миль приходилось охотникам пробираться по торосам до редких разводий.

Ослабевшие уэномцы почти не показывались из яранг.

Кочак не шаманил, хотя чукчи и просили его. «Духи гневаются», – неизменно отвечал он. Задабривать духов было нечем.

Джонсон отлеживался с дочерью Кочака в своей яранге. Ройс и Устюгов отгородились от них брезентом. Чукчи в ярангу к ним не приходили: торговать нечем, а без платы, в долг, купец ничего не давал. Просить чукчи не привыкли, им легче умереть, чем унизиться.

Голод прежде всего губил животных. Они дохли. Их тушками кормили оставшихся собак.

Во многих ярангах уже потеряли счет, какой день они вываривали ремни и шкуры, грызли, рвали их зубами.

Полуголодный – у матери не хватало молока – внук Эттоя хныкал. Молчала Тауруквуна. С влажными глазами сидела мать Тымкара, седая, высохшая. Унпенер крепился, он все прислушивался к непогоде, готовый в любую минуту идти на промысел. Только он мог спасти семью от голодной смерти.

Глубокое раздумье охватывало старого Эттоя. Какую пользу приносит он своей жизнью? Только съедает лишний кусок, так нужный внуку, Тауруквуне, Унпенеру. Еще осенью хотел он отправиться «помогающим» с чернобородым. Какая беда, если б даже он там умер! Видно, все равно пришло время кончать жизнь.

---

1 Категорическое «нет»

«Исполню закон предков. Так поступают все сильные духом старики», – думал он. Разве не умер его отец добровольной смертью? Разве не выполнил тогда Эттой волю отца?

Снаружи, у входа в полог, грызлись последние три собаки. Потревоженный ими, Эттой поднял голову.

– Эй, сын! Уйми собак! – неожиданно потребовал он.

Унпенер высунулся из полога и послушно выполнил приказание. Собаки смолкли.

– Пусть замолчат все! – Эттой покосился на внука и невестку, которая пыталась успокоить плачущего ребенка.

Яранга стихла. Как бы прислушиваясь к порывам ветра, старик повернул голову. Глаза его были неподвижны, хмуро сомкнулись клочки седых бровей. Перед ним, как в тумане, вставал образ сына Тымкара… Но нет Тымкара, далеко Тымкар. Здесь только Унпенер.

– Послушай, сынок, что хочет сказать тебе твой отец.

Насторожились женщины. Унпенер сел напротив отца.

Не спеша Эттой срезал ножом стружку от старой, пропитанной табаком трубки, размельчил ее, положил в другую трубку и закурил.

– Долго жил я, сынок. Долго жил на свете. Сколько зим миновало – не знаю.

Хоть и не полагалось, заплакала жена старика. Потупилась невестка.

– Гаснут глаза мои, сын. Перестала согревать тело кровь.

Уже в голос зарыдала старуха, увлажнились глаза Тауруквуны, и внук снова захныкал, утирая слезы грязными кулачками.

– Вы, слабые женщины! Смолкните! – резко бросил старик. Разжег потухшую было трубку, затянулся, закашлялся.

Опять стало тихо. За промерзшей шкурой полога зевнула собака.

– Гаснут глаза, сынок. Не видят родной тундры. Перестал слышать я шорохи моря. – Эттой помолчал, глубоко вздохнул. – Зачем буду жить? – он вопрошающе оглядел свою семью.

Никто не проронил ни слова.

– Зачем буду жить? – со вздохом повторил Эттой традиционный вопрос. – Тяжело вам со мной, стариком. С запавшими глазами, с приоткрывшимся беззубым ртом, сидел он на вытертой оленьей шкуре. В глубине морщин чернела копоть очага.

– Вставай, сын! Зови народ. Пусть придут к старому в гости…

Молча поднялся Унпенер и выполз из полога.

* * *

Стояла ночь. Пурга стихала, с неба глядели холодные звезды.

Уже давно в пологе Эттоя сидели старики. Вспоминали сильных людей, молодость, прожитую жизнь. Как она все же была хороша!

Во взоре Эттоя играли огоньки молодого задора. Подтянулся он, весь уйдя в прошлое, даже о голоде позабыл.

– Да, да, конечно! – восторженно соглашался он, когда другие заводили речь о былом. – Это верно, так было…

Вряд ли догадался бы посторонний, присутствуя здесь, о предстоящем.

Старики говорили возбужденно. Отрадно им, что не перевелись еще сильные люди: чтут и выполняют закон предков.

Тесно было этой ночью в пологе Эттоя. Поджав ноги, вплотную сидели гости. Старуха разливала чай. Кто-то принес жир, другой угощал табаком, третий положил кусочек мяса. У остальных не было ничего, кроме согревающих сердце слов.

Близилась развязка. Замирало тревожно сердце хозяйки. Тауруквуна, не слыша разговора, уставилась на спящего сына. Унпенер ожидал знака.

Все жители Уэнома знали о решении Эттоя. Никто не удивился. Беседа шла совсем о другом.

– А помнишь, как ты кита убил?

– Да, да. Я помню.

– Той осенью на Вельме мы были. Ты помнишь?

– Конечно. Так было.

Все, что ни вспоминали в эту ночь, казалось таким приятным. Как, однако, быстро промчалась жизнь!

– А как кололи моржей на лежбище, ты помнишь?

Наконец старики утомились. Да и сам Эттой ослабел от голода. Дремота одолевала его.

Почувствовав, что засыпает, он вздрогнул, очнулся, оглядел гостей. Лицо уже вновь выражало только усталость. Старик тяжело вздохнул.

– Что ж, пусть так будет, – казалось, грустно произнес он.

И, обернув шею мягкой шкуркой утробной нерпы, надел на нее приготовленную сыном петлю из ремня.

Старики смолкли, повернули головы к Унпенеру. В свою очередь, тот быстро оглядел их и, увидев во всех взорах ожидание, взял конец ремня и выполз с ним из полога: такова воля родителя.

– Пусть так будет! – решительно подтвердил Эттой и закрыл глаза.

* * *

Поздно ночью, перебираясь через сугробы, старики расходились в свои шатры. Каждый из них думал о достойной жизни и смерти Эттоя.

С неба на бесконечные снега глядели холодные звезды. А утром, освещенные багровым солнцем, засверкали в проливе льды, вдали заалели небольшие разводья.

Голод заставил Унпенера нарушить религиозный обычай, он свез отца на погост, не выждав времени, которое Эттой еще должен был оставаться в яранге. Не позвал он и шамана.

Рядом с покойником, прямо на снег, он положил его трубку, нож, наконечник стрелы, гарпун, ложку; изрезал на нем одежду, чтобы легче было песцам, лисицам и волкам скорее освободить душу Эттоя, которой предстоит далекий путь в долину предков… Затем вернулся в поселение и уже вскоре на этих же трех собаках, впряженных в легкие нарты, заспешил на промысел.

Изголодавшиеся собаки медленно обходили торосы, неохотно удалялись от поселения, от погоста: там они теперь часто утоляли голод…

Унпенер покрикивал на собак, взбегал на ледяные глыбы, высматривал чистую воду. День уже угасал, а разводий вблизи не было.

Напрасно матери, старики, дети, сестры выглядывали из яранг: этим вечером никто из охотников не вернулся.

Минули еще одни голодные сутки. Опустели некоторые яранги: их вовсе уже нечем было отапливать, хозяева перебрались к соседям.

Сынишка Тауруквуны метался в жару. Мать неотрывно была около него. Помутневшими от голода, горя и стужи глазами глядела на них опухшая старуха.

К полудню следующего дня в Уэном возвратился Пеляйме, сверстник Тымкара. Он приволок нерпу.

Все, кто мог двигаться, собрались у его яранги, и каждый получил по кусочку свежего мяса.

К вечеру пришел второй охотник. Он тоже поделился со всеми. Но разве накормишь двумя небольшими тюленями релое селение!

Остальные охотники, едва волоча ноги, вернулись пи с чем.

Ничего не добыл за два дня и Унпенер. Дотемна просидел у кромки припая, промерз. Живот туго перетянул ремнем, чтобы не так мучил голод. Прилег между собаками, охватив руками винчестер Тымкара. Веки смыкались. Уши переставали различать шум проходящего

рядом ледового дрейфа. Устал мозг. Слишком большая тяжесть навалилась в эти страшные дни. Голодная семья, отец…

С берега подул опасный ветер. Но Унпенер почти не сознавал этого: он засыпал, едва способный соображать, не имея силы пошевельнуться.

Не вернулся домой Унпенер и на следующий день, не возвратился и на пятые, шестые, десятые сутки. Собак его нашли на погосте. Они грызлись там из-за костей. Унпенер исчез.

В эти печальные дни голодной смертью умерла мать Тымкара, а Тауруквуна потеряла сына. Охватив руками голову, она сидела в опустевшей яранге.

Днем приходил Ройс. Оставил три лепешки, немного сахару, чаю. Но зачем все это ей, когда нет сына, ее первенца, нет Унпенера, никого, ничего уже нет?

Этой ночью, стиснув в руках ружье Тымкара, обмороженный, потеряв сознание, умирал унесенный дрейфом Унпенер. В его яранге около угасшего жирника, еще ничего не зная о муже, рвала на себе волосы Тауруквуна.

Под утро, опухшая от голода, стужи и слез, с заиндевевшими ресницами, так и не дотронувшись до лепешек Ройса, она выползла из яранги и, шатаясь, направилась вдоль берега на север: там она родилась, там жила ее мать.

Никто не видел ее ухода. Прижав к груди мертвого ребенка, она шла, выбирая дорогу при свете звезд, безучастно мигавших с промерзшего неба.

Глава 6
В СТОЙБИЩЕ ОМРЫКВУТА

Эту весну сын соседнего оленевода Гырголь проводил в стойбище Омрыквута. Минувшей зимой Омрыквут согласился взять его в помощники, что означало согласие через год отдать ему Кайпэ.

– В самом деле, – сказал тогда Омрыквут отцу Гырголя, – кого другого могу я взять? Твой сын для меня лучше всех. Я хочу его в помощники.

Гырголю шестнадцать лет. Он невысок, румян, одет в красиво расшитую оленью кухлянку, за поясом – ременный аркан. Как и его отец, он не прочь породниться с Омрыквутом. Это тем более заманчиво, что у Омрыквута нет сыновей и, быть может, не будет. Тогда, со временем, он может стать хозяином стада, которому нет числа.

Тайные замыслы молодого жениха не мешали Омрыквуту рассуждать по-своему: «У отца Гырголя тоже немалое стадо. У меня молодая жена Кейненеун родит сына. А для Кайпэ где я найду мужа богаче, чем Гырголь?»

Омрыквут сегодня отправил Кейненеун в тундру – присмотреть за пастухами. И теперь подсчитывал приплод своего стада. Вытянув к жирнику ноги, он растопырил на обеих руках пальцы, прикидывая в уме: пять телят – это рука, десять – две руки, пятнадцать – число, принадлежащее ноге, двадцать – человеку. Уже двадцать двадцаток насчитал он, а дальше – познанию предел.

Его трубка погасла, на лбу проступил пот. Трудно Омрыквуту представить себе общий приплод своего стада. Большое число неудобно для счета – уже не впервые, утирая влажный лоб, приходил он к этому выводу.

Весна в разгаре. Дымятся черные проталины; в долинах, правда, еще под снегом, журчат вешние воды; воздух насыщен талой сыростью, запахами прошлогодних трав, мхов, лишайников. Солнце – этот большой и сильный человек в блестящих одеждах – круглые сутки блуждает по небу и даже ночью не сходит на землю к своей жене…

– Хок! Хок! Хок! – раздаются по тундре голоса пастухов, сзывающих оленей.

– Кхру, кхру, кхру, – в тиши безветрия слышатся гортанные зовы важенок, манящих отставших детей. А те, едва переставляя еще слабые ноги, откликаются им:

– Эм-эм-эм.

Олени разбрелись по проталинам. Многие из них уже сбросили рога и теперь выглядят очень смешными. Важенки избегают их, стремятся к уединению.

Сутками не спят теперь пастухи, их жены и дети-подростки. По очереди они охраняют стадо от волков, не дают ему далеко разбредаться, ухаживают за новорожденными. Отел! От него зависит будущее всего стойбища. А в стойбище полсотни ртов, двенадцать яранг.

Как и повсюду, передняя яранга – хозяйская. Рядом с ней – яранга брата хозяина, сильного шамана Ляса. Потом шатер старшей жены – матери Кайпэ. За ними яранги пастухов и бедных родственников.

Скрип полозьев отвлек Омрыквута от операций с неудобными числами. Без шапки он вылез из полога.

До десятка женщин и детей столпились вокруг заколотого оленя, привезенного на нарте пастухом Кутыкаем. Он уже помогал матери Кайпэ свежевать тушу. Это убит хозяйский олень, отданный на питание стойбищу.

Женщины и подростки ожидали своей доли, жадно глядя, как Кутыкай откладывал для хозяина, его старшей жены и Ляса окорока, язык, почки и сердце. Было время, когда Омрыквут убивал оленя для каждой яранги, но теперь… теперь он поступает иначе.

Все остальное Кутыкай разделил на девять равных частей; их мигом подхватили жены и дети пастухов и потащили к себе в жилища.

В чукотском стойбище каждый пастух получает хозяйскую пищу. Как только кончается мясо у хозяина, сразу же закалывают очередного оленя, и опять все получают свою долю. «Сытноживущие, – с завистью говорят про кочевников безоленные береговые чукчи. – Всегда мясо есть. Да, кроме того, каждый пастух сам может хозяином стать».

Действительно, при хорошем отеле каждую весну хозяин дарит старательному пастуху в его личное стадо теленка-важенку. И радостный пастух зубами выгрызает на ухе молодого оленя свое клеймо. Уже на третью весну эта важенка даст приплод, если не окажется неплодной или не падет жертвой волчьего разбоя. За десять лет пастуху Кутыкаю удалось получить и сохранить до трех двадцаток голов личного стада. Но расчетлив Кутыкай. Он все еще не покидает Омрыквута, хотя тот уже не дарит ему весною телят и совсем плохо обеспечивает семью пищей. «Ты сам теперь хозяин. Много оленей имеешь», – говорит Омрыквут.

У Кутыкая жена и двое детей. Если ему отделиться, самому стать хозяином, то за год семья его съест половину стада, а через три-четыре зимы придется заколоть последнюю важенку и умирать с голоду: без своих оленей, с тремя едоками, Кутыкая и в пастухи уже никто не возьмет. «А волки? – думает Кутыкай. – Что останется от моего маленького стада без пастухов, если стая нападет на него? Нет, уж лучше быть помогающим». Поразмыслив, пастухи обычно приходят к такому выводу и остаются при хозяине, как некогда остались тут их отцы и деды у предков Омрыквута.

– Каковы новости? – осведомился Омрыквут у Кутыкая, как только тот разнес мясо по ярангам.

На лице пастуха – почти детская радость.

– Белокопытая моя отелилась.

– Богачом будешь! – приветливо сказал хозяин, и его черные усики, как всегда в таких случаях, растянулись в лукавой улыбке.

* * *

Весна. В тундре не смолкают далекие голоса пастухов, сзывающих стадо. Громче всех раздается голос жениха Кайпэ.

С ременным арканом за поясом, в своей нарядной кухлянке, он спешит в ту сторону, где видна Кайпэ. Ему хочется расположить к себе богатую невесту, но она уклоняется от встреч. Ей смешно, как Гырголь охотится за ней, делая вид, что усердно стережет стадо. «Наверное смешно и другим пастухам», – думает она, ускоряя шаг. Ее ноги тонут в мягком холодном ягельнике, румянец на щеках становится совсем ярким.

После того как слухи об отплытии Тымкара за пролив достигли стойбища Омрыквута,

Кайпэ особенно часто и много стала думать о нем. Минуло уже полтора года со дня их встречи. Прошлой осенью льды не пропустили Тымкара, она знает. Она знает и то, что он не женат… Но почему он уплыл за пролив? Где же он? Почему не просит Омрыквута, чтобы тот взял его «помогающим»? Ведь зимой ее отдадут Гырголю, этому низкорослому, румяному, как девушка, парню…

Она проворно удаляется все дальше, изредка оглядываясь на жениха. В стороне, навстречу ей, из стойбища идут гуськом Кейненеун и Амвросий.

Отец Амвросий, примирившись с мыслью, что до зимы в Нижнеколымск не попасть, коротал время, как мог. Вначале он бродил по окрестностям, щурясь от ярких лучей солнца, отраженных снегом, еще лежазшим в низинах. Но непривычные к такому яркому свету глаза его вскоре воспалились, стали слезиться, болеть. Тогда он целыми сутками стал просиживать в яранге Омрыквута. Вслушивался в разговор, рассматривал предметы обихода, запоминал их названия; его запас чукотских слов увеличивался с каждым днем, а он все больше и больше спрашивал.

Кейненеун уже привыкла к этому надоедливому человеку. Посмеиваясь, она поучала его. А Омрыквуту нравилось, что русский «купец» учит язык настоящих людей – чукчей.

Несколько дней тому назад глаза Амвросия перестали гноиться, и сегодня он вновь поплелся в тундру влед за Кейненеун.

Гибкая, ловкая, молодая жена Омрыквута шла быстро. Амвросий едва поспевал за ней. Он спотыкался о кочки, путался в полах рясы, оступался. Кейненеун смеялась, но, не останавливаясь, шла дальше. Отец Амвросий не прочь бы уже и вернуться, но стойбища не видно, и он боится заблудиться. Долго ли сбиться с дороги, когда воздух струится, переливается, искажая все очертания предметов! Жалкая собака и та кажется матерым волком…

Кайпэ, Кейненеун и рыжебородый таньг[1] разошлись на значительное расстояние друг от друга, их фигуры казались расплывчатыми, как мираж.

В этот свежий весенний вечер, когда мать Кайпэ – пожилая чукчанка с тусклыми глазами, съеденными дымом очага, – вышла из шатра поглядеть, не идет ли из стада дочь, она увидела, что вместо Кайпэ к стойбищу приближается чужой человек.

Незнакомец был одет так, как одеваются чукчи, но и по его походке, и по цвету лица, и по необычному вещевому мешку за спиной легко было распознать, что это не чукча.

«А где же Кайпэ? Да человек ли это?» – усомнилась женщина. Она протерла глаза и на всякий случай отступила назад, поближе к яранге. Откуда мог взяться здесь он, если он человек?

В лохматой собачьей дохе, в шапке с торчащими кверху наушниками, сдвинутой на затылок, приземистый, с длинным носом и лысеющим лбом, чужеземец острым взглядом из-под изломанных в середине бровей уставился на нее – и вдруг заговорил по-чукотски:

«Кэле!»[2] – пронеслось в ее мозгу, и вместо ответа на приветствие черта она с искаженным от ужаса лицом отпрянула и скрылась в шатре.

Пришелец направился к соседней яранге, где жил Ляс.

Ляс считался сильным шаманом. Даже сам Омрыквут побаивался его связей с духами, несмотря на то, что Ляс был его братом и совладельцем стада.

Когда появился в стойбище чужеземец, шаман спокойно сидел в пологе и чинил бубен. Заслыша шорохи у яранги и полагая, что это собаки, он крикнул:

– Га!

– Эгей! – ответил человеческий голос, в котором прозвучали радостные нотки.

– Что надо тебе? – грубо отозвался шаман. Он решил, что это один из пастухов пришел о чем-нибудь просить.

– Это я пришел – человек другой земли, – по-чукотски, сохраняя особенности речи этого народа, отвечал голос у яранги.

---

1 Русский

2 Черт

Суеверный, как и все чукчи, Ляс встрепенулся. «Откуда мог взяться здесь он, если он человек?» Ляс знал, что Амвросий ушел в стадо, да тот и не мог так говорить по-чукотски.

Шаман прислушался, поборол минутный страх, лишивший его дара речи, откликнулся вновь, не выходя, однако, из полога.

– Кто ты, что нужно тебе?

– Я человек. Но вот так штука!.. – раздался в ответ громкий смех: – Разве так чукчи встречают гостей?!

Ляс обомлел. «Злой дух!» – мелькнула мысль. Конечно, кто же еще, кроме него, посмел бы так дерзко смеяться над сильным шаманом? Злой дух – гость? Чем прогневал его Ляс?

Шаман замер. Не звать же черта в полог!

Прошла минута. Тишина. Наконец пришельцу надоело ждать, и он направился ко входу.

– Почему ты замолчал?

Шаман услышал шаги, схватил бубен, ударил в него, забормотал, зашаманил.

Звуки бубна, вначале дребезжащие, жидкие, раздавались все громче. Из соседних яранг показывались головы. Люди издали испуганно глядели на человека другой земли, который неизвестно каким образом вдруг оказался в стойбище и слушает, как шаманит Ляс.

Положение становилось не только нелепым, но и опасным… Пришелец начал догадываться, что его приняли за духа. Брови его поднялись, быстро и решительно он полез в полог.

Шаман вскрикнул, отпрянул в дальний угол, выронил бубен.

Незваный гость вполз, поздоровался и внешне спокойно стал набивать трубку, закурил.

Ляс молча наблюдал за ним. Наконец, овладев собой и решив, что это, пожалуй, все-таки человек, – не мог же дух курить! – стараясь скрыть волнение, начал расспрашивать его о новостях, как это обычно делают чукчи, еще не узнав, с кем они говорят.

И никак не мог уразуметь Ляс, откуда этот человек другой земли – если он действительно человек – знает язык настоящих людей – луораветланов, как называют себя чукчи.

* * *

Владимир Богораз – сверстник Чехова. В Таганрогской гимназии он учился одновременно с ним.

Будучи еще студентом юридического факультета, семнадцатилетний юноша был исключен из Петербургского университета и выслан на родину, а затем арестован и год просидел в тюрьме за принадлежность к партии «Народная воля».

За первым арестом последовал второй. В возрасте двадцати четырех лет, после трехлетнего заключения в Петропавловской крепости, Богораза выслали на десять лет в Колымский округ.

В этой долгой ссылке он увлекся этнографией и лингвистикой, знакомясь с бытом и языками местных народностей. Особенно обстоятельно он изучил чукчей, среди которых кочевал около трех лет.

По возвращении из ссылки Богораз состоял научным сотрудником Музея этнографии Академии наук, но уже вскоре опять был выслан полицией из Петербурга и уехал в Америку. Вернувшись на родину, молодой русский ученый принялся путешествовать по Камчатке, Анадырскому краю и Чукотке.

К этому времени Богораз был уже широко известен своими этнографическими трудами не только среди ученых России, но и за ее пределами. Под литературным псевдонимом он выступал и как автор чукотских рассказов и цикла стихотворений. Однако не литература была его истинным призванием. Малые народности Севера, их примитивная материальная и духовная культура, постепенное вымирание – вот что волновало молодого ученого.

Попав на Колыму, Богораз и другие политические ссыльные (последние «землевольцы»

и «народовольцы», как они сами себя называли) рассматривали свою работу по изучению почти совершенно неизвестных народностей, разбросанных на Крайнем Северо-Востоке, как задание науки, которая должна позаботиться о сохранении этих народов.

В 1900 году, уже после отбытия ссылки, выезжая на Чукотку и предвидя, что местные власти будут ему, бывшему политическому ссыльному, чинить препятствия на каждом шагу, Богораз решил запастись соответствующими документами. По ходатайству Российской академии наук министр внутренних дел выдал ему открытый лист, в котором значилось: «Предписывается местам и лицам, подведомственным министерству внутренних дел, оказывать предъявителю сего всякое законное содействие к исполнению возложенных на него поручений».

Тем не менее, еще не доехав до места, Богораз стал терпеть затруднения со стороны местных властей. Открытый лист за подписью министра не помогал…

Как выяснилось впоследствии, причина крылась в том, что министр, выдав открытый лист, одновременно предписал установить за Богоразом строгий надзор.

«МИНИСТЕРСТВО
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
Якутский губернатор
28 апреля 1900 г.
№ 335

Секретно
Исправникам Якутской области
циркулярно

Г. Иркутский военный генерал-губернатор, согласно конфиденциального письма г. министра внутренних дел от 19 февраля с. г., просил меня сделать распоряжение об учреждении негласного надзора за деятельностью Владимира Богораза, предполагающегося прибыть для собирания коллекций и исследования быта проживающих на Крайнем Северо-Востоке Сибири инородцев, присовокупив, что ввиду прежней противоправительственной деятельности Богораза оказание ему какого-либо содействия по возложенным на него ученым трудам представляется совершенно несоответственным».

Но и без содействия, под негласным надзором полиции, молодой ученый делал свое дело. Против всяких рогаток у него было оружие: любовь к людям, настойчивость, энергия, жажда знаний и научных открытий, чего ни тюрьмы, ни ссылки, ни секретные циркуляры сломить не могли.

…Вскоре после того как Ляс убедился, что пришедший из тундры, по-видимому, действительно не кэле, а человек, его яранга начала заполняться чукчами. Всем хотелось посмотреть на странного пришельца, неизвестно как и откуда попавшего в их стойбище, – большелобого, с крутыми бровями и длинным носом. Но самым удивительным для всех было то, что он отменно говорил по-чукотски.

Этот таньг ничего не принес для обмена, не опрашивал песцов и лисиц, как таньг Амвросий в первые дни своего приезда. Этот знал чукотские обычаи и умел себя вести совсем как чукча. Разве не странно все это? Даже сам Омрыквут недоумевал, хотя ему, как главе стойбища, приходилось не раз встречать за пределами Вельмы людей другой земли. Сейчас Омрыквут с нетерпением ждал возвращения Амвросия, которого считал умным человеком, чтобы спросить его мнение о пришельце.

Отец Амвросий возвратился в становище вскоре после Кейненеун и, узнав, что в яранге Ляса русский, волнуясь от радости, чуть не бегом направился туда, совсем не думая о том, кто этот русский, зачем он здесь, надолго ли, как он попал сюда.

Послышались шаги. Полог приподнялся, чукчи раздвинулись, и Амвросий оказался внутри. Среди присутствующих он сразу увидел европейца. Их взгляды встретились.

Миссионер, одежда и внешний вид которого не оставляли сомнений в том, кто он, не спешил заговорить первым. Он ждал этого от пришельца, полагая, что тот должен обратиться к нему со словами привета и попросить благословения. К тому же в Богоразе он не видел ни начальства, ни кого-либо иного, достойного почтения.

Рассматривая священника, молчал и Богораз. Но когда молчать далее стало уже неловко, Амвросий изрек:

– Кто ты, сын мой? Какая невзгода привела тебя в места, столь отдаленные? Подойди, я благословлю тебя.

Богораз не шевельнулся. Он всматривался в миссионера, и было похоже, что слова последнего не достигли его сознания. Для него эта встреча была и неожиданна, и любопытна. «Далеко, однако, проникла православная миссия», – думал он.

– Кто огорчил тебя, сын мой? Поведай мне. Эти люди, – Амвросий указал на чукчей, – нам не помеха.

– Меня зовут Владимир Богораз, – заговорил наконец пришелец. – По поручению Российской академии наук и с разрешения министра внутренних дел (он счел необходимым упомянуть и это) я занимаюсь изучением народов Крайнего Северо-Востока. – Он помолчал. – Рад встретить русского человека.

Амвросий понял, что покровительственно-духовный тон не удался, и сразу же заговорил просто:

– Давно ли из столицы?

Ответив на все вопросы, Богораз сам расспросил кое о чем и по приглашению отца Амвросия пошел с ним в его жилище – ярангу Омрыквута.

Этнограф подробно интересовался деятельностью миссии, расспрашивал о стойбищах, где побывал отец Амвросий, спросил, знает ли он чукотский язык.

– Что же вы делали сегодня в стаде? – осведомился он и, узнав, что тот просто от нечего делать ходил туда вместе с женой Омрыквута, многозначительно улыбнулся.

Отец Амвросий правильно истолковал такую вольность и обиделся.

Во время этого разговора Богораз бросил несколько острых, колючих взглядов на Кейненеун, и та, молодая, задорная, перехватив их, склонила голову, смутилась.

Миссионер располагал очень небольшим запасом чукотских впечатлений и ничего нового для Богораза рассказать не мог.

Вскоре Богораз завел разговор с Омрыквутом и после этого почти уже не общался с Амвросием. Быть может, причиной такой холодности была и та часть их разговора, во время которой отец Амвросий сказал, что хотя ему и нужно было бы достичь Берингова пролива, куда через неделю – другую направлялся Богораз, однако он не сможет составить ученому компанию, так как у него груз…

– Позвольте, какой может быть у вас груз? – как будто недоумевал Богораз. – Целая нарта?! Отпущенные вами грехи, что ли? – заметил он.

Пятнадцать суток, проведенные в стойбище Омрыквута, Богораз прожил в различных ярангах, переходя из одной в другую. Ночами, когда все засыпали, он доставал блокнот и, лежа при свете жирника, заносил туда дневные наблюдения. В одну из таких ночей он записал.

«…В течение двухвековых сношений чукоч с русскими чукчи сохранили свой язык, материальную культуру и религию… Русское влияние принесло чукчам железные орудия, кремневые ружья и порох, железные котлы и глиняную посуду. Все это, конечно, является полезным приобретением. Цветной бисер и бусы, балахоны из яркого ситца тоже должны считаться приобретением, так как они удовлетворяют эстетическому чувству туземцев и вносят в их тусклую жизнь какую-то физическую яркость…»

«Но этот бич северных народов – спирт, торговля с ее произволом цен, шаманы, хозяева-оленеводы, исправники, миссионеры, американские колонизаторы, золотоискатели, болезни… и при всем этом – полное отсутствие медицинской помощи, школ!» – горько думал Богораз, перелистывая страницы блокнота.

Замелькали записи: «Все число чукоч в общем можно считать по меньшей мере 12000 человек, из них ¾ – оленеводы и ¼ – морские звероловы… Некоторые селения близки к исчезновению или совершенно исчезли, потому что…»

Еще несколько написанных страниц пробежал глазами Владимир Германович, и

утомленная голова его склонилась на раскрытый блокнот.

…На исходе второй недели Богораз оделил пастухов табаком и покинул стойбище Омрыквута.

Он шел, не отрываясь от реки Вельмы, впадающей в Чукотское море при Ванкареме. Оттуда он предполагал морским побережьем достигнуть Берингова пролива.

Глава 7
ВОЗВРАЩЕНИЕ

Всю ночь тяжелые сны беспокоили Тымкара. Он ворочался, скрипел зубами, тревожа спящую рядом с ним молодую эскимоску Сипкалюк. Снились мать, Кайпэ, Тауруквуна. Все они почему-то стояли у яранги Кочака и, видно, о чем-то просили. Кочак молчал, он уставился на Кайпэ так пристально, что та опустила голову, пугливо спряталась за спину Тымкара, который оказался вдруг рядом с ней. Кайпэ сзади обвила его шею руками и что-то нежное шептала на ухо…

Тымкар открыл глаза. Под одной шкурой с ним лежала… Нет, это не Кайпэ. Кто же это? Тымкар нахмурился. Это Сипкалюк. Взволнованное снами сердце сильно билось, его стук отдавался в висках.

– Ты что, Тымкар? – женщина приподнялась на локте.

Тымкар оглядел землянку. Кроме них и трехлетней дочери Сипкалюк, никого.

«Да, да, конечно, так и должно быть», – подумал он, не отвечая на вопрос этой худенькой ласковой эскимоски.

– Тымкар, ты плохой сон видел? – с тревогой спросила она, вглядываясь в его черные глаза.

– Я не знаю. Спи, Сипкалюк, спи! – он вновь сомкнул веки, стараясь запомнить сон.

Луч весеннего солнца настойчиво пробивался в окно землянки. Солнце! Как много надежд и радости несет оно жителям полярных стран!

«Если с утра оно так высоко, – подумал Тымкар, – значит, скоро время белого дня, скоро домой!» Сегодня он не торопился вставать: добытых накануне двух нерп хватит на неделю. Можно отдохнуть.

Но сон не возвращался.

Последнее время Тымкар все чаще думал о родных. Сказывалась длительная, непривычная ему разлука. Семь месяцев, как он оставил Уэном. Сколько дум передумано! Порой мучила совесть, что на целую зиму покинул мать и отца. Но всегда утешал себя Тымкар тем, что оставленный Унпенеру винчестер поможет брату прокормить всех. И снова Тымкар пожалел, что второго винчестера, обещанного ему чернобородым купцом, так и не пришлось получить. А то было бы по ружью и у него, и у брата. «Всегда надо у них плату вперед брать!»

Вспоминались побег с «Морского волка», знакомство с Номом. Как много нового увидел он! Другие жилища, другие люди, иная жизнь. И что самое интересное – люди говорят на разных языках. Тымкар знал, что настоящие люди – это чукчи (так говорили старики); он знал еще русских, эскимосов, «бородатых людей» – американских китобоев. Но в Номе его ухо улавливало множество различных говоров – то гортанных, то певучих, грубых, смешных… Он выучил десятки новых русских слов, английских. Но откуда взялись эти другие люди? Почему он ничего не слыхал о них ни от стариков, ни от Кочака? Откуда эти люди берут мясо для еды и столько жира, чтобы обогреть такие большие жилища? Он никогда не встречал их на охоте! Они давали друг другу какой-то желтый песок – золото, муку, чай, табак, сахар. Где же промышляют они муку и чай, табак и сахар? Нет, этого Тымкар не мог постигнуть. И даже Сипкалюк, прожившая здесь уже пять лет, не могла объяснить ему.

Быть может, Тымкар и разузнал бы все это, если бы у него было время, но ему нужно охотиться, чтобы прокормить себя, Сипкалюк и ее дочь. Раньше Сипкалюк помогал дядя

Тагьек, но теперь, когда в ее землянке есть охотник, он совсем, видно, забыл про нее.

Сипкалюк знала чукотский язык: до десяти лет она жила на мысе Дежнева, от которого и к северо-западу и к югу – чукотские поселения. Тымкар встретил ее недалеко от Нома. История ее жизни кратка и печальна. С родными она переселилась с азиатского побережья вначале на остров, а потом в Ном. От какой-то эпидемии родители умерли, муж прошлой зимой не возвратился с охоты. Ей двадцать лет.

В первый же день, еще у моря, Тымкар поведал ей свою историю.

Молодая женщина привела его к себе. Она не спрашивала его ни о чем. Он умолчал про Кайпэ.

…Удивленная, что Тымкар так долго не встает, Сипкалюк вновь приподнялась, заглянула в его широко открытые глаза. Но он, казалось, не замечал ее.

– Тымкар, ты что? – в ее голосе прозвучала тревога. Тымкар посмотрел на нее, нахмурился.

– Спи, Сипкалюк, спи.

Она тихо заплакала, догадываясь о его мыслях. Тымкар молча гладил ее по щеке. О причине слез не спрашивал. Разве он не понимал?

– Пусть сын будет у нас, Тымкар, – ее глаза были влажны, во взоре светилась настороженная нежность. Худенькая, почти совсем белолицая, она шептала – Сын, наш… мы будем…

Тымкар отрицательно качнул головой:

– Ты – эскимоска, я – чукча. Разве это хорошо? Что скажут люди?

– Брошу все: землянку, могилы матери и отца, пойду за тобой.

Он строго посмотрел на нее, брови сдвинулись.

– Разве ты не поняла меня?

Конечно, она поняла. Но разве ей не все равно, кто он?

Вдруг ей стало стыдно. Взглянула на спящую дочь, вспомнила погибшего мужа, отвернулась, заплакала над своей неудавшейся жизнью.

Тымкар поднялся и начал одеваться.

Весь следующий месяц, пока он еще жил на Аляске, они уже никогда не говорили об этом.

Все шло по-прежнему. Тымкар ходил на охоту, ловил в прорубях бычков и навагу, вечерами и в непогоду делал из моржовых клыков брошки, мундштуки, ручки.

Резьба по кости была любимым занятием в семье Эттоя. Чукотские изделия из кости славились издавна.

Сипкалюк выделывала тюленьи шкуры, вытапливала жир, шила одежду, чинила, прибирала в землянке, ухаживала за дочерью и за Тымкаром.

Тымкар продолжал приобретать подарки матери, отцу, Тауруквуне, Кайпэ, брату и даже Кочаку. Омрыквуту, чтобы тот согласился отдать ему дочь, он готовил подарки особенно прилежно. В Номе это оказалось несколько легче: здесь много купцов, и товары ценятся не так высоко. Семь пойманных капканами песцов облегчили ему приобретение необходимого.

Дни шли. Все выше и выше поднималось солнце. Напряженнее становилась жизнь в землянке Сипкалюк. Тымкар много работал. Ревниво смотрела на его приготовления молодая эскимоска, не радовалась своим обновам, карие глаза ее туманила дымка грусти и озабоченности. Ее подавленность была понятна Тымкару, смущала его. При встрече с Тагьеком Тымкар читал в его взоре неодобрение и с тем большим нетерпением ждал открытия навигации. Но льды еще прочно держались у берегов.

Сипкалюк оставалась с мужем ласковой. Правда, ласки ее стали молчаливы, но были по-прежнему искренни. И эта искренность чувств смущала Тымкара.

Однажды, когда он закончил очередную брошку – лисицу, изготовленную из пожелтевшего от времени моржового клыка, Сипкалюк неожиданно для него попросила не продавать брошку, а оставить ей. Сердце Тымкара дрогнуло. «Значит, она поняла, что я

покину ее…» Но к смущению юноши примешалось несколько необычное чувство: ему было приятно, что ей хочется сохранить о нем память. И ему вдруг захотелось оставить Сипкалюк не только эту брошку, а нарисовать ей на большом клыке моржа свою ярангу, весь Уэном, родной берег, мать, отца, брата, Тауруквуну – все, что так мило и близко его сердцу.

На следующий день Тымкар шлифовал клык. Он наколет рисунки, раскрасит их разными цветами; изобразит, как он охотился за лахтаком, как уэномцы байдарной артелью добывают моржей. Большой клык! Много нарисует на нем Тымкар. Он не замечал, как Сипкалюк подходила к нему сзади и всматривалась в его необычную работу, не чувствовал, как сжималось ее сердце: молодая женщина видела, что мысли Тымкара – ее Тымкара! – уже далеки от нее.

«Однако, сможет ли она запомнить своей головой все, что расскажу ей?» Наверное это сомнение надолго оторвало его от работы, повергнув в раздумье, ибо Сипкалюк тревожно окликнула его:

– Ты что, Тымкар?

– Сейчас лягу, – и вновь взялся за клык.

…Спустя неделю, как-то под вечер, пригревшись на солнышке, они сидели друг против друга, у землянки, и он, отдав ей клык, дополнял рисунок рассказом. Сипкалюк вглядывалась в изображенное им на кости. Она не обратила внимание, что глаза Тымкара вдруг стали беспокойными. Рассказывая, он смотрел уже не на клык, а через ее голову, в море.

Тымкар заметил, что льды тронулись, бухта стала очищаться!

* * *

Лишь накануне ветер изломал и вынес из бухты льды, и вот в проливе уже показалась шхуна. Она привлекла на берег все население Уэнома. После восьмимесячной голодной зимы шхуна – большая радость. К тому же по простоте душевной уэномцы полагали, что это «Морской волк» спешит доставить Тымкара домой к началу моржовой охоты: так обещал чернобородый капитан.

Нет, это был не «Морской волк». Шхуна называлась «Китти». Тем не менее Тымкар действительно плыл на ней, хотя расплачиваться за проезд ему пришлось подарками, припасенными для Кайпэ, ее отца Омрыквута, для матери, для Тауруквуны, брата и отца своего – старого Эттоя. Но капитан не брезговал ничем, чтобы не в ущерб прибылям содержать трех своих жен, из которых мексиканка обитала где-то в южных штатах, американка – в Сан-Франциско, а купленная в Номе эскимоска Амнона была приписана к шхуне.

С борта «Китти» Тымкар разглядывал родные берега, и сердце его гулко билось в груди. Но странно: сейчас он почему-то думал не о том, что ожидает его, а о том, что уже минуло. Быть может, это объяснялось тем, что, готовясь вступить в свою обычную жизнь, он ощущал потребность еще раз оглянуться назад.

Покидая Ном, Тымкар, неожиданно для себя, обратил внимание, что Сипкалюк стала значительно полнее, чем была осенью, когда они встретились у моря. «Неужели?»– подумал он тогда, но отогнал от себя эту неудобную мысль. Однако всю дорогу до пристани эта тревожная догадка беспокоила его, хотя Сипкалюк не говорила ему ничего. «Пошел я…» – сказал он у трапа «Китти», что означало и прощай, и добрые пожелания, и то, что он действительно уплывает. Она молчала. Так и осталась она в его памяти, молчаливо стоящей на берегу рядом с маленькой дочуркой. Потом ее совсем не стало видно.

Прищурив глаза, Тымкар старался сейчас оживить эту уже мертвую сцену прощания, хотя перед его взором теперь были строгие и величественные очертания родной Чукотки. Они приближались, уже зеленеющие на склонах берега! И чем сильнее Тымкар чувствовал их близость, тем беспорядочнее становились его мысли. Предстоящая встреча с родными, с Кайпэ, желание увидеть свое ружье, оставленное Унпенеру, воспоминания о Сипкалюк – все

это перемешалось и по-разному волновало его. Мысли путались.

Тымкар стоял на носу шхуны и вглядывался в толпу встречающих, пытаясь еще издали различить мать, старика-отца, брата, Таурунвуну.

– Ага, Кочак! – вдруг радостно воскликнул он, как будто при виде того было чему радоваться.

Уэномцев на берегу почему-то меньше, чем обычно в таких случаях. Среди них отлично видна огромная фигура Ройса; на нем меховая жилетка и болотные сапоги с высокими голенищами. Рядом с ним стоят Джонсон и Устюгов.

«Где же наши?» – спрашивал себя Тымкар. Он никого из родных не видел.

– Какомэй![1] – удивленно прошептал он и переступил с ноги на ногу, попав ступней между якорной цепью и кнехтом. Это на секунду отвлекло его. Он высвободил ногу, крепче сжав руками бортовые поручни, весь вытянулся вперед, но опять никого из родных не увидел.

– Какомэй! – повторил он, причем в голосе его почувствовались уже не только удивление, но и тревога.

«Где могут быть они?» – мысленно спрашивал себя Тымкар и не находил ответа. Он знал, что первую шхуну всегда встречают все. Тем не менее, среди уэномцев не было никого из родных – он видел теперь это совершенно ясно.

Наконец отдали якорь.

В числе первых Тымкар влез в шлюпку, все еще всматриваясь в толпу уэномцев.

– Тымкар! – послышались приглушенные голоса на берегу.

И уэномцы слегка расступились, опустили головы, как будто они были виновниками гибели родных Тымкара. Никому не хотелось быть вестником печальных событий.

Шлюпка приближалась. На ее носу стоял Тымкар, готовый выпрыгнуть на берег. Высокий, в тюленьих штанах, в потертой оленьей рубахе, с повисшей за спиной на ремешке шапкой. У ног вещевой мешок из некроеной шкуры нерпы. В глазах юноши застыл немой, но всем понятный вопрос: «Где, где же они?»

Прыгнув прямо в воду, поднимая брызги, Тымкар бежит на берег. Он бледен, ресницы его вздрагивают. Мгновение он стоит перед онемевшей толпой. Горло у него перехватило.

Чукчи потупили взгляды.

– Где? – смог только прохрипеть он, сердцем чуя какое-то несчастье.

Никто не откликнулся.

– Где? – чуть не шепотом, умоляюще обратился он к первому, кто оказался ближе.

Тот молчал.

В глазах Тымкара метнулся гнев. Выпустив из рук вещевой мешок, юноша шагнул, схватил за плечо стоящего рядом чукчу – своего сверстника Пеляйме.

– Где? – закричал он и впился пальцами в его плечи.

Прибрежные скалы эхом повторили вопрос.

Толпа шевельнулась. Из нее выдвинулся Кочак.

– Не гневи духа моря, Тымкар! – властно зазвучал голос шамана. – Мы ждем прихода моржей. Иди в свой шатер.

Казалось, можно было извлечь искру надежды из слов шамана, хотя он не ответил на вопрос Тымкара.

И, подчиняясь властности Кочака, забыв про вещевой мешок, озираясь, Тымкар заспешил к своей яранге.

Следом, не торопясь, шел Кочак.

Отвалив камень от входной двери, Тымкар переступил высокий порог, бросился к внутренней, меховой, палатке, упал на колени, подсунул голову под шкуру полога. Темнота. Тымкар выше поднял входную шкуру. Никого. Полог мертв. По стенам – зеленая плесень…

Руки ослабели, шкура полога опустилась Тымкару на шею. Какую-то долю минуты он так и оставался: голова – в пологе, ноги – во внешней части шатра. Затем на коленях он

1 Возглас удивления

повернулся к выходу и тут же, у полога, опустился на землю.

В яранге появился Кочак.

Захваченный потоком своих мыслей, Тымкар вместо вопросов о матери, отце, брате, Тауруквуне зачем-то мысленно повторил недавние слова шамана: «Не гневи духа моря… Ждем прихода моржей…»

Кочак прищуренным глазом молча наблюдал за ним.

– Где мать, отец, люди нашего очага? – наконец едва выговорил Тымкар.

Кочак чего-то выжидал.

– Говори, Кочак! Почему молчишь? Где мать, где… Все где?

И Кочак рассказал. Все рассказал шаман Кочак. Всех назвал он, кто минувшей зимой прогневил духов… Разве могли не прогневаться духи, когда Унпенер сразу после смерти отца отправился на охоту? Все, все рассказал Кочак. Много и долго рассказывал шаман. И выходило, по его словам, что никто не виноват в смерти родных Тымкара: такова воля духов, которых гневить нельзя, тем более сейчас, когда они обещали Кочаку много моржей и Кочак сказал уже об этом чукчам.

Тымкар молод. Прошлым летом ему было только семнадцать лет. Еще год назад у него не было других забот, кроме Кайпэ и ружья. И вот он – без Кайпэ и ружья, без матери, отца и брата – вдруг стал «одиноко живущим человеком».

Кочак все еще продолжал говорить, когда на пороге показалась его дочь – жена Джонсона: она принесла забытый Тымкаром мешок. В нем лежали остатки подарков, приготовленных Тымкаром для родных и Кайпэ.

Тымкар, закрыв лицо руками, уткнулся в землю.

Кочак поспешил выпроводить дочь: женщина не должна видеть горе мужчины. Тымкар остался лежать на земле, у порога спального помещения яранги, у золы семейного очага. Время от времени его спина судорожно вздрагивала.

Кочак говорил долго, нудно, однообразно.

Уже вечерело, когда шаман заметил, что Тымкар задремал. Лишь тогда он поднялся и покинул ярангу «одиноко живущего человека».

…Силы вернулись к Тымкару. Он поднялся и, стараясь побороть охватившую его дрожь, вышел из яранги. На северо-востоке пламенел закат. Вот-вот брызнут лучи солнца нового дня.

Уэном спал. Чукчи давно закончили обмен на шхуне, вдоволь, наконец, накурились, напились крепкого чая (а кое-кто и спирта) и теперь отдыхали после хлопотливого дня. И только на высокой скале виднелась фигура человека: он наблюдал за морем, ожидая обещанных Кочаком моржей.

На рейде стояла «Китти».

Без всякой цели Тымкар медленно направился к ней. Кто знает, какие мысли будоражили его в этот час! Быть может, шхуна напомнила ему «Морского волка», на котором он уходил в Америку, надеясь, что брат один прокормит семью, а он получит ружье и Кайпэ? Или он шел туда, чтобы вновь уплыть отсюда, теперь уже спасаясь от горя? Но разве он мог это сделать. Вернее же всего, он двигался лишь потому, что должен был что-то делать, куда-нибудь идти, отвлечься от страшных мыслей.

Открытая дверца в ярангу старика Омрыргина привлекла внимание Тымкара.

Старик Омрыргин жил только вдвоем с дочерью. В Уэноме его считали мудрым человеком. На дочь его до встречи с Кайпэ Тымкар не прочь был смотреть как на возможную свою жену. Их яранги стояли почти рядом. Эттой и Омрыргин слыли добрыми соседями, и Тымкар сейчас не мог пройти мимо, заметив непорядок – открытую дверцу: через нее могли забраться в жилище собаки.

Тымкар не ошибся в своем предположении: навстречу ему из яранги с визгом выскочила собака, едва не сбив с ног.

Он вошел, кашлянул. Никто не откликнулся.

Тогда он приподнял полог и заглянул в спальное помещение. Оно оказалось пустым.

Тымкар огляделся и понял, что жилье мертво не первый день. Нехорошие мысли вдруг охватили его. Дрожь в теле усилилась вновь. Суеверный страх побуждал его скорее покинуть ярангу. Юноша повернулся, шагнул, обо что-то споткнулся. Нагнул голову, вгляделся: начисто обглоданная, под ногами лежала бедренная кость человека. Это пес старика Омрыргина, пережив своего хозяина, притащил ее с погоста домой…

Тымкар выскочил из яранги и, не закрыв дверцы, зашагал дальше. Он не обратил внимания, что и Уэном, и тундра, и море уже выглядели не так, как несколько минут назад. Взошло солнце, яркие лучи его в один миг слизали предутреннюю серость летней полярной ночи. Все такими же серыми, страшными казались ему яранги – он обходил их подальше, – мертвой казалась тундра, хотя она искрилась миллионами радужных капелек росы. И даже огромная тень от его фигуры – он шел по ней, как по дорожке, – не остановила на себе его внимания. «Мать, отец, брат, Тауруквуна, старик Омрыргин…» – перечислял в уме Тымкар. Губы его шевелились, ввалившиеся черные глаза безучастно смотрели вокруг.

Нет, в этот час ему было уже не восемнадцать лет. «Кто же еще?» – испуганно думал он, оглядывая поселение. Теперь он понял, почему вчера на берегу было так мало чукчей.

День быстро разгорался. Влага испарялась, очищая воздух. Тымкар уловил какие-то звуки и поднял голову: инстинкт охотника… Разве может охотник не слышать зовов тундры? Звуки доносились с той стороны, где взошло солнце. Тымкар повернулся, приложил ко лбу над глазами ладонь, почти сомкнул ресницы и, щурясь, всмотрелся.

Там, в лощине, какая-то девушка шаловливо убегала от парня. Тот ловил ее, она хохотала, увертывалась от него – и все повторялось вновь.

Тымкара что-то кольнуло в сердце: «Кайпэ!»

Постояв минуту, он зашагал обратно.

Утомленный хлопотливой меновой ночью, Уэном все еще спал.

Быстро миновав мрачное жилище Омрыргина, Тымкар поравнялся с одной из яранг Кочака. В ней слышались громкие пьяные гортанные голоса. Юноша приостановился. Из яранги вынесли мешки с пушниной. Впереди шел Джонсон, за ним капитан «Китти», матросы. Ройс стоял у порога и что-то раздраженно говорил Джонсону.

Тымкар вспомнил, что американец Джонсон еще прошлой осенью согласился торговать товарами владельца «Морского волка». И вот теперь, пользуясь тем, что первым в Уэном приплыл не его хозяин, он делал свой личный бизнес: продавал часть пушнины чернобородого янки в свою пользу.

Ройс опасался попасть в соучастники и настаивал, чтобы Джонсон оставил товары и пушнину чернобородого на хранение чукчам, а сам, не дожидаясь прихода «Морского волка», отправился бы с ним, Ройсом, на север, как того требовал контракт с «Северо-Восточной сибирской компанией». Однако мистер Джонсон этого делать не собирался, и мистер Ройс грозил ему, что в таком случае они с Устюгавым этим же утром поплывут на север без него, наняв в помощники чукчу. Но и это не огорчало мистера Джонсона.

Шумный разговор чужеземцев разбудил чукчей в соседних ярангах. Потягиваясь и позевывая, они стали появляться у своих жилищ.

Со скалистого мыса спешил чукча-наблюдатель с радостной вестью о появлении в море моржей, как и предсказывал Кочак. Весть эта быстро разнеслась по селению.

Чукчи заторопились на промысел.

По пути к берегу, где стояли кожаные байдары, охотники здоровались с Тымкаром, звали с собой. Юноша откликался, но смотрел на всех недоверчиво: ему казалось, что все упрекают его за поездку в Америку, считая виновником голодной смерти родных.

В поисках помощника к Тымкару подошел Ройс.

– Здравствуй, – поздоровался норвежец.

– И-и, – ответил тот равнодушно, не глядя на него.

Не зная, как начать разговор, Бент Ройс помолчал.

Он понимал состояние Тымкара.

– Что думаешь делать? – как можно участливее спросил он его по-чукотски.

– Ко-о[1].

Ройс внимательно всмотрелся в его лицо, лицо того юноши, который (Прошлое лето так часто приходил к ним, интересуясь всем, что они делали: записями в дневнике, копкой земли, промывкой, одеждой, которую они носили, пищей, которую ели. Теперь это был другой человек. Сразу видно по всему. Но Ройсу недосуг вдумываться в судьбу одного из полудиких туземцев. У него свои высокие цели и задачи. От их решения зависят его личная судьба, его будущее, его Марэн. К делу, к делу, Бент!

– Сегодня мы отплываем на своей лодке на север, – произнес он и оглядел юношу: какое впечатление эго произвело? Тымкар ему нужен, так как лодка тяжела, да и не грести же им с Устюговым всю дорогу самим!

Тымкар молчал. Смотрел на летящих вдоль берега уток.

– У меня есть мука, сахар, табак, чай, ружье, – продолжил было Ройс, но тут же сообразил, что о ружье он заговорил напрасно.

Тымкар глядел в море.

– Я зову тебя с собой, – наконец прямо сказал проспектор.

Не ожидая, вероятно, такого предложения, Тымкар испуганно взглянул на него. Лицо норвежца, широкоскулое, с квадратным подбородком и маленькими глазами, выглядело добродушным, таким он казался и весь – большой, немного нескладный человек в огромных болотных сапогах, в кожаных, уже сильно потертых куртке и брюках.

– Карэм! – молодой чукча отрицательно качнул головой. Он продолжал всматриваться в море: там виднелась шхуна. Она шла из-за пролива. А от Уэнома в это время отходила «Китти».

Ройс долго и убедительно что-то втолковывал Тымкару, но тот не слышал его слов, хотя норвежец и был уверен, что чукча думает, колеблется и нужно лишь красочнее обрисовать ему выгоды этого путешествия. Он использовал весь запас известных ему чукотских слов, накопленный за год, и, наконец, дружески взял Тымкара за плечи.

– Я зову тебя, Тымкар, с собой. Понимаешь?

Вновь отрицательно качнулась черноволосая голова.

Ройс тоже заметил идущую к берегам шхуну, поднял бинокль.

– «Морской волк»! – обрадовался он.

И без того бледное лицо Тымкара побелело еще больше. Ничего не сказав Ройсу, не ответив на приветствие подошедшего Василия, он почти бегом бросился к своей яранге. Схватил там вещевой мешок с подарками для Кайпэ и ее отца Омрыквута, вышел, прикрыл входную дверцу и, не оглядываясь, направился вдоль берега на северо-запад, туда, где должно кочевать стойбище Омрыквута.

…Под вечер отплыли на своей лодке и золотоискатели. Они наняли – но лишь до соседнего поселения – Пеляйме.

Джонсон категорически отказался заниматься поисками золота, так как его новый хозяин – владелец «Морского волка» – остался доволен торговлей и предложил Мартину быть его постоянным представителем на Чукотке. Джонсон дал согласие и теперь срочно грузился на шхуну чернобородого янки, чтобы основать торговую факторию в еще более глухом поселении – миль за пятьсот северо-западнее Берингова пролива.

Его зимняя подруга, дочь Кочака, пока, как сказал Мартин ее отцу, оставалась здесь.

Глава 8
ВСТРЕЧА У КОСТРА

Устюгов и Ройс торопливо пробирались вдоль побережья. Исследовали горные породы, пески, закладывали у ручьев и речек пробные шурфы. Графит и железо встречались в изобилии. Местами попадалось и золото, но слишком бедное для разработки. Они двигались

1 Не знаю

дальше.

Успеху поисков мешали как примитивность исследований, так и недостаток рабочих рук: чукчи ни за какую плату не хотели копать землю, опасаясь выпустить из нее земляного духа… Не оказалось у проспекторов и третьего помощника: Мартин изменил им. Чукчи соглашались сопровождать экспедицию только от поселения к поселению: им нужно было заниматься промыслом, чтобы обеспечить свои семьи жиром и мясом. А в Энурмино проспекторам вообще не удалось найти людей, которые проводили бы даже до следующего населенного пункта. Суеверный слух о людях, пытающихся выпустить духа земли, достиг Энурмино раньше золотоискателей, и чукчи их сторонились. Вот тут-то Ройс и пожалел, что отказался от включения его в поисковую партию Олафа Эриксона. Они с Джонсоном тогда пожадничали, не захотели делить найденное золото – и Мартин, и Бент были уверены, что золото найдут! – на несколько долей. И вот теперь остались вдвоем.

Проспекторы не тратили времени впустую. Каждое утро, кроме дождливых дней, они выходили в окрестности Энурмино с кайлами, лопатами, ведром, люлькой и другим несложным инвентарем золотоискателей.

Здесь, как нигде, были заметны явные признаки богатого месторождения золота, и это важное обстоятельство побуждало их не спешить с продвижением дальше.

Кроме того, они надеялись, что, освободившись от летнего промысла, чукчи помогут им в разработках. И, наконец, они ждали продовольственного подкрепления из Нома и не хотели забираться в глушь, в безлюдное место, опасаясь, что их не найдет шхуна «Северо-Восточной компании». Все эти обстоятельства и удерживали их в Энурмино.

Как-то в полдень Ройс заметил подходившую к поселению шхуну и поспешил возвратиться с прииска.

На берегу скопились чукчи, готовясь к обмену. Они с опаской смотрели на обросшего рыжей бородой иноземца в сапогах с износившимися подметками, привязанными ремешками.

Шхуна оказалась торговой. Она называлась «Бобер». Это была вовсе не «Золотая волна», принадлежавшая «Северо-Восточной компании».

Ройс уже устал от одиночества – Василий оказался на редкость молчаливым, – ему недоставало людей, в нем росла естественная потребность в общении. Однако он не поплыл с чукчами на шхуну. Зачем? О чем они там будут говорить? Кому интересна его болтовня? Там деловые люди. Что может он им предложить? Ройс оглядел оставшихся на берегу и вдруг увидел… Тауруквуну.

– Тауруквуна, этти! – обрадовался Бент знакомому человеку.

Он мигом вспомнил ту морозную ночь в Уэноме, когда уже много дней не возвращался с охоты ее муж Унпенер, когда умерли ее свекор Эттой и свекровь, когда он принес ей хлебные лепешки. В ту ночь она исчезла. Но, черт возьми, ведь она приглянулась ему еще со дня высадки на азиатский берег!

– Этти, Тауруквуна! – он вплотную подошел к ней.

Чукчи недоуменно смотрели на огромного, заросшего щетиной иноземца. Ох, не зря, видно, он хочет выпустить земляного духа! Да не дух ли он сам?

Невысокая плотная девушка не менее удивленно глядела на него и молчала. Как мог он знать имя ее старшей сестры Тауруквуны? Почему он ее, Тэнэт, называет именем сестры? Ведь ее зовут Тэнэт!

– Ты забыла меня, Тауруквуна? – спросил он эту девушку с черными пугливыми глазами.

Тэнэт впервые так близко видела человека другой земли. Ей стало страшно, она склонила голову, приподняла плечи и, что-то шепча, побежала к себе в ярангу.

Чукчи старались не встречаться взглядами с Ройсом. Норвежец заметил испуг в их глазах, огляделся и медленно, ничего не понимая, побрел в свою палатку.

* * *

Этим вечером, светлым, как все июльские вечера у Полярного круга, Тымкар стороной обходил поселение Энурмино. Он видел стоящую на рейде шхуну, белую палатку Устюгова и Ройса – она резко выделялась среди темных куполов яранг, – слышал лай собак, но сам старался держаться незамеченным.

Энурмино – родина Тауруквуны. Здесь за нее два года отрабатывал Унпенер, сюда, по словам Кочака, она направилась, когда все умерли в жилище, а Унпенер не вернулся с охоты.

По чукотским обычаям, после смерти старшего брата его жена переходит к младшему: он принимает на себя все заботы о жене и детях умершего; он достает им пропитание и жилище, становится мужем для женщины и отцом для детей. Следуя обычаю, Тымкару, как младшему брату, предстояло стать мужем Тауруквуны. Однако этого ему никак не хотелось.

Когда Унпенера унесло на льдине и он полгода считался погибшим, Тымкар честно выполнял свой долг. Но тогда сердце его еще не было пленено Кайпэ. А теперь… теперь он просто не мог стать мужем Тауруквуны, хотя он к ней и питал самые добрые чувства. И вот он решил – хоть это и страшно! – уклониться от обычая, который, впрочем, никто не толковал как обязанность, а скорее как право младшего брата. Быть может, Тымкар не решился бы отступить от этого права, близкого к долгу, если бы он жил дома, под влиянием семьи и шамана. Но теперь он – «одиноко живущий человек». Кто и что может сказать ему, если он обойдет село и не встретится с Тауруквуной? Примерно так рассуждал Тымкар, хотя и боялся прогневить духов, навлечь на себя их немилость. Однако, что еще могут они ему сделать хуже того, что он нашел в Уэноме? Разве не духи забрали его мать и отца к «верхним людям», разве не они лишили его брата и ружья, разве не они отдали на съедение голодным собакам его кожаную байдару? Как теперь стал бы он охотиться? Кто даст ему шкуры моржей на байдару?..

Тымкар вовсе не восставал против духов, он просто решил пройти мимо этого селения. А раз он не встретит Тауруквуну, то разве может он стать ее мужем? Конечно, нет! К тому же она сама ушла из его яранги.

Таясь, Тымкар продолжал стороной обходить Энурмино, хотя ему очень хотелось есть, он устал, ему так нужно было сейчас человеческое становище!

Споткнувшись о котку, Тымкар упал и не стал подниматься на ноги. В том, что кочка преграждала ему путь, он усматривал происки духов. И он решил переждать: пусть они думают, что он дальше не пойдет… Он обманет их, введет в заблуждение. Это вовсе не зазорно. Наоборот, он знает: чукчи всякими путями только так и избавляются от проникновения духов в жилища, отводят их от оленьих стад. Всю жизнь приходится приносить жертвы одним духам и отгонять, обманывать других. А как же иначе? Правда, нередко помогают шаманы, те имеют связь с духами, умеют ладить с одними из них и отгонять других.

Склонив устало голову, Тымкар сидел на мягкой тундровой кочке. Утомленный, он каждую минуту готов был заснуть. Но это опасно. Духи могут воспользоваться его сном и зло подшутить над ним, тем более здесь, рядом с Тауруквуной – его женой по праву и долгу. Нет, он не заснет, он только притворится спящим, чтобы обмануть их…

Полусонному Тымкару чудится Тауруквуна. Она ласкова с ним, как и тогда, когда полгода он был ее мужем… Многие завидовали ему в ту пору, что такая жена досталась юноше без хлопот и отработки. Но потом вернулся Унпенер, худой, оборванный, больной, и она сразу стала для Тымкара совсем-совсем чужой. Ему было даже обидно. Над ним посмеивались товарищи и больше всех – Пеляйме. С возвращением брата Тымкар утратил свои права. А вот сейчас… сейчас… Однако, она ли это? Да ведь это Кайпэ! Конечно, это Кайпэ! Он так отчетливо видит ее лицо. Кайпэ! Кайпэ! «Тымкар, ты что?» – вдруг слышит он чей-то тревожный и ласковый голос. «Брошу все: землянку, могилы матери и отца. Пойду за тобой…» Где он уже слышал это? «Пусть сын будет у нас, Тымкар…» И Тымкар видит перед собою уже не Кайпэ, а худенькую белолицую Сипкалюк. «Ты – эскимоска, я – чукча. Разве это хорошо? Что скажут люди!» Но почему она так располнела? Ах, да! А это кто?

Старик Омрыргин? А это его дочь? Но зачем тут Кочак? Зачем чернобородый с винчестером? Что нужно им от старика Омрыргина и его дочери? Ройс? «Карэм, карэм». Но вот Тымкар чувствует, что падает – падает с трапа в воду вместе с чернобородым янки… Он вздрагивает, хватается за холодный ягель, озирается по сторонам.

Невдалеке – Энурмино; дальше, на рейде, – шхуна; в стороне от яранг – одинокая белая палатка.

Тымкар встает и идет дальше. Озирается – боится, чтобы его не заметили из селения, не заметила бы Тауруквуна. Он не знал, что уже скоро полгода, как она пропала без вести: вероятно, замерзла, и звери растащили ее труп. Во всяком случае, со дня ухода Тауруквуны из Уэнома ее никогда и никто больше не видел.

* * *

Перед восходом солнца, сквозь предутренний сырой туман, Тымкар заметил у горла лагуны костер. У костра грелся человек. Юноша подтащил к кромке воды несколько принесенных морем лесин, связал их по краям сыромятным ремнем от закидушки и переправился на ту сторону.

Сидевший у костра невысокий человек в собачьей дохе и в шапке с торчащими кверху наушниками пошел к нему навстречу.

Тымкар в нерешительности остановился. И по одежде, и по походке – по всему было видно, что это не чукча. «Таньг? Американ?»

Но человек с длинным носом приветствовал его по-чукотски и сказал:

– Иди чай пить.

Юноша тревожно огляделся по сторонам. «Уж не дух ли это? Не козни ли это духов?» Но других духов не было видно, а этот так миролюбиво улыбался. Он тоже остановился. За ним ясно видны костер, котелок.

Убедившись, что они здесь только вдвоем, Тымкар ощупал на поясе нож и сделал еще несколько шагов. Теперь он отчетливо видел и самого таньга. Тот широко улыбался, не двигаясь с места.

Поздоровались. Осмотрели друг друга в упор. Помолчали.

Богораз сел у костра, налил Тымкару из котелка чаю в свою кружку, придвинул сахар, галеты.

Так же молча Тымкар взял кружку, еще раз настороженно посмотрел в лицо незнакомого человека и начал жадно пить, обжигая губы.

Богораз не спешил с расспросами. Он прекрасно знал чукотские обычаи. С дороги гостя полагалось вначале накормить и напоить чаем.

Впервые за многие дни Тымкар наелся досыта.

Клонило ко сну, говорить не хотелось. Тымкар крепился, ему страшно было заснуть под этцм пытливым взглядом таньга. Но глаза не слушались. Всходившее солнце приятно коснулось его мягкими лучами.

Из кармана Богораз достал записную книжку, поближе придвинулся к огню.

Несколько дней назад Владимир Германович был свидетелем организации в селении Ванкарем торговой фактории каким-то Джонсоном. До этого времени, как удалось ему выяснить, ни купцы, ни китобои на своих шхунах так далеко не проникали на северо-восток. Уэллен, Колючинская губа, от которой до Ванкарема еще миль пятьдесят, по ледовым условиям были пределом плавания контрабандистов-купцов и китобоев. Поэтому все приморские жители вели свою меновую торговлю преимущественно на мысе Восточном. Владелец «Морского волка» и его новый доверенный мистер Джонсом решили проникнуть в еще не освоенные места. Все это было крайне важно для Богораза. Он вносил в записную книжку: «Чукотская торговля – исключительно меновая. Деньги совершенно неизвестны. Оленеводы даже не имеют слова для обозначения денег».

Внеся пометки в раздел «Чукотская торговля», Владимир Германович раскрыл

записную книжку, где были другие записи: «Стойбище и поселок. Хозяин стойбища. Помощники. Бедняки. «Праздные скитальцы». Байдарная артель. Распределение продуктов промысла. Гостеприимство». В один из таких разделов Богораз добавил наблюдения последних дней: «Существование вдов и сирот всецело зависит от соседей. Семья, не заслужившая ничьей благосклонности и всем чужая, осиротев, попадает в безвыходное положение. Она не имеет места, где жить».

– Когда мой муж умер, – на днях рассказывала ему тетя Кайпэ, оставшаяся вдовой с пятилетним ребенком, – пришел его брат и отобрал оленей. Он хотел взять и меня, но я отказалась. У него было страшное лицо: разрушившийся нос и дыры на щеках. Я сказала: «Я хочу жить сама по себе». Он очень разгневался и сказал: «Я не дам тебе ни одного оленя, ты не сможешь ехать». Тогда я ушла пешком со своим мальчиком. После этого вся наша жизнь была в голоде и холоде…

«…Есть среди чукоч люди, вся жизнь которых проходит в постоянных скитаниях. «Зря ходящие» называют таких чукчи. Голод – постоянный их спутник. Их не пускают спать в опальный полог. Их спальное место в наружном шатре, под санями, там, где спят собаки… Чукчи вообще едят только один раз в день, тем более трудно угадать таким людям на чье-либо стойбище как раз во время еды…»

«Быть может и этот юноша «зря ходящий?» – подумал Богораз и внимательно посмотрел на спящего у костра Тымкара. По его усталому лицу и по тому, как он жадно ел и тут же заснул, этнограф догадался о его нелегкой жизни. Правда, одежда на чукче была цела; он даже что-то нес в мешке. Богораз отметил, что чукча высок и строен. Длинные ресницы и прямой нос придавали красивому лицу суровость и решительность. Однако ученый не спешил делать какие-либо выводы, хотя ему не терпелось узнать подробности жизни юного путника.

Будущим летом Владимир Германович намеревался закончить второе путешествие по Чукотке, и сейчас он использовал каждую минуту для того, чтобы зафиксировать свои наблюдения. Он записывал: «Приморские жители гораздо гостеприимнее, чем оленеводы. Каждый путник, остановившись в приморском поселке, может смело рассчитывать на то, что он получит корм для себя и своих собак на один или несколько дней. Платы с него не потребуют. Морские охотники гордятся своим превосходством в приеме гостей. Это тем более замечательно, что они считаются гораздо смелее и предприимчивее оленных, и действительно, их образ жизни требует мужества, присутствия духа и постоянной предприимчивости».

Время от времени он невольно поглядывал на спящего. Его все больше располагал к себе этот юноша. Один, без ружья и пищи, он смело встретился с неизвестным таньгом и вот теперь так доверчиво заснул здесь. Куда шел он в этот ранний час?

Богораз и сам стал позевывать. Однако он бодрился. Могло случиться, что, выспавшись, этот юноша уйдет, не разбудив его. Разве ученый простил бы себе это? Ведь он – последние годы среди этого чудесного народа, который в страшных условиях существования сумел сохранить цельность и чистоту характера, душевную отзывчивость. А какая воля к жизни! Коллективизм, доверчивость, свободолюбие, одаренность, мудрость стариков. Но… Суеверия, религия, жертвоприношения, кровопомазание. И вот сюда врывается цивилизация, врывается всем худшим, что у нее есть: спиртом, болезнями, вымогательством, разбоем! Этнограф уверен, что все это погубит даже такой жизнестойкий народ, сумевший освоить столь суровые широты. Богораз вспомнил рецензию на его книгу рассказов о чукчах: какой-то барин был недоволен, что русская изящная словесность осквернялась словами диких туземцев… Что же мог сделать для этого народа он один, да хотя бы еще десяток таких же подвижников? Больно защемило сердце.

Он задумчиво листал свои записи: «Чукотский язык богат словами и гибок в формах…» Ученый собрал уже около пяти тысяч чукотских слов и мечтал создать для чукчей письменность. Изучил все звуки их языка, гармонию гласных, мужское и женское произношение ряда слов, различные говоры, структуру языка, морфологические принципы.

На следующих страницах блокнота значилось: «Семья и семейная группа. Система родства. Положение стариков. Добровольная смерть». Затем: «Брак. Целомудрие женщин. Отработка за жену. Похищение женщин. Свадебный обряд. Групповой брак».

Все это лишь отдельные заметки, заголовки и подзаголовки будущего исследования о чукчах.

…Тымкар спал, хотя солнце уже высоко поднялось над горизонтом. Припекало. Костер подернулся серым пеплом, головешки поблекли. Этнограф начинал терять терпение. Сколько же будет спать этот богатырь?

Сходил к ручью за пресной водой, подвесил котелок, подбросил в костер плавника. Бледное пламя высунуло из золы острые языки.

Богораз с любопытством рассматривал дорожный мешок Тымкара. Что же несет с собой этот юноша, если у него даже нечем питаться?

Ученый осторожно взял сумку и развязал ремешок.

Два пестрых отреза ситца с американскими этикетками; новенькая курительная трубка; несколько пачек прессованного табаку; новый нож; поллитровая банка со спиртом…

Этнограф-чукотовед сразу все понял. Лицо его стало серьезным. Он тщательно стянул ремешок на сумке и с уважением, осторожно положил ее на место. «Эх, юноша, юноша!..»

Богоразу надоело ждать, когда можно будет поговорить с этим женихом. Да и сколько же времени можно спать!

– Э-гей! – крикнул Владимир Германович, снимая с огня котелок.

Тымкар быстро поднял голову. Дрогнули ресницы, сверкнули черные глаза.

– Этти! – приветствовал его Богораз. – Вставай кушать, чай готов. – И, взяв полотенце, он пошел к лагуне умываться.

Юноша огляделся, вспомнил встречу, посмотрел на свой вещевой мешок. Мешок цел. Таньг такой же, как и был. Только солнце поднялось почти до самого верха. Ничто, как видно, не угрожало Тымкару, и он успокоился, наблюдая, как таньг мыл лицо.

Начали пить чай.

– Откуда ты, юноша? – спросил, наконец, Богораз.

– Дальний человек я, – уклончиво ответил Тымкар, думая: как научился этот таньг чукотскому языку?

Богораз счел уместным помолчать. Пил чай. Тымкар не отставал, не спуская на всякий случай с таньга глаз. За свою небольшую жизнь он видел уже немало разных людей, но этот ему казался совсем странным. Может хорошо говорить по-чукотски. Угощает, как чукча, и кушает вместе с ним, хотя и таньг…

– Как зовут тебя? – вдруг сам спросил Тымкар.

Этнограф назвал себя.

Тымкар слушал, перестав есть.

– Я сам был в другой земле, – как равный собеседник, сказал он. – Меня зовут Тымкар. Теперь я – «одиноко живущий человек».

Богораз быстро достал записную книжку и начал записывать.

Тымкар умолк. Он с любопытством заглядывал в записи таньга. Впрочем, видеть, как таньги и американцы что-то рисуют, ему приходилось не раз. Но Ройс, например, не смог объяснить Тымкару смысл этих рисунков, ибо недостаточно в то время владел чукотским языком. А это очень интересно. Тымкар ведь и сам на моржовых клыках делал рисунки, по которым Сипкалюк могла понимать все, что он ей рассказывал. Сипкалюк… Помнит ли она его? Тымкар глядел на море, как будто мог там увидеть ее или получить ответ на свой вопрос. Потом, задумчивый, перевел взор на таньга.

– Ты что рисуешь?

– Я записал то, что ты сказал мне, – твое имя и где ты был.

Тымкар улыбнулся:

– Отсохни твой язык. Ты говоришь пустое!

Теперь смеялся Богораз. Он записал и это…

– Ты почему смеешься? – обиделся было юноша.

Сразу сделав серьезное лицо, Богораз ответил:

– Разве я обидел тебя?

Юноша заметно успокоился. Этнограф понял, что смех его был неуместен. И он начал рассказывать ему о письменности. Это показалось Тымкару занятным, но, недоверчивый, он решил проверить слова этого большелобого человека с бровями, как крылья у летящей чайки.

– Если язык твой болтает не пустое, дай цену твоим словам.

Богораз сосредоточенно молчал, довольный, что не напрасно полдня оберегал сон этого смелого и дерзкого юноши…

– Я вижу, ты не дух. Возможно, ты даже умный человек… – продолжал молодой чукча.

Примирение состоялось. Теперь Богоразу оставалось только доказать, что он говорил правду, то есть «дать цену своим словам». И он продолжал:

– Согласен. Пусть будет по-твоему. Ты станешь говорить, я буду рисовать. Потом по рисункам я повторю тебе все, что ты расскажешь мне о себе. Если я скажу неправду, тогда, значит, язык мой говорил пустое, я буду лживый человек.

Тымкар довольно улыбнулся. Ему определенно нравился этот таньг.

– Пусть будет так, – согласился он и начал рассказывать.

Присев рядом, юноша всматривался в странные рисунки.

– Наверное усталость одолела тебя, – не без самодовольства заметил молодой чукча, когда Богораз прекратил запись и стал чинить карандаш. После сытного завтрака настроение Тымкара явно поднялось.

В ту пору Богоразу не было и сорока лет, выглядел он довольно молодо, и Тымкар, вероятно, считал себя вправе разговаривать с ним, как с равным. К тому же разве есть различие между ними? Тымкар – «одиноко живущий человек» и таньг тоже. Они встретились у костра. И разве только то, что место для костра выбрал он и огонь принадлежал ему, давало таньгу некоторые преимущества перед Тымкаром. Но ведь огонь костра – это не семейный очаг яранги. Тымкару было весело.

– Напротив, Тымкар, я боюсь, что язык твой высунется от усталости до земли. Говори!

И юноша продолжал. Он рассказал о плавании в Ном, о ружье, о смерти матери и отца, брата и… запнулся: ему не хотелось касаться вопроса о Тауруквуне. Но мысль Богораза не дремала, он прекрасно изучил чукотские обычаи и традиции.

– Твой брат был старше тебя?

– И-и, – неохотно протянул юноша.

– Где же его жена?

Тымкар снова недоверчиво оглядел этнографа: уж не кэле ли вселился в него? Откуда он знает мысли Тымкара?

– Ко-о. Она ушла. Я не стал ее искать. Разве это плохо? Разве я прогнал ее? Она сама оставила нашу ярангу, – оправдывался Тымкар. Лицо его стало сосредоточенным. Он боялся, что этот таньг, похожий на чукчу, осудит его за нарушение обычая.

Но Богораз понял, отчего смутился юноша. Об этом, кстати, красноречиво свидетельствовало и содержимое его мешка. И этнограф разъяснил юноше, что обычай, по которому младший брат берет себе в жены жену умершего старшего брата, не является долгом, он, этот обычай, имеет в виду больше право младшего брата, чем обязанность, хотя обычно от этого права не отказываются, так как, во-первых, куда же деваться женщине с детьми, а во-вторых, кто же откажется – даже если у младшего брата уже есть жена – от лишней работницы? Но так как у Тымкара нет нужды в работнице, а у Тауруквуны нет детей, которых ей было бы трудно прокормить одной, и к тому же она сама оставила его очаг, то он вправе считать себя свободным. Тымкар слышал то самое, о чем он недавно так смутно думал, рассуждая наедине с собой. Он просветлел. «Хорошо было бы, если бы все чукчи думали так!.. – и он оглянулся назад, где еще слегка виднелось поселение Энурмино. – Но что скажут старики? Не прогневит ли он духов?»

Богораз не стал убеждать его в том, что никаких духов не существует, а только укрепил в сознании, что он ничего плохого не сделал.

В душе Тымкар был благодарен ему за это. Ведь так нужна была сейчас поддержка! Тем не менее рассказывать о Кайпэ и о цели своего путешествия в тундру, к оленеводам, он не стал. Зачем болтать попусту? Могут подслушать злые духи и навредить…

Но Богоразу этого и не потребовалось, так как все остальное понятно было без рассказа.

…Наконец Тымкар окончил свое длинное и невеселое повествование.

– Мой язык устал. Пусть теперь говорит твой. Послушаем! – самодовольно засмеялся он, почти уверенный, что таньг – хвастун и бездельник.

Этнограф переворачивал обратно листки, разыскивая начало записи.

– Ты, однако, медлишь, я вижу? Пожалуй, я тебя попросту оставлю, – и Тымкар сделал вид, что собирается уходить. Он взглянул на опускающееся солнце – и тут в самом деле пожалел, что потерял напрасно столько времени. Но в этот момент Богораз начал читать:

«Ну, однако, пусть Тымкар станет рассказывать… Было время освежения воздуха. Судно «бородатых людей» пришло в Уэном. Их было двое. Вода заливала товары. «Помогите», – сказал чернобородый…»

Тымкар изменился в лице. Слово в слово, как говорил он, все повторял этот таньг по-чукотски, глядя на рисунки. Тымкар снова подсел поближе к этнографу, но настороженно, рука – на рукоятке ножа.

«Чукчи выгрузили все, помогли. Тогда сказал чернобородый: «Приходите, угощать буду». Пришли мы. Спирт пили, веселые стали. Тоща сказал чернобородый: «Кто поплывет со мной – сахар, чай, табак, еще всего дам».

– Что слышат мои уши?! – возбужденно воскликнул Тымкар.

– «Эттой, отец мой, сказал: «Пусть я поеду». Тогда все стали смеяться. «Вы! Почему смеетесь вы над стариком?» – крикнул тогда я. Но, наверное, злой дух сказал им, что мне нужно – ой, как нужно! – ружье. Чернобородый вынес винчестер, крикнул…»

– Что слышат мои уши?! – изумился вновь юноша. – Кэле вселился в тебя или ты владеешь большим умом?

Во взгляде Тымкара возбуждение сменялось испугом, испуг – любопытством. Много он встречал русских людей, но такого видел впервые.

Богораз дружески взял его за плечо и попытался все объяснить. Брови Тымкара сдвинулись у переносья, на лбу выступил пот, но смысла он все же не постиг.

Владимир Германович счел дальнейшее объяснение бесцельным, вздохнул, убрал записную книжку, отсыпал Тымкару чаю, отложил несколько кусков сахару и десяток галет, затем завязал рюкзак и встал, готовый двинуться в путь.

Поднялся и Тымкар.

– Прощай, юноша! Желаю тебе счастья! – Богораз пожал ему руку, надел шапку и направился в противоположную от пути Тымкара сторону.

В море тонуло солнце.

– Вот какой ты! – глядя ему вслед, взволнованно прошептал Тымкар.

Глава 9
ПОХИЩЕНИЕ КАЙПЭ

Полночь. Небо безоблачно, только на востоке, у самого горизонта, пытаясь погасить огнистое, но холодное солнце, навалились на него тяжелые полосато-багровые тучи.

Тундра необозрима, она безбрежна, как море. Топи, кочкарники, ручьи, озера. Им нет ни начала, ни конца. Нет ни следов, ни троп, ни становищ.

Тихо.

Ни шороха крыльев, ни кряканья селезня. По низинам ползет туман.

Но вот с севера потянуло прохладой. Тундра шелохнулась, туман вздрогнул, раздался

вширь, высунул острые языки.

Тут же, проломившись сквозь мрачные тучи, солнце вновь осветило тундру.

Длинная тень от фигуры Тымкара устремилась на запад.

Юноша остановился. Тундра… Есть ли ей конец? Где же люди, где стойбище Омрыквута? Ни троп, ни следов, ни становищ… Лишь по солнцу и наклону сухих прошлогодних трав Тымкар знает, где море.

Туман торопливо сползает в низины, течет по руслам, спасается от властных лучей солнца.

Тымкара клонит ко сну, но он видит на матовой глади озера выводок уток и сворачивает к ним.

Вот он уже ползком приближается к озеру. Его мешок свалился, волочится рядом по кочкам, мешает. Тымкар забрасывает его на спину, в мешке что-то гремит. Как по сигналу, утята отплывают от берега…

Юноша поднимается и, пошатываясь, идет дальше. Голова опущена, усталые ноги вязнут в холодном ягельнике, ржавая тина всасывается в износившиеся торбаса. Ноги промокли, носки из шкуры нерпы раскисли. Но обходить эти то рыжие, то ярко-зеленые, то пепельные пятна сочащихся влагой мхов нет сил.

Тымкар изнемогает. Кисти рук стали липкими. На лбу и спине проступил обильный пот. Шапка бесполезно болтается на ремешке за спиной. Тундра… Есть ли ей конец?

Из-под ног выпорхнула куропатка. Юноша остановился, смотрит ей вслед. Его веки смыкаются, он делает еще несколько шагов, спотыкается, падает.

Сколько же может идти человек? Сколько может не есть, не спать?

Солнце припекает. Трудно бороться со сном в такой час. Не устоял и Тымкар. Силы совсем оставили его. Он потерял счет дням, он уже и сам не знал, куда забрел.

…Юность, горячее сердце, беспокойные мысли, куда ни приведете вы человека?

* * *

В поисках отбившихся от стада оленей пастух Кутыкай трусцой бежал по тундре.

«Человек?.. Откуда мог он взяться?» – Кутыкай остановился в нескольких шагах от Тымкара, лежавшего на земле.

Спящий не шевелился.

– Какомэй! – вслух изумился Кутыкай.

Подошел смелее, склонился над Тымкаром.

– Некстати ты спишь! – пастух приподнял его голову.

Тымкар сел, открыл глаза. Белки у него были красные, нос распух.

Перед ним стоял невысокий чукча с усталыми глазами.

От незнакомца валил пар, лицо его было бесстрастно.

Жена звала Кутыкая человеком, не умеющим улыбаться. А чему улыбаться Кутыкаю? Целые сутки в стаде, в бегах, а в стойбище у семьи то и дело кончается мясо для еды. «Богачом будешь!» – этой весной сказал ему Омрыквут. Слова хозяина пьянят пастуха, он верит им и, не жалея сил, старается…

Спешил он и сейчас.

– Откуда ты пришел?

Но Тымкар все еще не мог как следует очнуться.

– Не потерял ли ты свой язык?

– Все дни, сколько их было, – тихо отозвался путник оправдывающимся тоном, – я провел без сна и еды.

– У Омрыквута большое стадо. Он накормит тебя. Иди! – и пастух указал ему рукой направление.

– Омрыквут? Там? – возбужденно воскликнул юноша, но, спохватившись, смолк.

Кутыкай подозрительно оглядел его.

– Я пойду с тобой! – Тымкар поднялся.

– Ноги твои ослабли, однако. Между тем – я пастух. Белокопытая моя и серый с подпалинами отбились от стада. – И он затрусил дальше, в противоположную от стойбища сторону.

Тымкар двинулся в направлении, указанном ему пастухом.

Вскоре показалось стойбище.

* * *

У входа в один из остроконечных шатров сидела смуглощекая девушка с полосками татуировки на носу и щеках. Крашеными волокнами оленьих сухожилий она расшивала рукавицы. Большие карие глаза глядели задумчиво. Зимой она станет женой Гырголя. Такова воля отца. Как сон, промелькнул в ее жизни образ высокого стройного юноши с берега. Он выглядел смелым, настоящим охотником, способным ударом гарпуна убить кита… Скоро два года, как он посетил это стойбище.

В шатре послышался голос Кейненеун – младшей жены ее отца, Омрыквута. Сам Омрыквут велел запрячь для него оленей и на нарте, по траве, вместе с братом, шаманом Лясом, уехал в тундру. Они скоро вернутся. Отец хочет сам посмотреть свое большое стадо, которому нет числа.

Привязанный у шатра черный лохматый пес потянул носом воздух, поднялся и уставился вдаль. Кайпэ посмотрела туда же. Этот Гырголь надоел ей… Днем и ночью он преследует ее, не может дождаться, когда она станет его женой.

К стойбищу подходил человек, и пес старался распознать его. Однако это не был Гырголь. Это не был и Кутыкай. Оба они низкорослы. Этот – высок. И хотя в тундре высок не один Тымкар, сердце Кайпэ забилось чаще.

Незнакомый чукча приближался. Пес вскочил, залаял, но девушка шикнула на него, и он лег на прежнее место.

В пологе слышались голос Амвросия, что-то спрашивающего, и игривые ответы Кейненеун.

Пес опять вскочил. Но теперь он заметил человека, приближавшегося с другой стороны стойбища. Можно было не сомневаться, что это Гырголь, так как пес, потянув ноздрями воздух, успокоился, повернулся в другую сторону.

Кайпэ встала, огляделась по сторонам, прислушалась. В стойбище было тихо.

Тымкар тоже видел девушку, как и она его. Ее фигура показалась ему знакомой.

Глаза Кайпэ расширились. Щеки покрылись ярким румянцем.

– Тымкар! Ты пришел? – слабо прошептала она, уронив вышивание.

Гырголь уже подбегал к стойбищу.

Юноша остановился, широко расставив ноги: его пошатывало.

– Тымкар? Ты? – девушка впилась в него взглядом.

– Да, я пришел, Кайпэ… – у него захватило дыхание.

– Тымкар! – полушепотом, торопясь, еще раз успела она произнести его имя, прежде чем Гырголь достиг яранги.

Тымкар заметил, что приближение молодого богатого чукчи смутило Кайпэ: она смолкла, не успев, кажется, даже договорить начатой фразы.

Гырголь с независимым видом приветствовал гостя. Тымкар ответил на приветствие. Сзади послышался шорох. Все трое оглянулись. К стойбищу устало подходила пара оленей, впряженных в легкую нарту.

Ляс, не здороваясь, направился прямо в свой шатер. Омрыквут приостановился. «Опять «зря ходящий по земле», – подумал он. Хозяин стойбища не спеша подошел к своему шатру, острым взглядом окинул пришельца.

– Зачем явился? – небрежно спросил он.

Для Омрыквута, как хозяина стада, этот вопрос был важен, так как всякий лишний

человек требует и лишнего куска мяса.

Юноша вместо ответа поздоровался, прощая хозяину, как старшему, негостеприимный вопрос. К тому же в его расчеты вовсе не входило портить отношения с отцом Кайпэ! И, кроме того, он был голоден и измучен.

– Как пришел в такую даль? – удивился хозяин.

Тымкар слегка улыбнулся, усмотрев в этом вопросе скрытую похвалу своей выносливости, ибо действительно стойбище Омрыквута находилось сейчас очень далеко от других кочевий.

Гырголь и Кайпэ молчали. Из шатра выглядывала Кейненеун, за ее спиной виднелся рыжебородый Амвросий.

– Зачем явился? – не получив ответа, повторил свой первый вопрос Омрыквут.

Тымкар не был готов к тому, чтобы здесь же, у шатра, при других объяснить причину своего прихода. Он надеялся, что они вдвоем сядут с Омрыквутом в спальном помещении пить чай и спирт, и тогда он попросит у него дочь. Но сейчас…

– Или у тебя отсох язык? – в голосе хозяина послышался гнев.

Юноша еще секунду молчал. Потом, вздохнув, сказал:

– Ты самый сильный в тундре. Охотник я, из Уэнома. Все дни, сколько их было, я провел без сна и еды.

– Как звать тебя, кто твой отец? – нетерпеливо перебил оленевод.

– Эттой мой отец. Зимой добровольно ушел к «верхним людям». Тымкар зовут меня.

– Кейненеун! – крикнул Омрыквут. – Дай костей этому «зря ходящему по земле». – И полез в шатер.

Лицо Тымкара заалело, перехватило горло.

Щеки Кайпэ стали красны, как жабры озерного гольца. Ей было стыдно за отца и до боли жаль Тымкара.

Гырголь полез в полог вслед за будущим тестем.

Амвросий равнодушно отвернулся. Мало ли бродит по тундре чукчей! Какое ему дело до них?

В наружной части шатра Кейненеун выложила перед Тымкаром сваренные кости, среди них – кусок доброй оленины.

Гость жадно ел, обгрызая кости.

Кейненеун, высунув из спального полога голову, наблюдала за ним. Неподалеку в выжидающей позе сидел черный лохматый пес.

Утром, когда Тымкар проснулся, Омрыквут позвал его к себе во внутреннюю, жилую часть яранги.

Кайпэ, Кейненеун, Гырголь и Амвросий сидели там же.

Тымкар поздоровался. Ему ответило несколько голосов. Гость вытянул вперед ноги, сел, начал развязывать свой небольшой мешок.

Вначале он вынул трубку и протянул ее Омрыквуту. Трубка была новая, красивая, стоящая. Глаза хозяина подобрели, он взял ее, рассмотрел, крякнул и стал набивать табаком.

Гость поспешил протянуть ему пачку красиво упакованного табака.

– И это тебе, – Тымкар подал ему поллитровую банку со спиртом.

– О-о! – послышались тихие, но восторженные голоса из дальнего угла, где сидели женщины.

Юноша улыбнулся.

– И это тебе!

Хозяину был преподнесен новый охотничий нож.

Омрыквут насторожился. Не пришлось бы дорого платить за подарки…

Рука Тымкара с ножом повисла в воздухе. Он оглянулся на Гырголя, Амвросия. Что делает здесь этот рыжебородый?

Ножа Омрыквут не взял. Тымкар положил подарок рядом с собой, затем достал два пестрых отреза на камлейки и протянул их Кайпэ и Кейненеун. Дочь и жена вопросительно

поглядели на главу семьи. Тот сделал знак: «Возьмите».

Хозяин уже дымил из новой трубки и одновременно срезал запай с банки со спиртом. Затем отвинтил пробку и приложился к посудине.

– Немелькын![1] – Омрыквут одобрительно кивнул, и его черные усики растянулись в довольной улыбке. Щеки густо налились краской.

– Потом тебе еще всего принесу, – осмелел Тымкар. – Спирту принесу, ремней, лахтачьих подошв, торбаса.

– Чем платить? Проси! – перебил Омрыквут. – Ты почему вчера умолчал про водку?

Юноша, как затравленный волчонок, оглянулся по сторонам. Кайпэ зарделась, опустила голову.

– Многооленный я. Говори, говори!

Кайпэ совсем спрятала лицо. «Чего попросит он?»

Тымкар медлил. Слишком смела его просьба. Разве отдаст такой хозяин дочь безоленному бедняку? «Зря ходящий по земле» – так назвал он вчера Тымкара…

– Теперь я «одиноко живущий человек», – начал юноша. – Что нужно «одиноко живущему?»

– Непонятны твои слова, – хозяин нахмурился.

Он еще и еще глотнул спирта, не приглашая, однако, других и не закусывая. Ему и в голову не приходило, что этот «зря ходящий» запросит дочь. К тому же она обещана Гырголю. Кто же не знал этого!

Тымкар пытался оттянуть свою просьбу и стал рассказывать про стойбище американцев, куда он плавал с чернобородым, про Уэном, про родных. Хозяин прервал его:

– Ты многоговорливый по-пустому, однако.

– Пусть Кайпэ станет мне женой! – сам не зная, как он смог, произнес вдруг Тымкар.

Лицо Омрыквута посерело, глаза выпучились. Он желчно рассмеялся.

– Жалкий ты бедняк! Откуда знаешь Кайпэ? Как можешь ты, «только тело имеющий», просить дочь у Омрыквута?! Дорогая плата! На, возьми! – и он швырнул трубку, рассыпав крупицы тлеющего табака на кожаный пол, резко отодвинул от себя банку со спиртом.

Тымкар побледнел.

– Вы! – крикнул хозяин на женщин, и те мгновенно вернули подарки.

Гырголь ошалело смотрел на всю эту неожиданную сцену. Амвросий и Кейненеун молчали.

– Я отказываю тебе в стойбище! – бушевал оскорбленный оленевод. – Или я звал тебя? Не оставил ли ты на берегу свой разум? Мне не нужны в стойбище «помогающие»!

Тымкар собирал подарки обратно в мешок.

– Вот кто назначен быть мужем, – Омрыквут указал на Гырголя, дымно раскуривая старую трубку.

В пологе все молчали.

– Как ты надоел! – досадливо бросил владелец большого стада, хотя Тымкар молчал и отвернулся.

Юноша продвинулся к выходу и вылез.

Никто не посмел проводить его.

* * *

Кровная обида затаилась в сердце Тымкара. Нет, этого он не ожидал! Трудно сказать, что острее сейчас переживал он: отказ отдать ему Кайпэ или те унижения, которым подверг его Омрыквут при женщинах, при Кайпэ И Гырголе.

Не меньше горечи скопилось и в сердце Кайпэ. Обхватив колени маленькими руками, она молчаливо сидела в яранге матери, уже давно оставленной Омрыквутом. (Теперь отец жил с молодой женой Кейненеун). Черные косы Кайпэ свесились, их концы лежали у ног, на

1 Хороший

шкуре. Она безрадостно раздумывала о своей будущей жизни.

– Ты что, дочка? – окликнула мать – пожилая красивая женщина. Она ничего еще не знала о том, что случилось сегодня утром.

– Отец прогнал его, мама…

И дочь поделилась с матерью своим горем.

Слезы проступили на глазах у матери. Но что могла сделать она против воли всесильного хозяина стойбища?

Она молчала. Ей вспомнилась и своя, такая же безрадостная жизнь.

«Мой сын, как медведь сильный, как олень красивый!»– неотступно звучали сейчас в ушах Кайпэ слова отца Гырголя, сказанные, минувшей зимой. Потом ей вспомнилось, как выстрелом отгоняли кэле, чтобы он не проник на праздник сватовства… Брезгливая гримаса исказила лицо девушки, когда она в мыслях видела рядом с собой Гырголя. В эти минуты ей хотелось выскочить из яранги и бежать до тех пор, пока она не догонит Тымкара… Как много у нее нашлось бы ласковых слов для него!..

Под вечер пришел Гырголь, передал приказание Омрыквута: Кайпэ должна идти спать в отцовскую ярангу.

Так посоветовал своему брату Ляс: все может случиться. Ляс видел недобрые огоньки в глазах его дочери.

* * *

Солнце дважды поднималось и вновь опускалось, а Тымкар все рыскал вокруг стойбища, выслеживал Кайпэ. Голод мучил его.

На третьи сутки в час сна он ползком пробирался к яранге Омрыквута. Черный лохматый пес, брехнувший было на него, в тот же миг поплатился жизнью: Тымкар задушил его руками.

Слегка высунув из спальной палатки голову, спал Омрыквут, Кейненеун, Кайпэ и Амвросия не было видно. Гырголь находился в стаде.

В полумраке шатра Тымкар подполз к спальному помещению и замер. Казалось, удары его сердца сейчас разбудят все стойбище. Что делать? Каждую минуту может проснуться хозяин, и тогда… Но как ни силен был гнев юноши, у Тымкара ни на мгновение не возникала мысль убить оскорбившего его человека. Ему нужна была только Кайпэ. Он видел, что она ждет и любит его.

Тымкар просунул голову в полог. Темнота. (Летом жирники не зажигают). Слева хозяин. Значит, где-то тут и Кейненеун. Рыжебородый таньг, конечно, лежит в другой стороне. Осторожно Тымкар начал ощупывать полог руками.

Но как объяснить ей? Как не напугать ее?

Юноша подтянулся на руках и прополз в полог. Ощупью нашел Кайпэ и прилег рядом. Как прибой о скалы, билось в груди его сердце. Ближе, ближе. Вот ее лицо. Губами Тымкар касается ее уха, шепчет:

– Не бойся, не бойся, я – Тымкар.

Кайпэ вздрагивает. Юноша повторяет ей все то же и то же. Девушка поднимает руки и ощупывает ими лицо Тымкара. Прямой нос, Длинные ресницы. Он. Он!

– Я пришел за тобой, Кайпэ, Тагам![1]

Девушку бьет дрожь. Кайпэ сжалась в комочек, не смеет прикоснуться к тому, кого она ждала два долгих года.

– Идем, Кайпэ, идем!

– Молчи! Молчи! Я пойду, пойду! Ты пришел в самое время. Иди, я – за тобой. Милый…

Тымкар выполз и скрылся среди кочкарника. За ним – выбралась из шатра Кайпэ. Они ползут, перебегают от кочки к кочке. Наконец туман скрывает их. Юноша и девушка бегут.

1 Идем

Бегут быстро, бегут в том направлении, где должно быть море.

Но до него не одни сутки пути.

– Милый! Пойду с тобой. Ты смелый и сильный.

– Скорее, Кайпэ. Ты медлишь. Твои ноги, однако, ослабели.

Девушка едва поспевает за ним. Но вот и Тымкар начал спотыкаться.

Эх, молодость, молодость! Даже куска мяса не захватили с собой беглецы. И стойбище оставили перед самым восходом солнца. И побежали прямой дорогой…

…Солнце взошло давно. Туман рассеялся. Силы оставляли обоих.

В стойбище Омрыквута переполох. Задушен пес, исчезла Кайпэ. За Гырголем в стадо послали гонца. Ляс ушел к себе шаманить. Вскоре он объявил: «Пахучей сыростью тянет с юга. Оттуда пришло несчастье. «Зря ходящий по земле» был не человек, а дух. Он задушил собаку, увел дочь Омрыквута. Смотрите! Трава, мох – все потемнело там, куда он ушел… Скорее надо менять пастбище, откочевывать. Мор близко…»

Стойбище спешно снималось с места. Разбирали яранги, грузили на нарты скарб. Но все делалось молча.

Гырголь и Кутыкай бросились в погоню за беглецами.

…День угасал. В низинах начал скапливаться туман. Тымкар и Кайпэ присели отдохнуть: голод и усталость давали себя чувствовать.

Гырголь, как волк, рыскал по тундре. Он все чаще проверял, на месте ли нож, не потерялся ли. Он покажет этому жалкому бедняку, как уводить чужих невест.

Бежал трусцой по тундре и неутомимый Кутыкай. У ручья он наткнулся на следы. Они были совсем свежие, даже тиной их не успело затянуть. Определив направление, Кутыкай побежал дальше.

…Скоро сутки, как Кайпэ и Тымкар в пути.

– Милый, мы найдем людей. Найдем пищу, – шепчет она.

– Да, да. Конечно, – откликается юноша.

Их губы потрескались, кровоточат: они напрасно так много пили воды, она совсем ослабила их.

Тымкар принюхивается: он улавливает слабый запах дыма. Но что такое там?.. Сердце сжала тревога. Ведь оттуда они идут! Тымкар протирает затуманенные глаза. К беглецам приближается человек. Кайпэ поднялась, всматривается, ее грудь высоко вздымается. Чукча бежит по их следам. Гырголь? Нет. Но это за ними.

– Кутыкай! – стоном вырывается у Кайпэ.

Тымкар вынимает охотничий нож, и они бегут дальше. Ведь он тоже устал. Он не догонит. Он еще далеко…

Расстояние между ними, однако, сокращается.

Беглецы спотыкаются все чаще. Их сердца так сильно бьются. Трудно дышать, глаза заливает пот.

Кутыкай что-то кричит. Он совсем близко. Но и он, видно, изнемог, если так долго не может догнать их.

– Милый, – задыхаясь, еле слышно произносит Кайпэ. Она хватает Тымкара за руку.

Ноги юноши вязнут в холодном ягельнике.

Что-то свистит в воздухе, Кутыкай набрасывает на Тымкара аркан. Кайпэ падает вместе с возлюбленным.

Пастух Омрыквута не рискует подойти вплотную, он душит Тымкара арканом. Кайпэ бросается на помощь. Но в это время Тымкар успевает ножом перерезать ремень, но тут же теряет сознание. Кутыкай хватает обессилевшую Кайпэ, взваливает ее себе на плечи и, утопая в ягельнике, тащит назад.

Девушка вырывается, кричит, царапает ему лицо, но верный пастух терпит и уносит ее все дальше.

С кровавой ссадиной вокруг шеи, Тымкар, превозмогая боль, поднимается на ноги, делает несколько шагов – и снова падает. Сухим надтреснутым голосом он кричит своей

Кайпэ:

– Я найду тебя, Кайпэ!

Но слышит ли она его?

Не оглядываясь, Кутыкай тащит к стойбищу невесту Гырголя, невесту будущего зятя своего хозяина.

Туман быстро выползает из низин, делая тундру похожей на небо. Он застилает глаза Тымкару…

* * *

…Бродя от стойбища к стойбищу в поисках кочевья Омрыквута, обтрепанный, исхудалый, лишь поздней осенью вернулся Тымкар в Уэном.

Глава 10
ГРЕХ ОТЦА АМВРОСИЯ

Стойбище Омрыквута откочевывало на северо-запад. Как тень, Амвросий следовал за стадом.

Время шло. Торопилась жить полярная тундра. Коротко здесь лето. Все живое спешило: сновали щенки песцов, в озерах, заводях рек резво плавали выводки уток; даже моховые ковры тундры и те чуть не на глазах меняли тона.

Не спалось Амвросию белыми ночами. Он выходил из шатра на воздух.

Река, небольшие озера, ручьи казались огромным потрескавшимся зеркалом в темно-зеленой оправе мхов.

В воздухе тучами сновал гнус. Нет от него спасения. Забивается в волосы под шапку, влетает в рот, в нос, в глаза, до крови изъедает обнаженные части тела.

Тундра тихо журчит, сочится. Под ногами сыро.

Опершись на ярангу, задумчивый Амвросий вызывает в памяти картины прошлого. Они меняются, бегут, обгоняют друг друга, и вот он уже видит себя стоящим среди сонного стойбища. «Купец… Конечно, меня считают купцом, – думает он. Его руки машинально щиплют полы подрясника. – Действительно, ведь я ничего не сделал в этом кочевье как миссионер. Но что было бы в том проку? Ведь и сам я никогда больше не встречусь с этими людьми, да едва ли встретится с ними и кто-либо другой из служителей церкви. Что ж, все равно теперь! Пусть», – шепчет он, отмахиваясь от гнуса.

Наутро, чтобы ускорить отъезд – ведь ездят же кочевники на легких нартах по траве! – Амвросий стал задаривать хозяев остатками своих товаров. Омрыквуту он отдал последние папуши табака, кирпичи прессованного чаю. Кейненеун – бисер, браслеты, зеркало и прочую мелочь.

Оленевод дивился щедрости купца. Хорошо знал он торговых людей! Это на них не было похоже. «Доброе сердце имеет», – решил кочевник и ласково посмотрел на загостившегося у него таньга.

Лицо Амвросия густо заросло. Лохматая рыжая борода закрывала грудь. Одежда истерлась, засалилась. Омрыквут велел жене сшить ему новые торбаса и рубашку из пыжиков. Сам стал еще теплее разговаривать с ним.

К тому времени Амвросий уже ухитрялся все понимать и давать сносные ответы. Омрыквут сквозь табачный дым улыбался и помогал ему строить фразы по-чукотски.

Так протекло лето. Но когда кончилось время «белого дня», то есть белых ночей, хозяин стойбища начал примечать, что его невольный гость затосковал, ест мало, не спит ночами, стал задумчив, нелюдим. Больно было Омрыквуту видеть печаль человека в своем шатре.

– Какие у тебя думы? – участливо спросил он однажды.

– Ты спрашиваешь непотребное, – смутившись, ответил Амвросий.

– Обидные слова говоришь, – все еще без гнева заметил оленевод.

Амвросий молчал. По его щекам текли слезы. Он утирал их грязными руками, покрытыми болячками.

– Почему ты плачешь, как слабая женщина? – не унимался Омрыквут в порыве сострадания.

Амвросий молчал.

Оленевод нахмурился, набил еще трубку, посмотрел на жену. Кейненеун потупила взор, плечи ее съежились. Наступило безмолвие. Стало слышно, как по куполу яранги мерно постукивает дождь.

Двое мужчин и женщина молчали. Сырая, гнетущая ночь усиливала мрачное настроение. Близилось время освежения воздуха, за ним – время длинных ночей.

Уже три трубки выкурил хозяин стойбища, дважды Кейненеун едва заметно с тревогой поглядывала на него. Отец Амвросий, перестав плакать, задумчиво глядел в дальний угол полога. А молчание все длилось.

Но вот оленевод вдруг поднялся и, не разгибаясь, подошел к отцу Амвросию.

– Что ж, пусть мы с тобой станем товарищами по жене! – вздохнув, сказал он, взял Амвросия за плечи, заглянул в глаза.

Амвросий очнулся, увидел рядом лицо кочевника, улыбнулся, сам не зная чему: он не уловил необычного смысла в словах Омрыквута, не расслышал всей фразы.

– Где будешь спать? – спросил оленевод.

Миссионер недоуменно посмотрел на него. Странный вопрос!

– Где скажешь, – смиренно ответил он.

– Спи здесь. Я буду спать в другом спальном месте, – сказал Омрыквут и, пополнив табаком кисет из оленьей замши, пополз к выходу, искоса поглядывая на жену.

Сжавшись, Кейненеун сидела, не поднимая глаз. Ей было стыдно и досадно, что муж отдает ее таньгу.

Усталый Амвросий лег и вскоре задремал.

Ночью он проснулся и при свете угасающего жирника увидел, что жена хозяина спит на шкуре рядом с ним. Омрыквута в пологе не было.

Отец Амвросий отодвинулся подальше.

…На следующую ночь сквозь приоткрытые веки миссионер видел, как ушел Амрыквут, а Кейненеун разостлала шкуру и опять легла рядом с ним. Сердце его забилось. Притворился спящим. Но мысли путались. «Бес, бес! Сгинь, изыди! Господи, помилуй», – повторил он про себя, в то же время стараясь понять, почему хозяин уже вторую ночь не спит дома, а младшая жена стала ложиться рядом с ним, с Амвросием. Он слыхал про обычай товарищества по женам, известно ему было и то, что некоторые чукчи, главным образом богатые оленеводы, имеют по две-три жены, знал он и первую жену Омрыквута. «Надоела, видно, Кейненеун ему», – думал он, и вдруг чудились ему дом, матушка. Однако лицо матушки быстро тускнело в сумраке полога, таяло, и вместо него отчетливо вырисовывались жгучие глаза Кейненеун. «О господи! Дьявол искушает меня… Выйду отсюда!»

Амвросий тихо поднялся и выполз из жилья. Принялся бродить между ярангами, творя молитву.

Дождь перестал, но луна скрылась за облаками. Стало темно, страшно.

Тундра переговаривалась голосами ручьев, шепотом мокрых мхов. Тускло поблескивали в темноте озера.

Ежась от предрассветной свежести, ступая по холодной росе, машинально Амвросий повернул обратно.

…Жирник едва светит. Разбросав руки, на спине спит Кейненеун. Черные косы беспорядочно обрамляют смуглое лицо. Веки прикрыли слегка раскосые прорези глаз, сходящиеся к прямому приплюснутому носу. Капризно оттопырены полные губы.

Стоя на коленях, Амвросий смотрит на спящую женщину. Сонная, она поворачивается.

Амвросий вздрагивает, ползет к своей шкуре, ложится, тихо шепчет молитву.

Жирник гаснет. Засыпает смятенный отец Амвросий.

Сны, тяжелые, как грозовые тучи, беспокоят его. Что-то давит. Потный, он открывает глаза. Темнота. На своей груди он нащупывает руку спящей Кейненеун. На секунду Амвросий замирает, чувствуя, как тревожно забилось сердце и что-то теснит дыхание. «Женщина! Господи… Грех, грех, грех… О боже мой праведный! Женщина… Господи… Но… «Не согрешишь – не покаешься, не покаешься – не спасешься», – мелькает в мозгу семинарская острота, а волосатые пальцы, уже не внемля разуму, блудливо ползут по обнаженной руке Кейненеун…

* * *

А в Нижнеколымске, обеспокоенная десятимесячным отсутствием мужа (ведь он обещал вернуться к весне!) матушка, благополучно разрешившись двойней, денно и нощно молилась, плакала, худела. Исправничиха утешала ее.

Жены тех переводчиков, с которыми отец Амвросий выезжал из Нижнеколымска, приходили к ней и слезно просили заступничества за их мужей, арестованных исправником сразу по возвращении. «Неповинны они, – рыдая, увещевали соломенные вдовы матушку, – заступись, будь матерью родной: с голоду дети пухнут. Нет работников. Лето проходит. Помрем ведь зимой». Но матушка не заступалась, и переводчики Амвросия по-прежнему сидели в крепости.

Исправник отобрал у переводчиков шкурки песцов и лисиц, вымененные ими в тундре, и чуть не ежедневно допрашивал арестованных: он обвинял их в убийстве главы православной миссии на Колыме с целью грабежа.

Возвращение переводчиков без отца Амвросия и его исчезновение действительно казались подозрительными.

Уже несколько месяцев, как исправник отправил донесение в Иркутск, и теперь ждал только санного пути, чтобы отправиться на розыски отца Амвросия.

* * *

Не заметил отец Амвросий, как миновало дождливое лето, стали реки, выпал снег. Уютно было ему в яранге с молодой женой богатого оленевода.

Кочуя, стойбище Омрыквута достигло Чаунской губы. Установился санный путь.

В один из тихих морозных вечеров Омрыквут пришел в шатер младшей жены.

– Я пришел, – возбужденно воскликнул он. – Радостную новость скажу.

Новость заключалась в том, что через неделю отец Амвросий вместе с Омрыквутом и его пастухом Кутыкаем прибудут в Нижнеколымск.

Проклял бы этот час отец Амвросий, если бы знал, что в городе Омрыквут предъявит свои права товарища по женам и разыграется страшная сцена, которая поставит под угрозу благочестие и все будущее главы православной миссии!

Если бы он смог заглянуть вперед, он увидел бы себя, беспомощно взывающим к господу богу и молящим ниспослать ему разум, чтобы не допустить посрамления служителя веры христовой: «Не приведи господи, узнает владыка! Отлучит ведь от церкви, лишит сана и службы… Узнает весь город! Весть дойдет до священного синода. Боже правый, научи раба своего!» Уже тогда пережил бы отец Амвросий ту недалекую ночь, когда он вынужден был, спасаясь от огласки, тайно покинуть вместе с матушкой Нижнеколымск.

Холодом сжало бы его сердце видение трех нарт, нагруженных пушниной и имуществом миссии, воровски скользящих по снегу в бледном свете луны и, наконец, скрывающихся за крутым изгибом стылой реки.

Глава 11

КОЛЫМСКИЙ ИСПРАВНИК

Зимний день угасал. Голубые вершины сопок, еще недавно подернутые алой краской заката, блекли, сливались с посеревшим небом. Долина тонула в сумраке.

Путники спешили, чтобы засветло добраться до жилья. Правда, вдоль побережья есть нартовый след – «дорога», но долго ли впотьмах сбиться с него!

Цепочкой, одна за другой, скользят две нарты. Высунув красные языки, дымящиеся на морозе, матерые псы тянут их. На каждой нарте по два человека. С головы до ног они укутаны в добротные меха. Поверх кухлянок из оленьих шкур белые халаты, предохраняющие мех от снежной пыли. У троих за спиной ружья. Завидев поселение, собаки тявкнули, подналегли на упряжь и понеслись вскачь.

Казаки-каюры воткнули в снег, между копыльями нарт, остолы – окованные железом тормозные палки, – струи снежной пыли взметнулись вверх, но скорость от этого заметно не уменьшилась. Нарты мчались, подпрыгивали, готовые каждую секунду перевернуться.

– Держи! – рявкнул седок первой нарты.

Казаки схватились за остолы обеими руками.

Упряжка обогнула первую ярангу и бросилась на замешкавшуюся поселковую собаку. В один миг та была разодрана в клочья. Нарта стала, но совсем рядом пронеслась вторая упряжка, и казак, сидящий на ней, невольно толкнув ногой первую нарту, перевернул ее.

– Чертова морда, расшибу! – взревел исправник поднимаясь.

И не замедлил привести в исполнение свою угрозу. Казак, сваливший его, не удержавшись на ногах, упал.

Из яранг опасливо выглядывали чукчи.

Казаки распутывали собак, пристегивали к ошейникам цепи. Исправник осмотрелся. Пятнадцать – двадцать яранг да какой-то склад из гофрированного оцинкованного железа – вот и весь Ванкарем.

– Идем! – не называя никого по имени и ни на кого не глядя, сказал он, направляясь к складу.

За ним вперевалку, мягко ступая толстыми меховыми торбасами, – казак.

Навстречу вышел из домика-яранги мистер Джонсон в меховой куртке и брюках из черной кожи, в такой же шапке, в теплых унтах.

– Кто таков? – не здороваясь и уставившись на него, вопросил колымский исправник и стряхнул иней с пышных усов, лихо подкрученных вразлет.

Мартин Джонсон, ничего не поняв, приоткрыл рот, слегка склонил набок голову.

– Ну, язык отсох, что ли?!

По тону пришельца щуплый швед догадался, что это какой-то начальник. Но откуда, бог мой?

– Хау ду ю ду! – он слегка поклонился.

– Ты мне дурака не валяй, чертов сын! Кто таков? Дую-ду… – передразнил его исправник и, не ожидая приглашения, полез в ярангу, из которой появился янки.

За ним проник в помещение казак, зацепившийся ружьем за дверь.

Последним двинулся хозяин.

Приезжие сняли с себя халаты и кухлянки, и Джонсон увидел кокарды на их шапках и револьверы у поясов. По его спине пробежала неприятная дрожь. Впрочем, это случалось с ним не впервые. Каждый раз при встрече с человеком в форме полисмена ему казалось, что это пришли за ним…

Еще девятнадцатилетним парнем, приехав на каникулы в год окончания коммерческого колледжа, Мартин привез из Чикаго нехорошую болезнь. Вскоре заболела служанка в их доме, а потом дочь почтмейстера. Мартин был взят под арест, его ожидал суд. Однако за день до процесса отец сумел подкупить стражу и дал возможность сыну бежать, по-отечески посоветовав надолго покинуть штат. Джонсон решил разбогатеть на Аляске, понимая как коммерсант, что деньги, когда он их «сделает», помогут ему восстановить свою репутацию

порядочного человека. И вот с тех пор – хотя минуло четыре года и он сейчас был очень далеко от своего штата – ему все чудилось в таких случаях, что его разыскали и настал час расплаты.

Исправник уже проник в жилую часть яранги, стянул с себя меховые штаны, надетые поверх формы.

Джонсон увидел оранжевый кант на его брюках и еще больше убедился в необходимости быть особенно тактичным, внимательным и предупредительным.

У жирника сидела молоденькая девушка. Она заменяла здесь Мартину оставленную в Уэноме дочь Кочака. Исправник причесался, расправил усы, оглядел девушку.

– Иван! – крикнул он.

Появился казак-переводчик – помощник исправника.

– Бумаги, – шевельнув лихими усами, приказал исправник.

Иван перевел его приказание на чукотский. Мартин понял, о чем идет речь, хотя чукотским языком владел еще неважно. Он быстро взялся за ремешок на темной от копоти стене полога и потянул его к себе. Ремешок оказался дверной ручкой. Небольшая дверь – раньше ее совсем не было – вела из полога в комнатку.

– Пожалуйста, войдите, – Мартин снова вежливо поклонился исправнику, приглашая следовать за ним.

– Иван, за мной!

Исправник и его помощник вошли в комнатку. Здесь можно было стоять во весь рост. В комнатке находились кровать, железная печка, стол, кресло, табурет, полка с бумагами и винами. Окно было закрыто красной занавеской. Под потолком висела лампа. Стены обтягивал пестрый ситец.

Мистер Джонсон протянул паспорт.

С серьезным видом исправник стал рассматривать документ, заполненный по-английски. Кашлянул, уселся в кресло, еще повертел в руках паспорт, для солидности посмотрел его на свет. Спросил:

– Кто таков? По какому поводу здесь проживаешь?

Казак перевел. Мистер Джонсон, как умел, пояснил.

Исправник накручивал на палец ус.

– Ты что же, чертов сын, стоишь, как пень? Не знаешь, как встречать исправника?!

– Господин исправник хотят с дороги кушать, – перевел казак.

– О, да, да. Конечно. Извините меня. Я быстро! – и Мартин выскочил из комнаты, гремя ключами от склада.

Исправник ухмылялся.

– Вернется, опроси его, не проезжал ли тут наш беспутный владыка. Да иди с богом, посмотри за псами. Чертей чумазых попытай о бате. Заночуем, а утром – в путь-дорогу. Поспешать надо.

Довольный, что все обошлось хорошо, мистер Джонсон угощал русского полисмена, как он про себя назвал его. Исправник пьянел медленно.

– А там что у тебя за девка? – он указал рукой на дверь.

Мистер понял не сразу. Однако «полисмен» сумел разъяснить, что именно его интересует.

– Волоки ее сюды!

Мартин покосился на серебряные погоны и позвал девушку.

– Ну, как зовут, чумазая?

Девушка смущенно опустила голову.

– Пей! – исправник налил ей стакан разведенного спирта.

Та замялась.

– Ну, чертова дочь! Чего стоишь?!

Натужно улыбаясь, Мартин Джонсон начал уговаривать девушку. Морщась, та осилила полстакана и мигом стала хмелеть.

Исправник налил себе еще. Выпил, посопел и, не закусывая, склонился на стол, широко раздвинув локти. Молодая чукчанка качала головой:

– Э-э… Этки![1]

– Чего? – исправник поднял глаза, огляделся. – А ты чего торчишь тут? – рявкнул он на Джонсона. – Иди! – и махнул тяжелой рукой в сторону двери.

Хозяин открыл рот, заморгал, начал что-то говорить.

– Что?! Пошел! – гаркнул исправник. Качнувшись, встал, одной рукой сгреб мистера Джонсона за шиворот и вытолкнул за дверь.

Замок захлопнулся.

* * *

Утром кортеж исправника двинулся дальше. Как выяснил казак-переводчик, отец Амвросий через Ванкарем проезжал минувшей зимой.

День обещал быть хорошим. Настроение у казаков было бодрое. Кожаный мешок, в каких обычно возят пушнину, потолстел. Исправник, вполне довольный собой, и не подозревал, какой неприятностью для него чревата минувшая ночь…

К вечеру следующего дня достигли Энурмино.

Здесь не было ни одной постройки европейского типа.

– Есть ли в вашем селении люди другой земли? – по приказу исправника спросил чукчу казак-переводчик.

Тот указал на ярангу Тэнэт. Исправник пошел туда. В душе он всячески бранил отца Амвросия, устроившего ему эту веселую поездку. Ему чертовски надоело таскаться по туземным жилищам, спать и есть среди этих «чертей чумазых», как он величал чукчей. Конечно, ему было бы куда приятнее заночевать среди русских. Но его ожидания опять не оправдались.

В яранге, кроме девушки и старухи, он увидел огромного, как он сам, человека, который перед этим что-то подсчитывал в записной книжке и теперь молча поднял глаза на вошедших. Его почти квадратная челюсть отвисла, белобрысые брови нахмурились. Было похоже, что он не в восторге от их визита и не собирается заискивать и гнуть спину.

Бент Ройс и Устюгов не сумели своевременно, летом, продвинуться дальше на север, к устью реки Колымы: они все ожидали продовольственного подкрепления из Нома от компании, но оно так и не пришло. Льды и холода вынудили их зазимовать здесь. Сейчас Ройс только что подсчитывал запасы продовольствия, вычисляя дневные нормы расхода. Продукты были на исходе, и он давно уже приобщился к чукотской пище Тэнэт и ее старухи матери.

Василий ушел на охоту.

Ройс сидел в чукотской обуви, тюленьих штанах и европейской сорочке. Никаких признаков гостеприимства он проявлять, видимо, не собирался.

«Откуда их черт понагнал сюда?» – подумал исправник, хотя прежде в этих местах ему и не приходилось бывать.

– Что ты за человек? – он ткнул пальцем в сторону незнакомца.

Норвежец не понял. Казак повторил ему вопрос по-чукотски. Не двигаясь с места, Ройс ответил:

– Проспектор «Северо-Восточной компании».

– Это еще что за компания?

– Господин колымский исправник, – разъяснил казак-переводчик, – требуют подробно доложить им, кто суть вы есть и по какому виду проживаете на земле Российского государства.

По-чукотски Ройс пояснил, что компания по поискам золота на Чукотке создана с согласия русского правительства и он один из ее представителей здесь.

---

1 Плохо

– Бумаги! – потребовал исправник.

Проспектор предъявил паспорт и плотный лист, где что-то было напечатано на машинке латинским шрифтом.

Исправник ни о какой «Северо-Восточной компании» до сих пор не слыхал. Однако наличие бумаг, упоминание о русском правительстве и независимый вид этого «бугая с поросячьими глазами», как про себя окрестил его исправник, несколько смягчили крутой нрав блюстителя порядка. Да и не по этому поводу он прибыл сюда.

– Так, так… Золото, значит?

– Господин колымский исправник требуют подробно доложить им касательно золота, – уточнил казак.

Неразговорчивый норвежец оживился, надеясь, что представитель русского правительства сможет оказать ему помощь продуктами, людьми, транспортом. И он действительно подробно начал рассказывать о поисках, о чукчах, которые боятся копать землю, о трудностях, о продуктах и прочем.

– Спытай, Иван, сколь много золота он намыл…

Золото? Нет, нет, золота Ройс еще не добыл. Исправник покосился па него. «Брешет. Знаю я этих искателей!» Ему стало скучно слушать долгие россказни. Он зевнул, потянулся.

– Тащи-ка, Иван, вечерять. Да будем ложиться.

Ройс угостил их спиртом. Тэнэт согрела чай. Нерпу казаки есть не захотели.

К вечеру с пойманным песцом вернулся Василий. Он не имел никакого представления о значении формы, в которую были одеты казаки.

– Русские? Вот радость-то! Хау ар ю, земляки? Откуда вы, куда? – он протянул усатому руку, но она повисла в воздухе.

Исправник не шевельнулся.

Бент Ройс недоуменно смотрел на них.

– Беглый? – сурово спросил исправник, не сводя с Устюгова прищуренных глаз. Бородатое лицо казалось ему знакомым.

– Беглый? – повторил Василий. – Это как?

– А ну, лоб покажи. Каторжник, никак?

Помощник исправника осмотрел лоб Василия, пояснил:

– Ты, хлопец, дурака не валяй. Сказывай прямо господину колымскому исправнику, откуда сбежал. Вид на жительство имеешь?

Паспорта у Василия не было – все русские из Михайловского редута не приняли «американства» и жили без подданства. Но у него был контракт. Василий предъявил бумагу.

– С Русской Америки я, с Аляски. Мы вместе вот с ним, – указал он на Ройса.

– Это еще что за Америка? – не удовлетворился разъяснением исправник.

Путая русские слова с английскими, Устюгов рассказал свою историю, еще крепче убедившись, что царь, видно, и впрямь не знает о них, горемычных.

– Тяжело нам, сэр исправник, жить там среди чужеземцев, – сказал он под конец, – вот сделаю свой бизнес и подамся сюда вместе с семьей.

– А золота много намыл? – вновь поинтересовался тот.

Но, услышав примерно такой же ответ, как от Ройса, потерял интерес к дальнейшей беседе.

– Ну, леший с тобой, – он безразлично махнул кистью руки. – Живи, – разрешил исправник.

И стал укладываться спать, предварительно выпроводив к соседям Тэнэт и ее мать.

Из-за непогоды выехать на следующий день в Энурмино не удалось.

* * *

Шнырявший по ярангам помощник исправника под вечер заметил какого-то, как ему показалось, подозрительного человека, входившего в поселение. Был он в собачьей дохе и

такой же шапке, запорошенных снегом, в оленьих унтах; за спиной виднелся дорожный мешок.

Казак быстро распознал в нем русского.

– А ну, поди-ка сюды! – повелительно подозвал он, видя, что тот направился в жилище.

Богораз подошел. Как ни был он утомлен, но, услышав русскую речь, пусть даже грубоватую, Владимир Германович обрадовался.

– Документы! – потребовал помощник исправника, исподлобья уставившись на него своим тяжелым, холодным взглядом.

Зная нравы властей, этнограф, конечно, немедленно показал бы ему паспорт, если бы мог почти онемевшими от стужи руками забраться под доху, в карман пиджака. Но руки не слушались его.

– Дайте мне хотя бы обогреться с дороги.

– Обогреться? А потом сбежать? Обогреешься на каторге. Иди! – и казак жестом указал ему направление.

Измученному длинным переходом, озябшему Богоразу было не до спора. К тому же он знал, что всякие возражения были бы напрасны. Он подчинился.

Прямо в запорошенной снегом дохе казак едва не втолкнул его в полог. Ройс, исправник и Устюгов одновременно подняли головы. Перед ними выпрямлялся вползший сюда человек в заснеженной одежде. Его ресницы заиндевели и теперь, в тепле, слипались, закрывая глаза; он протирал их рукой. Следом за ним, тяжело дыша, вполз казак, доложил:

– Задержал! Беспаспортный бродяга, господин колымский исправник.

– Вы потрудитесь, – не выдержал Богораз, – потрудитесь, – повторил он, повышая голос, – узнать, с кем имеете дело, прежде чем… – он не договорил, снял шапку, белые от инея брови круто изогнулись, и уже спокойнее, обращаясь ко всем, он сказал:

– Здравствуйте.

Ему никто не ответил. Только Устюгов едва заметно кивнул головой.

– Разрешите раздеться? Кто здесь хозяин?

Василий быстро поднялся, чтобы помочь ему стянуть доху. Ройс слегка склонил голову, приоткрыл рот, стараясь понять, о чем говорят русские. Исправник и его помощник озадаченно переглянулись.

Вытерев платком оттаявшее лицо, этнограф представился:

– Владимир Богораз. По поручению Российской академии наук с разрешения министра внутренних дел занимаюсь изучением…

– Богораз? – переспросил исправник. – Вот оно что! Бо-го-раз… Ссыльный?

– Ссылку я отбыл давно. С кем имею честь? – спросил ученый, хотя ему и так было ясно, с кем свела его судьба.

– Давно, говоришь, отбыл? Знаю, что отбыл, видал тебя, помню твое обличье, – соврал исправник. В действительности он вспомнил фотографию Богораза, приложенную к секретному циркуляру министра об установлении негласного надзора. – Проверь, Иван, точно ли он тот, за кого выдает себя.

Помощник ознакомился с паспортом и открытым листом министра, где предписывалось «предъявителю сего оказывать всякое законное содействие к исполнению возложенных на него поручений».

– Так точно, господин колымский исправник, сия личность есть тот самый Богораз, о котором вы мне сказывали еще в Нижнеколымске.

Владимир Германович метнул на него быстрый взгляд.

– У вас еще будут вопросы или мне можно идти? – устало спросил он.

– А куда тебе идти по пурге? Будешь ночевать здесь. Да и обспросить тебя надо кое о чем. Не мне же к твоей милости с визитом являться?

– Как вас звать? – спросил Богораз Устюгова, видя, что от властей не избавиться так скоро, как хотелось бы.

– Василий, – отозвался тот. – А что?

– Дайте мне, пожалуйста, если можно, кружку кипятку. Продрог.

Чайник висел над жирником, и Устюгов тут же исполнил просьбу. Богораз развязал дорожный мешок, достал кусок сахару и сухарь.

Исправник заметил в рюкзаке книгу.

– Запрещенная?

– Что? Книга? Нет. Автор ее печатается в «Современнике», в «Восточном обозрении».

– А ну, Иван, проверь сию книжицу.

Помощник бесцеремонно полез в чужой вещевой мешок.

– Омулевский, – прочел он.

– Мулевский? Не слыхал. А ну, читай!

– «Дело святое за правду стоять», – начал казак и вопросительно взглянул на исправника.

– Так… – нараспев процедил тот, почесывая ухо. – А еще там про что писано?

– «Не думай, что труд наш бесследно пройдет, не бойся, что дум твоих мир не поймет, – монотонно читал казак. – Работай лишь с пользой, – продолжал он после паузы, – на ниве людей да сей только честные мысли на ней!»

– Будя, Иван, – остановил его исправник. Глаза его сузились. – А есть ли на ней государево дозволение к печати?

Иван внимательно оглядел первую страницу, но такого дозволения не обнаружил.

– Что-то не видать, господин колымский исправник.

– Изъять! – с наслаждением приказал тот. Составить протокол сей же час.

Богораз поставил на кожаный пол кружку с кипятком. Глаза его озорно блеснули.

– Пожалуйста! Я помню ее всю наизусть.

– Присовокупить! – взбешенный дерзостью, раздраженно скомандовал исправник и тут же велел проверить все, что имеется в мешке бывшего ссыльного.

Но там больше ничего любопытного для властей не оказалось. Коллекции же и записные книжки не интересовали исправника.

Иван составил акт, торжественно огласил его, поглядывая на своего начальника. Заставил Богораза расписаться.

– Куда теперь направляешься? – упорно обращаясь к нему на «ты», спросил исправник.

– В Уэном, потом – в бухту Строгую, затем – в Славянск, оттуда кораблем – разумеется, через Владивосток – в Петербург.

– Идешь откуда? – допытывался тот.

– Из тундры.

– Отца Амвросия встречал?

– Амвросия? Ах, да! Видел весной в стойбище Омрыквута.

– Весной, говоришь? – Исправник закрутил ус. – Но ведь теперь зима!

– Вы не ошиблись: сейчас действительно зима… – заметил Богораз, укладывая в дорожный мешок свои вещи.

Колымский правитель почувствовал издевательские нотки в его голосе и, не зная, чем бы еще досадить этому преступнику против самодержавной власти, спросил:

– А за что тебя, мил человек, в Колымский округ ссылали?

В глазах Владимира Германовича метнулись гневные огоньки.

– Представьте себе, вас это не касается!

– Как? – взревел тот. – С кем говоришь?

– Вам предписано министром, – спокойно, но очень серьезно продолжал свою мысль Богораз, – оказывать мне содействие, а не чинить допросы. К тому же я устал и хочу спать. Спокойной ночи, господа! – Он положил голову на вещевой мешок и не то притворился, не то действительно сразу заснул.

Исправник пытался задавать ему новые вопросы, однако убедился, что и в самом деле обращается к спящему…

Подобным непочтением к господину колымскому исправнику возмутился было и Иван.

Он предложил свои услуги, чтобы растолкать «ссыльного», но исправник не решился применять физическую силу: не получилось бы неприятностей. Ведь в секретном циркуляре говорилось только о негласном надзоре, а он и так учинил ему целый допрос с обыском…

– Бес с ним, Иван! Пусть дрыхнет, – он махнул рукой. – Иди. Да утром – пораньше в дорогу.

…Утром, когда Богораз еще спал, помощник исправника явился с докладом. Нарты готовы, батюшка Энурмино проезжал, погода ладная, надо бы поспешать – до Узнома далече, кабы не заночевать в тундре: дни-то еще коротки.

Исправник был хмур.

– Спытай, нет ли у них лекаря.

Лекаря не было. Был шаман, но он, когда к нему обращались, вместо того, чтобы врачевать, с бубном носился по пологу, выкрикивая заклинания, вызывал духов-помощников, гремел побрякушками и амулетами, коими шаманы обвешивают свое платье. А исправнику был нужен лекарь…

– Прикажете подавать нарты, господин исправник?

Ройс спросил:

– Мистер Исправникофф болен? У меня есть медикаменты.

Больной безнадежно махнул рукой, покачал головой и начал облачаться в меховые штаны.

– Иди. Заболел, мол, ваш исправник. Не успеют к темну до жилья – зашибу чертовых детей!

Исправник уехал.

Тотчас проснулся Богораз.

– Доброе утро, Василий… как вас по батюшке?

– Отца Игнатом кличут.

– Вот и отлично. Значит, Игнатьевич. А фамилия?

– Устюгов.

– А ваш товарищ не знает русского?

– Нет. Норвежец он.

– Да? А сюда как попал?

– С Аляски. Мы вместе.

– Ах, вот оно что! Тогда он должен владеть английским, не так ли?

Ройс насторожился, водянистые зрачки его маленьких глаз застыли.

– Гуд морнинг, сэр![1]

– О! – радостно воскликнул золотоискатель. – Вы говорите по-английски?! – бритое лицо с тяжелым подбородком ожило.

Оказалось, что этот язык не диво и для Устюгова. Начались взаимные расспросы.

Вскоре возвратились изгнанные исправником владельцы яранги: Тэнэт и ее мать. Богораз заговорил с ними по-чукотски. Дочь и мать удивились, что таньг так хорошо знает их язык.

– Вот здорово! И чукотский знаете? – не менее женщин изумился Устюгов. – Значит, можете и по-русски, и по-английски, и по-чукотски?

– И по-эскимосски, и по-ламутски, по-французски, иттельменски, украински, – засмеялся Богораз, – и даже немного по-индийски.

На Устюгова это произвело огромное впечатление.

– Неужто? Где научились?

– Учусь всю жизнь, Василий Игнатьевич. В школе учился, в университете, в тюрьме, в Петропавловской крепости, в ссылке, в Америке – всюду.

– И в Америке, говорите, были? А отца Савватия знаете?

При слове «Америка» Ройс снова забеспокоился.

– Мистер Богораз, пожалуйста, говорите по-английски.

---

1 Доброе утро, сэр!

– Извините, ради бога. Я опять забыл, что вы не владеете русским. Знаете, в России как-то не думаешь о том, что тебя могут не понять. Да, – продолжал он, снова обращаясь к Устюгову, но уже по-английски, – бывал я в этой Америке. – Этнограф посмотрел на женщин и, не закончив, спросил: – А не лучше ли нам разговаривать по-чукотски, чтобы нас понимали и наши любезные хозяйки?

– Ноу, – запротестовал Ройс, замахав своими непомерно длинными руками.

Поддержал его и Устюгов, еще плохо освоивший чукотский язык.

– В таком случае извините меня: я временно прерву нашу беседу, – и Богораз снова заговорил с женщинами на их родном языке.

Из беседы выяснилось, что хозяйка яранги – вдова, дочь ее – девушка, а покойная сестра Тэнэт Тауруквуна была замужем за братом Тымкара.

– Тымкар? – переспросил Богораз. – Из Уэнома? Я знаю его, мы встречались. Хороший юноша, смелый, умный, настойчивый.

– Какомэй! – в один голос, удивленно и радостно воскликнули мать и дочь. – Откуда знаешь его?

Владимир Германович рассказал.

– А почему так рано умер твой отец, Тэнэт? – спросил он девушку. – Ведь ему, наверное, было совсем мало лет?

Дочь посмотрела на сильно постаревшую за последнее время мать, которая теперь, при упоминании об отце, показалась ей особенно немощной. Пожилая маленькая женщина молчала. На ее лбу собрались морщины.

Пользуясь наступившим молчанием, Ройс попытался заговорить, но Богораз жестом остановил его, указывая глазами на хозяйку.

– Да, мало, однако, живем, – как раз в это время заговорила мать Тэнэт, покачивая седеющей головой. – Раньше чукчи жили долго.

– Это верно, – подтвердил Богораз.

– Голодаем. Распугали зверя люди с того берега. От огненной воды также многие умирают. Плохо теперь хорошим охотникам, – вздохнула она. – Много, Тэнэт, отец твой добывал песцов. Однако приучили его американы пить дурную воду. Загорелась в нем огонь-вода Не затушил шаман. Умер твой отец, Тэнэт…

Василий участливо посмотрел на девушку, и Богораз догадался, что он понял рассказ ее матери.

Хотел было Владимир Германович и в этой яранге, как он это делал почти всюду, попытаться раскрыть глаза людям, рассказать, в чем их несчастье, что делать, как сохранить свой народ от вымирания, но передумал: кто его знает, этого Ройса. Да и Устюгова видит он первый раз. Разнесут того и гляди повсюду… Годы тюрьмы и ссылки научили его осторожности. Но женщин он все же утешил:

– 1 Не печальтесь. Настанет лучшее время. Верьте в него. Есть люди, которые думают о вас. Думайте и вы. Старайтесь жить так, как жили прежде, до прихода сюда людей другой земли.

Помолчали. Устюгов задумался. Слова о лучшей жизни вновь растревожили его сердце. К тому же второй год он ничего не знает о семье. Как-то там Наталья, Колька, отец, дед? Компания оставила Василия с Ройсом без продуктов, забыла о них. Снова наступила томительная зима. Неспокойно на душе у Василия.

– Да, – опять по-английски заговорил Богораз, – вы спрашивали про отца Савватия? Нет, не встречал, не знаю.

Тэнэт и мать о чем-то шептались, поглядывая на необычного гостя.

Услышав английскую речь, норвежец оживился:

– Мистер Богораз, вчера мистеру Исправникофф вы, кажется, говорили о русском городе Владивостоке, я не ошибся?

– У вас прекрасный слух, мистер Ройс.

– И вы, наверное, будете там?

– Конечно.

– О! Это превосходно!

– Почему? – удивился Владимир Германович.

– В русском городе Владивостоке, насколько мне известно, есть представительство «Северо-Восточной компании». Мы будем вас очень просить передать туда наше письмо, чтобы его немедленно переслали мистеру Роузену в Ном.

– Пожалуйста. А кто такой мистер Роузен?

– Вы не знаете мистера Роузена? – Ройсу казалось невероятным, что на свете могут быть люди, которым незнаком главный директор компании. – О, мистер Роузен – это же известная личность!

И он рассказал все, что знал о Роузене.

– Вероятно, шхуна компании не сумела разыскать нас, но мистер Роузен, как только он узнает…

– Смотрите, мистер Ройс, чтобы этот Роузен не надул вас, – прервал его восторги русский ученый, – Насмотрелся я на этих дельцов. Кстати, вы давно из Норвегии?

Ройс рассказал. Умолчал он только про Марэн.

– Давненько вы покинули родину! Не тянет? – Богораз внимательно всмотрелся в него.

– Без денег – нет, – откровенно признался норвежец, не обратив внимания на то, как вдруг изогнулись брови собеседника и брезгливо перекосились губы.

– Значит, в России решили разбогатеть?

– Мне все равно, где сделать бизнес. Конечно, в этой ужасной стране…

– И вы так думаете, мистер Устюгов? – не дослушав Ройса, спросил Богораз.

– Моя думка – пробиваться всей семьей к своим православным людям. Невмоготу среди янок, – на русском языке отозвался Василий, теребя бороду.

Глаза Владимира Германовича сразу подобрели, он почувствовал, как кровь прилила к лицу: стало стыдно, что этого простого русского человека он чуть было не обидел, – нет, уже обидел, назвав мистером и подумав, что и он, родившись на Аляске, вырос таким же, как норвежский бизнесмен.

– Извините, извините ради бога! – Ему хотелось взять Василия за плечи, обнять, сказать ему: «Дорогой вы мой!» Но он только спросил: –А почему вы здесь один, без семьи?

– На заработки поехал. Россия-то, она далече, матушка! Без грошей не двинешься.

– А разве вот здесь, где вы сейчас, это не Россия, по вашему? Почему бы вам не перебраться сюда и жить тут или переселиться потом отсюда, ну, скажем, на Амур? И что вы там, на Аляске, маетесь!

Эта мысль поразила Василия своей простотой и неожиданностью. Он жадно начал расспрашивать о всей Чукотской земле, о Сибири, Амуре.

– Не думайте только, пожалуйста, что в России – рай. Здесь тоже трудно, но в России уже близок рассвет.

– Это как?

– Сейчас, дорогой, вы этого не поймете. Надо быть здесь постоянно, почувствовать, пережить. Но во всяком случае русским людям нечего делать в чужой стране.

Беседа затягивалась. Тэнэт уже сварила мясо. Пообедали. Ройс уселся составлять письмо мистеру Роузену. Потом ужинали. А Василий задавал все новые и новые вопросы:

– А почему вас вчера обыскивали и отобрали книгу?

Владимир Германович объяснил.

А в тюрьме за что сидели? Зачем были в Америке? Где ваша семья? Как там, в России?

Вопросам не было конца. Уже давно спали Тэнэт и ее мать. Ройс храпел над недописанным письмом, временами что-то выкрикивая по-норвежски. Догорал жирник, в пологе становилось темнее, а Богораз и Василий продолжали говорить, не замечая, что близился новый день.

Они заснули в тот час, когда кортеж исправника уже подъезжал к Уэному.

…Упряжки вбегали в родное селение Тымкара.

– Лекаря! – еще на ходу крикнул исправник Ивану.

Но лекаря не оказалось и здесь, как не было его ни в одном чукотском поселении. И в дополнение к этой неприятности выяснилось, что след Амвросия теряется именно в Уэноме. Из Энурмино выехал, сюда не приезжал. «Тут он и сгинул, – заключил исправник. – Пытай! Ищи! В Энурмино не таились, сказали: был, уехал. Здесь говорят: не видели…»

Как известно, отец Амвросий, выехав из Энурмино, свернул с побережья в тундру.

В бухте Строгой, к югу от Уэнома, по словам чукчей, торгует русский купец, там же есть и лекарь по имени Ван-Лукьян.

Видя, что задержка неизбежна, исправник приказал привести к себе шамана, так как никаких старост, старшин или каких-либо иных начальников у чукчей не существовало, и шаман был самой влиятельной фигурой в поселении.

Действительно, хотя Кочаку и случалось порой терпеть неудачи в своих предсказаниях и врачевании (впрочем, в таких случаях всегда оказывались виноваты сами чукчи…), тем не менее он слыл сильным шаманом, и чукчи дорожили его мнением.

Кочак вполз в яранга Омрыргина, где поместился исправник, искавший одиночества. Яранга эта после смерти владельца и его дочери пустовала.

Шаман приветствовал таньга, остановив взгляд на оранжевых кантах его брюк.

– То, господин исправник, шаман ихний, как вы приказали, – доложил казак.

– Скажи, что ежели к утру мне не сыщут батю, запорю, заарестую, – входил в раж исправник, – сожгу дотла все это логово, этапом погоню! А еще, мол, исправник приказал, чтобы снарядили нарту, гнали днем и ночью и лекаря того ссыльного с бухты Строгой чтобы доставили сюда.

Казак перевел.

Шаман слушал, не спуская взгляда с длинноусого таньга с головой, похожей на моржовую.

– А ну, спытай, понял ли он.

Из ответа Кочака явствовало, что он все понял. Нарту сейчас отправят за лекарем, что же касается пропавшего таньга с рыжей бородой, то такого тут не бывало, но это ничего не значит: Кочак вызовет духов-помощников и постарается у них все выяснить, чтобы успокоить русского начальника.

Шаман выполз из полога.

– Иди, Иван, чини допрос, да за лекарем немедля чтоб ехали, – приказал исправник.

Иван ушел. Исправник остался один. «Ах, чертова шлюха черномазая! Так я ж полагал, что то его – как его, черта? – Мартина баба, Джонсона! Как же то могло получиться?»

Шаман созвал стариков. Нарта за лекарем отправлена, но раньше суток ее возвращения ожидать не следовало: не рядом. Озадаченные требованием русского начальника, старики сидели в яранге Кочака. Появление вооруженных таньгов, приехавших к тому же зимой, на собаках, и не с юга, а с севера, насторожило уэномцев. Таньги гордые: даже богатые оленями чукчи не относятся так к беднякам. Почему они угрожают побоями и пожарами? И какого человека они требуют? Да уж люди ли они сами? Не происки ли это злого и коварного кэле?

День прошел в тревоге, и ночью в Уэноме никто не спал. Прислушивались, молчали. Думали о незваных гостях. Что-то будет?

В яранге Кочака загремел бубен: шаман вызывал духов-помощников.

– Иван!

Исправник забыл, что отправил казака выведывать про батю. На зов никто не явился.

– Шляется, морда! – пробурчал он, прислушиваясь к глухим ударам бубна.

Но Иван шлялся не зря. Он обходил подряд все яранги, выспрашивал про Амвросия и доглядывал насчет достатка жителей…

В шатре Тымкара, запущенном без женского присмотра, он заметил шкуру чернобурки и несколько песцов. Тымкар при свете жирника шлифовал клык моржа. Помощник исправника поздоровался, осмотрелся, подвинулся поближе к жирнику. Не спуская с колен клыка, Тымкар ответил.

От других чукчей казак уже выведал, что юноша много бродил по тундре, бывал на Аляске. Возможно, он встречал Амвросия.

Иван исподволь выспрашивал о людях, которых приходилось видеть Тымкару. Тымкар неохотно упомянул про чернобородого янки, но это не заинтересовало таньга. Сказал про Ройса и Джонсона, про Богораза. Таньг постарался тогда обрисовать облик миссионера: рыжая бородища, высок, длинная одежда, на груди – большой серебряный крест.

Тымкар упорствовал, так расценивал его поведение казак. «Ох, не на верном ли я пути? – спрашивал себя Иван. – Одинокий, бродяга. А батя, видно, прихватил пушнинки…»

– А почему ты, мил-человек, – уже другим тоном заговорил он, – почему ты дома не сидишь, а бродяжишь повсюду?

Тымкару не понравились эти слова. После всего случившегося с ним за минувшие два года он стал раздражительным.

– Однако, ты сам, как я вижу, «зря ходящий по земле».

«Ого, – подумал казак, – голь-то перекатная зубы показывает!» Он покосился на нож. Тымкар поймал его взгляд, и вдруг вспомнилось: стойбище Омрыквута, отказ хозяина принять нож, стыд и боль на лице Кайпэ и… сидящий в углу рыжебородый ганьг. «Да не этот ли им нужен?!» И Тымкар рассказал все, что видел и знал про него.

Казак-переводчик засиял. Из слов Тымкара он понял, что стойбище Омрыквута – а с ним и батя – кочевало к Колыме. «Так я ж то чуял, что владыка наш подвернул в тундру за хвостами[1] да там и залетовал, видно…» Довольный открытием, Иван поднялся, косясь на чернобурку и песцов Тымкара.

Вылез из шатра, прислушался к воркотне бубна. «Ну, ну, шамань, одноглазый, шамань!..» Оглядел небо и направился к яранге Кочака. В голове быстро зрел план: «Господину колымскому исправнику треба поспешать до лекаря, – казак тихо хихикнул, сам себе подморгнул, – ему не до бати!»

– Будя брякать! – буркнул он, влезая к Кочаку в спальное помещение.

Недовольный, тот опустил бубен с погремушками. «Ишь, разоделся», – ухмыльнулся казак, разглядывая шаманский балахон, обвешанный зубами зверей, бусинами, клочками разноцветной собачьей шерсти, амулетами. Пот катился с лица шамана. Хитрый и злой глаз был сощурен.

– Твой Тымкар видел человека, которого мы ищем.

Шаман насторожился. Он так и знал, что этот Тымкар много всем горя принесет. Об этом он догадался еще тогда, когда тот перед отплытием за пролив закричал: «Вы! Почему смеетесь вы над стариком?..» Но Кочак молчал, выжидая, что еще скажет таньг.

– Господин колымский исправник требует большую плату за человека, которого… убил Тымкар. Он хочет прикончить всех мужчин и сжечь ваши жилища…

Глаз шамана открылся шире, зрачок округлился.

– Но мне жаль вас, и я помогу вам. Если виноват Тымкар, вы можете спасти себя. – Казак помолчал, прикидывая, сколько следует запросить. – Двадцать «хвостов», пять чернобурок, – потребовал помощник исправника, – и утром я обману большого начальника, увезу его отсюда.

Вскоре он покинул ярангу шамана.

Кочак позвал Тымкара.

– Отсохни твой язык! – гневно встретил он юношу. – Что наболтал ты таньгу? – глаз шамана горел недобрым огнем.

Суеверный, как и все чукчи, Тымкар испуганно глядел на него.

– Где ты видел рыжебородого? Или твой ум помрачился?

– В стойбище Омрыквута… – начал было тот, но шаман перебил его:

– Лучше нам не видеть тебя здесь! – злобно выкрикнул Кочак, и голова его дернулась назад не по своей воле, как показалось Тымкару.

По телу юноши прошла дрожь. Слова шамана были равносильны проклятию, изгнанию

1 Пушниной

из родного селения.

Кочак схватил бубен, заметался с ним по пологу.

Тымкар попятился – жалкий, с широко открытыми глазами. «Чем я прогневил его?»

– Тагам! Тагам! – не останавливаясь, выкрикивал шаман. – Зови стариков!

Юноша обошел все яранги.

– Великое несчастье принес нам Тымкар, – сообщил собравшимся Кочак. – Лучше бы нам не видеть его здесь.

Старики понурили седые головы, приготовились выслушать страшное.

– Он убил таньга, да, убил он – того, которого теперь ищут. Да, да! – убеждал сам себя шаман. – Большую плату требуют они за него.

– Тымкар? – ахнули старики, усомнившись. – Как мог он убить человека? Или не хватило моржей и тюленей?

– Да, он, Тымкар, он убил, он, да! – повторял, возбуждая себя, шаман, потряхивая бубном.

Старики оглянулись, Тымкара не было.

– Сорок песцов, десять бурых лисиц. Или утром они убьют всех вас и сожгут ваши жилища… Да, сорок и десять. Это мне удалось так легко спасти вас, это я, Кочак, ваш шаман, вызвал духов-помощников, и они помогли мне. Разве не сильный шаман я? – выкрикивал Кочак, кривляясь, лязгая зубами, перескакивая с одного места на другое.

– Да, да! Конечно, – послышались испуганные голоса стариков.

– Идите, идите! Все несите ко мне, и утром их не будет в Уэноме.

Проклятие повисло над именем Тымкара.

Мужчины тащили меха Кочаку, женщины плакали. Встревоженные, хныкали дети. «Тымкар убил в тундре таньга», – из уст в уста передавалась новость.

Все до единой шкурки снесли чукчи шаману. Отнес и Тымкар. Кочак отобрал двадцать песцовых и пять чернобурых, те, что похуже, и отдал их таньгу.

– Мы сами прогоним его. Пусть подохнет он в тундре и волки не коснутся его трупа. Вот наша плата.

На рассвете Иван явился к исправнику.

– Здравия желаю, господин колымский исправник! – приветствовал он начальника.

– Морда! – заревел тот, пуча глаза. – Где шляешься?

– Я хотел доложить, что батя…

– Расшибу!.. Нарты к лекарю! Не гнить же мне тут из-за твоего беспутного бати! Ну…

Глава 12
БОГОРАЗ В УЭНОМЕ

Вскоре после отъезда исправника в Уэноме появился Богораз. От взора его не ускользнуло не свойственное чукчам отсутствие гостеприимства: здоровались с ним сухо, в жилище никто не пригласил, на вопросы отвечали уклончиво и неохотно. Было ясно, что в поселении произошло что-то неладное. А так как люди встретили таким образом его, русского, то, думал Богораз, похоже, что недобрых дел натворили здесь не чужеземцы.

Владимир Германович был в Уэноме впервые. Однако кое-кого уже знал и кроме Тымкара, если не лично, то по рассказам энурминцев. Знал он имя уэномского шамана, историю с помолвкой его сына Ранаургина с молодой Энминой: помолвка эта состоялась, когда оба они только родились; известно ему было и то, что Энмина любит юношу Пеляйме, а не шаманского сына.

Знакомство с Кочаном произошло неожиданно. В конце поселения Богораз заметил чукчу, который спокойно стоял у своей яранги и глядел на него, в то время как другие мужчины и женщины явно старались уклониться от встречи с ним, скрывались в жилищах при его приближении. Этнограф заинтересовался этим человеком и направился к нему.

– Здравствуй! – первым поздоровался Богораз, хотя по обычаю ему, как путнику,

полагалось лишь ответить на приветствие.

Своим единственным глазом чукча, казалось, хотел насквозь просверлить таньга. Не отвечая, он спросил:

– Кто ты, откуда, зачем явился?

Этнограф догадался, что это и есть шаман Кочак. На том была обычная оленья кухлянка с обвисшими впереди пустыми рукавами, на голове – волчий малахай.

Грубые вопросы шамана напомнили Богоразу недавнюю встречу с исправником. И ему пришла в голову шутливая мысль: представиться этому грозному чукотскому владыке по всей форме, предъявить паспорт, открытый лист министра, упомянуть об Академии наук… Но уже в следующий момент он осудил себя за эту, как он называл ее, мальчишескую, недостойную ученого мысль. Хоть Кочак и шаман, но ведь он – человек, и не его вина, что живет он в темном царстве.

– Я человек, – просто ответил Богораз. – Иду в бухту Строгую.

Легкость, с какой таньг произнес эти слова по-чукотски, не озадачила шамана. Жил он на берегу пролива, людей разных видел много – не то, что шаман Ляс из стойбища Омрыквута. Но Кочака не удовлетворил столь краткий ответ.

– Однако ты пришел в Уэном. Бухта Строгая там, – он указал рукой на юг.

Владимир Германович понял, что рассчитывать на кров в этой яранге не следует, спросил:

– А где яранга Тымкара?

Выпучив глаз, Кочак даже отступил на шаг назад, настолько поразило его, что незнакомый таньг, которого никогда не видел даже он, знает Тымкара. Дрожь прошла по телу шамана, ему вдруг показалось, что перед ним дух возмездия, который сейчас бросится на него, схватит за горло и заставит признаться, что он, шаман Кочак, решив избавиться от строптивого Тымкара, объявил его убийцей, забрал двадцать лучших песцовых шкурок себе, хотя сам не поверил таньгу-казаку и знал, что чукча не мог убить человека… Ведь только дух мог осмелиться спрашивать теперь у него об этом убийце Тымкаре!

Но «дух» спокойно ждал ответа и бросаться на шамана вовсе не собирался.

Богоразу показался странным испуг шамана. Кочак медленно пятился к открытой дверце яранги.

– Почему ты испугался? Разве я такой страшный? – улыбнулся ученый.

«Слова эти, – отметил про себя шаман, – не могут, однако, принадлежать духу, если он дух и пришел за мной». Он остановился.

– Тебя зовут Кочак?

Желая совсем успокоить шамана, Богораз допустил непоправимую оплошность: услышав свое имя из уст непонятного человека-духа, Кочак издал вопль испуга, лицо его исказилось; не поворачиваясь и не отрывая тела от полога яранги, он резко отпрянул назад, как бы спасаясь от незримо протянутых к нему рук, и словно провалился в открытую дверцу яранги…

Нет, здесь, на побережье, встретиться с такой степенью суеверия этнограф не ожидал! Озадаченный, он стоял, стараясь объяснить себе причину такого сильного испуга. Но тут же вспомнил о странном поведении всех встреченных им в поселении чукчей и понял, что в Уэноме ожидают его интересные исследования.

Вопль шамана услышали во многих жилищах, отовсюду выглядывали люди.

– Где яранга Эттоя? – спросил этнограф юношу с раскосыми, но красивыми глазами.

Пеляйме боязливо огляделся по сторонам, но любопытство взяло верх, и он спросил:

– Откуда знаешь его? Эттой ушел к «верхним людям», Теперь Тымкар живет там, – и, не ожидая ответа, указал на один из заснеженных куполов.

Тымкар одиноко сидел в своем шатре. Он не отозвался на оклик, не проявил никаких чувств, увидев знакомого таньга. Казалось, ему все безразлично. Уже две руки дней он не показывался никуда из яранги. Пеляйме, его друг, тайно приносил по ночам жир и мясо, а Энмина, приходя вместе с Пеляйме, варила пищу, убирала полог. Но и с ними ни о чем не

говорил Тымкар. Только слушал. Что мог он им сказать? Сказать, что он никого и никогда не убивал? Но кто поверит ему, если сам Кочак объявил его убийцей и за его преступление всем охотникам пришлось отдать таньгам пушнину, ничего не получив взамен! Временами Тымкара обуревала злоба, тогда ему хотелось выбежать наружу и кричать – кричать так громко, чтобы услышали все: «Это неправда! Я не убивал таньга. Кочак – плохой шаман, он обманщик!» Но, страшась этой дерзкой мысли, он только кусал губы.

Тымкар был отвергнут всеми. Но он не осуждал уэномцев, зная, что и сам поступил бы так же, если бы кто-нибудь из них, имея злое сердце, убил человека.

Все попытки Богораза вовлечь юношу в разговор оказались безуспешными. Тымкар молчал. Временами, как казалось Владимиру Германовичу, он даже гневно смотрел на него.

Этнограф решил ждать. Он разделся, записал дневные наблюдения в блокнот и, даже не попив чаю, задремал.

Ночью какие-то шорохи разбудили его, Он открыл глаза.

Незнакомая девушка убирала полог, а юноша, показавший ему днем эту ярангу, сидел на корточках у жирника, заглядывал в висящий над огнем котел. Пахло вареным мясом. Широко разбросав руки, Тымкар спал.

Тихо, чтобы не разбудить спящего, Богораз заговорил. Он узнал имена ночных посетителей, рассказал им о своей прежней встрече с Тымкаром. Потом осторожно приступил к расспросам.

– Ко-о, – отвечали Пеляйме и Энмина, поглядывая на спящего друга.

Им не хотелось рассказывать о Тымкаре плохое. К тому же они думали не так, как говорил Кочак.

Вскоре они заторопились и ушли. Так ничего и не узнал в эту ночь Богораз.

И на следующий день Тымкар молчал. Он был поглощен глубоким раздумьем. После нескольких неудачных попыток вызвать его на разговор Богораз умолк, а затем отправился бродить по поселку.

Он заходил в яранги. Его встречали настороженно, говорили неохотно, предпочитая отделываться обычным «ко-о».

Чукчи по понятным причинам боялись общаться с таньгом. Чего доброго, потом таньг с головой и усами моржа начнет искать его, и может легко выясниться, что он бывал в их яранге…

Но чем замкнутее держались уэномцы, тем сильнее утверждался этнограф в мысли, что он должен выяснить причины такого поведения, и не только выяснить, но и сделать все возможное, чтобы раскрыть людям глаза на правду.

Шли дни, а Богораз не покидал Уэнома. Короткие ночные беседы с Пеляйме и Энминой становились более доверительными, но причины молчаливой подавленности Тымкара, замкнутости чукчей, испуга Кочака все еще оставались загадкой.

Богораз пошел к Кочаку. Жена шамана не пустила его в полог: муж болен. Был ли действительно Кочак болен или он просто не показывался из яранги, установить не удалось.

Глядя на нового обитателя Уэнома, чукчи не понимали, зачем пришел к ним этот таньг. Он без товаров, пушнина ему не нужна, он ничего не требует, никому не угрожает. «Что нужно ему здесь?» – думали они.

Богоразу же нужно было многое. Плохим бы он был ученым, если бы отступил перед трудностями. Посвятив свою жизнь изучению малых народов Севера, Владимир Германович никогда не удовлетворялся намерением только собрать материал для исследования, изложить свои наблюдения и выводы. Ему хотелось посильно помочь этим людям, а потом, когда настанет лучшее время, в которое он верил всей душой, за которое сидел в тюрьме, отбыл ссылку, жил в изгнании, – тогда создать для них письменность, учебные заведения, перевести на чукотский язык Пушкина и Толстого, приобщить эти народы к русской культуре.

Время торопило этнографа. Ему предстояло побывать на всем побережье до самого Славянска и в предстоящую навигацию отплыть в Петербург для обработки собранных

материалов. Богораз не мог затягивать работу, порученную Академией наук, но он считал бы бессмысленными свои занятия, если бы не выполнял всего того, что требовала от него совесть русского ученого-революционера.

В одну из ночей, когда опять пришли Пеляйме с Энминой, Богораз сказал им:

– Вижу я, вы поступаете, как настоящие люди. Кроме вас, у Тымкара нет никого. Пусть у него будет еще один друг. Но чтобы помочь другу, надо знать, что с ним случилось. Я не знаю, а вы не говорите мне.

Владимир Германович смолк. Он искренне хотел бы помочь этому смелому, пытливому и, как видно, волевому юноше. Наступила тишина. Быстрая, энергичная Энмина вопросительно взглянула на Пеляйме. Ее девичье чистое сердце чуяло, что такие слова не сумел бы сказать плохой человек, «Зачем плохому человеку друг, которого постигла беда? – думала она. – К тому же таньг Богораз совсем не такой, как люди с того берега, как таньги с блестящими полосками на плечах, которым недавно пришлось отдать всех добытых в Уэноме песцов и лисиц».

– Пеляйме? – вопросительно окликнула она своего друга.

– Трудно сказать про человека плохое, – отозвался он.

«Это верно, – подумала девушка, – говорить об этом другим людям – как бы самому соглашаться с тем, о чем объявил Кочак…»

Какое это было бы открытие для этнографа, если бы свою мысль Энмина высказала вслух! Но она молчала.

– Думаю я, – снова заговорил Владимир Германович, – вы поступаете плохо, скрывая от меня горе моего друга Тымкара.

К щекам Энмины прилила кровь.

– Пусть, однако, я скажу! – расхрабрилась она.

И тут же, торопясь, как будто теперь ей мог кто-нибудь помешать, с трудом подбирая слова, начала:

– Кочак… – она запнулась. – Кочак… Тымкар таньга оптомэ[1] убил… Однако, зимой куда пойдет? – внезапно закончила она, глядя горящими глазами на Владимира Германовича и как бы требуя у него ответа на свой вопрос.

Богоразу вспомнились вопрос исправника об отце Амвросии, поиски миссионера, сам купец в рясе, застрявший на лето у Омрыквута. Но усилием воли остановив поток своих предположений, он спокойно спросил:

– Какого таньга, когда?

– Рыжебородого. Мы не видели. Однако, думаю я, – опять заторопилась Энмина, – Тымкар не мог убить человека, Кочак…

– Эн! – резко и громко перебил ее Пеляйме, опасаясь, что сейчас она скажет что-нибудь плохое про шамана.

От этого окрика проснулся Тымкар. Вскочил на колени, осмотрелся, нахмурился. Умышленно не обращая на него внимания, Богораз задал новый вопрос Энмине:

– Как узнали? Тымкар сам сказал?

– Кочак сказал.

– Кочак? – думая уже о чем-то другом, машинально переспросил он, глядя на осунувшееся лицо владельца яранги. Глаза Тымкара горели нездоровым огнем.

– Когда сказал? – быстро пришла нужная мысль. – Когда приезжали таньги с белыми полосками на плечах, да?

И Пеляйме и Энмина утвердительно кивнули.

– Он брал у вас песцов для таньгов-начальников?

– И-и, – неожиданно откликнулись все трое.

– Кочак – лгун! – возбужденно проговорил Богораз. – Тымкар не убийца, и я докажу это.

Наступила тревожная тишина. Тымкар сидел с широко открытыми глазами, глядя в

1 Как будто, как бы, вроде

напряженное лицо таньга, который летом пожелал ему счастья, а теперь узнал, что он не убивал никакого таньга. «Как узнал? Шаман, что ли?» – подумал Тымкар, но тут же отогнал от себя эту мысль: ведь шаман-то как раз и сказал неправду…

– Так вот почему испугался меня Кочак, – расхохотался Богораз. И сразу ему сделалось все понятно, хотя Тымкар был в стойбище Омрыквута позже, чем он. – Ты, наверное, сказал, Тымкар, что видел в тундре рыжебородого таньга Амвросия?

– Оказал.

– Так вот, други мои, как все получилось…

И он нарисовал им картину всего случившегося в Уэноме.

– Ваш шаман, – повторяю вам, – лгун и трус, – заключил он. – Не сомневаюсь также, что он еще и мошенник!

Возмущенный поведением исправника, решив, что надо написать о нем губернатору, и наивно рассчитывая на какой-то результат своей жалобы, Богораз в то же время не мог упустить удобного случая показать чукчам, что шаманы – это тунеядцы, бездельники, шарлатаны. В порыве возбуждения он не считался с тем, что у него нет неопровержимых доказательств, с тем, что его одиночная схватка с Кочаком не принесет чукчам ощутимого облегчения в их нелегкой жизни.

В страшное изумление приводил он жителей Уэнома на следующий день, заходя в яранги и сообщая, что Тымкар – вовсе не убийца, а шаман – жулик и обманщик.

– Таньга Амвросия, которого теперь ищут, я видел живого и здорового в стойбище Омрыквута. Вы можете сами потом узнать это. Ваш Кочак – лгун!

При этих словах мужчины опускали глаза, как бы показывая, что они не слышат, о чем говорит такой бесстрашный человек; женщины старались поскорее выскользнуть из полога. «Разве может врать чукча, а тем более шаман? – думали они. – Что слышат их уши? Что болтает несуразный таньг? Хоть бы не узнал Кочак, что в их яранге говорились такие слова… К тому же сам Тымкар молчит…»

Смятение в умах посеял Богораз в этот день. Никогда еще чукчи не слыхали ничего подобного. Как можно про шамана говорить такие слова? Где научился этот таньг разговаривать по-чукотски? Непонятный человек… Да уж человек ли он?

Слухи о поведении русского немедленно достигли Кочака.

– Так я и знал, – прошипел шаман, натягивая на голову оленью шкуру, под которой лежал.

Кочак притворялся больным. Суеверный, нередко доводивший себя при камлании до исступления, он искренне испугался, впервые увидев Богораза и подумав, что это явился за ним дух. Потом, когда «дух» ушел и вот уже целую руку дней, живя у Тымкара, не беспокоил его, Кочак убедил себя, что крылобровый таньг – просто очень сильный шаман, сумевший узнать его тайну. Теперь, ворочаясь под шкурой, Кочак стонал. Он тяжело переносил свое поражение. «Что нужно этому таньговскому шаману? Почему не прогонят его чукчи?» – думал он, но выйти на единоборство с сильным недругом боялся, опасаясь подвергнуться при чукчах еще более жестокому посрамлению. Пусть, решил Кочак, пусть болтает! Чукчи не поверят ему. Пусть еще сильнее перепугаются они, не чувствуя его, шамана Кочака, помощи! И он утвердился в мысли, что самое выгодное в его положении – болеть, ни во что не вмешиваться, ничего не говорить, ничего не знать. А потом, когда, наконец, таньг уйдет из Уэнома, Кочак объявит его злым духом, преобразившимся в доброго таньга, чтобы легче было у людей все выведать. «Кто поверит ему, что я лгун, а Тымкар не убийца? Как докажет он это? Они еще пожалеют, что слушали его, что сами не прогнали!»

Но чукчи не собирались прогонять этого, как видно, очень умного и простого, хотя и непонятного таньга. Не смея усомниться в словах шамана, они, однако, внутренне, скрывая это друг от друга, тянулись к таньгу, как тянется к свету веточка ивняка из-за мшистого камня, отнявшего у нее солнце. Его сердечные слова, его стремление помочь Тымкару, смелость его внушали уважение.

Богораз говорил не только о лживом шамане Кочаке и Тымкаре. Он рассказывал о

жизни оленеводов, называя многих по именам, что заставляло верить ему; о том, что в глубокой тундре чукчи живут продолжительнее, чем на берегу, так как почти не пьют водки и не общаются с людьми с того берега. Передавал он и новости, которые так ценят на Севере: о знакомых уэномцам охотниках. Слушая его, чукчи начинали видеть, как неправильно они живут. Этнограф знал, что рассказать и как рассказать, чтобы не смутить своих слушателей, заставить их думать.

Считая, что здесь он сделал все, что мог, Владимир Германович решил на следующий день двинуться дальше, в бухту Строгую.

От Энмины и Пеляйме Тымкар уже знал, что таньг Богораз уверял всех чукчей в его невиновности и в лживости шамана. «Как не боится он Кочака?» – думал Тымкар. В душе юноша был благодарен таньгу, хотя и знал, что уэномцы все равно не поверят ему.

Поздно вечером, когда Пеляйме с Энминой пришли проведать своего друга, Богораз сказал им:

– Утром я ухожу из Уэнома, Наверное мы больше никогда не увидим друг друга.

Девушка, успевшая уже привыкнуть к нему, встрепенулась. Рука с ножом, которым она резала мясо, застыла в воздухе. Смолк и Богораз. Только Пеляйме недоуменно глядел на Энмину, не понимая, почему она перестала готовить Тымкару пищу.

– Что ты за человек? – внезапно спросила девушка. Эта мысль все последние дни не давала ей покоя. Думала она об этом и сейчас, когда таньг сказал, что навсегда покидает их. – Твои поступки нам непонятны. Ты поступаешь так, как может поступать только чукча с добрым и большим сердцем. Откуда пришел ты? Скажи!

Казалось, только этих вопросов и ждал Владимир Германович. Он начал рассказывать им о себе, о жизни русских людей, об их борьбе за лучшую долю, о том, как он сам три года сидел взаперти в маленькой яранге, которую с ружьями охраняли богатые люди, злые и жадные, как Кочак, чтобы он не смог убежать.

– Теперь, – продолжал он, – я хожу по земле и учу людей, как надо им жить.

Тымкар внимательно слушал. Он уже не мог больше молчать; ему хотелось спросить этого доброго таньга: как же быть ему, Тымкару, что делать, как дальше жить? Но таньг все говорил, говорил… Но говорил не совсем о том, что так мучительно хотелось сейчас узнать Тымкару. Странный таньг! Добрый, но трудно его понять…

– Кто там подслушивает у яранги? – вдруг спросил Богораз.

Пеляйме осторожно выполз из полога. Через минуту он вернулся.

– Однако, Ранаургин, сын Кочака. Энмина его невеста по обещанию, – вздохнул юноша.

Девушка смутилась, тревожно взглянула на таньга.

– Ты сама обещала стать его женой? – спросил Владимир Германович, умалчивая, что ему прекрасно известно выражение «невеста по обещанию».

Она отрицательно качнула головой.

– У русских тоже раньше так поступали. Теперь уже не так. Раньше было неправильно, – стараясь говорить как можно проще, заметил этнограф.

Глаза Пеляйме засветились радостью. Он не сдержался, сказал, обращаясь к Энмине:

– Мы поступаем, как таньги, Эн! Разве я не прав?

Тымкару вспомнилась его первая встреча с Богоразом у костра.

– Почему у тебя шрам на шее, Тымкар? – неожиданно спросил его Владимир Германович, как будто до этого они все время с ним говорили. – Раньше его у тебя не было.

– Кутыкай, – отозвался юноша и тут же умолк.

– Кутыкай, Кутыкай… – повторил этнограф, припоминая, где он слышал это имя. – Ах, да! Пастух Омрыквута?

Тымкар кивнул головой.

– Он поймал его арканом, – не утерпела Энмина и покосилась на Пеляйме.

«Многоговорливая по-пустому», – подумал про нее тот, но смолчал. Пользуясь этим, девушка рассказала все, что знала о случае с Тымкаром.

– Разве Омрыквут отдает дочь Кутыкаю? – удивился Владимир Германович.

– Нет, Гырголь назначен быть мужем, – опять пояснила Энмина.

– Почему поступают так люди? – не вытерпел наконец Тымкар, задетый за больное. – Зачем Кутыкай отнял у меня Кайпэ? Разве она его невеста? Почему таньги забрали всю нашу добычу, когда чукчи этого поселения даже не знают человека, которого таньги ищут? Как мог Кочак – чукча и шаман – сказать, что я убил рыжебородого? Теперь он прогоняет меня из родного дома… Как видно, ты много знаешь. Пусть мы станем считать тебя умным человеком. Скажи: что делать мне теперь, как жить?

Богораз услышал в голосе юноши отчаяние.

Тымкар, Энмина и Пеляйме ждали ответа.

– Кутыкай слеп, как новорожденный щенок, хотя он старше всех вас и у него уже есть жена и дети, – начал Владимир Германович.

Он попытался понятно ответить на все вопросы Тымкара и в заключение сказал:

– Живи в родном селе. Никуда не уходи. Не бойся говорить, что ты не убивал таньга. Никогда не опасайся говорить людям правду.

«Кто же посмеет назвать Кочака обманщиком? Только слушать такие слова – и то страшно», – подумали его юные слушатели.

– Поверьте мне, други мои, придет время – не будет ни шаманов, ни богатых оленеводов. Все люди на земле заживут счастливо!

«Придет время… Когда оно придет, почему, как придет?»– думали двое юношей и девушка. А им сейчас надо жить! Нет, большего ждала от слов таньга Энмина! Правда, многое из того, что говорил он в эти дни, крепко запало в память ей и Пеляйме, да и других людей растревожило… Только Тымкар, казалось, ничего не узнал, что помогло бы ему решить свою судьбу. По-прежнему мрачный, он сидел у жирника и думал, думал… «Я найду тебя, Кайпэ!» – неотступно звучали в сознании слова, которые он выкрикнул, когда Кутыкай едва не задушил его арканом.

…Пеляйме и Энмина давне ушли. Владимир Германович задремал. Лишь Тымкар, суровый, осунувшийся, неподвижно сидел в глубоком раздумье.

Жирник медленно угасал.

Глава 13
ГЫРГОЛЬ – ДРУГ ДЖОНСОНА

Январская оттепель и ударившие затем морозы испортили пастбища. Тундра покрылась прочной коркой обледенелого снега. Оленям трудно стало добираться до мхов. Животные исхудали, в кровь изранили ноги.

Стойбище Омрыквута кочевало обратно, на восток.

С обмороженными щеками пастух Кутыкай почти безотлучно находился при стаде. Волки не давали покоя. Зарезали они и белокопытую Кутыкая. Хозяин был недоволен пастухом.

Омрыквут снова жил в яранге Кейненеун. Иногда она ревниво спрашивала о жене его нового приятеля – таньга. Ей казалось, что по возвращении из Нижнеколымска Омрыквут сильно изменился, сделался придирчив, ворчлив. Кейненеун не знала, как угодить ему. Омрыквут отмалчивался. Не говорить же ей, что рыжебородый купец оставил его в дураках!

Гырголь по-прежнему досаждал Кайпэ, нетерпеливо ждал дня, когда она станет его женой, а он – наследником стада ее отца. Приближение к местам, откуда она убежала с Тымкаром, беспокоило его. Он старался пореже отлучаться из стойбища.

Кайпэ замкнулась в себе. Что могла она сделать? Тундра безбрежна, Тымкар далеко, а свадьба близко. И не с кем ей посоветоваться, не на кого опереться.

Ляс – ее дядя и шаман – косился на племянницу. С каких это пор дочерей богатых оленеводов потянуло к беднякам?.. Он советовал брату не тянуть со свадебным обрядом.

Небольшая яранга для молодоженов приготовлена была давно, но ее пока не

устанавливали.

– Твой ум не спокоен, я вижу, – сказал как-то Омрыквут Гырголю и поглядел на дочь.

Кайпэ опустила голову, в висках застучала кровь.

– Радуйся! – воскликнул тесть, – Ставь свой шатер.

Уже давно было решено, что Гырголь останется жить у тестя. Но до сих пор он считался лишь «постоянным жильцом» и «назначенным быть мужем»; теперь он становился мужем.

Через несколько дней гонец Омрыквута вернулся с отцом и матерью Гырголя. Они разместились в шатре Ляса. Там же заночевал и жених.

Утром вместе с родителями Гырголь явился к яранге невесты. У шатра уже стояли запряженные оленями нарты – его и Кайпэ. Жених вполз в спальное помещение, поздоровался. За ним последовали мать и отец.

Омрыквут, его первая жена, мать Кайпэ, и Кейненеун радушно ответили на поклоны.

– Вот твоя жена, – указал отец на дочь. – Веди ее в свой шатер!

Гырголь шагнул к Кайпэ, молча взял за руку и потянул к выходу.

Кайпэ последовала за ним. Выползла из полога. Села в свою нарту. Она была в нарядной кухлянке из оленьих шкурок, в расшитых цветными квадратиками торбасах.

Свадебный обряд начался. Все свободные от присмотра за стадом чукчи уже собрались у яранги старшей жены хозяина и вслед за нартами жениха и невесты пошли к шатру молодых.

Путь недалек. Распрягли оленей. Поставили нарты по сторонам. Кутыкай ударом ножа заколол жертвенного оленя. Омрыквут и Ляс принесли жертвы Рассвету и Закату, затем произвели помазание жениха и невесты кровью убитого оленя. Гырголь и Кайпэ сами нанесли кровью оленя на свои лица семейные знаки жениха. Этим невеста отказалась от своей семьи, от своего очага и родства, хотя и оставалась жить в стойбище отца. После этого Кайпэ помазала кровью нарту, «покормила» костным мозгом домашние священные предметы.

Приступили к пиршеству. Куски жирного мяса, языки оленей, замороженный костный мозг, толченое сухое мясо – все лакомства были выложены в изобилии. Сытный день выпал пастухам, бедным родственникам и их семьям.

Ели в яранге молодых, в шатре Омрыквута, у матери невесты, у Ляса, ели, пили чай, курили, смеялись, шутили… Молодежь затеяла борьбу прямо на снегу.

Гырголь раскраснелся. Наконец-то он породнился с Омрыквутом! И это стадо, которому нет числа, как видно, станет его стадом, а он будет самым богатым, а значит, и самым сильным человеком в тундре. Жених хозяином прохаживался по стойбищу, пошучивал с пастухами и подрастающими невестами. «Они, однако, недурны», – думал Гырголь, смущая девушек непристойными остротами.

«Он стал совсем другим человеком», – думали про него чукчи.

Через неделю Омрыквут послал Гырголя в факторию: на свадьбе израсходовали все запасы чаю и табаку.

Гырголь поехал один, хотя ему и полагалось проделать свадебное путешествие – «путешествие из-за скуки». Он все еще опасался за Кайпэ: а вдруг там встретится Тымкар… Не хотелось оставлять так скоро Кайпэ одну, но он все же не взял ее с собой.

Ванкарем далеко. Гырголь спешит. Выехав на побережье, он попал на нартовый след и по нему погнал собак. В передке нарты – увязанный ремнем кожаный мешок с пушниной. Седок едва виден из-за него. В мешке шкурки песцов и лисиц, добытые всем стойбищем. Каждый просил взять его охотничью добычу и привезти чаю и табаку. Девушки заказали пестрого ситца на камлейки, пастухи – ножи, их жены – лахтачьи шкуры на подошвы. Много заказов дали Гырголю: разве могут они сами ехать в такую даль! Кто же будет стеречь стадо? Разве позволит Омрыквут каждому таскаться по факториям!

Довольный своим положением, Гырголь покрикивает на упряжку, время от времени бросает на спину какой-либо собаки окованный железом остол, подхватывая его с земли на

ходу.

Гырголь щурит глаза, улыбается.

– Кхр-кхр-кхр! – покрикивает он, и остол снова летит на спины собак. Молодой ездок, кровь играет. Еще ни разу он не промахнулся и каждый раз ловкэ схватывал со снега остол, не останавливая собак.

Уже пятые сутки едет Гырголь, а Ванкарема все нет. Собаки устали, бегут медленно, бока ввалились. Мало пищи получали они за эти дни. Гырголь спешит. В редких береговых селениях останавливается ненадолго. Предпочитает ночевать в тундре: там надежней. Он не доверяет береговым чукчам, хотя для этого у него и нет никаких причин. «Бедняки жалкие», – рассуждает он, и этого ему достаточно, чтобы быть настороже. Разве он не видит, с каким любопытством они разглядывают его мешок на нарте! «Здравствуй. Заходи кушать», – приветливо зовут они его. Но нет, Гырголя не обманешь: он знает этих жадно едящих бедняков…

Ночью Гырголь проснулся от шороха на нарте: собака перегрызла упряжь и сожрала кусок мешка, в котором была упакована пушнина.

В гневе Гырголь схватил собаку за обрывок ремня и начал бить остолом.

Упряжка взвизгнула, разметалась по сторонам. Провинившаяся собака влипла в снег, пряча голову в ногах хозяина. После каждого удара она лишь сильнее пыталась втиснуть голову между его ногами, оглашая тундру жалобным воем.

Гырголь стервенел. Он еще не знал, что пушнина не пострадала. Сильным ударом наотмашь он, видно, переломил собаке хребет. Дикий вой разнесся по окрестностям. Подняв голову, собака заметалась, не в силах подняться на ноги; извиваясь, переворачиваясь, она пыталась уклониться от новых ударов. Снег окрасился темными пятнами. Гырголь выкрикивал ругательства, добивая остолом стихающую собаку. Упряжка лаяла, выла, какая-то из собак рычала.

Еще несколько ударов по голове – и, отбросив остол, Гырголь начал просматривать пушнину. Шкурки не пострадали. Перевернув мешок дырой вниз, увязал его снова и начал готовиться в путь.

Упряжка пугливо рвалась из рук. Он волоком подтаскивал ее к нарте, впрягал.

Опасаясь упустить собак, Гырголь держал за ошейник передовика, не зная, как успеть добежать до нарты. Собаки уже приготовились рвануть. В нерешительности Гырголь оглянулся. «Погибну, однако, если не успею сесть, – мелькнула мысль. – Пропадет пушнина…» Он подтащил передовика к нарте, затем всем туловищем бросился на нее рядом с мешком пушнины и только тут выпустил из рук ошейник.

Собаки рванули, едва не перевернув нарту и седока.

Гырголь сел поудобнее и направил упряжку по следу вдоль берега.

Нарту встряхивало на застругах. Мороз жег лицо.

* * *

Мистеру Джонсону было жарко. Полусонный, он отбросил в сторону одеяло из заячьего пуха и открыл глаза.

Железная печка накалилась докрасна, полыхала жаром. В комнате было уже совсем светло, хотя красная занавеска на небольшом окне была опущена.

Мартин огляделся. Пол вымыт, на печке – высокий кофейник; из носика поднимается тонкая струя пара.

Протянув руку к столу, он взял из коробки сигару, отгрыз один конец, выплюнул и, облокотившись на подушку, чиркнул спичкой. Взгляд лениво скользнул по прибитому к стене коричневому ковру из оленьих шкур. На ковре было нашито с десяток карманов различной величины из нерпичьей замши, красиво расшитых цветными нитками. В некоторых из кармашков что-то лежало. Мистер Джонсон убрал локоть с подушки, вытянулся, попытался пальцами ног достать спинку кровати, но это никак не удавалось. Он

сплюнул на печку, послушал, как зашипела слюна. Плюнул еще раз. Сигара слегка пьянила, располагала к неге; мысль дремала.

Отворилась дверь. Черноглазая девочка лет пятнадцати тихо вошла в комнату, отодвинула кофейник на самый край железной печки.

Это была уже не та девушка, которая обслуживала его жилище, когда Ванкарем проезжал колымский исправник. Ту он прогнал за непристойное поведение: напилась с проезжим русским шерифом, заперлась в его комнатке, и он, хозяин, мистер Джонсон, должен был спать в яранге на шкуре! Так объяснил он тогда происшедшее ее отцу. И хотя это было не совсем так, девушка подтвердила отцу, что это так, ибо действительно утром она оказалась спящей в постели Мартина, а ночью, она помнит, выпила спирту. Отец побранил дочь. Хорошо еще, что Джон (так называли Мартина здесь чукчи) не потребовал обратно подарков, врученных за нее. Где отец взял бы их теперь? Нехорошая болезнь дочери подтвердила жалобу купца и была отнесена отцом на счет исправника. Местный шаман и старухи, как умели, лечили ее. Мартин Джонсон не успел тогда, в Штатах, толком вылечиться, болезнь лишь приглушили, загнали вглубь, время от времени она давала себя знать…

Повалявшись и покурив, Мартин снова сплюнул на печь, но слюна больше не шипела. Тогда он поднялся, натянул меховые носки, пощупал на лице щетину и, не одеваясь, подошел к зеркалу. На него глянул щуплый человек с зелеными глазами и тонким прямым носом. На висках блеснули седые волосы. Джонсон взял зеркало, приблизился к окошку, всмотрелся. «Седина? И это в двадцать два года! Проклятая страна», – задумался мистер Джонсон. Снег, пурга, зима, зима, зима! Хорошо, что у него есть хоть этот теплый уголок. И ему вспомнились Штаты, Чикаго, дом, где он родился, служанка, дочь почтмейстера… (Разве сравнить с ней эту черноглазую дикарку!) Потом – больница, тюрьма, шериф.

В одном белье и меховых носках Мартин стоял с зеркалом в руках, «Что-то поделывает теперь Бент Ройс?

Уж не нашел ли он золото? Не свалял ли я дурака, связавшись с этим чернобородым?.. Однако сколько вы, мистер Джонсон, – сам к себе обратился он, – имеете на своем текущем счету?»

Повесил на стену зеркало, подошел к кровати, достал из кармана ковра «текущий счет» – одну из записных книжек.

Первый частный бизнес, сделанный им с капитаном «Китти» еще в Уэноме, дал ему тысячу долларов. Вот уже скоро год, как он готовится ко второму туру, ведет двойную бухгалтерию: официальную для своего хозяина – чернобородого владельца «Морского волка» и личную. По этому же принципу и в складе размещена приобретенная у чукчей пушнина: слева – «хвосты» для янки, справа – для личного бизнеса. Хорош бы он был коммерсант, если бы отдавал все этому разбойнику! Нет, пусть сам попробует позимовать в этой проклятой стране!.. Ни баров, ни дельных девочек, ни скачек, ни танцев, ни музыки. «Нашел дурака за пятьсот долларов годовых!»

Подсчеты показывали, что по ценам прошлого года он уже сможет получить три тысячи долларов. Итого, – он подвел черту, – итого пять тысяч».

Но ведь заготовительный сезон далеко не окончен! Возможно, он сумеет еще округлить эту цифру до семи – восьми тысяч долларов.

Мистер Джонсон достал новую сигару, Тонкая струя дыма потянулась по комнате. Голова слегка закружилась.

Он положил сигару, налил в большую кружку кофе, разбавил его коньяком и, не торопясь, начал пить крепкую горячую жидкость.

«В конце концов, черт возьми, сумел ли бы я лучше что-либо организовать в Штатах? Ведь отец мне не дал бы ни цента. – Джонсон усмехнулся. – Как это он не поскупился выкупить меня из тюрьмы? Интересно, во сколько ему обошлось…» И Мартину вспомнилось ночное назидание отца о том, что он, мол, сделал капитал своими руками, приехав полвека назад из Швеции нищим, и сыновьям, как и ему, придется делать то же

самое. Своих денежек он не даст, Кому? Сыновьям? Э, нет! У него есть дочери, да и сам он не собирается кончать жизнь на иждивении промотавшихся сынков.

«Промотавшихся сынков…» Ничего, Мартин покажет себя. Всех этих шерифов, почтмейстеров, судей он, Джонсон, положит себе в карман, как мелкую разменную монету. Хотел бы он посмотреть на них, когда у него будет четверть миллиона!

«Сколько же это мне придется торговать здесь?» Мартин начал новые подсчеты.

В селении уже давно слышались голоса людей, грызня, визг и лай собак. Под окном Джонсона все чаще замирали чьи-то шаги. Но занавеска по-прежнему оставалась задернутой, и чукчи уходили к своим нартам.

Мартин знал, что люди ждут его, но он, во-первых, вообще никогда не спешил: никуда не денутся, на тысячу миль вокруг нет ни одной фактории, а, во-вторых, он занят сейчас важным подсчетом. «Чертовски жаль, что деньги не будут иметь роста, – соображал он. – Но с кем пошлешь их, кому доверишь?» Однако ежегодно пятьсот долларов, причитающихся от хозяина, станут приносить проценты. Чернобородый будет класть их в банк на имя Джонсона, а ему привозить документы. Уже предстоящим летом он привезет ценных бумаг на тысячу. «Да, итак, если по десяти тысяч в год, то четверть миллиона потребует двадцати пяти лет? Э, нет! – засмеялся мистер Джонсон. – Мне самому тогда будет под пятьдесят! – Тут же он вспомнил, что его отец в таком возрасте имел только сто тысяч. – Все равно, это слишком долго. Нет, мистер Джонсон, – опять обратился он сам к себе, – вы должны придумать что-нибудь поумнее. Ведь вы почти закончили коммерческий колледж в Чикаго. Как вам не стыдно, мистер Джонсон, быть таким плохим коммерсантом!»

Он заходил по комнате: становилось прохладно. Пришлось надеть меховые брюки, оленьи унты, старую свою приискательскую кожаную куртку на меху.

Сигара потухла. Разжигая ее, он все прикидывал, как же сделать четверть миллиона в более короткий срок. Без этой суммы он не собирался возвращаться в Штаты.

Кроме того, за последнее время Джонсона волновал и другой вопрос: как быть с его личной пушниной? А вдруг в навигацию первым приплывет его хозяин? Ведь и тогда, в Уэноме, едва хватило времени продать ее ночью на «Китти»: уже утром приплыл чернобородый.

Близилась весна. Пора обезжиривать шкурки, просушивать их и упаковывать в тюки, деля по сортам. Но куда спрятать тюки, чтобы их не обнаружил янки?

Так и не решив этого вопроса, Мартин положил обратно в карман ковра записную книжку, умылся, почистил зубы. Тут ему пришло в голову, что пора было бы бриться.

– Амнона! – крикнул он.

На самом деле девушку звали Рахтынаут, но имя это не понравилось Мартину, и он окрестил ее именем одной эскимоски из Нома. Та тоже была черноглазая, щупленькая, пугливая и стыдливая. Мартин выиграл ее в карты и через три дня проиграл.

Дверь приоткрылась, показалась черноволосая головка.

– Воды! – бросил он по-чукотски и протянул стакан для бритья.

Через минуту в дверь протянулась рука со стаканом горячей воды.

Джонсон побрился, выпил стопку спирта. Закусил консервами, маслом, галетами, взялся за шапку.

Почти под самым его окном подняли грызню собаки, послышались окрики чукчей. Мартин отдернул занавеску. Мужчины разнимали собак приехавшего невысокого парня. Его упряжка не поладила с поселковой сворой.

На нарте был привязан большой тюк, как видно, с пушниной. Мистер Джонсон взял рукавицы, вышел, захлопнул на английский замок комнатку, согнулся под низким потолком и выполз наружу.

У склада он увидел толпу чукчей и несколько нарт. Солнце стояло высоко, снег слепил. «Сильный товарами человек», щуря глаза, не спеша направился к складу.

Приезжие и ванкаремцы приветствовали его. Не выпуская изо рта толстой сигары, Джонсон слегка улыбался, отвечал на приветствия едва заметным кивком головы. Его руки

были заложены за спину, в кармане позвякивали ключи.

Чукчи уловили легкий запах спирта и, довольные, переглянулись: Джон, однако, хорошо отдохнул, в его зеленых глазах не видно гнева. Быть торговле удачной!..

– Каково твое спокойствие? – спросил его один из чукчей.

Джонсон уже знал этот вежливый вопрос.

– Олл райт! – он пожевал сигару, переместил ее без помощи рук в другой угол рта.

Зазвенели ключи, открылись обе половинки обитых оцинкованной жестью дверей, купец зашел за прилавок, оглядел висящие на потолочных балках шкурки песцов и лисиц.

Торговый день начался.

Гырголь подошел к прилавку последним. Он все присматривался, за какую шкурку что и сколько дает купец. Так научил его Омрыквут.

– Что надо? – спросил Джонсон, взяв поданную ему Гырголем шкурку песца.

Он разглядывал ее то вплотную, то на расстоянии вытянутой руки, пробовал прочность меха, дул на нее, наблюдал, как от хвоста к голове пробегала голубоватая зыбь.

Гырголь взял шкурку обратно, чем весьма озадачил мистера Джонсона, и по каким-то только ему одному заметным признакам на лапках зверя определил, что это песец Кутыкая. Он помнил, что Кутыкаю нужны табак и шкура морского зайца на подошвы. Он сказал об этом купцу.

Джонсон удивленно смотрел на парня, такого же невысокого, как и он сам.

– Шкуру морского зайца? Шкурами не торгую.

Гырголь растерянно смотрел на товары, разложенные на полках, развешанные на стене против входа. Действительно, среди них шкур не было. Но как же быть? Разве мог он привезти не то, что было нужно владельцу песца?

Купец пришел ему на помощь.

– Ты получишь за этого зверя пять плиток табаку и плитку чаю. Потом ты пойдешь к чукчам, и они за полплитки табаку дадут тебе шкуру лахтака на подошвы. – С этими словами он выложил на прилавок названные товары.

Благодарный за совет, Гырголь улыбнулся. Как ему самому это не пришло в голову?

Песец полетел в общую кучу мехов, наторгованных сегодня.

Молодой оленевод вынул нож и сделал пометки на чае и табаке: это было клеймо Кутыкая, таким клеймом помечены уши его оленей. Убрав чай и табак, Гырголь вытащил вторую шкурку, Джонсон вздохнул. Так торговал каждый чукча: поштучно, нудно, однообразно. Шкурка принадлежала Лясу. За нее надо было получить тоже табак, цветной бисер, красную материю.

Мартин быстро отмерил три ярда кумачу, набрал горсть разноцветного бисера, выложил плитку табаку. Гырголь пометил табак клеймом Ляса, бисер высыпал в свой кисет вместе с табаком и достал лисицу.

Купец поморщился.

– За этого зверя я могу дать только две плитки табаку и плитку чаю.

Оленевод опять взял шкурку, взглянул ей на лапы. Он согласился: лисица принадлежала пастуху Кеутегину, а он просил именно табаку и чаю. Мистер Джонсон пожалел, что так много предложил за обыкновенную огневку. Он выложил товар и сделал пометку в записной книжке о количестве товаров, отданных за все три «хвоста».

Начинало смеркаться, когда Гырголь приступил к обмену песцов Омрыквута. Он нарочно оставил их к концу торга, чтобы приобрести некоторый опыт и не путаться с клеймением товаров. После лисиц и средних по качеству песцов на прилавке вновь стали появляться серебристые, белоснежные, голубые песцы, черно-бурые и красные шкурки лисиц.

Джонсон почти не рассматривал их: качество слишком очевидно. Небрежно он швырял их в общую кучу, выкладывал товары, делал пометки в книжке (стоимость каждого «хвоста» не превышала 30–40 центов).

Только этот краснощекий привез ему сегодня тридцать семь «хвостов»; всего же за

торговый день он купил более полусотни.

Становилось темно. Хозяин зажег фонарь. Он чертовски замерз и устал. А Гырголь выкладывал теперь шкурки молодых оленей.

– Доставай все сразу! Я заканчиваю торговлю.

Гырголь покрыл шкурками весь прилавок. Небрежным движением руки Джонсон сбросил их на пол и выложил взамен три папуши листового табаку. Оленевод и их убрал в тюк из-под пушнины.

– Все?

– И-и, – довольный, ответил Гырголь.

Мартин Джонсон зажег сигару, задумался, «Надо бы приручить этого щенка!»

– Ты откуда приехал?

– Из тундры, мы – оленеводы.

– Куришь?

– И-и, – запаковывая драгоценные товары, ответил Гырголь.

Джонсон протянул руку к полке и взял круглую полуфунтовую банку табаку в красной упаковке с портретом какого-то мужчины.

– Возьми. Подарок.

Гырголь недоверчиво оглядел банку.

– Какомэй! – удивился он.

– Возьми, возьми, тумга-тум[1]. Табак.

«Тумга-тум?» Щеки Гырголя совсем раскраснелись.

Он взял банку, любовно ощупал ее и бережно сунул за пазуху, жалея, что у него ничего не осталось, чтобы отдарить купца.

– Как тебя зовут? – опросил Мартин.

– Гырголь мое имя. У моего отца немалое стадо, – похвастал он. – Теперь еще женился я. Стаду Омрыквута нет числа. Однако, я буду самым сильным оленями человеком в тундре, – высказал он свою сокровенную мечту.

– Ты женился? – не без интереса переспросил Джонсон, смерив взглядом его фигуру. Ему показалось невероятным, что у этого юнца уже есть жена.

Краснощекий юноша самодовольно кивнул головой.

– Кайпэ взял я женой. Дочь Омрыквута.

«Да, да. Его стоит приручить!»

– Я совсем замерз и хочу есть. Пойдем ко мне, – Джонсои вылез из-за прилавка.

Гырголь заколебался, оглядывая товары. Не обманщик ли этот купец?

– Ты можешь до утра товары оставить здесь.

– Карэм! – и он нагнулся за тюком: – Ты долго спишь, однако… Мне нужно рано ехать. Все люди стойбища ждут чай и табак.

– Олл райт! Тогда возьми товары с собой.

Пошли.

В пологе, как требовал обычай, их приветствовала Амнона-Рахтынаут.

– Ты знаешь его? – спросил Мартин.

Черноглазая девочка отрицательно покачала головой.

Гырголь осмотрелся. Втащил свой тюк с товарами.

Девочка, варившая суп из мясных консервов для Мартина и тюленье мясо для себя, неодобрительно посмотрела на гостя. «Или он думает, что береговые чукчи берут чужое, если тащит все в спальное помещение?» И ей сразу не понравился этот румяный, довольный собой парень. Гырголю, наоборот, она приглянулась.

Мистер Джонсон подошел к сделанной из шкуры стенке спального помещения, вынул из кармана кожаной куртки связку ключей и один из них стал всовывать в стенку. Тут же он потянул за обрывок ремешка, и дверь в его жилище открылась.

Гырголь испустил изумленное восклицание и, как был на коленях, пополз к двери.

---

1 Друг-приятель

Хозяин жестом руки остановил его.

– Мы будем кушать здесь, – он показал на полог. – Я сейчас вернусь.

– Какомэй! – повторил Гырголь, когда дверь снова закрылась, слилась со шкурой полога.

– Амнона! – послышалось из-за двери.

Потянув за ремешок, девочка скрылась в необычном жилище американа.

Едва Гырголь остался один, ему сделалось страшно. «Мы окружены врагами. Духи все время невидимо рыщут вокруг нас, разевая свои пасти», – вспомнились ему вдруг слова Ляса.

Тихо, чтобы не услышали духи, Гырголь вылез из полога и побежал к упряжке. Он знал, что злой дух – кэле – любит ездить на собаках и оленях, жениться на девушках, выдавая себя за жениха или мужа… Ему стало страшно за Кайпэ.

Светила луна. Около перевернутой им нарты спали собаки.

Гырголь вытер со лба пот и заспешил назад, к яранге купца, чтобы скорее, пока еще все хорошо, взять товары и уехать.

Осторожно Гырголь подсунул голову под шкуру полога и только хотел подтянуть свой тюк, как дверца снова открылась, и в ярангу вошел американ.

– Ты куда? К собакам? А кушать? Амнона все приготовила.

Протянутая рука молодого оленевода замерла.

Вошла Амнона и стала накрывать на стол. На подносе уже лежали куски жирного тюленьего мяса, чувствовался его приятный запах. Гырголь был голоден. Да и какой же оленевод, приехав на берег, откажется от куска жирной нерпы!

– Садись, садись! Я велю покормить твоих собак.

Амнона вопросительно посмотрела на Мартина.

– Амнона, Гырголь – мой тумга-тум. Пойди к отцу, пусть он накормит собак. Я потом дам ему закурить.

Гырголь вполз в жилище.

Амнона-Рахтынаут сама нарубила мерзлого мяса моржа, накормила собак гостя, К Джонсону она не вернулась.

Мистер Джонсон негодовал. Опять, как каждый вечер, ему самому пришлось вытопить железную печь, кормить и поить этого «щенка», как он вслух по-английски называл Гырголя. Не угодно ли: деловой человек должен разливать чай, добавлять из котла куски вонючего мяса тюленя этому прожорливому гостю! И это все после тяжелого торгового дня на морозе, среди дикарей, продающих по одной шкурке. Всю сделку он мог оформить в полчаса, а тут…

Гырголь наконец наелся и напился. Тут же, у жирника и подноса, он прилег на шкуру, отдуваясь и куря.

– Как зовут твою жену? – спросил Мартин.

– Кайпэ.

– Кайпэ? Это красивое имя.

Джонсон сходил к себе, выбрал особенно пестрый отрез ситца на камлейку.

– Подарок твоей жене!

– Очень дорогой подарок, – покачивая головой, изумился молодой оленевод. Он никогда еще не видел такой красивой материи.

– Я всегда так поступаю, когда ко мне приходят настоящие меновые люди. Приезжай еще. С Кайпэ.

Гырголь окончательно убедился, что Джонсон – истинно хороший человек.

Г лава 14
ЛУНА НАД ПРОЛИВОМ

Продутая зимними ветрами тундра спокойно дремлет.

Блестят в свете яркой луны заструги зализанного пургой снега. На возвышенностях – темные пятна проталин. Лужи и ручейки прихвачены ночным морозом. Луна притушила звезды, рассыпала искры по снегу, мхам и тонкому льду ручьев.

Смерзшиеся мхи – ржавые, золотистые, палевые – хрустят под ногами. Шуршат склонившиеся к югу сухие травы. Впереди смутно проступают оголенные ветрами бугры.

Ровными шагами, то по снегу, то по серебряной россыпи мхов, неизвестно куда и откуда идет человек. Собака с впалыми боками, свалявшейся, обвисшей клочьями шерстью плетется за ним. У человека в руке палка с костяным крючком на конце, за поясом – грушевидная болванка, утыканная костяными шпильками; к ней прикреплен ремень, свернутый в круг.

Человек высок. На нем потертые, местами облезлые штаны, рубаха, шапка; они сшиты из плохо выделанных шкур тюленей. Круглый ворот рубахи едва прикрывает ключицы. На ногах – черные торбаса, смазанные нерпичьим жиром.

Это не оленевод. Видно, что его и кормит и одевает море. Но зачем он здесь, вдали от побережья? Почему бодрствует в этот час, когда опит даже тундра?

Угрюмым взором человек смотрит вперед. Он не замечает лунного света на серебре мхов, не видит искрящихся льдинок, не слышит, как они хрустят под ногами. В неясных очертаниях темных бугров ему чудятся яранги. Он настораживается, оглядывается на собаку. Понурив голову, она натыкается на его ноги.

Человек и собака идут дальше.

Не опит и мистер Джонсон. Лунный свет, прорываясь к его ложу через небольшое оконце, беспокоит мистера Джонсона.

Эта дрянная девчонка Амнона позволяет себе слишком много: она опять ушла на ночь к отцу и матери. Не угодно ли; опять ему придется утром дышать запахом ворвани, принесенным ею оттуда! Разве для этого он одел ее в европейское платье? Нет, нет, это ему надоело! Надо будет подыскать другую экономку. У старика Вакатхыргина дочь, пожалуй, ничем не хуже Амноны…

Мистер Джонсон протягивает руку за сигарой. Закуривает. В комнате холодно. Хорошо бы протопить печурку. Но ему не хочется самому пачкаться. Он решает ждать утра.

Купол яранги из моржовых шкур, натянутых на остов из китовых ребер, покрыт изморозью, искрится при луне.

В яранге младшей сестры Тауруквуны все спят: старуха-мать, рядом – Тэнэт, в другом углу – Ройс и Устюгов.

Коптит моховой фитиль, опущенный в звериный череп с тюленьим жиром.

Бенту Ройсу снится: он нашел самородок золота, разбогател. На нем – лисья доха, хотя в Лос-Анжелосе не так уж холодно… Рядом – Марэн. Она немного выше его, стройная, милая. Как ей к лицу эта шубка! Бент рассказывает о годах странствий, о людях в звериных шкурах. «Бент, я сама хочу посмотреть на них, на те места, где ты терпел лишения, – говорит она, нежная, белокурая. – Поедем, Бент! Сейчас же!» – она нетерпеливо топает ножкой, прижимается к нему плечиком, щекой. «Нет, нет, Марэн! Избавь меня от этого ужасного края. Прежде всего я хочу показаться с тобой дядюшке: пусть он посмотрит, каков стал Бент, которого по-родственному он позволил себе как-то даже ударить. Потом мы поедем повсюду, где я работал в Штатах, и разопьем с моими старыми друзьями по бокалу виски. Я хочу, чтобы они вновь увидели меня вместе с тобой». «Бент, ты стал ужасно упрям: как бык. Ты совсем перестал считаться с моими желаниями. Я накажу тебя за это!» – она капризно сложила губки. Бент видит их, почти осязает, и вдруг – перед ним уже не миссис Ройс, а белокурая школьница Марэн. Ветер растрепал ее кудри, она присела на лыжах и мчится под гору, вот ее уже почти не видно… Но тут же вместо Марэн перед взором Ройса появляется мистер Роузен… Он сидит за своим рабочим столом и перебирает лицевые счета проспекторов; на одном из них знакомое имя «Эриксон Олаф». Мистер Роузен улыбается, и под его проворной рукой косточки на счетах начинают бешено скакать справа налево, заполняя ряды все выше и выше… Но вот норвежец различает, наконец, свое имя. При виде

этого счета главный директор мрачнеет, гневно перечеркивает его красным карандашом. Бент заворочался, застонал.

Василий не спит. Думы о семье не дают ему покоя. Скоро два года, как длится разлука. Как-то они там без него?.. Ему вспоминается встреча с Богоразом, его слова: «А почему вы без семьи? Разве здесь, где сейчас вы находитесь, – это, по-вашему, не Россия?!» В бухте Строгой, в Славянске, говорил он, немало живет и русских людей. «Надо было мне, – размышляет Василий, – двинуться не на север, а на юг, с Олафом Эриксоном». Василий не знает, что минувшую зиму Олаф провел в Номе и что в семье Устюговых произошло несчастье из-за этого самого Эриксона. «Ничего, – утешает он себя, – по пятидесяти долларов получу за каждый месяц». И снова перед его мысленным взором сын Колька, Наталья, отец, дед. Среди них отец Савватий. Он рассказывает Кольке о подвигах его дедов и прадедов на Аляске. Василию кажется, что он слышит слова Савватия:

«В те годы, чадо, не ступала здесь еще нога иноземцев. Григорий Шелехов основал на Кадьяке первое поселение тому более века назад. В добром согласии жили россияне с индейцами, эскимосами да алеутами. Дети их совместно с русскими грамоте обучались. Немало инородцев толковых постигло разные науки в городах российских. Руды медные и железные, уголь каменный отысканы были в довольном количестве. Колокола, чадо, что и ныне по всей Аляске до Калифорнии звонят, отлиты руками твоих дедов». И Василию слышится праздничный перезвон церковных колоколов в его родном Михайловском… «А также, – продолжает Савватий, – деды твои лес пилили, дубили кожи, сукна разные изготовляли, плавили металл, добывали слюду, промышляли охотой. На верфях суда строили, на коих в дальние плавания отправлялись – в Китайские земли, Филиппинские, на острова Гавайские…»

И уже во сне видит Василий, что вовсе не у себя в избе сидит его Колька, а среди множества таких же подростков. А батюшка медленно расхаживает по просторной горнице и повествует им о Русской Америке.

За проливом тоже луна. Но ее свет не проникает в землянку, где на руках у Сипкалюк полугодовалый мальчик с длинными ресницами. Рядом – дочурка. В другой части землянки – дядя Тагьек и его семья. Все они спят. Утро еще не скоро. Только черноглазый малыш разбудил мать.

Светильник горит ярко: Тагьек живет в достатке. В его землянке тепло.

– Спи, Тыкос, спи, – мать укладывает сынка.

Его ресницы всегда напоминают ей отца малыша.

– Где-то он? У него, Тыкос, видно, красивая жена… У тебя, мальчик, однако, уже есть брат и сестра. – Сипкалюк придвигает большой клык моржа, разрисованный отцом Тыкоса. – Вот его байдара, упряжка, яранга… Кого привел он в нее? Она очень, наверное, красивая, такая, как он сам. Иначе он не оставил бы нас. Спи, Тыкос, спи! Твой отец – нехороший отец. Спи, малыш, спи!

Мальчик хнычет.

«Хорошо ей, сердце не ноет, она с ним…» – думает Сипкалюк про свою соперницу.

Но Кайпэ была не с ним. Даже Гырголя и того не видит она уже не первую ночь и не первый день. Он то в стаде, то с Кутыкаем уезжает в соседние стойбища. «Что потерял он там? – думает, ворочаясь на шкуре, Кайпэ. – Зачем ему песцы и лисицы? Разве мало добывают их пастухи Омрыквута?»

Кайпэ готовится стать матерью, ей тяжело одиночество. Она в своем шатре; не спится.

Вот она села, поджав под себя голые ноги; косы свесились, руки сплелись на животе; большие карие глаза широко открыты. В такие часы воспоминания о побеге с Тымкаром вселяются в ее голову. Но она боится их, гонит от себя. Ляс все знает, даже мысли людей… Он сильный шаман, а она готовится стать матерью. Как бы не навредить себе и «ему». Духи могут воспользоваться ее мыслями…

Кайпэ становится страшно, глаза раскрываются еще шире.

Так же, с широко открытыми глазами, за проливом сидит в землянке Сипкалюк. Тыкос

не спит.

В крайней избе Михайловского редута засветился огонек. Это Наталья Устюгова поднялась к застонавшему опять свекру.

Разметав руки, он тяжело дышит, лежа на русской печи. У него пробита голова в ночной схватке, когда к ним ворвалась пьяная ватага насильников. Они сорвали двери и хотели обидеть ее, Наталью… Завязалась драка. Старик пришиб какого-то ухаря обухом топора. Выскочив, Колька поднял соседей. А свекра сильно помяли, уже пятые сутки он лежит без памяти.

– Батя! Испейте воды, батя, – уговаривает она его, стоя у печи босиком, в одной рубахе.

– Представится должно, – откликается с полатей дед. – Надо бы отца Савватия покликать.

– Сбегать? – слышится с кровати голос Кольки.

Ему никто не отвечает.

Строгая, задумчивая, Наталья задула лампу и села на лавку к освещенному луной окну.

Над тундрой – ясная луна.

Что-то знакомое напоминает этот ручей. Тымкар останавливается. Собака натыкается мордой на его ноги.

Да не здесь ли он был пойман арканом, как дикий олень? Но снег еще стоял не всюду, трудно узнать места, по которым проходил он минувшим летом.

У Тымкара щемит сердце «Я найду тебя, Кайпэ», – звучат в ушах слова, выкрикнутые им, жалким, обессиленным, в тот печальный день. Ему тогда не посчастливилось.

«Чем прогневил я духов? Они взяли отца и мать, завели брата на плавучую льдину, сбросили, видно, Тауруквуну с обрыва в море, отняли Кайпэ, дали собакам сожрать кожаную байдару, разогнали упряжку… Одна собака осталась, да и она вот-вот околеет от голода».

Зашел в поросли ивняка. Звеня, они цепляются за ноги, с веток сыплются льдинки.

Черными и оголенными видит поросли Тымкар, хотя каждая остекленевшая веточка разбрызгивает радужные искры с льдистых капель. Ивняковая поросль – как волшебное царство, среди которого движется великан!

Все ниже опускается луна.

Ржавые мхи темнеют. Смутно проступают бугры.

«Чем прогневил я духов?» – думает Тымкар.

«В голове Тымкара поселились беспокойные мысли», – говорят про него чукчи. Они знают, что случилось с ним за минувшие годы.

«Тымкар бродит по тундре, набирается шаманской силы: он, однако, готовит себя в шаманы…» – рассказывают про него.

«Желаю тебе, юноша, счастья!» – звучат в памяти Тымкара слова Богораза.

«Тымкар убил таньга-миссионера. Лучше бы нам не видеть его здесь…» – откликается им проклятие Кочака.

В черных глазах юноши затаились угрюмость и злоба. Разве он убивал рыжебородого? Как мог Кочак назвать его убийцей? Он, видно, слабый шаман или злой шаман! Сколько уже раз он говорил неправду… Даже заплакал Тымкар тогда, когда его назвали убийцей: обидные слова! Но кто поверит ему, если это сказал шаман?

Сердце Тымкара волнуют злые желания.

Кочак, чернобородый янки, пастух, отнявший Кайпэ, и Омрыквут, унизивший его при женщинах, – вот кто родил эти желания! Все чаще встают перед ним образы этих людей. Он ненавидит их.

Тымкар часто представляет себя в единоборстве с ними. Вот они все! О, он легко побеждает их… Но не трогает, когда они, жалкие, просят пощады: пусть только Кочак возьмет обратно лживые слова; пусть пастух сам изрежет аркан, который набросил Тымкару на шею; пусть Омрыквут отдаст дочь, а чернобородый не грозит винчестером. И Тымкар прощает их всех… Но уже вскоре гнев с новой силой перехватывает горло, щемит сердце, хмурит лоб. Они не хотят? Ну, тогда он заставит их!

– Какомэй! – вдруг восклицает Тымкар. – Опять тот же ручей? Он озирается. Собака тыкается мордой в его ноги.

По тундре ползут туманы. Луна поблекла. Светает. «Видно, духи путают след…» Тымкар измаялся, мозг его утомлен. «Засну до восхода». И он ложится на проталину у ручья.

Кутыкай охраняет стадо Омрыквута; в нем – его личные олени, как не стараться ему! Начинается отел; важенки отогнаны на отдельные пастбища. Жаль, белокопытую зимой задрали волки. А то бы его личное стадо могло, однако, увеличиться этой весной на число, принадлежащее ноге.

Припав на брюхо, собака Тымкара охотится за мышами.

Сон Тымкара неспокоен. Юноша ворочается, скрипит зубами, пальцы его шевелятся. Видно и во сне добывает он свое счастье…

Что ж, всем хочется его найти – свое счастье: Устюгову – родину, Богоразу – правду жизни, Ройсу – золото, Гырголю – оленей, Джонсону – деньги, Сипкалюк – семью, Кутыкаю – сносную жизнь, Тымкару – Кайпэ,

Глава 15
ССЫЛЬНЫЙ ПОСЕЛЕНЕЦ

Давно прошел отел. Лето клонилось к осени. А Тымкар все искал стойбище Омрыквута. В редких кочевьях, встреченных им, его кормили, хотя и неохотно. «Зря ходящий по земле человек», – говорили про него оленеводы. Сами они много трудились, и им неприятен был праздный человек, переходящий от стойбища к стойбищу в поисках легкой жизни и куска оленьего мяса. Тымкар скрывал от всех, куда и зачем он идет, опасаясь, что любители сообщать новости предупредят Омрыквута о его приближении. Всегда найдутся желающие привезти полезное известие богатому оленеводу.

Тымкар собирал в тундре яйца, ловил уток, куропаток, евражек, песцов, выхватывал из озерных ручьев гольцов, находил съедобные травы, ловил на крючок рыбу, доедал брошенных волками оленей… В стойбищах женщины чинили ему обувь. Собака его давно околела: трав она не ела, рыбу ловить не умела, а хозяин и сам нередко ничего съедобного не добывал.

Оводы, комары, мошкара угнетали. Ни люди, ни животные не находили от них спасения. Серая масса мучителей постепенно наливается кровью, насытившись, отваливается, и на освободившееся место садятся все новые и новые кровопийцы. От укусов у Тымкара распухли лицо и руки, он разодрал их в кровь. Гнус заползает под шапку, пробирается сквозь волосы, впивается в голову. В руках Тымкара веточка ивняка, он отмахивается ею от наседающего гнуса, который черной тучей преследует его. Лишь ночью, часа на два-три, становится легче: ночная прохлада заставляет комаров прятаться в мох и траву, но с рассветом держись!

Нередко Тымкару преграждали путь реки, и он по нескольку дней вынужден был идти вдоль их течения, пока где-нибудь не перебирался сам или с помощью оленеводов на другой берег.

Встречались пустые кострища на местах недавних стоянок оленеводов. Тымкар шел дальше.

Ко времени осенних ярмарок, где встречались береговые и оленные чукчи, он спустился к Энурмино, чтобы вместе со зверобоями плыть на ярмарку: там уже легче будет узнать, куда подкочует Омрыквут.

Ранним утром он вошел в поселение и направился прямо к яранге матери Тауруквуны.

– Тымкар? Ты пришел? – воскликнула старушка.

– Да, это я.

– Этти, Тымкар, – Тэнэт зарумянилась. Ей вдруг почудилось, что он пришел, чтобы взять ее в жены вместо Тауруквуны.

Устюгова и Ройса в жилище не было.

Входя в село, Тымкар видел, что на берегу, у байдар, копошились люди. Он спросил их, куда они собираются. Оказалось, что этой осенью энурминцы поплывут на ярмарку не на северо-запад, а на юг, в район Мечигменского залива: с севера надвигались льды. Где кочует Омрыквут, никто не знал.

Юноша понурил голову. К тому же весть об убийстве Тымкаром человека давно достигла Энурмино. Люди сторонились его. Человек, убивший человека, достоин презрения.

– Ты у нас жить станешь, Тымкар? – спросила его мать Тэнэт.

Загрубелые, расчесанные щеки Тымкара густо покраснели. Как она могла предложить кров убийце?!

– Ртов много в нашем шатре, а рук мало, – продолжала она, приняв смущение родственника за колебание.

Правда, ее ушам не посчастливилось, она тоже слышала печальную, достойную сожаления весть о Тымкаре… Но она и Тымкара знает неплохо: ведь он брат мужа ее дочери Тауруквуны. «Видно плохой был таньг, раз Тымкар убил его. Зачем станет убивать хорошего человека?»

Тымкар молчал. Он устал бродить по тундре, его голова болела от горестных мыслей. Тэнэт молода и здорова. Она сестра Тауруквуны. У нее нет ни отца, ни брата. А если нет в яранге охотника, как жить женщинам? Он оглядел полог. Один жирник, три оленьи шкуры, вытертая зимняя кухлянка, чайник, небольшой котел, связка амулетов-охранителей – вот все их имущество. Как раньше не подумал он о Тэнэт? Тымкар внимательно оглядел девушку. Мать заметила его взгляд, потупила взор. Тэнэт краснела. Она была очень похожа на Тауруквуну: такая же плотная, ладная, «стоящая», как говорили прежде про ее сестру.

В полог вползли Ройс и Устюгов.

– О, мистер Тымкар! Хау ар ю? Как поживаете?

– Этти, – мрачно ответил Тымкар.

Ройс был в чукотских торбасах, тюленьих штанах; только кожаная меховая куртка и шапка были старые. Выглядел он неплохо.

Норвежец со дня на день ожидал прихода шхуны «Северо-Восточной компании», настроение у него было бодрое. Он обратил внимание, что Тымкар стал совсем взрослым. Появились небольшая складка поперек лба, легкие морщинки у глаз, черные усики.

– Я не видел вас сто лет, мистер Тымкар!

Чукча непонимающе смотрел на него, хотя Ройс говорил по-чукотски.

– Вы стали, я вижу, совсем деловым человеком, – шутил Ройс. – Вы не имеете времени заходить даже к родственникам. Ведь Тэнэт, – он взглянул на девушку, – есть сестра жены вашего брата, как мне известно?

Тымкар по-прежнему молчал.

Норвежец не замечал его угрюмости.

– Тэнэт и Тауруквуна есть две капли воды…

«Какая вода? Что болтает его язык?» – подумал юноша.

– Миссис Тауруквуна была очень милая, Я приносил ей лепешки, когда она голодала.

Мать Тауруквуны опустила голову, утирая руками глаза.

– О, да, да – запнулся норвежец. – Я не должен говорить об этом.

Ройсу так и не удалось втянуть Тымкара в разговор. Устюгов молчал.

После обильной мясной еды юношу клонило ко сну.

…«Тэнэт?.. «Желаю тебе, юноша, счастья…», – туманится его мысль. – Однако счастье есть, если он так сказал! Кайпэ? Где найду? Как возьму?» – Тымкар закрывает глаза. – «Плохо, ружья нет. Кочак забрал шкурки… Что же, придется пасти оленей в тундре морскому охотнику?»… И снова перед его взором Тэнэт. Потом – Кайпэ. Но это уже не Кайпэ, а Сипкалюк… Но Сипкалюк далеко, за проливом, туда не пойдешь!

Тымкар проснулся перед утром. Все в яранге спали. Какая-то сила заставила его подняться, выползти в наружную часть яранги.

Солнце еще не взошло, было свежо, сыро. Ни о чем не думая, он взял свой багор с

костяным крючком на конце, деревянную закидушку, нашел шапку и вышел.

Когда в Энурмино все проснулись, Тымкар был уже далеко.

Переправившись на плоту через лагуну, он нашел место, где они сидели у костра с Богоразом, присел. Ему казалось, – он видит этого таньга с длинным носом и большим лбом. Все разговоры с ним перебирал в памяти Тымкар. Как он хотел бы расспросить сейчас умного таньга о дороге к счастью, которого тот ему пожелал! Но опрашивать было некого. Даже следов костра не осталось после непогод и снегов.

* * *

В этот осенний день Владимир Богораз находился в бухте Строгой.

Кроме чукчей здесь жили и русские: несколько старателей и охотников, женившихся на камчадалках или чукчанках, купец с работниками и ссыльный поселенец Кочнев. Богораз остановился у него.

Ссыльного звали Иваном Лукьяновичем, чукчи именовали его «Ван-Лукьян». Роста он был невысокого, сложен ладно, во взгляде пытливых глаз чувствовалась твердая воля. Богораз присмотрелся к чертам лица Кочнева: крутой подбородок, развитые скулы, прямой, но широкий нос. В своей черной рубахе-косоворотке этот ссыльный напоминал Богоразу волжских сплавщиков леса.

История жизни Кочнева коротка. Родился он не на Волге, как предполагал Богораз, а в устье Печоры, в семье рыбака. Один из сосланных туда революционеров обучил его грамоте, а потом, обнаружив в нем недюжинные способности, подготовил в университет и, используя свои сохранившиеся в столице связи, помог поступить на медицинский факультет. Но так как учил он его не только тому, что предусматривалось программами, то с последнего курса Кочнева исключили из университета, подержали в Орловском централе, судили, а затем выслали на поселение в Колымский округ.

С детства полюбив Север и море и пользуясь ходатайством местного купца о присылке хотя бы малоблагонадежного лекаря в бухту Строгую, он и забрался сюда – подальше от докучливых властей. Из плавника и шкур построил домик в одну комнату, обложился книгами, готовый к многолетнему изгнанию.

Ко времени встречи с Богоразом он отбыл лишь два года наказания и сейчас с пароходом ждал жену.

Все это Иван Лукьянович запросто рассказал о себе Богоразу в первый же день их встречи.

Такая доверчивость и взволнованная откровенность несколько удивили тогда Владимира Германовича. (Он не предполагал, что Кочнев не только слышал о нем в Петербурге, знал о его прошлой принадлежности к партии «Народная воля», ссылке и научных изысканиях на Чукотке, но знал также кое-что и из того, что было известно лишь очень немногим его товарищам). Однако умудренный жизнью, Богораз не спешил следовать примеру этого молодого человека.

– На какие же средства вы живете? – спросил Владимир Германович.

Ссыльный метнул на него настороженный взгляд, но колючие искры тут же угасли, и он ответил:

– У меня ружье, и я добываю себе кое-что. Ведь море и тундра так богаты! Не скрою также: меня поддерживают местные жители. Иногда как медика приглашает купец. Хожу. А главное, – он снова взглянул на собеседника и закончил: – Главное, конечно, в том, что мне помогают товарищи из столицы.

– Вы слишком доверчивы, молодой человек, – укоризненно заметил ему Богораз. – Об этом говорить не следует.

– Принимаю. Но я слышал о вас еще в Петербурге, – снова сказал Кочнев. – Мне и сюда писали, что вы на Чукотке.

Брови Богораза шевельнулись.

– Кто вам писал обо мне?

– Ну, этого я не скажу. Ведь вы сами только что…

– Правильно. И не нужно никого называть, – улыбнулся бывший ссыльный.

Кочнев слегка волновался. Эта встреча была так неожиданна и так радостна для него, живущего здесь, в этой страшной глуши! Письма приходили раз в год. А тут перед ним оказался живой человек из столицы, который мог бы так много рассказать ему. Ведь в России бурлила жизнь – он это знал.

– Владимир Германович, будем откровенны, я сослан, вы это знаете. А ведь ссылают, как правило, не царедворцев, – начал он.

Но тут в дверь постучали. Хозяин вышел. Через минуту он вернулся и начал поспешно одеваться.

– Вы оставайтесь. Я быстро, – он приоткрыл походный ящик с медицинскими инструментами. – Подросток прострелил другому плечо. Извините, – и он скрылся за дверью.

Богораз посмотрел в окошко вслед ему.

Худощавый, подвижной, «Ван-Лукьян» обогнал посыльного, который едва поспевал за ним.

В жилище Кочнева вместо кровати стоял топчан из необтесанных жердин, матрац и подушка были набиты сухой травой; заставленный книгами грубый стол на двух ножках приколочен к стене; полка из связанных прутьев прогнулась от вороха бумаг, журналов, книг. Два толстых круглых полена служили стульями. Кресло, обтянутое со всех сторон – сверху донизу – шкурой белого медведя, не отличалось изяществом форм и вероятно было изготовлено тоже из бревен и жердин, ибо оказалось тяжелым, как сундук с железом, но определенно понравилось этнографу, когда он сел в него.

Обращало на себя внимание и то, что, несмотря на отсутствие в доме женщины, комната содержалась с безупречной опрятностью. Кастрюля и чайник были вычищены, хотя пища, по-видимому, приготовлялась над жирником или в топке печи из необожженного кирпича. На столе все находилось в строгом порядке. Потертые в дороге чемоданы и крестьянский сундучок (наверное, с ним Кочнев приехал в столицу с Печоры) были аккуратно прикрыты газетой.

Кроме медицинских пособий и беллетристики, на столе лежали книги об Америке, по философии, праву, искусству – с обилием пометок на полях. Раскрыв одну из них, Богораз начал читать помеченные ссыльным места и самые пометки.

Уже смеркалось, когда вернулся хозяин.

– Пустяки, – еще с порога произнес он, – Сквозная, Ключица цела. Через пятнадцать дней он будет у меня как новенький.

– Я вижу, вы нашли себе здесь настоящее дело. – Владимир Германович помолчал. – Да, помогать людям, не чувствовать бесполезности своего существования, верить в будущее, трудиться для него – это великое счастье.

Кочнев поставил в уголок ящичек с инструментами, снял шапку и куртку из нерпичьих шкур, вымыл руки и уселся на полено, усадив гостя в кресло.

– У вас, Иван Лукьянович, хорошие книги.

– Мало, мало! Я с таким нетерпением жду приезда Дины. Уж она-то привезет мне все необходимое!

– Ваша жена?

– Да. Вы знаете, это настоящий товарищ! Ее не испугает мое жилище, хотя она и привыкла к столичной жизни. Вы знаете, она… ах, что ж это я? Давайте пить чай, ведь вы голодны, я совсем забыл, – он зажег жирник и подвесил над ним чайник.

– Вы много читаете об Америке?

– Читал. Да, да. Интересовался Америкой.

– Жил я в этой Америке, видел, как бедствуют там люди. В Сан-Франциско, в Номе и в других местах многие русские мечтают о возвращении на родину. Прошлый год встретился

мне у пролива этакий старообрядец с Аляски… Устюгов, – вспоминая, Богораз нахмурил лоб, – Василий Устюгов. Так вот, он приехал сюда в качестве проспектора «Северо-Восточной компании» на заработки, чтобы затем с семьей выехать в Россию. А ведь он и родился там!

Америка, Америка… Еще в пути на Колыму Иван Лукьянович подумывал о нелегальном возвращении в столицу через западное полушарие. Однако сейчас от этой мысли отказался. В Петербурге достаточно революционеров. Народ нужно пробуждать по всей России, писали Кочневу товарищи.

Иван Лукьянович поднялся, налил в кружки чай, спросил:

– Как вы смотрите на эту Северо-Восточную грабь-компанию? Это же хищничество, разбой!

– Недальновидность и даже больше. Мы рискуем потерять этот край и погубить местных жителей.

– Водки хотите? У меня есть.

– Спасибо. Не пью и вам не советовал бы.

– Нет, я не пью. Это у меня для медицинских надобностей. Пить в такой глуши – значит погибнуть. Нет, нет. Я слишком верю в будущее. Оно приближается. Посмотрите на события последних лет. Забастовки, стачки, марксистские кружки, «Союз борьбы». Ого! Теперь уже не одиночки, а фабрики, заводы, города. Массы начинают пробуждаться.

– Капитализм родил пролетариат, – продолжал ссыльный медик, – который будет его могильщиком. Это доказано Марксом.

– Пролетариат, Иван Лукьянович, у нас еще молод. Крестьянство и сами революционеры – вот в чьих руках исторические судьбы России.

Кочнев не мог разделять этот взгляд. Будучи студентом, он состоял в марксистском кружке и считал себя членом «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», за что и был арестован и сослан. Но Кочнев не захотел сейчас открывать с Богоразом дискуссию, ибо для самого Ивана Лукьяновича, как и для всех истинных марксистов, вопрос о неправильной позиции народников был давно уже решен.

Богораз продолжал:

– Вы слышали о прошлогодней первомайской демонстрации на Обуховском заводе?

– Да, мне писали товарищи, – отозвался Кочнев, зажигая светильник.

– А результаты? Кровавое столкновение с войсками, около восьмисот арестов, тюрьмы, ссылки, каторга.

– Что ж, – Иван Лукьянович снова подсел к столу, – рабочий класс поднимается на революционную борьбу. «Обуховская оборона» оказала огромное влияние на рабочих по всей России, повлияла она и на кре стьянство. Пора. Разве можно дальше мириться с такой жизнью? Взять хотя бы чукчей, эскимосов. Под двойным, даже тройным гнетом находятся: царизм, американские разбойники, свое кулачество.

– Да, тяжело живут, – подтвердил Богораз. – Но знаете, в их жизни немало и поэтически прекрасного. Вы бы изучали их мифологию, социальную организацию, язык.

– Язык? Но я уже неплохо им владею.

– Это вам необходимо. Я думаю о другом. Я думаю о разлагающем влиянии на этот народ цивилизации и особенно американской, если о ней позволительно говорить как о цивилизации. Она погубит его. Чукчи вымирают.

Неожиданно дверь распахнулась, и в комнату вошел чукча средних лет, черноволосый, с выстриженными на макушке волосами.

– А, Элетегин! Здравствуй, Элетегин, – хозяин поднялся. – Ты что?

– Просто так.

– Чай будешь пить?

Гость сел на второй, свободный «стул»; сел неуклюже, широко расставив ноги.

Иван Лукьянович налил ему чаю.

– Они ко мне часто заходят. Посидеть, поговорить, – сказал ссыльный Богоразу,

поправляя фитиль жирника.

– Дорожите этим, молодой человек, – и этнограф заговорил с Элетегиным по-чукотски.

– Какомэй! – изумился тот, услышав отличную чукотскую речь. – Откуда знаешь наш язык?

…Эта встреча с Кочневым и Элетегином произошла еще зимой, когда Богораз добрался до бухты Строгой. С тех пор Владимир Германович побывал в окрестных поселениях, тундре у оленеводов, сходил в уездный центр Славянск, где у рыбных промышленников работало немало русских людей. Однако из каждого своего похода он снова возвращался в бухту Строгую; здесь он собирался сесть на пароход, чтобы отправиться в Петербург.

В тот осенний день, когда Тымкар вышел к Энурминской лагуне, Владимир Германович в ожидании судна находился у Кочнева.

Пароход, зафрахтованный русским купцом, ожидали из Владивостока со дня на день.

Вечерело. Лишь недавно ушел Элетегин, просидевший здесь полдня. Этнограф и ссыльный медик остались вдвоем.

– Да, все забываю рассказать вам, – заговорил Богораз, – о своей встрече с исправником. Знаете, любопытно… Думается мне, что…

– Не с колымским ли исправником? – перебил его Иван Лукьянович.

– Ах, он и вас, оказывается, не миновал?

– Меня? Что вы! – рассмеялся Кочнев, показывая ряд крепких белых зубов. – Ко мне он мчался сломя голову. Требовал, чтобы я выехал к нему навстречу. Две недели лечил его светлость. И откуда, знаете ли, взялась у исправника такая неожиданная вежливость? Просит: «Вы, говорит, господин лекарь, уж, пожалуйста, о хворобе моей – ни-ни… Избави бог, молва пойдет. Долго ли до начальства, до батюшки, да и баба, говорит, у меня – сущий зверь, господин лекарь, загрызет».

– Негодяй! Впрочем, для царевых слуг это достаточно характерно. А к вашей библиотеке не придирался? Нет? А вот у меня отобрал стихи Омулевского. Крамолу усмотрел в первых же строчках. Не читали? Напрасно: умный человек. Послушайте:

Ты чем его выше, развитое племя?
Ты чем его поднял, гуманности век?
Не тем ли, что в наше кичливое время
Везде вымирает, неся твое бремя,
Тобой развращенный дикарь-человек?

Пытливые глаза Кочнева заблестели:

Мне стыдно за мир наш и многие годы,
Равно и в печальный, и в радостный час,
Я вас вспоминаю, о дети природы,
И думаю крепкую думу о вас…

– Вот и нам с вами, Иван Лукьянович, надобно думать о людях крепкую-крепкую думу. Это из «Камчадала». И вот оттуда же:

Он свыкся давно уж с нуждой и невзгодой,
Несет безответно судьбы приговор.
Но божия искра таится всецело
В душе его детской, и видится в нем,
Как в зеркале грубом, та мощь без предела,
Что сыскони века боролася смело
Не только с природой – с самим божеством.

Кочневу вспомнился недавний разговор с Богоразом о судьбах революции. Теперь вот стихи эти… Нет, мало думать о народе. Ленин еще семь лет назад призвал переходить к действию!

– Стихи, конечно, душевные. Но они не зовут. Это не программа.

– Позвольте, как вас понять? – встрепенулся Богораз.

Иван Лукьянович прошелся по комнате.

– Вот вы, Владимир Германович, говорите, что надо – думать о чукчах. А ведь только от одних наших дум людям не легче. Помогать надо, действовать, готовить, поднимать народ на борьбу, а не только думать и писать стихи, что народ «свыкся», «безответно несет судьбы приговор». Надо эту «судьбу» изменить! – на щеках Кочнева выступили красные пятна.

– Организовать стачку на Чукотке, что ли? Нет уж, избавьте, пожалуйста, нас, избавьте науку и наконец этот чудесный народ от этакой опеки! Как этнограф, я утверждаю, что вымирание туземных племен в Северо-Восточной Сибири происходило в прямой или непрямой связи с воздействием культуры, как это случалось и в других странах. Если цивилизация станет приступать вплотную, то чукчи, должно быть, пойдут по пути других первобытных народов, и тогда они вымрут и исчезнут. – Этнограф заметно волновался, это было видно Кочневу по тому, как он все время старался устроиться поудобнее в кресле. – Мне представляется, что для сохранения этого народа следовало бы запретить при существующем государственном строе всякое вмешательство в его жизнь.

– Сделать заповедник для ученых? Зачем же вы тогда собираетесь разработать для чукчей письменность?

– Это совершенно другое. Книги будут просвещать их, подготовлять к постепенному приобщению к общечеловеческой культуре. Но от разлагающего влияния цивилизации окраинные народы надо решительно оградить! Во всяком случае теперь!

– От такой, как американская «цивилизация», – конечно! – Кочнев поднялся, заходил по комнате, – Но от светлой, разумной, честной – не согласен, Владимир Германович! По всей стране надо готовить народ к революции. И здесь, на далекой окраине, в ссылке, я вижу свою миссию в том, чтобы открывать людям глаза на причины каторжной жизни, поддерживать у них веру в счастье, противопоставить нас, русских социал-демократов, царским сатрапам и американским пиратам. Мы не можем равнодушно смотреть на беспросветнотяжелую жизнь и вымирание малых народов. Надо действовать, воспитывать чувство социального протеста у всех угнетенных, включая чукчей. А когда настанет час, революция одним могучим порывом сметет царизм по всей России.

Спор о судьбах революции длился не один час. Но в конце концов Богораз от дальнейшего «скрещения мечей» уклонился, поняв, что Кочневу решительно чужды его идеи, и заключив, что спорить нет смысла».

– А знаете, Иван Лукьянович, ведь я тоже слышал о вас еще в столице!

– Каким образом? Откуда? – изумился Кочнев.

– И не только о вас, дорогой! О многих, кто ныне отлучен от сердца России. Вот вы уже второй год здесь, а не осведомлены о том, что в Славянске есть очень интересные люди. Свяжитесь с ними.

Возбужденный, Кочнев поднялся с кресла: он знал, что по всей России происходит революционный подъем.

Помолчали. Ссыльный снова сел, не спуская глаз с собеседника.

– Думается мне, – продолжал Богораз, – что нам, русским на Севере, надо помогать аборигенам всем, чем только можно. Кроме прямой пользы, этим мы в какой-то мере парализуем то мнение, которое порою складывается у них о людях, как они говорят, другой земли из-за непристойного поведения всех этих исправников, миссионеров, а главным образом американских разбойников. Это будет укреплять дружбу между нами и местными народами. Старайтесь, чтобы чукчи замкнулись в себе, иначе, повторяю, они вымрут.

Кочнев промолчал, не желая продолжать бесполезный спор.

Он довольствовался теми сведениями, которые получил от Богораза.

– Мы, старшее поколение, – продолжал Владимир Германович, – будучи в ссылке, сделали свое дело, да и сейчас, как видите, не выключаемся из борьбы. Теперь очередь за вами. Завоюйте у местного населения безусловное доверие к себе, заслужите любовь и уважение, Это нелегко конечно. Но это необходимо.

– Я понимаю.

– Не замыкайтесь в бухте Строгой. Но будьте очень осторожны. Думается мне, что, несмотря на открытый лист министра, я у полиции под негласным надзором. Впрочем, я даже убежден в этом. А вы – политический ссыльный!

Уже совсем стемнело. Кочнев зажег второй светильник.

– В каждом поселении, Иван Лукьянович, у вас должны быть друзья, доброжелатели. Среди чукчей их найти нетрудно. Ну, взять хотя бы Уэном – это совсем недалеко от вас. Разыщите там молодого чукчу Тымкара. Он бывал на Аляске, хлебнул там горя, знает тундру, жестоко обижен жизнью. Этот прохвост исправник вкупе с шаманом оклеветали его: якобы он убил миссионера из Нижнеколымска. Между тем этого купца в рясе – Амвросия – я сам видел живехонького в стойбище Омрыквута: он залетовал там, обремененный пушниной. Да, чукотские имена вы можете записать, – и Богораз назвал ему многих, среди них Пеляйме, Энмину, Кутыкая и Тымкара. – При встречах можете напомнить им обо мне, у них, думается, должно остаться о таньге Богоразе неплохое воспоминание. – Владимир Германович помолчал, о чем-то думая, и неожиданно закончил: –Ну, а теперь давайте займемся чукотским языком. Вы допускаете немало серьезных ошибок. Берите бумагу и карандаш!

Учеба затянулась допоздна.

Уже ночью, после задушевной и доверительной беседы, Кочнев спросил Богораза, не согласится ли он увезти в столицу письмо, чтобы оно миновало цензуру. Тот утвердительно кивнул головой.

– Тогда я сажусь писать. Пароход простоит здесь совсем мало. К тому же приедет Дина, будет суетно. Вы ложитесь пока спать.

Сам Иван Лукьянович в эту ночь спать не ложился, И правильно поступил, так как на рассвете бухту огласил такой необычный здесь гудок парохода. Уже через несколько минут ссыльный поселенец и Богораз спешили к берегу.

Глава 16
ПО ТУ СТОРОНУ

Осень. Истерзанные ветром тучи косматыми языками лижут море. К ним навстречу вздымаются громады волн. Седые, бугристые, они пучатся, выравнивают ряды и, все увеличивая скорость, яростно набрасываются на берег. Вгрызаются в галечники и пески, волокут их за собой.

Берег стонет.

Эскимосы притихли в своих землянках. В глазах женщин настороженность: не явились бы непрошенные гости. Каждый раз, когда гневается дух моря, из Нома приходят люди другой земли. Они приносят виски, обижают, уводят девушек.

Сипкалюк страшно. В землянке только она да сынок Тыкос. Он спит. Мать прикрывает его шкурой и снова смотрит на пламя жирника, которое колеблет ветер, неизвестно как проникающий сюда. Потом Сипкалюк поднимается и выходит из землянки.

Море беснуется. Ночь вплотную прижала к нему небо. Из бухты мигают качающиеся огоньки. Там шхуны. На них нехорошие люди…

Худенькая большеглазая Сипкалюк озирается по сторонам. Нигде ни души. Даже собаки и те куда-то попрятались.

Неподалеку жилище дяди. Племянница идет к нему.

Молча Тагьек накалывает рисунок на клык моржа. Его жена, краснощекая Майвик, так же безмолвно сидит у жирника и отсутствующим взглядом смотрит на спящих детей.

– Амнона… Где дочь моя Амнона? – не меняя позы, беззвучно шепчет она.

Уже прошло три лета и три зимы, как она лишилась дочери. Вот в такую же ночь ее похитили американы. Говорят, она плавает на «Китти». Но эскимосов не пускают на берег, когда шхуна приходит в Ном.

Тагьек и Майвик родились по другую сторону пролива. Лишь десять лет назад, когда бородатые китобои распугали зверя, они вместе с отцом Сипкалюк переселились на остров. Но и там охота становилась все хуже. В поисках лучших мест они пересекли пролив и обосновались вначале у мыса Барроу, а позднее спустились на юг, до Нома.

Перед задумчивым взором Майвик – родное поселение. Там прошла ее молодость. Здесь она потеряла дочь Амнону.

Долго просидела Сипкалюк в этой тихой яранге. Ни тетя, ни дядя не заговорили с ней.

Наконец она поднялась.

– Страшно одной. Оставайся, – сказала тетя.

Она давно зовет ее жить к себе. Но племянница все еще держится за свою землянку. Слишком много воспоминаний связано с ней. Сипкалюк помнит, как отец строил это жилище. Да, тогда у нее были мать и отец. Большая болезнь взяла их. Вскоре не вернулся с охоты муж…

– Тыкос, – одним словом объясняет племянница причину ухода и выползает из землянки, возвращается к себе.

Тыкос спит. Теперь он один у нее. Дочурка весной умерла. Мать смотрит на сына. Его ресницы так напоминают ей отца ребенка. «Тымкар, Тымкар…» – думает она.

Пламя жирника колеблется, лижет днище чайника, такого же черного, как стены и потолок спальной палатки.

Время от времени Сипкалюк настороженно прислушивается: успеть бы выскочить, спрятаться, если явятся в поселение насильники. Но, кроме буйства моря, которое с яростью швыряет свои волны на берег, она не различает ничего.

Ночь. Стонет измученное ветром море. Но его стона не слышно в салунах и барах Нома, где вместе с искателями счастья пьянствуют солдаты и бродяги, преступники и матросы со шхун купцов и китобоев.

– Сто против одного! – выкрикивает какой-то смуглый южанин.

– О-кэй, – отвечает длиннобородый янки, срывает с головы шапку и подбрасывает ее.

Южанин выхватывает двуствольный пистолет – и тут же раздаются два выстрела. На них почти никто не обращает внимания. Длиннобородый достает бумажник. Кто-то надевает на него простреленную шапку.

В дальнем углу бара кулачная схватка. Вокруг толпа. Быстро заключаются пари, делаются ставки на победителя.

Свет пузатой газовой лампы, подвешенной у потолка, с трудом пробивает ползущие, словно облака, пласты табачного дыма.

За высокими столами толпятся гости. Всюду пестрые ковбойские рубашки, сапоги, куртки-канадки. Гости размахивают руками, пьют, курят, гремят высыпанными из кожаных черных стаканов костями, выкрикивают числа, спорят.

За стойкой бармен в зеленом фартуке.

Неподалеку слышны голоса:

– Сибирь? «Северо-Восточная компания»?

– Тебе повезло, бродяга! Твои компаньоны Ройс и Джонсон?

– Олаф! Признайся, сколько золота ты взял на Чукотке?

– Не отправиться ли и нам с тобой?

– Роузен? О, мистер Роузен – деловой человек! Мы сумеем с ним договориться.

Слабо раздается бой часов. Полночь.

Компания гуляк во главе с Олафом Эриксоном направляется к стойке.

– Мистер Эриксон? Так рано? – на лице розовощекого владельца бара удивление.

– Нас семеро, – Эриксон оглядывает приятелей, – с каждым будут пить несколько

дикарей. Все должны быть пьяны. Плачу я.

– Вери-велл! – бармен понимающе подмигивает и начинает нагружать каждого гранеными бутылками виски.

Прогибая дощатый пол, ватага двинулась к эскимоскам.

На улице, у входа в бар, Роузен уговаривал свою спутницу не ходить в это скопище бродяг:

– Вы с ума сошли! В таком наряде? Да вас ограбят там! К тому же ведь мы договорились поужинать в «Золотом поясе», не так ли, Элен?

Они стояли на тротуаре, в светлом пятне, отброшенном фонарем. Через открытую дверь изливались волны пьяного сквернословия. Среди выходивших из бара Элен узнала Эриксона. «Досадно, – подумала она, – что Олаф так рано покинул бар. Теперь уж, конечно, встретиться с ним этой ночью не удастся». И она согласилась отправиться в отель.

После ужина Роузен отослал официанта и запер на ключ дверь кабинета.

– Вери-велл, Элен! Надеюсь, ты согрелась? – он снял с нее накидку из серебристо-черных лисиц. – Пока я был в столице, ты, девочка, стала еще ослепительнее!

Роузен бросил накидку на диван, наполнил два больших бокала.

– Ты решил споить меня? – она взглянула на него своими большими наглыми глазами.

– О, пьяная, крошка, ты бываешь превосходна.

Элен вспомнился минувший вечер, проведенный в этом же кабинете с Эриксоном.

– Что такое? Откуда такая задумчивость? Тебя не подменили?

Она резко повернулась.

– Я давно хотела сказать тебе. Мне надоело за тысячу долларов годовых и днем и… – она запнулась, сама поразившись своей неожиданной смелости. Но тут же, вспомнив о золотом самородке, полученном накануне от Эриксона, и о ключах от сейфа главного директора, решительно закончила: – Мне надоело быть нищей любовницей миллионера! Пока я молода…

– Элен… – растерянно произнес Роузен и широко развел руками. – Что с вами, Элен?

– Вы не умеете ценить людей. Я веду все ваши дела. Работаю, как драга! И что же? Сколько вы утаили от компании? Миллион, да? А мне привезли это дрянное ожерелье и накидку? Возьмите! – она быстро сняла с себя драгоценную нитку и, не одеваясь, направилась к дверям.

– Элен! – испуганно вскрикнул Роузен. – Вы с ума сошли, Элен!.. – он не без труда удержал ее и усадил на диван.

Нет, Роузена никак не устраивало лишиться такого секретаря. Не говоря уже о том, что она теперь слишком много знает, он никогда не простил бы себе утрату такой женщины, этой поистине звезды Аляски. Особенно досадно, что неожиданная сцена произошла именно сейчас, здесь, в этом уютном кабинетике, о встрече в котором он столько дней мечтал в пути. И вот, не угодно ли, вместо того, чтобы провести приятный вечер, извольте утешать эту разбушевавшуюся красивую дрянь…

Но утешать ее пришлось.

– Вы преувеличиваете, дорогая Элен, – вкрадчиво начал он, вытирая вспотевшую лысину. – Ну, откуда же миллион? Ведь мне приходится содержать шхуны, экипажи. Вам известно, что, кроме убытков, они ничего не приносят… К тому же ряд проспекторских партий не оправдал себя. Тот же Ройс, Устюгов, Джонсон…

– Слушайте, Роузен, – дерзко перебила его Элен. – Не морочьте мне голову. Вы забыли ключи, и я поинтересовалась содержимым вашего сейфа.

По лицу главного директора растеклась бледность. Лысина взмокла, язык отяжелел. Пораженный услышанным, он не мог произнести ни единого звука. Ключи, которые он считал потерянными в дороге, оказывается выкрала она! Секунду Роузен молча смотрел в наглое лицо своего секретаря; в прищуренных глазах Элен затаилась недобрая усмешка. Однако усилием воли он пытался изобразить на лице радость и хриплым, дрогнувшим голосом воскликнул:

– Так они у вас, Элен? Где же они?

– Ключи или бумаги? – невинно спросила звезда Аляски.

– Что? – глаза главного директора выпучились.

– Я все отправила правлению компании в Петербург. – Зная, что, конечно, он ей не поверит, она все же сказала это, намекнув улыбкой, что если она и не поступила так, то еще имеет возможность…

– Проказница! – облегченно вздохнул Роузен и стал целовать ей руки.

Но сердце его по-прежнему билось тревожно. Элен узнала слишком много! «Что же делать? – сверлила голову неотступная мысль. – Какой убыток!» Даже внезапная смерть Элен – уже и этот вариант промелькнул в его сознании – могла быть ею предусмотрена, раз она пошла на такой шаг.

Роузен слишком долго и бесстрастно целовал руки своей секретарши, не замечая ее напряженного взгляда.

– Если этой ночью со мной что-нибудь случится, учтите: вас ожидает тюрьма, – как бы читая его мысли, продолжала осуществлять свой план Элен.

– Что? Что ты сказала? – главный директор «Северо-Восточной сибирской компании» вскочил на ноги, – Оставь эти шутки!.. Сколько ты хочешь за ключи?

Кажется, впервые в жизни он почувствовал себя воробьем в когтях у кошки, которому достаточно шевельнуться, чтобы острые зубы впились ему в горло.

– Сто тысяч, – спокойно ответила Элен, – и завтра бумаги вернутся в сейф.

– Шантаж! Грязный шантаж! – возмущенный Роузен забегал по кабинету.

– Еще одно оскорбительное слово – и я удвою эту цифру.

– Что? – Роузен застыл на месте.

«Какой убыток, какой убыток!» – теперь уже про себя сокрушался Роузен. Он понимал, конечно, что откупиться за свою оплошность придется. Но такую сумму ему было нестерпимо жаль. «Сто тысяч!..» И вот тут в коммерческом мозгу Роузена шевельнулась, кажется, достойная его мысль. «Сто тысяч, – повторил он про себя. – О-кэй. Ты получишь их». Да, да, она получит, но не по предъявительскому чеку, а по именному и… со счета компании. А потом, перед ревизией, когда ей будет угрожать каторга, он, так и быть, внесет за нее недостающую сумму, но возьмет вексель, вексель! «Конечно, это выход!» – утверждался он в своей мысли. Эти деньги она будет отрабатывать ему всю жизнь. Так он сохранит себя и ее для себя – до тех пор, пока она ему будет нужна. Нет, он не позволит шантажировать себя. Он впутает ее. Эти деньги будут первыми и последними, это будет плата за работу до смерти!

– Ты весь перепачкался, – Элен сняла с его щеки прилипшее зернышко черной икры.

«Конечно, конечно! – лихорадочно проверял он свой расчет. – А чтобы она старалась, не потеряла надежды разбогатеть, я, пожалуй, расскажу ей о наших перспективах. О, она неглупа! Теперь это вполне очевидно. Из такой будет толк. Если меня, Эдгара Роузена, она сумела взять за горло, то этими ручками можно многое сделать. Она жадна, это хорошо. Да, да, я расскажу ей о будущем, о перспективах…»

– О-кэй, Элен! Решено. Признаю себя побежденным. – И тут же он пообещал ей сумму, превышающую ее годовой заработок в сто раз.

Вскоре после этого неприятного разговора они мирно сидели за столом…

– Дорогая, ты будешь у меня самой яркой звездой Аляски. Ни одна женщина в Штатах не осмелится оспаривать у тебя первенство на конкурсе красоты, Я осыплю тебя драгоценностями! Если бы ты знала, сколько золота лежит без пользы у этих русских в их Сибирском крае!

– Сибирь? Но ведь это, Эдди, так далеко от пролива и от владений компании на Чукотке!

– Не беспокойся, скоро мы будем полными хозяевами. За твое счастье! – он поднял бокал. – Основная цель «Северо-Восточной компании», девочка, заключалась в том, чтобы глубоко разведать русские недра. И мы это сделали. Ты убедилась теперь сама. Наивно было

бы вкладывать капитал в концессию, срок которой – всего пять лет. О, Вашингтон далеко видит! Ты думаешь, я ездил туда так себе, от скуки? Ты ничего не знаешь. Какие люди говорили со мной! Эдвард Гарриман, Морган, министр финансов Лесли Шоу, Джордж Пеграм, Армстронг, Хилл, директор Национального банка Альфред Куртис. Это же боссы Америки, Элен!

– Мне что-то холодно. Принеси накидку, – попросила она.

– Запомни, если кто-нибудь узнает о том, что я говорю тебе, – мы оба погибли! Гарриман – опасный и страшный человек! Он заинтересован в этом предприятии больше других. За верность! – провозгласил Роузен новый тост.

– Эдди, поцелуй свою девочку! Я так скучала без тебя…

– Понимаешь, Элен, затевается грандиозное дело! – главный директор компании вскочил со стула и заходил по комнате. – Я клялся на библии, что сохраню все в тайне. Но перед тобой я не могу устоять.

– О чем ты говоришь?

– Америка требует у России концессию для строительства Транс-Аляска-Сибирской железной дороги с тунелем под Беринговым проливом.

– А что это нам даст, Эдди?

– Что даст? – переспросил Роузен. – Из Нью-Йорка ты сможешь без пересадки попасть поездом прямо в свой Берлин. Но не в этом дело. Разве это уж так важно – кораблем или по железной дороге вывозить золото? Чепуха! И при чем тут Берлин, Париж? Глупости, болтовня! Нет, Гарриман знает, что делает. Инженер американского синдиката Лойк де Лобель уже вторично в Петербурге и настойчиво добивается концессии. Нас поддержат русские министры и сам дядя царя – великий князь Николай Николаевич. О, это большая сила: он – председатель Совета государственной обороны. Конечно, все это стоит денег, но я думаю, что мы с тобой от этого не обеднеем, не так ли? – засмеялся Роузен. – Концессию мы требуем на девяносто лет. Ты понимаешь, что такое девяносто? Это значит навсегда. Мы получим в собственность, на правах государства полосу отчуждения шириной в шестнадцать миль, проходящую через богатейшие русские земли от пролива до самого Енисея. Америка протянется до Сибири. И ты, Элен, будешь пригоршнями вычерпывать золото из этого дикого края!

Но его секретарша не напрасно кончила коммерческий колледж.

– Строить, Эдди, – это, по-моему, расходы, а не доходы.

– А разве я сказал, что дорогу собираются строить? – удивленный, он даже остановился. – Гарриман намерен только перебросить в Россию огромный насос со шлангом, который будет выкачивать из полутораста тысяч квадратных километров золото, меха, лес, рыбу, руды, доллары… Какой же осел станет копать туннель под проливом! Впрочем… – он запнулся, секунду помолчал, – впрочем, в Вашингтоне кое-кто (имена он назвать не рискнул) настаивает на туннеле, чтобы побыстрее отхватить от России весь северо-восток Азии.

– Тебя сегодня трудно понять, мой мальчик.

– Но все совершенно понятно: дорогу не соединят с русской магистралью, ее не проложат так далеко. Но все земли, где пройдет она, окажутся оторванными от России и связанными с нами. Ну, а потом мы прикажем пошевелить мозгами нашим дипломатам или генералам, и все будет о-кэй! Во всяком случае, в этом уверены в столице. Что касается меня, то мне плевать на все эти туннели и дороги! Какой расчет вкладывать капитал в строительство? Ты права, Элен. Чем глуше край, тем легче сделать там большой бизнес. Дорога привлечет конкурентов. Это невыгодно, черт возьми!

Слово «бизнес» напомнило Элен о главном:

– Эдди, ты перечислишь на мой счет завтра же, не так ли?

– Чек на сто тысяч ты получишь утром. Это так же верно, как то, что ты великолепна, моя девочка! Я знал, что мы сумеем договориться.

– Убавь свет.

Деловито сдвинув брови, Элен бережно снимала с себя драгоценности. Она уже не

думала об Олафе, который в этот поздний час разбойничал с приятелями в эскимосском поселении.

* * *

Спустя два дня после ночного визита Эриксона три семьи эскимосов, погрузившись в кожаные байдары, переселялись из Нома за пролив. Среди них – Майвик, Тагьек, их дети; уезжали также Сипкалюк и Тыкос. Жизнь на американском берегу становилась невыносимой.

Г лава 17
ЦЕНА ДРУЖБЫ

Навигация кончилась. С севера подступали льды. Холодные массы воздуха устремились к югу. Небо закрыла облачность.

Последняя торговая шхуна покинула накануне Энурмино. Улетали журавли. То и дело слышалась их перекличка: кур-лу, кур-лу, кур-лу…

Поселение безлюдно: охотники еще не вернулись с моржового лежбища, женщины ушли в тундру за съедобными кореньями. Лишь один человек стоял среди яранг и глядел на небо. На нем – местная одежда и обувь, в руке зажата шапка.

Журавли покидали Чукотку. Бент Ройс, широкоплечий, большой, мешковатый, смотрел им вслед.

Вот уже и нет возможности выбраться отсюда до следующего лета! Все напоминало о близкой зиме – третьей для него зиме в этом ужасном крае вечного холода.

Ройс опустил голову, тяжело вздохнул. «Эх, мистер Роузен! Я считал вас деловым человеком. Надеялся, что вы оцените мою преданность компании. А вы…» – Ройс не решился додумать до конца эту мысль. Он живо представил себе черноглазого шустрого человека, умеющего одним взглядом сделать вас несчастным.

Мистер Роузен – фактически глава «Северо-Восточной компании», с ним Бент заключил контракт на год. В контракте есть пункт, согласно которому договор автоматически продлевался на следующие годы. Двадцать восемь месяцев по пятидесяти долларов – это уже около полутора тысяч. Следующая зима неизбежна; значит, плюс еще пятьсот… Обеими руками Ройс надел шапку и вытащил из-за пазухи контракт, завернутый в кусок клеенки. Ветер пытался вырвать его из рук владельца, но норвежец повернулся к ветру спиной, перечитал договор, хотя и знал весь его наизусть, и снова бережно уложил на место.

В небе прокурлыкала еще одна стая.

Блестящая мысль вдруг пришла Ройсу в голову. Конечно же, он отправится к этому изменнику Мартину и займет необходимые на зимовку сто-двести долларов, вернее, возьмет товары и продукты. Компания потом компенсирует этот расход: ведь она сама виновата, что и в эту навигацию не сумела забросить им продукты.

Норвежец уже давно высчитал, чего и сколько ему нужно до следующей навигации. Ройс экономен. Запасы продовольствия ему были выданы компанией на год, он растянул их на два. Но сейчас не осталось уже ничего: ни муки, ни жиров, ни патронов. Только винчестер. Раньше Ройс отдавал его охотникам, и они за это приносили ему, Тэнэт и ее матери мясо и жир. Кому же теперь нужно ружье без патронов?

В кармане штанов он нащупал трубку, вытащил ее, пососал. Табаку нет.

Он все же считал Роузена деловым человеком. Как можно за две навигации не забросить продуктов?! Бент провел рукой по сильно заросшему щетиной лицу. Ведь он писал, где находится, писал о проблесках золота, о своей уверенности в том, что здесь залегает золотая жила.

– Очень странно! – произнес Ройс и медленно зашагал к морю.

Тэнэт и ее мать вместе с охотниками – на моржовом лежбище. В яранге Бент остался

только с Василием. Сегодня с утра он ничего не ел, да и нечего есть. Норвежец негодовал на компанию, он все надеялся, что до конца навигации о нем позаботятся.

Между тем расчеты Роузена были просты, как таблица умножения. Он не напрасно считался деловым человеком. Тот из проспекторов, кто находит золото, – неизбежно с первой попавшейся шхуной мчится в Ном для расчетов и подкрепления провиантом. Так, например, поступил Олаф Эриксон. Все же остальные, неудачники, мало интересовали Роузена. Не мог же он на ветер бросать доллары компании, посылать бездельникам продукты и снаряжение? И даже если кто-либо из них возвращался в Ном с пустыми руками, главный директор умел доказать ему и суду, что проспектор сам нарушил контракт и поэтому с компании ему ничего не причитается, наоборот, из-за таких, как этот, компания несет убытки…

Предположение Ройса, что, быть может, Роузен по делам компании выехал на время из Нома и не получил его писем, были ошибочны: Роузен почти неотлучно проживал на Аляске, и Элен, его личный секретарь, аккуратно подшивала все полученные письма проспекторов в соответствующие личные дела вместе с копиями ответов своего патрона. Впрочем, самих ответов не отправляли. Писались только копии: на случай исков к компании. В них сообщалось о посылке со шхуной компании снаряжения и высказывалось неудовольствие деятельностью проспектора…

Деловой день Роузена был занят составлением этих писем-ответов и соответственных накладных; их копии тоже приобщались к личным делам. Кроме того, представитель компании в Номе развернул – уже лично от себя – большую деятельность по снабжению населения северо-азиатского побережья Тихого океана продовольствием и товарами. Но так как компании этим заниматься не полагалось, то и тут приходилось много хлопотать, чтобы замаскировать эту незаконную деятельность и прибыли от нее на случай ревизии из Петербурга.

Ничего этого Бент Ройс не знал, наивно полагая, что его оставили без продуктов в результате какого-то досадного недоразумения.

– Очень, очень странно, – бормотал он, собирая по берегу выброшенных морем моллюсков и морскую капусту.

Если бы два года назад кто-нибудь из приятелей сказал Бенту, что он может так «очукотиться», он никогда бы не поверил. А теперь, за исключением нижнего белья, одежда его ничем не отличается от одежды чукчей; ест он вместе с ними мясо тюленей и моржей; спит в яранге на шкуре; говорит на языке туземцев; мало этого – он связался с чукчанкой Тэнэт…

Каждый раз, когда он задумывался над этой связью, ему так ярко вспоминалась белокурая Марэн. Ей скоро исполнится двадцать девять, ему самому уже тридцать второй.

С тех пор, как он последний раз покинул Ном, отправившись в Азию, Бент не подучал ни одного письма ни от Марэн, ни от родных. Сам он писал им, но кто же мог привезти ему сюда их ответы, если даже они и были?

Ройс возвратился в ярангу. В жаровне еще сохранился жир, норвежец зажег фитиль.

Василий ушел в тундру на охоту. Глядя на мрачные очертания спального помещения, Ройс пожалел, что вчера не попросил, чтобы его взяли на шхуну до Нома. Возможно, ему не отказали бы. Но он не посмел возвратиться без разрешения Роузена. Как посмотрел бы главный директор на это? Ведь компания уже израсходовала на них значительные суммы, и его самовольное оставление Чукотки могло быть расценено, как нарушение контракта, и тогда он остался бы без цента в кармане. Нет, этого он себе позволить не мог.

Ветер усиливался. Кожаная кровля яранги шумела.

Норвежец достал тетрадь и занес в нее свои наблюдения за погодой. (Он вел их уже два года. В тетради встречались и другие записи, сделанные по-норвежски).

Затем, отложив дневник, потянулся за брезентовой сумкой, где хранились образцы горных пород с проблесками золота. На них были наклеены этикетки с указанием, откуда они взяты. Ройс вновь и вновь рассматривал их, и чем голоднее он был, тем с большим

фанатизмом проникался уверенностью, что именно там, в миле от Энурмино, проходит золотая жила и он доберется до нее! Хотел бы он видеть Роузена, когда у него, Бента, будет в руках вот такой, как эта порода, самородок золота! Он не побоялся бы тогда прямо в лицо сказать главному директору, что считал его деловым человеком, а тот оставил его в таком положении! И где? В дикой и страшной Азии, среди полудикарей. Эх, мистер Роузен!.. Ройс покачивал головой, все сильнее чувствуя, как он голоден. Ведь моллюски и морская капуста – этого достаточно лишь для того, чтобы не умереть с голоду.

Полулежа норвежец через лупу всматривался в кусок гранита с обильным содержанием железа. Жирник помигивал, железняк то тускнел, то снова оживал, искрился. Ничего! Ройс сумеет доказать, что имеет право не на треть самородка, а по меньшей мере на семьдесят пять процентов. И ему уже виделось негодование на подвижном лице черноглазого Роузена. Ничего! Ройс сумеет доказать свое право.

Он представлял себе, как они будут сидеть за столом в кабинете главного директора, есть ростбиф, пить лучшие вина и как ему будет предложено стать акционером компании. Что ж, пожалуй, он вложит известную долю в это дело. Но прежде всего он съездит в Норвегию за Марэн и навестит дядюшку в Калифорнии. Пусть он посмотрит на Бента Ройса, с которого он хотел содрать три шкуры… Нет, Бент Ройс с пустыми руками не вернется!

На свою связь с Тэнэт Ройс смотрел как на случайную, временную. Не брать же чукчанку с собой в цивилизованную страну! Что плохого, что он живет с ней? Ведь он ей ничего не обещал. Совесть его чиста. Не жить же ему, взрослому человеку, одному.

Бент выполз в наружную часть шатра, пошарил там, съедобного ничего. Но, черт возьми, что же ему делать? Когда же возвратятся с моржового лежбища Тэнэт и ее мать и принесут мяса? Неужели ему не обойтись без Джонсона?

Эти два года в конце концов он прожил ничуть не хуже, чем десять лет в Штатах; над ним не тяготела хозяйская рука, как на ферме у дядюшки – будь он проклят! – или на железной дороге. Он жил в теплом жилище был свободен, всегда сыт… Но вот сейчас, что же ему делать сейчас?

Ройс выглянул наружу. Темнело. В море шумели льды. «Земля еще замерзла не сильно, – думал он, – завтра надо бы идти на разработку породы в «Золотое ущелье» (так он назвал место, где по всем признакам скрывалась мощная золотая жила). Но… но чего же все-таки сейчас поесть?»

Скрежет льдов, выпираемых на берег, лишал его надолго надежды на возможность прихода шхуны с продовольствием.

«Что же делать?» – не отступала болезненно назойливая мысль. Он теребил бороду, проводил рукой по шершавым щекам. Ощущение голода мешало ему сосредоточиться. В сознании беспорядочно мелькали образы мистера Роузена, Мартина, Марэн, Олафа Эриксона, Тэнэт… Бент Ройс задремал.

* * *

Через несколько дней заметно похудевший Ройс подходил к Ванкарему. Здесь находилась торговая фактория владельца шхуны «Морской волк», та самая фактория, делами которой столь успешно заправлял мистер Джонсон.

Впервые Бент встретился с Мартином задолго до Нома. Тысячу семьсот миль по Юкону они проплыли вместе с ним и Олафом Эриксоном. С Олафом Бент не сошелся так близко, как с Мартином. Ему не нравилась манера Эриксона всегда все решать самостоятельно, не считаясь с мнением товарищей. Ройсу был памятен случай, когда Олаф связался с другой группой проспекторов, чем поставил их с Джонсоном в весьма затруднительное положение. Правда, Мартин ушел к чернобородому янки торговать – в нарушение контракта с компанией, – однако время, проведенное вместе с Мартином на Аляске и здесь, привязало Ройса к нему, и предстоящая встреча его радовала. Мартин всегда казался ему душевным человеком. Происходил он, как казалось Ройсу, из хорошей семьи,

был образованнее Ройса; страсть же Джонсона к представительницам другого пола Бент относил к молодости и прощал ему эту слабость, так как в конце концов Мартин всегда оставался хорошим товарищем.

Двери склада-лавки были распахнуты настежь. Около них толпились чукчи. Бент направился туда.

За рослыми фигурами туземцев он не видел своего приятеля, но голос его, хотя тот говорил по-чукотски, Ройс слышал ясно:

– Нет, нет, за этого зверя я могу дать только плитку чаю и одну плитку табаку. Разве ты не знаешь, что к нам не приходила шхуна? Патроны я даю только за первосортных песцов и лисиц.

На Ройса залаяли собаки. Чукчи оглянулись.

– Этти! – послышались голоса.

– Мартин! – Ройс протискивался к прилавку.

– Бент? – удивленно откликнулся Джонсон.

Ройс протянул ему огромную руку, поросшую рыжими волосами.

– Ты все еще в этих краях? – в голосе Джонсона прозвучали какие-то тревожные нотки, но Ройс их не услышал.

Разделенные прилавком, они стояли друг перед другом, такие разные и по росту, и по одежде, и по положению.

– Застрял в «Золотом ущелье». Мистер Роузен оставил меня без продуктов.

На обрюзгшем бледном лице Джонсона стало заметно напряжение. Он выжидающе смолк. Упоминание о каком-то «Золотом ущелье» насторожило его, но отсутствие продуктов…

– Ты понимаешь, Мартин, я ждал шхуну компании до последних дней, но льды…

– Да, да. Льды, – Джонсон покачал головой. – Мой хозяин оставил меня почти в таком же положении. Все на исходе!

Ройс оглядел факторию. Под висящей на балках пушниной, среди тюков, высился штабель мешков с мукой; рядом стояли какие-то ящики.

– Ты на чем попал сюда? – отвлек он его от изучения содержимого склада.

Норвежец указал рукой на ноги.

– Разве «Золотое ущелье» недалеко?

– Оно вблизи Энурмино.

– Энурмино? Так ты устал, Бент? Иди ко мне, я скоро закончу, и мы тогда потолкуем. – Он помолчал. – Ты, собственно, куда направился вообще-то?

– Я к тебе пришел, Мартин.

Легкий румянец покрыл лицо Джонсона, глаза забегали. Он взял сигару, другую протянул своему другу.

– Мэй, – обратился он по-чукотски к одному из чукчей, – покажи ему мою ярангу. Он покажет тебе, Бент, где я живу. Мы там обо всем потолкуем. Вот только отпущу этих, – он указал на сдатчиков пушнины.

Они зажгли сигары, и Ройс вышел. Его левая рука теребила щетину на заросшей щеке.

В яранге не было никого. Бент зажег жирник, увидел обычный чукотский полог: никаких признаков, что здесь живет американец. Сигара дурманила голову. Хотелось есть, но в пологе ничего съедобного не было.

Мартин задерживался. В желудке норвежца урчало. Он снова зажег потухшую сигару, прилег у жирника и заснул.

Разбудил его громкий голос:

– Бент! Ты спишь? Ты раньше не был таким соней!

Ройсу хотелось сказать, что он голоден и что так не встречают друга, тем более, если друзья не виделись более полутора лет, но он смолчал, чтобы не обидеть Мартина. В конце концов, кто же из деловых людей бросит дело ради приятеля! А Мартин к тому же только служащий, начинающий.

– А где же Мэри? Она, может быть, и не накормила тебя, Бент?

Норвежец энергично приподнялся со шкуры.

– Ты женился, Мартин?

Джонсон рассмеялся. Под глазами собрались морщинки.

– Ты стареешь, Бент, я вижу! Сенсационный случай:

«Как сообщает наш корреспондент, – захлебывался он смехом, – мистер Мартин Реджинальд Джонсон, уроженец Чикаго, на днях женился на дикарке. В приданое невеста принесла ему состояние из старой оленьей шкуры, закопченный чайник и расшитые сухожилиями торбаса… На бракосочетании присутствовали все дикари из окрестной тундры…» – Он, видно, хотел еще что-то добавить, но не нашелся, помолчал. – Ты, Бент, остался таким же, каким был! Мэри – так я зову свою служанку. Не могу же я ломать свой язык сотню раз в сутки, произнося их невероятные имена, от одного звучания которых хочется повеситься. Эх, Чикаго, Чикаго! – он вздохнул. – Какие девочки! Помнишь, Бент, в Номе?.. Да, – спохватился он, вспомнив о своих обязанностях хозяина, – какого же черта мы тут коптимся при жирнике! Идем в мой будуар.

С этими словами он вынул из кармана связку ключей, один из них всунул в едва различимую щель в кожаной стене полога, и перед взором изумленного Ройса открылась потайная дверь в европейскую комнату.

– Ах, ловкач! – вырвалось у Бента.

Друзья вошли.

Мартин зажег лампу, начал растапливать железную печурку.

– Сейчас мы с тобой поужинаем, Бент, как в Номе. Ты что будешь есть?

Оглядев обитель приятеля, Ройс налил из графинчика спирта и выпил. Горячая влага обожгла пищевод.

– Бент! – воскликнул хозяин: – Ты стал пить? Впрочем, «Золотое ущелье», найденное тобой, дает тебе право на многое.

Железные бока печурки начали нагреваться.

– Ты знаешь, Мартин, в этом ущелье должна быть мощная золотая жила. Признаки…

– Должна быть? – перебил его приятель. Рука Мартина, протянутая за чем-то к полке, повисла в воздухе.

– Да, признаки налицо. И чем дальше, тем отчетливее видны проблески золота.

– Ужинать, ужинать! Я чертовски проголодался.

Спирт и пышущая жаром печка быстро разморили друзей.

Ройс пьянел. Он страстно доказывал несомненность залегания золотой жилы, сетовал, что Мартин может оказаться в стороне от дела, которое принесет такое богатство Бенту и Устюгову.

– А ведь мы вместе с тобой, Мартин, еще на Юконе…

Для Мартина было ясно, что Ройс – неудачник. Ведь прошло уже три лета, как он долбит здесь землю. А золота все нет.

– Ты рассчитался, Мартин, с компанией?

– С Роузеном? – Джонсон подмигнул приятелю. – Как же, как же, я отослал ему свой контракт с претензией, что он нарушен компанией. Ведь они и мне уже две навигации не присылают никакого подкрепления.

– Но ведь ты… – начал было Ройс.

– Ну да, а ты? – Джонсону было весело, – Сколько он прислал тебе?

– Да, да, Мартин! Это очень странно, Я писал мистеру Роузену. Понимаешь, у меня совсем кончились продукты. Я решил взять у тебя долларов на двести.

Джонсон зажег сигару, сунул руки в карманы брюк, откинулся в кресле.

В комнате становилось жарко. На печурке из кофейника вырывалась струя пара.

– Марэн пишет тебе, Бент?

Марэн? Нет, он ни от кого не получает писем вот уже третий год.

– Ты знаешь что-нибудь об Олафе?

Олаф? Нет, он ничего не знает об Олафе.

Оба приятеля хмелели, В головах шумело, Джонсона клонило ко сну.

– Ты устал, Бент, тебе пора отдохнуть.

Отдыхать? Нет, нет, он вовсе не устал. Он так рад, что встретился с другом.

– А как живешь ты, Мартин?

Хозяин пожал плечами.

– Ты знаешь, Бент, я завидую тебе. Свободен, на верном пути к богатству и славе. «Золотое ущелье»!

– О, да! – взбодрился Ройс. – «Золотое ущелье», Я думаю, тебе еще не поздно присоединиться. Но сейчас, Мартин, понимаешь… мистер Роузен… Я решил занять у тебя патронов и продуктов долларов на двести.

Еще на складе, отправив Бента в ярангу, Мартин решил, что, если приятель будет что-либо клянчить, он, конечно, ничего ему не даст. Да и какое он имеет право раздавать чужое добро? Он даже за пушнину теперь дает вдвое меньше, чем минувшей зимой. Товаров едва хватит до следующей навигации. А теперь уже ясно, что «Морской волк» не пробьется сквозь льды. Чего доброго, останешься без товаров, и чукчи повезут пушнину в другие фактории!

– Я думаю, Бент, что мой хозяин заинтересуется «Золотым ущельем». Но ведь ты связан контрактом с Роузеном. Да вот еще льды…

Ройс полез за пазуху, достал контракт.

– К лету это будет стоить две тысячи долларов! – он потряс бумагой над столом.

Как человек, почти закончивший коммерческий колледж, мистер Джонсон знал цену подобного рода бумагам! Но он промолчал: зачем огорчать приятеля?

– Но если ты, Бент, в обход компании заключишь с моим хозяином отдельное соглашение, я думаю – он даст тебе все необходимое.

– Кто? – Ройс непонимающе глядел на друга.

– Владелец «Морского волка» и этой фактории. Он деловой человек, ты можешь на него вполне положиться.

– Нет, нет, – горячо запротестовал норвежец, как будто ему уже протягивали перо, чтобы подписать соглашение. – Зачем соглашение? Я просто займу у тебя кое-что до следующей навигации – долларов на двести, и мне вполне хватит.

Джонсон выпил еще стопку спирта.

– Но ты, Бент, забываешь, что у меня ничего нет, – он развел руками, приподнял плечи.

– Как нет? А на складе?

– Ты хочешь, чтобы я украл у хозяина?

Обычно спокойный, уравновешенный Ройс поднялся, подошел к Джонсону, взял его за плечо своей большой, сильной рукой.

По спине Мартина змейкой пробежал холод.

– Мартин! – Ройс не смог закончить фразу, – Ты мне не веришь? Мне – твоему старому другу?

Джонсон попытался встать, но рука приятеля слишком давила сверху…

– Отлично, я оставлю тебе в залог контракт. Он стоит две тысячи! – и Ройс снова полез за пазуху.

– Садись, Бент, – примирительно произнес Джонсон.

Ройс сел, решив, что дело улажено.

– Ты должен понять меня, Бент, – Мартин помолчал, затянулся сигарой, взглянул на дверь. – Я не могу, Бент. Я не хочу сидеть в тюрьме!

– Так ты мне не поможешь? – у норвежца перехватило дыхание. – Ты пожалеешь об этом!

– Я дам тебе на дорогу две пачки патронов и галет. Это все, Бент, что я могу сделать для тебя как друг.

Ройс секунду глядел на него, еще не понимая: шутит он, что ли? Потом тяжело

поднялся, взял с подоконника шапку, ружье, стоявшее в углу, и, не подавая руки, шагнул к двери.

Мартин молчал.

За окном послышались грузные шаги, залаяли потревоженные среди ночи собаки. Потом все стихло. Только в море по-прежнему скрежетали льды.

Глава 18
ВАСИЛИЙ УСТЮГОВ

Пользуясь в пути помощью чукчей, Бент Ройс возвратился в Энурмино.

– Ну? – вместо приветствия спросил его Василий.

Норвежец молчал. Ведь и без слов ясно, что вернулся он с пустыми руками.

– Что же будем делать?

И тогда, десять дней назад, когда Бент отправлялся к Мартину, Устюгов знал, что пустая это затея. Торгаш не даст, тем более Джонсон, который так бессовестно их покинул.

Тэнэт и ее старенькая мать тихо сидели тут же, в спальном помещении своей яранги.

Для проспекторов наступила третья зимовка.

Ручьи и тундра замерзли, покрылись снегом, льды заполонили море.

– Да, ни продуктов, ни патронов – ничего нет, – наконец горько вздохнул Ройс, – Не понимаю, как мистер Роузен мог оставить нас в таком положении.

– Жулик! – вырвалось у Василия, – Попался б он мне сейчас!..

Два с половиной года Устюгов работал как вол, редко и неохотно вступал в разговоры. Но чем замкнутее он был, тем тяжелее становилось у него на сердце. А о чем и с кем говорить? С Ройсом? Но у них только временно совпал путь, цели оставались разными. Разве смог бы этот вечный бродяга понять его? Нет, Василий предпочитал молчать, одиноко переживая затянувшуюся разлуку с семьей, которой у Бента не было. Общее у них – только работа, надежда полупить с компании причитающиеся деньги да вот еще бедственное положение с продовольствием. Ко всему этому у аляскинца появилось чувство гадливости к сотоварищу, когда тот откровенно признался ему, что на Тэнэт он смотрит, как на печь-времянку, которую охотники устанавливают в избушках до наступления весны… Устюгов чувствовал себя тут лишним.

– Ты – в семье, а я? Что делать мне? Оставил своих на год, а летом будет три! Я ничего не знаю о Наталье, Кольке, отце. Ты понимаешь меня?! – Василий зажал в руке бороду, не замечая, что он уже не говорил, а кричал на весь полог, пугая женщин и даже Ройса. – Человек я или нет? Ты что молчишь?!

Гнев впервые прорвался наружу с такой силой, и он толкнул Василия на совершенно невероятное решение.

– Пешком через пролив пойду! Я рассчитаюсь там с ними, – сжав кулаки, пригрозил он.

– О, это безумие! – представив себя на его месте, испугался Ройс.

– А третий год прозябать тут – не безумие? Давать дурачить себя – не безумие? Не позволю поганым янки… Руками разорву, в суд пойду!

В эту минуту Василий не думал о том, что случаи перехода зимой через пролив почти неизвестны. Течения и ветры не оставляют в покое пролив на сколько-нибудь продолжительное время. Отважиться на такой шаг – значит серьезно рисковать жизнью. Шансов на удачу очень мало. Но сейчас им руководили больше чувства, чем разум.

Возбужденный, он начал тут же торопливо собирать свой дорожный мешок.

Ройс молчал. Вспыхнувшая вначале тревога за товарища сменилась деловыми соображениями: если он дойдет, то позаботится там, чтобы с открытием навигации Ройсу забросили сюда продукты.

– Конечно, компания не сможет тебе предъявить никаких претензий, так как зимой все равно поиски прекращаются. – Ройс уже не думал о том, что друг его может и не добраться до Нома (ведь только по подвижным льдам надо пройти более пятидесяти миль). – Передай

мистеру Роузену…

– Сам знаю, что передать!

* * *

Через пять дней Устюгов достиг Уэнома, откуда путь через пролив самый короткий.

Чукчи изумились, узнав о его намерении:

– Как пойдешь?

– Никто не ходит.

– Пропадешь.

– Не потерял ли ты разум свой?

– А где Тымкар? – вспомнил Василий смелого и любознательного юношу.

– Не знаем. В тундре, однако.

Молодой охотник Пеляйме, который два года назад помог Ройсу и Устюгову перебраться в следующее поселение, услышав из уст таньга имя своего друга, пригласил Василия к себе:

– Тагам. Ты, однако, замерз и хочешь есть.

Кочак покосился на гостеприимного парня. Эти юнцы, видно, стали забывать, что у них есть шаман, и торопятся сами все решать…

К тому же само упоминание о Тымкаре было шаману неприятно. А Пеляйме – кому же это не известно! – друг изгнанника. Но даже и не это больше всего покоробило Кочака. У него с Пеляйме особые счеты. До шамана дошел слух, что молодой охотник якобы узнал своих песцов, когда Кочак приобретал деревянный вельбот. Шкурки эти были собраны для исправника… В связи с этими неудобными слухами шаману особенно хотелось бы прибрать Пеляйме к рукам, но тот отказывался взять себе в жены его дочь, хотя и был с нею помолвлен родителями еще при рождении. «Как возьму чужую жену? – говорил он. – Она Джона-американа жена». Этот бродяга Джонсон обманул сильного шамана, уехал, оставив дочь Кочака, которая заболела нехорошей болезнью… А Пеляйме еще стал поперек пути сыну Кочака Ранаургину, отбивая у него Энмину, – и здесь идя против воли их родителей.

– Не будь в задумчивости, – сказал Пеляйме Василию за чаем, сидя против него у жирника.

Устюгова тронула такая участливость.

– Куда ум захочет – туда ступай. Ничего, Лыжи охотничьи дам, пых-пых (так называли чукчи надувной поплавок из шкуры нерпы) дам. Скажу, когда можно идти. Однако страшно. Старики говорят, только один раз так люди ходили. Голод заставил. Давно было. Спирт не пили тогда. Сильные были. Не болели. Теперь ты отдыхай. Хорошей пищей буду кормить тебя. Ты смелый! – восхищенно сказал Пеляйме. – Однако теперь отдыхай, – повторил он.

Юноша спешил уложить гостя, потому что в сумерках к нему должна прийти Энмина.

После того как сестра Пеляйме вышла замуж, переселилась к мужу и Пеляйме остался в яранге один, Энмина каждый вечер тайком прибегала к нему. Убирала полог, готовила пищу, чинила одежду. Ее мать и отец ничего не могли с ней поделать. Они торопили Кочака со свадьбой, но дочь совсем перестала их слушать.

Вот и сегодня: не успел еще Василий задремать, как край полога приподнялся и из-под него сверкнули два бойких черных глаза.

Устюгов сильнее сомкнул ресницы.

В следующую секунду девушка была уже в пологе.

– Эн! Это ты, Эн? – прошептал Пеляйме.

Она прильнула к нему головой, заглядывая в глаза.

– Таньг спит?

– Спит. – Он ласково гладил ее черные волосы.

– Отец опять пошел к Кочаку.

– А мать? Что говорит она? – шепотом спросил юноша.

– Ругает. Что станем делать, милый?

Они помолчали.

– Ты думай. Я сварю тебе мяса. Сегодня ты добыл две нерпы, да? Пусти-ка, – она высвободилась из его рук и начала хозяйничать.

В отличие от Тымкара Пеляйме не удался ни красотой, ни ростом. Ничего примечательного, кроме красивых, немного раскосых глаз, не находил в нем Василий. Другое дело Энмина. Среди девушек она выгодно отличалась и внешностью, и подвижностью, и острым языком.

– Отчего видна тревога в глазах твоих? – снова заговорила Энмина. – Или ты боишься Ранаургина?

– Уже короткие дни наступают, а я все один. Живи со мной, Эн!

– Милый. Мы будем вместе. Только здесь страшно. Что сделает с нами Кочак? Хорошо, если бы Ранаургин взял себе в жены другую!

– Такую не уступит, – грустно произнес юноша.

– Давай убежим. В другое селение уйдем. Там станем жить.

– Как брошу ярангу?

За пологом послышались тихие шаги.

– Кто там? Го-го!

Устюгов открыл глаза и увидел, что полог резко приподнялся и один за другим в спальное помещение вползли двое.

Это были Ранаургин и отец Энмины.

– Распутница! Так вот ты где! – закричал отец, – Разве Ранаургин не помолвлен с тобой, что ты таскаешься к другим парням?!

Пеляйме растерялся. Энмина сжалась, сдвинула брови.

Василий поднялся, сел.

– Пойдем! – Ранаургин дернул девушку за руку.

Она всем телом рванулась назад.

– Уйди! Надоедливый ты. Почему пристаешь?!

– Молчи! – закричал отец.

– Не стану молчать!

– Как смеешь ты так отвечать отцу? – Ранаургин снова пытался схватить ее за руку.

Кровь бросилась в лицо Энмине.

– Тебе женой не буду. Даже видеть тебя – все равно, что вонючую воду пить! – синие полоски татуировки на ее напряженном лице сбились: две, перетянутые с переносицы на лоб, слились в сплошное синее пятно, три другие образовали на подбородке тугие дуги.

– Тащи ее! – сорвавшимся от волнения голосом крикнул старик. – Тащи к себе! Она твоя жена по обещанию!

Сын Кочака схватил Энмину в охапку.

– Пеляйме! – жалобно крикнула она со слезами на глазах. – Твой ум отуманило, что ли?

Юноша действительно растерялся. Ведь у него не было на нее никаких прав, кроме права любви, А тут отец и жених – сын шамана…

– А ну, брось! – внезапно вмешался Василий. – Ты что девчонку обижаешь? Видишь, не хочет она идти. – Сильной рукой он отстранил Ранаургина.

Не удержавшись на коленях тот упал, совершенно оторопев от неожиданности.

– Не хочу тебя! Уходи! – кричала Энмина.

– Уходи, – вдруг осмелел Пеляйме, – Здесь я хозяин, – и его рука легла на рукоять охотничьего ножа…

Жених стиснул зубы, что-то промычал. Лицо его густо покраснело: его, Ранаургина, сына Кочака, выгоняют из яранги как собаку. Этого еще никогда не случалось…

– Твой ум склонен на худое, однако. Зачем обижаешь девушку? – Пеляйме еще не смел при всех назвать ее своей невестой.

Бросив гневный взгляд на Устюгова, с руганью и угрозами Ранаургин выполз из

спального помещения.

– Ты чужой человек, – сказал отец Энмины Василию. – Ты не должен вмешиваться в нашу жизнь, Энмина – моя дочь, и я – ее отец.

Устюгов ответил:

– Дочь должна слушаться отца.

– Верно. Верно, – старик одобрительно закивал головой. – Идем домой, Энмина.

– Пойду, Домой пойду, отец, – девушка сразу сникла и горько заплакала.

Старик придвинулся к ней, стал гладить ее по плечам.

Пеляйме вышел. Ранаургина нигде не было, Вскоре мимо прошли отец и дочь.

– Мой ум смутился, – вернувшись, оправдывался юноша перед Василием. – Ты – мой тумга-тум. Я помогу тебе перейти на ту сторону.

* * *

В ожидании, пока льды заклинят пролив, больше месяца прожил Устюгов у Пеляйме. И почти каждый вечер к ним в ярангу прибегала Энмина.

Наконец, как-то в тихую лунную ночь Пеляйме разбудил Василия:

– Поднимайся! Скорее! Иди. Торопись. Возможно, успеешь.

Он проводил друга до кромки остановившихся сейчас подвижных льдов, простился – и еще долго потом всматривался, как таньг, тумга-тум, растворялся в бирюзовом мареве среди торосов.

«Смелый, Ох, смелый!» – думал про него Пеляйме. Даже он, чукча из Уэнома, не решился бы на такое.

…Как шел Василий через Берингов пролив, сколько дней и ночей, как проваливался в море, спасался, обходил разводья, как начавшийся дрейф стал уносить его на север, – это знает только он.

Обмороженный, с заледеневшей бородой, ввалившимися глазами, лишь к середине февраля он достиг Нома.

– Васенька, родной! – крикнула выбежавшая навстречу в одном платье Наталья.

Дверь в избу осталась открытой, оттуда, как из бани, валил пар.

Василий прижал к обледенелой одежде жену. Запахивая на ходу тулупы, со всех сторон спешили родные и односельчане.

– Уж и не чаяла дождаться, – всхлипывая, причитала Наталья.

– Заждалась она тебя. Совсем, гляди, извелась баба.

– Наталья! Нешто на радостях помирать собралась? Гляди, волосы заиндевели! – зашумела на нее соседка. – А ты не видишь, что ли? – укоризненно бросила она Василию. – Обрадовался, шалый!

Изба едва вместила встречающих.

– Колька-то где?

– В Номе, у трактирщика в услужении.

Отец нахмурился.

– А батя?

– Преставился Игнат, – дед, покачивая головой, перекрестился. – Царствие ему небесное.

Соседи опустили головы, почувствовали, что они тут лишние, и потихоньку начали выходить.

Василий широко открыл глаза, оглядел еще оставшихся, хотел, видно, что-то сказать, но лишь скрипнул зубами – и отвернулся. Еще не известное ему чувство горечи и стыда кольнуло сердце.

– Женку твою хотели снасильничать, – продолжал дед. – Оплошал я малость, не успел второго супостата топором тяпнуть.

Хлопнула еще раз дверь, и в избе остались только свои.

– Кто?

– Известно кто, городские. Кто их узнает! Напакостят и были таковы.

Василий опустился на лавку. Даже неизвестно, кому мстить за отца! И в мыслях не было, что такое ждет его дома.

Все молчали. Каждый думал о своем. Дед и Наталья уже свыклись с потерей. Сейчас им хотелось лишь радоваться возвращению внука и мужа, расспросить об успехах, но они понимали его состояние и не нарушали молчания. А Василий не мог простить себе смерти отца.

– Разденься, Васенька. Обедать станем, Николка не придет до воскресенья.

Пришел отец Савватий – высокий худощавый старик лет шестидесяти, с болезненным лицом.

– Мир дому сему. – Подошел к Василию, перекрестил его, обнял, поцеловал, разделся.

– Садитесь, батюшка! Вот сюда, – указала ему Наталья место под образами.

– Ну, чадо, повествуй о странствиях своих.

Хозяйка достала из-за божницы бутылку самогона, наполнила стаканы, накрыла стол.

– За благополучное прибытие, сын мой! – Савватий выпил, утер рукавом пышные усы и бородищу, – Поутру благодарственный молебен отслужим.

Возвращением Устюгова было нарушено обычное течение жизни всего русского поселения. Подвыпив, родственники и знакомые шли на огонек в его избу.

– Дозволь поздравить, Василий Игнатович, с прибытием. – И сразу несколько бород просунулось в дверь.

Наталья суетилась.

– Раздевайтесь, дядя, садитесь, гости радостные!

На столе появилось еще несколько бутылок.

Гости крестились и размещались на лавках.

– Бог троицу любит, – наливая себе уже третий стакан, приговаривал отец Савватий.

– Кушайте, батюшка, кушайте, гости!

– Отродясь такого крепача не видел, – расхваливал самогон священник. – Однако не берет. С чего бы это?

Василий выпил полный стакан.

– Как же ты, чадо, достиг нас зимою?

– Никак по льдам?

– Чудной ты! – начал у Василия развязываться язык. – Нешто по воде?

– Предерзостен ты, чадо! Такого не слыхивал.

– А чевой-то вас в экую стужу подперло идти?

– Каким числом сей подвиг совершили?

– Один я пришел.

– Ой ли? – дядя выпучил глаза, не дожевав закуску.

– Пойдешь, ежели ни хлеба, ни долларов.

– Это как же так? – вмешался дед.

– Едва не пропал там. Как завезли – так и все. Хочешь – живи, хочешь – помирай.

– А гоулд[1], чадо?

– Пропади оно, то золото.

– Стало быть, не нашел?

Василий отрицательно качнул головой.

Гости притихли. Наталья присела на край скамьи.

– А тут, чадо, тем золотом бойкая торговля идет. Мы чаяли, ты с того и не идешь, что жадность обуяла тебя.

Василий рассказал о своей жизни за проливом.

– Завтра к самому Роузену пойду, – закончил он. – Тысячу шестьсот долларов причитается мне с компании. Без малого три года отмучился. Едва не пропал во льдах-то.

1 Золото

Видно, крепка молитва ваша. Услышал господь. Эх, бати вот только нет!..

– Не печалься, чадо. Бог дал, бог взял. Помянем чарочкой Игната, царствие ему небесное!

Ночью, когда гости разошлись, а дед уснул, Наталья и Василий еще долго бодрствовали. Жена рассказала подробно об отце, о жизни, работе, о Кольке.

– Поди, не узнаешь! Вырос сынок-то наш.

– Получу деньги вот… таких и в руках-то не держал никогда. Придержим до лета. А там на какой ни есть корабль – и айда в Россию. Встречал я на Чукотке одного человека. Богоразом назвался. Он и тут бывал. Чего, говорит, маетесь там? Оно верно, и в России, сказывал, не сладко. Но все-таки свои кругом, русские. Душа истомилась, Наталья!

– Деда не сдвинешь. И слышать не хочет. Уперся: наша эта земля – и только. – Она помолчала.

– Что-то, Васенька, сердце ноет. Никак чует что недоброе?

Он привлек ее к себе, шершавой рукой погладил по щекам и голове.

– Помолимся, Вася, да спать будем. Поздно уж.

На печи что-то пробормотал сонный дед. Среди остатков ужина по столу воровато бегали тараканы. Под потолком помигивала лампа…

На следующий день после молебна в церкви, где собралось до сотни человек – больше женщины и дети, – Василий хотел идти в Ном за деньгами. Но Наталья отговорила его:

– Время за полдень. Не успеешь вернуться. Завтра с утра и пойдешь, Васенька. А ныне батюшка сказывал, чтоб зашел к нему. Есть, говорит, для него газеты припасенные и разговор будет. Да и отдохнуть тебе малость надо.

– Кольку хотел увидеть, – ответил только Василий.

Вечером отец Савватий говорил:

– Не ты, чадо, первый страдаешь. Ведомо мне, что многие там золота не нашли. Одни вернулись, другие в отчаянии кончили жизнь, Вижу теперь, что сие предприятие не от господа, а есть обман в целях наживы. Гляди-ка на газеты. Их читаючи, можно подумать, что золота там – как ягод в тундре. – С этими словами он взял с полки пачку «Ном дейли ньюс» и начал перебирать, показывая разные объявления, статьи, таблицы.

Изумленный невероятно циничной ложью, Василий вникал в смысл, то и дело нервно пощипывая бороду.

– Одна только, чадо, правдивая newspaper[1] есть. Вот она.

Это была «Свобода» на русском языке: ее издавали в Америке русские и бесплатно рассылали по Аляске и Калифорнии. Она сплачивала русских вокруг церквей, разоблачала жульнические махинации бизнесменов, повествовала о жизни в России. «Свобода» предостерегала от увлечения шумихой вокруг чукотского золота, показывала, кто и как нагревал на этой шумихе руки. В противоположность ей «Ном дейли ньюс» всеми средствами возбуждала интерес к Чукотскому полуострову, печатала «рассказы» возвратившихся о том, как они находили золото, расписывала богатства края.

Из газет Устюгов узнал, что устав «Северо-Восточной компании» высочайше утвержден Николаем Вторым, Об этом почти в каждом номере не забывала напомнить «Ном дейли ньюс».

Правление компании находилось в Петербурге, но, как утверждала «Свобода», оно было там фиктивным, подставным, а фактически компания управлялась из Нома главным директором-распорядителем, которым был также «высочайше утвержден» мистер Роузен, ибо «устав» разрешал привлечение к делу иностранцев.

– Сия компания, чадо, гляжу я, зело темная… – вздохнул отец Савватий.

Помимо основных акций, мистер Роузен успешно продавал и акции созданных им «вспомогательных компаний». Все они давали право на участие в прибылях от эксплуатации русских территориальных вод и побережий.

Из газет можно было узнать, сколько должен золотоискатель уплатить компании,

1 Газета

чтобы получить право добывать золото на Чукотке.

– Батюшка, – оторвался Василий от чтения, – однако компания не ведет больших разработок, а больше скупает у чукчей пушнину.

Отец Савватий взял со стола книжку, изданную недавно в Штатах. Называлась она «Забытая окраина», Ее автором был шталмейстер высочайшего двора, получивший концессию на Чукотском полуострове.

– А вот в труде этом, сын мой, повествуется о двух экспедициях компании на Чукотку, Такую прочитавши, трудно усидеть дома или не купить акций.

Он не сознался, конечно, Василию, что и сам грешен: прихватил малость акций…

– Ничего не понимаю! – Устюгов отложил в сторону газеты. – Возможно, другие партии нашли золото, – в эту минуту он опять пожалел, что не отправился на юг с Олафом Эриксоном, который звал его с собой. Он не знал, что именно Олаф и хотел обидеть Наталью, проломил голову отцу…

Еще до полудня следующего дня Василий зашел в контору «Северо-Восточной компании».

– Что вам нужно? – спросила его по-английски дородная девица в приемной директора-распорядителя.

– Устюгов я, Василий Устюгов, – уточнил он.

Но имя это ничего не сказало секретарше и только вызвало на ее ярко накрашенных губах снисходительную улыбку.

– Вы наверное хотите купить право добывать золото за проливом? – пришла она ему на помощь.

– Я проспектор из первой партии. Мне к мистеру Роузену.

– О, мистер Роузен сегодня занят, Вы русский? Придется ждать или завтра зайти…

– Подожду, – глухо ответил Устюгов и сел на стул.

Директор-распорядитель был действительно занят.

На его письменном столе громоздилась груда бумаг, планшетов, таблиц, карт. Только сейчас он закончил просмотр материалов гидрографической и картографической экспедиции, работавшей на том берегу, и составлял теперь сопроводительные письма, где просил ускорить высылку ассигнований на продолжение работ в предстоящую навигацию. На очереди лежал отчет капитана «Морского волка» о торговой деятельности Джонсона. Из-под него виднелся план использования «Китти», принадлежащей мистеру Роузену.

– К вам капитан «Китти» Бизнер, – доложила секретарша.

– Подойдите поближе, Элен.

Она стала рядом с его креслом.

– Это письмо со всеми материалами, – он быстро сложил их в одну кучу, – совершенно секретно отправьте по указанному здесь адресу, Сегодня же. Как ведут себя акции?

– Все в порядке. Спрос увеличивается. Тревожных телеграмм нет. Я доложу обо всем в конце дня. Звонила жена. Ждет к обеду. Я ответила, что вас нет… Ведь мы сегодня обедаем в «Золотом поясе»?

– Отлично! Быстро зовите Бизнера.

– Мистер Роузен сегодня не сумеет вас принять, – делая знак Бизнеру, чтобы он проходил в кабинет, сухо бросила секретарша Устюгову.

Василий подошел к ее столу.

– Вот мой договор. Мне тысячу шестьсот долларов причитается с компании. Пусть мне уплатят, и я уйду.

Брови секретарши приподнялись. Она брезгливо взяла истертый контракт, и ей все стало ясно.

– Вы когда вернулись?

– Позавчера.

– Зимой? Каким образом?

– Пешком.

Она внимательно осмотрела его, протянула обратно документ.

– По таким вопросам необходимо все изложить письменно. Разумеется, по-английски, – добавила она.

Из-за двери доносились голоса: крикливый – директора-распорядителя и спокойный, глухой – Билла Бизнера.

– Врете! В трюме «Китти» находилось более ста голов, я сам видел!..

– Но тридцать уже тогда болело, и мы не довезли их.

– Вы злоупотребляете моей снисходительностью. Я и так щедро плачу вам. Тридцать человек положить себе в карман – нет, это уж слишком!

– Но я продал только семьдесят и честно отчитался перед вами, мистер Роузен.

Секретарша забеспокоилась:

– Вы, конечно, сумеете изложить свое дело к завтрашнему дню? – сказала она Устюгову, – И все будет в порядке, – она даже улыбнулась ему.

Проспектор ушел.

Как только удалился и капитан «Китти», Элен доложила патрону об Устюгове.

Роузен расхохотался:

– Тысячу шестьсот, говорите? Завтра же передайте иск в суд. Мистеру Броунингу я позвоню сам. Нужно опередить этого бездельника. Ну, все остальное утром, – он потер руки, – а сейчас обедать! Ровно через четверть часа жду вас в «Золотом поясе».

* * *

На следующее утро, любезно приняв от Устюгова заявление и пообещав передать его директору, Элен сказала, что мистера Роузена, к сожалению, сегодня нет и будет он только через неделю: срочные дела потребовали его выезда из города.

В среду Василия вызвали в суд.

В Михайловском редуте повестка произвела переполох. В суд? За что? Но на этот вопрос не мог ответить и сам вызванный.

Все, кто оказался свободным от работы в городе, кто не ушел на охоту, направились в Ном вместе с Устюговым.

Дел слушалось много. Пришлось долго ждать.

– Устюгов Василий! – выкрикнул наконец лысый мистер Броунинг.

Устюгов поднялся.

– Подойдите ближе. Вот так. Имя, возраст?

– Василий, двадцать девять лет.

– Потрудитесь говорить по-английски.

Устюгов выполнил требование.

– Подданство?

– Русский.

– Вас спрашивают не о национальности, а о подданстве.

– Русские мы, – повторил Василий.

– Где родился? – продолжал мистер Броунинг, удобнее усевшись в кресле.

– Мы здешние.

– Отвечай о себе! Я тебя спрашиваю, откуда ты родом.

– Известно, откуда – с Михайловского редута, Мы здесь первые.

Судья усмехнулся.

Василий почувствовал, как его колени слегка задрожали.

– Вы нарушили контракт. Компания предъявляет к вам иск. Изложите претензии компании, – Обратился судья к адвокату, состоящему на службе у мистера Роузена.

В больших очках, худой, высокий, лысый, как и судья, адвокат быстро поднялся и добрых полчаса излагал претензии «Северо-Восточной компании» к проспектору. Свои доводы он подкреплял какими-то документами, которые то и дело с поклоном передавал на

судейский стол.

Василий ошалело слушал весь этот бред, в котором мелькали главным образом цифры, которые как бы зримо являлись перед его мысленным взором, исчезали, возникали снова, соединялись, росли и, наконец, застыли, как отлитые из металла. 3700!.. Он тряхнул головой, чтобы сбросить с себя этот дурман. Но тройка, семерка и два нуля не исчезли.

– Ваше объяснение я читал, мистер Устюгов, – сказал ему судья, когда закончил адвокат, – Тут все абсолютно ясно. Ясно все с начала до конца. Закон не на вашей стороне. И я, как старший судья города Нома, удовлетворяю иск компании.

– Это как же так? – хотел возразить Василий.

Но мистер Броунинг перебил его:

– Я еще не закончил. Да. Я не закончил, Законы Штатов справедливы. Они обязывают нас внимательно изучать каждое дело. И я это сделал. Да. Я это сделал. Одновременно я удовлетворяю и ваш счет компании, – он сделал паузу, поднял палец. – Я определяю, что причитающиеся вам деньги согласно контракту компания обязана выплатить. Как бы там ни было, но вы работали. А труд в Штатах честно оплачивается. Вы, господин адвокат, – обратился он к тому, – должны понять меня. И вы поймете. Я вычитаю тысячу шестьсот из суммы иска и определяю его…

– Господин судья! – вырвалось у Василия.

Суд постановляет: иск компании удовлетворить в сумме две тысячи сто долларов. Срок погашения – четыре дня. Вы поняли? – с этими словами он стукнул деревянным молотком по столу, отложил «дело Устюгова» и взял следующую папку.

– Элиас Даури! – выкрикнул судья.

Поднялся белобрысый финн:

– Я.

– Это что же такое? – Устюгов растерянно повернулся, надеясь найти объяснение у своих, сидящих в зале. – Это что же такое? – повторил он, потрясая рукой с растопыренными пальцами.

– Элиас Даури. Суд…

– Какой же это суд?! – у Василия сдавило горло.

– Не мешайте суду. Ваше дело закончено. Идите.

– Грабители! Жулики! – хрипло прокричал Василий, повернувшись к судье и сжав кулаки.

– Что?! – взбешенный судья вскочил с кресла, стукнул молотком по столу. – За оскорбление суда…

Но прежде чем он успел закончить свою угрозу, земляки подхватили Василия под руки и вытащили за дверь.

За порогом им открылась полярная ночь. Столбы холодного пламени стремительно взметывались в небо и тут же рушились, Снега вспыхивали и гасли.

* * *

Ровно через четыре дня судебный исполнитель описал избу и утварь Устюговых.

У дома собрались соседи, отец Савватий, детвора. Женщины увели почти бесчувственную Наталью. Кольки не было. Василий молчал. Ни тени растерянности не скользнуло по его суровому и обмороженному лицу. Что-то новое – решительное и жестокое – появилось во взгляде холодных серо-голубых глаз. Казалось, он внимательно наблюдал, насколько тщательно исполнитель накладывает на дверь избы красную сургучную печать. И только дед, присев на завалинку, качая седой головой, твердил, жалуясь неведомо кому:

– Жили сами по себе, и беда – не беда. Попутал нечистый с янками – вконец разорили супостаты.

Глава 19

У ВАНКАРЕМСКОЙ ЛАГУНЫ

Зима загнала Тымкара в поселение. В один из морозных дней он появился в Ванкареме.

На нем была еще летняя одежда, вытертая на локтях и коленях. Из проношенной пятки правого торбаса торчала стелька, сделанная из сухой травы.

За эти два года он заходил сюда не впервые. Да и раньше, еще при жизни отца, ему случалось тут бывать. Ванкаремцы знали Тымкара.

– Тымкар, это ты? – встречали его жители поселения, ежась в теплых одеждах из оленьих шкур.

– Откуда пришел?

– Этти! – приветствовали его у следующего шатра. – Ты, однако, замерз, заходи кушать!

Все яранги стояли вдоль берега моря, и Тымкар не мог миновать их стороной. Собаки предупреждали о появлении чужого человека, и любопытные чукчи выглядывали из жилищ.

– Ходят слухи, что Тымкар убил таньга, – переговаривались они.

– Шаман изгнал его из Уэнома.

– Какомэй! Тымкар?! – из яранги выглядывали женщины.

– Есть слухи, что он хотел взять уводом дочь Омрыквута.

– Каждому человеку нужна жена. У Тымкара уже взрослое тело.

Тымкар не слышал их разговоров.

– Что ж, в Ванкареме немало девушек…

– Тымкар, заходи! Ты замерз ведь.

В открытых настежь дверях фактории стоял Джонсон. Тымкар прошел мимо.

Ванкарем – большое селение. А юноше нужно было в другой конец, и он уже жалел, что не дождался сумерек: слишком много внимания привлек к себе. «Что думают они обо мне?»

– Пусть к нам придет, – краснея, говорила отцу Рахтынаут-Амнона.

– Зачем? У тебя есть жених по обещанию, – вразумлял ее отец.

– Тымкар, здравствуй! Каковы новости? – раздался голос из следующего шатра.

– Кто же носит летнюю одежду зимой?

– Тымкар – «одиноко живущий человек», – оправдывал его другой.

Морозный ветерок дул в лицо, струилась поземка.

– Что делал он все лето в тундре, если у него нет теплой одежды?

– Говорят, он убил таньга, проезжавшего здесь две зимы назад.

– Но кто знает, верно ли это?

– Этти! Заходи, – снова слышались гостеприимные приветствия.

Тымкар шел дальше.

– Он с бородатыми людьми плавал к американам.

– Его отец Эттой добровольно ушел к «верхним людям».

– Брат Унпенер погиб на охоте. Тауруквуна замерзла.

– Какая? – спрашивала жена плечистого чукчи.

– Кто же не знает Тауруквуны из Энурмино!

– Какомэй! Откуда пришел он?

– Тымкар, здравствуй! – ласково кивала ему молодая красивая чукчанка.

– Пошла в ярангу! – зашипел на нее ревнивый муж, и они оба скрылись в шатре.

– Кстати пришел он, пурга будет.

– Чем же он рассержен, что ни к кому не заходит?

– Он, видно, идет к Вакатхыргину. Разве вы не знаете, что он всегда заходит к нему?

– У Вакатхыргина молоденькая дочь. Джон-американ поменял ей имя: теперь ее зовут Мэри, Не из-за нее ли он идет туда?

– Ты, однако, многоговорливая бабенка, Иди в ярангу!

– Тымкар, этти!. – седой чукча выходит к нему навстречу, берет за плечи, вглядывается

в обмороженное лицо. – Ты пришел, Тымкар? – и ласково подталкивает его ко входу в ярангу.

Суровость исчезает с лица юноши. Вслед за хозяином он входит в наружную часть жилища, замечает торчащую из проносившейся обуви стельку, вытаскивает ее, обтирает рукавом иней с ресниц, снимает шапку.

Собаки недоверчиво обнюхивают гостя. Тот ощупывает онемевшие щеки. Старик молча глядит на него, такого же рослого, как он сам, ожидая, когда гость отряхнется от снега.

Вакатхыргину сорок девять лет, он еще бодр и сам добывает пропитание себе и дочери, но седина делает его стариком. Жены у него нет уже семнадцать зим: она умерла в тот радостно-печальный день, когда родилась дочь Эмкуль.

– Однако я позову Эмкуль.

Старик вышел и направился к домику-яранге Джонсона.

С тех пор как он отпустил ее «помогающей» к купцу, прошел месяц. Джон угостил его тогда спиртом, дал пачку патронов, чаю. Но дочь уже не раз жаловалась, что американ пристает к ней, настаивает, чтобы она на ночь оставалась в его жилище.

В этот предвечерний час Вакатхыргин теперь всегда отправлялся за дочерью и до утра уже никуда ее больше не отпускал.

Каждый раз, когда отец шел за Эмкуль, сердце его наполнялось гневом. Этот бездельник Джон дал кличку ей, как собаке, назвал какой-то Мэри… «Даже собаке трудно придумать более отвратительное имя!» – сплевывая, негодовал старик.

Вакатхыргин уже жалел, что позарился на патроны, табак, чай. Но как быть ему теперь? Где взять эти товары, чтобы вернуть их за дочь?

Старик хорошо знал покойного отца Тымкара: они были почти ровесники и всегда останавливались друг у друга, когда выезжали из родных поселений. Случалось им встречаться и на моржовом лежбище, и на осенних ярмарках у оленеводов. Своих сыновей у Вакатхыргина не было, дочери повыходили замуж и разъехались с мужьями по другим поселениям. Он давно привязался к Тымкару, помнит его еще малышом, потом – подростком, юношей. Теперь Тымкар стал уже совсем взрослым, и каждый раз, когда Тымкар заходил к нему, у старика рождалась надежда, что, быть может, он женится на Эмкуль, и они станут жить все вместе, в одном шатре.

Тымкар не говорил ему ничего про Кайпэ из стойбища Омрыквута. Однако по рассуждениям старика выходило, что юноша ходит в тундру наниматься «помогающим», чтобы жениться потом на дочери оленевода и со временем самому стать хозяином стада. И каждое возвращение Тымкара в Ванкарем радовало Вакатхыргина.

…Вместе с отцом к шатру подходила девушка.

Она еще издали приветствовала гостя, Тымкар ответил ей улыбаясь. Он стоял у входа в ярангу, высокий, стройный. Вползли в жилое помещение – низенькую комнатку из оленьих шкур. Эмкуль зажгла два жирника: над одним повесила чайник, над другим котел и лишь тогда вспомнила о подарке Джонсона, Вакатхыргин внимательно посмотрел на дочь, на Тымкара, на табак, рука уже доставала из-за пазухи трубку: он не курил целых два дня, но подарка не взял.

– ! Я не хочу его табака! – с раздражением, неожиданно громко отрезал старик и рунул трубку обратно за пазуху.

– Какомэй! – удивился Тымкар: ему очень хотелось курить, даже больше, чем есть.

– Ты молчи, – глаза старика сделались жесткими. – В этом шатре я хозяин.

– Конечно, конечно, – поспешил подтвердить гость, хотя вовсе еще не понимал, как можно отказаться от табака.

– У меня только одна Дочь. Мне не нужен его табак!

– Джон-американ просто так дал мне его, – поняв намек отца, смутилась девушка.

Старик не спускал глаз с дочери.

– Разве просил я у него? Дорогой товар! Плохие людишки – эти сильные товарами

американы! Чем заплачу, Эмкуль? Карэм! – выкрикнул он. – Карэм!

Эмкуль заплакала, отбросила в сторону пачку. Разве это плохо, что она взяла табак для отца? Отец совсем стал старый…

Старик за чаем рассказал Тымкару о приставаниях купца к его дочери, о том, что Эмкуль уже третья, кого Джон зовет к себе «помогающими», а он, Вакатхыргин, старый, но потерявший разум морж, – согласился…

Девушка, пряча лицо, так согнулась, что черные косы касались пола.

– Ты с нами жить станешь, Тымкар? – спросил его старик перед сном.

– Не знаю, – уклончиво ответил Тымкар.

Вакатхыргин нахмурился.

– Разве ты не знаешь, что меня изгнали из родного селения? – удивился Тымкар.

Старик конечно это знал, но смолчал.

– Говорят, я убил таньга. Большую плату отдали за него уэномцы. Всех прогневил я. «Лучше бы нам не видеть тебя здесь», – сказал мне Кочак минувшей зимой.

Эмкуль и ее отец молчали. Человек, убивший человека, достоин презрения.

– Кто же захочет жить с убийцей? – хитрил Тымкар. – Что скажут ванкаремцы?

Старик достал трубку, бросил косой взгляд на пачку с табаком, что лежала в углу, отвернулся.

Кровля яранги шумела: поднималась пурга.

Все смолкли. Эмкуль и Тымкар вскоре заснули. И только старик ворочался на шкуре. Он был суеверен. Но разве не знал он сына Эттоя? Как мог сын его друга убить человека? Однако, уж верно ли это?

Как только стихла пурга, Тымкар собрался на охоту. Вакатхыргин дал ему свою теплую одежду и ружье с оставшимися четырьмя патронами.

Судя по пятнам на небе, разводья среди торосистых льдов были недалеко.

Проводив Тымкара, старик вернулся в спальное помещение. Эмкуль ушла к Джонсону. Она в тот же день вернула ему подарок, и Джонсон догадался о причине отказа старика принять его дар. Вообще этот Вакатхыргин не нравился ему. Мартин всегда чувствовал себя неуверенно, когда разговаривал с ним. Казалось почему-то, что старик проникает в его тайные замыслы, а это было Джонсону неприятно.

– Твой отец, видно, разбогател, – пренебрежительно бросил он своей служанке. – Положи на стол.

В эти дни Джонсон не приставал к Эмкуль, разговаривал с ней, что случалось редко, расспрашивал, ушел ли в тундру тот или иной чукча, а затем посылал ее позвать к нему жену какого-либо отсутствующего охотника, а Эмкуль отпускал домой.

Отец вначале удивлялся ранним возвращениям дочери, потом же, когда дочь рассказала ему о поручениях Джонсона, Вакатхыргин догадался о проделках американа. Он запретил дочери выполнять такие поручения, «Пусть сам зовет, однако, если ему нужно».

Сегодня Эмкуль опять возвратилась рано, но точно исполнила приказание отца: к Джонсону никто не пришел… Солнце еще не скрылось, а Эмкуль была уже дома. Она вышла на окраину, выглядывая Тымкара.

Тымкар не появлялся. Двумя выстрелами он убил двух нерп и теперь еще далеко-далеко от берега волоком тащил их, впрягшись в специальную упряжь.

Этой пищи хватит на семь, а то и на десять дней. Жира Для отопления старик запас летом: Тымкар видел три полных бурдюка из некроенных шкур тюленей.

Когда распухшее зимнее солнце, устав ползти по горизонту, улеглось между огненных столбов, Тымкар дотащился до яранги. И сразу же его окружили вдовы и те, чьи мужья ничего не добыли.

На следующее утро Тымкар вновь собрался в море, но старик остановил его:

– У тебя только два патрона. Где возьмем еще?

Тымкар понял, что нужно идти в тундру за пушниной, чтобы на нее выменять патронов. Джон-американ шкуры морских зверей не принимал.

Бродя летом по тундре, Тымкар приметил много песцовых и лисьих нор, но все они были слишком далеко.

Вакатхыргин еще накануне выварил в пахучих травах капканы и теперь указал на них Тымкару. Тот взял их специальной рукавицей, чтобы не оставить запаха человека, подвязал к поясу чистой камлейки и направился в тундру.

В этот день Джонсон пытался грубо овладеть Эмкуль, вначале накричав на нее за невыполнение вчерашнего поручения.

Эмкуль вырвалась и убежала домой.

Тымкар ночевать не вернулся. Всю долгую ночь старик прислушивался, не спал; наконец настало утро, Отец и дочь выпили чаю, старик пососал пустую трубку. «Только бы скорее вернулся Тымкар», – думал он: дочь рассказала ему о попытке Джона.

Впервые за всю жизнь Вакатхыргин нарушил свое слово: он не пустил больше дочь к американу, хотя и получил плату за ее работу. Эмкуль молча сидела в пологе. Отец хмурился, прислушиваясь к шорохам за ярангой. Его мучил стыд. «Что стану говорить? Чем заплачу?»

Джонсон не появлялся и никого не присылал за Эмкуль.

К ночи вернулся Тымкар.

– К радости тебя я имею! – воскликнул старик, взял его за плечи, помог раздеться, снять со спины тушку песца (вторым патроном Тымкар промахнулся, а в капканы еще ничего не попало).

За едой он рассказал ему о дочери и купце.

– Однако я не послал Эмкуль к нему сегодня. Это очень нехорошо: так не должны поступать чукчи, если дано слово и получены дары.

– Да, да, – соглашался Тымкар, – это так.

– К тому же у нас нет патронов и табаку. Где возьмем?

– Это так.

Старик то вынимал, то снова клал за пазуху трубку, Тымкар молчал. Девушка сидела потупившись, пряча глаза, щеки ее пылали.

– Кто защитит Эмкуль? Даже того, кто был бы назначен ей мужем, нет у нее. Дочь бедняка… – Он покачал головой.

Девушка еще ниже склонила голову: ей казалось, что сейчас отец предложит ее в жены Тымкару.

Хмурым взором отец поглядел на нее, на сына Эттоя, но ничего не сказал.

Тымкар молчал, Усталого, промерзшего, его, как всегда после сытной еды, клонило ко сну.

* * *

Через несколько дней, когда в яранге Вакатхыргина сушились уже четыре песцовые шкурки, Тымкар понес на обмен шкурку первого добытого зверя, Он дождался очереди и выложил свою добычу.

– Мне нужно за нее пачку патронов, табаку, чаю.

– Не слишком ли много? – усмехнулся Джонсон и взглянул на охотника. Где он видел этого парня?

Тымкар ждал.

– Как звать тебя?

– Тымкар я.

– О, Тымкар из Уэнома?

Тот кивнул головой.

– Ты оттуда привез мне этого песца? Олл-райт! Ладно. Я дам тебе патроны, табаку и чаю, чтобы ты знал и другим сказал, как хорошо платит Джонсон! – и он выложил на прилавок товары, оглядывая изумленных охотников. Им он не давал так много.

Тымкар замялся: ведь он вовсе не из Уэнома принес ему песца. Сейчас чукчи скажут об этом Джону… Да и самому неприятно, что он обманывает купца.

– Ну, что же ты стоишь? Растерялся от радости? Бери товары. – И, довольный своей остротой, Джонсон рассмеялся.

Чукчи тоже засмеялись. Какой тюлень этот Тымкар! А еще, говорят, он убил таньга…

В глазах Тымкара блеснули недобрые огоньки.

– Почему ты смеешься?! – набросился он вдруг на чукчанку, которая приглашала его к себе, когда он входил в Ванкарем.

Подбодренные его гневом и нелепым положением – над ним смеялась даже женщина! – ванкаремцы уже не скрывали своего веселья. Не каждый день случалось им посмеяться!

Красивая молодая чукчанка и не подумала смутиться.

– Ты зачем, Тымкар, пришел сюда? – шевеля плечами, спросила она его, явно намекая на Эмкуль.

Тымкар растерялся, не зная, что ей ответить.

– Ну, забирай свои товары! – властно произнес Джонсон и сдвинул их на прилавке в сторону.

Охотники все еще пересмеивались.

– Эти товары возьми себе обратно! – вдруг заявил молодой охотник и запнулся.

Лица чукчей вытянулись. Что слышат их уши?

– Что? – Джонсон опешил. Его зеленые глаза уставились на толпу.

– Эти товары ты дал старику Вакатхыргину за Эмкуль. Она не придет к тебе больше!

Молодая чукчанка побледнела от досады. Охотники смолкли. Всем стало ясно, что Тымкар берет Эмкуль себе в жены.

Джонсон, наконец, нашелся:

– Эмкуль – твоя невеста? Олл-райт! – и, как ни в чем не бывало, он убрал товары на полку.

Старик Вакатхыргин удивился, увидев Тымкара с пустыми руками.

– Я отдал ему патроны, табак и чай за Эмкуль.

– Тымкар… – старик обнял его, как сына. – К радости тебя имею я! Эмкуль – хорошая девушка.

– Да, да. Конечно, – перебил его Тымкар. – Она не пойдет больше к нему. У нас есть еще шкурки. Мы получим за них табак, патроны и чай.

– Эмкуль! – воскликнул отец, его глаза увлажнились. – Эмкуль… – слезы помешали старику договорить.

– Однако я пойду покормлю собак, – неожиданно и для отца и для дочери сказал юноша. – Утром на нарте поеду осматривать капканы, – и Тымкар выполз в наружную часть яранги.

* * *

Шли дни, недели, месяцы.

Тымкар не намекал о женитьбе. Тем не менее Эмкуль считала, что вопрос о ее муже решен. Она ухаживала за Тымкаром, как жена, недоумевая, почему он так долго тянет. Старик терялся в догадках, но жизненный опыт подсказывал ему, что нужно ждать: рано или поздно все станет ясно.

Тымкар, Вакатхыргин и его дочь жили дружной семьей. В их яранге всегда были табак и чай, свежее нерпичье мясо – его добывал во льдах старик, жир – его вытапливала девушка, патроны – их выменивал Тымкар. В пологе было тепло. Чукчи завидовали. Хорошо им: охотников много, ртов мало. Эмкуль сшила Тымкару теплую одежду из припасенных раньше оленьих шкур.

В долгие дни пурги девушка расшивала Тымкару полы кухлянки и рукавицы из тюленьей замши, а он накалывал рисунки на моржовый клык, изображая на нем зверей,

сцены охоты, ссору на трапе с чернобородым янки, Богораза, какую-то сказку о счастье. Здесь были и чукчи с ружьями, и девушки, и ребенок в красивой меховой одежде. Вакатхыргин с интересом следил за его работой; старик любил сказки и умел их рассказывать.

Временами Тымкар задумывался. Беспокойные мысли переносили его от Кайпэ к Сипкалюк, потом – к Тэнэт, Тауруквуне, Эмкуль. Образы путались, сливались. От переносья ложилась поперечная складка на лбу у глаз собирались легкие морщинки. Виделись ему мать, отец, Кочак и тот пастух, который поймал его арканом, как дикого оленя…

Вакатхыргин искоса поглядывал на него, раскуривая трубку на длинном мундштуке. Ему жаль было Тымкара, потерявшего всех родных. Но почему он не берет в жены его дочь? Что нужно ему? Почему его ум неспокоен? И старику казалось, что, женись Тымкар на ней, – и их шатер станет самым счастливым в Ванкареме.

– Тымкар, – тихо окликнула его однажды Эмкуль, когда ей показалось, что отец заснул, – О чем ты думаешь?

Тымкар улыбнулся.

– Думал, как выменять у Джона ружье. Много хочет песцов.

– Разве мое ружье перестало радовать твое сердце? – вмешался старик.

– Разве каждый охотник не должен иметь свое ружье? – и Тымкар снова углубился в работу над клыком.

Опять все смолкли.

Тымкар знал, что значит ходить по тундре без ружья, а он весной собирался в тундру на поиски стойбища Омрыквута. Семь шкурок песцов и лисиц собрал он, Джонсон требовал двадцать. Если бы не приходилось отдавать шкурки за патроны, табак, чай, за материю на камлейки, Тымкар уже накопил бы нужное число. Но он не один, и надо жить.

Пурга сменялась ясными морозными днями, давно прошла январская оттепель, дни увеличились.

Подружки и другие молодые чукчанки внимательно оглядывали Эмкуль, но не находили в ее фигуре никаких изменений.

– Однако твой муж не женолюбивый, как видно, – уже не впервые допекала девушку жена соседа.

– Да уж не бессильный ли он в любви? – интересовалась красивая чукчанка, сама неравнодушная к Тымкару.

– Когда же ты станешь настоящей женщиной? – допытывались другие.

Эмкуль краснела, опускала глаза. Разве это хорошо – женщине и не иметь ребенка? Но сказать им, что Тымкар ей не муж, одинаково стыдно, как и слушать эти вопросы.

Девушка досадовала на Тымкара, Отец был ею недоволен. Ему казалось, что тут виновата она, А старику так нужен внук. Какому же старику не хочется внука?

Нередко Вакатхыргин нарочно на целые сутки уходил к соседям, оставляя их одних. Дочь была уже взрослой девушкой, старик опасался остаться без потомства, У чукчей не считалось зазорным, если девушка становилась матерью, не имея мужа. Наоборот, они радовались каждому ребенку, каждому новому человеку – продолжателю жизни постепенно вымирающего народа, Ко всем детям чукчи относились одинаково хорошо.

В глазах чукчей Эмкуль выглядела смешной и жалкой. Это понимал и отец. Однако он никогда не жалел, что помешал ей принести ребенка от Джонсона: это не настоящий человек. Другое дело Тымкар! И если не Тымкар, то кто же возьмет ее в жены? У других за невесту год или два женихи отрабатывают, живя в семье девушки, а дочь Вакатхыргина никто, как видно, не хочет брать в жены. Больно было отцу, он сердился на дочь. Хорошенькое дело: целую зиму живет в одном пологе с парнем и не может принести старику внука!

Эмкуль понимала причину гнева отца. Тем тяжелее ей было выслушивать расспросы соседок. Но что она могла сделать? Разве ей самой не хотелось стать настоящей женщиной?

– Эмкуль, – приставала к ней соседка, – почему не видно радости на твоем лице?

– Не знаю! – безразличным тоном отвечала дочь Вакатхыргина, чувствуя, как щеки наливаются краской.

– Тымкар, однако, уйдет от тебя, если ты не станешь настоящей женщиной. Какому чукче нужна такая жена!

Видно не зря звали эту чукчанку долгоязычной женщиной.

Эмкуль стала избегать показываться в поселении. Тогда ее начали навещать в яранге… В конце концов очень важно знать, почему она не становится матерью.

* * *

С приближением весны все более бойко шла торговля у Джонсона, Чуть не ежедневно около склада виднелись нарты и собачьи упряжки. Приезжали оленеводы из стойбищ, охотники из других поселений.

Одни из них удивлялись, узнав, что в этот сезон купец дает за пушнину меньше, чем в предыдущий; другие соглашались с тем, что раз льды помешали прийти шхуне и товаров мало, – надо беречь их, чтобы всем досталось хоть понемногу; третьи хмурились, видя в складе достаточное количество всяких ящиков, мешков, оружия, материалов. Но что же сделаешь? Хорошо еще, что товары все-таки есть и не нужно гнать собак до другой торговой фактории. Разве есть время у оленеводов и охотников совершать такие поездки? У кого в тундре олени, у кого нет корма для собак: мясо, заготовленное на зиму, почти все уже съедено; собаки отощали, их кормят совсем плохо. Поворотчики с Колымы приезжали с товарами не часто.

Еще лет двести тому назад чукчи обходились без всяких привозных товаров. Ножи делались из камня и кости, светильни представляли собой каменные плошки, нитками служили жилы животных, одеждой – шкуры оленей и нерп; хлеб, табак и спирт были неизвестны, как и огнестрельное оружие, попавшее к ним впервые от казаков в начале восемнадцатого века. Да и зачем было оно им, когда вокруг столько непуганых зверей!

Чукчи жили, не зная других стран и народов. Но теперь… теперь зверь распуган – гарпуном или сеткой не всегда добудешь, – да и привыкли они и к табаку, и к чаю, и к украшениям, и ко многому другому, что привозилось с Колымы и Аляски.

К Джонсону чукчи относились терпимо, полагая, что «сильный товарами человек» так же достоин уважения, как и шаман, силач, богатый оленевод или хозяин большой байдары. Они считали даже невозможным просить за шкурки песцов и лисиц какие-либо товары – они просто выкладывали их купцу и с благодарностью, порой дивясь его щедрости, брали то, что им давали. В конце концов все это необходимые вещи! Когда же кто-либо из охотников просил товаров сам, чукчи с неодобрением относились к нему: ведь так своей жадностью можно разгневать американа, который и сам хорошо знает, что нужно охотнику, его жене или невесте. К тому же как посмотрят на все это духи? Достаточно прогневить их, чтобы заболеть, не иметь удачной охоты, погибнуть во льдах или навлечь на себя много других неприятностей… Нет, чукчам нельзя гневить духов!

Однако старик Вакатхыргин поступал совсем не так, как подсказывало благоразумие. Он, как казалось ванкаремцам, попрошайничал, не соглашаясь отдать Джону песцов за те товары, которые получали все. Джон доказывал ему, что товаров мало, ругался, но Вакатхыргин упорствовал. «Разве это хорошо? – думали другие охотники. – Чукча не должен так поступать, если он действительно настоящий человек». И было тем более странно, что духи почему-то не гневались на старика. Это было уже совсем непонятно! Да уж не дух ли он сам – этот седой и хитрый старик? Вот и Тымкар тоже: ни к кому не заходит, целую зиму провел то на охоте, то в яранге Вакатхыргина… Есть слухи, что он убил таньга, но духи тоже не гневаются на него. Все это очень, очень странно!

Мистер Джонсон никаких странностей в поведении чукчей не усматривал. Все шло отлично. Каждый день – большая торговля, подготовка пушнины к отправке, подведение баланса, составление ответа своему хозяину. Горячая пора!

В прошлую навигацию владелец этой фактории привез ему за два года банковские квитанции на тысячу долларов. Вместе с его частным бизнесом это составит весьма приятную цифру. Джонсона волновал только один вопрос: не принес бы черт чернобородого янки раньше других шхун. Как тогда утаить свою личную пушнину? Чтобы не рисковать, он снял на окраине селения пустовавшую ярангу. Каждый вечер туда отправлялись разобранные по сортам и упакованные тюки пушнины. Днем и ночью охраняли этот склад нанятые Мартином охотники. Он снабдил их оружием.

Чукчи смеялись над сторожами:

– Ты, однако, на кого здесь охотишься?

Им совершенно чужда была сама мысль об охране товаров: кто же возьмет чужое? Разве только собаки… Но ведь яранга закрыта. И к чему тогда винчестер?

Расчет Джонсона был прост: чернобородый всегда спешит, чтобы первому побывать в других поселениях, он успевает только наспех просмотреть записи в книгах, пока матросы и чукчи грузят пушнину и сгружают товары, и сразу же выбирает якорь. У него не будет ни времени, ни желания лазить по ярангам. Да и какие могут у него возникнуть подозрения? Мартин приготовил ему такое количество пушнины, которое точно соответствует израсходованным товарам по нормам, установленным хозяином. Мало этого, он, мистер Джонсон, для вида наторговал ему на одиннадцать «хвостов» больше.

Таким образом, все оставшиеся в фактории ценности были теперь собственностью самого Джонсона. Вот почему он и вынужден был ежевечерне отправлять в склад приобретенную за день пушнину. Но товаров все еще оставалось порядочно, а Мартину было бы жаль подарить их хозяину лишь для того, чтобы услышать от него похвалу своим способностям.

В один из таких горячих дней, когда уже началось таяние снега, к нему приехал Гырголь из стойбища Омрыквута. Одной из трех запряженных нарт управлял он сам, двумя другими – Кутыкай.

Джонсон сразу узнал Гырголя. Но, увидев три загруженные пушниной нарты, Мартин на мгновение даже растерялся: ему стало страшно, что все это предстоит утаить от хозяина. Однако уже в следующую минуту его обрюзгшее лицо прояснилось, он вышел из фактории навстречу приезжему.

Чукчи посторонились. Так он никого не встречал.

– Гырголь! – воскликнул он, как будто принимал старого друга.

– И-и, – широко улыбался тот.

Джонсон протянул ему руку.

Оленевод неуклюже взял ее; так они простояли, как показалось чукчам, очень долго.

Гырголю хотелось, чтобы все видели, как встречает его Джон-американ.

– Хочешь есть? Идем ко мне! Сегодня я больше принимать пушнину не буду, – и, заперев склад на замок, он вместе с оленеводом ушел в жилище.

Их встретила молодая чукчанка.

– Китти! – обратился к ней Мартин, – Это мой гость, Гырголь. Он хочет есть.

Чукчанка засуетилась у жирников. Джонсон сходил к себе в комнату, принес спирта, галет, копченой колбасы. Гырголь сиял. Да, Джон действительно был истинно хороший человек!

Кутыкай возился с собаками, оберегал от них пушнину. Вокруг столпились ванкаремцы: охотники, женщины. Были здесь и приезжие.

– Ты опять будешь торговать поштучно? – спросил Гырголя Джонсон. – Это очень-очень долго.

Оленевод задумался. С одной стороны, это необходимо; надо же пометить товары каждого пастуха, чтобы не спутать; но, с другой стороны, это действительно очень долго, хотя и приятно. Прошлую зиму он привез совсем мало шкурок, а потратил целый день. Сколько же потребуется времени теперь?

– Ко-о[1], – наконец выдавил он из себя.

Мартин пришел ему на помощь.

– Сколько ты привез?

– Ко-о, много. – Он в самом деле не знал количества. Да и как сосчитать?

– Олл-райт! Мы будем торговать десятками, – и янки пояснил ему эту технику. – Но ты знаешь, Гырголь, что прошлый год шхуна не привезла мне товаров и я не даю теперь так много, как раньше?

Гырголь насторожился, отодвинул стопку со спиртом.

– Ты можешь спросить об этом всех чукчей. Они подтвердят тебе, что я говорю правду.

Джонсон сходил за гроссбухом, начал подсчитывать. Судя по виду тюков, Гырголь привез шкурок сто. Если заплатить ему по прошлогодним нормам, то и тогда останется еще не менее шести винчестеров, сорока пачек патронов и шестидесяти – табаку, ящик чаю, двести ярдов кумача, спирт, мука, галеты, бисер и прочая мелочь.

Щелкают косточки счетов. Гырголь наблюдает, как шаманит этот американ.

«Хитрый», – думает он.

Мартин отложил книгу, счеты, выпил еще стопку спирта. Китти принесла свежее тюленье мясо, только что вынутое из котла.

Гырголь вспотел.

– Олл-райт! Ты мой друг, и я дам тебе товаров за каждую шкурку столько же, как и в прошлую зиму.

– Так надо, конечно, – как должное, принял это сообщение муж Кайпэ, обжигаясь горячим мясом.

Блестящая мысль вдруг пришла в голову Джонсону. Он обласкает этого щенка: после торговли он отдаст ему весь остаток своих товаров под пушнину будущего года! Это разумнее, чем рисковать ими. Он отдаст ему все… винчестеры, патроны, кумач, табак, чай, бисер. Он скупит пушнину в норах! Он приручит этого молодого дикаря и не даст возможности чернобородому учесть остаток товаров и записать их ему, Джонсону, на приход. Разве это не блестящая мысль, восхищался Мартин своей находчивостью. Ведь нартовый путь кончается – значит, с пушниной к нему едва ли придет кто-нибудь еще. И, кроме того, оставшись без товаров, он устроит себе месячный отпуск. Ведь он так устал с этими дикарями!

И мистер Джонсон залпом выпил еще стопку.

– Мы будем торговать завтра. Я запру склад изнутри, чтобы нам никто не мешал.

Гырголь согласился.

– Да, а где же Кайпэ? Ты хотел привезти ее с собой.

Гырголь объяснил, что у Кайпэ родилась дочь.

Джонсон разочарованно сморщил нос, закурил сигару. И он и оленевод захмелели. Китти куда-то исчезла.

Утром Кутыкай втащил в склад все тюки с пушниной, и Гырголь с Джонсоном заперлись там.

Любопытные чукчи столпились у дверей, Так Джон еще никогда не торговал.

Привлеченный скоплением людей у фактории, явился туда и Тымкар – и увидел Кутыкая. Гнев охватил его, черные глаза сделались колючими, злыми: он вновь, казалось, ощутил на своей шее затягивающийся ременный аркан.

Заметил его и Кутыкай, побледнел. Гырголь закрылся в складе… кругом чужие люди… Тымкар высок и силен… Машинально пастух ощупал висящий на поясе охотничий нож. Но Тымкар уже принял решение, исключающее ссору. Ведь сейчас ему важнее узнать, где кочует стойбище Омрыквута, чем расправиться с этим жалким пастухом!

Тымкар поздоровался с чукчами.

В ответ громче всех послышался голос Кутыкая. В эту минуту он жалел, что тогда так жестоко поступил с сильным и большим охотником. «Он, однако, видно, лучше Гырголя…»

---

1 Не знаю

Пастух был зол на Гырголя за шкурки песцов, которые тот отобрал у него. «Кто кормит тебя? – кричал на него вчера Гырголь. – Кто дает тебе мясо? Если ты бедняк, то молчи!» Хорошо еще, если он даст Кутыкаю чаю и табаку. Что скажет теперь жена?..

Тымкар смешался с толпой.

Из-за дверей склада то и дело доносились возгласы удивления: это после торговли Джонсон отдавал оленеводу все остатки своих товаров. Потом до слуха чукчей дошли слова Гырголя. Он просил американа заготовлять для него у охотников лахтачьи шкуры, ремни, жир, торбаса, которых так много нужно пастухам: за все это Гырголь обещал платить пушниной.

Джон согласился.

Чукчи радовались. Теперь они смогут получать все товары за шкурки морских зверей, за жир, ремни, обувь. Это очень хорошо, пусть женщины шьют побольше торбасов!

Чукчи возбужденно говорили друг с другом. Тымкар вплотную подошел к Кутыкаю:

– Каковы новости?

– Ко-о, – неопределенно ответил тот, снова побледнев.

– Откуда приехал? – веки Тымкара вздрагивали, выдавая волнение.

Пастух показал рукой на тундру, не спуская глаз с возбужденного охотника. Однако Тымкар не проявлял никаких признаков недружелюбия; наоборот, закурив, он даже угостил Кутыкая.

Из склада потянуло спиртом. Чукчи удивились еще больше, послышался смех. Кто же не развеселится при таком запахе!

Тымкар втягивал пастуха в разговор. Тот постепенно обрел дар речи, но все время опасливо поглядывал на склад: не вышел бы Гырголь!

– Где кочует Омрыквут? – наконец прямо спросил Тымкар.

Кутыкай ждал этого вопроса. Он замялся: ведь Омрыквут запретил ему быть многоговорливым попусту. Что будет, если узнает Омрыквут?

– Где кочует Омрыквут? – тихо, по властно повторил Тымкар, стараясь скрыть волнение.

Пастух почувствовал, как его щеки похолодели. Он огляделся по сторонам. Из склада слышались веселые голоса. Там пили спирт. Злоба на Гырголя подкатила к горлу Кутыкая.

– Междуречьем, где Амгуэма и Бельма…

Двери фактории распахнулись.

Кутыкай отскочил к упряжке.

– Кутыкай! – пьяным голосом позвал его Гырголь. Джонсон был тоже пьян. Он заметил Тымкара.

– А ты тут что бездельничаешь? Мне нужны помощники – чистить пушнину.

– Карэм! – отрезал Тымкар, качнув головой. – Карэм! – и направился к яранге Вакатхыргина.

Пастух таскал в нарты товары. Охая от удивления, – так много Гырголь увозил товаров, – по сторонам стояли чукчи.

Ванкаремцы придвинулись к дверям, увидели, что склад пуст. Осталась только пушнина. Раздались возбужденные, на разные голоса, восклицания.

Кутыкай увязывал груз. Джонсон и Гырголь опять подержались за руки, и нарты тронулись. Озадаченные, смотрели им вслед ванкаремцы.

Этим же вечером покинул Ванкарем и Тымкар. Никто не видел его ухода. А когда Эмкуль и отец догадались, что Тымкар их оставил, они не удивились: каждый чукча волен поступать, как вздумает.

Лунной ночью Тымкар вновь одиноко брел по тундре. В глазах его был тот блеск, который свойствен только людям, исполненным веры, что счастье от них не уйдет.

* * *

Снег еще лежит по низинам, но время пурги и короткого дня миновало.

Тихо, воздух прозрачен, светят луна и звезды.

Цепочкой, одна за другой, бегут три упряжки. Посвистывает под полозьями снег. Нарты скользят по подмерзшему насту.

Время от времени Гырголь взглядывает на звезды и покрикивает на собак. Упряжка послушно сворачивает то вправо, то влево. И снова тишина. Только шорохи и посвисты переговариваются под полозьями.

Втянув голову в кухлянку, на задней нарте дремлет Кутыкай.

– Поть-поть-поть! – покрикивает на собак Гырголь.

Кутыкай открывает глаза. Снег, звезды, луна. Тундра безбрежна, как это огромное звездное небо. Где ей начало? Где конец?

Быстро перебирая лапами, бежит упряжка. Впереди видна фигура сидящего на нарте Гырголя. Он курит, оглядывая Амгуэмскую тундру. С этими товарами Джона он чувствует себя превосходно.

Шесть винчестеров! Каждый бы лопнул от зависти, увидев их. А спирт… Патроны, табак, чай, бисер, ножи, котлы, иголки! Достаточно, думал Гырголь, подарить иголку хозяйке любого шатра, как станешь самым дорогим и желанным гостем.

– Кхр-кхр-кхр! – доносится до слуха Кутыкая с передней нарты.

– А кумач! Его хватит на две двадцатки камлеек.

Гырголь втягивает носом воздух: ему чудится запах жилья. Он снова взглядывает на звезды и окриком слегка поворачивает собак влево.

Кутыкай спит. Под полозьями нарт перекликаются шорохи.

Скоро долина реки Амгуэмы.

По совету Джона-американа Гырголь заедет в кочевья оленеводов. Он раздаст им товары под пушнину будущего года. Следующей зимой он соберет ее и отвезет в Ванкарем. Джон обещал дать ему товаров еще больше.

«Однако Джон истинно хороший человек», – уже не впервые мысленно повторяет про себя муж Кайпэ.

Джон заготовит для него торбаса пастухам, лахтачьи шкуры на подошвы, ремни, жир, он даст все, чего захочет сам Гырголь. Все оленеводы станут завидовать Гырголю. Он уже и сейчас «сильный товарами человек»! Кто же откажет ему в оленях, если он даст спирт и табак, торбаса, ремни, чай и кумач, винчестер и патроны.

И Гырголь предвкушает, как из всех стойбищ пастухи погонят оленей в его стадо. Каждому оленю он вырежет на ухе свое клеймо. Стадо его потеряет счет, он станет самым «сильным оленями человеком» в тундре. К тому же, у Омрыквута и без этого немалое стадо. А Кейненеун все еще не принесла сына.

– Поть-поть-поть!.. Кхр-кхр-га!

Упряжка сворачивает влево.

Гырголь отчетливее чувствует запах близкого жилья.

Да! Он станет хозяином Амгуэмской тундры. Он разделит стадо на несколько отдельных кочевий. В каждом из них у него будет жена!..

– Поть-поть-поть-га!

«Гырголь! Ты пришел?» – уже чудятся ему ласковые слова привета повсюду, куда бы он ни приехал. В чужих кочевьях у него будут товарищи по жене. Щеки Гырголя рдеют. Мороз пощипывает губы, он облизывает их, глядя вперед невидящим взором.

Заметив стойбище, собаки резко натягивают упряжь и мчатся к ярангам.

Кутыкай вздрагивает, хватает остол. Из-под остроконечного тормоза снег упругой струей бьет вверх. Нарты бросает на застругах. Гырголь растерянно кричит на собак, которые с тявканьем и визгом врываются в чужое стойбище.

А дома уже давно ждут Гырголя. Еще с вечера нетерпеливый Омрыквут, томимый ожиданием, ушел в шатер старшей жены. Кейненеун и Кайпэ в яранге вдвоем. Кайпэ скучно одной в своем пологе, она пришла в шатер отца. Кейненеун тоже грустна. Детей у нее нет.

Омрыквут ушел. Ляс советует ему взять себе третью жену. Разве все это может радовать Кейненеун? Разве ей самой не хочется стать настоящей женщиной.

На руках у Кайпэ ребенок, завернутый в нежную шкурку утробного олененка. Дочь. У нее такие же большие глаза, как и у матери.

Уже так давно уехал Гырголь! Что он там делает?

Кейненеун и Кайпэ молчат. Каждая думает о своем.

В пологе горят два жирника. Тепло. В тундре тихо. Близится время отела. Кейненеун вспоминается Амвросий. Всю весну он бродил за нею в стаде. Потом Омрыквут отдал ее ему… Почти с тех пор сердце неспокойно, хотя прошло уже две зимы. Омрыквуту нужен сын – наследник стада. Быть может, потому он и отдал ее таньгу? Кейненеун краснеет.

– Ты что? – спрашивает ее Кайпэ.

– Так, – уклоняется от ответа жена Омрыквута.

Кайпэ думает о Гырголе. Она уже примирилась с тем, что стала его женой. Конечно, ей хотелось быть женой Тымкара – такого смелого, высокого, сильного. Плохо, что тогда Кутыкай догнал их. Она даже не успела стать его женой. Ее дочь не может быть похожа на него.

Глаза Кайпэ задумчивы.

– Ты что, Кайпэ?

Кайпэ молчит. Ей скучно всю жизнь проводить в этом отцовском шатре и в этом стойбище. Кто же не хочет на берег! Там все новости, там люди живут веселые, здесь – только олени.

Один из жирников начинает коптить. Кейненеун поправляет фитиль и снова садится на прежнее место. Ее сердце щемит, ей стыдно, что от нее – молодой и сильной – Омрыквут ушел к старой жене, матери Кайпэ.

Тихо.

Только слышно, как монотонно шипят фитили, отдавая пламени жир.

Молодые женщины ложатся на оленьи шкуры и засыпают.

Осчастливленная приходом мужа, не спит в своем шатре мать Кайпэ. Она вспоминает времена своей молодости. Она была красива. Но против воли отец отдал ее Омрыквуту – сыну богатого оленевода. Уже вскоре Омрыквут взял себе вторую жену – Кейненеун.

Горят жирники. Рядом спит Омрыквут.

В яранге жены Кутыкая уже несколько дней нечего есть. Мясо кончилось. Омрыквут не закалывает оленя для пастухов. А заколоть своего оленя она без мужа не смеет. Какая же жена поступит так? Что сказал бы Кутыкай?

Дети спят, укрытые оленьими шкурами. В пологе прохладно: горит только один жирник. Днем она выпросила у Кейненеун кусок мяса для детей и немного жира.

На перекладине у потолка висят почерневшие от времени амулеты. Они охраняют ночью оленей… Тут и человеческие фигурки, и бесформенные, но имеющие таинственный смысл кусочки древесины, клочки шерсти и кожи, звериные зубы. Они заменяют в стаде Кутыкая…

Жене Кутыкая только двадцать лет, но морщины уже видны на ее широком лице.

Это очень плохо, когда Гырголь забирает с собой Кутыкая. Конечно, Кутыкай привезет детям и ей подарки, он выменяет их у купца на шкурки тех песцов, которые он и она поймали зимой капканами. Но все-таки это очень плохо, когда нечего есть и Кутыкая нет дома…

Она прислушивается: не послышится ли лай подбегающих упряжек. Но кругом тихо. Тихо в тундре. Тихо в яранге.

Небольшое стойбище спит. Только в яранге Ляса слабо бормочет бубен. Ляс шаманит. Он надел свою шаманскую одежду и что-то выкрикивает, бьет в бубен.

Кто знает, о чем шаманит Ляс?

Лясу жарко, лицо у него потное, он в фанатическом экстазе и не сомневается, что стойбище благоденствует благодаря его неустанным заботам. И даже тогда, когда нет

никакого повода связываться с духами, он время от времени напоминает им о себе – сильном шамане Лясе из стойбища Омрыквута.

* * *

В чужом стойбище Гырголь спит неспокойно. Ему все мерещится, что в наружную часть яранги, где сложены его товары, кто-то пробрался, хочет их похитить. Гырголь прислушивается, высовывает голову из полога.

Кутыкай спит, как будто забота о сохранении имущества – не его забота. Это сердит Гырголя. Он набивает трубку, закуривает.

В яранге жарко. Гырголю не спится. Много желаний в его голове. Он верит в их осуществление: «Все будет, все будет! Джон поможет мне стать хозяином Амгуэмской тундры!»

Глава 20
ЧИНОВНИК ОСОБЫХ ПОРУЧЕНИЙ

Летом 1905 года в Горном департаменте Приамурского края царило необычное оживление. Ходили слухи, что генерал-губернатор намерен послать на Чукотку инженера для проверки деятельности «Северо-Восточной сибирской компании».

А кому же не хотелось погреть руки в такой командировке!

Чиновники шептались об этом в присутствии, говорили по пути домой, в гостиных и даже в постелях. На этой почве произошло несколько ссор между супругами. Но, в самом деле, не могли же мужья заставить начальника края ускорить командировку и послать именно их!

Губернатора беспокоило, что ни «Северо-Восточная компания», хотя она существовала уже почти пять лет, ни обширная концессия на побережье Охотского моря, сданная англичанину Дугласу, ни Камчатская у Азачинской губы не увеличивали запасов золота, добываемого в крае. Мало этого, концессионеры хищнически обращали в золото китов, рыбу, лес, меха. Было, в частности, известно, что только за четырнадцать лет прошлого столетия американские промышленники выручили в дальневосточных водах на китобойном промысле сто тридцать миллионов долларов.

Об усилении экономической экспансии, грозящей американизацией северо-востоку России, свидетельствовал и тот факт, что количество поступающей с Севера пушнины уменьшалось с каждым днем. Все это внушало губернатору тревогу за отдаленный район вверенного ему края.

Генерал-губернатор командировал на Чукотку горного инженера Жульницкого с инспекторскими полномочиями.

Узнав о выборе начальника края, удрученные чиновники повесили носы. В этот день не один из них предпочел после службы отправиться в ресторацию или в гости, чтобы вернуться домой попозднее и в таком состоянии, в каком уже не страшны бывают никакие семейные бури.

– Везет этому Жульницкому! – разговаривали подвыпившие сослуживцы.

– Уж и так, кажется, нахапал, слава богу: усадьба, домище, выезд. Говорят, у него в банке…

– С начальством умеет обходиться.

– Жену, батенька мой, жену-красавицу иметь надобно! Хоть и горюшка, правда, с ней хватишь, но уж чины, и ордена, и назначения – все получишь в срок.

– Жульницкий не таков. Он не позволит.

– Эх, батенька! – укоризненно покачал головой старик-чиновиик. – Так разве жены нам об этом говорят? – Он помолчал. – Вот ты погнался за приданым. Оно, конечно, как же без него! Но красота, мой друг… ох, эта красота! – вздохнул старик.

– Везет, везет разбойнику! И как жена позарилась на такого? Сух, важен, а губы – как у змеи. Такие нынче, видно, нравятся.

* * *

В конце лета Жульницкий приплыл на Чукотку, сгрузил свой моторный бот и в сопровождении двух казаков приступил к обследованию.

Корабль держался в отдалении.

Прежде всего статский советник столкнулся с чукчами. Ему доводилось слышать о них, но то, что он увидел своими глазами, превзошло все его ожидания. В жилищах мрак, теснота. «Какая примитивность, какая дикость!» – с отвращением думал он. Казакам он приказал не допускать туземцев близко к боту, когда причаливали к берегу.

Потом все чаще и чаще начали попадаться золотоискатели. Все они, за небольшим исключением, предъявляли права на поиски, купленные ими в конторе главного директора-распорядителя в Номе.

Жульницкий знал, что компании разрешено привлекать к делу иностранцев. «Но… привлекать, – думал он, – а тут же целое засилье!»

Проспекторы лихорадочно ковыряли землю, устремлялись от одного места к другому. Местные жители жаловались на них: обижают девушек, силой отбирают пищу.

До осени горный инженер успел обследовать побережье от Берингова пролива до залива Креста. Прочно обосновавшихся здесь торговых факторий иноземцев он насчитал шестнадцать. Золотой промысел никакого развития не получил. До десяти встреченных им у поселений шхун было загружено товарами, а не промысловым оборудованием. Всюду шла незаконная торговля. Мехов у чукчей почти не было, спирт был…

На мысе Беринга он встретился с Олафом Эриксоном.

Эриксон попытался держать себя надменно, как он уже привык за эти пять лет. Однако форменная фуражка русского инженера, отличное знание им английского языка, документы, подписанные генерал-губернатором, и двое казаков, вскоре подошедших, несколько сбили спесь.

– Кто вы и чем занимаетесь? – повторил свой вопрос Жульницкий, высокий, сухой, с острым ястребиным взглядом.

Эриксон предъявил документы проспектора «Северо-Восточной сибирской компании». Жульницкий просмотрел их, сделал пометки в записной книжке.

– Прошу вас ознакомить меня с прииском.

Это был первый прииск, встреченный им на обследованном побережье.

– Я не уполномочен компанией. Мистер Роузен сейчас в Номе.

– Господин Эриксон, – перебил его Жульницкий, – я не имею ни времени, ни желания интересоваться местонахождением мистера Роузена. Если я правильно вас понял, здесь ведаете прииском вы?

– Это верно, но только…

– Вам известны условия концессионного договора, на основе которого создана компания? – посланец губернатора протянул руку к казаку, державшему его портфель, достал текст договора. – Прошу ознакомиться с пунктами шестым и девятым.

Казаки, знавшие эту процедуру еще по Камчатке, перемигнулись.

Инженер оглядывал проспектора – здоровенного мужчину без шапки, в кожаной куртке и таких же штанах, вправленных в болотные сапоги. Договор в руках Эриксона слегка дрожал. Он умышленно долго читал, чтобы за это время принять какое-то решение.

– Сколько за эти пять лет добыто на прииске золота?

– Золота? – проопектор явно не был готов к ответу на этот вопрос.

Как опытный следователь, Жульницкий не спускал с него глаз.

– Прииск открыт недавно, – уклонился от прямого ответа американец.

– Идемте! – в голосе инспектора прозвучали нотки приказания.

Все четверо направились к распадку вблизи поселения.

Беспорядочными группами то там, то здесь копошились проспекторы; среди них были и чукчи – чего не сделает спирт!.. Никаких разработок в строгом смысле этого слова не было. Как видно, разыскивалась внезапно оборвавшаяся золотая жила.

Жульницкий гневно глядел на эту ораву, уродующую прекрасный участок, заваливая грунт породой.

– Господин Эриксон, – подозвал он Олафа, – сколько взято золота вот из этой выработки? – Жульницкий указал на брошенное уже место.

– О, это только проба!.. Да, да. Мы все время берем пробы и отправляем в Ном, на Аляску.

Направились к следующей группе. Проспекторы прекратили работу.

– Скажи-ка, любезный, – обратился чиновник к одному из проспекторов, – не стоит ли нам бросить этот участок? Тут, я вижу, совсем нет золота…

Золотоискатели насторожились. Что за человек? Не покупатель ли?

– Вы знаете, неподалеку я обнаружил участок, – теперь Жульницкий смотрел уже на Эриксона, – там можно взять по десять золотников ежедневно.

– Ноу, ноу! – засмеялись проспекторы. – Вы еще не знаете нашего участка!

– Да, да! – поспешно перебил их Олаф. – Мы надеемся, – он подчеркнул это слово, – мы надеемся найти золото здесь. Но пока, правда, наши усилия безуспешны…

Проспекторы поняли свою оплошность.

Посланец губернатора ощупал их уничтожающим, надменным взглядом и молча отошел, продолжая осмотр прииска. Прикинул его размеры, занес данные в блокнот.

Возвратясь в поселение, он попросил Эриксона показать ему склад. Олаф запротестовал. В договоре ничего не сказано о праве проверки имущества прииска.

– Да, но я хотел бы убедиться – и это в наших интересах, – что в складе нет золота. Вы, я надеюсь, знаете, что золото должно отправляться через Владивосток?

– О да, конечно! – обрадовался Эриксон удобному случаю провести этого русского. Сейчас он докажет, что в складе нет ни унции золота (оно лишь месяц назад вместе с пушниной было отправлено в Ном).

Огромный склад, кроме продуктов, оказался заваленным котлами, ножами, винчестерами, иголками. Ни золота, ни пушнины действительно в нем не было. Но товары – это же совершенно очевидно! – предназначались для приобретения пушнины.

Ободренный результатами осмотра, проспектор счел уместным предложить русскому инженеру отобедать. Жульницкий приглашение принял.

Как и обычно, он пил усердно, пьянел медленно. Олаф не отставал. Обед затянулся до вечера.

Как всякий деловой человек, Эриксон счел необходимым использовать визит инженера в интересах компании.

– Днем, на прииске, вы упоминали о хорошем участке вблизи нашего. Не согласились ли бы вы указать, где он?

Чиновник промолчал.

– Надеюсь, вы понимаете, что компания в долгу не останется. В конце концов, если он того стоит, – я сам… – он не договорил, полагая, что и так уже все ясно.

В слегка разгоряченной голове Жульницкого зашевелились коммерческие соображения. Он ведь действительно неподалеку обнаружил недурной участок.

– Участок? – переспросил он, вперив в Эриксона острый, хотя и хмельной уже взгляд. – Это находка, редкая находка.

Глаза Олафа заблестели ярче, он отодвинул стакан.

– Такая находка за всю жизнь попадается не больше одного раза, это говорю вам я – горный инженер! – сам еще не отдавая себе полного отчета, зачем он говорит это, бахвалился Жульницкий.

– Сколько? – прямо поставил вопрос янки.

«Какой наглец! – подумал чиновник Горного департамента. – Первый раз видит человека и… такое предложение!»

– Но если только десять золотников в день – мне не нужно! – Янки зажег сигару.

– Там жила! – несколько раздраженно ответил Жульницкий. – Вы, понимаете, что значит жила?!

Что значит жила, американец понимал.

– И значительно мощнее вашей, – добавил инженер.

– Я вижу, вы деловой человек, мистер Жульницкий. Сколько вы хотите за этот участок? – повторил Эриксон свой вопрос.

Инженер поморщился. Эти янки на всякого человека смотрят глазами купца: «Сколько хотите за участок? Почем сало? Уступи дешевле!..» Фу, гадость! Вспомнились студенческие годы. Тогда за такое предложение он мог ударить по лицу. Но потом… Коллеги, туалеты жены, содержание дома, лошадей… Впрочем, кто же из чиновников не брал взяток?

Эриксон ждал.

Жульницкий думал. Командировка его подходила к концу. Разные чувства боролись в нем. Прежде всего он должен угодить губернатору, а по всем данным дела компании неблагополучны. Тем не менее выезжавший сюда позапрошлым летом коллега дал самое положительное заключение… Затем просто необходимо было бы прижать этого ловкача и пройдоху янки: не возвращаться же к жене с пустыми руками! Однако это пока не удавалось. И, наконец, самолюбие. Как-никак, а он статский советник, дворянин, личный представитель генерал-губернатора, а этот мистер смотрит на него, как на купца в поддевке и красной рубахе навыпуск.

Опытный делец Эриксон счел своевременным подзадорить колеблющегося инженера:

– Если участок того стоит, я плачу за него чистым золотом.

– Но позвольте, ведь у вас золота нет, как вы изволили сказать ранее, – процедил сквозь зубы инженер, не поднимая глаз.

– Найдем! Сколько? – дрожащей рукой Олаф потянулся к бутылке.

В голове чиновника шумело. Взволнованный, он налил себе виски и выпил. Мысли путались, одолевая друг друга: «Губернатор? Но ему можно даже доложить о прииске Эриксона все так, как есть. Разве это помеха? Кто же узнает? Смешно, ей-богу!»

– Что ж, пуд золота – и участок ваш, – внезапно охрипшим голосом произнес он.

– Тридцать два паунда? – воскликнул ошеломленный проспектор. – Пуд? А сколько я возьму с участка?

– Двадцать. Это самая скромная цифра.

– Гарантии! – глаза американца зажглись азартом. Он вскочил на ноги.

– Гарантии? – чиновник задумался. – Гарантии? – повторил он. – Что ж, если за неделю не будет добыт пуд, то вы расторгаете наше соглашение. Я буду ждать.

Представитель «Северо-Восточной компании» подошел к кровати и выволок из-под нее кожаный мешок с золотым песком.

– Контракт! – скомандовал он, видя, как загорелись глаза инженера при блеске благородного металла.

Весь потный – стало невыносимо жарко – статский советник достал из портфеля бумагу и, сгорбившись, начал составлять частное «джентльменское» соглашение. «В конце концов кто же не брал взяток? Не я, так другой!»

Составление договора было делом куда более привычным, чем предшествующий ему низкий торг. Чиновник успокаивался, хотя и чувствовал, что его гложет неудовлетворенность: досадно, что он не сумел до конца разоблачить наглеца и получить этот пуд без всяких соглашений.

Проспектор пьянел, он явно сегодня перехватил, не отставая от этого худосочного русского. Взор его неуверенно блуждал по комнате. Эриксон подошел к кровати, прилег, разбросав свисающие ноги. Неудержимо клонило ко сну.

– Пиши быстро! – лениво заметил он.

Блеск золота мутил мозг горного инженера. Сколько лет доводилось иметь дело с этим металлом, но даже в мыслях не было овладеть таким неслыханным его количеством… Составляя и обдумывая соглашение, Жульницкий время от времени поглядывал на раскрытый мешок.

Срок договора – неделя. Затем он сам уничтожит его.

Жульницкий был способным человеком. Он быстро взвесил все, что гарантирует ему сохранение доброго, ничем не запятнанного имени.

Пуд золота, прикидывал он, займет совсем мало места. И наплевал он на всех! Притом эта сделка, как уже решено, вовсе не обязывает его давать ложное заключение о делах «Северо-Восточной компании».

Эриксон захрапел, но тут же дернулся, открыл глаза.

Время было за полночь. Под потолком помигивала лампа.

Жульницкий пропустил еще стаканчик виски и начал перечитывать договор. Хмель не то проходил, не то уже больше не брал его. Установилось какое-то необычное равновесие – тяжелое, гнетущее. «Как она обрадуется», – думал он про жену, лишь скользя взглядом по тексту соглашения, не улавливая смысла.

– Двадцать, – засыпая, промычал Эриксон.

Чиновник вздрогнул, оглянулся.

Американец боролся со сном.

– Готово? – опросил он. С трудом встал и шагнул к столу.

Но соглашение еще не было закончено.

Проспектор пьяно, одним движением сдвинул с края стола банки, бутылки, посуду и, уложив на свободное место локти, опустил голову на руки.

Жульницкий заготавливал второй экземпляр соглашения.

«Пуд… Было бы у меня оборудование, да на маячь этот корабль на рейде, я сам разработал бы эту жилу, – он подошел к кровати, нагнулся, рассматривая золото. – Но сейчас это все, что я могу сделать». Чиновник не видел, как Эриксон начал медленно валиться набок, увлекая за собой скатерть.

Звон стекла, жести, стук упавшего грузного тела заставили инженера вздрогнуть.

Не успел он двинуться с места, как Эриксон, еще сидя, уставился на него налитыми кровью глазами и, пытаясь нащупать задний карман, дико заорал:

– Стой! – Он неуклюже поднялся и, шатаясь, двинулся на Жульницкого.

Тот подался назад, испугавшись обнаженной волосатой груди и бессмысленного взгляда.

– Что с вами?

Эриксон припер его к стене.

– Что с вами? – повторил инженер.

– Это ты, Джим? – проспектор уставился на него немигающими глазами, протянул руку, вцепился в его мундир.

– Вы пьяны. Оставьте! – Жульницкий пытался оттолкнуть от себя пьяную тушу.

– Я пьян? – взъярился Эриксон и придавил ногой край мешка с золотом, которое, как ему казалось, хотели похитить. Он еще крепче впился пальцами в мундир инженера. – Я пьян? Ты что молчишь? Ты кто? – и он начал икать, тряся за грудь Жульницкого.

Статский советник побледнел от гнева и ощущения своей беспомощности.

– А… – наконец вспомнил Эриксон. – Продал участок? Смотри мне толь… ик! – его шатало из стороны в сторону.

– Вы забываетесь, милостивый государь!

– Смотри мне толь-ик, – все повышая голос, Эриксон погрозил ему кулаком под самым носом, не выпуская вицмундира. – Я де-ло-ик чело-ик! – голова его дергалась.

Статский советник почувствовал нервную дрожь во всем теле.

Отпустив, наконец, чиновника, владелец прииска шагнул к полке и, разливая виски по полу, наполнил стакан.

– Пей! Губер-натор! – Эриксон по-хозяйски похлопал его по плечу, поднося стакан, как лакею.

– Я не позволю! – чиновник не смог закончить фразы, спазма сдавила ему горло.

– Ну и черт с тобой! – пробурчал Эриксон, направляясь к постели и швырнув стакан на пол.

Заложив руки за спину, Жульницкий ходил по комнате. Он чувствовал себя оплеванным. И кем? Наглецом, проходимцем без роду и племени, без чина и звания! Негодяй готов уже сесть ему на шею. Инженер остановился, закурил, с ненавистью покосившись на храпевшего проспектора. Тот лежал поперек широкой кровати, лицом вниз. На каблуках огромных сапог тускло поблескивали подковки. Никто и никогда не позволял себе подобным образом обращаться с дворянином, статским советником, инженером Горного департамента! А этот считает, что купил не только участок, но и его. Наглец! «Деловой человек»…

Дымя трубкой, чиновник снова заходил но комнате. В нем проснулся Жульницкий-студент. Все сейчас потускнело в его сознании: и губернатор, и образ красавицы-жены, и золото – все, все! Из тех чувств, которые боролись в нем еще с вечера, брало верх оскорбленное самолюбие.

«…Продаем, продаем по частям. Торгуем, берем взятки. Но кому продаем? Чужеземцам, наглецам! – он застегнул сюртук. – Сегодня – я, завтра – другой, послезавтра – третий… Так можно… Отдали край хищникам! А сами, русские, подбираем объедки? Позор! Позор! Нет, раньше вы не были таким! Стыдно, господин статский советник! Да-с, стыдно! Он вам готов на шею сесть, этот янки. Сегодня – вам, завтра – краю, потом – России?»

– России? – вслух повторил он.

Он же русский человек, но как он пал, как он пал! Жульницкий сел за стол, охватил руками гудящую голову.

Эриксон храпел.

Начинало светать.

– Нет, я научу этого наглеца уважать русское чиновничество! – громко произнес Жульницкий и в клочья разорвал соглашение. – Это золото я заберу без веса и без всяких соглашений.

Все раннее утро, лихорадочно работая, просидел инженер над бумагами. Когда Эриксон поднялся, ему было предложено подписать вместо договора акт, где перечислялось все достойное перечисления и в соответствии с концессионным договором, в связи с его очевидным нарушением, указывалось, что золото изымается для сдачи представителю компании во Владивостоке.

Олаф похолодел.

– Вы с ума сошли? – голова его втянулась в плечи, глаза и рот широко раскрылись.

– Господин Эриксон! Прошу не забывать, что вы разговариваете с представителем власти того государства, на чьей земле имеете честь находиться, – обрезал его чиновник.

– Я ничего подписывать не буду.

– В таком случае я арестую вас и вместе с золотом отправлю во Владивосток.

Эриксон мучительно старался припомнить подробности минувшей ночи. «Ловушка! Попался, как заяц. Сам показал золото…»

– Итак? – потирая сухие руки, произнес Жульницкий, покалывая его острым, ястребиным взглядом.

– Я не уполномочен компанией. Мистер Роузен…

– Еще вчера я изволил вам, кажется, заметить, что не имею ни времени, ни желания слушать о вашем мистере Роузене.

Американец сделал еще одну попытку выпутаться.

– Я готов отдать золото, но подписывать… Поймите… – с мольбой в глазах он приподнял руки: его подпись под таким актом была бы равносильна аннулированию концессионного договора с компанией.

– Взятка? Отдать вам за нее на разграбление полуостров? А может, купите и Приамурье? – воскликнул чиновник, искренне позабыв, что еще недавно сам соглашался на это. Впрочем, Жульницкий уже решил, что половина золота останется у него.

За окном промелькнула фигура казака. У Эриксона затряслась нижняя губа.

– Кузьма! – позвал чиновник.

В комнату влез Кузьма, чуть не заполнив ее всю.

– Принеси казенный мешок, упакуй золото. – Жульницкий указал на мешок и полез в портфель за пломбиром.

Спустя полчаса от мыса Беринга отходил к кораблю моторный бот.

Олаф Эриксон прислушивался к затихающему рокоту мотора, глядя на копию подписанного акта, лежащую перед ним на столе среди поднятых с пола пустых бутылок, банок и объедков.

* * *

По заданию начальника края горный инженер перед возвращением посетил контору главного директора компании на Аляске. Вот уже несколько дней русский военный транспорт стоял у причала в городе Номе.

– О, Россия! – то и дело восклицал мистер Роузен и поднимал палец вверх. – Это прекрасная страна.

Статский советник соглашался.

– Этот бокал я пью за Россию!

Чиновник Горного департамента поддержал его.

– Я слышал, что мистер губернатор есть деловой человек. Его фамилия Унтербергер?

Директор делал все, чтобы завоевать расположение важного гостя. Но тот своих карт не раскрывал. После недавнего инцидента у него появилось чувство неприязни к заокеанским дельцам. Он все еще, казалось, ощущал на своем мундире грязную руку Эриксона.

– Мистер Унтербергер, – не унимался главный директор компании, – вероятно очень рад, что скоро мы сможем встречаться с ним так часто, *как* это могут делать только близкие соседи, не так ли?

– Вы что имеете в виду? – не понял инженер.

– Как что? Транс-Аляска-Сибирскую железную дорогу!

На лице Жульницкого отразилось недоумение.

– Как!? Вы не знаете, что делается у вас в империи? Ну, как же. Вы садитесь в Нью-Йорке на поезд и без пересадки едете в Париж.

И мистер Роузен изложил ему проект американского синдиката. Он даже подвел гостя к карте, где уже оказалась нанесенной эта дорога.

– Смотрите! – воскликнул он. – Ном – туннель – мыс Дежнева – Верхнеколымск – Якутск – Красноярск… О, это грандиозное дело! Мы уже готовимся к поискам наиболее выгодной трассы.

Инженер Горного департамента вспомнил, что в какой-то газете он читал об этих бредовых планах, но отнесся тогда к ним вполне равнодушно, как и полагалось, по его мнению.

– Я вижу, – продолжал Роузен, – вы совершенно не представляете себе всех колоссальных выгод для России от этой дороги. Но это надо понимать!

– Мне, как инженеру, неясно другое, – отозвался чиновник для особых поручений. – Представляете ли вы все технические трудности прокладки такой магистрали в условиях вечно мерзлого грунта, горных хребтов, многочисленных рек – и все это в малонаселенной местности? К тому же, если мне не изменяет память, где-то, помнится, я читал, что такое строительство потребовало бы более миллиарда рублей, а содержание дороги приносило бы ежегодно сто миллионов рублей убытка.

– Деньги? – бойко откликнулся мистер Роузен. – Деньги – это не проблема. Трудно

строить? Но это наша забота, черт возьми! Вы думайте о другом – о выгодах для России от такой магистрали, вот о чем следует думать русским! Вдоль всей трассы мы будем строить вспомогательные пути, каналы, порты, плотины, доки, набережные, элеваторы, электростанции, мы будем повсюду закладывать рудники, заводы – представляете себе, как оживится этот пустынный край? Мы построим там целые города!.. Элен, принесите нам кофе.

Жульницкий молчал. Ему вспомнилась почти аналогичная история со строительством Америкой Панамского канала, в результате которой Колумбия потеряла часть своей территории, где образовалось сепаратное панамское правительство.

– Я вижу, вас ошеломило мое сообщение? Что ж, Америка – страна огромных возможностей! Смотрите, как возбуждена пресса, – и Роузен положил перед ним пухлый альбом с вырезками из различных газет о Транс-Аляска-Сибирской железной дороге.

Но Жульницкий не проявил к альбому особого интереса: перевернул несколько листов с кричащими заголовками, а затем закрыл и отодвинул в сторону.

Роузен понял, что его гостя этот вопрос совсем не занимает.

Некоторое время пили кофе молча.

– Кстати, мистер Жульницкий, – прервал неловкое молчание хозяин, – надеюсь, это не секрет? Каковы ваши впечатления о деятельности компании? Ведь мы уже сегодня расстаемся с вами. А ваше мнение… Вы понимаете, как это важно для компании! Элен, – обратился он к секретарше, сидевшей тут же. – Вы все приобрели, Элен, для миссис Жульницкой? Не удивляйтесь, – он положил руку на плечо инженера. – У нас в Штатах такой обычай. Я посылаю вашей очаровательной супруге лионские шелка, марсельские кружева, духи «Коти» – и только. И надеюсь также, что вы не обидите нас отказом быть почетным акционером нашей компании, – с этими словами он двумя руками вытащил из стола внушительную пачку акций и передал их секретарше. – Распорядитесь, Элен, сейчас же все хорошенько упаковать и немедленно доставить на корабль покупки мистера Жульницкого… Наш дорогой друг, к сожалению, покидает нас, насколько мне известно, через час. Ведь это так?

Да, это было так. Но Жульницкий возражал против подарков.

Однако Элен уже ушла…

Довольный ловким трюком, мистер Роузен улыбался, быстро расхаживая по кабинету. Он считал, что представитель губернатора несомненно будет теперь поддерживать компанию.

Но он ошибся. Чиновник Горного департамента уже решил, что подарки жене ни к чему его не обязывают, раз здесь «такой обычай»… Что же касается акций, то их ему навязывают без его согласия, да он и немедленно продаст эти бумаги, пока они еще в цене… И нисколько это ему не помешает доложить о компании так, чтобы при возможной проверке не угодить в неприятность.

«Нет-с, милостивые государи, – думал он, – за кипу тряпок и пачку бумажек, которым (уж он-то знал это!) по прошествии непродолжительного времени истинная цена будет ломаный грош, меня не купите. Дешево оценили… Нет-с, не выйдет!»

– Вы что-то сказали? – Роузен остановился, склонив голову набок, пригладил на лысине редкие волосы.

– Время, говорю, отправляться, – инженер взглянул на часы.

На берегу Жульницкого поджидала пестрая толпа русских в непривычной для его взгляда одежде. Им сказали, что транспорт находится в распоряжении личного представителя губернатора и возьмут их или не возьмут в Россию – решить может только он.

– Господин чиновник…

– Мистер губернатор!

– Ваше превосходительство! – останавливали его со всех сторон.

– Дяденька, возьми нас на родину.

– Родненький! Мы же русские… – всхлипывала болезненная худая женщина.

– Не могу, не могу, – твердил он, пробиваясь к трапу.

– На тебя вся надежа…

Он досадливо морщился.

– Корабль военный, нельзя. К тому же надо разрешение местных властей.

– Так мы не приняли американства. Русские мы, господин губернатор! Ваша светлость…

– Возьмите, Христа ради! Совсем тут погибаем.

Среди просителей был и Василий Устюгов.

– Поднять трап! – раздалась команда в перезвоне машинного телеграфа.

Пароход начал отчаливать. На берегу, не глядя на корабль, Роузен и красавица Элен помахивали руками и смеялись над тем, как они ловко купили мистера Жульницкого.

Г лава 21
ВДАЛИ ОТ РОССИИ

Пароход удалялся. Казалось, он медленно погружается в море.

Роузен и Элен, служащие и рабочие порта давно покинули причал. Лишь поселенцы Михайловского редута, безмолвные, как во время богослужения, все еще смотрели вслед уходящему кораблю. Лица у них были печальные, сосредоточенные. Дети жались к матерям, заглядывали в их повлажневшие глаза.

Полоса черного дыма тянулась над морем, как бы связывая судно с людьми на берегу. Но вот и она внезапно изломалась, потом стала рваться на части, и обрывки ее, бесформенные, косматые, понеслись в сторону, гонимые крепнущим ветром.

– Ушел… – со вздохом выдавил из себя широкогрудый бородатый поселенец и провел рукой по лицу.

– Ушел, – глухо, как эхо, повторило несколько голосов.

Поселенцы направились к своим домам. Они не слышали голосов разноязычной толпы, музыки, шума городских улиц, гудков паровоза.

Мысли были далеко – за морем, за океаном.

– Поздно узнали, – наконец заговорил один из поселенцев.

– Не в том причина. Человек не тот, – не согласился с ним другой.

– Поляк, видать, или немец какой-то. Жульницкий, – сказывали матросы.

– Слуга государев, – вмешался третий. – Перевешать бы всю эту свору продажную, да и самого бы неплохо!

– Ты царя не трожь.

– А что? Может, сбегаешь донесешь? – На лицах появились улыбки.

– Эх, Россия, Россия!..

– Да, далече матушка…

– Печора да Волга – то верно, – заговорил Устюгов, – а вот Чукотка – это рукой подать.

На него оглянулись.

– Так нешто это та Россия?

– Та не та, а Россия. Встречал я там одного человека. Ученый большого, видать, ума. Так он сказывал про Славянск, Камчатку и разные другие места. Перебирайтесь, говорит, сюда. Ну, а потом – дальше, на Амур-реку или кто куда захочет.

– Захочет… – передразнил его один из поселенцев. – Хотелку надо иметь, а ее-то и нет, – и хлопнул себя по карману.

Ном остался позади. Шли по изрытой золотоискателями земле.

– Вчерась опять шериф приходил, – спустя некоторое время заговорил дядя Василия. – Долго, говорит, вы подданства принимать не будете? Вы что, спрашивает, супротивники наши, что ли?

– А ты что?

– Зачем, отвечаю, супротивники. Русские мы. А он свое: будем выселять вас как

бесподданных.

– Ишь прыткий какой! Ты бы посоветовал ему с меня начинать: у Матвея, мол, добрый топор – как раз по твоей шее!

– Будем, похвалялся, на этом месте завод закладывать, что консервы делает.

– Завод… Они без завода, гляди, скоро всю рыбу изведут. Слыханное ли дело глухие запруды в реках устраивать? Отродясь такого не видывал.

– Эх, хозяева!.. Исковыряли землю повсюду, словно свиньи. Зверя истребили, теперь до рыбы добрались.

– Уеду я отсель. Невмоготу мне глядеть на порядки ихние, – высоким голосом заговорил молчавший до сих пор худой рыбак со шрамом на щеке. – Вот денег накоплю – и айда в Россию.

Слово «Россия» заставило людей снова умолкнуть. Еще утром их окрыляла надежда. И вот опять они возвращаются ни с чем.

День был воскресный. У Михайловского редута поселенцев встречали отец Савватий, дед Василия, старики, мужчины и женщины – все те, кто не собирался покидать свою Америку.

– Ну, как? – послышались голоса.

– Как видите: с чем ушли, с тем и вернулись.

– Ну и слава богу! Вместе-то оно лучше.

Люди начали расходиться по избам. Устюговы направились к дому отца Савватия, где они жили с тех пор, как их избу описали и продали с торгов.

Наталья сразу взялась за хозяйские дела. Дед и внук присели на завалинке.

– Чего батюшка-то ноне с амвона сказывал? – спросил Василий.

Дед кашлянул, сверкнул глазами – сердился он на внука, – но все же ответил:

– Сказывал, что поганые янки, нехристи окаянные (это старик добавил уже от себя), хотят, чтобы весь честной народ позабыл, что земли эти проведаны и заселены нами. Все нашинские, русские названия рек, гор, заливов, мысов, озер на картах повытравили, а свои понаписали, поганцы. Рыщут теперь, как шакалы, выискивают медные доски, кои были дедами нашими повсюду зарыты, что, мол, земля эта российского владения.

– А наша-то доска, что в Михайловском нашли, где хоронится?

По лицу деда растеклась умильная улыбка. («Похвальная забота», – подумал старик). Он поудобнее уселся, поглядел по сторонам.

– В храме божьем, Васильюшка. После обедни отец Савватий выносил ноне ее. В алтаре хоронит, как святыню, дитятко. Помалкивай токмо, гляди, как бы не дознались недруги наши.

Вдали бегали подростки. Среди них Василий узнал сына.

Ребята играли в «Русскую Америку». Колька распределял роли:

– Я буду Баранов, ты – Хлебников, ты – Загоскин. Вы, – указал он на одну группу, среди которой были и девочки, – индейцы. Вы – испанцы. Вот вам аркан, кандалы, – и он сунул им какие-то веревки. – Вождем индейского племени будешь ты, Витька. Найди себе перья на шапку и разрисуй щеки и нос… Вы, ребята, будете промышленными людьми и землепашцами. Ладно?

– Не хочу я быть испанцем, – утирая рукавом нос, воспротивился сын отца Савватия. – Лучше индейцем или эскимосом.

Колька секунду подумал, но согласился. И это была его ошибка, так как тут же и все остальные «испанцы» пожелали стать русскими, а если уж нельзя, то индейцами.

Распределение ролей затягивалось. Однако уже вскоре Михайловский редут наполнился дикими криками. Это «конные испанцы», оседлав хворостины, ловили лассо мирных индейцев, чтобы обратить их в рабство, заставить возделывать свои поля.

– Русские, за мной! – вдруг на весь редут раздался звонкий голос «Баранова», и вместе со своими помощниками и промышленными людьми он бросился вызволять индейцев из рабства.

Среди пленных испанских жандармов оказался один очень подозрительный человек. На допросе выяснилось, что это капитан пиратского брига, который привез оружие индейцам с целью поссорить их с русскими, побудить их выступить против них…

Капитана звали Джои Сивая Борода. Когда же («Хлебников» сорвал с него приклеенную бороду, то обнаружилось, что это вовсе не Джон, а мистер Смит, с которым уже доводилось встречаться правителю Русской Америки.

– Так вы опять, мистер Смит, нарушили русские поды? На этот раз это вам так не пройдет! – и «Баранов» распорядился снять с него штаны и выпороть.

Однако такого позора не мог вынести Колькин друг Юрка, и он заявил, что больше не играет…

Подростки заспорили, зашумели. Игра явно не удавалась.

День угасал.

– Пойду покличу Кольку, – дед поднялся с завалинки, – пора ему вечерять да спать. Поутру раненько к трактирщику.

Не видя старика, ребята продолжали спорить!

– Сам будь Сивой Бородой!

– Нешто так играют?

Среди мальчишек и девчонок – эскимосы: вместе с поселковыми ребятами они ходят в школу к отцу Савватию и свободно владеют русским.

– Хитрый, – говорит один из них. – Сам всегда Баранов, а мы? Мы тоже хотим.

– Давайте в горелки?

– Витька, беги вымой фейс и давайте начинать, – предложила вождю индейского племени Нюшка.

– Это что еще за «фейс»? – неожиданно раздался за Нюшкиной спиной недобрый голос деда. – Это ты, Нюшка-греховодница, фейсишь тут? – Старик вплотную подходил к сразу притихшим спорщикам.

Девчонка опустила глаза, затеребила подол платья. Она знала, что дед не выносит, когда поганят, как он выражается, родной язык.

– Ты что же молчишь? Никак запамятовала, как по-русски «лицо»? – И костлявой рукой он поймал ее за ухо.

Нюшка покорно выносила боль, молчала.

– Молчишь, упрямая?

– Не буду, дедушка!

– Не будешь? – он не отпускал уже сильно покрасневшее ухо.

– Вот еще отец выпорет, да еще батюшка в храме помянет, тогда не будешь, тогда не будешь, – приговаривал он, – поганить язык прадедов. Срамота! – Он, наконец, выпустил Нюшкино ухо. – Срамота! Колька, домой! – И гневный, что-то бормоча, дед зашагал к избе. – Бесстыдники! – повернувшись, крикнул он стоявшим молча ребятам.

Около отца Савватия собралась большая группа поселенцев.

Батюшка говорил:

– Невозвращенцами нас называют. Да нешто мы ведали, что перестали уж быть тут хозяевами?

– Беспаспортные, говорят, – с горечью вставил кто-то.

– Наш паспорт, чадо, на медной доске начертан, что храним, яко святыню, в храме. А вот их-то паспорт – центовая картинка с чека, коим будто рассчитались они за Русскую Америку.

– Хоть янки и хвастают, что вроде бы купили у царя Аляску, – вмешался худой поселенец, – а токмо, видать, неправильно купили, если боятся, чтоб люди знали, что не они, а мы открыли эти земли.

– Похоже на это, – согласился Савватий.

– Трудно нам, – вздохнул кто-то.

– А ты, сыне, не падай духом. Пока держимся все вместе, никакие тяготы нам не

страшны. Протянем руку друг другу в трудный час. Не мы одни, и другие поселения – до самой Калифорнии – тяжкое время переживают.

– Во, во! – вмешался дед Василия. – Правильные слова батюшка сказывает. А ты, басурман, оставлять наши земли задумал. Срамота одна да и только, – он отвернулся, блеснул глазами. – Ишь, вырядился! И не поймешь – чи ты русский, чи нет, – снова привязался к внуку старик. – Нешто забыл одежу нашу? Так погляди хоть на меня, что ли?

Молодежь переглядывалась. Кое на ком были клетчатые ковбойские рубахи, шляпы, у некоторых были сбриты бороды…

К поселенцам подходил старый эскимос. Поздоровались.

– Ты что, Асина? – ласково спросил гостя дед Василия, и его нависшие брови приподнялись.

– Праздник Асина всегда ходи. Слушай хочу. Рыбная снасть проси буду.

– Ну, ну, слушай, – довольный, улыбнулся старик. – А невод дадим. Как не дать!

Поселенцы Михайловского редута балагурили, как всегда в воскресный вечер. Сегодня они почти все были в русских национальных костюмах. А завтра… завтра их будет трудно узнать. Утром они разойдутся на работу – делать кирпич, рыбачить, плотничать и малярничать в Номе, добывать уголь, переводить стрелки на железной дороге, грузить и разгружать суда.

Отец Савватий думал о том, что разбредается его паства, трудно удержать на месте. А надо! Надо держаться дсем миром, чтобы воспрепятствовать раздроблению поселений, не позволить разобщать русских. Немало докук у отца Савватия. Надо вот еще написать письмо архиепископу всея Аляски. Савватий тихо поднялся и вошел в избу.

Дед Василия повествовал о прежней жизни. Правда, он не все это видел сам, но ему рассказывал отец, который прожил долгую жизнь, многое успел сделать и повидать.

Поселенцы любили слушать деда. Каждый раз он вспоминал что-либо новое, еще не известное слушателям.

Старик говорил:

– Вот ноне сорванцы наши в Америку Русскую играли, – глаза деда ласково засветились. – Слышу, называют: Баранов, Загоскин, Хлебников. Верно: большие люди, много добыли славы отечеству нашему. Александр-то Баранов, сказывают, уж стариком был, а неугомонный страсть какой остался. «Ну, – говорит бывало, – други мои, под конец жизни думаю новую славу Отчизне доставить, на новый подвиг отправить вас!» Это, значит, форт Росс закладывать в Калифорнии, где ноне город выстроен – Сан-Франциско.

Поселенцы внимательно слушали.

– Да, так вот опять же про хлопцев наших. А почему, думаю, у них Шелехова нет, а? А Шелехов первый основал поселения на землях этих. Более ста лет назад дело-то было. С того все и началось. Громкая слава шла в те поры о Кадьяке, Алеутских островах да Аляске. – Старик помолчал. – Да нешто только Шелехов? А Кашеваров, а Калмыков, Лукин, Малахов? И про Петра Ляксеича – государя русского – негоже забывать. Это ведь его посланцы открыли Америку с нашей-то стороны.

Старик увлекся. Ему было о чем рассказать.

– Не зря, видать, и сейчас по Русской-то Америке поселения называют: Коломна, Севастополь, Москва, – вставил дядя Устюгова.

– Дед, а верно сказывают, что бунтари, то-бишь декабристы какие-то, замыслили увезти царя на Аляску, как вроде бы в ссылку, а самим Россией править? А царь осерчал и продал…

– И где ты, Василька, только наслушался этих слов? – не дал ему договорить дед. – Ты мне царя не трожь, слышишь?

– Вася! Иди вечерять, – послышался голос Натальи.

Люди начали расходиться.

Уже давно в окнах зажглись огни, а на небе – яркие звезды.

Поселенцы ужинали, молились и размещались по полатям. Ненадолго задерживались и

старики за библией или евангелием, вскоре и они гасили свет.

Только парни и девушки еще не возвращались домой. И допоздна в Михайловском редуте звучали широкие и вольные русские песни.

Глава 22
ПЕРВЫЕ ГОДЫ

В год выезда с Чукотки Богораза Дина к мужу не приехала. Напрасно Иван Лукьянович спешил на берег, вглядывался в незнакомые лица, обежал весь пароход: в списке пассажиров Кочнева не значилась.

Дочь чиновника, Дина окончила Бестужевские курсы. Изучала языки, литературу, историю, философию, имела право занять должность преподавателя. Но ее родители, люди достаточно обеспеченные, не видели в этом надобности. Они баловали свою единственную дочь. Однако дочь, как говорил отец, лишилась рассудка, решила скомпрометировать его доброе имя, собираясь ехать в ссылку к революционеру.

Дина любила мужа. Она вышла за него, когда он был студентом медицинского факультета. Ей нравились его пылкий и горячий ум, свободомыслие и любовь к людям. Она помнит его яркое выступление в марксистском кружке, куда он однажды взял ее с собой.

Впрочем, все эти качества мужа и свое отношение к нему она определяла для себя очень коротко – всего тремя словами: «смелый, умный, люблю!»

Дина не считала себя революционеркой да и не могла считать. Однако в ее характере было нечто такое, что привлекло к себе Кочнева. Она поступила на Бестужевские курсы, куда шли передовые женщины, а не те, кто готовил себя в жены старикам-генералам или сановникам, любила жизнь свободную, непринужденную.

Так, однажды приведя Кочнева к себе домой, девушка заявила родным:

– Знакомьтесь! Мой жених. Свадьба наша будет в следующее воскресенье.

Супруги Любицкие вначале приняли это за шутку, хотя и знали характер дочери. Но оказалось, что Дина не шутила.

– Вы с ума сошли! – говорили ей теперь знакомые отца, узнав, что она собирается к мужу в Сибирь.

– Почему? – спокойно отвечала молодая женщина. – Я считаю, что только так и должна поступать жена.

Она не рисовалась. Ее поступки соответствовали характеру. В студенческие годы ей не были чужды революционные идеи, и теперь, под влиянием мужа и книг, прочитанных за последнее время, она разделяла взгляды марксистов на революцию.

Кочнев говорил ей, что видит в ней не только жену, но и духовно близкого друга, и она охотно откликалась на эту дружбу.

Выезду Дины в Сибирь воспрепятствовали родители; после ареста мужа она снова жила с ними. Отец и мать долгое время уговаривали дочь не делать глупостей, смириться, забыть. Бесполезно. Тогда ей было отказано в средствах «а дорогу. Она поступила на службу, чтобы скопить необходимую сумму. Однако на следующий год отец принял закулисные меры и помешал ей получить необходимые для проезда документы. Дина демонстративно ушла из родительского дома. Потом она заболела, долго лечилась, но не оставила мысли о поездке к мужу. Не поступить так, как поступили жены сосланных в Сибирь декабристов, она просто не могла.

После выздоровления Дина разыскала некоторых товарищей Кочнева. Они одобрительно отнеслись к ее планам, обещали помочь, но вскоре в Петербурге начались горячие дни, и выехать к мужу она смогла только в июне 1906 года, а пока добралась до Владивостока, наступил уже август. Здесь пришлось долго ждать парохода. Правда, хлопотала о своем отплытии она не сама. Друзья мужа снабдили ее достаточным количеством рекомендательных писем, чем значительно облегчили путевые мытарства.

Перед самым отъездом из Петербурга произошло примирение с родителями, и отец

Дины обещал похлопотать о Ване, чтобы ему сократили срок ссылки.

Все эти годы Кочнев терпеливо ждал жену, не теряя надежды на встречу. Он знал о ее ссоре с родными, о болезни, словом, обо всем, что с ней происходило и о чем она подробно сообщала. Какой праздник наступал у Ивана Лукьяновича, когда приходил пароход, а вместе с ним и письма от Дины! Увы, этот праздник случался лишь раз в году… Зато корреспонденции приходило столько, что на ее чтение уходил не один день. Во-первых, писала очень часто Дина, за год во Владивостоке скапливалось до двадцати-тридцати ее пространных писем; во-вторых, Кочнева не забывали друзья, родные, все они слали книги, газеты, посылки.

Многое узнавал Иван Лукьянович от своих корреспондентов, но далеко не все, что ему хотелось. Намеки, недомолвки, умолчания, многоточия не давали возможности составить полную картину о жизни в России. Однако и из тех сведений, которыми он располагал, ему было ясно: в стране назревает революция. Кочнев старался активизировать свою деятельность. С этой целью он часто ездил с чукчами на охоту, ходил в соседние села под видом оказания медицинской помощи. Имя лекаря Ван-Лукьяна с каждым годом становилось популярнее у охотников и ненавистнее у шаманов.

Минувшей осенью вместе со своим «благодетелем-купцом» опальный студент выезжал на обменную ярмарку к оленеводам. Познакомился с пастухами Кутыкаем и Кеутегином, с Гырголем, Омрыквутом, Лясом, с женами и дочерью главы стойбища. Случайно узнал историю с Амвросием, вспомнил рассказ Богораза о Тымкаре.

Ивана Лукьяновича обычно сопровождал Элетегин. Его рекомендация быстро располагала чукчей к ссыльному. Впрочем, лучшей рекомендацией было поведение самого Ван-Лукьяна. Он не занимался вымогательством пушнины, не требовал платы за лекарства (как здорово оно помогало от чесотки!), мало того, он даже отказывался от подарков.

При первом знакомстве чукчи относились к Кочневу настороженно, как и ко всем людям «другой земли», но когда он уезжал из стойбища или поселения, о нем говорили только добрые слова. Ван-Лукьян лечил, рассказывал «сказки», интересовался жизнью людей, разъяснял, что правильно и чего не должно быть, советовал, как следует поступать.

Особенно охотно Кочнев общался с пастухами и бедными охотниками. После его отъезда из стойбища Омрыквута Кутыкай сказал Кеутегину:

– Ты молчи, Гырголь узнает – этки[1].

Пастухи опасались, чтобы хозяин не пронюхал, о чем они беседовали с Ван-Лукьяном. Собственно, сами они говорили мало, больше слушали, но даже слушать такие слова опасно.

Иван Лукьянович уверял, что по всей земле бедняки готовятся собраться вместе и прогнать богатых оленеводов. В самом деле, рассуждали пастухи, зачем Омрыквуту столько оленей? Впрочем, эти мысли высказывал Ван-Лукьян, а Кутыкай и Кеутегин только размышляли над ними.

Кочнев сожалел, что не может часто общаться с беднотой из отдаленных стойбищ и селений, но он знал через Элетегина и других чукчей, что слова его крепко западают в души охотников. Это вселяло уверенность, что в час восстания в России люди хоть в какой-то степени будут подготовлены. Иван Лукьянович чувствовал, что сам факт его длительного проживания на Чукотке и общения с народом – явление положительное. Что больше мог он сейчас, в своем положении, сделать! Ведь по существу он и так подрывал устои старого мира, и уже одно это небезопасно. Чего скрывать, случались минуты, когда Кочневу казалось, что его вот-вот арестуют и снова будут судить.

В одну из поездок по побережью Кочневу случилось встретиться с Тымкаром. Иван Лукьянович сказал, что слыхал о нем от Богораза, исправника, Элетегина, знает, что шаман несправедливо изгнал его из села, что он вовсе не убивал Амвросия. Сообщив все это, Кочнев рассчитывал расположить к себе юношу, по этого не произошло. Во-первых, Тымкару было неприятно, что таньгу известны его мытарства, во-вторых, сын Эттоя совершенно не знал Ван-Лукьяна, в-третьих, ему вообще надоела праздная болтовня. Болтал

1 Плохо

Богораз («желаю тебе, юноша, счастья»), теперь, видно, этот таньг хочет, чтобы Тымкар рассказал ему о своем горе…

Изгнанник либо молчал, либо отвечал односложно: «да», «нет», «не знаю», а в конце концов заявил, что ему надо идти.

Сейчас Иван Лукьянович вспоминал обо всем этом, подводил своего рода итог проделанной работы за первые годы своей жизни на Чукотке. Такая потребность появилась у него в связи с тем, что со дня на день он ждал жену, а вместе с ней и писем от товарищей из столицы. Таких писем, каких по почте не посылают…

Кочнев до сих пор не знал ни о расстреле демонстрации у Зимнего дворца и восстании на броненосце «Потемкин», ни о двух съездах партии и Таммерфорской конференции большевиков, ни о царском манифесте, ни о декабрьском восстании. Обо всем этом Кочневу предстояло узнать от Дины или из писем и газет, если жена опять не приедет.

– Дина! – на всю пристань воскликнул Иван Лукьянович, увидев жену на борту парохода.

Радости Кочнева не было конца.

– Родная, спасибо тебе!

– Что ты, Ваня? За что?

– Познакомься. Это Элетегин, мой друг!

Молодая женщина с интересом оглядела черноголового чукчу в белом прозрачном плаще до колен.

Элетегин позаботился о багаже.

– Мэй! – крикнул он односельчанам, и тут же вещи Дины оказались на плечах людей в одежде из шкур.

– Как доехала?

– Привезла тебе целый сундук новостей, – она улыбнулась. – А ты не изменился. Все такой же…

Кочневы шли по поселку, их то и дело окликали чукчи:

– Этти!

– Какомэй! Этти, Ван-Лукьян!

– Каково твое спокойствие? Здравствуй?

«К Ван-Лукьяну приехала неушка!» – быстро облетела поселок приятная новость. Чукчи торопливо направлялись к домику ссыльного, радуясь за своего тумга-тум, Ван-Лукьяна.

Дина вначале растерялась, когда к ним без стука стали заходить улыбающиеся люди.

– Немелькын[1], – говорили они друг другу о Дине.

Кочнев знакомил с ними жену, рассказывал ей о жителях поселка. Добродушие и непосредственность чук чей быстро располагали к себе жену Ивана Лукьяновича.

– Какие милые люди, – говорила она. – Ведь это мне полагалось нанести им визиты вежливости.

В зеленом вязаном жакете с белой отделкой на воротнике, карманах и рукавах, в юбке из темного сукна, в простых чулках и туфлях на низком каблуке, Дина выглядела совсем не так, как дебелая и недоступная супруга местного купца, которую чукчи недолюбливали. Невысокая, с пышными каштановыми волосами, жена Кочнева произвела на поселян благоприятное впечатление. Глаза ее показались им добрыми, голос ласковым, манеры женственными – такими, как и должны быть у настоящей женщины. В общем, Дина понравилась. Она угощала детишек сладостями, охотно с ними разговаривала через переводчика-мужа, спрашивала, учатся ли они в школе, и, узнав, что нет, мрачнела и задумывалась.

До самого вечера Кочнев был лишен возможности расцеловать как следует жену, расспросить ее о положении в России, о том, что ему не терпелось узнать.

– Ну, Динушка, рассказывай, – он наконец набросил на дверь крючок и усадил жену к

1 Хорошая, красивая

столу.

– Прямо не знаю, с чего и начать. О «кровавом воскресенье» слыхал?

– Понятия не имею.

– Значит, ни о царском манифесте, ни о декабрьском восстании…

– Ничего не знаю. Ведь прошлый год почта не приходила.

Дина вздохнула. «Вот что значит находиться так далеко…» Из рассказа жены Кочнев понял, что в России происходят чрезвычайные события.

– Да ведь это же революция! – воскликнул он, вскакивая.

– Ваня, помоги мне распаковать вещи. Там много газет, писем.

Всю ночь Кочнев читал. Утомленная дорогой, Дина спала.

Но лишь только она проснулась, как муж засыпал ее вопросами.

– Неужели все это правда, Дина? Какая досада, что меня там нет.

Из корреспонденции, газет и рассказов жены Иван Лукьянович узнал о русско-японской войне, о гибели флота в Цусимском проливе и разгроме японцами трехсоттысячной армии под Мукденом, о падении Порт-Артура, захвате врагом Южного Сахалина, о вторжении японцев в Корею.

– Какой позор! – возмутился Кочнев.

– Владимир Ильич, Ваня, сказал, что не русский народ, а царское самодержавие потерпело позорное поражение.

Иван Лукьянович узнал, что меньшевики выступали за защиту «отечества», то есть царя, помещиков и капиталистов, а Ленин считал полезным поражение правительства, так как это ослабляло царизм и вело к усилению революции. В народных массах ненависть к царизму росла с каждым днем. Царь хотел войной задушить революцию. Он добился обратного. Война ускорила революцию.

Крестьянство задыхалось от безземелья, от многочисленных остатков крепостничества, оно находилось в кабале у помещика и кулака. Рабочие страдали от эксплуатации, каторжного труда, бесправия.

Началом этой бури явился расстрел рабочих на Дворцогвой площади 9 января 1905 года. Больше тысячи человек убито, свыше двух тысяч ранено.

Дина была живой свидетельницей этого страшного злодеяния царя. Возмущение и негодование охватили всю страну. Рабочие шли на улицы с лозунгом: «Долой самодержавие!» В России началась революция.

Вслед за революционным движением в городе стало нарастать революционное движение крестьян. Весной 1905 года крестьянским движением было охвачено 85 уездов. В революционную борьбу вступили армия и флот, учащаяся молодежь, демократическая интеллигенция, разрасталась национально-освободительная борьба.

Ленин призывал сделать восстание всенародным, принять самые энергичные меры для вооружения пролетариата.

– Какие события, какие события! – восклицал Кочнев.

Провокационный манифест царя, создание боевых рабочих дружин, Советы рабочих депутатов, декабрь ское вооруженное восстание, его поражение, отступление революции, четвертый съезд партии, карательные экспедиции…

– Какие события!

Оказывается, расстрел безоружных рабочих в Петербурге вызвал сильное возмущение и среди трудящихся Дальнего Востока: забастовку и вооруженное восстание в Чите, высокую активность социал-демократических групп в Хабаровске, Владивостоке, Благовещенске, митинги с призывом к всеобщей политической стачке и вооруженному восстанию. В самых глухих местах Дальнего Востока зрели революционные силы.

Товарищи Кочнева в Петербурге использовали Дину в качестве связной. Во Владивостоке ей вручили для мужа объемистое письмо, помогли упрятать его в двойное дно чемодана для продуктов. Иван Лукьянович получил указания не только из столицы, но и от Приморской организации РСДРП. Ему писали: «Читинское восстание показало наглядно, что

революция имеет силу постольку, поскольку ее отдельные моменты связаны друг с другом. Оно неустанно будет доказывать, что правительство всегда способно раздавить отдельные вспышки восстания. Оно учит и требует, чтобы следующее выступление было одновременным, чтобы не было отдельных восстаний в Чите, Красноярске, Нижнем, Москве и т. д., а чтобы восстание пролетариата и крестьянства было всероссийским».

Приморская организация РСДРП писала, что, по указанию Петербурга, Кочневу надлежит поддерживать связь с Приморьем. На словах Дина передала, что связь эта будет поддерживаться через моряков торгового флота.

Иван Лукьянович немедленно уничтожил все, что могло подвести его и организацию.

– Какая же ты у меня умница! Не побоялась? – спрашивал он жену.

Дина рассказала мужу о революционных событиях в Забайкалье, Приамурье, Приморье. Выполняя решения третьего съезда РСДРП, большевистские организации настойчиво готовили вооруженное восстание. В Чите боевая дружина насчитывала две тысячи человек, она захватила поезд с оружием, разоружила полицию и жандармов, но не смогла устоять против двух карательных экспедиций. Во Владивостоке флотский экипаж сжег здания морского офицерского собрания и военно-морского суда, освободил политических заключенных; воинские части отказались стрелять по восставшим. Восстание во Владивостоке сопровождалось волнением среди солдат Хабаровского гарнизона и захватом власти революционными артиллеристами в крепости Чныррах в устье Амура.

Целую неделю Иван Лукьянович жил, как наэлектризованный, осмысливая все происходящее в стране. Теперь ему ясно, что надо делать. Он будет рассказывать чукчам и эскимосам о том, что узнал сам.

Как-то Дина сказала:

– Ваня, ты как будто и не рад, что я приехала.

– Что ты, Динушка! Извини. Я так невнимателен к тебе. Но ты сама виновата: слишком много привезла новостей. Пойдем осматривать окрестности?

Они бродили по берегу моря, потом поднялись на высокую сопку и там мечтали о будущем. Время от времени их ненадолго накрывали проплывающие облака.

– Знаешь, Ваня, я решила заниматься с чукотскими детьми.

– Очень хорошо, Динушка.

– Я и буквари привезла.

– Но тебе вначале придется самой изучить чукотский язык.

– А ведь верно. Я как-то не подумала об этом.

– Возьми в переводчики Элетегина. Он будет учить тебя чукотскому, а ты научи его читать и писать.

– Как здесь хорошо, Ваня! Смотри, какое облако наплывает на нас.

Через секунду облако начало белыми струями обтекать их и вскоре совсем окутало, скрыло друг от друга.

– Ищи меня! – игриво крикнула Дина.

Иван Лукьянович бросился на ее голос, но жены там не оказалось. Он остановился.

– Дина, ты где?

– Ку-ку…

Он снова метнулся на зов, но и там ее не нашел.

– Ван-Лукьян, – совсем в другой стороне послышался ее игриво-воркующий голос.

– Ну, разбойница, погоди! – и, выставив вперед руки, Кочнев опять побежал. Но когда облако проплыло, он увидел, что бежит вовсе не туда, куда устремилась жена.

– Догоняй! – задорно крикнула Дина и что есть мочи помчалась дальше.

Глава 23
КОНЕЦ СКИТАНИЙ

Где бродил и что делал эти годы Тымкар, неизвестно. Только в береговых поселениях

его никто не встречал. Да едва ли и думал кто-нибудь о его исчезновении. Из родного селения его изгнал шаман как убийцу, родных не осталось, старик Вакатхыргин после единоборства с белым медведем занемог. Эмкуль вышла замуж. Тэнэт ждала от Ройса ребенка, Богораз был давно в Петербурге.

Нашел ли Тымкар кочевье Омрыквута, удалось ли ему увидеть свою Кайпэ, этого тоже никто не знал.

Но вот как-то в один из осенних вечеров он появился на мысе Восточном, в эскимосском селении Наукан.

В это время там гостили родственники науканцев с островов и американского побережья. Они приплывали сюда каждый год.

Среди эскимосов у Тымкар а знакомых не было. В давние времена между чукчами и эскимосами случались нелады, и с тех пор они сторонились друг друга, хотя явно и не враждовали. При нужде они оказывали друг другу услуги, но какая-то скрытая неприязнь сохранилась. Однако, как и всякого путника, Тымкара приветствовали, приглашали в жилища. Его накормили, расспросили о новостях, постлали шкуру для сна. Впрочем, кое-что из истории Тымкара было науканцам известно: ведь Уэном не так уже далек от Восточного мыса.

Рано утром Тымкар проснулся от суеты в пологе. Хозяева куда-то торопились. «Куда вы?» – спросил он их (эскимосы знают чукотский язык). Они шли провожать островных и запроливных родственников и знакомых. Погода обещала быть хорошей, а осенью с морем шутки плохи.

Тымкар тоже спустился на берег.

Более десятка больших кожаных байдар стояло в ряд на крупной гальке у воды. Шесть других загружались на плаву. Около них суетилась пестрая толпа гостей и хозяев. Подходили все новые и новые группы людей. Всюду смех, шутки, крики, возня. Гости спешили отплыть с попутным ветром. Матери вели или несли за спинами детей. Мужчины укладывали снасти, на ходу переговаривались, пинали снующих под ногами собак. Те повизгивали, но с берега не уходили.

Тымкар остановился в стороне. Он смотрел то на эту пеструю толпу, то на крутой склон, по которому бегом спускались эскимосы.

В проливе виднелся остров, за ним – слабые очертания американского побережья.

Никто не обращал на Тымкара внимания: все были заняты – одни отплывали, другие провожали. Поручения, взаимные просьбы, подарки, советы, прощания поглотили внимание этой шумной толпы. И хотя байдары еще спокойно покачивались на привязи, все спешили и нетерпеливо поглядывали вверх на крутой, почти обрывистый склон. Кого-то ждали: видно, кто-то опаздывал, задерживал остальных. Наконец двое мальчишек наперегонки побежали вверх, к землянкам.

Вскоре на кромке спуска к морю они появились вновь, за ними – женщина, ведущая за руку мальчика.

Спуск был крутой. Зигзагообразными тропинками, среди высокой полыни, все четверо медленно шли вниз.

Тымкар курил. Струйки сизого дыма тянулись к морю, к байдарам. Там уже подняли мачты, усаживались отплывающие. Шум усилился. Теперь провожающие старались перекричать друг друга.

На душе у Тымкара было тоскливо. И чем больше радости видел он на лицах этих возбужденных людей, тем угрюмее становился его взор. Куда идти ему, что делать? Он устал от скитаний. Его влечет к себе родное море, охота среди льдов; ему хочется так много, много нарисовать на моржовых клыках! Но у него нет даже яранги. Какой же он человек! Он достоин сожаления. «Только тело имеющий», – говорят о таких людях богатые оленеводы. Тымкару вспомнился Омрыквут, его слова: «Жалкий ты бедняк, «зря ходящий по земле человек»…

Затем ему видятся дни, когда в Уэноме вот так же у берега шумели чукчи, собираясь на

ярмарку. И перед его взором опять и опять рождались образы матери, отца, брата Унпенера, Тауруквуны, Кайпэ… Да не был ли он тогда счастлив? О каком же еще счастье говорил ему таньг. «Желаю тебе, юноша, счастья…» И Тымкар сам придумывал себе это счастье. Яранга. Много жира и мяса. Дети и жена сыты. У него – хорошее ружье и есть патроны. Его байдары быстрее других. Он – самый лучший охотник! На клыках он рисует всю свою жизнь и жизнь чукчей, по этим рисункам его сын будет рассказывать об этом внуку. И еще к нему в гости приедет этот хороший таньг Богораз, научит своим значкам. И Тымкар станет таким, как этот таньг. Наверное его захотят сделать шаманом. Но он не согласится. Он будет охотником. Он не хочет быть шаманом. А еще он скажет чукчам, чтобы они не давали ни одной шкурки чернобородому янки. Он объяснит им, что янки – плохой человек.

«Но где же взять хорошего? – задумывается Тымкар. – А если хороший не придет? Что скажут тогда ему чукчи?»

Ведя за руку мальчика, эскимоска торопливо проходила мимо. Мальчуган не поспевал за ней, оглядывался по сторонам: ему все было любопытно.

Вдруг сердце Тымкара замерло, вздрогнули длинные ресницы, рука ощупала горло, он шагнул вперед.

– Сипкалюк! – вырвался из его груди хриплый возглас.

Женщина и мальчик оглянулись.

Пораженный Тымкар снова поднял руку к горлу. «Как? Сын!»

– Сынок! – Тымкар был уже около него, упал на колени, хватал его за руки, за плечи, терся щекой.

Мальчонка испугался, заплакал.

– Сынок! – взволнованно повторял Тымкар, заглядывая в лицо матери.

Глаза худенькой женщины были широко открыты, рука сдерживала высоко поднимавшуюся грудь; другая рука выпустила Тыкоса.

Науканцы всей массой молча обступили их.

– Тымкар? – испуганно, глухим голосом едва выговорила женщина. – Это ты, Тымкар? – повторила она, не веря глазам. Уж не злой ли это дух? Лицо ее выражало мучительное напряжение.

– Зовут, зовут как? – возбужденно спросил Тымкар мальчика по-чукотски.

– Тыкос, – ответил за него кто-то из эскимосов.

– Тыкос! Тыкос! – отец схватил его на руки.

Люди вокруг оживленно заговорили.

– Сипкалюк, ты встретила его? – молодая женщина нежно обняла ее. Она знала заветные мечты Сипкалюк.

Сипкалюк со стоном вздохнула. На лице ее по-прежнему было написано страдание, но в глазах светилась радость.

– Сипкалюк! – Тымкар шагнул к ней.

Она бросилась навстречу, спрятала в его одежде лицо, обхватила мужа руками, зарыдала.

– Тымкар… ты пришел?

Эскимосы переговаривались все громче. Байдары, стоящие на воде, опустели. Тымкар и Сипкалюк были окружены плотным кольцом.

– Да, я пришел…

Ветер крепчал.

– Хок-хок-хок! – закричал какой-то старик и пошел к байдарам.

Вся масса двинулась за ним, увлекая Тымкара и Сипкалюк.

– Это твой отец, – все еще в слезах говорила Тыкосу мать.

Мальчик удивленно смотрел на Тымкара. Тыкосу шел седьмой год.

Вместе с сыном отец влез в байдару так уверенно, как будто готовился к этому с вечера. И только тут он увидел Тагьека и его жену – краснощекую Майвик.

Берег шумел, люди махали руками, что-то кричали, смеялись. Теперь им будет о чем

поговорить!

Под парусами, с попутным ветром флотилия кожаных байдар удалялась к острову в проливе Беринга.

Погода разыгралась. Скалистый западный берег неприветливо встречал эскимосов. Волны с шумом разбивались о него.

Байдары стороной огибали остров.

Весь путь Сипкалюк не отрывала глаз от Тымкара. У него выросли черные усики, между бровей наметилась морщина. А во взоре была видна то нежность, то угрюмая задумчивость. Он держал сына на руках.

Ни Майвик, ни Тагьек – никто не нарушал безмолвия. Кто знает, то ли они понимали, что их слова были бы лишними, то ли пустой болтовней опасались прогневить духа моря, который и без того уже гневался…

Приспущенный парус шумел. Днищем байдара пошлепывала по воде, быстро соскальзывая с гребней волн.

Сипкалюк тоже молчала. Радость сменялась тревогой: останется ли Тымкар с ней? Или опять уплывет неизвестно куда и зачем?

Тымкар пытался понять, что же случилось. У него сын, сынок! Как он раньше не подумал об этом… Но куда они плывут? В Ном? Тымкар поморщился. Это большое стойбище американцев было ему противно.

Берег становился более пологим: остров кончался. За ним, совсем близко, стоял остров поменьше, а потом – опять море до самых скалистых гор.

На первых байдарах послышались голоса. Эскимосы прощались. Три байдары слегка изменили курс, направляясь за пролив; две пошли к маленькому острову, и лишь байдара Тагьека нацелилась на восточный берег большого острова.

– Где станем жить? – в голосе Тымкара слышалась тревога.

Майвик поспешила ответить, что они живут на этом острове.

– Однако ты болтаешь пустое! – недовольный, перебил ее Тагьек.

Сипкалюк и Тымкар повернули головы к нему.

Тагьек сказал, что завтра они поплывут в Ном, что на острове они и так уже провели две зимы.

Действительно, после ночного посещения Олафом Эриксоном с приятелями эскимосского поселения близ Нома минуло уже два года. А ведь именно тогда Майвик удалось уговорить мужа покинуть американский берег. Но Тагьек согласился выехать только на один год, чтобы запасти побольше моржовых клыков. Теперь наступала уже третья зима…

В Америке Тагьек неплохо устроился с костерезным делом. Раньше каждый мастер-эскимос сам носил свои изделия на обмен, теперь все поделки у соседей забирал Тагьек, разрисовывал их и сбывал в Номе. Он давал мастерам не меньше, чем они получали сами. Для оплаты у него всегда был запас нужных товаров. Многие эскимосы ему задолжали. «Рук много, – прикинул тогда Тагьек, – это хорошо. Не хватает только кости. Совсем мало стали добывать моржей. Однако у чукчей всегда есть излишки моржовых клыков – выдержанных, полежавших в земле». Изделия из такой кости – потемневшей, красивой – ценятся особенно дорого. Тагьек задумался. Совсем не стало зверя у этих берегов. К тому же Майвик… Уже много лет просилась она к родным, просилась и Сипкалюк, которая в ночь прихода Эриксона успела выскочить и скрыться у моря. И Тагьек решил тогда поехать за моржовой костью и запасти ее сразу на несколько лет. Так он оказался на острове между Азией и Америкой. Майвик упросила его остаться еще на год – и вот теперь опять начинается тот же разговор… Нет, Тагьек больше сдаваться не собирается.

Майвик рассуждала по-своему: тут она родилась, тут прошли ее лучшие годы, там она потеряла дочь Амнону. Пришли американы и утащили дочь. Нет, не хочет Майвик жить на том берегу!

– Ночевать будем здесь, – сказал Тагьек, – а утром соберем полог – и в Ном.

Майвик не хотела и слушать. «Совсем, видно, забыла, что она женщина, – подумал Тымкар. – Разве может женщина выбирать место, где жить?» Но подумал так Тымкар вовсе не потому, что не хотел оставаться на острове: наоборот, ему бы тоже хотелось остаться здесь, откуда видны его родные места. Но ему никогда не приходилось наблюдать такое неповиновение со стороны женщины. Как может она так говорить с мужем?! Он посмотрел на Сипкалюк.

– Я здесь хочу, – как будто понимая немой вопрос Тымкара, тихо сказала она, озираясь на Тагьека.

– А есть у тебя свой полог?

Она отрицательно качнула головой.

Волны начали слегка захлестывать байдару: изменился курс. Все стихли. Еще ниже спустили парус.

На берегу виднелось несколько землянок. Из них выходили люди.

Островитяне с интересом смотрели на Тымкара. Кто он и зачем сюда явился? Острова всегда считались эски мосскими. Но женщины быстро разгадали, в чем дело. Они осмотрели его, Сипкалюк, взглянули на Тыкоса и зашептались.

Все они одеты были так же, как одевались чукчи. Но лица у них были более округлые, кожа почти светлая.

Хозяева помогли вытащить на берег байдару Тагьека. Им очень хотелось спросить его об этом большом и, как видно, сильном чукче, но присутствие Тымкара мешало немедленно удовлетворить законное любопытство.

Немного смущенная Сипкалюк взяла мужа за руку и повела к одной из землянок. Все смотрели им вслед. Женщины тихо высказывали свои предположения; старики пыхтели трубками: им не нравилось нарушение неписаных законов – эскимоска привела к себе чукчу!

Проходя мимо стоящих у землянок людей, Тымкар здоровался по-чукотски. Ему отвечали, но холодно, скупо, едва слышно.

Тымкар насчитал десять землянок. Почти около каждой из них торчали вкопанные в землю китовые ребра для просушки пушнины и шкур, для вяления на солнце мяса и моржовых голов; на них же убирали зимой от собак кожаные байдары.

Неподалеку журчал ручей. Около него лакала воду черная лохматая собака. Она подняла морду и внимательно оглядела Тымкара; с высунутого красного языка сорвалось несколько капель воды.

У берега лежали две большие байдары и несколько маленьких. Вот и весь поселок.

Землянка Тагьека, как и многие другие, врезана была в склон. Кровля и боковые стены выложены дерном. В стенах – сквозные отверстия: днем их открывают, чтобы в наружную часть жилья проникал свет. Внутри – полог: комната из оленьих шкур мехом наружу.

Открыв незапертую дверцу, Сипкалюк ввела Тымкара внутрь. Тяжелым запахом гнили и сырости дохнуло навстречу.

– Вот… – произнесла она, – наша землянка.

– Немелькын, – похвалил Тымкар, все еще не отпуская от себя Тыкоса.

Мальчик охотно сидел у него на руках: это так приятно, теперь все видят, что у него тоже есть отец. Но как только они вошли в землянку, где их никто уже не видел, Тыкос потянулся на землю и, выскользнув из рук Тымкара, помчался к малышам-приятелям сообщать необычайную радость. «Это твой отец, Тыкос», – повторял он про себя слова матери.

Вернулся Тыкос лишь к ужину, когда все давно уже были в сборе: и Тагьек, и его непокорная и говорливая жена Майвик, и их дети – сын Нагуя и дочь Уяхгалик, и Сипкалюк, и Тымкар.

– Тымкар, – обратился Тыкос к отцу, – все спрашивают: где был твой отец так долго?

– Га, замолчи! – шикнула на него мать.

Ее испугали такие вопросы сына. Разве можно узнавать, если человек сам не говорит! Так можно его прогневить. Сипкалюк самой хотелось о многом спросить мужа и – главное:

будет ли он теперь всегда жить с ними? Но она боялась этого вопроса, опасалась спугнуть Тымкара, прогневить и его и духов. А тут еще лезет Тыкос!

– Мама, все спрашивают – Тымкар с нами жить будет?

– Э-эх, замолчи! – уже и Тагьек и Майвик зашикали на него.

Нагуя и Уяхгалик, перестав есть, уставились на Тыкоса круглыми глазами, не понимая, почему все взрослые сердятся на него.

Тымкар сидел на брусе, отделяющем спальную часть от наружной (меховой полог был заброшен наверх). В правой руке он держал нож, отрезал им куски вареного мяса, захваченного зубами и левой рукой. Нож блестел у самого рта.

Все семеро окружили деревянный поднос, заваленный тюленьим мясом.

В наружной части землянки потрескивал костер из плавника. Языки пламени лизали черные от копоти бока и днище большого чайника. Дым тянулся к входной дверце и отверстиям в стенах.

После молчаливого ужина женщины начали стлать шкуры для сна. Справа – для Тагьека и Майвик, за ними – детям, а в левой части полога – Сипкалюк и Тымкару.

Полог оказался сплошь занятым телами людей.

Вместо подушек был округлый брус, покрытый краем мягкой оленьей шкуры.

Майвик опустила входную шкуру полога, и все внутри погрузилось во мрак: летом жирников не зажигали.

Тымкар, а за ним и Сипкалюк слегка высунулись наружу, подсунув головы под опущенный меховой занавес.

Костер догорал. Звездочки искр перескакивали с места на место, постепенно растворяясь во тьме.

…Утром раньше всех проснулся Тыкос. Переполз через мать к отцу, начал водить ручонками по его усам. Затем, поймав ресницы, открыл глаза.

Тымкар улыбнулся, поднял сына, посадил на себя верхом.

Сипкалюк слышала их возню, но притворилась спящей.

Вскоре отец и сын поднялись и вышли.

Море штормило.

Побродив по берегу, они начали подниматься к плато на вершине острова. Тыкос бежал впереди, войдя в роль проводника: он показывал примечательные чем-либо места и спешил дальше. Отец шел следом, иногда окликая и задерживая его – этого худенького невысокого мальчугана с прямым носом и черными глазами.

Тонкий ледок, которым за ночь покрылись ручейки и впадины между кочками на вершине острова, еще не выдерживал тяжести человека, трещал под ногами.

Тымкар оглянулся. Землянки слились со склоном местности. Берег был безлюден. За узеньким проливом, совсем близко, виднелся остров, раза в три меньше этого. На нем тоже не было заметно людей, хотя и там жили эскимосы. А за островком, за просторами водной глади, где-то далеко-далеко находились горы Аляски.

Сердце Тымкара защемило: пока он зимовал там, погибли его родные. Он отвернулся. На западе едва проступали очертания берегов. Там он родился, там погребены мать и отец, там во льдах погиб брат Унпенер.

– Тымкар! – сын подбежал к нему. Мальчик разрумянился, глаза возбужденно горели, на одном торбасе развязалась завязка, концы ее волоклись по прихваченной морозом траве. – Тымкар! Ты что стал? Идем! Я покажу тебе, где мама поймала зимой песца.

– А у вас шаман есть? – спросил отец: он видел в землянке Тагьека связку амулетов-охранителей.

– У нас шамана нет. Шаман в Наукане, у бабушкиной сестры.

Отец и сын пошли дальше.

Из страха перед духами Тымкар не смел рассуждать, хорошо это или плохо, что на острове нет шамана, но лицо его немного просветлело, и он быстрее зашагал за Тыкосом, который нетерпеливо и укоризненно оглядывался на отца, не поспевавшего за ним.

У Тымкара есть сын… Да удивительно ли это: Тымкару уже двадцать пять лет! Сипкалюк назвала сына Тыкосом. Отцу приятно, что сын носит чукотское имя. Она, видно, надеялась его встретить… «Ты встретила его, Сипкалюк?» – сказала ей вчера какая-то эскимоска в Наукане.

– Тыкос! – подозвал он сына. – Море прибивает к острову плавник?

Тыкос повел его к юго-западному побережью: туда иногда море приносило лес.

Глядя на идущего впереди сына, Тьгмкар чувствовал какое-то новое для себя волнение, тихое, приятное, туманящее взор. А он и не знал, он и не думал! Воспоминания будоражили его, рождали стремление что-то делать, искать, действовать. Он построит себе землянку, они станут жить с Сипкалюк. Она принесла ему сына Тыкоса.

Эскимосы не прогонят его, а чукчи не узнают, что у него жена эскимоска… Он добудет много песцов и получит за них ружье и патроны. А тогда будет много жира и мяса, всего и всегда будет много. Потом вместе с эскимосами он купит деревянный вельбот и, возможно, даже мотор. На вельботе можно далеко уходить в море, где много моржей и нерп. У Тыкоса всегда будет еда и жир. Потом Сипкалюк родит дочь. Разве все это плохо? – спрашивал он себя. – Разве не так должны жить настоящие люди – чукчи? Разве его отец Эттой не говорил Тымкару об этом?

Эттой, мать… Что скажет там отец (Тымкар посмотрел на небо), если он будет жить с эскимоской. Отец будет недоволен… «Отец! Ты сердишься, отец?» Но зачем он добровольно ушел туда? Разве он не хотел, чтобы Тымкар поплыл за пролив? «Эттой! Ты – мой отец, скажи, разве неправильно поступил я?» И Тымкар прислушивался к говору прибоя, как будто волны могли ответить ему за отца. «Пусть, Эттой, я стану жить здесь. У нас будет много детей, они будут чукчи. Я добуду им ружья и байдары, научу их делать гарпуны и снасть. Они станут хорошими охотниками. Потом мы вернемся в Уэном. И тогда мы станем жить так, как должны жить чукчи: все будем охотиться и все делить поровну между всеми – ведь все люди одинаково хотят есть. Разве не так всегда жил наш народ? Разве не за это чукчи называются луораветланами – настоящими людьми?» Тымкар снова прислушался к рокоту моря. Они с Тыкосом уже почти спустились вниз. «А еще я буду много рисовать на моржовых клыках, я нарисую все, что знаю о чукчах. Тыкос, а потом его дети узнают, как жили люди. Это все сделаю я – Тымкар из Уэнома! Но пока… пока я не вернусь туда, Эттой, хорошо? Разве я уже не нарисовал Уэном для Сипкалюк?» Тымкару снова вспомнился таньг с бровями, как крылья у летящей чайки. «Как научился он палочкой рисовать то, что каждый из нас говорит? Ройс и Джон тоже умеют так рисовать (только едва ли они хорошие люди). Но почему же мы – настоящие люди – не умеем так? Лучше бы я не видел всего этого!.. Так было бы лучше. Много видел – много хочешь, а много хотеть – станешь жадным и злым, как Кочак…»

Тымкар направился к бревну, прибитому волнами к берегу. Около бревна уже суетился Тыкос. «Но разве я много хотел? Только ружье и Кайпэ. О, Омрыквут хитрый и жадный, он отдал ее Гырголю. У Гырголя много оленей, и он еще жаднее Омрыквута. Он стал даже купцом, как Джон-американ. Все чукчи теперь ему должны. Но это неправильно, раньше этого не было, – так говорил ты, Эттой, – мой отец. Это очень нехорошо, если люди тебе должны, это стыдно».

На берегу только одна лесина да несколько мелких обломков, источенных водой и разбитых о скалы. Тымкар начал шевелить набухшее бревно.

«Построю ярангу. Тыкосу тепло в ней будет. Он вырастет здоровым и сильным. Я добуду ему ружье. Он станет хорошим охотником и возьмет себе в жены самую лучшую девушку. У них всегда все будет. Когда состарюсь, стану у них жить, и мне не придется умирать добровольной смертью. Я не буду в тягость Тыкосу и его детям».

Нет, Тымкар не допустит повторения того печального года, когда он уплыл за пролив!

С трудом взвалив на плечо бревно, он начал вслед за Тыкосом сгибать остров, направляясь обратно. Бревно тяжелое. Но Тымкар идет бодро. Нет, теперь никто не скажет ему, что он «зря ходящий по земле человек», и никто не скажет ему, что он убил человека. У

него есть жена и сын, у него будет своя яранга. Потом он добудет ружье и патроны. Тыкосу будет легче жить, чем ему. Тымкар расскажет сыну обо всем. Разве нельзя сделать жизнь лучше? Ничего, он, Тымкар, сделает это! К тому же хорошо, что здесь нет шамана. Наверное Кочак, если бы чукчанка привела эскимоса, прогнал бы его. «Кочак, однако, слабый шаман… Разве я убивал человека?!»

– Тымкар! – стоя у мыса, издали кричал Тыкос. – Иди быстрее, вот наша землянка.

Тымкар донес бревно почти до жилища Тагьека и сбросил его с плеча. Бревно глухо ударилось о землю. Затем Тымкар снова нагнулся, приподнял его сначала за один конец, потом за другой, подложил под него камни, чтобы лучше просыхало, не гнило.

И тогда без слов все поняли, что он остается жить с ними на острове.

В землянке Тагьека слышались возбужденные голоса: это ссорилась Майвик с мужем.

– Вижу, жадность вселилась в тебя! Дочь потерял, меня американы опоганили – все тебе мало? Лучше умру, чем поеду туда!

– Ум теряют с такой женой, – возмущался Тагьек. – Видно, время худых лет настало, если женщина так говорит.

– Вот беда! – вздыхал костерез. – Как же я могу остаться?

– Не нужно мне такого мужа. Живи один. Иди в другую землю, ищи другую жену, пусть она родит тебе Нагуя и Уяхгалик, – играла Майвик на любви мужа к детям. – Кому нужен такой муж?

Гнев бросился Тагьеку в лицо. Он кричал, угрожал, но Майвик упорствовала.

Тымкар в землянку не заходил.

– Молчать не стану! – снова услышал он слова Майвик.

Вскоре все стихло. Тагьек смолк, задумался. Как быть ему, что делать? Не может же он бросить семью, оставить их без жилища, без байдары! «Придется, видно, еще зимовать здесь, – раздумывал он. – Весной съезжу один в Ном, соберу заказы, дам кость моржовую. Эх, беда с Майвик!..»

На следующее утро Тымкар проснулся раньше всех.

Жирник выгорел, потух, в пологе было свежо. Тымкар оделся, вышел.

Вершины обоих островов присыпало снегом. В проливе появились льды, они шли к югу.

«Моржи, там должны быть моржи!» – подумал Тымкар, вглядываясь в пролив. Он знал, что моржи все время держатся на южной кромке льдов; в начале лета вместе с дрейфом они поднимаются на север, поздней осенью спускаются к югу.

Глаза Тымкара зажглись азартом; ведь он так давно не был на моржовой охоте!

Он быстро поднимался по склону острова, чтобы лучше рассмотреть льды. На них должны быть морские животные.

Пролив хмурился, по-осеннему низко нависло небо; под ногами со звоном ломался тонкий ледок; травы, мхи и лишайники слегка запорошил снег.

Тымкар всматривался в пролив. Там, на льдах, ему чудились черные точки. Он протер глаза. Черные точки оставались на месте.

– Моржи! – крикнул он. – Моржи! – и, как мальчишка, помчался в поселок будить Тагьека.

– Моржи, Тагьек! Много моржей! Льды пошли!

Тагьек неторопливо поднялся, сел.

Проснулись Майвик, Сипкалюк, вскочил восьмилетний Нагуя, зашевелился Тыкос. И только совсем маленькая Уяхгалик, разбросав ручонки поверх оленьей шкуры, продолжала спать.

Последние годы Тагьек больше занимался костерезным делом и уже несколько отвык от охоты. Нужные ему клыки моржей и без его участия в промысле все равно попадали к нему: он платил за них чаем и табаком. А теперь, после того как он побывал на Восточном мысу, у него очень много клыков. Их ему хватит на всю зиму, и еще достаточно останется для Нома, куда он поплывет весной – уж если не на постоянное жительство из-за упорства

Майвик, то во всяком случае, чтобы собрать свои заказы, обменять их на товары, расплатиться с мастерами и дать им новые заказы.

– Много моржей? – зевнув, лениво переспросил Тагьек.

– Много, очень много! – волновался, не понимая его медлительности, Тымкар.

Тагьек почесался, набил трубку, закурил.

«Где это видано, – удивлялся Тымкар, – чтобы человек спокойно курил, когда на льдах проходит морж!» Однако он молчал: ведь не он здесь хозяин, даже землянка – не его. У них с Сипкалюк нет ни гарпуна, ни снасти, ни байдары. И Тымкару опять вспомнились обидные, но справедливые слова о том, что он – «человек, имеющий только тело»..»

У Тагьека есть байдара, есть ружье. Больше на острове ни у кого нет оружия. Но байдара, годная для охоты на моржей, есть еще одна.

Майвик уже встала, залила жирник, зажгла его, подвесила над ним чайник. Тыкос оделся и теперь нетерпеливо смотрел на отца. Ему очень хотелось вместе с ним пойти в море. Нагуя, полуодетый, сидел рядом с отцом, не проявляя, как и его родитель, особого интереса к сообщению Тымкара.

– Однако это хорошо, – наконец сказал Тагьек.

Оделся, вышел.

У землянки послышался его крик.

– Хок-хок-хок! – будил он эскимосов.

Было еще совсем рано. Полуодетые мужчины выглядывали из землянок.

Подняв поселок, Тагьек вернулся в жилище, сказал Тымкару:

– Мы с тобой теперь люди одного очага. Вот мое ружье, бери его. Моя байдара на берегу. Зови людей, отправляйся. Мы все, однако, давно не ели моржового сердца и почек, – с этими словами он протянул ему свой винчестер.

Тымкар бережно взял ружье, вынул из чехла, любовно провел рукой по стволу. Еще в Уэноме ему довелось впервые как-то выстрелить из ружья Кочака: он ходил в море с его сыном. Потом – в Номе – Тагьек иногда давал ему свой винчестер. И вот теперь снова он становится почти владельцем этого ружья! «Нет, видно, не напрасно я остался здесь», – думал Тымкар, торопливо собираясь в море. Эскимосы поглядывали то на байдару Тагьека, то на его землянку. Но Тагьек не выходил.

В поселке было полсотни ртов, но охотников только пятнадцать, остальные – женщины, старики, дети.

Байдарная артель издревле комплектовалась из восьми охотников: один – на носу байдары с копьем и гарпуном, другой – на руле, шестеро гребцов. Почти все в артели обычно приходились (родственниками хозяину байдары.

Кдгда Тымкар в сопровождении Тыкоса вышел из землянки, первая байдара уже отчалила.

Заметив чукчу, стоявшие на берегу насупились: они только что хотели сами идти к Тагьеку и попросить у него байдару. Ни один эскимос не вправе отказать в этой просьбе, если байдара стоит без дела.

– Этти, – по-чукотски поздоровался с ними Тымкар. Ружье привело его в превосходное настроение. К тому же разве не он первый увидел моржей? А это большая честь.

Недружелюбно ответили на поклон эскимосы.

– Тагьек дал мне винчестер и байдару. Скорее собирайтесь!

Люди на берегу переглянулись. Тымкар держит себя просто. Он зовет их с собой на промысел. У него – винчестер, единственное на острове ружье. А на зиму у всех так мало запасено мяса.

Тыкос уже суетился около байдары, укладывал на гальку тонкие жерди плавника, по которым байдару покатят к воде.

– Вы медлите, однако, я вижу? – удивился чукча. И вдруг понял, что эскимосы не хотят видеть его на положении «байдарного хозяина». Ведь он – чукча…

Тымкар еще никого не знал по имени. Тут были и пожилые охотники, и молодежь, и

женщины, старики, дети.

– Тымкар! – кричал сынишка отцу. – Скорее!

Островитяне улыбнулись, видя, как Тыкос сам пытается сдвинуть байдару с места.

– Я сяду стрелком на нос, – быстро нашелся Тымкар. – Кто из вас будет за рулем, на корме?

Это место «байдарного хозяина». Он командует в море всеми.

Стоящие на берегу повернулись к невысокому старику. Обычно ему Тагьек отдавал свою байдару.

Емрытагин улыбнулся: он заметил нетерпеливые взоры охотников. Даже собаки, видя, что все повернулись в одну сторону, казалось ему, уставились на него…

Эскимос что-то сказал, засмеялся и направился к байдаре. Еще шестеро охотников последовали за ним.

…Тымкар стрелял хорошо. Трех моржей добыла за день его байдарная артель. Под вечер добычу поделили поровну между всеми. Толстые шкуры расщепили надвое. И, зная, что Тагьек не имел права и не мог взять плату за пользование байдарой, но зная также, что ему нужны клыки, – все шесть бивней отдали Тыкосу…

Довольные, эскимосы расходились по своим землянкам, соглашаясь друг с другом, что новый островитянин, пожалуй, человек толковый…

* * *

С каждым днем крепчали северные ветры. Днем и ночью тяжелые волны грохали о берег. Низкая облачность закрыла оба материка; даже соседнего острова почти не было видно. На семь-восемь месяцев люди теперь оказались отрезанными от всего мира. Правда, когда станет в проливе лед, иногда они будут ездить на собаках в гости к эскимосам на соседний остров, но мало разнообразия внесет это в их жизнь.

Ручей стал. Каждое утро теперь Сипкалюк отправлялась колоть пешней пресный лед. Сейчас это было еще нетрудно.

Тыкос часто уходил в меховой кухлянке к берегу. Он то со страхом глядел на гребни больших волн, боясь, что вода унесет его, то собирал выброшенных морем моллюсков, морскую капусту, раковины, обломки плавника на топливо, красивые круглые камешки разных цветов и оттенков. Нагуя и Уяхгалик, такие же румяные, как их мать, всюду бродили за ним, Впрочем, Тыкосу это даже нравилось: он чувствовал себя проводником, открывающим им тайны моря и острова…

Тагьек получил от соседей-костерезов первую партию заказанных им изделий – мундштуков, ножей, ручек, брошек, моделей шхун и теперь был занят гравировкой и разрисовкой. Он мало выхолил из землянки. Большинство эскимосов тоже сидело дома: в море охоты нет, песец еще не выбелил шкурки, не укрепил мех. Охотники вываривали в пахучих травах капканы, женщины шили обувь, вышивали, занимались хозяйством, а в свободное время вместе с подростками бродили по берегу, собирая водоросли и плавник.

Тымкар изучал остров. Здесь ничто не мешало мечтать, разговаривать с собой. Одиночество укрепляло его душевные силы.

Дни шли. Ветер стих. И остуженное им море сразу же начало густеть, укрываться на зиму льдом от холода.

Небо прояснилось. Тихой, но твердой поступью зима входила на остров.

Как-то утром, выйдя из землянок, эскимосы увидели лишь кое-где небольшие разводья дымящейся на морозе воды. Острова торчали из льдов.

На широких лыжах охотники заспешили к разводьям: там должны быть нерпы, а люди уже целый месяц не пробовали свежего мяса, да и жира запасено не так уж много. А сколько еще впереди дней пурги!

Тымкар смотрел на серое небо. Лишь кое-где темные пятна говорили о разводьях: небо, как мутное зеркало, отражало замерзший пролив.

С ружьем Тагьека Тымкар отправился на промысел. Широкие лыжи давали ему возможность передвигаться ио тонкому еще льду.

Эскимосы проводили завистливыми взглядами охотника с ружьем. Они вооружались копьями и гарпунами.

Разве удивительно, что Тымкар раньше других возвратился и приволок три жирные усатые нерпы? Другие охотники добыли по одной-две нерпы, а кое-кто возвратился и с пустыми руками. Но все равно в этот вечер в их землянках варилось свежее мясо: может быть, завтра они окажутся удачливее тех, кто поделился добычей с ними сегодня, и тогда они поступят так же.

Все длиннее становилась ночь. Остров обледенел, без шипов на обуви и остроконечного посоха стало трудно ходить. Ветер валил с ног, забивал дыхание. Достаточно было упасть, чтобы ветер сбросил человека за сотни метров вниз, к торосам. В такие дни эскимосы почти не выходят из землянок.

Лишь на два-три часа показывалось солнце. Немощное, желто-оранжевое, оно с трудом выкарабкивалось к горизонту, ползло к югу, не имея сил оторваться от льдов, и, усталое, вспухшее, уже вскоре начинало гаснуть в зыбкой трясине морозных испарений, оставляя по своему следу невысокие оранжевые столбы, такие же холодные, как и оно. И снова наступали сумерки. Горизонт становился ближе, небо сливалось с землей. Темнело. Ночь, длинная ночь опускалась на острова и пролив, накрывала окраины двух материков, нередко расцвечиваясь сполохами полярных сияний.

Пугливо озираясь, выползали из нор и лежек волки, лисицы, песцы и зайцы. Принюхиваясь, они отправлялись на промысел. Сколько маленьких трагедий свершается за каждую длинную ночь! То послышится писк зайца, то топот оленей, обезумевших от близости волков, то жалобный вой и возня попавшего в капкан песца…

Ночь цепко охватывала землю.

Утром, еще затемно, охотники выходили осматривать капканы, чтобы за короткий день успеть побывать всюду, где надо.

Вернувшись, они молча снимали шкурки с добытых зверей, раздевались, ели и засыпали. Утром – снова идти на промысел.

Жены сушили их пропотевшую одежду и обувь.

Костерезы засиживались допоздна. Горели жирники, освещая их бледные лица, склоненные над работой.

Так шла жизнь. Она была страшна и непонятна Джонсону и Эриксону, исправникам, миссионерам, чужеземцам, но постоянные обитатели полярных стран умели в ней находить радость: видеть суровую красоту полярного дня и холодного зимнего солнца; растить свои силы в борьбе с пургой, умея побеждать ее; восхищаться нагромождением сверкающих льдов; понимать величественную красоту родного края. Охота, рыбная ловля, находки мамонтовых клыков, осенние ярмарки с оленеводами, праздник раздачи, торговая пляска, подбрасывание на шкуре, жертвоприношение морю, праздник благодарения – как все это увлекательно! Нет, ни чукчи, ни эскимосы не желали бы себе лучшего края. Здесь они родились, росли, любили. Здесь жили их предки.

Полярный край своей суровостью помогает человеку стать сильным и телом и духом, учит побеждать, не дает праздно нежиться, пользуясь обильными плодами земли, согретой тропическим солнцем. Белые ночи летом и полярное сияние зимой, леденящий ветер, захватывающий дыхание, миражи среди ледового моря, нескончаемые косяки уток, перелет гусей и журавлей, светлые озера, неповторимые закаты – это Север. Человека, побывавшего на Севере, всегда будет манить в этот край!..

Для Тымкара и Сипкалюк жизнь начиналась как бы вновь. Им нужна была землянка, ездовые собаки, байдара, нарта, снасть, капканы, котел, чайник. Ничего этого нет. Все, все нужно Тымкару и Сипкалюк. Не могут же они и следующую зиму тяготить собой Тагьека и Майвик! Каждый должен иметь свой полог, если он хочет быть достойным уважения. А кому же не хочется считаться настоящим человеком, таким, чтобы на него не смотрели, как на

жалкого бедняка и неудачника. Это тем более необходимо было Тымкару – чукче среди эскимосов.

Два больших события произошли в жилище Тагьека в один из коротких зимних дней: Тымкар принес первого добытого им на острове песца, а старик сосед подарил Тыкосу щенка.

Тыкос и Сипкалюк учили щенка лакать мясной отвар, когда у входа появился Тымкар.

– Какомэй! – радостно воскликнул он, увидев щенка в их руках: он понял, что счастье сегодня посетило его семью.

В землянке послышались возгласы радости: охота Тымкара была удачна.

И только Тагьек невозмутимо и сосредоточенно продолжал гравировать брошку.

Тымкар быстро, но бережно снял со спины тушку пушистого зверя и опустился на колени, наклонясь над щенком. Тот – слепой, беспомощный, пегий – дрожал, слабо попискивал и тыкался мордой в мерзлую землю. Тымкар взял его на руки, заглянул в мордочку и осторожно положил за широкий ворот своей меховой рубахи, Щенок глухо заскулил, барахтаясь где-то у пояса. Тымкар улыбался.

– Передовиком будет! – уверенно произнес он.

– Сука, – по-чукотски добавила Сипкалюк.

Улыбка еще шире разлилась по лицу Тымкара. Через год-два собака принесет ему пол-упряжки, через три-четыре года у него будет своя нарта, будут свои собаки!

– Где взяли? – радостный, спросил он жену.

– Старик Емрытагин дал, – быстро ответил Тыкос и не без чувства превосходства оглядел Уяхгалик и Нагуя: конечно, им тоже хотелось бы иметь свою маленькую собачку.

– Как станем называть? – ко всем обратился Тымкар, ощупывая за поясом смолкшего в тепле щенка.

Все задумались. Действительно, как назвать этот комочек живого мяса, когда еще ничего неизвестно: какая это будет собака, да и выживет ли она зимой без матери, молока и тепла. Но тем не менее имена начали предлагать. Все это были какие-то эскимосские, ничего не значащие для Тымкара клички.

Он отрицательно покачал головой. Ему хотелось, чтобы имя собаки было приятным, чтобы оно напоминало что-нибудь хорошее, радостное. Тымкар вспомнил имена отцовских собак, но почему-то они не нравились, хотя напоминали многое.

Лицо Тымкара мрачнело, рождалась злая мысль назвать собаку Гырголем или даже Омрыквутом, Кочаком, Янки… «Но ведь она – сука…» Да к тому же разве приятно будет ему так часто вспоминать этих людей?

Щенок снова жалобно заскулил. Тыкос через кухлянку отца дотронулся до него.

«Эта собака принесет мне счастье, – убеждал себя Тымкар. – У нее должно быть хорошее имя».

– Мы станем звать ее Вельма, – торопясь, слегка покраснев, вдруг объявил Тымкар и опустил глаза. Ему было неловко: ведь на реке Вельме было стойбище, где жила Кайпэ…

– Вельма? – настороженно переспросила Сипкалюк. – Но, может быть, это имя человека? Я где-то слышала такое слово.

– Может быть, – согласился муж. – Но разве это плохо?

Сипкалюк не стала перечить мужу.

– Что ж, пусть будет так, – согласилась она.

Весь вечер Тыкос и Тымкар возились с Вельмой.

Тыкали мордочку в мясной отвар, всовывали в рот кусочки мяса, поили теплым чаем. Щенок был им так же дорог, как бывает дорог теленок бедному крестьянину. Как же можно на Севере охотнику жить без собак! На них он выезжает во льды на промысел, объезжает далеко поставленные капканы, едет за мясом в соседнее поселение, когда наступает голод; им доверяет себя и нарту, потеряв в тундре ориентировку, и, наконец, ценой своей жизни собаки нередко спасают жизнь охотника, если долгая пурга застигает его вдали от стойбищ и поселений, обрекая на голодную смерть…

…Зима была в разгаре. Все сильнее и продолжительнее дула пурга, все больше времени приходилось охотникам отсиживаться в землянках. Даже льда наколоть и то почти невозможно в такую погоду. Женщины растапливали снег, нарубив его глыбами тут же, у жилищ, и, едва не задушенные ветром, потом долго отдыхали в наружной части землянок, прислушиваясь, как медленно успокаивается сердце.

Запасы мяса и жира быстро уменьшались, а охоты все не было. «Что станем делать?» – все чаще думали матери и отцы, глядя на детей и прислушиваясь к вою ветра. Экономили – гасили второй и третий жирники. В землянках и днем и ночью стояла тишина: полуголодные люди спали – спали ночью, спали днем. Так спокойнее: меньше тревожных мыслей, не так чувствителен голод. Мертво и страшно было в такое время поселение. Даже костерезы, и те, теряя от недоедания силы, больше лежали, чем работали. Пурга действует угнетающе и на сытого, согретого человека, что же говорить о голодных!

Просыпаясь, люди пили горячую воду, ели раз в сутки, прислушивались к пурге и снова дремали, натягивая на себя ветхие оленьи шкуры, ежились, плотнее прижимались друг к другу. Лица темнели, опухали.

Уже давно у Тагьека кончились запасы привезенных продуктов; даже табак, и тот был на исходе. Тагьек курил редко, сон помогал ему беречь не только силы, но и табак.

В полудреме Тымкар прикидывает, сколько и чего он мог бы получить за добытые им шкурки песцов и лисиц. Но где же зимой можно обменять их на продукты или товары? К тому же часть добычи он подстрелил из ружья Тагьека. Разве не должен он половину отдать ему?

Сипкалюк думает о своем. До встречи с Тымкаром она чувствовала себя в семье дяди второй хозяйкой. Теперь же ей кажется, что и она, и Тымкар, и Тыкос в тягость Тагьеку и Майвик. Ей стыдно, что у нее с мужем и сыном нет своего жилища.

– Тымкар… – тихо, чтобы не услышали дядя и тетя, шепчет она мужу, плотнее прижимаясь к нему, губами почти касаясь его уха. – Тымкар, мы должны иметь свой полог. – Ее бьет озноб.

Тымкар приоткрыл припухшие глаза, повел ими в сторону Майвик и Тагьека.

– Да, у нас будет своя яранга, мы построим ее, – рукой он ласкал маленькое лицо жены.

За спиной матери, сонный, что-то бормочет Тыкос.

– Стихнет пурга, – продолжает Сипкалюк, – я тоже пойду ставить ловушки на зайцев. Ты сделай их еще. Я знаю места… – Ей холодно, дрожь мешает ровно и спокойно говорить. – Я знаю места, где есть песцы. Там я ловила прошлую зиму.

Тагьек закашлялся. Сипкалюк и Тымкар смолкли.

«Маленький остров, мало зверя», – думает Тымкар, и перед его взором начинает проплывать безбрежная тундра – Мечигменская, Амгуэмская. И так без конца, без конца. Мхи, травы, озера, ручьи и речки, стойбища, утки, олени, куропатки, кочевники-оленеводы, Гырголь, Кутыкай, Омрыквут, Ляс… Потом – Кочак, чернобородый янки, большое стойбище американов за проливом, опустевший родной очаг. Богораз… «Желаю тебе, юноша, счастья!» Вот оно, счастье: эскимоска-жена, голод и холод, чужой шатер. Тымкар съежился сильнее, подоткнул заиндевелую у подбородка шкурку под плечо.

Кожаные стены полога, слабо освещенные огнем одного жирника, отсвечивают зеленоватым светом, снизу они покрылись изморозью.

Вповалку спят две семьи.

За землянкой – ветер, порывистый, злой. Кроме него, ничего не слышно вокруг. Только поскуливает щенок, тычется мордой в грудь Сипкалюк. Она оттаскивает его прочь. Он уже зрячий, научился жевать мясо. Сипкалюк наливает ему теплой воды из чайника, висящего над жирником. Вельма лакает.

Лишь через двое суток стало заметно стихать. Люди вышли из жилищ.

Вокруг землянок – сугробы. Все впадины между торосами заметены снегом. Пурга вдоволь натешилась и начала спадать. Метет поземка. Небо чистое, морозное, восход ал. Солнце уже чуть оторвалось от горизонта. День прибывает! Теперь пурга уже не будет такой

темной, гнетущей: сквозь ее снежную завесу начнет проникать солнечный свет. Но долог еще путь зимы!

…Щенок взрослел. Тыкос, Нагуя и Уяхгалик не давали ему покоя: он жил вместе с ними в спальном помещении. Пищи сейчас хватало всем. Еще затемно Тымкар уходил на промысел. Чаще всего он спускался к замерзшему проливу и среди дрейфующих в отдалении льдов разыскивал участки чистой воды. Там теперь была жизнь! Нерпа – животное, ей нужен воздух, у нее – легкие, и она обитает именно в таких местах. Туда же являлись и белые медведи, тоже охотясь за нерпами.

В спокойные дни скорость дрейфа невелика. В ветреные дни он страшен. Скорость его увеличивается, торосы громоздятся друг на друга – шум, скрежет, обвалы. Тогда очертания разводий быстро меняются, льды дают трещины, одни поля отходят от других, часто лишая охотника возможности выбраться на берег. И если северные ветры вынесут такое ледяное поле за пролив к югу, гибель человека неизбежна. Разве только изменится направление ветра и льдину понесет обратно или случайно где-либо натолкнется она на остров. Но все это мало вероятно: море велико, как тундра.

Однако безветренных, безопасных дней не так уж много зимой на Севере. Не только Тымкар, но и другие охотники вынуждены были выходить на промысел в неспокойные дни.

Лишь после удачной охоты на морского зверя Тымкар уходил за песцами и лисицами, хотя именно за их шкурки летом приобретали у купцов такие нужные всем товары. Но нерпа – это жир для отопления, мясо для еды, шкурка для одежды.

Вот и сегодня: почти все мужчины охотились в проливе, и вдруг от острова подул ветер! Старики, женщины и подростки выскочили из жилищ, начали всматриваться в льды. Там – мужья, сыновья, братья. Что будет, если льды унесут их?

Эскимосы напряженно вглядывались вдаль. Кое-где видны черные точки.

Но кто это? Где остальные?

А остальные, почувствовав, что лед под ногами едва заметно закачался, уже бросали найденные разводья и спешили к берегу.

Тымкар тоже был на промысле. Из ружья Тагьека он подстрелил нерпу, выволок ее закидушкой на лед и, спрятавшись за торос, выжидал появления второго зверя. Но зверь не показывался, а ветер крепчал. Тымкар посмотрел на остров, и вдруг сердце его замерло: ему показалось, что кто-то держал на палке, как флаг, цветную камлейку – знак опасности для охотников, предупреждение о необходимости спешить с возвращением.

Тымкар сильнее сощурил глаза, чтобы лучше видеть. Сомнения не было. Сердце застучало громче. Вскочив, он быстро накинул на себя упряжь, к концу которой была привязана нерпа, и заспешил к острову. Нерпа заскользила по льду, роняя на него капли крови.

Тымкару почудилось, что лед под ногами колеблется, плывет… И хотя охотнику не впервой было скакать с одной движущейся льдины на другую, но замеченный им в поселении сигнал сильно тревожил его.

Ветер дул от острова.

Тымкару казалось, что прошло уже достаточно времени, чтобы достигнуть неподвижного ледового припая близ острова. Но он все еще шагал по движущемуся, плывущему льду.

С острова видели, как ветер разворачивал огромное ледяное поле; лишь один его край еще касался берегового припая.

Тымкар уже отчетливо различал людей и сигнал на острове: кто-то нес на шесте цветную камлейку, указывая не то ему, не то кому-то другому путь. Тымкар повернул к северу, хотя ближе было бы идти прямо. Но и там, и справа он вдруг увидел полосу чистой воды… Сердце замерло, потемнело в глазах.

Сквозь застлавшую глаза пелену Тымкар все же сумел разглядеть, что полоса воды к северу все сужалась и, наконец, клином упиралась в льды. «Туда, туда!» – стучало в голове Тымкара. Словно сами собой устремлялись туда ноги. «Туда, туда!» – показывали ему

сигналами с острова.

И то ли действительно наступили сумерки, то ли потом заливало глаза, но Тымкару казалось, что очень быстро темнеет. Нерпу он не бросал. Нагнувшись вперед с багром в руке, он волок ее за собой то по торосам, то через щели между ними, то по колени проваливаясь в рыхлый снег. В глазах совсем темнело.

Льды все больше разворачивало от острова.

– Хок-хок-хок! – доносились до Тымкара отдаленные звуки. – Хок-хок…

Тымкар почти бежал вдоль кромки чистой воды, туда, где она уже упиралась клином в лед. Кровь колотилась в висках. Губы пересохли, глаза были широко открыты.

Но бросить нерпу он не решался.

Сипкалюк металась по берегу. Она подбегала то к Тагьеку, то к Тыкосу, хватая его, уже большого мальчика, на руки, то вдруг останавливалась, глядя на мужа, то бежала почти наравне с Тымкаром, отделенным от неё зловещей полосой черной воды, которая, как раскрывающийся веер, становилась все шире и шире…

Дорвавшись до воды, свирепея, ветер срывал брызги и нес их туда, где был Тымкар.

Спускать байдары было опасно: разве выгребешь обратно против ветра! А байдара быстро обледенеет.

Видя, что Тымкар не бросает нерпы, эскимосы громко ругали его: разве он не понимает, что гибнет?.. Гибнет Тымкар! Успеет добежать, пока еще одним концом льдина упирается в береговой припай, – быть ему живому, не успеет – прощай, Тымкар…

Сипкалюк с растрепанными ветром волосами сидела на снегу, обеими руками обхватив Тыкоса, подавленная, беспомощная. Она уже почти не видела Тымкара: слезы застилали ей глаза.

А черный веер раскрывался все шире.

Но Сипкалюк не суждено было вторично овдоветь. Тымкар успел перебраться на неподвижный лед берегового припая.

Эскимосы радостно зашумели, побежали навстречу. И только Сипкалюк, не удержав Тыкоса, осталась неподвижно сидеть на снегу. Силы оставили ее. Она тихо плакала, и слезы каплями вмерзали в ее одежду из шкур.

Льды уносило на юг.

Глава 24
УРОК ГОСТЕПРИИМСТВА

Весна в этот год выдалась ранняя. Льды быстро уходили на север. И сразу же, как только стало очищаться море, контрабандисты устремились к азиатским берегам. Разными широтами тяжело груженные шхуны пробирались к Чукотке и Камчатке.

С подзорной трубой, как адмирал, на мостике «Морского волка» стоял сам чернобородый янки. Минувшей зимой его шхуна побывала в доке. Там сменили двигатель, сделали ледовую обшивку, выкрасили шхуну под цвет моря, вооружили. Никакие встречи в открытом море не страшны были теперь «Морскому волку».

Чернобородый вышел из Нома и держал курс на острова в проливе Беринга. Зимой ему посчастливилось сделать приличный бизнес: по сходной цене он закупил большую партию залежалых товаров. Коммерция эта обещала высокие прибыли. Но сейчас главное было даже не в этом: главное – первому посетить как можно больше поселений и собрать в них пушнину.

Янки спешил.

– Полный вперед! – то и дело кричал он в машину, отрываясь от подзорной трубы.

Шхуна быстро лавировала между крупными льдинами. По бортам шуршала мелочь. Иногда ощущались небольшие толчки. Но хозяин командовал «полный вперед», и моторист выполнял приказание.

Вдали уже виднелись острова.

Капитан поглядел на часы, зажег потухшую сигару.

– Самый полный вперед! – гаркнул он снова.

– Есть, хозяин, самый полный вперед, – послышался ответ.

Но скорость не увеличилась: двигатель и без того работал на пределе.

Солнце спускалось к горизонту. Еще два-три часа, и оно, ненадолго растворившись в зареве заката, начнет снова взбираться вверх. А с началом дня эскимосы могут уйти на промысел, и придется напрасно тратить время, ожидая их возвращения. Надо поспеть к острову до начала охоты.

За долгие годы общения с народами крайнего северо-востока Азии владелец «Морского волка» изучил их быт, мог обходиться без переводчика.

«Язык…» – посмеивался он в густую бороду. Немелькын – хорошо, этки – плохо, неушка – девушка, тумга-тум – друг-приятель, акамимель – спирт, песец, лисица, клык – вот и весь язык, так полагал он. «Да и какой может быть у дикаря язык, – обычно говаривал он приятелям в Штатах, – если ум взрослого эскимоса подобен уму трехлетнего американского ребенка». Об этом свидетельствует в одном из своих трудов и американский «ученый»-эскимосовед.

Острова приближались. Издали они казались мертвыми, но на самом деле в этот час там кипела жизнь. Эскимосы только недавно возвратились с промысла, поделили добычу, разнесли ее по ямам-хранилищам, и теперь женщины варили мясо, а старики важно расхаживали от землянки к землянке.

Берег пустел. Все меньше виднелось людей, и вскоре лишь один Тымкар продолжал вкапывать в землю китовое ребро: он начал строить свою землянку.

Закат пламенел. Пролив расцветился перламутром с оранжево-зелеными прожилками.

– Тымкар, – Сипкалюк выглянула из землянки дяди. – Иди, ты устал, однако.

В ее руках была иголка с тонким сухожилием вместо нитки. Сипкалюк шила меховой полог из шкур: их собрали эскимосы почти из каждой землянки.

– Э-эй! – вдруг возбужденно воскликнула она. – Смотри, смотри! Шхуна идет, Тымкар! – она совсем вылезла из землянки, вся склонилась вперед, приложив ладонь ко лбу, над глазами.

Действительно, к острову подходила шхуна. Тымкар удивился, что сам не заметил ее. Сердце его радостно застучало. Шутка ли, после долгой зимы у них сейчас будет чай, табак и кумач на камлейку Сипкалюк! А может быть, удастся получить и винчестер? Глаза Тымкара загорелись. Он радостно закричал на весь поселок:

– Хок-хок-хок! Шхуна идет. Поднимайтесь, однако.

Сипкалюк уже скрылась в землянке, растолкала Майвик; Тагьека не было дома, он накануне отправился в Ном. Майвик заторопилась, хотя ей и нечего было собирать для обмена: все шкурки, полученные от Тымкара за пользование винчестером, муж забрал с собой. Но все равно, кто же не выходит встречать первую шхуну! «Ничего, – думала она, – лучше идти к шхуне с пустыми руками, чем плыть в Ном».

Ей пришлось и весной выдержать серьезный бой с Тагьеком, но переселиться вновь за пролив она отказалась наотрез. И Тагьек отплыл один, пригрозив, что не вернется совсем.

Прихватив с собой меха, эскимосы вышли на берег, начали готовить байдары к спуску на воду.

Шхуна бросила якорь.

Чернобородый спустился с мостика и направился к трюму-лавке. По той спешке, с какой эскимосы собирались на берег – в подзорную трубу он отлично это видел, – янки безошибочно определил, что явился сюда в эту навигацию первым.

Отперев дверь плавучей лавки, купец зашел за прилавок, зажег фонарь, оглядел товары, закурил. Ароматный дымок сигары струйкой потянулся вверх. Хозяин поглаживал богатую черную бороду.

Шхуна слегка покачивалась.

За морем и берегом теперь наблюдал вахтенный.

Эскимосы что-то мешкали. Они столпились, спорили. Пользуясь свободной минутой, янки открыл бутылку рома. Ром веселит сердце, с ним легче торговать.

На острове Тымкар говорил эскимосам:

– Это человек лукавой речи. Берегитесь его. Я не дам ему ни одной шкурки. Пусть отсохнет мой язык, если я говорю пустое!

«Но кто знает, верно ли говорит этот чукча?»– думали островитяне. Трудно верить человеку, когда хочется курить, хочется крепкого чаю. Ведь целую зиму с таким нетерпением они ждали этого радостного дня.

– Как можно отказываться от обмена? – неодобрительно заметил один из стариков. – Так никогда и никто не поступал из нашего народа.

Подростки окружили взрослых, заглядывали им в лица, прислушивались к словам, сгорая от нетерпения. Как медлительны эти старики!

– Тымкар, – подступила к нему жена. – Старики гневаются. Пусть…

– Если ты женщина – молчи! – гневно оборвал он ее.

Обиженная грубостью, Сипкалюк отошла от него. Зачем он так сказал ей при всех?.. Разве она хочет ему зла? Он еще никогда так не поступал с ней.

Суеверные эскимосы колебались. Кому же приятно начинать торг, когда этот чукча каркает, как ворон.

А Тымкар все говорил. Он рассказывал, как янки угостил уэном дев дурной водой, а потом, когда чукчи потеряли разум, он соблазнял их товарами и увез его за пролив.

– Возможно даже, что он – не человек…

– Черт их подери! – вслух выругался владелец «Морского волка». – Разве за этим я шел полным ходом, чтобы теперь терять время из-за этих дикарей? Эй, на палубе! – гаркнул он, задрав бороду вверх. – Где же эти «индейцы»?

Эскимосы по-прежнему стояли толпой на берегу.

– Однако в его голове верные думы, – поддержал Тымкара старик Емрытагин, подаривший зимой Тыкосу щенка. – Если обманщик – зачем станем торговать? Есть и другие «сильные товарами люди». Подождем.

«А верно ли это?» – думали другие. Женщины стояли опечаленные, но еще надеялись, что торг состоится. Среди мужчин было явное замешательство. Высказав все, гневный Тымкар хотел уже уходить, как вдруг в толпе произошло движение. Со шхуны спускали шлюпку.

– Берегитесь, обманщик это! – еще раз возбужденно выкрикнул Тымкар.

В шлюпке стоял чернобородый янки. Высокие голенища его сапог были пристегнуты ремешками к кожаным брюкам. За поясом торчал пистолет, в зубах – сигара. Двое матросов гребли.

Эскимосы косились на оружие. Они терпеть не могли, когда к ним являлись вооруженные люди.

– Ну вы, черномазые! – еще из шлюпки приветствовал их янки. – Чего чешетесь? Вам разве не нужны товары?

Смущенные речами Тымкара, люди на берегу молчали. Никому не хотелось первому лезть в это сомнительное дело. А вдруг это не человек, а дух?

– Нам не нужны твои товары! – хрипло и дерзко выкрикнул вдруг Тымкар по-чукотски и вышел из толпы вперед.

Эскимосы повернулись к нему, на всех лицах был испуг.

Шлюпка подходила ближе. По берегу Тымкар шел к ней навстречу. Он первый схватил брошенный матросом конец, но вместо того, чтобы помочь причалить, швырнул его обратно.

– Э-эх! – ахнули в толпе.

Шлюпку развернуло на волне, она накренилась, стоявший янки резко качнулся, выронил изо рта ситару, схватился руками за борт.

Гребцы выправили крен, начали отыгрываться на волне, не двигаясь ни вперед, ни назад.

До суши оставался десяток шагов. Чернобородый узнал Тымкара. «Почему он здесь?»

Матрос вторично бросил на берег конец, но Тымкар вновь перехватил его и отшвырнул обратно. Янки выпрямился, выхватил из-за пояса пистолет. Островитяне снова ахнули, расступились. Тымкар схватил круглый камень, занес руку над головой. Выстрела не последовало: янки заметил, что на берегу еще несколько человек нагнулось за камнями, и – опустил оружие.

– Кто звал тебя сюда? Убирайся, откуда пришел! Обманщик ты. Нам не нужны твои товары. Мы возьмем их на другой шхуне! – кричал возбужденный Тымкар.

Эскимосы ужаснулись его дерзости.

Было трудно поверить, что их ушам довелось слышать такие слова.

Тымкар осмелел. Он видел то свирепый, то растерянно-беспомощный взгляд своего врага. Янки взглянул на часы, достал и закурил сигару. Шлюпка побалтывалась на волнах.

Мелькнула мысль применить силу: в руках эскимосов так много пушистых шкурок. Но, видя толпу хмурых людей на берегу, он не решился на опрометчивый шаг. Однако и бездействовать было несвойственно владельцу «Морского волка». На берегу его ждала пушнина. Наконец ему необходимо было спешить к Джонсону, чтобы тот не успел сделать свой личный бизнес – продать часть пушнины на другую шхуну.

Выпитый ром и сильные затяжки сигарой пьянили. Впервые за долгие годы его не пускали на берег. И кто? Дикари с камнями в руках. Позор! Потерять остров… «Ах, негодяй!» – он пристально разглядывал Тымкара.

Островитяне испуганно смотрели то на Тымкара, то на шлюпку.

– Эскимосы! – сделал еще одну попытку чернобородый. – Я привез вам хорошие товары…

Но с берега никто не отозвался.

– Обманщик он. Берегитесь!

– Год-дэм, собака, – прошипел янки. – На шхуну! – скомандовал он гребцам. – Собака! – повторил он. – Я научу тебя гостеприимству, – и сплюнул сквозь зубы.

Шлюпка начала удаляться. Как только она стала недосягаемой для камней, янки повернулся и выстрелил в Тымкара. Но корму шлюпки в это время приподняло волной, и пуля ушла вверх. Он нажал гашетку второй раз – пуля зарылась в воду.

– Ничего, я проучу тебя!

Вскарабкавшись по штормтрапу на палубу, он кинулся к корме.

– Пушку!

Он сам прицелился в толпу и дернул шнур. Раздался выстрел. Эскимосы в ужасе попадали на землю.

– Перелет! – крикнул вахтенный с мостика.

Янки выпалил вторично. Ядро шлепнулось в воду у самого берега, забросав лежащих эскимосов галькой и обдав водой.

– Бегите! – крикнул кто-то.

Все кинулись врассыпную.

Третье ядро угодило в землянку Емрытагина. К счастью, в ней никого не оказалось.

Остров опустел.

– Экипаж, ко мне! – скомандовал капитан.

Два моториста и двое рулевых выстроились перед ним.

– Видели? – он сверкал черными глазами, то и дело поглядывая на поселение. – Надо научить их быть гостеприимными!

Матросы переглянулись. Это были молодые парни, впервые попавшие на шхуну.

– Возьмите оружие. Я поддержу вас с борта.

Последние слова еще больше озадачили экипаж:

«поддержка» могла угодить прямо в них…

– Пушнину и ценности забрать! Можете прихватить с собой девчонок.

Команда, казалось, приросла к палубе. «Нас четверо, – думали парни, – а эскимосов…»

– Ну! – владелец шхуны уставился на них.

– Куда с ними! – здоровенный моторист презрительно оглядел остальных. – Эх, капитан, давай с нами! Уж мы наведем там порядок!

– Скоты, трусы… – яростно жестикулируя, выкрикивал янки. – Высажу всех в первом порту!

Но сам возглавить эту операцию он не решался, понимая, что из нее можно и не вернуться…

– Вам свиней пасти, а не плавать, дармоеды, бездельники. Поднять якорь! Быстро!

«Морской волк» взял курс к мысу Дежнева.

Озираясь, эскимосы собирались к разрушенной землянке Емрытагина. За ней, до половины уйдя в землю, лежало чугунное ядро.

Еще никогда не приходилось островитянам слышать таких сильных выстрелов и видеть круглые пули величиной с голову лахтака – пули, которые могут разрушать жилища. Как все это случилось? Почему? Виноват Тымкар или прав?

Однако не напрасно он говорил, что янки – плохой человек, Да человек ли он? Разве станет человек стрелять в людей? Только злой дух мог разрушить землянку Емрытагина…

В конце концов эскимосы убедили сами себя, что видели кэле, что Тымкар был прав, и, не послушай они его, все могло получиться гораздо хуже.

Уже никто не ложился спать, не думал о промысле, хотя в проливе шли моржи. Чтобы обмануть злого духа, помогали старику Емрытагину поскорее растащить по частям разрушенную землянку. Он построит ее подальше отсюда, за мысом. Кто же станет жить в том месте, которое посетил злой дух!

Глава 25
ТРЕВОГИ ДЖОНСОНА

Глухие стоны доносились из комнатки Мартина Джонсона. Они то стихали, то усиливались, наводя на молодую женщину страх. У двери чукчанка настороженно прислушивалась к странным звукам.

Дверь была захлопнута на английский замок.

За последнее время все чаще Джонсон спал неспокойно. Даже днем, если уходил, он теперь ни на минуту не оставлял в комнате никого. При нем приходилось убирать, топить печь, накрывать на стол.

Странный американ. Ее он называл Гизели, хотя это вовсе не ее имя и она никогда не слышала такого странного имени. Он запретил ей надевать одежду из шкур, заставил ходить в холодных таньговских платьях, не велел ей бывать в ярангах чукчей и даже у матери. Гизели снова прислушивалась к стонам за дверью. Ей было страшно. Чукчанке казалось, что это стонет не Джонсон, а вселившийся в него злой дух…

Джонсон ворочался. Ему снилось, что его грабят. Сонный, он хватался за горло, чтобы не дать его перерезать. И все же кровь, горячая, красная, пробивалась сквозь пальцы…

Захлебываясь обильной слюной, он проснулся, повел глазами вокруг, посмотрел на руки, огляделся, сел. Пот, липкий, холодный, покрывал все тело.

Широко раздвинув колени, Мартин заглянул под кровать. Люк в полу был закрыт. Джонсон облегченно вздохнул. «Значит, это был только сон». А там, под полом, в стальном ящике по-прежнему сложены тугие пачки долларов.

За эти годы Джонсон заметно изменился. Больше стало морщин и седых волос, ослабело зрение, расшатались нервы. Джонсону казалось, что он все чаще замечает недружелюбные взгляды чукчей, хотя внешне они ничем не проявляли своей антипатии.

Надев меховые носки, он заходил по комнате. Масса забот обременяла его: не загнила бы пушнина; не обокрали бы складов (хотя такого никогда и не случалось); не обнаружил бы чернобородый личного хранилища Джонсона, если «Морской волк» зайдет сюда раньше других шхун (впрочем, Билл Бизнер обещал ему, что приплывет первым); не убили бы его

самого с целью грабежа: ведь у него скопилось порядочно долларов, не считая банковских квитанций, которые ежегодно привозит ему хозяин как плату за его службу (Мартин, разумеется, не знал, что все эти квитанции фальшивые). И наконец заготовки: теперь он скупал у береговых жителей и ремни, и обувь, и жир – все то, что нужно оленеводам. Заготовлял он и мясо, которое во время нередких голодовок раздавал чукчам в долг.

После завтрака Джонсон вышел из дому.

Льды уже ушли. Весна выдалась ранняя. С часу на час можно было ожидать шхуну.

У склада не было ни души. Да там, кроме заготовок, ничего уже и не хранилось. Остатки товаров увез Гырголь еще по санному пути.

Мартин подошел к складу, отпер двери.

На перекладинах рядами висела пушнина, а прямо на земле лежали шкуры белых медведей, моржовые бивни, китовый ус, местной пошивки обувь для аляскинских рудокопов. Все находилось на своих местах, все было цело.

Джонсону стало обидно, что за все эти заготовки он получит от хозяина только семьсот пятьдесят долларов, если чернобородый не сдержит слова – увеличить оплату до тысячи.

«Но не такой Мартин Джонсон дурак, – подумал он, – чтобы продаться за двести пятьдесят долларов». И, закрыв склад, он направился к своему личному хранилищу, помещавшемуся на краю поселения.

Сложив руки за спиной, дымя сигарой, он шагал по селению. Чукчей не было видно: они ушли на промысел моржа. Только женщины выглядывали из яранг. Они не здоровались с ним, как бывало раньше.

Джонсон усматривал в этом нечто недоброе, и снова сомнения начали точить его…

На большой яранге висел замок. Охрану Джонсон снял, чтобы не привлечь внимания чернобородого. Он отпер ярангу, вошел.

Здесь до самого потолка высились тюки упакованной пушнины. В правом углу были сложены китовый ус, бивни, бурдюки с жиром, обувь. «И это прикажете отдать хозяину за семьсот пятьдесят долларов?..» – улыбнулся Джонсон, щуря глаза. Он достал из кармана записную книжку. В графе «склад № 2» на первое июня под итоговой чертой значилось: десять тысяч.

На обратном пути он увидел Эмкуль, но она быстро скрылась в яранге. Вакатхыргин, как всегда, не поздоровался с ним. Он теперь никогда не приходил к нему в лавку, и Джонсон не знал, кто приносит ему для обмена на товары пушнину, добытую Вакатхыргином.

Прогулка по селению не улучшила настроения Мартина Джонсона. Наоборот, она усилила его мрачные мысли. И хотя ванкаремцы не проявляли к нему явной вражды, он чувствовал ее в каждом их взгляде, в каждом жесте.

Джонсон подумывал о переезде. Но согласится ли на это хозяин и есть ли еще такие «тучные пастбища»?

Снова запершись в комнате, Мартин отодвинул в сторону кровать, открыл люк, а затем – окованный железом сундук, в замке которого играла музыка. Пачки долларов и стопка вкладных квитанций Национального банка не отсырели.

Он снова уложил все на место.

Джонсон достал из кармана коврика последнее письмо отца. Тот звал его обратно, уверяя, что за давностью лет преследование против него не будет возобновлено. Отец беседовал об этом с шерифом. «Чудак все-таки отец! Разве я боюсь шерифа? Сколько он стоит, этот шериф? Пусть мне покажут такого, которого нельзя купить за сто долларов! Шериф… Если бы отец знал, что его сын – обладатель сотни тысяч долларов и не уедет отсюда, пока не накопит четверть миллиона, он не писал бы мне о шерифе».

Сунув письмо обратно, Мартин взял с полки прошлогодние журналы с рекламой и снова – в который уже раз – принялся подсчитывать, что и за сколько он может купить на свои сто тысяч. Только это занятие отвлекало его от мрачных мыслей. У него было много разных вариантов. Но ни в одном из них нельзя было упустить расход на женщин. И вот

тут-то Джонсон так остро чувствовал, насколько все же пока ничтожны его накопления! Ведь такие, как Элен из Нома, стоят тысячи…

Мартин взял «Журнал для мужчин» (в каждый рейс свежие номера этого журнала привозил ему хозяин) и занялся рассматриванием непристойных иллюстраций.

За окном что-то зашелестело.

Джонсон вздрогнул, ощупал в заднем кармане брюк револьвер, отошел в простенок, напряженно вслушиваясь. Шорох повторился. На лбу у Мартина выступил пот.

– Кто? – исступленно крикнул он по-чукотски.

Под окном тявкнула собака.

Джонсон облегченно вздохнул. Выпил стопку виски, чтобы успокоить нервы. «Ужасный край. Убьют и никто не узнает. Полная безнаказанность».

Опасения американца, однако, были напрасны. Никто не собирался его убивать или грабить. Правда, с каждым годом чукчи все больше его недолюбливали, называя человеком с дурным глазом и волчьим сердцем. Это прозвище укрепилось за ним с той зимы, когда он стал давать за пушнину вдвое меньше товаров, да так с тех пор и узаконил эти нормы… Были к этому и другие причины. И среди них прежде всего распространение в Ванкареме нехорошей болезни, которой до приезда Джонсона не было.

Если первые годы Джонсон жил спокойно, то теперь он боялся всего: грабителей, чукчей, Вакатхыргина, мужей своих бывших служанок, чернобородого янки. Он опасался, что хозяин, заподозрив его в нечестности, может расправиться с ним. Поэтому, когда тот приплывал, он на шхуну к нему не поднимался, виски много не пил и револьвер всегда держал при себе.

Но и тут Джонсон ошибался. Капитану «Морского волка» он был выгоден и нужен, и тот вовсе не собирался вводить себя в убыток. Он просто расплачивался с ним тем же…

Заметное оживление в поселке привлекло внимание Джонсона. Он вплотную подошел к окошку и увидел, что к Ванкарему подходит судно. Вскоре он узнал шхуну работорговца Билла Бизнера.

– О-кэй! – воскликнул Джонсон, радуясь, что чернобородый опоздал.

Глава 26
ВТОРОЕ УСИЛИЕ

Стояло полярное лето. Льды ушли, но их близость чувствовалась в холодном дыхании моря. Лишь изредка южные ветры приносили сюда влажное тепло. И тогда низкая облачность и туманы делали совсем неприветливыми и Михайловский редут, и тундру, и море, и город Ном.

Сейчас было свежо и тихо. И псе, кто не работал по найму, вышли на морской промысел. Только Василий Устюгов не показывался из избы. Третьего дня он закончил ремонт своего бота, прошпаклевал и покрасил днище и теперь ждал, пока просохнет краска. Но готовил он свой «корабль», как в шутку называли в семье бот, уже не для промысла. Было решено всей семьей пробиваться в Россию. Не мог больше Василий здесь оставаться, смотреть на свой дом, где теперь какой-то янки открыл лавку, чувствовать на себе недружелюбные взгляды дельцов, переносить их надменное высокомерие, видеть, как в услужении у трактирщика его сын становился лакеем.

Не удалось уговорить только деда.

– Никуда отсель, Васильюшка, не тронусь, наша это земля, – упорно твердил старик.

Дед числился сторожем при храме, и никакие доводы не могли поколебать его.

– Твое дело молодое. Решай, – говорил он, – а меня не трожь, не береди душу.

Было ясно, что с дедом ничего не поделаешь: он остается.

Времена изменились. Теперь уже редко кто уговаривал Василия отказаться от его планов. Многие тянулись на исконную родину предков. Как добраться? – вот главное затруднение, которое еще останавливало их.

Устюговы жили у отца Савватия. Батюшка овдовел, и ему нужна была помощь по хозяйству в его больших хоромах.

Сегодня Савватий ушел в Ном, Колька последний день работал в трактире, дед где-то бродил, Наталья стряпала на кухне.

Василий рылся в библиотеке отца Савватия. Еще подростком, как и все сверстники, Устюгов окончил церковно-приходскую школу. Он любил книги. А книг у батюшки было много. Их присылали ему из других городов и даже из России. Были тут сочинения Пушкина, графа Толстого, записки о герое-исследователе Юкона Лаврентии Загоскине, декларация Авраама Линкольна, книги об индейцах, о первом правителе русских владений в Новом Свете Александре Баранове, о русском Колумбе Шелехове, о кругосветных плаваниях белопарусных кораблей. Василий знал от отца Савватия, что русские владения в Новом Свете начинались мысом Барроу на севере и оканчивались в Калифорнии фортом Росс у Золотых Ворот, где ныне город Сан-Франциско. Их населили мореходы, мастеровые, промышленные люди, монахи, хлебопашцы из сибирских, вологодских и архангельских крестьян. В городе Новоархангельске – столице Аляски – они построили верфь, создали театр, библиотеку, музей. Знал он и то, что острова Алеутские, Чугацкие, Берингоморские, Кадьякский архипелаг – тоже русские. И чем больше он узнавал, тем понятнее ему становилось упорство деда, тем больнее сжималось его собственное сердце. «Не может того быть, чтоб экое богатство задарма продали, – думал он. – Неладно тут что-то». Но что именно неладно, ни в книгах, ни в беседах ему выяснить не удавалось. Видно, чтобы мысль эта не беспокоила умы таких, как он, американцы и распространяли тысячами открытки с изображением чека на семь миллионов двести тысяч долларов, выданного ими в уплату за русские владения в Новом Свете. Однако это настойчивое стремление убедить всех в законности сделки внушало Василию только сомнение. «Неладно, неладно тут что-то», – повторял он, протягивая к полке руку за новой книгой.

Ему жаль было расставаться и с книгами. Вообще эти дни Василию было не по себе. Он нигде не находил места, бродил повсюду, как бы прощаясь с землей, где родился и вырос.

«За рекой Славянкой, – читал в одной из книг, – стали появляться испанские и французские миссии, где тысячами работали в кандалах рабы-индейцы. Опасаясь этих миссий, аборигены приходили из лесов в форт Росс, приносили на обмен козьи меха, кедровые орехи, лососей, медвежатину. У русских индейцы научились прясть шерсть, заменяли ножи из вулканического камня ножами сибирской работы…»

Устюгов снова задумался, опершись плечом о стойку с книгами.

«Рабы»… Знал он, что и теперь порою исчезали люди. Говорили, что их увозят на кораблях и продают в рабство. «Как можно жить в такой стране?.. – думал он. – Вот Наталью снасильничать хотели, батю зашибли насмерть, разорили…» Вспомнились суд, переход пролива, Ройс, Джонсон, Пеляйме. «Остановлюсь у него, – прикидывал он. – А там, глядишь, подвернется какой русский корабль. Сказывал этот самый Богораз – много, мол, добрых земель по реке Амуру. Занимай любое угодье. Леса, говорит, богатые, зверя всякого, рыбы много. А главное – люди-то кругом свои, православные. Там и до начальства дойду, спрошу: «Это как же, мол, так – русские-то люди тут маются? Аль вы не знаете про них?..» Глядишь, озаботятся. Но как ни ладно все получалось в мыслях, а сердце Василия щемило и щемило. Тридцать с лишним лет прожил он здесь, дед и отец всю жизнь провели на Аляске, а он вот задумал уезжать… «Тяжко. Неладно все как-то вышло…»

Из кухни появилась Наталья, худая, бледная.

– Сходил бы на берег, поглядел. Подсох может. Скорее уж, что ли… Совсем извелась я, Вася, – она прильнула головой к его плечу.

– Принесет вот Колька вечером расчет, купим, что решили, в дорогу, а даст господь погоду – завтра и тронемся.

Наталья тихо плакала. Неизвестность пугала ее. Шутка ли, бросить все родное и податься в экую даль.

– Не изводись попусту. Бог милостив. Сыщем правду. Заживем.

– Верно, всей душой верю. Это я так… И трудно мне, но и здесь – до того ж тошно… Сил боле нету, Васенька. Ступай погляди корабль-то, – сквозь слезы в больших серых глазах уже улыбалась Наталья.

* * *

– Предерзостен ты, чадо! Ну, что ж, уж коль решился – благословлю, – отец Савватий перекрестил и трижды поцеловал Василия.

Провожающие стояли мрачные. Женщины всхлипывали.

– С богом, чадо! Поспешай!

Но Василий медлил, почти не слышал слов батюшки. Задумчивый, он нагнулся, взял горсть земли, завязал ее в платок и спрятал за пазуху. «Пусть смешается с землей российской».

– Святое дело свершил, сын мой, – одобрил Савватий.

Василий подошел к старику.

– Прощай, дед! Не поминай лихом!

– Не забывайте про нас, горемычных. До самого царя дойди, – напутствовал Устюгова пожилой многосе мейный сосед. – Все обскажи. Ведь нас тут, по Русской-то Америке, ох, много страдает! – вздохнул он.

Всех обошел Василий, со всеми простился по-христиански, а напоследок опустился на колено и поцеловал землю. Хоть и горькая она была для него, а все же родная. И чуяло, видно, сердце, что покидает он ее навсегда.

– Прощайте, люди, – зажав в кулак бороду, хрипло произнес он наконец и быстро пошел к борту, где уже давно сидели Наталья и Колька.

Отцу Савватию показалось, что по заросшему лицу Василия скользнула быстрая слеза.

…Ночуя в палатке на берегу, пять дней Устюговы шли морем вдоль берега на север, пока не достигли мыса Уэльского, откуда всего двадцать миль до островов Диомида в середине Берингова пролива. Потом, выждав погожий день, помолились и взяли курс на запад.

– Не печалься, Наталья. То мачеха наша была. Идем к матери родной. Радоваться надобно.

– С того и плачу! Не верится, что наконец-то среди своих будем. Радостные те слезы, Вася. Смелый ты у меня! Эдак никто еще не отваживался. Гляжу: открытым морем идем, а ты спокойный, как дома.

Колька, светловолосый подросток, с большими, задумчивыми, как у матери, глазами, стоял на носу бота, воображая себя капитаном. Он то и дело прикладывал ладонь козырьком над глазами, разглядывал острова.

Парус шумел. По борту пошлепывала волна. Василий сидел на корме. Одной рукой управлял рулем, другой – парусом.

– А как не будет ноне кораблей, зимовать-то где тогда станем? – спросила Наталья.

– Свет не без добрых людей. Есть у меня знакомый один – чукча Пеляйме. У него и приткнемся пока.

Ветер крепчал, Василий все ниже спускал парус.

– Ну, капитан, – окликнул отец сына, – скоро ль достигнем земли?

– До острова пять миль! – звонко прокричал Колька и снова отвернулся.

Наталья улыбнулась, довольная, что вот вырвался ее первенец на свежий ветер, а то совсем, гляди-ка, стал чахнуть парень.

* * *

Эскимосы помогли вытащить бот Устюгова на берег острова, увели путников в землянку, накормили.

– Ночуйте. Море гневается, – сказали они.

Островитянам не приходилось видеть, чтобы русские, как эскимосы, переселялись с одного берега на другой. Таньги издавна жили на обоих побережьях и выходили далеко в море только на больших кораблях. А тут какой-то таньг с женой и сыном перебирается за пролив. «Быть может, плохой человек? Возможно, в землянку позвали напрасно?»

Устюговы сидели в жилище старика Емрытагина. Жилище это отличалось от чукотской яранги только тем, что было наполовину вкопано в грунт.

– Почему уходишь? – по-русски спросил седой хозяин.

Колька хмыкнул: ему показалось смешным произношение старика. Мать дернула его за руку, строго посмотрела, и его веселье сразу исчезло.

– Разорили вконец. Невмоготу боле.

По выражению лиц эскимосов Василий догадался, что его не поняли.

– Отняли дом. Землянку отняли. Все забрали.

– Э-эх, – послышались сочувственные голоса. – Американы?

Устюгов утвердительно кивнул головой.

– Знаем. Жадные, обманщики, плохие людишки.

Помолчали.

– Однако, быть может, ты убил человека? Тебя искать не будут? – спросил старый Емрытагин.

Он слышал от Тымкара, как в Уэноме таньг-исправник искал другого таньга и хотел сжечь поселение и убить всех мужчин. Едва откупились пушниной тогда чукчи.

Нет, Устюговых никто искать не будет. Островитяне успокоились. Василий рассказал, что хочет дойти до самого большого начальника и поведать ему о том, как тяжко живут русские за проливом, как обижают их янки. Вначале слушатели приняли это за сказку, но сказка им понравилась. Они и сами могли бы многое рассказать о своих обидах на людей с того берега.

– Скажи тому большому таньгу-шаману – пусть прогонит американов. Раньше не было их совсем. Зачем пришли? Плохие. Так говорит, скажи, старик Емрытагин. Правильно я говорю? – спросил он островитян.

Все утвердительно закивали головами:

– Русские тоже есть плохие. Однако, мало. Совсем мало, однако. Такие пусть тоже не приходят.

Колька прилег и уже спал. Наталья боролась с дремотой.

Эскимосы переглянулись и начали выходить.

– Отдыхайте, – сказал Емрытагин. – Мы разбудим вас, когда заснет море.

Василий произвел на островитян хорошее впечатление. Прежде всего он смелый и сильный. Также не «одиноко едящий» он человек, а кушал вместе с ними: и то, чем они угощали, и свои продукты. Ничего не клянчил, не выпрашивал песцов и лисиц. А главное, у него в голове верные мысли. Видно, он мудр, хотя совсем еще молод.

Не успели еще Устюговы разложить постели, как в землянку чуть не вбежала Майвик и сразу – к Наталье:

– Дочь Амнону не видала в Номе? – глаза матери были широко открыты.

Нет, Наталья не знает такой эскимоски.

– А почему она там? Замужем?

Майвик заплакала. Потом она рассказала, как ночью, споив Тагьека, американцы унесли куда-то дочь.

– Может быть, Тагьек еще найдет ее, – утешала сама себя бедная женщина. – Опять пошел Тагьек за пролив.

– А давно это случилось?

Майвик снова залилась слезами.

– Пятнадцать лет только было Амноне, теперь – двадцать.

…Тымкар охотился в море, и как только он вернулся, Сипкалюк рассказала ему, что у

них на острове русский с женой и сыном.

– Василий звать его, – закончила она.

– Василий? – переспросил Тымкар, что-то вспоминая. – Какомэй! Борода есть? – Бросив недопитый чай, Тымкар быстро отправился в землянку старика Емрытагина.

Не тот ли это Василий, которого он знал еще в Уэноме? Однако, почему он плывет с женой и сыном?

Устюгов и Тымкар узнали друг друга. Чукча неизвестно чему очень обрадовался. Быть может, ему было приятно, что он встретил человека, знавшего его ярангу, его отца, мать и брата?

– Идем, идем, там Сипкалюк и сынок, – приглашал Василия Тымкар в жилище Тагьека.

Но Наталья сказала мужу, что неудобно обижать старика, и они остались.

Емрытагин с благодарностью посмотрел на жену Василия. «Умная женщина», – подумал он. Старику тоже хотелось послушать русского человека.

Тымкару вспомнилась своя нелегкая жизнь, и он охотно рассказывал о ней. Не упомянул он только ничего о Кайпэ.

– Теперь винчестер есть! – довольный, сообщил он. – Достал. Скоро собаки вырастут. Ничего. Сынок Тыкос у меня!

Василий рассказал о себе.

Лицо Тымкара стало строгим, когда он узнал, что у его друга американы забрали землянку.

– Как могли? Слабый ты разве стал?

Вмешался Емрытагин:

– Понапрасну, Тымкар, говоришь так. Разве ты не знаешь людей с того берега? Если русский уходит оттуда, значит, сердце его переполнилось болью. Кто захочет жить с такими людьми?

– Это верно, – согласился Тымкар. – Сам знаю.

– Откуда пришли эти лживые и хитрые американы? – спросил Устюгова старик. – Раньше мы не знали их. Только русские бывали у нас. Зачем пустили?

Василий рассказал все, что знал от отца Савватия, деда, из книг.

Емрытагин и Тымкар задумались.

– Время совсем худых лет настало, – тихо сетовал старик. – Как станем жить?

Но Устюгов не знал, что на это ответить. И он тоже замолчал.

Ушел Тымкар поздно ночью. Ум его был неспокоен. Воспоминания, горькая доля Василия лишили Тымкара сна. Он думал о людях, об их жизни…

…Море успокоилось лишь через двое суток.

Вместе с Устюговыми эскимосы вышли в море – на промысел – и проводили их до половины пути.

В проливе еще двигались льды.

Емрытагин причалил байдару к ледяному полю, разложил костер из припасенного плавника, согрел чай. И когда подошел отставший бот Василия, старик подал ему, Кольке и Наталье по кружке горячей воды.

– Пейте, однако, быстро. Мы здесь охотиться станем. Тебе нужно спешить. Твоя байдара медленная, а Уэном далеко.

Пропуская мимо себя льдины или огибая их, Василий шел к российским берегам.

Колька непрерывно палил из винчестера по угкам.

– Побереги, сынок, патроны, – вразумлял подростка отец.

Ему вспомнилось, как с Ройсом они остались совсем без припасов. Даже через этот пролив шел он тогда лишь с тремя патронами, которые дали ему в Уэноме чукчи на случай встречи с белым медведем.

Воспоминание об этом страшном переходе увело его к событиям минувших лет. Винчестер… Это все, что осталось ему от компании. Не спрячь он ружье после суда, описали бы и ружье…

Море было спокойно. Ветерок дул совсем слабый. Бот двигался медленно.

– Что пригорюнился, Вася?

– Вспомнилась та зима…

Наталья догадалась о его мыслях. «Уж не тут ли он тонул тогда?»

– Ничего, Вася. Смелым бог помогает.

– Вижу корабль! – не поворачиваясь назад, закричал Колька.

Действительно, за ледяными полями чернело что-то, похожее на корабль. Но уже вскоре стало очевидно, что это всего лишь чукотская байдара с поднятым парусом. За ней виднелись другие. И они также – многократно отраженные льдами – временами казались огромными фрегатами.

Вскоре охотничья флотилия кожаных байдар и бот сблизились. Это были уэномцы. Все они знали Устюгова.

Послышались возгласы радости и удивления.

– Это ты, однако?

– Этти!

– Василь! – вдруг громче всех раздался женский голос с одной из байдар.

Наталья вздрогнула.

Устюгов поднялся на ноги. На байдаре, откуда назвали его имя, сидели двое: мужчина и женщина.

– Василь!.. – кричал обрадованный Пеляйме, изо всех сил работая веслом.

Энмина, с копьем в руке, похожая в своей шапочке-шлеме на воина, широко улыбалась.

Через минуту молодой чукча-охотник уже перепрыгнул в бот. Он схватил Устюгова за плечи, хлопал по спине, смеялся.

– Смелый! Ох, смелый! – восторженно повторял Пеляйме. – Тумга-тум…

Наталья устыдилась своего подозрения и, тронутая встречей, прослезилась. Энмина смущенно улыбалась. Колька все так же стоял на носу, недовольный, что отец опустил парус и его «корабль» лег в дрейф. Для юного Капитана это переселение было увлекательным приключением, о котором он столько мечтал… Ему не нравилось, что отец не воевал с «пиратами», а обнимался…

– Какомэй… – Пеляйме только сейчас увидел женщину. – Твоя девушка?

– А это сын, Колька.

– Энмина, – вспомнил чукча про свою подругу. – Ты помнишь его, Энмина? Это Василь, – возбужденно говорил он ей, как будто не она первая узнала Устюгова и окликнула.

Другие байдары стали отходить. Каждому хотелось первому сообщить в Уэноме новость: «Таньг Василь тогда перешел пролив и теперь с женой и сыном переселяется к нам. Пеляйме и Энмина пересели к нему в байдару…»

– Это очень хорошо, что ты пришел, – не умолкал молодой охотник.

Колька снова вглядывался вперед. Все шло почти так, как хотелось его воображению: на его «корабле» «пленники», «пиратское» судно взято на буксир…

– Да, да! Это очень хорошо, Василь! Ты мой тумгатум. Ты смелый. Энмина, он перешел тогда на ту сторону, – говорил Пеляйме своей жене, как будто это не было ясно и без слов.

Пеляйме рассказал, что минувшей зимой Энмина перебралась в его ярангу. С тех пор он не оставляет ее одну дома. Она ходит с ним на промысел.

Энмина смущенно опустила глаза. Она была одета, как охотник, – в непромокаемые брюки из нерпичьих шкур, в такие же торбаса, плотно затянутые ремешками, и в легкую летнюю кухлянку. На ее поясе были закидушка и нож. И только черные косы, свисающие на спину из-под шапочки-шлема, выдавали в ней женщину.

В их байдаре лежали лахтак и нерпа.

– «Все равно заберу Энмину», – сказал мне Ранаургин. А я ответил: «Убью». Кочак говорит: «Ты нарушил правила жизни». Теперь всегда Энмина со мной, – закончил Пеляйме и задумался.

– Молодец, Пеляйме! Правильно поступил, – одобрил Василий, выслушав его рассказ.

Женщины молчали, а мужчины все говорили. Иногда, правда, Василий вставлял какое-либо английское слово, но тогда Пеляйме хмурил лоб, слегка поворачивал голову, и Устюгов повторял это слово уже на понятном другу языке – чукотском или русском.

А берег все приближался. И там, в Уэноме, уже знали новость.

Кочак хмурился. Не нравилось ему, что Пеляйме водится с этим таньгом. Уж не таньг ли виноват, что Ранаургин, сын его, остался без жены, а Пеляйме и Энмина нарушили правила жизни?

Ранаургин ходил злой. Он вспомнил, как Устюгов помешал ему унести Энмину в свой шатер.

Бот и байдары еще не причалили, а в пологе шамана уже слышались удары бубна.

– А где Ройс? – вопомнил Василий. «Как-то живется бедняге?» – подумал он.

– Ко-о. В Энурмино, однако, – ответил кто-то из уэномцев.

Глава 27
В БУХТЕ СТРОГОЙ

Все лето у берегов Чукотки сновали «Морской волк», «Китти», «Бобер» и множество других шхун. Русский торговый пароход подошел лишь в сентябре.

Опасаясь неприятностей с властями, капитан наотрез отказался взять на борт беспаспортную семью русского американца. Он посоветовал Василию отправиться за разрешением в бухту Строгую, где находился чукотский уездный начальник – барон Клейст, подготавливая перенесение туда своей постоянной резиденции из Славянска.

В закрытой бухте среди гор стояли шхуна уездного начальника и «Морской волк», знакомый Василию еще по Аляске.

Через несколько дней Устюгов поднимался на крыльцо дома, где временно поместился барон.

В приемной сидело на лавках несколько человек. Один из них – в черной косоворотке – обратил на себя внимание Устюгова своим быстрым и пытливым взглядом, которым он, казалось, хотел проникнуть в самые мысли Василия.

Василий поздоровался и присел на край скамьи. Он был прямо с дороги: в руках винчестер, за спиной котомка.

Из кабинета важно вышел высокий худосочный чиновник в зеленом мундире с металлическими пуговицами, неся под мышкой папку. Он оглядел сидящих.

– А ты что? Вызван? Фамилия?

Устюгов назвал себя, рассказал, кто он и зачем явился.

– Барон занят, – секретарь небрежно отвернулся и сбросил с носа пенсне. Оно блеснуло на солнце и, удержанное шнурочком, повисло на уровне живота.

Человек в черной косоворотке подсел к Василию.

– Будем знакомы, – он протянул руку. – Фельдшер Иван Кочнев.

Секретарь нараспев пробрюзжал из-за своего стола:

– Присутствие – не ярмарка. Его превосходительство терпеть не может… да и мне мешаете.

– Извините, – Иван Лукьянович стал говорить полушепотом.

За дверью слышался восторженный голос «его превосходительства».

– Как это любезно со стороны мистера Роузена! – Барон держал в руках иллюстрированные журналы, которые только что получил от капитана «Морского волка». – Передайте, пожалуйста, мою искреннюю признательность. Право, я теряюсь, чем мне благодарить его за такую заботу и щедрость, – Уездный начальник оглядел стол, где лежали подарки директора: золотой портсигар, блоки сигар, прекрасно изданные книги, А рядом, на полу, стояли круглые картонки с парижскими платьями для жены…

Чернобородый янки улыбался, дымя сигарой с золотым ободком. Он был в высоких

сапогах и кожаной куртке, на ремешке висел бинокль.

– Вы, американцы, истинные джентльмены. О, я это высоко ценю! Право, так надоели эти ваши Иваны. Но служба, служба. – Холеное лицо сорокалетнего остзейского немца выразило понимание печальной необходимости.

– Мистер Роузен, – заговорил капитан, – будет рад, узнав, что вы решили перенести свою резиденцию из Славянска сюда.

– Дорогой мой, скука, скука заставляет. Ведь отсюда до Нома – рукой подать!

– Мне поручено передать вам, что акционеры-организаторы избрали вас почетным членом-акционером компании.

– Что вы говорите! – уездный начальник показал в улыбке крупные зубы. – Но чем я заслужил такое расположение?

– И, как почетному члену, вам полагаются акции.

– Да? – немец засопел, заерзал на стуле. Но лицо его быстро приняло прежнее радушное выражение, когда он узнал, что за пачку акций, которые достал из кожаных штанов янки, ему платить вовсе не нужно. – Да, кстати, запишите себе, будьте любезны, – изящно продолжал он разговор. – Мне хотелось бы иметь сочинения Спенсера, Броунинга и, знаете, как ни странно, Толстого в английском переводе, – Он знал английский лучше русского.

Убедившись в полном расположении к нему уездного начальника, чернобородый наконец коснулся главного поручения директора компании:

– Мистер Клейст, Эдвард Гарриман и все организаторы синдиката крайне обеспокоены затяжкой вопроса о концессии Транс-Аляска…

– Майн готт! – воскликнул барон. – Ведь я едва не забыл. Ну, как же! Я выполнил просьбу мистера Роузена. Перед самым отъездом сюда мною получено письмо из Петербурга. Передайте, пожалуйста, что… – Клейст секунду о чем-то подумал, потом спросил: – Вы когда отплываете?

– Спешу. Чукчи говорят, что близко льды.

– Да, да, конечно! Вот что! Знаете… Я сам напишу мистеру Роузену: вы не запомните все так, как это нужно. Да, да, так, как это нужно, – повторил он. – Только чем же займетесь в это время вы? Ну, хотя бы «Нивой», что ли, там иллюстрации.

– О-кэй, мистер Клейст, о-кэй! Не беспокойтесь обо мне, – и капитан «Морского волка» отошел к другому столу.

Уездный начальник писал по-английски:

«Доверительно
Дорогой мистер Роузен!

Всего несколько дней назад мною получено из столицы радостное для края известие, и я спешу поделиться им с Вами. Я в восторге от настойчивости достопочтенных организаторов синдиката, направленной на прогресс человечества. Цивилизованный мир не забудет их неустанных трудов. Только такие деловые люди, как вы, американцы, могли найти в себе достаточно терпения годами не отступаться от начатого дела, получив трижды отказ от моих соотечественников. Я также счастлив, что и мои бдения о судьбе этого дикого края не напрасны. Министр двора барон Фредерикс пишет мне, что он поддержал ходатайство синдиката о ТрансАляска-Сибирской железной дороге перед государем и государь император высочайше повелеть соизволил ходатайство о концессии передать министру финансов для безотлагательного представления на рассмотрение совета министров. При этом государю императору благоугодно было повелеть, чтобы рассмотрение этого дела в совете министров происходило при участии августейшего председателя совета государственной обороны великого князя Николая Николаевича, который, как Вам известно, всецело нас поддерживает.

Проект синдиката уже рассмотрен в особой комиссии, образованной государем после энергичного вмешательства его императорского высочества Николая

Николаевича. Комиссия признала желательность строительства железной дороги и допустимость сдачи этого предприятия в концессию. Вмешательство упомянутых выше лиц парализовало упорство многих министров, до сих пор тормозивших и отклонявших Ваше великолепное предложение России.

Из письма барона Фредерикса совершенно ясно, что вопрос о концессии уже предрешен положительно. Вы поймете меня, как мне приятно, что время моего пребывания на посту чукотского уездного начальника ознаменовывается столь значительным и важным событием для этого глухого и жалкого края. Позвольте же и мне искренне поздравить Вас с блистательной победой, мой дорогой Эдгар Роузен! Примите мои заверения в глубочайшем к Вам уважении и передайте мое восхищение Эдварду Гарриману, Альфреду Куртису, Лойк де Лобелю и всем другим высокочтимым организаторам синдиката!

Всегда Ваш барон Клейст».

В приемной ожидающие теряли терпение. Наконец капитан «Морского волка» получил запечатанный сургучом пакет и вышел из кабинета. Секретарь заспешил ему на смену. Вскоре он вызвал троих золотоискателей.

– Что? Эти прохвость еще здесь? – набросился на них уездный начальник. – Как вы смель ослушаться меня? Да я вас, негодяи!

– Ваше превосходительство, сжальтесь, велите возвратить лотки и инструмент.

– Нет, ви любуйте на них! – негодовал барон. – Нарушиль мой инструкций и еще просят?! Ви же зналь, что я запретил старателям поиски золота в полосе на сто верст вдоль побережья от Камчатка до Чукотка! Из-за вас я вынужден теперь выслушивать неудовольствий мистер Роузен. Возмутительно! – кричал он. – Убирайте вон!

После старателей вошел русский купец, принесший жалобу на американцев:

– Разоряют дочиста, вашество. Как лед уйдет, так они идут. Наши-то корабли покедова подойдут, а шхуны ихние всю пушнину-то и скупят. Нешто это ладно?

– Коммерция, люпезный, коммерция.

– Какая же это, вашество, коммерция? Навезут спирту да гнилья всякого. А наш-то товар добротный, не могем мы по ихним ценам торговать. Да и фрахт тоже денежку просит.

– Учись, учись, пратец, торговать!

– Неужто так и будет? Не стану откупать патент. Закрою лавку-то. Одни убытки этак несу.

– Твое, пратец, дело, твое. Компании теперь разрешено и торговать.

– Нешто эта земля уже не нашенская, что ли? – насупившись, буркнул купец.

Барон промолчал.

– Самому енерал-губернатору, вашество, челом бить буду.

– Ну, люпезный, ступай, ступай! Там еще кто-то ждет.

Не простившись, купец ушел.

– Ну, кто там еще? – крикнул Клейст.

– Иван Кочнев, ссыльный поселенец, медик, – доложил о себе Иван Лукьянович.

Барон уставился на него немигающим взглядом.

– Знаю, знаю. О чем просишь?

– Вы приказали явиться.

– Ах, да, да! Приказал, – вспомнил он, – Кочнеф? Политический? Чем занимаешь?

– Лечу больных.

– Это хорошо, – проговорил барон. – Ну, иди с потом, молись за грехи свои. Царь-патюшка милостив. – Когда ссыльный ушел, барон надел фуражку и направился к выходу.

– Ваше превосходительство! – остановил его за дверью Устюгов, – Всю ночь пешком шел…

– Что? Ночь? Откуда? Старатель?

– Русский я, с Аляски. Разрешения прошу на реку Амур. Не берут без дозволения

вашего.

Барон недоуменно оглядывал его.

– С Аляски? А как ты попал туда?

– Тамошние мы.

– А-а, – протянул уездный начальник, – Аляска, люпезный, территорий не наш.

– Так, ваше превосходительство! Там нашенские, русские, остались. Как же они?

– А кто их посылал туда? Как пришли, так пусть и уходят.

– О чем ты просишь? Говори толком, – вмешался секретарь.

– Разрешения на реку Амур.

– Какое разрешений? – правитель пожал плечами.

– На родину мы хотим вернуться. Не под силу более с янками жить.

Лицо барона раздраженно перекосилось.

– Родина, люпезный, там, где живешь, а не там, где прадед родился. Вся земля-матушка – наша родин, – наставительно заметил он. – Ви, Сидор Алексеевич, приказаль готовить шхун?

– Так точно-с, ваше приказание выполнено, – худосочный чиновник согнулся в полупоклоне, его пенсне на шнурочке отделилось от мундира.

– Как звать? – неизвестно для чего опросил Клейст.

– Устюгов Василий, сын Игнатов.

– Да. Так фот значит, Ифан: Аляска – территорий Соединенных Штат, – рассеянно глядя в окно, говорил барон.

– Василий я.

– Что? Фасилий? Ну, Фасилий, Ифан – какая разниц! Дело не в этом, – он махнул безразлично кистью руки. – Прикажит, Сидор Алексеевич, все перенести на «Исумрут», – и уездный начальник направился к выходу.

– Так как же разрешение, ваше превосходительство?

– Какое разрешений? – барон, поморщившись, остановился. – Я же сказал тепе. Ступай с погом, ступай! Не то тепя тут…

– Продали нашу землю, – не выдержал Устюгов, – а мы хоть передохни там?

– Что? Рассужтать? Ну, ну! – прикрикнул Клейст. – Нашелся министр, смотрите! Ступай, а то я фот… Там поговоришь мне. Польсуешься, люпезный, моей допрота. Ступай, Ифан, ступай! – закончил он, неожиданно улыбнувшись, и ушел.

У крыльца Устюгова ждал Кочнев.

– Идемте ко мне чай пить, Василий Игнатьевич, – он взял Василия под руку, и они медленно зашагали рядом. – Получили разрешение?

Василий ничего не ответил. Кочнев не задавал больше вопросов. Дома у себя он познакомил Василия со своей женой – худенькой женщиной с бледным лицом, скромно, но изящно одетой.

– Дина, знакомься. Наш, русский, – сказал Кочнев. – Раздевайтесь, Василий Игнатьевич. Стойте, помогу снять котомку.

После стакана водки Василий быстро захмелел. Он уселся поглубже в кресло, обитое шкурой белого медведя, и вскоре не смог уже бороться со сном.

– Я пойду к больным, Дина. – Иван Лукьянович поднялся из-за стола. – Скоро вернусь. Ты знаешь, мать Элетегина заметно поправляется, уже ходит. А помнишь ее ноги, когда мы с тобой приходили? Сплошной гнойник был.

Когда Иван Лукьянович ушел, Дина взяла книгу, села поближе к огню. Читать, однако, не хотелось. Она задумчиво смотрела, как играют отблески пламени на искусном узоре красиво расшитых торбасов, которые принесла ей в подарок жена Элетегина за то, что Дина учила его грамоте. «Как важно открыть этим людям путь к знаниям!» – думала она. Потом ей вспомнились подробности упорной борьбы, которую пришлось выдержать Ивану с шаманом и с самой матерью Элетегина, пока та согласилась на лечение… Грустно было думать молодой женщине о жизни, которая ее окружала. Скоро опять зима. Долгая, суровая. Уже

целый год Дина не получала писем из дому. На днях ожидают прихода корабля. Постоит он здесь сутки-другие, привезет наверное почту, а потом опять на много месяцев они будут оторваны от всего мира…

Конечно, Дина мечтала о возвращении в столицу, когда ее отец сумеет добиться для Ивана сокращения срока наказания. Иногда ей становилось жалко себя, и тогда она внимательно всматривалась в зеркало, не находя, впрочем, ничего в своем облике, что могло бы огорчить ее. Жизнь, заполненная трудом, способствовала расцвету ее физических и духовных сил. И она не жаловалась на эту жизнь.

На Дине лежало все хозяйство по дому. Она много читала. Было у нее три ученика-чукчи. Часто встречалась она и беседовала с женщинами. В тихие зимние дни ходили с мужем на лыжах, а с осени катались по озеру на самодельных коньках.

Дина знала о принадлежности мужа к партии. Но имен товарищей, с которыми он поддерживал конспиративную переписку, Иван ей не называл. «Это не моя тайна, Дина, – говорил он, – а чужие тайны я не имею права выдавать».

Однажды он спросил ее, успела ли она прочесть работу Ленина «Что делать?» Да, она прочла, хотя это было и нелегко: экземпляр, напечатанный где-то в Германии, был очень ветхим, прошел, как видно, через многие руки.

– Скоро получу и «Две тактики социал-демократии», – сказал Иван. – Товарищи обещали прислать…

Дина вспомнила сейчас этот недавний разговор. Быть может, даже Ленин знает Ваню?

Сидя с раскрытой книгой у огня, Дина ожидала прихода Элетегина. Приближалось время очередного урока.

Как и обычно, Элетегин вошел без стука.

– Этти! – он поклонился, показав выстриженную макушку на черноволосой голове.

Молодая женщина поднялась с кресла.

– Ты заниматься? Молодец. Пришел даже раньше.

Нет, на урок он придет вовремя. Сейчас ему нужен «Ван-Лукьян».

– Он скоро вернется.

Элетегин остался ждать. Взял протянутую ему хозяйкой книжку и стал перелистывать, читая подписи под иллюстрациями.

Иван Лукьянович возвратился скоро, как и обещал.

– Элетегин? Здравствуй!

Они пожали друг другу руки. Рядом с огромным чукчей Кочнев выглядел мальчиком.

– Ты что? – опросил его ссыльный.

Тот замялся, глядя то на задранную бороду спящего в кресле Устюгова, то на задумчивое лицо женщины.

– Пойдем туда, – он показал на выходную дверь.

Когда они вышли, Элетегин передал Ивану Лукьяновичу объемистый пакет, который принес за пазухой.

Кочнев спрятал пакет к себе за пазуху и огляделся по сторонам.

– Кто привез?

Элетегин назвал имя чукчи, которого знал и Кочнев. Пакет «этапом» прибыл из Славянска.

Иван Лукьянович возвратился в комнату.

Почти до утра Кочнев не ложился спать, жадно читая полученную книгу. Это была размноженная на гектографе работа Ленина «Шаг вперед, два шага назад». Не имея права портить книгу пометками – он должен был вернуть ее, – Иван Лукьянович делал многочисленные выписки.

Полученный им сегодня пакет не адресовался никому. В нем не было и письма. Иван Лукьянович знал, что это необходимые меры предосторожности. Но он хорошо знал адрес и имя отправителя, как и отправитель знал, кому он посылает пакет.

Книга пришла из Славянска, где Кочневу через Владивосток удалось установить связь

с ссыльными – профессиональными революционерами. Теперь Иван Лукьянович был не одинок. О нем знали и им руководили.

Василий проснулся лишь на следующее утро, когда начало светать.

– Доброе утро, Василий Игнатьевич! – приветствовала его Дина, уже хлопотавшая по хозяйству. – Как спали?

За долгие дни Василий впервые улыбнулся. Он чувствовал себя снова сильным и здоровым.

– Сколько он проспал, Дина? – спросил Иван Лукьянович, стоявший у умывальника с намыленным лицом.

– Вы подвели меня, – шутливо пожурила молодая женщина гостя: – Я проспорила. Ну что вам стоило поспать еще часов шесть! Были бы полные сутки, и я бы выиграла пари…

– Умывайтесь. Вот мыло, – предложил Кочнев.

Обстоятельный разговор начался за завтраком.

– Ну, рассказывайте.

Простота и задушевность хозяев расположили к себе аляскинца. Как давно не был он среди своих!

– Рассказывать-то нечего, – снова помрачнел Устюгов. – Думал, тут правда есть, а гляжу – и здесь неладно.

– А вы не боитесь при мне осуждать власти?

– Нешто неправду говорю, что ли?

– В том-то и дело, Василий Игнатьевич, что за правду в России карают. Вот и меня сослали сюда как политического.

– Это как – политический?

– Против царя пошел.

– Царя? – Василий внимательно оглядел его.

Потом глаза его скользнули по книгам, лежащим на столе. Только имена Пушкина и Толстого были ему знакомы. Все другие книги совсем не такие, как у отца Савватия.

Кочнев молчал, ожидая, что Устюгов сам разговорится.

– Про такое не слыхал, – уклончиво сказал Василий.

– Ну, ну. Так что вам сказал уездный начальник?

– А кто, говорит, вас посылал туда? На Аляску, значит. Как пришли, так и уходите. Это не наша территория. Ступай, говорит, с богом!

– Так, так, – задумчиво проговорил Кочнев.

– Встречал я тут одного человека, – сказал Василий. – Богораз назвался. Так он сказывал про Амур-реку.

– Что? Вы знаете Владимира Германовича?

– Встречал.

– Я тоже знаю. Недавно он прислал мне письмо из Петербурга.

– А вот как добраться до того Амура, не сказал, – продолжал Устюгов.

– Вы допустили ошибку, – заметил Иван Лукьянович. – Вам не следовало говорить капитану парохода, что вы с Аляски.

Устюгову не понравилось, что и этот человек, который произвел на него такое хорошее впечатление, толкает его на обман. Кочнев заметил тень досады в его взгляде.

– Нет, нет, обманывать не надо, Просто умолчите.

Василий вздохнул. Ему казалось, что переплыви он пролив, отвяжись от этих противных янок – и попадет он сразу в справедливый мир…

Кочнев уже понял, что перед ним взрослый ребенок, которому стало невмоготу на Аляске, и теперь в поисках счастья он пришел в Россию. Однако о жизни в России этот взрослый ребенок не имел, по-видимому, ни малейшего представления.

Иван Лукьянович рассказал аляскинцу о том, как и чем живет Россия последние годы.

– Неужто царь велел стрелять в народ? – усомнился Устюгов.

– Больше тысячи безоружных рабочих было убито в это «кровавое воскресенье» и

свыше двух тысяч ранено.

Впервые Василий услыхал о существовании РСДРП, о Ленине, о том, что недалек час всероссийского восстания, которое положит конец самодержавию.

«Так вон он какой царь… – думал Устюгов. – А дед еще говорит: «Ты мне царя не трожь, слышишь?!»

Через окно было видно, как солнце раззолотило бухту. Вид моря и разговор о вчерашней встрече с Клейстом заставили Василия перенестись мыслями в Михайловский редут. «Не забывайте про нас, горемычных», – вспомнился ему наказ поселенцев. И на сердце стало совсем тяжело.

– О чем вы задумались?

– Про Русскую Америку думаю, – рассеянно теребя бороду, отозвался Устюгов. – Ну, ладно, я доберусь До Амура, а как же они?

Ивану Лукьяновичу понравилась эта заботливость. Он снова с интересом взглянул на своего необычного гостя.

– А как живут там русские люди?

Василий рассказал.

– Да, трудно живут. Но должен вас огорчить: барон вам сказал правду – Аляска нами продана.

– Быть того не может, чтоб задарма такие земли отдали!..

– К сожалению, это так.

– Шли наши деды, искали праведную землю, – Устюгов покачал головой, а попали к янкам.

Кочнев оживился.

– О какой праведной земле вы толкуете? Нет ее, этой земли. И быть не может, пока угнетен человек.

– Как же жить тогда? Что делать? – совсем расстроился гость.

– Бороться. Бороться, Василий Игнатьевич, за счастье людей на земле!

Однако Устюгов не смог осмыслить эту работу для себя иначе, как надобность пробиваться на Амур, где живет сам генерал-губернатор, которому он расскажет всю правду о своих земляках.

– Вы теперь в России, и думать вам надобно о ней, а не об Аляске.

– Да ведь там нашенские, русские люди маются. Неладно эдак, Иван Лукьянович.

– Понимаю, дорогой, что неладно. Соседи-то у нас с вами неладные.

Кочнев смолк.

Устюгов глядел в окно, полный своих невеселых мыслей.

– Надо знать, – снова заговорил Иван Лукьянович, – в каком тяжелом положении находилась Россия, когда ей пришлось отступиться от своих владений в Новом Свете. Сейчас вам это трудно понять: ведь вам совсем, я вижу, незнакома русская история.

Иван Лукьянович рассказал ему о поражении царизма в Крымской войне, об ослаблении позиций на Черном море, о трудностях охраны Аляски, которыми могли и стремились воспользоваться морские державы, о финансовых затруднениях, принявших в те годы грозный характер.

– Впрочем, – заметил Кочнев, – ничтожная сумма, полученная за Аляску, не могла, конечно, сколько-нибудь заметно улучшить состояние финансов России. Дело не в этом, разумеется. Все обстояло гораздо сложнее. Царские дипломаты вели политику уступок в отношении заморских владений. А Соединенные Штаты воспользовались ослаблением России и продажностью царедворцев и купили Аляску – по пяти центов за гектар. На Тихом океане у России военного флота, как вам наверное известно, нет. К владениям России в Новом Свете русские корабли ходили из Петербурга кругосветным путем. При такой обстановке, вы понимаете, Аляске угрожало много всяких опасностей, она была слабо защищена, и охранять ее было нелегко. Русские владения могли просто захватить. Это нанесло бы ущерб царскому престолу, показало бы слабость России, ее неспособность

защитить свои владения.

– А с чего это царь взял, что слабые мы? Без малого сто лет держались! – заметил Василий.

– Дело в том, что Америка не только понимала, насколько плохо защищена Аляска, но и молчаливо, тайно потворствовала разбою пиратов и бостонских китобоев, которые делали невыносимыми условия жизни в русских владениях, разоряли их. Это вы должны знать сами. Пираты и китобои вторгались в русские земли, в наши воды и творили много других беззаконий. Царские министры в конце концов уступили домогательствам Америки и оформили вынужденную уступку, как продажу. Вы понимаете теперь, почему такое богатство, как вы сказали, задарма отдали?

– Выходит, воспользовались янки? Все одно, как у голодного дом купить за краюху хлеба, так, что ли? – гневно спросил аляскинец.

Кочнев изумился точности и ясности, с какой этот простой русский человек дал оценку «уступке» Аляски.

– В столице, Ваня, – вмешалась Дина, – говорят, что Аляска уступлена за вечную дружбу, обещанную Америкой. Но ходят и другие слухи: что якобы в этом преступном деле замешаны очень влиятельные лица и Даже сам великий князь Константин.

– Очень, очень возможно, – согласился Иван Лукьянович. – Слышал и я об этом. Похоже, что без подкупов дело тут не обошлось. Потому, видимо, и за платили смехотворную сумму, что много ушло на взятки великим князьям.

Он не стал развивать свою мысль, увидев, что на лице Устюгова снова появилось выражение настороженности.

– А многие считают, – продолжала Дина, – что Александр Второй просто избавился от «очага революционной заразы», как он называл калифорнийские владения России. Ведь известно, что там было много недовольных, сумевших в свое время скрыться от царской немилости.

Устюгову вспомнились открытки с изображением чека. Он рассказал о них и закончил:

– Теперь понимаю. Боятся янки, чтоб обратно не отобрали. Оттого и носятся со своим чеком.

– Плохие, плохие у нас с вами соседи, Василий Игнатьевич!.. – повторил Кочнев. – А знаете, я напишу товарищам в столицу, как вы сравнили эту покупку с приобретением дома за краюху хлеба.

– А все-таки, значит, продали? – грустно, как бы сам себе, сказал Устюгов, тяжело вздохнул и покачал головой.

Видно, до этого времени где-то глубоко в душе еще теплилась у него искра надежды на то, что его родная земля не продана «янкам». Но вот встретился человек, который лишил и этой надежды.

Собеседники смолкли. Вдруг Устюгов снова оживился.

– Сказываете, совсем задарма могли янки забрать Аляску? – И, не дожидаясь ответа, заявил: – Ни в какую не забрали бы. Нешто отступились бы мы от наших земель? Оружно поднялись бы, как один человек! А нас там немало… К тому же эскимосы, алеуты, индейцы завсегда с нами в дружбе. А кабы еще подмога от царя подоспела… Неправильно царь сделал, не спросясь нас.

Дина и Иван Лукьянович внимательно слушали.

– Опять же, – Василий поднялся на ноги, – кабы янки начали силой захватывать наши земли, война получилась бы. Ну, пущай, скажем, потеснили бы нас, а подмога подошла – и снова… А то взяли и задарма отдали, – Устюгов развел руками, не понимая, как это – царь, а не додумался до такого вместе со своими министрами…

– Вот с подмогой-то, Василий Игнатьевич, дело и обстояло неважно, – сказал Кочнев.

– Что же теперь делать? – помолчав, опять спросил Василий. – Куда податься?

– Во всяком случае, не в Америку, – ответил ему Иван Лукьянович.

Неожиданно Василий засобирался.

– Спасибо вам, люди добрые! За все спасибо.

– Вы куда? – всполошилась Дина. – Оставайтесь, отдохните хотя бы до завтра.

– Нельзя. Семья ждет – жена, сынок.

Сердце Дины защемило. Вот и у него есть сын, а они в ссылке не могут разрешить себе счастья иметь ребенка…

…Василий шагал назад, в Уэном. Много узнал он здесь, в доме ссыльного лекаря. «Хороший, видно, человек, – думал он, вспоминая не столько даже слова, сколько поразивший его взгляд пытливых и умных глаз своего нового знакомого. – Знать бы, за что его определили сюда… Не за малую обиду, должно, против царя пошел…»

Глава 28
ВМЕСТЕ С ЧУКЧАМИ

Устюговы зимовали вместе с Пеляйме. Тесно, непривычно жилось им в яранге, но деваться было некуда.

– Потерпи малость, Наталья, – говорил Василий жене, – получим вот паспорт российский и подадимся на Амур-реку, Избу срубим. Заведем корову…

– Чем этак на шкурье-то валяться, Вася, лучше уж у Савватия жить… Вот, гляди, ребенок родится у них – и совсем не повернешься, – сетовала Наталья.

Один Колька, кажется, был доволен всем. Дотемна носился с новыми приятелями по поселку, а потом спал, не ворочаясь и не просыпаясь.

Однажды утром, когда Энмина вышла, Василий долго говорил с ее мужем по-чукотски, показывая на один из углов спального помещения и что-то отмеряя. Пеляйме улыбался раскосыми глазами, изредка выражая возгласами удивление, соглашался, но в конце концов сказал, что придется об этом спросить Энмину…

Дождавшись прихода хозяйки, Василий изложил ей свой проект. Пеляйме не возражал, Энмина согласилась.

Вскоре жилище заполнилось жердями, шкурами, ремнями, а к ночи в углу появились нешироких полати, сверху донизу завешенные красным простеганным одеялом. Колькино место оказалось под полатями, Наталья и Василий разместились наверху. Правда, ни им, ни Кольке невозможно было на своих постелях стать даже на колени, но сооружение это устраивало всех жильцов: стало просторнее, на полу освободилось почти два места.

Только Пеляйме ночью сказал жене:

– Однако, смеяться станут чукчи…

– Слышь, Вася, подвинься, – послышался голос за ватной перегородкой, – звон развалился как!

– В тесноте – не в обиде, – Василий повернулся на бок. – Сама просила горенку…

Угомонилась и Наталья.

Опасения Пеляйме все же оправдались: в Уэноме неодобрительно отзывались о нововведении в жилище «таньга Пеляйме», как в насмешку его стали называть. К тому же в поселении стало известно, что Наталья заставляет Энмину каждое утро мочить лицо водой, а Энмина приучает мужа. Чтобы скрыть это от уэномцев, Пеляйме, отправляясь в поселение, снова мазал себе лицо копотью, обильно оседающей от жирников на стенках спального помещения. Тем не менее прозвище «таньг Пеляйме» укрепилось за ним с той поры еще прочнее. Впрочем, говорили о Пеляйме без злости.

Другое дело – Кочак. Он во всем усматривал нарушение «правил жизни».

– Заболеет, умрет! – каркал он, накликая беды на Энмину…

– Да не слушай ты этого брехуна! – успокаивал подругу жены Устюгов.

Пеляйме был рад приходу Василия. Теперь Энмина всегда с Натальей, и он может спокойно уходить на промысел, зная, что Ранаургин не посмеет обидеть его жену.

На охоту мужчины ходили вместе. Пеляйме чувствовал себя на льдах превосходно: ловко прыгал с льдины на льдину, переползал, прятался за торосами, подбираясь к зверю.

Внезапно вскидывал ружье, стрелял, в разводье летела закидушка, и через минуту-другую у ног охотника лежала жирная нерпа, Василий же нередко возвращался с моря без добычи.

Однако в тундре Пеляйме не мог угнаться за своим другом. Обычно Устюгов поджидал отставшего Пеляйме уже около подстреленного песца…

Но вот среди зимы кончились патроны. Взяв с собой десять песцовых шкур, охотники запрягли собак и поехали в бухту Строгую.

Только приехав туда, они убедились, что не было никакого смысла совершать это путешествие: у русского купца не оказалось патронов к американским винчестерам.

– Поезжайте в Ванкарем, – посоветовал им купец, – там торгует Джонсон, А у меня, – предложил он, – можете взять карабины с патронами.

Но покупатели не захотели вводить себя в напрасный расход: зачем им по два ружья?

От купца зашли к Кочневу. Иван Лукьянович и Дина усадили их обедать, стали расспрашивать Устюгова о новой его жизни.

– Живу, – отвечал Василий.

– Прошение от вашего имени, Василий Игнатьевич, я отправил начальнику края, – сказал Кочнев. – Теперь будем ждать, когда выдадут паспорт.

Пеляйме с интересом рассматривал черную косоворотку Ивана Лукьяновича, его коротко остриженные волосы, тщательно выбритое лицо. Его поразила бледность жены этого таньга. «Наверное, она такая белая потому, – подумал он, – что часто мочит лицо водой…»

Домой Устюгов и Пеляйме привезли чай, сахар, табак, муку и отрезы красного ситца женам.

Энмина хотела шить себе камлейку, которую носят поверх меховой одежды, но Наталья отсоветовала:

– Сделаем одинаковые платья. Я научу тебя.

Молодая чукчанка с длинными черными косами широко улыбалась. Ведь она никогда не носила платья, только керкер из шкуры молодого оленя…

Женщины тут же принялись за шитье.

– Однако, придется в Ванкарем ехать, – сказал на следующий день Пеляйме. – Далеко. Собак жалко, – добавил он.

«Сколько промысловых дней пропадает!» – горевал Устюгов. Ему надо бы побольше песцов и лисиц, чтобы на Амуре можно было и дом срубить и корову завести. Ни дня не давал себе отдыха Василий. Наталья по-своему думала об этом: «Жаден стал, все ему мало». Ей хотелось чаще и больше бывать с мужем: ведь, кроме него, и поговорить-то толком не с кем: чукотским языком она почти не владела, а русских в Уэноме не было. Только сынок да муж. А в бухту Строгую не наездишься. Однажды, правда, когда Василий ходил к ссыльному, чтобы тот написал ему прошение о паспорте, Наталья съездила туда, познакомилась с Диной и другими женщинами, отвела душу. Но теперь опять ее томила тоска. Она часто вспоминала Михайловский редут, перебирала в памяти всех женок, мысленно разговаривала с ними.

А Василия действительно обуяла жадность. На Чукотке перед ним открылась возможность накопить пушнины: песец – непуганый, вся тундра в следах дорогих зверей. Не то, что на Аляске. Василию некогда было тосковать: днем – на промысле, ночью – спи.

Разве только в дни, когда бушевала пурга, вспоминались ему дед, Савватий, наказ земляков до самого царя дойти, рассказать об их бедах.

Но неизменно вставал перед ним и образ отца. И тогда сердце Василия ожесточалось: на тех, кто убил отца, на суд, на Роузена, на всех притеснителей, на трактирщика, которому прислуживал Колька, на царя, отдавшего янкам задарма аляскинские земли.

– Ты о чем, Вася? – спрашивала Наталья, видя холодную злобу в его глазах. Но Василию не хотелось тревожить этими думами Наталью.

– Так, ничего. В Ванкарем надо ехать за патронами.

Вскоре он действительно вместе с Пеляйме собрался туда, хоть и не хотелось

встречаться с Джонсоном.

Мартин встретил Устюгова радушно.

– Кого я вижу! – воскликнул он. – Василь, ты все еще здесь? – он протянул из-за прилавка руку.

Но Устюгов сделал вид, что рассматривает товар, и рука купца опустилась.

Джонсон ничего не знал о Василии уже несколько лет, как не знал ничего и о Ройсе после того, как тот однажды посетил Ванкарем.

– Торговли больше не будет, – заявил Мартин чукчам. – Идем, Василь, ко мне.

Но Устюгов приглашения не принял:

– Некогда. Патроны нам нужны: тридцать на тридцать.

– Вот как? – удивился Мартин. – Ты, видно, разбогател, если забываешь старых друзей?

Чукчи не уходили, прислушиваясь, что говорит странный таньг Джону, которому он не потряс даже руку, как это всегда делает Гырголь.

«Друзья…» – с горечью подумал Устюгов, вспоминая, как этот «друг» бросил их с Ройсом в первый же год, а потом отказал в помощи, когда Бент приходил к нему.

И, не углубляясь в праздные разговоры, Василий вытащил из мешка шкурки песцов и положил на прилавок. Джонсон взял в руки белоснежные шкурки.

– Но у меня нет таких патронов.

– Как нет? – оглядывая полки, спросил Устюгов.

– Только двадцать на двадцать, да и то вместе с винчестером.

Чукчи подтвердили Пеляйме, что действительно таких патронов у Джона нет: американы чуть не каждый год привозят ружья новых систем, а патронов к старым не присылают…

– Грабители! – задыхаясь от прихлынувшего внезапно гнева, прохрипел по-русски Устюгов, рванул из рук Мартина песцов и выбежал из фактории.

Пеляйме последовал за ним.

Изумленные чукчи смотрели, как, поднимая снежную пыль, нарта приезжих мчалась по Ванкарему, окруженная сворой лающих поселковых собак.

Устюгов обернул назад налитое кровью лицо, погрозил огромным кулачищем.

– Какомэй, – вздыхал Пеляйме, – что станешь делать?

– Руками ловить зверя буду! Ни шкурки не дам грабителям! – на весь поселок кричал Василий, провожаемый лаем собачьей своры.

Недостаток патронов ощущался почти в каждой яранге.

С появлением огнестрельного оружия чукчи предпочли бить зверя пулей, а не канителиться с ловушками. К тому же американцы совсем не привозили капканов, а русские – мало. Теперь же положение становилось трудным… А если за зиму не заготовить пушнины – значит летом не на что будет выменять ни патронов, ни табаку, ни чаю – ничего.

Оставшиеся патроны чукчи расходовали только на тюленей. Песцов добывать почти перестали.

Василий напряженно искал выхода из создавшегося положения. Еще летом недалеко от Уэнома он обнаружил остатки какого-то оборудования, брошенного неизвестно кем и когда. Чукчи говорили, что на этом месте американцы хотели забраться под землю, чтобы выпустить земляного духа. Видимо, они производили буровые работы. Теперь Устюгов направился на это место с пешней и лопатой. Весь короткий день вместе с Пеляйме они вкапывались в затвердевший снег, искали железо.

К вечеру им удалось извлечь железный прут, трубу и разную металлическую мелочь. Все это было перенесено к яранге.

– Что будем делать? – допытывался Пеляйме.

– Увидишь, – отвечал Устюгов.

На следующий день, к удивлению любопытного Пеляйме, Василий, казалось, уже забыл про железо: он что-то кроил, шил из куска моржовой шкуры, строгал куски плавника – мастерил какой-то невиданный мешок, похожий на огромную рыбью голову.

Прошла еще ночь, и таньг неожиданно принялся лепить из камней печку в холодной части яранги. Кольку он заставил нарубить желтой земли, а Наталью – разогреть и замесить.

Пеляйме ничего не понимал. Василий неизвестно зачем сжигал на костре, присыпанном землей, такой ценный плавник, а угли не выбрасывал, а, наоборот, собирал.

– Ты, однако, делаешь непонятное, – рассердился наконец Пеляйме. – Пойдем лучше нерпу добывать.

Устюгов, казалось, забыл про охоту. Пеляйме не выдержал и ушел один. «Странные эти таньги, – думал он, – жир и мясо совсем кончаются в яранге, а он целую руку дней не идет на промысел. Маленький, что ли?»

К вечеру охотник вернулся. Незнакомый стук раздавался у его яранги. Вокруг толпились чукчи. Пеляйме заспешил к дому.

Рядом со спальным помещением Василий топором рубил на деревянной плахе кусок железного прута, который был уже не черным, а красно-белым, потом переломил его. Колька дергал за какой-то ремень, а «рыбья голова» все время открывала и закрывала пасть, раздувая в печке огонь. А Наталья склонилась у ведра с шипящей водой; оттуда валил пар…

Пеляйме остолбенел. Что творится в его яранге? Он даже не заметил Энмины, которая стояла тут же среди других.

Лицо Василия было в копоти. Он то и дело пробовал стереть ее, но размазывал еще больше.

– Шабаш! – сказал он Кольке, и огонь сразу стал блекнуть, затягиваться пеплом.

Через неделю Устюгов показал изумленным чукчам изготовленные им десять капканов, из которых не уйти и самому волку… Правда, капканы вышли очень грубые, громоздкие, но ловить зверя в них все же было можно.

Уэномцы ахали: они никогда раньше не видели, как обрабатывается железо.

А Кочак упорно шаманил, призывал духа болезни посетить ярангу Пеляйме. Однако вскоре, чтобы никто не видел, ночью, сосед Пеляйме, молодой женатый чукча, привез Устюгову на нарте железо и просил сделать из него капканы.

В дни пурги Василий занимался кузнечным делом. Ему помогали Колька и боязливый, но любознательный Пеляйме.

Зима близилась к концу. Немало уже добыли пушного зверя Василий и Пеляйме. Ни в одной яранге не было столько, но Устюгову все казалось мало. Вместе с Пеляйме они расставляли по тундре капканы, потом объезжали их на нарте. Редко возвращались без добычи.

Пеляйме заметно похудел: Василий не давал отдыха не только себе, но и ему. Хорошая погода – они в море или в тундре, пурга – куют железо, плетут сеть для нерпы, выделывают шкурки песцов. Не вытерпев, Пеляйме как-то утром потихоньку сказал жене, когда Василий стал подниматься:

– Энмина, однако, хватит нам песцов. Куда столько? Спать хочется.

В тундре мела небольшая поземка. Энмина прислушалась и ответила:

– Хорошо. Спи. – Ей самой тоскливо бывало без мужа, особенно теперь, когда она скоро должна стать матерью.

Пеляйме благодарно улыбнулся и заснул.

Василий начал будить его.

– Пурга, однако, будет, Василь, – сказала Энмина.

– Нету никакой пурги. Поземка слабенькая.

– Вася, – послышался с полатей тревожный голос Натальи, – чукчи-то лучше тебя знают. Не езди. Посиди денек дома-то.

Устюгов уже натягивал теплые унты.

– Нешто думаешь в избе высидеть корову, как цыпленка из яйца?

– Не жадничай, Вася.

– Пурга, видно, будет, – повторила Энмина, выходившая наружу посмотреть, какая погода.

– Тем более надо ехать. Заметет все капканы. Да и волки пожрут песцов в ловушках. Пеляйме! – громко позвал Устюгов, обжигаясь горячим чаем.

– Кацэм[1], – решительно заявила Энмина, и синие полоски татуировки на ее лбу сдвинулись.

«Знаю я вас, беременных, – подумал Василий. – Готовы теперь к подолу привязать мужей». Но спорить с хозяйкой он не стал.

Наталья между тем готовила ему сумку с продуктами.

– Колька! – крикнул отец. – Собак запряг?

Колька мигом выполз из-под полатей, оделся и выскочил из полога.

Василий уехал один.

Весь день мела небольшая поземка. Временами она даже стихала. Но высоко в небе быстро неслись на юг белые облака.

Энмина все чаще выходила из полога, ничего не говоря Наталье. Выспавшись, Пеляйме бродил по селу и тревожно поглядывал в ту сторону, откуда должен был вернуться его тумга-тум. Но друг не возвращался, и Пеляйме тревожился, ругал себя, чго не отговорил Василия от поездки в тундру. К тому же ведь уехал Василий на его упряжке…

Все охотники уже давно вернулись и с моря и из тундры. Вот-вот поднимется ветер, взметет снежную пыль, и тогда лучше оставаться охотнику на месте, чем пытаться найти поселение. Даже в Уэноме Пеляйме часто не мог отыскать свою ярангу. И только хорошо зная все неровности местности, он кружил, кружил и вдруг натыкался на заснеженный купол жилища.

Незадолго до сумерек началась пурга. Она обрушилась сразу, с первыми порывами ветра.

Ветер завыл, сорвал с земли снег, поднял его, размельчил и непроницаемой завесой погнал на юг.

Василий не вернулся.

Всю ночь тревога не покидала ярангу Пеляйме. Наталья молилась. Колька прислушивался к вою ветра. Энмина старалась не смотреть в глаза подруге. Ей казалось, что это она виновата в случившемся: не сумела отговорить Василия, не пустила с ним мужа. А ведь с Пеляйме он мог бы не погибнуть. Пеляйме – чукча, он знает законы тундры, он помог бы Василию.

Пеляйме тоже молчал. Наконец он сказал:

– Ничего. Собаки есть, не умрет.

Но сердце его сжалось при мысли, что Василь съест от голода собак, и у Пеляйме не будет упряжки.

– Твои слова лишние, – одернула его Энмина.

Наталья стала расспрашивать, как в пургу спасаются охотники.

– Лежать надо. Пусть снег занесет. Ничего, – ответил Пеляйме, косясь на жену.

– Мысленное ли дело – в снегу лежать в экую стужу! Замерзнет… – Наталья прижала руку к груди. – А ежели она всю ночь станет дуть, а то и больше?

Пеляйме снова подтвердил, что надо лежать, ожидая окончания пурги. Иначе совсем заблудится, может свалиться где-нибудь с обрыва.

Наталья металась из угла в угол.

Но Василий не лежал, хоть в этом и было его спасение. Поднимая залегающих собак, он гнал их, сам не зная куда.

Утром в ярангу Пеляйме стали приходить чукчи. Каждый раз, когда за пологом раздавался шорох, Наталья кидалась навстречу.

– Зачем одного пустил? – строго спросил Пеляйме сосед старик.

Пеляйме молчал.

– Я говорила ему, – вступилась Энмина.

Старик презрительно окинул ее взглядом, зная, что верховодит тут она.

---

1 Женское произношение слова «карэм» – категорическое выражение отрицания, несогласия.

– Разве ты не видел, что пурга будет? – допрашивал он совсем сникшего хозяина яранги.

Но не мог же Пеляйме признаться, что он даже не выходил из шатра…

– Плохой, видно, человек ты, – не унимался старик. – Лучше бы Василь у меня жил! – С этими словами он выполз из полога.

Досталось Пеляйме не только от старика соседа. Все его бранили и жалели Василия. Каждый вспоминал, сколько песцов он поймал капканами этого таньга, у которого вот остались жена и сын…

Некоторые с сожалением думали, что у Василия нет даже младшего брата, который взял бы Наталью в жены. «Как станет жить?» – соображали они.

На пятый день один пожилой чукча очень душевно сказал Наталье:

– Ничего. Василь хороший человек был. Станете жить с нами. Возможно даже – я возьму тебя к себе в ярангу. Сына нет у меня, жена умерла.

– Да ты что – очумел? – вся покраснев, взъярилась Наталья. – Вы нешто уж похоронили Васю, что ли? Не верю тому, чтоб погиб он! Не верю тому: и не этакие стужи на Аляске переносил. Пролив по льду перешел! – почти исступленно кричала она. – Уходите, видеть вас не могу!

Но едва полог опустел, она обхватила руками Колькину голову, прижала его к себе и разрыдалась.

– Васенька… Родненький ты мой, – голосила Наталья. – Это что же такое?!

Энмина придвинулась, нежно обняла ее за плечи:

– Жалеют Василия люди. Я виновата… Стихнет пурга – все пойдут искать. Я тоже пойду.

Наталью тронула ее участливость. Она подняла заплаканные глаза, оглядела располневшую фигуру Энмины.

– Не ты, не ты. Я сама! Надо было вцепиться мне в него, повиснуть у него на шее, голосить!

За эти пять дней Наталья совсем извелась: не ест, не спит.

А пурга не стихала.

Между тем Василий уже третий день жил у Ройса. Обморозился, правда, отощал, растерял всех собак, бросил нарту и песцов, но спасся.

В первую же ночь он действительно свалился с какого-то обрыва. Собак больше не видел. Нарта сломалась. Тогда он пошел пешком. Приметно было, что ветер налетел с севера. Значит, рассуждал Василий, море – налево, если стоять спиной к ветру: оно на востоке. И он шел, все время подставляя ветру левую щеку. Так он достиг побережья, к счастью, пологого, не скалистого. Потом двинулся вдоль берегового припая, зная, что где-нибудь да встретит поселение.

Расчеты не обманули его. Василий шел и шел не останавливаясь, чтобы не замерзнуть, не заснуть, не забыть потом направление. Трудно сказать, хватило ли бы сил у всякого человека проделать этот путь. Но Устюгов держался, хотя валил его с ног ветер, мучил голод. Василий раздирал смерзшиеся ресницы руками и двигался дальше, стараясь не потерять из виду берег. Он напрасно обогнул огромный залив: если пойти прямо по льду, Энурмино оказалось бы совсем близко. Но он видел перед собою только плотную завесу пурги. Василий наткнулся на поселение лишь к концу вторых суток, Со времени выезда из дому минуло две ночи и три дня.

Чукчи были испуганы тем, что таньг не просыпался целые сутки…

Когда же Василий, наконец, открыл глаза, около него сидел Ройс.

Они рассказали друг другу о своей жизни.

Ройс все еще надеялся найти золото. Он даже попытался уговорить Василия присоединиться к нему: «Признаки золота несомненны!» Однако Устюгов и слушать не хотел. Он с нетерпением ждал окончания пурги, чтобы скорее успокоить Наталью.

– Даже дом, говоришь, за долги описали? – проговорил Бент Ройс, думая о себе.

– Так нешто у них есть что святое? Жену и сынка на мороз выкинули. Теперь лавка там. А ты что ж, так и помирать здесь будешь? – спросил Устюгов. – Я вот получу паспорт – и айда на Амур, к своим, православным людям.

Бент вздохнул.

Минувшим летом знакомый Ройсу матрос привез ему письмо от матери. Оно было адресовано в город Ном. Мать писала о смерти отца, о том, что, как видно, и она умрет, не повидав больше сына. Старушка хлопотала у себя на родине, чтобы Бенту выдали пособие для возвращения и паспорт, но правительство отказало. Ей сказали, что сын ее ввиду многолетнего отсутствия, в соответствии с законом об эмиграции, не является больше гражданином Норвегии. Лишь о Марэн мать почему-то ничего не писала.

– Вот найду золото, – после долгой паузы неуверенно сказал Ройс, – тогда с деньгами все можно будет сделать.

Утром на третьи сутки после прихода Василия пурга прекратилась.

* * *

В этот день в Уэноме никто из охотников, кроме Ранаургина, не пошел на промысел, хотя за дни непогоды много было израсходовано жира на отопление, а запасы оставались небольшими.

Пешком и на нартах чукчи отправились искать Василия. Колька ушел с Пеляйме.

К полудню в Уэном вернулись три собаки Пеляйме. Наталья совсем упала духом. Вскоре приплелись еще две еле живые собаки.

Стало ясно, что с Василием произошла катастрофа…

Наталья уже не могла ни говорить, ни плакать. Молчаливая, она с утра стояла у яранги, прислонясь к замерзшей сети на нерп, и смотрела в тундру. У Энмины начались предродовые схватки, и она просила оставить ее одну.

Близился вечер. Кое-кто из охотников вернулся. Они ничего не видели: ни собак, ни нарты, ни следов.

К ночи все решили, что Василий погиб и погребен где-то под снегом пургой.

Никто не заходил в ярангу Пеляйме. Впрочем, не заходили, возможно, потому, что знали о роженице. Пеляйме увел Кольку в другой шатер, а Наталья по-прежнему стояла у своего жилья, замерзшая, посиневшая. Она совсем ни о чем не думала, погруженная в какую-то пустоту. Потом она опустилась на снег и, чувствуя, что сил больше нет, закрыла глаза.

…Наталья испуганно вскрикнула и потеряла сознание, когда оказалась на руках у мужа, который заглядывал ей в лицо и охрипшим, тревожным голосом повторял:

– Наташа, Наташа, Наташа!

Василий втащил ее в полог. И лишь после того, как жена пришла в себя, он увидел, что на шкуре лежит бледная Энмина, а рядом с ней – розовый комочек, завернутый в шкуру утробного оленя: следуя обычаю, Энмина сама приняла ребенка.

– Вася… Милый мой! – шептала Наталья, прижав голову мужа к груди и ощупывая его обмороженные щеки. – Я знала, что ты вернешься.

Несомненно, в эту ночь счастье посетило ярангу Пеляйме. В ней родился новый человек, возвратился тумга-тум Василий, победив темные силы.

Пеляйме сиял! Сейчас ему даже не жалко было погибших собак и нарты.

Однако уже на следующий день Устюгов выменял за песцов недостающих в упряжке собак и нарту и вернул их Пеляйме и Энмине.

«Охотник не может оставаться без собак, – так рассуждал при этом Василий, – а погубил их я».

Наталья, смеясь, рассказала мужу, как она чуть было уже замуж не вышла без него… Василий внимательно ее выслушал. Но, к удивлению Натальи, не смеялся и не сердился, а молча поднялся и пошел благодарить этого чукчу за дружбу.

– Сердечный народ, – вернувшись, сказал он жене. – Ты, может, думаешь, что приглянулась ему? Не то, Наталья. Прикинь сама: нешто нужна ему жена, что ни языка, ни жизни ихней не знает? Шкуру и ту выделать не сумеешь. Да и Кочак, смекаю, не обрадовался бы такому браку. В общем, одно неудобство. А вот же пришел, утешил. И не отказался бы от слова. Уж это я чую. Понимать это надо, Наталья.

– Да ты никак осерчал, Вася? Нешто я знала? – стала уже оправдываться Наталья. И ей стало стыдно, что в тот горький день она прогнала душевного человека.

Жизнь потекла по-прежнему.

Наталья наготовила сыну Энмины пеленок и, приводя в немалое смятение отца и мать, сама купала его.

«Что только не придумает эта Наталь!» – думала Энмина, глядя тревожными и счастливыми глазами на своего крепыша.

К весне обычно в поселениях становилось голодно. Летние запасы моржового мяса кончались, а нерпу не всегда добудешь. Старики, дети и женщины ловили удочками в прорубях бычков, охотники ставили сети на нерпу. Кое-кто еще, правда, постреливал во льдах, но патроны были на исходе.

Туго стало и в яранге Пеляйме. Винчестеры стояли без дела. Пеляйме не мог лишить Энмину свежего мяса, он поехал в бухту Строгую, отдал купцу едва не половину добытой пушнины и привез новый карабин с патронами и все, чего недоставало в яранге.

Теперь он не только возвращался с моря всегда с добычей, но и делился ею с соседями. Устюговы оказались его нахлебниками.

– Неладно эдак, Вася, – говорила мужу Наталья.

Устюгов и сам знал, что неладно. И хотя он, как и другие, каждый вечер опускал в проруби две – три сетки, утром они редко оказывались с добычей. Василий сплел еще пять сеток, но это мало что изменило.

– Купил бы и ты ружье, – донимала его жена. – Не жадничай, Вася. Срамота одна – на чужих хлебах жить.

Василий молчал, хмурился, но в бухту Строгую не ехал. Жалко ему было пушнины: не для того он погибал в тундре, чтобы теперь чуть не даром отдать ее купчишке.

Каждое утро Устюгов отправлялся к своим лункам во льду проверять сети, но все безуспешно. Вот и сегодня его сетка пустовала, а рядом, в чужую, попалась нерпа! «Как же так получается? – думал он. – Хорошо бы сплошную сеть поставить. Ни одна не ушла бы. Да как подо льдом-то поставишь?»

До вечера сидел Василий в пологе хмурый. Он все прикидывал: не прорубить ли во льду канаву шагов в тридцать и в нее опустить сплошную сеть? Однако он понимал, что в двухаршинной толще льда сделать это почти не под силу.

Ужинать Василий отказался и спать на полати не полез.

– Малость посижу, – сказал он Наталье.

Утром опять пошел проверять сетки. Все они оказались пустыми.

«Уж не забирает ли кто мою добычу?» – закралось у него сомнение. Следующую ночь Василий караулил сети, спрятавшись за торосом. К лункам никто не подходил. Но сети опять были пустыми…

Всходило солнце.

Вдруг Устюгов увидел огромного белого медведя. Зверь показался из-за тороса, сделал несколько неуклюжих скачков и сел. Сердце Василия зашлось, в глазах потемнело. Он был почти безоружен. Рука неуверенно легла на рукоятку небольшого ножа.

Между тем хозяин полярных льдов не замечал человека, хотя и смотрел, казалось, на него. Медведь был занят своим делом.

Оказывается, притаившись за торосом, он выжидал, пока нерпа отползла от лунки, и теперь, усевшись на это спасительное для морского зверя отверстие, наблюдал, как жалкое ластоногое животное металось по льду, лишенное возможности укрыться в море от опасности. В следующую минуту медведь уже разрывал лапами нерпу и пожирал ее.

Насытившись, он не спеша удалился.

– Ах, вот как ты охотишься! – прошептал пораженный Василий.

На следующее утро, еще затемно, Устюгов вышел из яранги, прихватив с собой ремни, топор, пешню и багор.

Найдя примеченную еще накануне лунку, он подтащил к ней небольшую льдину, обвязав ее ремнем, а концы ремня унес за торосы. Потом уложил ремень вокруг лунки, присыпал снегом и спрятался.

Близился восход. Василий знал, что в это время ластоногие любят погреться на солнышке.

Ждать долго не пришлось. Вскоре в лунке показалась черная голова с оловянными глазами. Морской зверь осмотрелся и выполз. Не успел он еще как следует улечься, как рядом с ним что-то зашуршало, дернулось, поползло… Мгновенно нерпа оказалась у лунки, но отверстие уже было закрыто. Зверь заметался, бросился ползти по льду в надежде найти другую отдушину. Но охотник стоял уже рядом. Нерпа ощерила морду, показывая хищные зубы, зашевелила усами, готовая, казалось, броситься на человека. Ударом багра Василий пришиб ее.

С этого дня Василий брал с собой на промысел Кольку, а потом и Наталью. Они всегда возвращались в поселение раньше других охотников и волокли за собой несколько жирных усатых нерп.

Чукчи дивились их удаче. Было к тому же непонятно, зачем таньг добывает столько тюленей, если почти всю добычу он отдает уэномцам.

– Делите, – говорил им Василий, смеясь, и уходил.

Через несколько дней Устюгов позвал с собой охотников. За Колькой увязались едва ли не все подростки.

Когда был пойман первый зверь, все чукчи повыскакивали из-за торосов. Послышались возгласы радостного удивления:

– Ай да Василь!

– Тумга-тум!

– Как придумал?

– Большим умом владеешь ты!

Уэном зажил веселее.

Только Кочак злобствовал. Чукчи все реже просили его пошаманить о хорошей охоте. Они просто забывали о нем…

Между тем близилось открытие навигации.

Как-то утром в ярангу Пеляйме примчался Колькин приятель и шумно возвестил, что льды уходят.

Глава 29
ЛИКВИДАЦИЯ «КОМПАНИИ»

После доклада Жульницкого на Чукотку были посланы лица для постоянного надзора за деятельностью «Северо-Восточной компании». Они подтвердили, что все предприятие фактически перешло в американские руки.

И хотя мистер Роузен сделал все от него зависящее: специально выезжал в Петербург, доказывал словами и долларами, что компания оказывает России огромную помощь в освоении окраин, – все же в 1909 году совет министров признал деятельность компании вредной для отечественных интересов и принял меры к ее ликвидации.

В том году навигацию в беринговоморских водах открыл русский пароход «Колыма». Каждый день «Колыма» встречалась со шхунами, которые по-прежнему сновали у азиатских берегов, хотя все представительства компании были своевременно уведомлены об аннулировании концессионного договора. Капитаны уверяли, что о ликвидации они не информированы. Тем не менее им предлагалось возвращаться в Америку.

Но достаточно было «Колыме» скрыться за горизонтом, как шхуны вновь ложились на свои прежние курсы. Их трюмы были загружены товарами, предназначенными для торговли.

«Колыма» бросала якорь чуть не у каждого населенного пункта. Во многих по-прежнему спокойно здравствовали резиденты компании. И личный представитель губернатора под расписку предлагал иноземцам покинуть Чукотку.

Олафа Эриксона застали на прииске. Он чувствовал неизбежность краха и спешил добыть золота уже не для компании, а лично для себя и сотоварищей. Он решил приобрести небольшую быстроходную шхуну для контрабандной торговли. «Зачем искать золото в земле, когда пушнина – то же золото?» Большое количество товаров он уже сейчас роздал доверенным лицам из чукчей под пушнину будущего года. Он приплывет за ней на собственной шхуне.

Не будь с Устюговым жены и сына, ему не удалось бы убедить чиновника, что он не проспектор. Василий умолчал, что впервые он появился здесь по договору с компанией. Однако взять Устюговых на борт чиновник не разрешил: корабль идет со специальным заданием.

Тем не менее, невзирая на это специальное государственное задание, пока представитель губернатора обследовал поселение, матрос скупал для него пушнину…

«Колыма» ушла, и в Уэноме решили, что Василь будет, видно, зимовать с ними еще. Чукчи обрадовались.

На Ройса известие о ликвидации «Северо-Восточной компании» произвело ошеломляющее впечатление. Он долго стоял перед чиновником, лишившись дара речи, не веря, что это могло случиться.

До Ванкарема пароходу помешали добраться льды. И мистер Джонсон спокойно продолжал торговлю, получив от чернобородого новую партию товаров и банковскую квитанцию за свою службу, а от владельца другой шхуны – восемь тысяч долларов за пушнину, утаенную от компаньона.

Попытавшись пробиться сквозь льды на северо-запад от Энурмино, «Колыма» уже вскоре отказалась от этой попытки и взяла курс на Владивосток. Задание было выполнено.

Небольшие и сравнительно быстроходные шхуны, заметив русский корабль, снимались с якоря и скрывались, чтобы потом вернуться вновь.

Из-за отдаленности русским купцам было трудно поспевать за бесцеремонными американцами, и они, за малым исключением, ограничивали свое влияние Колымой, Камчаткой и Анюем, откуда их товары достигали морских окраин сухопутьем с камчадалами или чукчами-поворотчиками.

Формальная ликвидация «Северо-Восточной компании» изменила, таким образом, немногое. Правда, иноземцы утратили юридическое право пребывания на Чукотском полуострове, но они вовсе не собирались отказываться от контрабандной торговли с чукчами и китобойно-моржового промысла, тем более, что к этому не встречалось сколько-нибудь серьезных помех.

Итак, инженер Жульницкий получил внутреннее удовлетворение, губернатор заслужил характеристику «беспокойного старика, предотвратившего – как посмеивались в сенате – американизацию Российской империи». Пострадали рядовые держатели акций компании и некоторые проспекторы, включая Ройса, а все остальное шло почти по-старому.

Расписавшись в официальном уведомлении о ликвидации компании и дав требуемое обязательство выехать в Америку, Ройс растерялся: все это произошло так быстро и неожиданно!

«Колыма» уже едва виднелась в море, а норвежец все стоял там, где его встретил русский чиновник, и глядел на «Золотое ущелье».

К нему подошла Тэнэт. По ее фигуре было видно, что она готовилась стать матерью.

– Бент! – тихо окликнула его Тэнэт.

Норвежец не отрывал взора от «Золотого ущелья», но не видел его. Печаль затаилась в его неподвижных водянистых глазах, мозолистые руки безвольно повисли.

– Бент, – повторила женщина и провела рукой по его куртке из лоснящейся нерпичьей шкуры.

Ройс лишь на секунду взглянул на нее и снова отвернулся к мысу, за которым скрылась «Колыма».

«Что же делать? Что же делать тебе, Бент Ройс? – мысленно обращался он к себе. – Контракт – фикция, бумажка. Компании нет. Мало этого, тебя вышвыривают, как щенка, из «Золотого ущелья». А ведь там золото! Оно уже близко…»

– Иди кушать, Бент, – еще раз попыталась привлечь его внимание Тэнэт.

Но Ройс не отзывался. Тэнэт ушла в ярангу.

С юга быстро надвигалась сплошная облачность, Она уже закрыла солнце, коснулась вершин прибрежных гор.

Кто увезет Ройса в Ном? Ведь у него нет ничего, А там, что будет делать он там? К дядюшке? Грузить уголь? Увертываться от пинков хозяина?..

Усталый Ройс сел. Ему вспомнились Джонсон и Олаф Эриксон. Где-то Олаф? Вероятно, и он попал в такое же положение.

С моря тянуло сыростью.

Нестройная цепь картин прошлого мелькала перед невидящим взором норвежца: школа, родные, Марэн… Вот он на борту «Гоулд бич» плывет в Америку – «страну сказочных возможностей», где, как ему говорили, каждый парень может стать президентом… Потом Ливерпуль – город высоких зданий и бедных людей. Нью-Йорк, Калифорния. Встреча с дядей и родственниками, работа на ферме. Бегство, железная дорога. Путь к Сиэттлю. Друзья-попрошайки, грабители. Встречи с индейцами. Юкон.

Ройс поежился: влажный туман волнами наступал с юга. Вспомнились погибшие на Аляске, замерзшие золотоискатели, их окоченевшие трупы… Но он уже снова в Сиэттле. Он – машинист на шхуне. Потом – опять Ном. Неожиданное знакомство с Мартином и Олафом. И наконец мистер Роузен. И вот – четвертого июля 1900 года Бент высаживается на Чукотке, недалеко от залива св. Лаврентия.

Низкие облака совсем прикрыли море, стлались по берегу. Все утонуло в этой белесой мгле: и поселение, и очертания берегов, и море, и Бент Ройс.

Начал накрапывать дождь. Норвежец пошел к жилью.

Тэнэт и ее старуха мать с тревогой наблюдали, как беспокойно спит сегодня этот человек другой земли, хотя для них уже давно не чужой, Тэнэт стала его женой, скоро у них будет ребенок.

За эти годы Ройс свыкся с жизнью чукчей. Вместе с охотниками выходил на промысел, стал своим в поселении. Но все свободное время он работал в забое. Не раз владельцы шхун предлагали ему сделаться их торговым агентом, хотели оставить ему товары. Ройс не соглашался, это связало бы его, мешало бы поискам золота. Его не устраивали обещанные двести-триста долларов в год, он хотел большего: богатства, а не крошек со стола богачей. К тому же за долгие годы бродяжничества он привык к независимости. Здесь он не подчинялся никому, и он верил, что рано или поздно доберется до золота.

Ночью Ройс проснулся, сел, огляделся. Тэнэт и ее мать спали.

Да, он не должен был подписываться под этой бумагой. Он, наконец, мог бы объяснить, что тут у него Тэнэт… Но разве он знал? Спросили документы.

Бент закурил трубку. «Что же делать? Что же делать тебе, Бент? Вернуться в Ном? Компании нет. Договор – пустая фикция. Ах, мистер Роузен!.. – Ройс покачал головой. – А если все-таки остаться здесь, что будет тогда?..» Тогда будет то, о чем предупреждала подписанная им вчера бумага… Да, ему не следовало подписывать!

И снова, опять и опять, как днем, мысль его невольно возвращалась к прошлому, заставляя передумывать весь пройденный в поисках богатства, золота нелегкий и безрадостный путь.

По договору с компанией он должен был обследовать длинную полосу побережья. Но разве его вина, что мистер Роузен оставил его без продуктов? А ведь там, именно там,

наверное, есть золото! Норвежец вспомнил проходившего через Энурмино немца-путешественника, за семнадцать тысяч марок тот пешком обходил земной шар. Этот немец шел с Колымы и говорил, что там золота много, как нигде в другом месте…

Ройс достал из-под шкуры дневник. Нашел записи, относящиеся к встрече с немцем. Семнадцать тысяч марок этот человек должен был получить лишь при том условии, если будет путешествовать без денег, добывая пищу в пути. И он шел… Почему же Ройс – сильный, закаленный человек – не может отправиться на Колыму, а сидит здесь, когда именно там, на Колыме, ждет его богатство и счастье?.. Он уцепился за эту мысль. «Золотое ущелье» никто не захватит, он всегда успеет вернуться сюда. Ему даже необходимо хотя бы временно покинуть эти места: ведь он подписал бумагу.

Поглаживая рукой заросшее лицо, он сосредоточенно думал. Сон вернул ему равновесие, он стал способен трезво рассуждать. У него есть ружье и патроны. Нужно быть дураком, чтобы вернуться в Штаты.

Где-то в другом конце Энурмино завыла собака. Мелкий дождь мерно шелестел по куполу яранги. Спокойно шумело море. Сейчас лето. До зимы он успеет…

Что-то бормоча, во сне зашевелилась Тэнэт. Ройс поглядел на нее. И вдруг ему стало жаль эту добрую тихую женщину. Вспомнил ее сестру Тауруквуну, задумался.

К воющей собаке присоединилась другая, уже ближе. Чего они воют?.. И так тошно.

Дождь, дождь, дождь…

А все-таки как же Тэнэт? Ройс снова набил трубку. Что ж Тэнэт? Он найдет золото и пришлет ей всего на десять лет. Разве это отразится на его благополучии? Не может же он из-за нее… Не должен же он…

Чуть не все собаки поселка подняли невыносимый вой.

– Проклятые! Чтоб вы сдохли!

Тэнэт успокоилась, спит. Старуха тоже опит.

Шелестит и шелестит мелкий, противный дождь.

Ройс вносит в дневник события минувшего дня. Он не суеверен, но дата – тринадцать – и день – понедельник – наводят его на размышления. В такой же день и такого же числа он убедился, что Джонсон – плохой товарищ. Бент ошибался в нем, посчитав его лучше Олафа.

Где же Олаф? Как плохо одному! Норвежец открыл сумку со старым, пожелтевшим письмом. «…Буду ждать еще год», – писала в последний раз Марэн. Уже давно прошел этот срок… А ведь Бент обнадежил ее! А сам?.. Но не возвращаться же ему с пустыми руками! Он раскурил угасшую трубку.

Собаки постепенно смолкли.

Да, Колыма… Видно, не напрасно мистер Роузен посылал его к Колыме. Вот и немец… Уж не сам ли Бент свалял дурака, что столько лет болтался в этом «Золотом ущелье»? Нужно было тогда же, сразу, пока были продукты… Но немец вот и без продуктов…

Ройс устал думать. Его одолевала дрема.

…Через два дня, как только прекратился дождь, ночью, тайно от Тэнэт и ее матери, он ушел на Колыму.

Глава 30
У ВОСТОЧНОГО МЫСА

На следующий год на борту военного транспорта «Шилка» северо-восток России посетил генерал-губернатор Приамурского края.

Генерал только что сошел с мостика и теперь, раздраженный безуспешностью погони «Шилки» за какой-то быстроходной шхуной – на ее корме была отчетливо видна пушка, – сидел за письменным столом в своей каюте. На столе – безупречный порядок. В секциях настольной полки аккуратно разложены папки, доклады, книги. Перед чернильным прибором стопка плотной бумаги; на титульном листе выведено: «Унтербергер. Очерки Приамурья».

Плотный, с одутловатым лицом, генерал Унтербергер нервно постукивал карандашом по зеленому сукну. Ему определенно не повезло, – но не писать же в своих очерках, что во времена его губернаторства безнаказанно плавали в северо-восточных водах вооруженные контрабандисты!

– Возмутительно! – вслух произнес он и слегка повернулся вместе с вращающимся креслом.

До своего последнего назначения Унтербергер много лет занимал пост военного губернатора Приморья, и в мемуарах своих он старался подробно описать все достижения по освоению Дальнего Востока. Вот и теперь, желая своими глазами увидеть, что же достигнуто на окраинах, он и решился – в свои уже преклонные годы – на это длинное и утомительное путешествие. Еще час назад он писал: «Морские сношения области как с Европейской Россией, так и с заграницей год от году все увеличиваются, причем преобладающими являются во Владивостоке германские, а в Николаеве японские суда». Начальник края полагал, что после ликвидации «Северо-Восточной компании» возможность плавания здесь американских судов исключена. На деле же оказывалось иное…

Начальник края взял с полки «Дело Северо-Восточной компании» и, не раскрывая папки, опустил на нее тяжелую старческую руку. Через открытый иллюминатор его взор был устремлен куда-то вдаль. Там, на востоке, ему чудились очертания Аляски, из которых, как из тумана, всплывал далекий Петербург, откуда русский царь Петр Первый послал экспедицию проведать, где Азия «сошлась с Америкой» или между ними есть пролив…

«Шилка» шла этим проливом. И, казалось бы, не столь значительное само по себе событие будоражило не только старого генерала. В кают-компании среди гардемаринов, которые проходили практику на военном транспорте, царило бурное оживление. Будущие морские офицеры, совсем еще юноши, перебивая друг друга, вспоминали все слышанное или читанное об этих далеких местах.

– Ну, что ты затвердил: «Петр, Петр»! Да кто об этом не знает? Петр Первый в твоих похвалах не нуждается, право же!

– Но представь, что камнем преткновения на пути расширения торговых связей России с ее восточными соседями…

– Была слабость географических познаний того времени? Знаем и это.

– И Петр Первый, наука того времени… – не унимался юноша.

– Послал Беринга? Знаем!

Раздался взрыв дружного смеха.

Пользуясь отсутствием старших, гардемарины сидели в самых беспорядочных позах на диванах, креслах, верхом на стульях.

– А вот знаешь ли ты, что русские землепроходцы еще до Петра, до Ермака начали свой путь на Восток? Ты читал Чернышевского? Нет? Жаль. А ведь присоединение Сибири, Приморья и даже Русской Америки было прежде всего плодом усилия частных людей. Да! – назидательным тоном заявил Иван Тугаринов – гардемарин с непослушными вихрами на русой голове.

– Семен Дежнев, Ерофей Хабаров.

– Григорий Щелехоз, Поярков.

– Невельской! – послышались звонкие голоса.

Вихрастый юноша с мужиковатым лицом поднялся со стула, заходил по каюте.

– Шелехов… – задумчиво произнес он. – Кадьяк. Юкон. До Калифорнии дошел! – В глазах его блеснуло восхищение. – Это же русский Колумб!

Черноглазый гардемарин с горящим взором вскочил с дивана:

– Колумбы росские, презрев нещадный рок, меж льдами новый путь проложат на Восток, и наша досягнет в Америку держава! – с задором продекламировал он пророческие слова Ломоносова, слегка перевирая стихи.

Тугаринов помрачнел, остановился:

– Досягнет… Досягнули. Да продать догадались.

– Семь миллионов двести тысяч, – подзудил кто-то.

– Преступление! – гневно бросил Тугаринов. Сунув руки в карманы брюк, он разбросал полы мундира. – Открыть, исследовать, освоить – сколько времени, сил, жизней! – и… продать.

Воцарилась напряженная тишина.

– Не продали, а уступили, желая укрепить дружеские отношения с Соединенными Штатами, – заметил тот же поддразнивающий голос. – Мы же богатые! Что нам стоит…

– А я бы, господа, на месте батюшки-царя, – вмешался опять гардемарин, который едва успел утихомириться после того, как ему не дали прославить Петра и науку того времени… – я бы отдал обратно эти семь миллионов!

– Господа! – пискливо выкрикнул юноша с белым, как у девушки, лицом. – Прошу, господа, – запинаясь, продолжал он, – прошу священную особу государя…

Он так и не закончил фразы.

«Отдаст, дожидайся! – думал Тугаринов. – Царь за двадцать лет службы милостиво заплатил Дежневу тридцать восемь рублей, двадцать два алтына, три деньги серебром да девяносто семь аршин сукна… А тут семь миллионов. Нет уж, что с воза упало пиши пропало. – Он отошел к иллюминатору, постоял, вышел на палубу. – Не сам, поди, открывал да осваивал…»

Давно волновал Тугаринова этот возмутительный факт – еще там, где он родился и рос, среди поморов, где из уст в уста поколение поколению с любовью передавало историю жизни земляка Михайлы Ломоносова, рассказы о подвигах землеоткрывателей. Видно, с тех пор запала искра протеста в сердце юноши.

К тому же его всегда бесило, когда этот князь с золотыми часами и противным голосом одергивал товарищей. Особенно свысока смотрел князек на него, Тугаринова, брезгливым взглядом подчеркивая свое превосходство и как бы молча недоумевая: «Не понимаю, каким образом этот мужик оказался среди нас!..»

Мимо Тугаринова пробежал вестовой, постучал в дверь генерал-губернатора, припал к ней ухом, постоял несколько секунд и тут же скрылся в каюте.

– Ваше высокопревосходительство! На траверзе «Шилка» мыс Дежнева и острова святого Диомида. Командир ждет вашего приказания.

Генерал медленно повернулся от стола и перевел взгляд на вытянувшегося у порога в стойке «смирно» молодого стройного мичмана с черными усиками. «66°5′ северной широты, 169°39′ восточной долготы», – припомнил он координаты мыса Дежнева. – «Отдельный горный массив. Скалистые берега зубчатыми уступами почти отвесно спадают к морю…» – так он где-то читал об этом мысе.

– Передай командиру, – чуть вздернув облысевшую голову, сказал начальник края, – что генерал-губернатор хотел бы вначале посетить остров.

– Есть посетить остров! – повторил вестовой, щелкнул каблуками и вышел.

Унтербергер решил пока ознакомиться с литературой, принесенной ему по его просьбе старшим офицером «Шилки». К немалому своему удивлению он увидел брошюры, книги, журнальные статьи, принадлежащие перу Богораза, – до этого генерал-губернатор слышал о нем только как о ссыльном…

Капитальный труд о чукчах, материалы для изучения эскимосского языка, рассказы о Чукотке, стихотворения, очерки быта «оленных чукчей», материалы для изучения чукотского языка и фольклора… – перебирал Унтербергер.

«Очерки Приамурья» утонули среди трудов Богораза, едва виднелись из-под них.

Губернатор просматривал оглавление объемистой книги.

– Целая история… Это же настоящее исследование! – воскликнул пораженный генерал-губернатор. «Какая активная нация эти русские, – подумал он. – Ссыльный, народоволец, а вот полюбуйтесь!.. И ведь не только этот. А сколько было хлопот еще с Невельским! Ате – Хабаров, Дежнев, Поярков… Да разве их упомнишь, всех этих, вроде Шелехова, или как бишь его?..»

«Шилка» шла на «ост». Мыс Дежнева становился все бесформеннее, серее.

– По курсу у северного берега острова вижу шхуну! – раздалсй над палубой голос впередсмотрящего.

Командир корабля поднял подзорную трубу.

– Самый полный вперед! – скомандовал он в машину.

Вестовой стоял наготове, ожидая приказания доложить о шхуне губернатору. Но капитан молчал. «Зачем беспокоить старого человека? – думал он. – Только самому неприятности… А разве я виноват, что у любого контрабандиста шхуна быстроходнее моего военного корабля?»

Быстро приближался остров. Все, кроме губернатора, пристально наблюдали за шхуной.

– Шхуна снимается с якоря! – донес впередсмотрящий.

Но кто же этого не видел и сам… На палубе и мостике было тягостное молчание. «Шилка» по-прежнему шла полным вперед.

Молодой штурман то смотрел в дальномер, то что-то вычислял в записной книжке.

– Господин капитан второго ранга! Разрешите? – он вдруг подскочил к командиру корабля.

– Слушаю вас, – усталым голосом отозвался тот.

– Скорость купца меньше нашей. Тридцать миль – и он будет настигнут!

Лишь на мгновение загорелись глаза командира. Но уже в следующий момент он мрачно сказал:

– Вы забываете, что, следуя этим курсом, уже через двадцать миль мы оказались бы в чужих территориальных водах…

Сконфуженный своей недальновидностью, молодой штурман молча взял под козырек и отошел.

Шхуна удирала к мысу принца Уэльского.

…Начальнику края быстро надоели и работы Богораза и другие книги. Он снова взялся за свои очерки.

«…Горная промышленность является одним из серьезных факторов для развития жизни вообще в Приамурском крае, – писал он. – В этих видах казалось бы целесообразным облегчить иностранным капиталам доступ к занятию горным и золотым промыслом в областях Дальнего Востока».

Очерки Унтербергера были уже готовы, и сейчас он лишь дополнял их отдельными замечаниями. Просматривая выводы, Унтербергер добавлял: «Применение каторжного труда на дорогах дало столь хорошие результаты, что размеры его предполагалось значительно увеличить. Это облегчает задачи тюремных ведомств в приискании полезной работы для заключенных и в разрежении переполненных тюрем».

«Шилка» остановилась у берега острова, и генерал прервал свои размышления о судьбах края.

Окруженный офицерами и гардемаринами, в форменной фуражке, с орденами на светлом кителе, начальник края сошел на берег.

Туземцы с любопытством рассматривали и его, и всех таньгов с блестящими полосками на плечах.

Тагьек, Тымкар и многие другие островитяне умели говорить по-русски; это облегчало общение, так как чукотского или эскимосского языка никто из команды не знал.

Губернатор пожелал осмотреть жилища.

Эскимосы настороженно шли сзади.

Уже в наружной части землянки Емрытагина, стоявшей в стороне от других, генерал задал недоуменный вопрос:

– Позвольте, а где же печи? Ведь здесь должны быть сильные холода.

Старший офицер разъяснил, что эскимосы, как и чукчи, отапливают и освещают свои жилища жирниками. И он указал на каменную плошку с фитилем, стоящую на низкой

подставке прямо на полу спального помещения.

– Я готов вам поверить, молодой человек, но где они выпекают хлеб?

Наступило замешательство. Сказать прямо, что хлеба они не выпекают, было неловко; но губернатор ждал, повернувшись к старшему офицеру, – кстати, вовсе уже не молодому человеку…

– Хлеб, ваше высокопревосходительство, – запинаясь, начал было тот, – они…

Он не успел договорить, как генерал уже перебил его, нахмурив седые брови:

– Как? Вы полагаете, что они не знают хлеба? А вот сейчас мы это выясним. Потрудитесь приказать, чтобы съездили. Пусть-ка привезут! Пусть-ка… – и он направился к выходу.

Тымкар решил пожаловаться русскому начальнику на чернобородого янки, который разрушил землянку Емрытагина. Но Унтербергер либо не понял его, либо просто не был настроен принимать жалобы. Он ответил:

– Государь император о вас печется, как и об остальных своих подданных. В Славянске находится уездный начальник барон Клейст, к нему вы и должны обращаться со всеми своими нуждами.

Командир «Шилки», остававшийся на борту, посчитал, что губернатор решил преподнести туземцам подарки, и отправил на берег целую шлюпку угощений.

Когда матросы перетащили все это к одной из землянок, где задержалась генеральская свита, эскимосы насторожились еще больше. Им вспомнился рассказ Тымкара, как чернобородый угощал чукчей, а потом увез его за пролив. Морякам едва удалось убедить островитян, что это просто подарок. Мало-помалу эскимосы один за другим, все, кроме Тымкара, начали пробовать угощение. Хлеб они ели, как лакомство, переговариваясь и улыбаясь.

Старый генерал сиял:

– А вы, молодой человек, говорите мне, что они не знают хлеба, – заметил он старшему офицеру. – Полюбуйтесь, как они его уплетают!

Старший офицер дипломатично смолчал: речь-то шла о выпечке хлеба… Он всматривался в «Шилку». Там, казалось ему, что-то происходило. По палубе бегали люди, судно разворачивалось, и вдруг он увидел поднятый сигнал:

«Застопорить машину. Лечь в дрейф!»

Гардемарины тоже заметили сигнал; он быстро сменился другим: «Предупреждаю, открою огонь!»

«Шилка» полным ходом шла вдоль берега.

– Ваше высокопревосходительство! – взволнованно обратился старший офицер. – «Шилка» заметила какое-то судно и приказывает ему остановиться.

– Что? Где судно? Задержать! – Генерал быстрыми шагами направился к берегу.

Все последовали за ним. Только эскимосы в нерешительности остались на месте: они видели – происходит что-то странное, и не знали, что же делать им.

Вдруг на палубе «Шилки» блеснуло пламя и раздался предупредительный пушечный выстрел.

Островитяне в ужасе попадали на землю: им хорошо был памятен визит чернобородого… Но на них никто не обратил внимания.

«Шилка» преследовала какую-то шхуну. Командир твердо решил силой задержать ее: в конце концов пираты не заслуживают иного обращения.

После второго выстрела с русского корабля – снаряд едва не угодил в руль – «Китти» остановилась.

«Следовать за мной!» – подняла сигнал «Шилка» и, приблизившись, навела на шхуну бортовые орудия.

Никаких сигналов больше не видел Билл Бизнер – капитан «Китти». В отчаянии он метался по мостику. «Какое невезенье! Напороться вплотную…» Он бросился к вахтенному и рукояткой пистолета ударил его по лицу. Тот повалился на леера.

– Ага, попалась, голубушка! – генерал потирал руки (теперь будет о чем доложить сенату!). – Шлюпку! – скомандовал он.

Поднявшись на палубу своего корабля, губернатор ласково сказал командиру, пожимая ему руку:

– Благодарю вас, капитан. Вы оправдали мои ожидания.

На борт «Китти» уже поднялись русские офицеры и матросы. Комендоры «Шилки» продолжали стоять у орудий.

Как выяснилось, «Китти» возвращалась в Сан-Франциско, но по пути решила заглянуть на острова. Она шла вдоль берега, с юга огибая остров, и наткнулась на «Шилку», выйдя из-за последнего мыса. Ее трюмы были наполнены тюками с пушниной, бочками спирта, товарами, продовольствием.

В одном из трюмов матросы с «Шилки» обнаружили шестерых чукчей в наручниках. Заканчивая торговый рейс у берегов Азии, Бизнер теперь накапливал «живой товар» для аргентинских плантаторов. Среди узников оказался и Пеляйме: заметив его в море на промысле, капитан «Китти» подошел вплотную к байдаре и пригласил охотника подняться на борт, продать добытую им нерпу. Дальнейшее уже не требовало особых усилий. Пеляйме оказался в трюме, а его байдара была потоплена. Так же попали в плен к работорговцам и остальные пятеро – целая охотничья артель. Родные считали их погибшими в море, а они, беспомощные, обреченные на быструю смерть в жарких широтах, ничего еще не понимая, куда-то плыли с металлическими браслетами на руках…

…Убедившись, что стреляли не по берегу, любознательные эскимосы уже подплывали на байдарах к кораблям, стоящим борт к борту. По переброшенному трапу на «Шилку» переходила под конвоем команда задержанной шхуны.

И тут с одной из байдар раздался истерический женский крик. Это Майвик узнала среди американов свою дочь…

– Амнона! – дико закричала она. – Амнона!

Майвик вскочила на ноги, байдара резко накренилась. Ее схватили, пытаясь усадить, но женщина рвалась, кричала, цепляясь за штормтрап «Шилки».

– Мама… – глухо откликнулась черноволосая женщина в европейском платье и пошатнулась на трапе.

– Что за крик? – спросил, быстро подойдя, капитан «Шилки». – Женщина? Откуда?

Со связанными руками, в расстегнутой меховой куртке поверх клетчатой красной ковбойки, Билл Бизнер стоял рядом с эскимоской.

– Кто капитан? – спросил командир «Шилки», хотя он приметил этого человека в меховой куртке еще на мостике.

– Капитан «Китти» – я, Билл Бизнер, подданный Соединенных Штатов, – вызывающе ответил тот.

«Осел, – подумал старший офицер. – Он полагает, вероятно, что делает услугу Штатам, заявляя, что он подданный Америки…»

– Что за женщина? Почему, увидев ее, кричит эскимоска?

Билл Бизнер все так же дерзко ответил:

– Я не намерен вступать с вами в объяснения, капитан. Мы будем говорить в присутствии консула Соединенных Штатов, если вам угодно заниматься расследованием. – Он надеялся, что мистер Роузен сумеет все уладить.

Между тем женщина в байдаре все кричала, рвалась на корабль.

– Пустите ее на борт, – приказал капитан.

Эскимоска бросилась к дочери.

– Отдайте мне ее! – исступленно взмолилась мать.

Она ощупывала свою дочь, терлась щекой об ее лицо.

Унтербергер, услышав крики, позвонил. Вбежал вестовой.

– Командира с докладом!

– Есть командира с докладом! – и вестовой исчез.

Через несколько минут, выслушав рапорты офицеров и выяснив дело с эскимосской женщиной, капитан второго ранга явился с докладом к генерал-губернатору.

– Приведите ко мне этого разбойника, – приказал Унтербергер.

Увидев генерала, Билл Бизнер помрачнел. Вежливо он уверял, что был на соседнем острове, как известно, принадлежащем Соединенным Штатам, и лишь по особым условиям плавания в этом районе должен был обогнуть остров Большой Диомид с запада, направляясь к мысу Уэльского на… восток. Он также убеждал губернатора, усердно жестикулируя (руки ему уже развязали), что никогда не бывал у азиатских берегов.

– Ваше высокопревосходительство, – раздраженный ложью, обратился к губернатору командир «Шилки», – разрешите огласить вахтенный журнал.

Унтербергер кивнул головой. Капитан подошел к столу, раскрыл журнал «Китти». У Бизнера потемнело в глазах. «Скотина! Даже журнал не успел уничтожить», – мысленно выругал он Вахтенного.

Командир «Шилки» читал:

– «20 июня, 16 часов 07 минут; стали на рейде мыса Беринга. 29 июня, 11 часов 20 минут; вошли в бухту Провидения».

Зашелестел перевернутый лист, и снова запестрели названия заливов, мысов, бухт, среди них – залив св. Лаврентия, Уэном, Наукан, Уэллен, Энурмино, Ванкарем.

– Достаточно, – остановил губернатор. – Судно контрабандистов взять на буксир. Команду – под арест. Дочь вернуть матери, подробно опросить. Следовать к мысу Дежнева. Узников высадить на Чукотском побережье!

…Утром «Шилка» стояла на якоре у скалистого мрачного мыса Дежнева.

На взгорье виднелся эскимосский поселок. С высокого берега жители его рассматривали два корабля.

Бодрый, чисто выбритый генерал-губернатор вышел на палубу. Командир подошел к нему с обычным утренним рапортом.

Послышалась команда: «Вольно!»

– Так вот он, батюшка, каков! – произнес хозяин края, осматривая мыс.

В скалах кричали кайры, то и дело перелетая с места на место. Волны тихо набегали на берег.

Гардемарины, в отдалении прислушивавшиеся к словам старого генерала, принялись тоже тщательно оглядывать мыс, хотя и вышли на палубу значительно раньше губернатора.

Белобрысые брови Ивана Тугаринова были нахмурены. «Двести шестьдесят два года прошло, – подсчитывал он в уме, – с тех пор как этот смелый казак Семен Дежнев прошел из устья Колымы на Анадырь, обогнул северо-восток Азии. А хоть бы какой-нибудь памятник поставили ему… Даже свое нынешнее название «мыс Дежнева» этот скалистый берег получил только двести пятьдесят лет спустя после великого географического открытия. Какое небрежение! – думал гардемарин. – Вот губернатор захватил шхуну и доволен, как маленький. А сколько их ушло, сколько их еще тут бороздит наши воды! Знал бы Семен Дежнев…» Смелая и дерзкая мысль заставила юношу, чеканя шаг, подойти к губернатору.

Однокурсники, матросы, офицеры остолбенели от изумления. Но генерал сегодня определенно был в превосходном расположении духа. Он милостиво обернулся, вопросительно подняв брови.

– Ваше высокопревосходительство! – обратился к генералу юный помор, почтительно остановившись в трех шагах. – Разрешите, ваше высокопревосходительство, – вторично оттитуловал он губернатора, – воздвигнуть на этом мысе крест Дежневу.

Унтербергер пожевал тонкими губами, мясистый нос его шевельнулся.

– Крест? Он похоронен здесь?

– Никак нет, ваше высокопревосходительство. Он первый доказал, что Азия и Америка разделены проливом.

– Крест… – губернатор пожал плечами. – А что же он будет означать, этот крест?

– Мы укрепим на нем медную доску, где напишем, в честь кого, кем и когда он

поставлен.

«Кем и когда… – мысленно повторил губернатор, изящно поковыряв мизинцем в ухе, – Кем и когда…»

– Что же, это любопытно, – оживился он. – Я одобряю, молодой человек, – он слегка кивнул головой. И, уже было отвернувшись, спросил: – Как ваше имя?

– Гардемарин Иван Тугаринов, ваше высокопревосходительство!

– Превосходно, молодой человек! Я одобряю, – вторично подтвердил генерал. – Но не займет ли это слишком много времени? Медная доска, текст… Нам пора возвращаться во Владивосток.

– Два часа, ваше высокопревосходительство, – с надеждой во взоре, сам не зная, почему определил именно такое время, пылко ответил земляк Ломоносова.

– Два часа – я согласен, – Унтербергер взглянул на свои большие часы и стал продолжать утреннюю прогулку по палубе.

Командир корабля вызвал боцмана. Вскоре в шлюпку грузили цемент, лопаты, якорные цепи, лоток, ведра.

Текст для доски составил старший офицер. Генерал одобрил.

Матросы принялись за дело.

Тугаринов суетился больше всех. Он размечал на мемориальной доске текст, а трюмные острыми зубилами высекали слова. Плотники обтесывали бревна.

Капитан сам сошел на берег и, поднявшись футов на триста, выбрал господствующую на предгорье высоту. Это была остроконечная сопка с небольшой скалой на вершине. У подножия этой скалы и начали копать ямы для основания креста и оттяжек.

Почти все гардемарины были на берегу. Одни пошли поглядеть на туземок, чтобы было потом что рассказать своим приятелям в Петербурге, другие просто прогуливались.

Только трое из будущих офицеров остались на корабле. Они давали советы трюмным и плотникам, одновременно рассказывая им о плавании Семена Дежнева, об открытиях Шелехова, о Русской Америке. Вокруг них собрались комендоры, кок, вестовые.

– Да ну? Неужто и Америку с северо-запада проведали нашенские, русские? – пробасил кто-то из команды.

– Чем же они думали, те царевы министры, коль додумались продать Аляску?

– А что им впервой, что ли, землями да лесами торговать!

– Только, братцы, поспешайте, – забеспокоился Тугаринов. – Слышали ведь: два часа. Не успеем – заштормит того и гляди море, и не станут ждать, уйдут.

– Лишь бы раньше срока не ушли, а так-то мы враз закончим.

И снова застучали молотки по зубилам, засвистели фуганки.

Через два часа генерал поднимался по крутому склону, чтобы лично присутствовать при открытии памятника.

Большой, в семь сажен высоты, крест из двойных брусьев уже стоял на высокой сопке. В три стороны от него тянулись цепные оттяжки, вцементированные в землю. Плотники завинчивали гайки кронштейнов, на которых была укреплена мемориальная доска, пока окутанная брезентом.

Неподалеку стояли эскимосы.

Ровно в десять утра часть экипажа выстроилась у креста.

Взвилась ракета. Офицеры взяли под козырек. Корабль поднял сигнал приветствия и тридцать один раз выпалил из орудий.

Сдернули брезент с блестящей, из желтой меди, доски, обрамленной такими же трубками, и все увидели надпись:

ПАМЯТИ ДЕЖНЕВА

Крест сей воздвигнут в присутствии Приамурского генерал-губернатора генерала Унтербергер командою военного транспорта «Шилка» под руководством командира капитана 2 ранга Пелль и офицеров судна.

1 сентября 1910 года.

Мореплаватели приглашаются поддерживать этот памятник.

Ниже – такая же надпись по-английски, с той лишь разницей, что датирована она 14 сентября.

Судовой фотограф запечатлел момент открытия памятника.

– Да будет ему вечная память! – сказал начальник края и поздравил команду с достойным славных русских моряков делом.

Спустя четверть часа «Шилка», а за нею и плененная «Китти» выбрали якоря.

В прекрасном настроении, сбросив китель, генерал-губернатор расхаживал по своей просторной каюте и что-то напевал. Его синие брюки с красными лампасами мелькали от двери к иллюминатору.

Из кают-компании доносились голоса гардемаринов: они о чем-то спорили.

Только помор Иван Тугаринов да несколько матросов и офицеров молча глядели на восток. Им казалось, что они различают очертания Русской Америки. И отпечаток горьких дум ложился на их молодые лица.

По хмурому небу ползли тучи. Но непокорное солнце прорывалось сквозь них, и медная доска, установленная в память о Дежневе, вновь пламенела над проливом.

Глава 31
ПЕЧАЛЬНАЯ РАДОСТЬ

В семье Тымкара радость: родилась дочь. Правда, еще трудно сказать, будет ли она похожа на отца, но все равно – какой отец не сияет в такой день!

Что-то напевая, Тымкар стоит на коленях рядом со своей землянкой перед каменной глыбой; в его руках необычно толстый гвоздь и каменный молоток, скрепленный с ручкой сыромятными ремнями. Тымкар выдалбливает чашу для жирника.

Все, все нужно сделать Тымкару. Вчера он утеплил полог сухой травой и наконец-то переселился из жилища Тагьека. Кто посмеет сказать теперь, что он – «только тело имеющий», «зря ходящий по земле человек»? У него жена, сын, дочь, своя землянка, байдара есть, снасть. Скоро у него будет своя упряжка: вот только подрастут щенята (Тымкар посмотрел в сторону, где Тыкос возился с ними и сильно похудевшей Вельмой).

– Гой-гой-ге! – в такт ударам молотка по остроконечному стержню напевает Тымкар. – Будет у Тымкара все, будет! Гой-гой! Нарта будет, ге! Вырастут щенки. (Куски камня отлетают от глыбы). Наловлю песцов, лисиц. Гой-го! Будет у Тыкоса ружье. Гой-гой-ге! Будет. Все будет у Тымкара. Гой-ге! Гой-ге-ге-ге!

Остров присыпан снегом. Проливом идут на юг льды. Их скрежет и рокот веселят сердце Тымкара: это голос родной стихии.

Морозно. Но лоб Тымкара влажен от пота. Счастливый отец без шапки и рукавиц, в летней одежде из тюленьих шкур.

В поселении безлюдно: эскимосы отплыли на моржовый промысел. Женщины шьют в землянках зимнюю одежду, нянчат детей. Подростки бродят по берегу, собирают моллюсков, плавник, морскую капусту.

Небо хмурое, зимнее. Кровли землянок, сливаясь с белым фоном земли, едва различимы даже вблизи.

– Гой-гой-ге! Ге-ге-ге!

От глыбы отваливается ненужная часть. В руках Тымкара почти готовая чаша-жирник. Он поднимает ее, осматривает со всех сторон.

Тыкос – этот рослый худой мальчик – заметил байдару, бросил щенят, побежал к берегу, оглашая поселок радостными восклицаниями:

– Хок-хок-хок!

Тымкар нахмурился, лоб прорезала глубокая поперечная морщина: Тыкос предпочитал говорить по-эскимосски… «Хок-хок…» Не нравилось это отцу.

Семеро щенят, тыкаясь тупыми мордочками в землю, поползли под брюхо матери, скуля и повизгивая. Бельма слегка зарычала, хотя и не двинулась с места: детеныши досаждали ей своей ненасытностью.

Смеркалось. Тымкар заканчивал отделку каменного жирника. Нужно сделать это уже сегодня. Сипкалюк холодно с одним светильником, да и надолго ли хватит черепа моржа, обгорит скоро.

От берега к землянкам шли люди, тащили куски моржового мяса. Нагуя, сын Тагьека, и Тыкос тоже несли по куску моржатины. Ее получал каждый, кто вышел встречать охотников: таков обычай.

Встретив сына, Майвик пошла к землянке Сипкалюк помочь сварить мясо: та совсем еще слаба. В пологе зазвучал ее звонкий голос. Голоса Сипкалюк не было слышно. Тымкар прислушался, сердце замерло, что-то подкатило к горлу. Он влез в землянку, быстро приподнял шкуру, отделявшую спальное помещение.

При слабом свете жирника он увидел бледное лицо жены; она очень тихо что-то отвечала краснощекой Майвик. Увидев мужа, повернула к нему лицо, едва заметно улыбнулась. Тымкар облегченно вздохнул, протягивая каменную плошку. Улыбка Сипкалюк стала еще шире. Майвик взяла из его рук каменный светильник и поставила поближе к племяннице.

– Мох запасла? – спросила она хозяйку.

Та утвердительно кивнула головой. Майвик выползла за мхом, чтобы сделать из него фитиль.

Тымкар сразу же подвинулся к жене и, почти касаясь лицом ребенка, втянул носом его запах. Его глаза, добрые, счастливые, повлажнели. Сипкалюк улыбалась.

Полог приподнялся: Тыкос впускал на ночь щенят в спальное помещение. Пугливо озираясь, Вельма вползла вслед за ним. Тымкар отошел от жены и по очереди начал рассматривать и ласкать своих будущих ездовиков.

Вернулась Майвик. В пологе стало совсем тесно.

…Дни шли однообразно. Тымкар хозяйничал по дому, шлифовал моржовые клыки. Тыкос воспитывал щенят, приучал лакать мясной отвар. Окрепнув, Сипкалюк готовила пищу, шила одежду, нянчила дочь.

Дули ветры. Однако многие охотники все же уходили во льды за нерпой. Тымкар томился: двадцать пять дней после рождения ребенка отец не должен заниматься промыслом. «Непонятный обычай, – думал Тымкар. – Кто выдумал его?» Сипкалюк нужно свежее мясо, а приходиться есть тухлое, добытое еще весной. Тыкос спрашивал отца, почему он не идет за нерпой. Тымкар молчал, хмурился, почти не выходил из землянки. Хорошо – хоть землянка своя! Спасибо старому Емрытагину и другим – помогли. Но как станет он жить? Жир кончается. Тагьек тоже не ходит на охоту, хотя у него и не родился ребенок. Все работает по кости. Хорошо Тагьеку: он привез из Нома муку и чай, табак и многое другое. Надо, однако, скорее кончать клык, нести его Тагьеку: он даст за изделие всего понемногу. Но заказ труден, быстро не выполнишь. Тымкар сидит, склонившись над работой. Ему жаль резать на части хороший клык, Странный Тагьек, все для американов старается. Делает ножи, пластинки с точками, маленькие шхуны с парусами, тонкими, как пузырь; песцов и лисиц с острой иголкой из кости, чтобы прикалывать к кухлянкам; какие-то палочки, маленькие плошки, белых медведей, моржей, нерп, охотников… А Тымкар бы лучше нарисовал на клыке ярангу, где он родился, брата, отца и мать, Тауруквуну, Кайпэ, хитрого и жадного Омрывкута, Кутыкая. Ох, много бы нарисовал Тымкар, чтобы потом, как тот таньг Богораз, он мог по рисункам все рассказать снова! Невольно Тымкар откладывает в сторону заказ Тагьека и тянется за другим клыком моржа, где уже нарисовал кое-что…

Дочурка, Тыкос и Сипкалюк давно спят. Щенята тоже спят, сбившись в один комок. Время от времени лязгает зубами Бельма. Горят два жирника.

Тымкар задумчив. Нет, он все-таки вытерпит, не пойдет на охоту до окончания запрета: разве можно рисковать жизнью дочери? Он помнит, что Кочак и его брату Унпенеру не разрешал ходить на промысел, когда у Тауруквуны родился ребенок. Но как же так? И сынок Тауруквуны и она сама все-таки погибли… Глаза Тымкара прикованы к работе. Поджав под себя ноги, он старательно разрисовывает клык. «Сколько раз, однако, Кочак говорил неправду. Слабый шаман. Напрасно слушаем…» Сейчас Тымкар так ясно представляет себе его, злобного, с вечно прищуренным глазом. Но ведь и другие шаманы не разрешают нарушать обычаи… Все чукчи поступают так, а дети все-таки нередко умирают… Ничего не может понять Тымкар. Утомленный, он засыпает, выпустив из рук клык.

Во сне перед ним сплошной вереницей проходят люди, события, встречи. Его лицо напряжено, зубы стиснуты. Вот Уэном. Отец одобрительно похлопывает его по плечу. «Плыви, сынок…» Больно видеть Тымкару печальные глаза матери. Но он видит и лежащий на ворохе товаров винчестер. Перед юношей Тымкаром – Тауруквуна. Она делает вид, что никогда не была его женой… Потом – тундра, брусника, ивняк, какая-то очень знакомая и очень милая девушка. Сердце Тымкара щемит. Как звать ее? У нее большие карие глаза, на щеках румянец. И вдруг – аркан! Сонный Тымкар судорожно ощупывает горло, пытается сбросить петлю…

Одолеваемая ненасытными щенятами, жалобно тявкнула Бельма. Сипкалюк открыла глаза. Светят два жирника. Тепло. Все спят.

Сны не покидают Тымкара. То он падает с трапа вместе с чернобородым янки, то бросает в него камнем, то видит печальные глаза старика Вакатхыргина. Но почему старик так смотрит на него? Ничего не может понять Тымкар. Откуда взялось большое стойбище американов? Целый день, не работая, они сидят в лавках. Когда они охотятся, где берут мясо? И снова – чукчи, олени, моржи, винчестер. «Так вот каков ты!» – перед ним таньг Богораз…

Тымкар проснулся, сел, огляделся, посмотрел, как Вельма нежно обнюхивает и облизывает детенышей. И Тымкару вдруг стало обидно, что он живет среди эскимосов, что жена его – не Кайпэ, а вот эта бледная женщина. И ему так сильно захотелось в Уэном, в тундру, к чукчам, к старику Вакатхыргину… Как все неладно получилось. «Желаю тебе, юноша, счастья», – в который раз вспоминались слова Богораза. Тымкар взял с кожаного пола клык, где нарисован этот таньг. Перед Богоразом сидит он, Тымкар. У таньга лицо добродушное, у него – удивленное. Костер, чайник, лагуна. Только Тымкару известно, что обозначает этот рисунок. Дальше нарисованы шхуны, пушки, разрушенная землянка Емрытагина…

Проснулся Тыкос, подполз к отцу.

– Ты что нарисовал? – спросил мальчик по-чукотски.

Отец широко улыбнулся, взял его за плечи, привлек к себе.

– Помнишь, весной приходила шхуна?

Сын утвердительно кивнул головой.

– Плохой человек там. Смотри. Вот он стоит в байдаре. Вот эскимосы. А это кто?

– Емрытагин, однако.

– Мы не будем брать товары у плохих людей, жадных, как волки. Их много, всем нужны песцы и лисицы, клыки, китовый ус. Неправильно живут чукчи и эскимосы. Так плохо жить.

Отец увлекся – смысл всех сцен, нарисованных на клыке, рассказал сыну.

– Однако, думаю я, ты ничего не запомнил, – в надежде, что это не так, заметил отец. – Пусть теперь ты станешь рассказывать.

Путаясь, Тыкос кое-что повторил. Тымкар остался недоволен. Ему хотелось услышать дословное повторение своего рассказа, как это сделал Богораз.

– Покорми собак, – сухо сказал он сыну, глядя на проснувшихся щенят.

Тыкос завозился с котлом, разбудил Сипкалюк. Тымкар отложил свою работу, взялся за заказ Тагьека.

Утром пришла Майвик, принесла лепешек, осталась пить чай, как всегда, заговорила о своей старшей дочери, украденной в Номе. Сипкалюк помнит ее совсем еще девочкой, пугливой, пятнадцатилетней… Как памятен матери тот печальный день. Явились американы с дурной водой, вскоре в землянке все потеряли разум, уснули. А когда хватились – дочь исчезла. Бедный жених день и ночь искал свою Амнону и был убит каким-то чужеземцем в одном из спальных пологов большой землянки американов в Номе. Это под большим секретом сказал ей старик эскимос, помогающий американам в том жилище. А потом (в сотый раз повторяла эту историю Майвик), сказал старик, Амнону утащили на шхуну. И ее больше никто не встречал, пока вот случайно Майвик не увидела ее на борту задержанной таньгами «Китти».

Майвик очень любит свою дочь Уяхгалик и сына Нагуя. Но Амнона… Будет ли она опять здорова? Кто ответит Майвик на этот вопрос, кто поможет вернуть счастье дочери?

В тот радостный и печальный день, когда русский военный корабль освободил Амнону из пиратского плена, она рассказывала вечером эскимосам и родным:

– …Совсем ничего я не понимала тогда. Только плакала, плакала. Насильно заставляли меня пить огненную воду. Никуда не пускали. Сами играли в кости, и я становилась женой очень многих американов. – Амнона умолкла, потупила глаза. Щеки ее заалели, что-то болезненное угадывалось в этом румянце. – Много всего видела, – продолжала она свой рассказ. – Черных людей видела. На «Китти» возили их вместе с женами и детьми – продавать.

– Много видеть – это хорошо, – вставил Тагьек.

На него оглянулась жена и Емрытагин.

– Однако я совсем перестала быть человеком…

Тагьек громко рассмеялся: «Как это можно перестать быть человеком?» Ну, а то, что его дочь нравится американам, – разве это плохо? Тагьеку всегда бывает приятно, когда эти люди говорят ему, что он им нравится. Он знал, что с Амноной ничего не случится Все будет хорошо. Только Майвик ему часто надоедает. Но теперь и она успокоится.

Черные глаза Амноны выражали страдание. Но Тагьек не видел этого.

– Почему так говоришь, дочка? – мать прильнула к ней.

– Не надо, мама, уйди. Больная я. Не будьте близко со мной. Заболеете.

Старик Емрытагин тем не менее погладил ее по голове. Но ничего не сказал. Только глаза его стали влажными, и он закашлялся.

Сипкалюк и другие женщины молчали. Тымкар хмурился.

– Не будь в задумчивости, дочка, – Майвик старалась заглянуть ей в лицо.

Она совсем не узнает свою дочь. Это уже не та пугливая девочка, какую она помнит. Лицо Амноны вытянулось, стало суровым. Глаза горят, как у волчицы. Костлявые пальцы все время двигаются, что-то сжимают, хотя руки пусты.

– Умереть мне надо, мама.

– Как? – воскликнула Майвик. – Разве ты не рада, что вернулась к нам?

– Я рада, мама. Я очень рада, мама! – голос Амноны дрогнул, она закрыла лицо руками.

Майвик заголосила. Тагьек шикнул на нее.

– Что болтает твой язык? – спросил он дочь.

Она не ответила ему.

…Это было еще летом. А сейчас Майвик снова ненова вспоминает рассказ дочери и не может справиться со своей тревогой.

В полог робко вполз Нагуя, поманил Тыкоса.

Прихватив щенят, друзья скрылись. Вельма побрела за ними. Однако щенята взяты лишь для того, чтобы обмануть Тымкара и Сипкалюк. Мальчики оставили их в наружной части землянки и пошли осматривать капканы. Тыкос уже поймал в этом году пять песцов, а начинающему охотнику нельзя в первый год своего промысла добывать больше. Но Тыкосу куда веселее на острове, чем в землянке. Ничего, если попал зверь в капкан! Они принесут его не домой, а старику Емрытагину. И все расскажут ему. Он не выдаст их. Хороший

старик. Разве он не подарил Тыкосу щенка, который стал теперь большой собакой, народившей столько щенят? Годик-два, и у Тыкоса будет упряжка. Вот уж когда поездят они!

Мальчики совсем скрылись из виду.

Тымкару невмоготу слушать причитания Майвик. Он надевает кухлянку, выползает из спального помещения.

Тымкар за последние годы еще более возмужал, раздался в плечах и словно стал выше ростом. Лицо у него смуглое, взгляд дерзкий, черные зрачки подвижны: видно, всегда голова его заполнена мыслями. У глаз пролегли морщинки, из-под шапки на лбу выглядывает глубокая поперечная складка. Красота его стала суровой.

Десять лет тому назад, когда еще были живы отец и мать, Тымкару хотелось побывать на этом острове: его манила даль. Хотелось многое видеть. И вот теперь он здесь. Придется ли ему еще пожить в Уэноме, среди тех, с кем вместе рос, играл? «Они, – думает он про сверстников, – однако, тоже стали взрослыми. Как хорошо бы повидать их!»

Тымкар щурит глаза, чтобы лучше рассмотреть родные берега.

Пролив совсем остановился. На льду видны черные точки: это бредут охотники. Лицо Тымкара багровеет: еще пять дней нельзя ему выходить на промысел!

Из соседней яранги выходит Тагьек, здоровается. Он одет по-летнему.

– Какие новости? – осведомляется он у Тымкара, как будто тот, уже двадцать дней сидя в землянке, может знать какие-нибудь новости.

– Дни уходят, – печально откликается Тымкар.

– Разве ты не рад рождению дочери, если говоришь так?

Тымкар смолчал.

– Или ты думаешь нарушить правила жизни? – Тагьеку, видно, доставляет удовольствие задавать такие вопросы.

– Плохие правила, однако! – и Тымкар сам испугался сказанного.

Тагьек шире приоткрыл свои хитроватые глаза.

– Не оставил ли ты в землянке разум свой?

Чукча снова ничего не ответил.

К ним подходил старик Емрытагин.

– Ваши лица хмуры, я вижу. Или мой взор ослабел? – бодро проговорил он.

Но вместо ответа с ним почтительно поздоровались, ибо, не говоря уже о том, что все старики достойны уважения, Емрытагина любили за его ум, знание жизни, умение дать хороший совет.

– Это хорошо, что мой взор ослабел, – не без лукавства заметил он и полез в карман кухлянки за трубкой.

– Однако, где же Майвик? – ни к кому не обращаясь, сказал Тагьек. – Нагуя, Майвик – все побросали работу. Или им нечего делать? – пробурчал он и, ежась от мороза, направился в землянку.

Емрытагин нахмурил лоб. На плотно сжатых губах показалась суровая усмешка.

«Понятна хитрость твоя…» – старик сунул трубку обратно в карман.

Тымкар улыбнулся, быстро достал свой табак. Закурили. Емрытагин в упор посмотрел в глаза Тымкару.

– В твоей голове неспокойные мысли. Есть ли свежее мясо для Сипкалюк?

Тымкар метнул на него тревожный взгляд, отрицательно качнул головой.

– Ты верно сказал: дни уходят.

Брови Тымкара изогнулись. Значит, старик слышал его слова? Слышал, как он осудил правила жизни… Что подумает он о таком человеке? Но почему он говорит: «Ты верно сказал»?.. Тымкар вспомнил, что Емрытагин однажды уже поддержал его, когда он не хотел пускать на берег чернобородого, ему стало легче, хотя сердце билось еще неровно.

На севере появились рваные облака – признак того, что скоро будет ветер.

– Да, дни уходят, – задумчиво повторил старый эскимос.

– Ты владеешь большим умом, – с горячностью обратился к нему Тымкар. – Скажи: почему, родив ребенка, мать должна голодать? Разве правильно это? Кто придумал так? Или лучше жить бездетным?

Емрытагин ответил не сразу. Затянулся, прокашлялся.

– В голове твоей верные мысли. Сам я думал об этом. Многое изменилось в жизни… Но что скажут эскимосы?

Тымкар догадался, что старик имеет в виду: и свою землянку, разрушенную американом, и то, что он, Тымкар, чукча, живет среди эскимосов, и украденную Амнону, и дурную воду, дурные болезни, которыми заболевают вначале женщины, а потом мужчины, и несправедливую торговлю. Обо всем этом ему уже случалось говорить с Емрытагином.

– Но что скажут эскимосы? – повторил старик. Глаза Тымкара то загорались, то блекли. Ему хотелось крикнуть: «Пусть скажут!» – и пойти на охоту. Но он не решался. «Многое изменилось в жизни», – мысленно повторял он слова старого эскимоса, стараясь проникнуть в их истинный смысл, в то, что хотел сказать ими Емрытагин.

По склону острова, прячась, спускались двое подростков. Явно можно было заметить, что они пробиваются к землянке Емрытагина.

Старик посмотрел в ту сторону, лукаво взглянул на Тымкара и молча пошел к своему жилищу.

Задумавшись, чукча продолжал одиноко стоять за своей землянкой. «Многое изменилось в жизни. Сам я думал об этом», – твердил он слова Емрытагина.

С севера потянул ветер. Начинало пуржить.

Глава 32
ИСТОКИ ЗАБЛУЖДЕНИЙ

Север есть север: два-три месяца лета, и опять темные ночи. Гуси и журавли улетели. Оленеводы откочевывают на зимние пастбища. Блекнет, стихает тундра.

Близость зимы чувствуется и в студеных ветрах – они все чаще прорываются из полярного бассейна, – и в порыжевшей тундре, и в блеске ледяных чешуек во впадинах между кочками, где лишь накануне сочилась вода. И хотя еще бойко журчат ручьи, но и им недолго осталось веселить тундру: вот-вот в одну уже близкую ночь мороз прижмет их ко дну русла, остановит, и ледяные щупальца цепко обхватят землю… И тогда начнется зима – выпадет снег, завоют свирепые вьюги, все смешают, закрутят, заморозят.

«О да, скоро опять зима», – вздохнул, покачав головой, несуразно большой человек с лицом, заросшим рыжей щетиной.

По-бычьи наклонив голову, он идет подмерзающей тундрой. Под ногами похрустывают льдинки. Локти его на винчестере, который висит на ремне, перекинутом через шею; за спиной дорожный мешок, лопата, закопченное ведро, кирка. Он шагает ровно, но во всем его облике угадывается страшная усталость. Около полутора тысяч миль прошел он за этот год: шел весной и летом, осенью и зимой.

В его одежде нет ни одной хлопчатобумажной или шерстяной нитки; вся она из шкур, как у чукчей.

Встречая людей, говорит он тоже по-чукотски, ибо кто же здесь может знать английский или норвежский.

Бент Ройс возвращается с Колымы. И если тяжел его мешок, то не от золота, а от того, что Ройс устал, измучен.

Вопреки заверениям немца-путешественника, в устье Колымы он тоже не нашел золота, хотя добрел до Нижнеколымска.

Он встретился там с русскими, владевшими английским языком, и провел с ними не один приятный день. Были это ссыльные. Но уже вскоре Ройсом стал интересоваться колымский исправник – они встречались с ним в Энурмино, – и норвежец по совету своих новых друзей поспешил покинуть эти места, хотя идти ему, собственно, было некуда. До

Норвегии пешком не дойдешь, до Америки – тоже. Разве только в Энурмино, к Тэнэт? Но и оттуда русские власти предложили ему убираться… А как? Денег – ни цента, друзей нет, имущества или ценностей также.

Но все же Ройс не пал духом, не сдался. Он пустился в путь с приискательским оборудованием за спиной. Правда, он уже не тот, что был, когда приплыл из-за пролива… Да ведь и тогда ему уже было двадцать девять лет, а с того дня протекло еще десять…

За минувшую неделю он не встретил ни одного кочевья, ни одного человека. А до «Золотого ущелья», по его подсчетам, оставалось еще не менее восьмисот миль. Именно туда и направлялся Ройс. Он был уверен, что не сегодня – завтра встретит кочевников, передохнет у них и отправится дальше. Он был уверен, что Тэнэт с радостью встретит его, – и он был прав. Он полагал, что сумеет спрятаться, когда к Энурмино будут подходить русские корабли, – и это было вполне осуществимо. Но мало того – он также верил, что золото он все-таки найдет!

А вот чем питалась эта уверенность теперь, когда его никто не поддерживал, не снабжал, когда компания оказалась ликвидированной, когда рухнули надежды на Колыму, когда все обернулось против него? Ведь за десять лет, прожитых на Чукотке, и за такой же срок в Штатах он намыл (и это было давно) всего несколько унций золота… Почему же так упорен он был в своей уверенности?

…Это началось еще в Норвегии. Дядя писал письма, посылал книги. Юноша Бент жадно читал их, Потом он сам отправился в Штаты, решив, что наверняка станет миллионером. Там он ходил по богатым кварталам, в газетах и журналах читал биографии сенаторов и бизнесменов, которых богатые родители с детства приучали делать деньги. По воскресеньям, когда он жил в Нью-Йорке, молодой норвежец посещал излюбленное место горожан – ярмарку увеселений Кони-Айленд. Чего там только нет! Пивные и карусели, фотографы и публичные дома, игорные палатки, павильоны, бары, порнографические открытки, тиры, гадалки… «У вас будет много неприятностей, но все кончится хорошо, вы станете миллионером…» «Вы будете долго жить и достигнете задуманного…» «Не унывайте, вас ждет богатство!..» Десятки раз на протяжении месяца Ройс вытягивал подобные билетики. И хотя бы раз ему предсказали обратное! Разве это не знаменательно? Ройс пристрастился тогда к Кони-Айленд. Не проходило ни одного воскресного дня, чтобы он не побывал там и не получил такого приятного билета, который внушал уверенность в успехе, а стоил всего пять центов. Ночами Бент нередко бродил по бессонному Бродвею, толкался по ночным барам среди тех, кому не нужно рано вставать на работу.

Кони-Айленд, Бродвей… Вот где он был усыплен мечтой о богатстве и окончательно отравлен жаждой золота.

Сколько фантастических планов зрело уже тогда в его юной голове! Одно время он задумал разбогатеть в Аргентине, но у него не нашлось трех долларов на проезд. Потом решил жениться на дочери владельца чикагской скотобойни, но ему не удалось познакомиться с ней. Наконец, он помчался на Аляску, туда, где можно было стать миллионером в один день, – однако он опоздал захватить ценный участок.

И вот уже двадцать лет он гоняется за призраком богатства, едва замечая, как проходит жизнь. Он уверовал в возможность разбогатеть и, как фанатик, отдал жизнь этому призраку.

…Упрямо наклонив голову, Ройс шел по безлюдной тундре. Ноги то и дело продавливали тонкую пленку льда между кочками. Ройс почти ни о чем не думал: мозг его так же устал, как и тело. Он только старался убедить себя, что встретит кочевников, дойдет до «Золотого ущелья», найдет там золото.

Да почему бы этому и не случиться! Разве мало кочует по тундре оленеводов? Или не стало больше золота в земле? И разве так уже много лет Ройсу? Ведь жить ему предсказано долго…

Уже совсем темнело, когда норвежец заметил бегущего по тундре человека.

Тот тоже увидел его, остановился: Ройс двинулся к нему навстречу.

Кутыкай сделал шаг назад. Он лишь сейчас убедился, что это таньг, хотя и одетый, как

чукча. Откуда мог взяться этот таньг здесь, так глубоко в тундре, где даже чукчу из другого стойбища встретишь не часто? Не козни ли это духов? Пастух огляделся по сторонам.

Ройс приветствовал его по-чукотски.

Пастух неуверенно отозвался, не двигаясь с места. Норвежец заметил испуг на его лице и, зная, как велико суеверие у чукчей, полез в карман за трубкой: во-первых, курят все-таки люди, а не духи, во-вторых, ведь и чукча захочет курить!

– Я таньг, но я живу в Энурмино. Моя жена Тэнэт.

Пастух внимательно рассматривал таньга со всем его скарбом за спиной.

– Как звать тебя? – спросил он.

– Бент Ройс.

– Я пастух Омрыквута Кутыкай, – в свою очередь назвал себя тот, не сводя глаз с иноземца. – Но Энурмино, однако, далеко: на оленях две руки дней ехать надо. Как пойдешь? Ночь скоро. К тому же ты, видно, устал и хочешь кушать.

Путник утвердительно кивнул головой.

– Стойбище близко. Идем, я покажу тебе.

Не подпуская таньга к себе близко и тревожно оглядываясь, Кутыкай повел его к стойбищу.

Едва стали заметны силуэты яранг, пастух отбежал в сторону и, указывая на них, проговорил:

– Я ищу оленей. Волки разогнали, – и затрусил назад.

Но вдруг остановился, крикнул:

– Если ты человек, не говори Омрыквуту, что видел меня. Омрыквут не любит… – И растаял во тьме.

…Стойбище Омрыквута готовилось к перекочевке на зимние пастбища.

Хозяин холодно встретил гостя:

– Кто ты, зачем и откуда?

Тот рассказал.

– У меня в яранге больная женщина. Отправляйся в жилище моей другой жены, Кейненеун, – он указал ему на ярангу, стоявшую в стороне.

Пожилая чукчанка встретила норвежца приветливо.

Она слышала, что его направил к ней муж.

Кейненеун, как и первая жена, теперь отошла на задний план: Омрыквут взял себе третью жену. Вчера она родила ему долгожданного сына, но ребенок умер, а сейчас умирала и мать. Кейненеун не радовалась: ей жаль было эту совсем еще молоденькую женщину. Да и что радоваться: все равно, если б не эта, Омрыквут взял бы себе другую. Он богат оленями, может прокормить всех своих жен. Вот и Гырголь тоже привел в свой шатер вторую жену, после того как Кайпэ, родив дочь, занемогла. Люди говорят, что такой болезнью стали болеть многие на берегу. В Ванкареме чукчи думают, что болезнь эта пришла из-за пролива.

В полог тихо вползла Кайпэ. Она давно сдружилась с Кейненеун. Особенно они сблизились после того, как и муж Кейненеун, и муж Кайпэ привели себе других жен.

У Кайпэ росла дочь. Ей шел шестой год. Но больше детей не рождалось, и Гырголь взял вторую жену, совсем стал забывать про Кайпэ. Вот и сегодня: куда деваться Кайпэ? Гырголь не выходит из шатра молодой жены. Дочь спит. Вот Кайпэ и пришла опять к Кейненеун, тем более что здесь таньг. Он знает новости, он, может быть, встречал Тымкара…

Женщины улыбнулись, но уже в следующее мгновение их лица приняли прежнее усталое выражение. Нечему радоваться. Очень немного отпустила им жизнь счастливых дней. Почти девочками, не успев сформироваться, они вдруг стали женами, а затем так же скоро начали стареть, забытые своими мужьями. Только в фигуре, в движениях Кейненеун еще осталось что-то молодое, задорное, да в больших глазах Кайпэ затаилось много неизрасходованной нежности.

И Кейненеун и Кайпэ молча смотрели на быстро уснувшего тачьга.

* * *

Рано утром стойбище погрузилось на нарты, запряженные оленями, и двинулось к новым пастбищам.

Ройс пошел за нартами, как и другие. Было страшно вдруг остаться здесь одному.

Среди идущих за скарбом стойбища почти нет мужчин и подростков-юношей: они гонят стадо. Идут женщины с малыми детьми, жены пастухов, бедных родственников, идет Кайпэ, Кейненеун, жена Кутыкая. Больную жену Омрыквута везут на нарте по подмерзшей сухой траве, но недалеко осталось ехать молодой хозяйке стойбища: губы ее синеют, стекленеют глаза…

Омрыквут уехал на оленях вперед, к стаду: от благополучия стада зависит жизнь всего стойбища. Там же и Гырголь.

В полудреме покачивается на своей нарте одряхлевший Ляс.

Стада не видно. Только примятая трава да продавленные льдинки между кочками молчаливо свидетельствуют, что оно прошло именно здесь.

Начался снегопад. Мгла нависла над головой.

Ройс шагал, хмуро раздумывая о том, что яранга Тэнэт – самое желанное, к чему он стремился бы сейчас.

– Куда кочуем? – спросил он Кайпэ.

Она шла почти рядом, за нартой, где сидела ее дочь.

– Не знаю. – Разве ей не все равно, куда кочевать? Ничто уже не может изменить ее жизнь. Муж забыл совсем. Гложет болезнь. О Тымкаре нечего и думать. Одно утешение, одна радость – дочурка. Но и ее ждет такая же жизнь…

С тем же вопросом Ройс обратился к жене Кутыкая.

– Туда! – она показала рукой вперед, даже не взглянув на него.

Ройс обогнал задние нарты, чтобы спросить кого-нибудь потолковее.

Снег валил хлопьями и тут же таял. Одежда намокла. Все мрачнее становилось вокруг, близились сумерки.

У замерзшего ручья кочевье ждал Кутыкай. Омрыквут велел ему помочь организовать ночлег, установить хозяйские шатры.

Кутыкай был мрачен. Трех своих личных оленей он так и не разыскал, а Омрыквут не захотел больше ждать.

– Кутыкай! – жена подбежала к нему. – Нашел серого?

Пастух отрицательно качнул головой. Он сидел на кочке сгорбившись. Уже двое суток он не смыкал глаз, и все напрасно. Нет, видно никогда не стать ему твердо на ноги!

– А разнокопытую? – спросила жена, присев около него на мокрый снег.

Глава семьи молчал. «Богачом будешь ты…» – не переставали звучать в его ушах давние слова хозяина. Но времени с тех пор ушло много, а личное стадо Кутыкая не увеличилось.

За кухлянкой матери, где-то у пояса, захныкал сын Кутыкая. Глаза отца подобрели, он оторвался от горьких дум, встал, подошел к оленьей упряжке со своим шатром, но тут его окликнула старшая жена Омрыквута, мать Кайпэ, и он заспешил на ее зов: нужно установить ей ярангу.

Повсюду, положив детей в сторонку, женщины сами устанавливали шатры.

Темнело. Снегопад прекратился.

Жена Кутыкая укрепила шатер, зажгла жирник, подвесила над ним котел, уложила детей; теперь их у нее трое, но старшего здесь нет, он в стаде.

Вскоре в спальное помещение вполз Кутыкай. Жена сняла с него торбаса и в ожидании, пока закипит котел, взялась за шитье зимней обуви: это заказ Гырголя.

Низко склонив к коленям голову, Кутыкай спал.

За пологом послышались шаги. В жилище вполз Ройс.

Он поздоровался первым, так как хозяйка молчала, хотя приветствовать гостя следовало ей.

Она отозвалась холодно, чуть слышно. Кутыкай не шелохнулся.

– Спит? – спросил Ройс, не зная куда ему поместить свое тело, так тесно было в этом жилище.

Жена Кутыкая зубами протягивала сквозь плотную кожу оленье сухожилие – нитку. Скоро Гырголь потребует заказы, а у нее не сшито еще пять пар теплой обуви.

Едва успел закипеть котел как где-то совсем близко простучали по мерзлой земле копыта оленьей упряжки. Жена растолкала Кутыкая. Он быстро обулся и побежал встречать хозяина.

Кейненеун и Кайпэ не стали ставить своих шатров: ведь утром стойбище двинется дальше. Они пошли в яранг старшей жены – матери Кайпэ.

В шатре хозяина лежала покойница.

Все яранги были переполнены. Ройс едва нашел себе место.

Перед сном вышел на свежий воздух. «Вот они, сытно живущие оленеводы… – думал норвежец. – Им завидуют порой береговые жители. А какая ж тут сытость, какая жизнь?..»

Над землей властвовала ночь. При свете луны тундра казалась каким-то непостижимо большим чудовищем, пятнистое тело которого цепко обхватили ледяные щупальца ручьев; сжимая свою добычу, они потрескивали от напряжения…

В яранге Ляса слышались глухие звуки бубна.

Кейненеун не спала, она только прикрыла глаза. Сегодня умерла та, ради которой Омрыквут отлучил ее от себя. Что же теперь? Придет он к ней или опять возьмет молодую жену? Ведь ему нужен сын, наследник стада, а у Кейненеун детей нет. «Гырголь, однако, рад, – думала она, – что у тестя умер сын, умерла жена. Опять у Омрыквута нет другого наследника, кроме Гырголя. Но хозяин еще совсем не стар. Да, да, он приведет себе другую жену, и Кейненеун опять останется одна в своем шатре: ни хозяйка, ни жена…»

Кейненеун открыла глаза. Кайпэ с дочерью спали рядом, прижавшись друг к другу. Когда-то она завидовала Кайпэ, а теперь и Кайпэ так же жалка, как и сама Кейненеун. Правда, у нее дочь. Но уж нет на смуглых щеках Кайпэ румянца, осталась только татуировка.

Во оне Кайпэ хмурит лоб, лицо страдальчески искажается. Ей двадцать пять, но она сейчас выглядит так же, как Кейненеун. Но Кейненеун это не радует: ведь Кайпэ дочь Омрыквута, а не жена его.

В стойбище тихо. Утомленные дневным переходом, все спят. Заснула и Кейненеун. Только норвежец по звездам определяет, куда ему завтра идти: маршрут кочевников уйдет в сторону. Но вот и Ройс, вычертив на снегу большую стрелу, прикорнул у входа в шатер.

Глава 33
СЕРЬЕЗНАЯ ПОБЕДА

В бухте Строгой представителя власти появлялись только наездами. Начальник края не разрешил барону Клейсту перенести сюда центр из Славянска, а чиновники не часто утруждали себя посещением подопечных поселений. За последние годы уездная администрация заглядывала сюда всего несколько раз. Первым был сам барон, вторым – какой-то безымянный канцелярист, угрюмо заполнявший нулями графы статистической таблицы о числе на Чукотке ослов и буйволов, католиков и протестантов, кожевенных заводов и о количестве собранной ржи; третьим оказался наш старый знакомый колымский исправник, переведенный на службу в Славянск. Побывал здесь и отец Амвросий, искупающий свои грехи в самом отдаленном уезде «за неподобное священному сану поведение», как писал ему владыка.

Встречи с этими людьми не оставили в памяти Кочнева ярких воспоминаний.

Иван Лукьянович и Дина по-прежнему жили в своем маленьком доме. Недавно, уже второй раз, ссыльный побывал в Славянске. Ему удалось заручиться запиской местного

купца к своему знакомому в уезде, чтобы тот «поспоспешествовал лекарю раздобыть разных мазей и прочая».

Раздобыть «разных мазей» Кочневу было не трудно: медикаменты ему присылали ежегодно товарищи из столицы. Все время, якобы необходимое для приобретения лекарств, он использовал для других целей.

Последнее посещение уезда ознаменовалось событием в жизни Ивана Лукьяновича: он узнал, что в Славянске существует партийный кружок. Этот день хорошо запомнился Кочневу.

– Разве ты не знал, Ваня, – спросила его по возвращении жена, – что там есть группа?

Иван Лукьянович отодвинул кружку с недопитым чаем.

– Видишь ли, Дина, я знал нескольких товарищей, но я не предполагал, что здесь, на Севере… И, представляешь, вижу: пришли не только двое моих знакомых, но и рыбаки, охотник-чукча… После собрания подошли ко мне товарищи и стали расспрашивать о Ленине: «А какой он? А что Ленин говорил, когда вы его видели?» Хоть я и видел Владимира Ильича только один раз и издали, но попытался передать все свои впечатления… Ведь это так интересует людей!

– Не догадался попросить, чтобы тебя в Славянск как-нибудь перевели? Там хоть русские…

– Дело, Дина, не только в том, что русские. Там зреет недовольство населения. – Иван Лукьянович помолчал. – Г оворил. «Нет, – ответили, – ты нужен в Строгой».

Кочнев прошелся по комнатке.

– Как отец Элетегина? Второго приступа не было?

– Был, Едва не умер старик. Сейчас опять ничего. Да, чуть не забыла, Ваня! Тебе письмо. Угадай, от кого?

– От бати?

– Нет.

– От твоих родных? Но почему тогда мне?

– От Богораза, Помнишь его?

Письмо было написано по-чукотски при помощи латинского алфавита, Владимир Германович, видимо, надеялся, что если цензура попытается прочесть его, то едва ли ей помогут даже словари.

Богораз писал о своих научных изысканиях, о столичных новостях, обещал выслать книги, в том числе и свою – о чукчах, – «если Вы достаточно владеете английским». Затем он сообщил, что все его попытки добиться для Устюгова паспорта оказались бесплодными. Ходатайство попало в министерство иностранных дел, и там, как ему удалось выяснить, было «оставлено без внимания, как абсурдное…»

Этнограф подробно интересовался жизнью на Чукотке и судьбой известных ему чукчей и эскимосов. Спрашивал он, в частности, о Тымкаре, Омрыквуте, об Энмине и Пеляйме из Уэнома, о шамане Кочаке; просил писать обо всем, что касается северо-востока и представляется интересным. Письмо было длинным, непривычная орфография – утомительной. Иван Лукьянович одолел его не без усилия.

«Обо всем этом, – с некоторой досадой подумал он, – можно было написать и по-русски!.. Умный человек, много перенес, жаль, что заблуждается в вопросе о революции».

Возможно, что причина досады крылась главным образом в сообщении об Устюгове.

А через несколько дней и сам Василий явился в бухту Строгую.

– Ну, как? – опросил он Кочнева.

– Плохо, Василий Игнатьевич! Плохо. Видно, не уехать вам на Амур, пока Россией будут править цари. Потерпите. Недолго уже осталось, думаю я.

После многочасовой задушевной беседы Василий уехал обратно.

– Ну, как? – тем же вопросом встретила его жена.

– И не спрашивай, Наталья.

– Это что ж, опять в яранге Энмины зимовать? Где хочешь бери, а избу мне, как у

ссыльного, к зиме поставь!

– Поставлю, – покорно ответил Василий.

На следующий день он начал готовить глину для самана. Кольку послал резать и сушить траву. Жену помогать не заставлял: «Пусть успокоится», – думал он, понимая ее состояние. Ему и самому было нелегко. «Вот те и Россия!.. Видно, правда, что и здесь не рай…» Но тут же крепко задумался Василий о том, что говорил ему Кочнев. И хотелось верить, и сомнения одолевали: «Неужто будет так? Как же все может перевернуться?..»

Кочнев же в это время обдумывал, что необходимо ему сделать, чтобы наилучшим образом выполнить ответственное поручение Приморской большевистской организации: не только помогать чукчам в повседневной жизни, в быту, но и готовить их к пониманию близящейся в стране революции, чтобы и здесь в час восстания было покончено с царизмом и установилась новая, народная власть. «Но как, как это делать? – размышлял Иван Лукьянович. – Ведь если ни с того, ни с сего начать говорить об этом с людьми, они воспримут его слова как увлекательную сказку – и только». Кочнев напряженно думал над планом своей беседы.

Третий приступ аппендицита у отца Элетегина заставил ссыльного отвлечься от своих мыслей.

– Этки, очень плохо, – жаловался Ван-Лукьяну печальный Элетегин. – Умрет, однако, говорит шаман.

Шаман злорадствовал. Ведь он предупреждал чукчей, чтобы не путались с этим непонятным таньгом. Элетегин не слушался, и вот теперь умрет его отец.

– Да, умрет, умрет! – каркал колдун, радуясь, что смерть старика образумит остальных, отпугнет их от русского.

А злиться на Кочнева шаману было за что. Ведь таньг называет его жуликом, обманщиком, уговаривает чукчей не слушать его, не кормить…

– Ох, Ван-Лукьян, – вздыхает Элетегин, – очень жалко отца! Зачем ему умирать?

Старик лежал в своей яранге, корчась от болей. Около него неотлучно сидели жена и невестка. Шаман отказался просить у духов выздоровления.

– Пусть подохнет, – оказал он жене старика. – И вы вое умрете, если таньг еще будет приходить в ваш полог и Элетегин не перестанет дружить с ним. Духи гневаются на вас. Не надо ваших подарков. Духи не берут. Старик умрет. Уходи, старая! Сама виновата.

Болезнь старого чукчи расстроила и купца. Уже пора выезжать в тундру, собирать пушнину, а его торговый агент решил так не вовремя отдать богу душу. Купец вызвал к себе ссыльного лекаря.

– Ты что же, любезный, мои интересы не блюдешь. Нешто тебе неведомо, что время сборщиков в тундру посылать?

– Вы про родителя Элетегина?

– А про кого же? Скоро ль поднимется?

– Аппендицит. Третий приступ.

Купец вскипел:

– По мне – хоть сотый. Останови, на то ты лекарь!

– В таких случаях может спасти только операция. Но…

– Что «но»? Что «но»? Не можешь, что ли? Так на кой леший ты мне тогда нужен! А ежели у меня, скажем, эта хворость заведется, так и мне помирать прикажешь?

Чукчи обходили Кочнева стороной, веря шаману, что таньг – виновник предстоящей смерти человека в их поселении. Только Элетегин по-прежнему заглядывал в глаза Ван-Лукьяну, вздыхал, ходил за ним по пятам.

– Что делать, Дина? – обратился Иван Лукьянович к жене. Он понимал, что вместо упрочения своих связей с чукчами он в неравной борьбе со смертью и шаманом терпел почти непоправимое поражение.

Дина молчала. Ее тоже угнетала неизбежность этой смерти. Невольно приходили в голову мысли и о том, что она готовилась стать матерью, а при родах также могла

возникнуть необходимость в хирургическом вмешательстве…

Иван Лукьянович раскрыл медицинский учебник и в который раз уже перечитывал главу об аппендиците.

– И операция-то несложная, – вздохнул он. – Вот что обидно.

Кочнева мучило и то, что он не доучился, и то, что здесь, в этом обширном крае, нет ни одной больницы, ни одного хирурга.

– Проклятое время! – зло прошептал он.

Дина нашла в другом учебнике нужную страницу и стала читать. Потом она достала руководство по хирургии. И он и она углубились в чтение.

– Ваня, ведь это, кажется, действительно не очень сложно. Вскрыть полость, потом найти отросток и… А что если попробовать? Ведь иначе умрет. А вдруг?

Ивану Лукьяновичу не раз случалось, утопая в студеном море, хвататься в последней надежде за неверную, но спасительную кромку льдины…

Сердце забилось учащенно, он склонился над руководством и снова и снова вчитывался в описание операции, старался восстановить в памяти со всеми подробностями тот день, когда он однажды, будучи студентом, присутствовал при удалении аппендикса. Ему удалось с необычайной отчетливостью вызвать это воспоминание, снова увидеть, как в ярком свете, все мельчайшие действия хирурга, в которые он так внимательно всматривался тогда. Иван Лукьянович вспомнил даже имя и отчество профессора, увидел лицо ассистента, увидел движения и его рук, восстановив четкую их последовательность…

– Готовь! – вдруг распорядился он. Видимо, необходимость этого решения подсознательно уже давно жила в его мозгу.

Иван Лукьянович поспешил в ярангу больного.

Дина выдвинула стол на середину комнаты, подвесила в сенцах над жирником чайник, приготовила таз, воду, нитки, поставила рядом ящик с инструментами, спирт, прикрыла полку с книгами, постель, все вещи простынями и начала обрызгивать их спиртом.

– Давайте. Быстро! – говорил, ощупывая пульс больного, Кочнев. – Осторожно, осторожно! – кричал он на Элетегина.

Жена старика и невестка растерялись. Таньг ни о чем не спрашивал их, он был каким-то совсем необычным сейчас, даже страшным, как шаман во время камлания.

– Попробуем, попробуем… – повторял сам себе Иван Лукьянович. – Так, так, выноси! – командовал он.

Старик по-прежнему только стонал, почти равнодушный ко всему, что происходит. Элетегин слепо подчинялся указаниям таньга Ван-Лукьяна, которому верил и которого любил.

Вскоре больной лежал на столе в комнатке ссыльного медика. Около домика собиралось все больше и больше чукчей. Они заглядывали в окно, но их не видели ни Кочнев, ни Дина.

– Дина, маски! Где же маски? – Иван Лукьянович нервно обернулся к жене. – Марлю, вату давай скорее!

Они сделали повязки себе на лица.

– Как пульс? – спросил Кочнев, еще раз проверяя по учебнику перечень всего, что хотя бы минимально необходимо для операции.

– Сердце бьется, – ответила Дина сквозь марлевую повязку.

– Двери закрой на крючок.

Иван Лукьянович глубоко вздохнул, присел на секунду, огляделся, считая пульс больного. Попытался улыбнуться, но улыбки не получилось.

Вымыв руки, Кочнев велел жене опрыснуть халат на нем спиртом. Потом в последний раз, уже машинально, оглянулся на открытую страницу книги и взялся за скальпель. Однако тут же положил его на место и начал смазывать вату хлороформом. Приторно сладкий запах распространился по комнатке.

– Ничего, ничего. Не бойся. Так надо, – уговаривал Иван Лукьянович больного,

который заметался, пытаясь сбросить вонючую вату.

Вскоре старик уснул.

Несмелой рукой Кочнев вскрыл полость. Дина попятилась, схватилась рукой за грудь.

– Быстро, быстро, Дина!.. Зажимай!.. Уйдите от окна! – вдруг крикнул он, когда в комбате стало почти совсем темно.

Элетегин услышал голос тумга-тума и оттащил назад всех, кто прилип к окошку.

Чукчи испуганно шептались: «Разрезал живого человека…» «Зарезал старика!..» Элетегин и сам видел, что Ван-Лукьян делает что-то совсем непонятное. Ведь так поступают только с моржом, когда он убит на охоте. «Как можно резать живого человека? – думал он. – Почему отец не кричит? Разве не больно? Видно, очень сильный шаман Ван-Лукьян, если может так делать…»

Внезапно лицо хирурга стало совсем белым. Он заметил, что на лице больного все еще лежит кусок ваты, пропитанный хлороформом…

Иван Лукьянович поспешно убрал с лица старика маску.

– Как сердце? – тревожно спросил он Дину.

– Бьется, но слабо, Ваня, – глаза молодой женщины испуганно расширились.

Тем временем Иван Лукьянович продолжал операцию. Дина стояла рядом, выполняя отрывистые приказания мужа. Временами она испытывала приступы головокружения. Тогда старалась смотреть куда-нибудь в сторону.

Кочнев очень осторожно добирался уже до отростка слепой кишки.

Операция тянулась около часа. Кочневу она казалась бесконечной. Каждый раз, когда он разгибался, в спине ощущалась жестокая боль. На лбу выступил пот, хотя в комнатке было свежо. Мешала дышать марлевая повязка, сильный запах спирта и хлороформа пьянил. Иногда в глазах появлялись вереницы разноцветных кругов. Иван Лукьянович на секунду прерывал операцию…

В полости все время скапливалась кровь: зажимы действовали плохо и были неумело использованы. Дина торопила мужа, опасаясь, что старик умрет от потери крови.

Но вот наконец в тарелке на подоконнике появился вырезанный аппендикс!

Чукчи снова замелькали за окном, рассматривая «выброшенную болезнь».

Кочнев начал зашивать разрез, все чаще спрашивая:

– Сердце? Как сердце, Дина?

Сердце билось очень слабо. Видно, старик слишком много надышался хлороформа. Даже Дина вое чаще зевала, в конце концов ей стало нехорошо и она выбежала из комнаты. Иван Лукьянович тоже почувствовал себя странно слабеющим.

Никаких лекарств для возбуждения сердечной деятельности у Кочнева не было. Закончив операцию, он настежь открыл окно и дверь. В комнате сразу стало холодно: был конец октября.

Затем, в полном изнеможении, Иван Лукьянович опустился на кровать, покрытую белой простыней.

Лишь теперь он с удивлением заметил, что левое ухо больного сильно повреждено, а череп над ним почти оголен. «Как это я раньше не видел?» – устало подумал Кочнев, вспомнив рассказ Элетегина о схватке его отца с разъяренным раненым медведем.

Бледная, как лежащий на столе больной, вошла Дина.

– Что ты делаешь, Ваня? Простудится же он!.. – Она тревожно посмотрела на больного. – Встань, Ванечка. – Стянув с постели одеяло, она поспешно прикрыла им старика.

Иван Лукьянович снова стал проверять пульс.

– Надо бы перенести на постель, – сказал он.

Они вдвоем переложили старика на Динину постель.

* * *

Больной очнулся лишь к утру, и первое, что он увидел, – два улыбающихся счастливых

лица, склоненных над ним.

Старик оказался на редкость крепким. Через десять дней он сам ушел в свою ярангу. А еще через две недели уехал с товарами купца в тундру.

Шаман не показывался из яранги.

Чукчи говорили между собой:

– Две руки дней, однако, не спал таньг.

– Живому человеку в живот влез, выбросил болезнь.

– Это так. Все видели.

– Старик говорит: «Спал я. Совсем не больно, однако».

– Какомэй! Шаман, что ли?

– Разве шаман может так?

– Как научился?

– Большим умом, видно, владеет!

– Никакой платы не взял…

– Он поступает, как настоящий человек.

– Лучше Ван-Лукьяна слушать, чем шамана. Шаман оказал – умрет, таньг здоровым сделал. Какомэй! Вот так здорово! – смеялись мужчины.

– Тумта-тум, – ласково отозвалась о Кочневе жена старика.

Был вечер. Чукчи беседовали в пологе Элетегина, а Иван Лукьянович, склонившись над столом в своей комнатке, думал о том, как ему найти верные пути-дороги к сердцу чукчей, как укрепить их доверие к нему. Задание, полученное им от организации, требовало немедленных действий, упорной работы.

Глава 34
ХОЗЯИН ТУНДРЫ

Начало апреля. День ясный, морозный. Небо высокое, чистое. Трудно сказать, где кончается тундра и начинается небо.

Снег тверд: ветры отменно зализали его, наделали заструг. Ни былинки, ни веточки.

Вечереет. Нежные краски заката гаснут, блекнут алые вершины далеких сопок, горизонт голубеет все больше.

Тундра спокойна. Не верится, что еще накануне она выла, бурлила, слепая и страшная. Как хороша она после непогоды! Мороз приятно щекочет ноздри, бодрит. Воздух прозрачен, дышится легко. Забыты невзгоды и лишения минувших дней. Вот только бы еще покурить Кутыкаю! Но табака нет. Правда, не первый день нечего курить пастухам, но в другое время и думать-то о куреве некогда: пурга валит с ног, слепит, захватывает дыхание… А сейчас очень хочется закурить Кутыкаю! Но где возьмешь? И как назло так медленно меркнет день.

Гырголь приказал пригнать к вечеру в стойбище две Упряжки оленей. Как только взойдет луна, Кутыкай с Гырголем отправятся по кочевьям собирать пушнину, чтобы отвезти ее Джону-американу. Уж там-то Кутыкай покурит! Надо только хорошенько запрятать те две лисьи шкурки, про которые не знает Гырголь.

В напряжении Кутыкай хмурит лоб, с досадой думает о том, как долог этот нудный день, бесконечный, как сама жизнь.

В стойбище все заняты работой: женщины спешат закончить заказы Гырголя – шьют меховую одежду и обувь. Гырголь увезет ее Джонсону, а тот отправит аляскинским золотоискателям. Шьют все: жены пастухов, девочки-подростки, жены Омрыквута, Гырголя, Ляса.

Дети, не отходя от матерей, хнычут, просят есть. Матери шикают на них: до еды ли, когда не окончена еще работа, а скоро вечер!

Ляс шаманит в своей яранге, просит у духов удачи Гырголю. Омрыквут, Гырголь и еще двое стариков молча сидят вокруг.

Кутыкай ничего этого не видит. Но он знает, что так бывает всегда перед отъездом

Гырголя.

Пастух Кеутегин идет к Кутыкаю. Ему тоже тридцать лет. Они вместе выросли в этом стойбище, в один год женились, пасут одно стадо, у них обоих по трое детей и почти равное число личных оленей. Оба они одинаково одеты, черноволосы, смуглы, у обоих приморожены щеки, ни у одного из них нет табака.

– Этки, – вздыхает Кеутегин, и Кутыкай знает, что именно плохо: плохо, что нечего закурить.

– Ты счастливый, – продолжает пастух. – С Гырголем на берег едешь.

Усы Кутыкая растягиваются в улыбке: он и впрямь считает себя счастливым. Ведь другим нужно еще ждать их возвращения, а он, Кутыкай, тогда уже будет курить.

Кеутегин озирается по сторонам, как будто в тундре их может кто-нибудь подслушать. Он подходит совсем близко, и лишь тут становится заметно, что он немного выше Кутыкая и в глазах его больше беспокойства.

– Конечно, в это верится с трудом, что торгующие люди столько дают табаку и чаю за песцовую шкуру. Однако ты, верно, знаешь правду?

Кутыкай промолчал, увидев бредущего к ним пастуха Рольтыргыргина.

– Есть слухи, что Гырголь часть себе забирает.

Кутыкай замахал на него: «Молчи!» Кеутегин смолк.

– Этти! – приветствовал их Рольтыргыргин. За весь день они не встречались: стадо большое.

Ему ответили. Помолчали. И Кеутегин и Кутыкай явно нервничали: это видно по их взглядам, по неспокойным движениям: только было начался такой важный и совсем необычный разговор, и им помешали. А кто же станет говорить об этом при Рольтыргыргине? Кому не известно, что он все передает хозяину?

– Однако, совсем вечереет, – Кутыкай поглядел на запад. – Будем ловить упряжных оленей, как сказал Гырголь. Ты, Рольтыргыргин, иди за пятнистым и черным с подпалинами, мы с Кеутегином поймаем других.

Снимая с пояса аркан, Рольтыргыргин с недовольным лицом ушел. Он догадался, что пастухи знают о его доносах хозяину: «Разве они маленькие? За что Омрыквут дал мне весной теленка, если не дал им?»

– Есть слухи, что Гырголь много товаров берет на берегу, – продолжал Кеутегин. – Верно ли это?

– Не знаю… – робко отозвался Кутыкай и оглянулся на Рольтыргыргина. Но тот уже отошел далеко.

– А где Гырголь берет оленей? Вот уже восемь зим их пригоняют ему из других кочевий. Его стаду скоро не будет числа!

Кутыкай опять не ответил: страшно.

– Почему молчишь ты? Разве не с тобой вседа ездит Гырголь?

– Я работник при чужом стаде. Как стану говорить про хозяина?

Кутыкаю самому так хочется, так необходимо говорить об этом. Но страшно! А если узнает Гырголь? Что станет тогда с ним, с его семьей?

– Прежде ты был мне приятелем, – укоризненно заметил его сверстник. – Или Гырголь тебе лишнюю папушу табаку дал, что стал ты малоговорящим?

Щеки Кутыкая вспыхнули, взгляд стал жестким.

– Лучше бы отсох язык твой, чем мне слышать эти слова! Я, однако, курю, как видишь… – зло бросил он.

– Кутыкай! Тумга-тум! – Кеутегин взял его за плечи, заглянул в лицо.

Тот сразу обмяк, улыбнулся.

– Моя кровь – твоя, – продолжал Кеутегин.

Но Кутыкай вдруг заметил, что Рольтыргыргин издали наблюдал за ними.

– Идем, идем ловить упряжных! – сказал Кутыкай.

Пастухи пошли к стаду.

– Рольтыргыргин… Ты берегись его, – неожиданно заговорил Кутыкай. – У Гырголя тоже худое сердце. Плохие людишки! Потом все расскажу тебе.

– Хорошо, – согласился Кеутегин.

Он попросил друга взять у него припрятанные шкурки для обмена на табак и чай у американа.

Все время, пока ловили оленей, приятели обсуждали, как лучше Кутыкаю провезти шкурки, чтобы не узнал Гырголь.

* * *

Гырголь совсем готов к отъезду. Пушнина упакована, осталось только погрузить на нарты, увязать, но это уже работа Кутыкая.

Сейчас Гырголь пойдет в шатер молодой жены, спросит, что привезти ей, поест, немного отдохнет, а с восходом луны и тронется. Путь не мал: одних стойбищ сколько надо объехать! Там повсюду для него припасена пушнина. Он заплатил за нее вперед. Если окажется мало двух нарт, он будет прихватывать их в стойбищах. Кто посмеет отказать ему? Еще нет в Амгуэмской тундре такого человека! Даже оленей – уж как не хочется чукчам отдавать ему живых оленей, а приходится, если для расчетов не хватает пушнины! На обратном пути от Джона-американа он вновь посетит все стойбища, проверит, отогнали ли ему оленей должники. Покрыли свой долг – так он опять им даст товаров, а нет – возьмет оленей силой! Но кто же станет ссориться с ним? Кто еще, кроме него, помогает оленеводам товарами? Разве есть у них другие «сильные товарами люди»? Конечно, можно бы и самим отвозить все на берег к купцам. Но где взять шкурки, когда Гырголь еще зимой заплатил за них? Всем, всем помогает Гырголь! Кто еще даст вперед товары без платы? Где найти такого человека? Только он может так поступать!

Все эти мысли веселили Гырголя. Сидя в яранге, он с жадностью ел жирное оленье мясо, поглядывая на свою молодую жену. Она не знала, что у Гырголя почти всюду есть товарищи по женам. Не знала потому, что еще никто из невтумов не являлся в их стойбище, не предъявлял своих прав. Впрочем. Гырголь и не собирался отдавать ее товарищам по жене: ведь у него была еще Кайпэ… Да и есть ли время этим беднякам разъезжать по тундре, когда нужно беречь стадо, добывать ему, Гырголю, пушнину? Гырголь облизывал жирные пальцы.

…Над тундрой всходила луна.

Все стойбище вышло провожать Гырголя и Кутыкая. Среди женщин – Кайпэ. Но муж не подошел к ней, ничего не сказал.

Быстрые олени понеслись по твердому насту, нарты таяли во тьме, оставляя за собой две блестящие полоски на снегу.

Этой же ночью достигли соседнего стойбища.

Молодой оленевод, лишь недавно, после смерти отца, вступивший во владение стадом, приветливо встретил Гырголя:

– Гырголь! Здравствуй, Гырголь!

– Это ты, Апчок? – вместо ответа на поклон произнес сосед.

Кутыкай с нартами остался вдали, чтобы собаки не испугали оленей. Апчок заметил их.

– Ты на оленях? Э-гей! – крикнул он громко, чтобы кто-нибудь услышал его. – Заходи, Гырголь, в ярангу.

Гость достал трубку, набил ее, закурил, потом предложил кисет Апчоку. К ним быстро подходил какой-то чукча. Апчок велел ему отогнать оленей Гырголя в стадо, привезти нарту в стойбище. Пастух ушел.

Поели, попили чаю, закурили.

– Еду к приятелю американу за товарами, – начал деловой разговор Гырголь. – Потом привезу тебе.

– Очень люди страдают без товаров. Нет ли сейчас у тебя немного?

– Прежде был в состоянии, теперь не могу. А много ли приготовил «хвостов»?

Молодой оленевод пространно начал рассказывать о плохом промысле. Мало добыли песцов. Пастухи заленились.

– Многословен ты, – резко перебил его Гырголь. – Говоришь, как бедняк. Разве не ты хозяин этого стойбища?

Апчок назвал цифру. Приятель американа сделал вид, что разгневан, хотя в душе был рад, что стадо его Увеличится.

– Я отказываю тебе в товарах: слишком много и без того ты должен.

Апчок заерзал на кожаном полу спального помещения.

– Какомэй! Как станем жить? Где возьмем, Гырголь?

Гырголь молчал, прикидывая, сколько запросить оленей.

– Неправильно ты поступаешь. Видно, сразу помногу даешь пастухам товаров. Заленились они, мало поймали. Давай им понемногу. Пусть чаще ходят, чаще просят.

Апчок ободрился.

– Умную ты имеешь голову, – заискивающе сказал он.

Долго молчали. Апчок заглядывал своему благодетелю в глаза, не смея первым заговорить, нарушить мысли богатого соседа. Гырголь курил, не предлагая Апчоку.

– Мне, однако, жаль тебя, – милостиво наконец заговорил он.

Лицо хозяина стойбища расплылось в благодарной улыбке. Он моложе Гырголя, на его верхней губе вместо усов только пушок.

– Что ж, я возьму добытые вами шкурки. Скажи, чтобы женщины сшили к утру десять пар теплых торбасов. – Гырголь выпустил густой клуб табачного дыма. – Кейнина вышла замуж?

– Совсем недавно. – Лицо Апчока сделалось напряженным и виноватым. Он всем корпусом подался вперед. – Разве ты, Гырголь, хотел взять ее себе в жены?

– Вечером я приду к ней. Кто ее муж? Пусть мы станем с ним приятелями. А еще отгонишь в мое стадо три двадцатки голов: по оленю за каждую долговую шкурку.

Апчок помрачнел.

Хоть и велико его стадо, но олени… как можно платить живыми оленями?

– Возьми у пастухов. Разве ты не им давал товары?

– Это верно, это так, – несколько оживился молодой оленевод. – Истинно умный человек ты, Гырголь. – Апчок с восхищением оглядел своего гостя.

Уладив дела, зять Омрыквута подарил хозяину папушу табаку, угостил спиртом. Теперь он с нетерпением ждал вечера, чтобы отправиться в ярангу Кейнины. Она давно приглянулась ему. Но все его прежние притязания оказались напрасными. Теперь он добьется своего! Он даже не станет разговаривать с ней об этом: достаточно только сказать ее мужу, что он хочет быть с ним невтумом: кто же не обрадуется такой чести? Даже Апчок, хозяин стойбища, и тот сразу согласился. Что же говорить о жалком бедняке!

Гырголь всегда оставлял для поездки немного спирта и табака, чая и недорогих бус для женщин, Кейнине он подарит всего: и бус, и чая, и табака для мужа – Енкау. Пусть все знают, как выгодно иметь такого приятеля по жене, как он.

Оставив гостя дремать в яранге, Апчок пошел предупредить Енкау о великой чести, ожидающей его вечером.

Узнав новость, Кейнина заплакала: она была совсем еще молоденькой и искренне любила мужа. Енкау задумался. Он знал, как противен его жене Гырголь. Разве она не рассказывала ему? Разве не противен Гырголь ему самому?

Апчок ушел. Кейнина спрятала голову в коленях, молчала, зная, что слова ее были бы напрасны: кто же посмеет отказать Гырголю! А Енкау – всего лишь бедный пастух.

Уже близился вечер, а молодые супруги все сидели молча в своем шатре, никто из них не проронил ни слова.

Апчок поделился новостью со своей женой Рультыной, та – с соседками, и скоро все стойбище только и говорило о Кейнине, Енкау и Гырголе. Пожилые чукчанки жалели Кейнину – такую хорошенькую женщину. К тому же был слух, что Гырголь болен

нехорошей болезнью, которой теперь многие болеют на берегу, в Ванкареме. Мать Кейнины тихо плакала.

Гырголь появился в их яранге, когда смеркалось. Угостил хозяев табаком и спиртом. Он в упор смотрел на молоденькую хозяйку.

Муж и гость постепенно пьянели. В голове Енкау путались бесконечные мысли. Он понимал, как дорого надо платить за эту водку и дружбу. Да и какая друж ба может быть у него, бедного пастуха, с богачом? Временами сердце его ожесточалось, и ему хотелось крикнуть, чтобы Гырголь убирался вон, что он, Енкау, не хочет такой дружбы… Но он не смел это сделать: ведь тогда случится что-то страшное, непоправимое… Он не смел посмотреть в глаза жене. Ему было обидно, что он, сильный и молодой, не может оградить ее от такой обиды… Как же быть, как быть ему?

В пологе сгущался дым. Гырголь не жалел табака. Вот он достал пачку и подал Енкау; Кейнине протянул чай, бусы, иголку. Сидя в отдалении, Кейнина не шелохнулась. Гырголь положил подарки у ее колен. В кармане у него припасена еще пачка табаку… Это он отдаст мужу утром.

Не было у Кейнины ни заранее принятого решения, ни продуманного плана. Решение пришло сразу, вдруг, когда она почувствовала, что вот-вот Гырголь скажет последние слова и Енкау покинет полог…

Тихо поднялась эта пугливая молодая женщина, поправила жирник и выползла из спального помещения. Как была в одежде из шкуры молодого оленя, так и побежала в тундру.

Вначале Кейнина бежала, сама не зная куда, потом остановилась, подумала, повернула в сторону: там где-то стойбище, в котором живет ее брат. Он защитит ее, не отдаст Гырголю…

Между тем гость заметил отсутствие хозяйки, начал проявлять беспокойство. Енкау крикнул. Никто не отозвался. Тогда он выполз из полога. Кейнины нигде не было.

– Какомэй! – изумился муж, возвращаясь назад, – Куда пошла?

Гырголь нахмурился.

– Ищи! – гневно бросил он, как своему пастуху, словно речь шла об олене.

Енкау кинулся искать по стойбищу. Гнев Гырголя страшен: за ним последует немилость Апчока…

Но все яранги уже обежал Енкау, а Кейнины не было.

Забеспокоился и сам Апчок. Послал в стадо пастуха.

Всю ночь не смыкал глаз Гырголь. Курил, пил. Несколько раз забегал к нему Енкау, жалкий, растерянный, виноватый.

– Ищи! – неизменно повторял хозяин Амгуэмской тундры, и муж снова отправлялся на бесплодные поиски жены.

Как только забрезжил рассвет, в сильном гневе уехал Гырголь из стойбища Апчока. Он сидел на задней нарте, предоставив Кутыкаю самому искать стойбище Канкоя.

* * *

Скрипит под полозьями снег. Мороз пощипывает нос и щеки. Гырголь прикрывает лицо капюшоном камлейки.

С передней нарты что-то кричит Кутыкай. Гырголь прислушивается, но ничего разобрать не может.

Положив рога на шеи, олени быстро мчат ездоков.

Но вот и Гырголь замечает впереди оленью упряжку. Она медленно плетется навстречу. Ближе, ближе – вот и встреча. Упряжки остановились.

На загруженной нарте сидит незнакомый чукча.

Поздоровались. Спросили друг друга, куда и откуда едут. И тут выяснилось, что едет этот чукча от старика Канкоя, а держит путь к стойбищу Апчока; что он торгует, собирает

пушнину для русского купца из бухты Строгой.

Хозяин Амгуэмской тундры изумился: для него это было полной неожиданностью. Так вот почему мало шкурок бывает у Канкоя!

– Где твое стойбище? Почему я не знаю тебя?

Поворотчик назвал селение, совсем неизвестное в этих местах. Глаза Гырголя помутнели от злобы.

– Некстати явился сюда!

Разъездной агент таньга опешил. Впервые не были рады ему, его товарам, встрече с ним.

Все трое стояли у своих нарт.

– Разве я пришел к тебе в стойбище? Твои слова непонятны.

Широко раскрыв глаза, Кутыкай смотрел на пожилого чукчу. Гырголя все больше охватывала злоба.

– Ты пришел в Амгуэмскую тундру, однако. Или ты не знаешь, что хозяин этой тундры я? Или я звал тебя?

– Непонятны твои слова, – испуганно отозвался пришелец.

«Хозяин тундры»?.. Уж не с духом ли он повстречался? По его телу прошла дрожь. Он оглянулся по сторонам.

– Зачем я отпустил бы тебя?.. – выкрикнул Гырголь, бросив быстрый взгляд на Кутыкая.

– Почему ты сердишься? Разве я прогневил тебя? – растерянно бормотал поворотчик.

Испуг, исказивший его лицо, придал Гырголю решимости. К тому же за спиной стоял Кутыкай.

– Жалкий бедняк! Ты собрал всю мою пушнину! Кутыкай, ты медлишь, я вижу!

Дальше все свершилось непонятно быстро. Неизвестный чукча вскочил на нарту, Гырголь бросился на него, повалил на снег, пытаясь выхватить свой нож, – но тут же сам оказался внизу. Одним рывком Кутыкай вытащил своего хозяина из-под противника.

Поворотчик тяжело дышал, озирался, не зная, броситься ему на обидчика или бежать. Он стоял в разорванной одежде, с обнаженной головой, и Кутыкай в страхе не мог оторвать взгляда от синеватой плешины над изуродованным ухом.

Гырголь отступал назад, за Кутыкая, к своей нарте. Его шапка тоже осталась на снегу, по руке струилась кровь.

– Чужой! Вор! – задыхаясь, порывисто выкрикивал он, все пятясь и пятясь к нарте.

Поворотчик тоже начал отступать к упряжке. В глазах его застыл ужас: все это было так неожиданно, такого еше не бывало…

Кутыкай не спускал с него напряженного взгляда. Незнакомец с плешиной над рваным ухом уже коснулся пяткой нарты и повернулся, чтобы вскочить на нее, – и тут… Кутыкай едва устоял на ногах: за его спиной прогремел выстрел.

Поворотчик сразу осел на колени, руки его скользнули по тюку с пушниной. Олени рванули, нарта качнулась, дернулась, и через минуту ее почти не стало видно в вихре вздыбленного снега.

Упряжка с Гырголем бросилась в другую сторону. За ней, без ездока, помчалась нарта Кутыкая…

В нескольких шагах от растерявшегося пастуха, в луже крови, такой яркой на снегу, уткнувшись лицом в заструг, лежал убитый чукча.

Кутыкай оглянулся по сторонам. На лбу его выступил пот, ему вдруг стало жарко. Посмотрел на небо. Оно было высокое, чистое.

«Зачем станем обижать его?» – не покидала сознания фраза, которую не успел сказать Кутыкай. Где-то далеко, наверное, ждут этого человека жена и дети. «Злое сердце имеет Гырголь… – думал пастух. – Чем прогневил его этот старый чукча?» Говорит: «Я хозяин Амгуэмской тундры…» Впервые слышал Кутыкай такие непонятные слова. Как можно быть хозяином тундры? Тундра – не олень, не жена, не яранга… Что скажут чукчи? Не

прогневается ли сам дух тундры?..

Кутыкай подошел к телу незнакомца. «Что стану делать?.. Уйти отсюда? Но куда? И что скажет Гырголь, если не найдет меня здесь?..»

* * *

…Казалось, ночи не будет конца. Кутыкай засыпал, вздрагивал, открывал глаза, вслушивался в тишину, озирался. Неподалеку черным пятном маячило на снегу тело убитого.

Гырголь же дотемна гнал оленей по следу умчавшейся нарты, пока не потерял его. Ночь помешала продолжать поиски. Олени устали. Он решил заночевать в тундре.

Спать ему не пришлось. Пугал каждый шорох, доносившийся от упряжки, чудилось, что родные поворотчика уже ползут сюда, чтобы отомстить за убитого. «Но как они узнают, что его убил я? Не узнают. Он лежит сейчас в тундре, и его заметает снегом. Пусть не собирает пушнину там, где я хозяин!» Ненадолго приходит мысль о Кутыкае: «Он знает, видел…» Но что Кутыкай? Жалкий бедняк его стойбища. Разве он посмеет болтать? Да и кто станет искать поворотчика в такой дали?.. Скоро весна. Вскроются реки. Потом все забудется, затеряется. Труп сожрут песцы и волки, кости рассыплются в прах. Никто не узнает…

Гырголь почти беспрерывно курил. «Жаль, потерял след. Много товаров было, большой груз. Как найдешь? Тундра – как море, как небо. Напрасно испугал оленей. Надо было ножом… Бездельник Кутыкай! Трус! Упустил и свою нарту…» Но в конце концов, что значат эти товары! Разве их мало у Джона? Зато Гырголь избавился от вора, который мог испортить ему всю торговлю…

И Гырголь все больше утверждался в мысли о том, что поступил правильно, как подобает хозяину. Так он накажет любого, кто явится в Амгуэмскую тундру! Разве не он здесь самый «сильный товарами и оленями человек»? Разве не он обеспечивает всех оленеводов такими нужными для них товарами?! Джон, несомненно, похвалит его: он и раньше говорил Гырголю – не давать другим пушнину.

Все хорошо. Только теперь нужно всегда быть наготове. Везде могут встретить, настигнуть родные того поворотчика… А то еще какой-нибудь жалкий бродяга может попытаться ограбить его, Гырголя… Нет, Гырголя не застигнешь врасплох, не таков Гырголь!

Он крепче сжимает лежащий на коленях винчестер.

Где-то совсем близко слышится топот. Уж не упряжка ли это поворотчика? Или, быть может…

Нет, это не упряжка, не родственники убитого, не духи. Это – страх.

Упряжка поворотчика давно освободилась от нарты и теперь копытами откапывала из-под снега ягель и уходила все дальше и дальше. Не найти Гырголю нарты с товарами. Перевернувшись, она лежит в низине, по которой летом течет ручей. Дикие звери изгрызут ремни, упаковку, растащат меха, товары, палатку… А придет зима – все засыплет снег, заметет пурга. Олени пристанут где-либо к стаду или погибнут от волков. И никто никогда не узнает, куда делся, где погиб поворотчик.

Большой круг объехал утром Гырголь, пытаясь напасть на след нарты. К полудню он вернулся к месту происшествия.

Молча подошел к убитому, ногой перевернул на спину. «Пусть посмотрит на Амгуэмскую тундру!» – зло подумал он и, ни слова не говоря Кутыкаю, снова сел на нарту.

Кутыкай поспешил к своей упряжке.

* * *

Стойбище Канкоя оказалось недалеко.

Седой и дряхлый хозяин стойбища, как всегда, встретил Гырголя сухо. Было видно, что он не нуждается в товарах. Он сразу же отдал долговую пушнину, и Гырголь не остался тут ночевать: помимо всего прочего, он знал, что Канкой осуждает его за торговлю.

«Оленевод должен думать о стаде», – говаривал старик.

Тронулись дальше, Кутыкай был подавлен, мрачен. Вспомнился недавний разговор с Кеутегином: «Ты счастливый: с Гырголем едешь…»

День ясный, морозный. Небо высокое, чистое. Снег тверд. Под полозьями нарт посвисты. Гырголь и Кутыкай едут молча. Путь долог, стойбищ много. Лишь ко времени отела оленей они возвратятся домой.

На сердце Кутыкая неспокойно. В полудреме ему чудится лужа крови на снегу, тело старого чукчи с рваным ухом, широкая снежная даль под синим небом.

Глава 35
В «ЗОЛОТОМ УЩЕЛЬЕ»

Человек огромного роста шел по берегу еще скованного льдами моря. От своей яранги, издали, старик Вакатхыргин наблюдал за ним. Он видел, что это не чукча, и гримаса брезгливости легла на его лицо. «Нигде не скроешься от этих чужеземцев…»

Пять лет назад Вакатхыргин покинул Ванкарем, обосновался на этом безлюдном берегу. На следующий год к нему присоединились еще две семьи: его дочь Эмкуль с мужем и Рахтынаут, прозванная американом Амноной, со своим мужем.

Так вот и живут они здесь с тех пор.

Старик оставил Ванкарем после долгих размышлений: ведь почти вся жизнь прошла там. Но что ни дальше, то сильнее возмущалась душа новыми порядками в его родном поселении. Все изменилось. День и ночь женщины шьют Джону обувь. Куда ему столько? Смолкли в поселке их звонкие голоса, редко кто выйдет в тундру за ягодами и съедобными кореньями, почти перестали собираться к Вакатхыргину послушать сказки. А было время, когда люди заслушивались его. Он говорил о старине, о мечтах, которые согревали сердце. Как любил эти сказки Тымкар! Жаль старику, что Тымкар не остался у него. Хороший был юноша… Мужчины тоже перестали собираться в яранге сказочника. Они только и думают теперь о том, как бы получить у Джона дурной воды. Появилась среди чукчей нехорошая болезнь, умирать стали. Сдружился с Джоном шаман.

Нет, не мог больше старик оставаться там. Его уши устали слушать бранные слова, невтерпеж ему стал отвратительный запах дурной воды…

Вот здесь он спокойно доживет свои дни. Только раз заметили эти три яранги с какой-то шхуны, но он – через мужа Рахтынаут – отказал американам в торговле, Пусть не приходят сюда совсем. Табак, чай и патроны привозит ему из Ванкарема муж Эмкуль. Правда, и тут не так уж спокойно сердце старика: ноет оно, когда вместе с чаем и табаком зять привозит новости из его родного поселения. Но хоть не видят этого глаза…

Однако и сюда пришел потревожить его покой человек другой земли.

С какой-то необычной поклажей за спиной, широкоплечий, с тяжелым подбородком и едва заметными глазами, рыжий таньг подходил к яранге.

Вакатхыргин уже было сделал движение, чтобы скрыться, но пришелец заметил его, окликнул. Старик ничего не ответил.

На таньге истертая чукотская одежда, на ремне, перекинутом через шею, висит винчестер; на ружье лежат большие волосатые руки.

Ройс, приблизившись к старику, повторил слово приветствия. Вакатхыргин не желал осквернять общением о иноплеменником. Норвежец продолжал по-чукотски:

– Меня зовут Ройс, Тэнэт из Энурмино – моя жена.

Старик пожевал сухими губами: Тэнэт? Как же, он знает Тэнэт. На ее сестре был женат брат Тымкара. Прошлой весной умерла ее мать. У Тэнэт родился сын, рыжий, говорят люди. Вакатхыргин поморщился.

– Иду домой. Устал, голоден.

Вакатхыргин облегченно вздохнул: «Значит, уйдет». Молча он вошел в ярангу и вскоре вынес прохожему вяленого мяса. Затем, так же молча снова скрылся в шатре, не предложив зайти туда.

Норвежец был поражен. За десять лет, проведенные среди этого народа, он не встречал еще такого приема. «Немой? – подумал он про старика. – Быть может, больной?» Он недоверчиво осмотрел большой кусок поданного ему мяса. Огляделся. Две другие яранги казались вымершими. Еще минуту Ройс постоял в нерешительности, потом быстро зашагал дальше, неся в руках кусок вяленого мяса.

Льды у берегов истрескались, под них текли вешние воды.

Вдали уже видна Колючинская губа, а от нее не более семидесяти миль до Энурмино. Два-три дня – и он доберется туда. Там он найдет привет и кров, там Тэнэт.

Тэнэт действительно жила там. Она похоронила мать, осталась одна. Много забот навалилось на Тэнэт. Родился сын..»

– Тырко, милый, – шептала она, прижимая к щеке светловолосую головку.

Тэнэт верит, что Ройс вернется. Кто же бросит такую, как она? И каждый раз при этой мысли молодая мать поглядывала в зеркальце – подарок мужа: знала, что хороша. Сколько за эти два года было сделано ей предложений, сколько попыток! Но нет, она будет ждать его. Он – отец Тырко. «Тырко, милый мой!»

Женщины помогали Тэнэт, приносили ей мяса и жиру, шкуры и жилы. Она шила одежду, обувь. Потом за эти изделия мужья подруг привозили ей разные товары из Уэллена и Наукана. Чай, сахар, другое, что нужно. В Наукане больше дают товаров, чем Джон. Купцы оставляют товары эскимосам на зиму.

Тэнэт бережлива. Сколько уж лет прошло, а подарки Ройса все целы. Любит Тэнэт и красное платье, и тонкие чулки, и туфли из зеленой кожи. Красивые. «Где берут, как делают?» – думает она, наряжаясь перед зеркальцем.

Грусть не часто посещала ее ярангу. Тэнэт знала, что Ройс где-то близко, он не уплыл. Все копает землю, ищет какое-то золото. Молодой чукчанке было смешно. Как можно что-то искать в земле? Кто положил туда, зачем? Странные эти таньги!

Ройс появился в Энурмино на четвертые сутки после встречи со стариком Вакатхыргином. Вечерело. Чукчи были дома. Они вышли из своих яранг. Послышались приветствия:

– Этти, Ройс!

– Где был так долго?

– Каковы новости?

– Тэнэт в яранге. Иди, иди!

– Какомэй! Здравствуй!

Детвора шла по пятам за ним через весь поселок.

Ройс обратил внимание, что людей в поселении почему-то стало меньше, хотя сейчас, когда у берегов еще льды, а нартового пути уже нет, они все должны были бы находиться дома.

– Здравствуй, ты откуда?

– Ох, давно не видел тебя, этти!

– Каково твое спокойствие? Здравствуй!

– Где пропал? Иди, сынок ждет.

Краска залила щеки Ройса. Он опустил голову, едва отвечая на приветствия. «Да, да.» ведь она оставалась… О, это нехорошо..:»

Тэнэт стояла у яранги, держа Тырко на руках. Она не побежала к Ройсу навстречу, она ждала, пока он сам подойдет.

Весна. Журчат ручьи, разламывают прибрежный лед. Летят белые канадские гуси, их курлыканье хорошо различает Ройс, но ему кажется, что это крик ребенка, его ребенка. Он ускоряет шаги. Он уже видит Тэнэт, она держит сына на руках.

– Этти, Ройс!

– Какомэй, Ройс! – слышится отовсюду.

Но он уже не слышит этих возгласов, не отвечает никому. «Тэнэт… Вот она стоит с сыном… Сын! Ведь это его сын!.. Его и Тэнэт!»

– Тэнэт! Здравствуй, Тэнэт, – Ройс наклонился к ней.

– Бент… – оторвавшись от него, со стоном шепчет она. – Ты пришел, Бент! – Левой рукой она обняла его за талию, прижалась к нему вместе с ребенком, Ройс видит только ее влажные от радости глаза.

Чукчи, стоящие у ближних яранг, молча глядят на них.

– Идем в ярангу, Тэнэт, все смотрят на нас.

– Вот сын твой, Бент, – сияющая, она приподняла ребенка, заглядывая мужу в лицо.

И тут Ройсу снова стало до боли стыдно, что он ушел тогда, как вор. Ведь, честно говоря, он и не думал возвращаться.

– Как назвала его?

– Тырко.

– Тырко? – что-то оскорбительное для норвежца прозвучало в этом имени. – Тырко? – тихо повторил он еще раз.

И вдруг перед ним так ярко встала вся несуразица его жизни. Хотелось кричать, кому-то жаловаться на судьбу, что-то делать… Но что? Его душили слезы уже не от радости возвращения, не от встречи с той, которая доставила ему немало отрадных часов в этом суровом краю, отдала ему свою молодость, родила ему сына. Горький комок застрял в горле. «Какой ужас, какой ужас! – мысленно повторил Ройс. – Мой бог! Какая трагедия!..»

– За что такое наказание? – вслух по-норвежски вырвалось у него, и он заплакал.

Тэнэт увела его в ярангу. Ей странно было видеть большого, сильного человека в слезах. Непонятные люди таньги!

* * *

На следующий день Ройса трудно было узнать. Он побрился и сразу помолодел: перед уходом на Колыму он забыл второпях бритву и последний раз брился у русских ссыльных. Ройс надел новые торбаса, штаны и легкую рубаху из выделанных тюленьих шкур. Все это уже давно сшила ему Тэнэт.

В этот день Ройс отправился посмотреть на «Золотое ущелье».

Снег в разработках еще не растаял. Проспектор присел на выступ породы. Да, вот здесь он найдет свое золото! Напрасно уходил. Но ничего. Зато теперь он знает, что искать нужно именно здесь. Разве не нашел он в этом ущелье признаков золота? Побольше настойчивости, Бент!

Сегодня, посмотрез на себя в зеркальце, он убедился, что выглядит еще молодо. Пустяки! Он еще устроит счастье.

Однако вскоре стали подкрадываться другие мысли. А где же брать мясо, табак и чай? Уже давно потребности Ройса ограничивались этими продуктами. Он отвык от хлеба и одежды из тканей. Как-никак десять лет!.. Ну что ж, он будет ставить капканы, иногда с чукчами выходить в море. Хорошо, если бы теперь купцы предложили ему собирать зимой для них пушнину. Напрасно он не соглашался раньше. «Вот так и проживу. А потом найду золото, заберу сына, увезу его в Штаты». Тэнэт? Но не может же он везти ее с собой! Он обеспечит ее на двадцать-тридцать лет.

И Ройс опять предался мечтам о своем будущем счастье. Он видел перед собой Марэн – такой же пятнадцатилетней девочкой, какой она была, когда они расстались. Он не мог представить себе ее иной, не хотел думать, что теперь, спустя двадцать с лишним лет, она может неузнаваемо измениться, давно стать женой другого человека и матерью взрослых детей. Перед ним стояла прежняя Марэн, он видел ее так же отчетливо, как в тот памятный день 1888 года, когда он, окончив гимназию, отплывал в Штаты.

Ройс неподвижно сидел на обнаженной породе в своем «Золотом ущелье».

Внизу, еще под снегом, журчал весенний поток. Жгло солнце. Было начало июня.

Нет, нет, он и не подумает теперь вернуться в Ном, в Калифорнию, Чикаго, Нью-Йорк. Что там делать без цента в кармане? Не для того он прожил свои сорок лет, чтобы получать от хозяев подзатыльники, бродить безработным, жить, не видя никакой перспективы. А свобода? Ведь здесь он, – Ройс даже улыбнулся, уселся поудобнее, – здесь он, черт побери, свободен, свободен, как птица! Бент хорошо узнал цену свободы. Конечно, свобода досталась ему нелегко. «Но это не так уж и дорого, старый ты бродяга, Бент! В конце концов чего у тебя нет? Комфорта? Кабаков? Продажных девок? Долларов? Верно! Но все остальное есть. Кров. Пища. Женщина. Одежда – пусть она пока из шкур! А главное – перспективы!..»

Обо всем успел подумать в этот день Бент Ройс. Мысли текли свободно, как эта невидимая под снегом вешняя вода. Весна волновала, хотелось петь. Впервые после долгих лишений Ройс почувствовал прилив бодрости. Хорошо ощущать на себе чистую, свежую одежду, приятную полноту в желудке, знать, что тебя ждет теплый кров, всегда ласковая Тэнэт. Прекрасна мечта и еще прекраснее надежда на ее осуществление!.. Хорошо жить! Он никого не убил, не ограбил, не обидел… А вокруг все так славно, греет солнце, поет ручей… Разве мало этого хотя бы для короткого счастья.

И Ройс внушал себе, что он уже почти счастлив. Он будет работать, добиваться своей цели. Никто не станет его подгонять, бранить, унижать. А перспективы он не потеряет никогда!

Глава 36
ПУРГА НАД ТУНДРОЙ

Быстро прошло короткое лето, и опять наступила зима. Нет ни утра, ни дня, ни вечера – ничего нет: ни неба, ни соседнего острова, ни ближайшей землянки… Только снежный буран. Озверелый, он сотрясает жилища, набрасывается на все живое и мертвое и в лютости своей ревет и стонет, словно пытаясь изувечить все на земле.

Девятые сутки люди не выходят из пологов. Даже под кровлей шатра снежной пылью насыщен воздух.

При каждой ураганной атаке, когда тугие могучие вихри шквалом обрушиваются на землянки, колебля пламя жирников, люди пугливо озираются.

В землянке Тымкара поскуливают собаки. Им холодно и хочется есть.

Давно миновало сытое время. Пролив скован льдом. Нет ни охоты, ни шхун, ни солнца. От колючей, злой снежной пыли темно. Мир сузился до четырех стен меховой палатки.

«Как станем жить?» – думает Тымкар, глядя на больную маленькую дочь. Поджав под себя ноги, он сидит у жирника. В руках у него острый огрызок источенного ножа, на коленях – клык. Тымкар только что наносил на него рисунки и какие-то значки: грустную повесть, услышанную от Амноны.

…Амноне не спится, хотя и Тагьек, ее отец, и Майвик, и брат Нагуя, и сестра Уяхгалик – все давно спят. Лежа, подперев ладонями голову, щупленькая, черноглазая, она уставилась на неровное пламя жирника. А куда бы еще могла глядеть Амнона? Закопченный полог из шкур, такой же потолок, обувь на перекладине над головой, вповалку лежащие люди – ее родные – вот и все, что есть в жилище.

Она прислушивается к разбою пурги, вздрагивает, когда кажется, что землянке не устоять. Вновь вспоминает полные тревоги и страха безрадостные дни. Таким же вот вихрем, какой бушует сейчас там, за шатром, вломились в их жилище белолицые люди, всех напоили, а ее унесли с собой… Тогда ей было всего пятнадцать лет.

– Ты что не спишь, дочка? – ласково окликает Амнону мать.

Усталыми глазами та молча смотрит на нее, Майвик приподнимается, ей страшно за дочь. Все таким же невидящим взором Амнона продолжает глядеть туда, где только что была Майвик. Мать подползает к ней, гладит щеки, прижимает ее голову к себе, молча

ложится рядом. На глазах у Майвик слезы.

Амнона засыпает. Но сон ее беспокоен. Она вздрагивает, шевелит губами, вскрикивает. И Майвик все понимает. Вот Амнона корчится: это ее заставляют пить огненную воду. Потом лицо спящей становится гневным, она борется во сне с кем-то, кричит на кого-то…

С каждым порывом ветра меняются сны.

Заплаканная Майвик не сводит глаз с беспокойного лица дочери. Тымкар в своем шатре продолжает разрисовывать клык. Тыкос уже умеет разбираться в этих записях отца. Это очень хорошо. Пусть будут знать чукчи, как жили их предки, как плохо к ним относились американы.

Девочка играет со щенком: это Амнона. Затем – землянка, в ней бородатые люди пьют огненную воду. На следующем рисунке Майвик и Тагьек спят, а какой-то чужой человек на руках уносит девушку. Амнона в доме американов, она плачет, скорчившись на кровати. Джон (Тымкар уверен, что это тот, который живет в Ванкареме) играет в кости с другими, и вот ночью один из этих американов уносит ее к себе на шхуну… Амнона готовит пищу, стирает, ее выигрывают и проигрывают; она плачет, пытается броситься в море, думает о родных, о свободе, о счастье… И вот наконец у острова – русский корабль.

Тымкар мало знает русских. Но разве не они отобрали у американа Амнону? И Тымкар любовно изобразил этих людей с блестящими полосками на плечах. Правда, и они тоже стреляли, но не в них, как чернобородый янки; и они тоже угощали, но не затем, чтобы увезти кого-либо из них, как чернобородый янки. «Однако, они стоящие люди, эти таньги, как видно. Тоже и Богораз. Поделился сахаром, чаем. Многое рассказал, большую голову сделал». Только вот одно непонятно Тымкару: счастья он ему пожелал, а Тымкар так и не нашел счастья до сих пор… Конечно, у него есть семья, но Тымкар не чувствует себя счастливым. «Неправильная жизнь, – думает он, глядя на два своих винчестера. Ни к одному из них нет патронов. – Обманщики! Зачем добывал?» И ему вспоминается опасная охота на кита, промысел песцов, все лишения и тревоги, связанные с приобретением этого оружия. И тут рождается мысль, что хорошо было бы, если бы все чукчи сговорились и не стали выменивать новые ружья, а потребовали бы привезти патронов. Но мысль эта, едва родившись, сразу гаснет. «Как скажешь всем? Кричать? Не услышат. Бежать? У тундры нет берегов…»

Бесноватый ветер шарахнулся на землянку. Пламя жирника метнулось в сторону. Мелкой дробью забился заиндевелый полог.

Проснулась Сипкалюк. Огляделась, прислушалась. Заплакала больная дочь. Мать долго успокаивала ее, потом сказала мужу:

– Ложись, Тымкар! Страшно одной. Пурга.

И о чем бы, кажется, горевать Тымкару? Жена к нему ласкова, в ее голосе и глазах так много теплоты. Но нет, она раздражает его, и он отвечает:

– Слова твои лишние. Ты надоела, как комар в летний день.

Это страшные слова. Еще никогда не слышала она такого от мужа. Что случилось с ним?

– Тыкмар… – стоном вырывается у нее. – Близкий к сердцу…

Порыв ветра заглушил ее последние слова.

Ресницы Тымкара дрогнули от гнева.

– Беден ум твой, – зло произнес он, отвернулся, и, не жалея табака, набил трубку, задымил.

Некстати окликнула его Сипкалюк: в голове его были важные мысли.

Успокоив себя глубокими затяжками, он думает о словах старика Емрытагина: «Многое изменилось в жизни». А что изменилось? Разве только то, что он уже отец двух детей? Но Емрытагин умный старик, напрасно болтать не станет…

Действительно, старик никогда не говорил пустого. Больше молчал, а если уж говорил, то «стоящие слова», кто же не знал этого!

…Вот и сейчас, мучаясь бессонницей, Емрытагин размышлял о жизни.

Емрытагину восьмой десяток. Он родился задолго до того, как Аляску уступили Америке. Седой, но еще бодрый, он помнит, что жизнь тогда была много лучше. Американов не знали ни они, эскимосы, ни чукчи. Плавали и торговали здесь только русские. А потом появились неизвестные им люди в светло-синих одеждах, и жизнь начала изменяться. Русские куда-то уплыли, совсем редко стали приходить. Вот минувшим летом, однако, приходили и опять обошлись с ними, как друзья: отобрали у американов Амнону, угощали, ничего не просили взамен. Ворочаясь и кряхтя, старый Емрытагин думает о своем одиночестве. Он давно уже живет один. Жена умерла, сын уплыл за пролив да так и сгинул там, второго унесло на льдине, третий умер младенцем; дочерей у старика не было.

Как и обычно, Емрытагину нечего курить; где взять старику? Спасибо, хоть кормят его всем селением, и то хорошо. Однако курить хочется. И он перебирает в памяти всех островитян. Землянка Канхака ближе всех, но он, бедняга, и сам уже забыл запах табака. Татакаин? Но разве есть кто-либо беднее его? Тагьек? Тот жаден. До Тнетеина не дойти в такую непогоду: далеко. И, как всегда, выбор останавливается на Тымкаре. Он хотя и чукча, но это ничего. Да и не спит сейчас, верно, рисует по кости.

Старик одобрительно покачал головой, поднялся, натянул торбаса, кухлянку и выполз из спального помещения.

В наружной части землянки на ощупь нашел и отпер входную дверцу. И в тот же миг дверца шарахнулась на него, как будто снаружи на нее набросилась штормовая волна. Старика отшвырнуло, опрокинуло на спину, поток плотного, колючего снега прижал его к пологу; забивая ноздри, рот, глаза.

Емрытагин перевернулся, отполз в сторону, отдышался. Мощная струя снега врывалась в открытую дверцу, заваливая жилище. На четвереньках старик выполз из землянки и, выждав спада ветра, прикрыл вход.

Темнота. Океан ледяного воздуха, смешанного со снегом, валит с ног, обжигает, набрасывается, как разбушевавшееся море на скалы.

Определив направление, старый эскимос согнулся и сделал несколько шагов. Временами он был не в силах двинуть ногой: шквал отбрасывал его обратно. Одежда тяжелела, перехватывало дыхание и, несмотря на стужу, лоб и все тело покрывались испариной: слишком резрежен воздух. Стучало в висках.

Смотри, старик, не сбейся с пути! Собьешься – погиб. Никто не услышит, никто не поможет.

В полном изнеможении повалился Емрытагин спиной к ветру у землянки Тымкара. Выровнял дыхание, отыскал дверцу, постучался.

В ответ тявкнула Вельма, заурчали другие собаки, и вслед за этим послышался голос Тымкара. Хозяин помог гостю отряхнуть одежду, раздеться. Потом протянул кисет с табаком. Старик зашевелил губами, торопливо вытаскивая трубку. На его виске дергалась синяя жилка.

Курили молча, не спеша, стараясь продлить удовольствие. Проснувшаяся Сипкалюк непонимающими глазами смотрела на соседа. Протянув руку, старик взял клык и долго «читал» по нему историю десятилетнего рабства Амноны. Затем, отложив клык в сторону, приподнялся, собираясь уходить.

– Пошел я, работай.

– Какомэй! – воскликнул Тымкар. – Как пойдешь? Оставайся с нами, – он быстро взял трубку гостя и снова набил ее табаком.

Громко и жалобно заплакала больная девочка. Вместе с матерью над ней нагнулся и отец.

– Плохо живем, – неожиданно заговорил старик, покачивая седой головой. – Мало умеем, мало знаем. А в жизни многое изменилось, – он бережно прятал трубку за пазуху.

Стоя на коленях, Тымкар повернулся к нему.

– Эскимос… – старик запнулся, – или чукча… если он человек, а не морж, должен жить лучше. – Он помолчал, оглядел полог. – Ты думай об этом, Тымкар. – И Емрытагин выбрался

из спального помещения.

А разве Тымкар не думал об этом? На его лбу прочертилась глубокая морщина.

Утомленный трудными мыслями, Тымкар уснул. Его разбудила грызня собак за пологом. Голодные, они пытались вырвать друг у друга куски мерзлого моржового мяса: достаточно бросить одной ее долю, как вся свора набрасывается на нее, грызется, рычит, щерится, воет от Укусов. Тыкос разгонял свалку, но все начиналось сначала: летели клочья шерсти, мелькали лапы, хвосты, морды, сверкали белые клыки. Спеша, собаки заглатывали твердые, как дерево, куски мяса, давились и, виновато поджав хвосты, отступали к темным углам.

Постепенно визг и грызня стихли. Тымкар прислушался. Пурга не унималась. Сипкалюк шила домашние туфли: их берут купцы в обмен на чай. Зубами протягивая сухожилия, заменяющие здесь нитки, она пришивала к заготовке из нерпичьей кожи подошву из шкуры лахтака. Дочь спала. Над жирником грелся закопченный чайник. В пологе было холодновато; второй фитиль потушили: мал запас жира.

Тымкар поднялся. Ему не нужно одеваться: он спал в одежде.

За наружной дверцей землянки его встретила непроглядная муть взбесившегося снега. Лишь несколько шагов сделал Тымкар, а жилища не стало видно.

Воротя морды от ветра, поднимающего шерсть на шеях, собаки неотступно шли за хозяином.

«Бедные пастухи!» – думал Тымкар. Эта мысль всегда приходила ему в голову, когда на себе приходилось ощущать злобу пурги. В такое время Тымкару бывало жаль даже Кутыкая, как ни трудно было простить его проступок: «Арканом… А зачем? Разве Кайпэ его невеста?» А вот когда метет пурга, жаль и Кутыкая…

В пологе Сипкалюк разливает чай. Есть будут позднее, ближе ко сну, а теперь – чай, чай, чай. Но и заварка на исходе. Скорее бы кончилась пурга!

Тыкос грызет кусок мерзлого моржового мяса, которым только что кормил собак. Мальчик вытянулся, стал уже подростком, охотником. У него черные длинные ресницы, как у отца.

Пьют чай молча. Каждый думает о своем, вернее – никто ни о чем не думает: все уже передумано за эти бесконечные дни непогоды.

Тымкар позволяет себе закурить. Правда, табака совсем уже мало, но, быть может, есть еще у Тагьека, и он даст за костяное домино. Тымкар снова берется за работу. Тыкос помогает шлифовать костяные пластинки. Сипкалюк снова садится шить туфли.

Пурга не стихает. Она не только над островами, она повсюду: и в Уэноме, и в тундре, и в Ванкареме, Энурмино.

В Уэноме совсем плохие дела. Чукчи болеют, умирают. Много хлопот Кочаку. Шаманит, принимает жертвы духам, хвастает своей силой, если выживет больной, ссылается на власть духов, если человек умирает.

С каждым годом все меньше становится жителей в Уэноме.

Не видно радости и на лицах Пеляйме и Энмины, хотя эту зиму они проводят не в тесной и душной яранге, а в маленьком домике с настоящим окном: домик им оставил Василь.

Минувшим летом Устюгов покинул Уэном и сейчас зимует в бухте Строгой.

– Будем, Наталья, на своем боте помаленьку спускаться к югу, на Амур, – сказал он жене. – Видать, паспорта не дождешься.

И хотя Пеляйме, Энмина и многие другие уэномцы уговаривали его остаться с ними навсегда: «Будь с нами, не уезжай, Василь. Все люди тебя хотят», – говорили они ему, Устюгов все же уехал. К гневу на американцев теперь добавился у него гнев на царя, продавшего их земли и бросившего русских на чужбине. Василий надеялся найти правду.

За годы, прожитые в Уэноме, Устюгов с помощью своего друга построил домик из самана, и теперь это жилище принадлежит Пеляйме. Правда, пол в нем из шкур, крыша – такая же, но есть печь, припасен плавник, стоит топчан, есть стол, табуретки. Тепло. И

воздух чистый… Вот только из-за этого домика совсем прогневили Кочака! Да и Ранаургин не успокоился. Глядит волком, хотя и женился.

Пока жил здесь Василь, Пеляйме ничего не боялся. Уйдет он на промысел – все равно Энмина оставалась не одна. А теперь у нее ребенок, она не может вместе с мужем ходить на охоту, а оставлять жену здесь Пеляйме боится: все могут сделать Кочак и Ранаургин…

Грустно Пеляйме. Тяжело вздыхает Энмина: на ее лице, руках и ногах появились какие-то болячки.

«Как уйду на промысел?» – думает он. А идти надо: мясо на исходе.

На выселке, где поселился Вакатхыргин, тоже неладно. Правда, там достаточно и жира и мяса, но Эмкуль воспротивилась согласию мужа стать невтумом с Гырголем (он каждую зиму заезжал к ним) и перед самой пургой тайно ушла из становища. Где искать ее в такую непогоду? Не погибла бы! Тяжко на душе у старика Вакатхыргина. «Лучше бы не приезжал к нам Гырголь!»– думает он.

А тот, разгневанный, сразу же велел тогда Кутыкаю запрягать и умчался к Джону-американу. Друзья! Дважды в течение зимы наезжает туда Гырголь. Совсем мало бывает дома. Даже дочь от своей первой жены и ту не заходит проведать, а девочка скучает по отцовской ласке, все спрашивает мать про отца. Она помогает матери выделывать оленью замшу. Смрад стоит в их пологе.

Кайпэ заметно увядает. Румянец цвета недозрелой брусники теперь не у нее, а у дочурки с большими карими глазами. «Неужели и ее ждет такая же жизнь? – мысль эта не дает покоя Кайпэ.

Заботы о дочери, работа, которой непрерывно требует Гырголь, мало оставляют Кайпэ времени для праздных размышлений. Да и о чем еще думать, о чем мечтать? О Тымкаре? Нет, это слишком больно: когда вспоминался он, ей хотелось скорее умереть. Может быть, там, в царстве мертвых, ей будет лучше. Там она встретит его…

Кайпэ не знала – да и откуда было знать ей! – что Тымкар временами тоже думал о ней. Вот и сейчас, выполняя заказ Тагьека, он вспомнил ее. И немым упреком точили душу Тымкар а слова, которые в самый несчастный для него день, перерезав аркан, он выкрикнул в изнеможении: «Я найду тебя, Кайпэ!» А слова так и остались словами…

Сипкалюк видит волнение в глазах мужа. «Что волнует его?» Но она знает, что в такие минуты трогать его нельзя.

Длинная вереница встреч, событий, разговоров проходит перед его мысленным взором. Нестихающая пурга усиливает мрачное настроение Тымкара. Она по-прежнему воет, свистит, бросается на кровлю, готовая сорвать ее, изодрать в клочья, а затем ворваться сюда, к ним – к Тыкосу и больной дочери. Отец поднимает гневный взгляд, как бы готовый померяться силами со стихией, но ветер вдруг мелкой дрожью сбегает по стенам на землю и на мгновение затихает. Тымкар продолжает работать.

«Эскимос или чукча, если он человек, а не морж, должен жить лучше. Ты думай об этом, Тымкар…» «Если он человек… если он человек, а не морж…» – Тымкар глубоко задумывается, руки безвольно опускаются.

Исподтишка Сипкалюк наблюдает за ним.

«Значит, чернобородый – человек: он живет лучше. Джон – человек, Ройс – человек, Кочак, Омрыквут, Гырголь… Они все живут лучше…» Слова Емрытагина волнуют ум Тымкара, однако они недостаточно ясны. Не зря же сказал старик: «Ты думай об этом, Тымкар!» А разве он не думал? Ведь само слово «луораветланы» (чукчи) означает «настоящие люди». Так как же: настоящие люди, а не могут жить лучше, а другие, не луораветланы, а… «Если он человек, а не морж…» Тымкару вдруг становится смешно: как может человек быть моржом?

Улыбка на лице мужа недолго радовала Сипкалюк. Лицо Тымкара снова стало угрюмым: «…Должен жить лучше». И Тымкар стал обдумывать, что же надо сделать, чтобы чукчи и эскимосы стали жить лучше. «Чернобородый имеет шхуну, товары. Но где все это могут взять чукчи? Джон? Тот – «помогающий» у чернобородого, плохой, лукавый человек».

Нет, Тымкар, не хочет быть таким, как Джон. Он отказался стать «помогающим», когда Джон звал его. Ройс? Но Ройс совсем непонятный человек. Да и человек ли он? Что нужно ему в земле? Говорят, он живет с Тэнэт и сам хочет стать охотником и немного купцом. Кочак? Однако он хоть и слабый, но все же шаман. Не могут же все чукчи стать шаманами! Кто станет кормить их… Тымкару на мгновение опять стало весело… Раздумывал он также об Омрыквуте и Гырголе, но так и не решил вопроса, что же сделать, чтобы чукчи и эскимосы жили лучше.

Об этом же размышлял Кутыкай, которого пурга захватила с Гырголем у Джонсона. За годы разъездов с Гырголем многое видел Кутыкай. Но во всем этом многом мало нового. Всюду одно и то же: оленевод-хозяин, пастухи и бедняки.

Новое для Кутыкая разве только в поведении Гырголя. То убийство, то захват чужого пастбища, угон оленей за долги, невтумство в каждом стойбище, спирт. Гырголь всюду называет себя хозяином Амгуэмской тундры. А разве может один человек быть хозяином всей тундры? Недавно в гневе он прогнал из тундры бедняка Чока: «Встречу – убью!» – крикнул Гырголь ему вслед. А вдруг он когда-нибудь прогонит из тундры и Кутыкая? «Куда пойду с тремя детьми, женой и со своим маленьким стадом?» Годы идут, а стадо Кутыкая не увеличивается. Много приходится убивать оленей для пищи: дети, да и самому нельзя без еды.

Кутыкай в пологе один. За кожаной перегородкой слышны пьяные голоса Джона и Гырголя, Горят два жирника. Тепло. Китти – так зовут «помогающую» Джона – не выходит из комнаты американа. Джон нарядил ее в таньговские одежды, и она совсем перестала быть похожей на женщину. Даже во сне Кутыкай не видел таких.

Прислушиваясь то к пьяным возгласам своего хозяина и Джона, то к вою пурги, Кутыкай пытается придумать, как ему увеличить свое личное стадо, чтобы стать независимым, уйти от Гырголя. Ему стыдно быть «помогающим» у убийцы: словно и на нем кровь, хоть он сам не убивал никого. Но сколько ни прикидывает в голове пастух, ничего доброго придумать не может. Единственный способ стать многооленным – это жениться на дочери богатого оленевода. Но кто же отдаст бедняку дочь? Да Кутыкаю уже и лет не так мало, и семья у него, где уж тут пытать счастья на этом пути! Другая мысль все чаще посещает пастуха. Уже давно по тундре кочуют слухи о каком-то сильном таньге Ван-Лукьяне, который один раз был в стойбище Омрыквута. Слухи проникают в каждую ярангу бедняка. Говорят, таньг учит пастухов собраться всем вместе, прогнать богачей и поделить оленей между собой. Если верить его словам, так поступили таньги на Большой земле, и теперь все живут хорошо. Так же, говорит, американов прогнать надо. «Конечно, – думает Кутыкай, – американов надо! Плохие. Да и Гырголь тоже стал вроде Джона…» Что же касается Омрыквута, то здесь – хотя Кутыкаю и очень надо бы увеличить свое стадо, чтобы уйти от Гырголя и жить одному, – он даже не смеет и подумать, чтобы они – Кеутегин, Рольтыргыргин, он и другие пастухи – сговорились бы, прогнали хозяина и забрали его оленей. «Как можно забирать чужое? Таньг, однако, говорит непонятное… Вот если бы Омрыквут сам дал…»

Кутыкай призадумался. Без рубашки, босой, он лежит на шкуре у жирника, шевеля пальцами на ноге. Невысокий лоб весь в морщинах. «Как-то там мои олешки? Не задрали бы волки, – вдруг шевелится в голове беспокойная мысль. – Однако, ничего: Кеутегин хороший пастух, тумга-тум».

Да, Кеутегин хорошо стережет оленей. Сутки дежурит он у стада, потом спит – тоже почти целые сутки, – наедается и снова в тундру. Завидует Кеутегин Кутыкаю: в тепле сидит, курит, людей видит, а здесь – только олени…

Но разве бывает когда-нибудь доволен человек? То, о чем мечтает Кеутегин, совсем не устраивает Кутыкая. «Лучше бы пас оленей!» – думает он. Вот только плохо, что личное стадо так мало. А как сделать, чтобы увеличить его, чтобы всегда в яранге было вдоволь мяса и жира? Нет, никто не может придумать ответа на этот вопрос: ни он, ни Кеутегин – никто.

…Кеутегин. Уже третьи сутки его никто не приходит сменять. Куда пойдешь, где найдешь стадо в такую погоду? И он, измученный, ложится с подветренной стороны у брюха дремлющего оленя и мгновенно засыпает. А неподалеку крадутся к стаду волки… Но спит Кеутегин, а ветер относит от чутких ноздрей оленей тревожные запахи. Быть беде!

Кутыкай тоже спит; опьянев, спит Джонсон. Он проиграл Китти Гырголю, но та, как всегда, вовремя исчезла…

Пурга не утихает.

Над проливом, в тундре, на побережье – всюду властвуют тьма и буран.

Холодно.

Кейненеун больна. Она одна в своем шатре.

Дочь Кайпэ учится вышивать; мать шьет обувь.

Захваченная непогодой, под обрывом, едва заметная из-под снега, лежит насмерть разбившаяся, замерзшая Эмкуль. Не знает старик Вакатхыргин о смерти дочери…

Амнона не спит: болезнь не дает ей покоя.

Краснощекая Майвик опять ласкает ее, ложится рядом.

Тагьек накалывает рисунки на костяные изделия для продажи: на мундштуки, брошки, ножи.

Глава 37
ЗЕМЛЯ ПРОСЫПАЕТСЯ

Слухи об империалистической войне достигли Кочнева только к осени 1915 года. В следующую навигацию ни один русский пароход почему-то не зашел в бухту Строгую. Некоторые сведения о ходе военных действий проникали сюда из американских газет. Сведения были не радостные. Немцы захватили Польшу и часть Прибалтики. Царская армия терпела поражение за поражением, вынуждена была отступать. В ту пору далеко не все знали об измене военного министра Сухомлинова, о том, что некоторые царские министры и генералы вместе с царицей, связанной с немцами, выдавали врагу военные тайны.

Какую позицию заняла в войне партия большевиков, какую работу она проводит в массах, к чему готовится, – вопросы эти волновали Кочнева, но он оказался в неведении. Иван Лукьянович объяснил это тем, что на Чукотку приходил совсем другой пароход; видимо среди членов команды не оказалось человека, связанного с большевиками Приморья.

Шел уже 1917 год, а Кочнев никаких указаний не получал.

– Понимаешь, Дина, – говорил он жене, – я чувствую, что Россия переживает очень ответственный период. Воина потребовала вооружения миллионов рабочих и крестьян. Если партия сумеет… ты понимаешь, сейчас одним дыханием можно опрокинуть самодержавие!

– Это верно, Ваня.

– Ленин считал полезным для революции поражение царизма в русско-японской войне. Теперь, судя по американским источникам, царские войска терпят еще более серьезное поражение. Ты понимаешь, чем все это может кончиться?

– Понимаю, Ваня.

– Мне надо побывать хотя бы в Славянске. Возможно, там больше знают о делах в России.

Однако «благодетель» Кочнева – местный купец воспротивился выезду Кочнева в Славянск «за медикаментами». У купца болела супруга, и он требовал от ссыльного лекаря поставить ее на ноги.

Осенью наконец пришел пароход. Вечером в домик Кочнева постучали. Иван Лукьянович отпер дверь, вышел. У крыльца стоял незнакомый человек в рабочем комбинезоне, из-под которого виднелись полоски тельняшки.

– Простите, ищу знакомую девушку. Не научите?

– Но я не знаю, кого вы разыскиваете.

– Дину Кочневу, не слыхали?

– Слыхал.

– Разрешите войти?

– Пожалуйста.

Это был кочегар с парохода. Он передал Ивану Лукьяновичу пакет и сказал, что зайдет еще раз завтра, в это же примерно время.

Приморская большевистская организация писала Кочневу о многом. Узнал Иван Лукьянович, что атмосфера в России накалилась до предела; поражения на фронтах, нехватка оружия, предательство, миллионы убитых и искалеченных, разруха – все это вызвало ненависть и озлобление к правительству среди рабочих, крестьян, солдат, интеллигенции, усилило и обострило революционное движение народных масс против войны, против царизма как в тылу, так и на фронте, как в центре, так и на окраинах. Недовольство захватило и буржуазию, озлобленную тем, что при дворе хозяйничали пройдохи вроде Распутина, которые вели политику на заключение сепаратного мира с немцами. Буржуазия убеждалась, что царское правительство неспособно вести успешную войну, и решила провести дворцовый переворот, сместить Николая Второго и вместо него поставить царем связанного с буржуазией Михаила Романова. Этим она хотела пробиться к власти и предупредить народную революцию.

С января начались стачки, забастовки, демонстрации в Петрограде, Москве, Баку, Нижнем Новгороде. Происходят стычки с полицией. Войска отказываются стрелять в рабочих, переходят на сторону восставших, арестовывают министров и генералов, освобождают из тюрем политических заключенных. Царизм пал.

– Дина! – воскликнул Кочнев. – Дина! Ура! В России нет больше царя!

– Что? – просыпаясь, испуганно спросила она.

– Царь свергнут, Динка!

– Тише, Ваня. Я ничего не понимаю.

Но вот лицо Кочнева стало хмурым. Он читал о двоевластии, о том, что победившие рабочие и крестьяне, по сути дела, добровольно отдали власть представителям буржуазии…

Перед большевистской партией, писали ему, встала новая задача – разъяснять опьяненным от первых успехов рабочим и солдатским массам, что до полной победы революции еще далеко, что пока власть находится в руках буржуазного Временного правительства, а в Советах хозяйничают соглашатели – меньшевики, эсеры, – народу не получить ни мира, ни земли, ни хлеба, что для полной победы необходимо сделать еще шаг вперед и передать власть Советам.

– Слушай, Дина. Партия вышла из подполья! Ленин – в Петрограде! Курс партии – на подготовку вооруженного восстания!

В жизни и деятельности Кочнева наступил очень ответственный период. Через Элетегина, лично, через многих своих приверженцев в разных селах Иван Лукьянович всеми силами готовил чукчей к тому дню, когда, может быть, и им придется с оружием в руках изгонять представителей Временного правительства и самим становиться у власти.

Однако время шло, а новых инструкций Кочнев не получал. Он долго не знал об Октябрьской революции, о Брестском мире, об интервенции, блокаде, гражданской войне.

Минуто уже почти два года, как в России совершилась революция. Но на Чукотке Советской власти еще не было.

Узнав о свержении царя, купцы и рыбопромышленники в Славянске взяли под домашний арест уездную администрацию во главе с бароном Клейстом и создали «Комитет безопасности»; позднее они отстранили от власти прибывшего с опозданием комиссара Временного правительства и вошли в состав марионеточного «совета», а минувшим летом сложили свои «полномочия» перед колчаковской администрацией.

Пока делались запросы недолговечным правительствам о том, как поступить с бывшими правителями уезда, барон Клейст, находясь не у дел, спокойно жил в Славянске. Он без труда нашел общий язык с представите лем Колчака, оказывая ему многочисленные услуги как опытный консультант.

На пароходе, с которым прибыла в Славянск колчаковская администрация – новые начальник и секретарь уездного управления, мировой судья и милиционеры, – находились и другие пассажиры. Когда «высокое начальство» в окружении подобострастных купцов и рыбопромышленников покинуло берег, с парохода сошло еще два человека, тайно посланных на Чукотку Приморской большевистской организацией. Под вымышленными фамилиями они уже через несколько дней поступили на работу. Мандриков заведовал продовольственным складом. Берзин нанялся в сторожа при уездном управлении…

Тридцатилетний Мандриков, слесарь-машинист по профессии, несмотря на свою молодость, многое уже пережил. Сидел в тюрьме, участвовал в революционном движении, был во Владивостоке приговорен колчаковцами к расстрелу, бежал на Камчатку. Теперь ему предстояло на Чукотке выполнить ответственное поручение партии.

Почти одновременно с приездом Мандрикова и Берзина в Славянск Кочневу было предложено связаться с ними.

Колчаковцы начали свою деятельность с арестов, вынесения тяжелых обвинительных приговоров, поддержки американских торговцев.

Тем временем подпольная группа проводила тайную большевистскую агитацию среди рыбаков, охотников, рабочих угольных копей, среди местного населения, сколачивала ядро, готовясь к установлению Советской власти.

Осенью Кочнев приехал в Славянск. Он знал о готовящемся восстании и рвался принять в нем участие. Но Мандриков предложил ему вернуться в бухту Строгую и там ждать указаний. Слишком долгое пребывание Кочнева в Славянске могло показаться властям подозрительным. И без него в уезде появилось много людей, связанных с подпольем; это могло быть понято колчаковцами как стягивание сил, могло выдать замыслы организации. К тому же, проводя мобилизацию в колчаковскую армию, власти могли забрать и Кочнева. Купцы и промышленники усердствовали с доносами на всех сочувствующих Советской власти; колчаковцы жестоко репрессировали таких людей. Подпольная организация оберегала свои кадры.

На обратном пути, как всегда, Кочнев задерживался в чукотских поселениях и стойбищах оленеводов, рассказывал о событиях в стране и уезде, о декретах Советской власти, о том, кто такие большевики и за что они борются. Всюду у него были друзья и верные люди. Это через них он обычно получал письма и книги из Славянска.

Иван Лукьянович нервничал. Уже ноябрь, а никаких вестей из Славянска нет. Правда, лишь недавно установился санный путь; больше месяца нельзя было передвигаться ни морем ни сушей, только пешком, а уезд не близко: около недели надо идти.

В семье Кочнева тоже неспокойно. Дина все чаще проявляла тревогу о здоровье своего первенца. Да, признаться, и ей не все было понятно в поступках мужа. Ведь революция давала ему право на возвращение, а он вот опять остался зимовать.

Ребенок действительно выглядел слабым.

– Может быть, Дина, вы поедете пока без меня? – спросил Иван Лукьянович и почувствовал, как защемило у него сердце.

Но последний пароход ушел, а Дина не уехала.

В ожидании вестей из Славянска Иван Лукьянович еще и еще раз штудировал марксистскую литературу, делал выписки, размышлял, намечая план деятельности Советской власти на Чукотке.

Как-то в свободное от занятий время он просматривал американские газеты, обнаруженные им у купца на прилавке.

– Дина, что это за слово? Его и в словаре нет. И вообще ничего не понимаю: какой-то трон, приз, королева…

Все эти годы жена занималась с ним английским. Она подошла, взглянула в газету:

– Баку. Знаешь такой город?

– Ах, Баку!.. А это?

Дина перевела:

«В отношении нефти Баку не имеет себе равных. Баку – величайший нефтяной центр мира. Если нефть – королева, то Баку – ее трон. Однако самый большой приз для цивилизованного мира со времени открытия обеих Америк – это Сибирь».

– Вон оно что, – наконец разобрался он в тексте, – призы себе намечают, делят…

Пришел Устюгов, мрачный, хмурый.

– Вы чем озабочены? Что-нибудь случилось? – спросил его Кочнев.

– Чаю хотите? – предложила Дина.

Василий сел, ничего не ответил хозяйке.

– Попутал ты меня, Иван. Опять в ярангу загнал, – пробасил он. – Жена поедом ест.

– Ну, это не опасно, – попытался пошутить хозяин, – вас с такой бородой трудно съесть.

– Зря послушал тебя, надо было пробиваться дальше, к Амуру.

– Великолепно, – Кочнев осуждающе покачал головой: – Пробиваться прямо в Колчаку в армию. Стоило для этого покидать Аляску!

– Черт-те что творится на белом свете! – выругался Устюгов и смолк.

Его положение и вправду было трудным. Бросил в Уэноме какую ни на есть избу и снова влез в ярангу – только теперь не к Пеляйме, а к Элетегину.

Минувшим летом Кочнев отговорил Василия двигаться дальше: безвременье, заберут к Колчаку, убьют, останется Колька сиротой, а Наталья – вдовой. «Потерпи, – говорил он, – вот-вот снова установится по всему Дальнему Востоку Советская власть. Получишь паспорт и разрешение сесть на пароход». Наталья сама присоветовала тогда переждать, а теперь ест поедом. И то ей не так, и это не этак… «Тошно, – говорит, – Вася, этак жить. Конца краю не видно…» И плачет, клянет свою судьбу. Недавно Колька сказал родителям: «Айда назад, в Уэном!» Но ни Василий, ни Наталья не смеют о том и помыслить. Как можно! Это все одно, что назад отобрать подарок у Энмины и Пеляйме, в ярангу переселить их снова. Не можно так! Да и вообще возвращаться не в характере Устюгова!..

Посидев несколько минут, Василий поднялся, взял шапку.

– А чай? – спросила Дина: гость даже не дотронулся до чашки. – Вы что приходили, Василий Игнатьевич?

– Так, ничего. На душе муторно.

И ушел – кряжистый, бородатый.

– Странный он какой-то, – заметила Дина.

– Трудно ему, – отозвался Кочнев. – России не знает, не понимает многого и понимать не хочет. Подай ему Амур – и баста! – Иван Лукьянович застегнул воротник черной косоворотки.

Ему было досадно, что он не сумел переломить Устюгова, сделать этого человека полезным революции.

Дина закутала сына в одеяло из заячьего пуха и понесла на свежий воздух.

Кочнев остался один. Бездействие угнетало его. К тому же он так много говорил с чукчами, что опасался, как бы люди не охладели к его словам, не видя никаких действий.

Кочнев не знал, что десять дней назад подпольная группа в Славянске оцепила ночью дома колчаковцев, разоружила всех, кто не был в отъезде, арестовала их и на следующий день провозгласила образование Революционного комитета Чукотки.

Иван Лукьянович сидел в глубоком раздумье, когда увидел, что к его домику подходит большая группа вооруженных чукчей во главе с Элетегином. В руках у них были луки, древние щиты, винчестеры, пики, на одежде висели колчаны со стрелами. «Что это значит?» – подумал Кочнев. За годы, проведенные с этим народом, он никогда не видел ничего подобного.

Люди шли к нему. Через минуту, необычно шумливые, они уже заполняли его комнату. В окно было видно, что со всех сторон к домику тянулись чукчи.

Среди входивших были двоюродные и троюродные братья Элетегина и другие его родственники по отцовской линии.

Всю осень Элетегин отсутствовал: он уходил на поиски пропавшего отца. Сейчас Кочнев видел Элетегина впервые после его отлучки. Видимо, он только что вернулся.

– Ван-Лукьян! – не здороваясь, с карабином в руке, возбужденно выкрикнул Элетегин, расталкивая братьев. – Ван-Лукьян! – повторил он и, задохнувшись от волнения, больше ничего сказать не смог.

– Что случилось? Здравствуй, Элетегин! – Кочнев внимательно смотрел на этого плечистого сорокалетнего чукчу с загорелым лицом и выстриженными на макушке черными волосами, которые обрамляли его голову как венец, почти прикрывая глаза.

– Ты выбросил болезнь. Смерть победил. Очень сильный ты, Ван-Лукьян! Теперь помоги нам найти «цену несчастья». Пойдем с нами!

Элетегин сделал паузу. Глаза его горели, он оглядел всех собравшихся: ведь это они настаивали на том, чтобы пойти к Ван-Лукьяну. «Пусть же услышат от него то же, что говорю им я», – : думал он.

По выражению «цена несчастья» Кочнев понял, о чем идет речь. Он читал об этом и у Богораза.

– Пусть тоже тоскует и томится, говорю я! – кричал на всю комнату Элетегин, прижимая к груди винчестер. – А они, – он показал на братьев, – говорят: не надо убивать жену и детей.

– Большая плата всегда лучше крови, – ответил ему дядя.

– Нет! – исступленно – выкрикнул Элетегин и в гневе вырвал из своей головы клок аспидно-черных волос, – Нет! Дух жертвы не успокоится!

– Ты узнал его имя? – спокойно спросил Кочнев.

– Гырголь! Он убил отца.

Кочнев однажды, очень давно, видел Гырголя. Оказалось, что Элетегин дознался, куда сгинул отец. Кутыкай поделился этой вестью с пастухами, те – с женами, и поползли слухи по тундре, как туман по низине. Сын убитого подкараулил ночью Кутыкая в стаде и долго с ним говорил. Пастух вначале испугался, потом успокоился, а в конце концов сказал про Гырголя: «Плохой! Убийцу убивают. Я желаю его смерти».

Элетегин обещал Кутыкаю не выдавать его, назвал пастуха тумга-тумом и вернулся в родное поселение, чтобы собрать родственников убитого и с ними отправиться для свершения кровавой мести. Так требовал древний обычай.

– Это очень позорно – не отплатить за кровь! – продолжал шуметь возбужденный Элетегин. – Даже самый дальний родственник должен принять это близко к сердцу! А вы?!

Одни его поддерживали – это были те, кто уже вооружился ружьями, луками, пиками; другие не соглашались. Да, конечно, оставить без возмездия убийство нельзя… «Однако, разве наша работа – дело убийства?»– спрашивали они.

– У Гырголя много родственников, – говорили третьи, – они станут потом убивать наших детей. Вражде не будет конца.

– Лучше взять большую плату. И дух жертвы успокоится, – снова посоветовал пожилой брат убитого.

Вернувшись с прогулки, Дина не смогла попасть в переполненную комнатку и ушла к Наталье Устюговой.

Чукчи были возбуждены. Кочнев пока не вмешивался. Слушал, соображал. Люди спорили.

– Амгуэмская тундра далеко. Если пойдем – как оставим детей и жен? Кто станет охотиться?

– Вижу, слабым ты становишься!

– Чьи мысли в твоей голове?

– Плату за кровь получить надо, однако!

– Ну, если ты говоришь, то я согласен.

– Ум теряю.

– Горе мне горло стеснило.

– Худой год.

– Вот беда: детей много.

– Однако, я состарился. Старик я.

– Смешной ты человек!

– Ум Гырголя склонен на худое.

– Словно сердце мое схватил Гырголь! – и краска гнева снова бросилась в лицо Элетегину.

– Бабы вы бессильные! – поддержал его двоюродный брат.

– Зачем детей убивать станем? Гырголя надо.

– Маленькая плата? – выкрикнул Элетегин. – Пусть мучиться станет, как я!

– Это верно.

– Если не убьем, сам станет других убивать. Хозяином тундры себя объявил.

– Как можно быть хозяином тундры?

– Идите! Убивайте! Мы станем кормить ваших детей! – выкрикивали у дверей возбужденные чукчи.

– А за что Гырголь убил отца, Элетегин? – спросил Иван Лукьянович.

– Всех, сказал, убивать стану, кто в Амгуэмскую тундру придет с товарами.

– И раньше так поступали богатые оленеводы?

Чукчи отрицательно покачали головами.

Кочневу стало ясно, что убийство, совершенное Гырголем, – это преступление не бытовое, оно носит классовый характер, порождено всем ходом жизни на этой далекой окраине. Видимо необычность преступления и взволновала так чукчей. Иван Лукьянович всмотрелся в решительные, напряженные лица. «Но ведь мало того, что классовый смысл убийства понимаю я, – подумал Кочнев, – нужно, чтобы его поняли они. Надо помочь им вырваться из рамок понятия обычной кровной мести, направить энергию возмущенного народа не на частности, а на все зло в целом. Сама жизнь пришла мне на помощь!»

– Зачем Гырголю столько песцов? – с наивным видом спросил Иван Лукьянович.

– Джона-американа он помощник!

Кочнев оглядел гневные лица вооруженных чукчей, сказал:

– Ну вот, убьем Гырголя…

– Надо! – обрадованный, подтвердил Элетегин. – Также жену и детей надо!

– А Джон пошлет в тундру другого, – продолжал по-чукотски Кочнев, – и скажет ему: «Прогоняй, убивай всех, кто приедет сюда с товарами: ты – хозяин тундры».

– Какомэй… – послышались голоса.

– Опять убьем его. Джон нового пошлет. Разве это правильно – без конца убивать?

Люди озадаченно молчали.

– Однако, что станем делать? – спросил уже спокойнее Элетегин. На его лице было заметно замешательство.

Иван Лукьянович помолчал, дав людям возможность подумать.

– Этки. Плохой человек Джон. Все люди так говорят, – послышался чей-то голос за спинами стоящих впереди.

Кое-кто стал закуривать, положив лук к ногам.

– Зачем учит убивать людей? – ни к кому не обращаясь, тихо произнес дядя Элетегина и покачал головой.

– Жадный он, как голодная собака, – ответил ему кто-то.

– Прогнать надо. Пусть уходит на свою землю. Плохой!

– Вот это верно, – подтвердил Кочнев. – Также надо прогнать таньгов с полосками на плечах. Зачем Джона и других пустили на вашу землю?

– Это так, – согласились чукчи, – однако плату за кровь надо взять!

– Правильно, – теперь согласился Иван Лукьянович. – Но поступать нужно не так, как хочет Элетегин. – Кочнев обернулся к нему. – Дети не виноваты, жена не виновата, что у Гырголя волчье сердце, Разве твоего отца убили дети, Элетегин?

Чукчи молчали.

– Наказывать должен совет стариков. Тогда родственники Гырголя не будут знать, кому мстить. Надо поймать Гырголя, связать ремнями, потом советоваться, что с ним делать. Так поступают русские. Так думаю я.

Эти слова тумга-тума Ван-Лукьяна озадачили чукчей: «Он, однако, владеет большим умом». Но Элетегин тут же спросил:

– Кто ловить станет?

Вопрос этот застал Кочнева врасплох. Действительно, как и кто сможет изловить Гырголя? Ведь если чукчи отправятся охотиться за ним, то все сведется к простой вековечной мести. Разве за этим люди пришли к нему? Они ждут от него умного и ценного совета.

Молчал Кочнев недолго. Он верил в скорое установление здесь Советской власти, и вера эта подсказала ему решение.

– Я сам поймаю его, – совершенно неожиданно для чукчей и самого себя ответил он, – Потом приведу его к вам, и вы решите, как поступить с ним.

– Какомэй… – раздались удивленные голоса: этого никто не ожидал.

– Один? – дядя Элетегина удивленно поднял брови и выронил изо рта трубку.

– Если не справлюсь, попрошу вас помочь… Ждите, я позову вас.

– Э-гей! – довольные, засмеялись мстители.

– Вот прогоним вместе с вами американов – совсем другая наступит жизнь. Никто не будет убивать друг друга. Купим вельботы деревянные. Каждый получит винчестер за двух или трех песцов…

И Иван Лукьянович нарисовал им снова картину будущего, пытаясь как можно нагляднее вскрыть перед ними причины всех их несчастий и тяжелой жизни.

Чукчи разошлись нескоро, но ушли вполне удовлетворенные тем, что Ван-Лукьян взялся сам отомстить Гырголю. А если он сказал – так и будет! Кто не знает этого! Что же касается родственников Гырголя, то они не посмеют мстить таньгу, тем более такому сильному, как Ван-Лукьян, который все может сделать: даже из живота человека выбросить болезнь. По всей Чукотке знают об этом. К тому же разве они дадут его в обиду?.. Пусть позовет Ван-Лукьян, и они все пойдут за ним!

Многосемейные родственники убитого были очень довольны, что Ван-Лукьян избавил их от этого «неудобного дела». Разве есть у них время бродить по тундре? А каково будет видеть своих убитых детей и жен? Нет, Ван-Лукьян, как видно, настоящий человек!

Когда вернулась Дина, в комнате было темно от табачного дыма.

– Вы с ума сошли! Ребенок и без того слабый.

– Сейчас проветрим. Очень важное дело решили, Дина, – и он все рассказал ей.

– Молодец ты у меня, Ваня! Хорошо, что отговорил, – похвалила его жена.

– Ты ничего не понимаешь, Динка! – Иван Лукьянович бережно взял у нее из рук сынишку и положил его в постель. – Дело не в том, что отговорил. Я понял сегодня, что чукчи поддержат, будут сами бороться за новую жизнь, за Советскую власть, что они… Понимаешь, сами пришли ко мне и согласились, что надо гнать в шею всех этих гырголей, джоясонов, клейстов, исправников и прочую мразь.

Незадолго до сумерек снова пришел Элетегин. И хотя был он без ружья и казался спокойным, Иван Лукьянович предположил, что сын убитого передумал, отверг принятый план и радость была преждевременна. Но он ошибся. Элетегин молча достал из-за пазухи пакет и передал его своему другу.

Заперев за ним дверь на засов, Кочнев вскрыл конверт. Первое, что он увидел, было отношение на его имя, оно начиналось словами: «Члену Революционного Комитета Чукотки товарищу Кочневу И. Л.». Сердце Ивана Лукьяновича гулко забилось, сразу пересохло в горле.

– Динка! – вскрикнул он и обернулся.

Жены уже не было, она ушла заниматься с подростками.

Оставив письмо на столе, Кочнев зачем-то подошел к печке и подложил в нее топлива, потом прошелся по комнатке, успокаивая себя. Ему казалось, что надо сию же минуту приняться что-то делать, сзывать людей, провозгласить в бухте Строгой Советскую власть. Стоя, он снова склонился над бумагой, так взволновавшей его.

Слева стоял угловой штамп. Но слова «Чукотский уезд» были перечеркнуты и от руки написано сверху: «Чукотский ревком».

Кочневу предписывалось отправиться по чукотским селениям к северо-западу от бухты Строгой разъяснять народу смысл и политику Советской власти, поднимать людей на борьбу с внутренними и внешними врагами.

А врагов было много. Молодая Советская республика переживала трудные годы. Американское оружие, доллары, продовольствие щедро поставлялись злейшим врагам русского народа, махровым контрреволюционерам и монархистам – Колчаку, занявшему Сибирь, Юденичу, Врангелю, Деникину, Семенову и другим царским генералам, рвавшим на части Россию.

Рассчитывая костлявой рукой голода удушить Советы, американское правительство уже в 1917 году организовало против России голодную блокаду. А летом 1918 года, когда республика трудящихся, терзаемая белогвардейскими генералами, переживала один из самых трудных и самых критических периодов своей истории, американо-английские «цивилизованные» разбойники, не ограничиваясь натравливанием на нашу Родину немецких милитаристов, сами тайно, по-воровски подкрались к нашим границам и высадили свои войска на советском Севере и советском Дальнем Востоке.

Кочневу надлежало составить список наиболее подготовленных, сознательных чукчей и эскимосов, на которых можно опереться в первые же дни создания сельских ревкомов.

Прилагался перечень населенных пунктов, где Иван Лукьянович должен провести работу: среди них был и остров в Беринговом проливе, куда можно попасть только водой.

С открытием навигации Кочневу предписывалось лично явиться в Славянск с докладом.

Помимо предписания, в пакет были вложены отдельные директивы Совета Народных Комиссаров за подписью Ленина и два воззвания ревкома к народу. В них писалось:

«…Третий год рабочие и крестьяне России и Сибири ведут борьбу с наемниками богатых людей Америки, Японии, Англии и Франции, которые хотят потопить в крови трудящийся народ России. Русское бывшее офицерство, сынки купцов-спекулянтов объединились вокруг Колчака и, получая от бывших союзников оружие и деньги, приступили к удушению рабочего и крестьянина. Япония послала в Приамурье двести тысяч солдат, которые заняли деревни, безжалостно убивают детей и стариков. Они думали этим кровавым террором убить русскую революцию, лишить трудящихся свободы, но ошиблись».

«Товарищи и граждане Чукотского уезда! – говорилось в другом воззвании. – Рабочие и крестьяне взяли власть для того, чтобы водрузить на земле знамя всеобщего труда. Буржуазия, гонимая жаждой наживы, пустила свои безжалостные щупальца по всему земному шару, – даже далекий уголок Севера не остался без ее внимания. Морской пират Эриксон, ныне «Эриксон и компания», пользуясь климатическими условиями, когда полярные морозы отрезают наш край от всего мира, монополизировал торговлю и стал властелином над жизнью как инородцев, так и европейцев.

Товарищи! Кто из вас не записан в его долговую книгу?

Никакая политическая свобода при данной капиталистической системе эксплуатации не спасет рабочего от экономического рабства. Только полное уничтожение самой системы эксплуатации обещает человечеству истинную свободу, равенство и братство».

Окно совсем посерело, в комнате становилось темно. Лишь отблески пламени из печи то и дело вспыхивали на стене. Не зажигая лампы, Кочнев сидел в своем любимом кресле, обитом мягкой медвежьей шкурой. «Завтра же, – думал он, – надо собрать чукчей и объявить им о том, что в уезде провозглашена Советская власть».

Перед ним лежало воззвание ревкома.

«Товарищи рабочие, рыбаки и охотники! Власть – в наших с вами руках. Придет время, оно уже не за горами, когда наш далекий край станет цветущим. Будут здесь построены заводы и порты, школы и больницы…»

Уже вторично перечитывая первые директивы ревкома, Иван Лукьянович видел мысленным взором и председателя ревкома Мандрикова, произносящего речь, и уничтожение долговых книг на глазах у народа, национализацию товаров и ценностей, награбленных крупными капиталистами Чукотки, объявление рыбалок и угольных копей народным достоянием, новые расценки на товары; ему казалось, что он видит даже радостные лица людей…

Революция стала для Кочнева осуществимой реальностью, и он сам чувствовал себя ее участником и творцом.

Бурный поток мыслей проносился в голове Ивана Лукьяновича. То ему почему-то вспоминался столичный университет, куда его подготовил и устроил такой же ссыльный, как он до недавнего времени, то Печора, рыбачья лодка, отец, то Орловский централ, товарищи, не дожившие до нынешнего радостного дня… Потом перед его взором рождались картины будущего. И ему так хотелось сейчас же, вот в эту радостную минуту, кому-нибудь рассказать обо всем, что он сам только что узнал, о своих мечтах, планах, надеждах!

Но даже Дины в комнате не было.

Слишком долго ждал Кочнев этого часа. И теперь он не успевал справляться со своими мыслями. Они мчались, вытесняли одна другую, толпились в голове.

Он смотрел в сумеречное окно, но ничего не видел.

А в окно можно было видеть, как три колчаковца в форме направлялись к дому бывшего ссыльного..»

– Видишь? – спросил один из них другого.

– Чаво?

– Следы. Смотри: со всех сторон следы ведут к этому дому. Как в лавку или уездное правление.

Вдруг чья-то фигура заслонила окно.

Кочнев вздрогнул и одним движением собрал в кучу все лежащие на столе бумаги.

– Ван-Лукьян! – услышал он.

Иван Лукьянович сложил все бумаги в конверт и спрятал его в карман.

– Ван-Лукьян! – послышался снова тревожный голос, но уже за дверью.

Несомненно, это был Элетегин. Кочнев отодвинул засов. Чукча вбежал в комнату. Пламя из печи осветило его, и Иван Лукьянович увидел, что лицо Элетегина искажено жестоким испугом.

– В чем дело? – отрывисто спросил Кочнев, догадываясь, что произошло что-то необычное.

– Ой, письмо!.. – едва выговорил Элетегин. – Плохие люди идут!

Пакет полетел в печь, едва было произнесено последнее слово. На стене заплясали отблески пламени, но они тут же растворились в свете зажженной лампы.

– Снимай торбас! Быстрее! Садись! – командовал Кочнев, открывая свой походный медицинский ящик; у Элетегина давно уже гноилась голень.

– Опять развязал?! – умышленно громко говорил лекарь, слыша шорохи вокруг домика.

Он нарочно слегка надавил на рану, и больной совершенно естественно застонал…

Дверь с шумом распахнулась, и за двумя наганами показались вначале головы, а потом фигуры колчаковцев. Третий остался за дверью.

– Руки вверх! – гаркнул один из ворвавшихся.

Другой принялся обшаривать карманы Кочнева.

– В чем дело? – спокойно спросил Иван Лукьянович, стараясь, чтобы голос не выдал его волнения.

Сидя на куске древесины, Элетегин не двигался. Его обнаженная нога стояла рядом с медицинским ящиком. Обыскали и его.

– А ты чего здесь? – мордастый курносый колчаковец поросячьими глазками уставился на чукчу.

Тот сделал вид, что не понимает. Не зная чукотского языка, курносый спросил Кочнева:

– Что делали?

– Лечил. Нога у него гноится.

– Обыск! – скомандовал старший из них.

И обыск начался.

Несколько минут Элетегин продолжал сидеть, но вот он помешал, и ему предложили убираться.

– Разрешите перевязать рану? – сказал Кочнев.

– Садись у печки и не шевелись!

Обыск длился много времени. В комнату вошел и третий колчаковец, и теперь они шарили все вместе. Курносый занялся книгами. Но среди них уже давно не было ни одной недозволенной. Пушкин, Толстой, труды Богораза о чукчах, Лесков, Чехов, Надсон…

Отодрали шкуру с пола, вытрясли перину, подушку, перевернули бочонок с засоленной рыбой, засахаренные ягоды – все это перемешалось. Власти не церемонились.

Кочнев молча сидел на полу у печи, как ему приказали, и наблюдал эту картину разрушения.

Штыком ободрали кресло. Клочья медвежьей шкуры полетели в общую кучу из пуха, ягод, книг, горбуши.

Под Ивана Лукьяновича начал подтекать рассол, он отодвинулся. Все трое оглянулись.

– Где письма?

– Письма на полке.

Но что это были за письма! От Дины, от отца…

Курносый бегло просмотрел их и швырнул на пол.

Больше искать было негде.

– Почему не уехал? Ссылка кончилась?

– Капитан не взял без денег. Летом буду просить господина уездного начальника…

– Ну да, – съехидничал колчаковец, – ему только и дела, что преступников отправлять.

Колчаковцы выехали из Славянска незадолго до образования ревкома и ничего не знали о том, что там произошло в ночь на шестнадцатое декабря.

Однако обыск у Кочнева производился не случайно Барон Клейст посоветовал новому правителю уезда «прощупать» бывшего политического – ссыльного.

Малейшая улика могла сейчас погубить Кочнева. Но улик пока не было.

– Подымись! – приказал белогвардеец.

Иван Лукьянович встал.

– Зачем к тебе чукчи ходят?

– Лекарь я. Лечу. Тем добываю пропитание.

– Ле-карь, – нараспев повторил колчаковец. – Вешать таких лекарей надо!

Не вовремя пришла Дина и, увидев плачущего ребенка, бросилась к нему.

– Обыскать! – скомандовал курносый своему помощнику.

Дина в страхе прижала к груди сына.

– Не трогай жену! – Кочнев преградил колчаковцу путь.

– Чаво? – тот нагло оглядел его.

– Я буду жаловаться в уезд! – припугнул Иван Лукьянович. – Что вам надо от женщины?

– Ладно, плюнь! – видно, струсил белогвардеец. – Чего с нее возьмешь.

Налет на квартиру ничего не дал. Улик не оказалось. Колчаковцы ушли.

– Что случилось? – Дина испуганно смотрела на разгром в комнате, не выпуская из рук ребенка.

– Ничего, ничего, все обошлось. – И Кочнев бережно усадил ее в кресло, из которого во

все стороны торчали клочья изодранной штыками медвежьей шкуры.

Глава 38
В КОНТОРЕ МИСТЕРА РОУЗЕНА

Бывший директор «Северо-Восточной компании» по-прежнему возглявлял на Аляске обширное акционерное общество, которое занималось всем, что приносило дивиденды: разработкой золотых месторождений, промыслом китов, рыболовством, строительством дорог, транспортным пароходством, контрабандной торговлей с населением Азиатской России, поставками рабочей силы для южных штатов Америки, гидрографическими промерами у берегов Камчатки и многим другим, что было известно только главе компании и непосредственным исполнителям.

Дела шли достаточно успешно. Появляясь в своей конторе около полудня, Роузен выслушивал доклад секретаря, подписывал бумаги, делал распоряжения, принимал двух-трех посетителей и, утомленный, удалялся отдохнуть часок-другой в «Золотом поясе».

Минувший вечер он отлично провел с молоденькой артисткой цирка и сегодня был в превосходном настроении.

– Что? Вы уже здесь? – с деланным удивлением спросил он своего секретаря, распахнув дверь и остановившись на пороге приемной. Можно было подумать, что обычно секретарь приходит позже главы компании…

– Доброе утро, мистер Роузен!

– Что с вами, Элен? Вы нездоровы? – он слегка склонил набок голову, застыв на месте.

– Благодарю вас. Я здорова.

– Какие новости? – он небрежно сбросил лисью шубу, готовый скрыться в кабинете.

– Пока никаких.

– Как никаких? – Роузен заметил на конторке свежую газету с крупным заголовком «Ворота в Сибирь открыты» и быстро пробежал ее глазами.

То, что было напечатано в статье, новостью для него не оказалось, но все же Роузену всякий раз приятно было читать о делах в России. Действительно, после потрясающей неудачи с попыткой получить концессию для строительства Транс-Аляска-Сибирской железной дороги, после ликвидации «Северо-Восточной компании» разве не радостно ему было сознавать, что американские войска находятся во Владивостоке – в этих «воротах Сибири», укрепились по дальневосточным железным дорогам, держат крупные гарнизоны в Хабаровске, Харбине и других местах!

Уже давно директор компании не баловал своего секретаря разговором запросто. Но сегодня ему показалась неприятной мрачная настороженность Элен.

– Я вижу, Элен, вы теряете надежду стать самой богатой женщиной в Штатах. Но именно теперь перед вами открываются эти возможности!

Слегка прищурив большие глаза (как много у нее появилось морщинок!), Элен молча взглянула на него.

Роузен прошелся по комнате.

– Прошла пора, когда мы безуспешно уговаривали русских министров.

Элен, не слушая его, переписывала какую-то бумагу.

– Россия ослаблена. Вот теперь-то мы и поставим ее на колени! Я вижу, вы газеты не читаете! – руки Роузена нырнули в глубокие карманы, сигара задралась вверх; он остановился перед конторкой секретаря, широко, как моряк на палубе, расставив ноги. – Хватит возиться с этими русскими!.. Вы вызвали начальника таможни?

– Да, на двенадцать.

Директор компании взглянул на часы: они показывали одну минуту первого.

В это время дверь открылась, и в приемную не спеша вошел высокий англичанин с пушистыми бакенбардами и жидкой светлой бородой, разделенной надвое. Его нос и щеки были покрыты старческими прожилками.

– Доброе утро, сэр. Вы приглашали меня?

– Да, я вас вызывал, Однако вы заставили меня ждать.

Начальник таможни спокойно вытащил свои часы.

– Точно двенадцать, сэр, – и он неторопливо стал раскуривать короткую глиняную трубку.

– Сколько, Элен, мы выплачиваем таможне? – спросил Роузен.

– Пятьсот в неделю при навигации и сто в остальное время.

– Неплохо. Совсем неплохо! А какие услуги оказывает таможня компании? – Роузен развалился в кресло, не приглашая садиться степенного англичанина.

Элен понимала, что нужно ее патрону.

– Мы располагаем сведениями, что в минувшую навигацию таможня пропустила к берегам Азии двадцать три судна, не принадлежащих нашей компании.

– Да, сэр, – оказался вынужденным подтвердить англичанин, поняв, что его клерк снабдил Роузена этими неприятными цифрами.

– Что вы говорите? Неужели это верно? – удивленно опросил глава компании, как будто он только что узнал об этом.

– Как? – воскликнул Роузен, не ожидавший такого признания. Юркий, маленький, он вдруг оказался на ногах. – И это вы называете услугами?

– Да, сэр. Столько же мы не пропустили.

– Но разве вы не могли избавить меня от всех конкурентов?

– Нет, сэр. Вашингтон, бумаги…

Взбешенный Роузен вытащил из бумажника стодолларовую ассигнацию.

– Такие бумаги? – он потряс ею перед лицом англичанина.

– Нет, сэр, – невозмутимо ответил тот.

– Элен, заготовьте письмо мистеру Гарриману о том, что начальник таможни в связи с преклонным возрастом просит освободить его от должности, так как он не справляется со своими обязанностями.

– Вы пожалеете об этом, сэр, – с прежней невозмутимостью отозвался старик, глядя куда-то в дальний угол, поверх головы собеседника.

– Что?! – но тут Роузену внезапно почудилось, что перед ним не начальник таможни, а кипитан пиратского брига, спокойно раскуривающий свою трубку, в то время как бриг, отстреливаясь, под всеми парусами уходит от патрульного судна… И, повинуясь охватившему его тревожному чувству, он спросил:

– Вы долго плавали?

– Двадцать лет, сэр.

– О! – почему-то сразу проникаясь к нему уважением, воскликнул уже другим тоном глава компании. – Тогда мы сумеем договориться. Я тоже долго плавал на китобое. Прошу садиться.

В конце непродолжительной беседы Роузен сказал:

– Компания могла бы вдвое увеличить приз за каждое задержанное судно. Но сумеете ли вы справиться?

– Конечно, сэр, – англичанин, откинувшись в кресле, выставил далеко вперед длинные ноги в полосатых брюках со штрипками.

– Элен, заметьте себе! Ром, виски? – снова обращаясь к гостю, спросил глава компании.

– Нет, сэр.

– Итак… Двадцать пять тысяч годовых?

– Да, сэр. Все будет в порядке.

И, попыхивая глиняной трубкой, начальник таможни так же неторопливо удалился, как и пришел.

Несколько минут Роузен молча ходил по приемной. Ему казалось, что когда-то очень давно он уже встречался с этим англичанином. Но где, когда, при каких обстоятельствах? «Да, сэр…», «Нет, сэр…». Эта манера разговаривать рождала далекие, неясные

воспоминания. Но вспомнить Роузену помешали. В контору явился начальник местного гарнизона с незнакомым человеком в штатском. Прошли в кабинет.

– Знакомьтесь, – сказал Роузену начальник гарнизона. – Полковник прибыл из столицы со срочным и совершенно секретным заданием.

– Очень рад, – ответил Роузен, пожимая руку сухопарого полковника.

– Мы получили тревожные известия, – начал представитель Вашингтона. – В Славянске большевики захватили власть. На Камчатке – Советы.

Роузен почувствовал, как взмокла его лысина.

– Позвольте, но ведь там наши войска!

– Войска в Приморье и в Приамурье. А это – Север.

Полковник держался официально, смущая Роузена пристальным холодным взглядом. Рыхлый, с отечными кругами под глазами, начальник гарнизона предпочитал молчать.

– Борьба не кончилась, – продолжал офицер разведки, – мне приказано потребовать от вас самой активной поддержки.

– Большевики? Конечно! – глава компании даже приподнял плечи.

– Первое. Пишите радиограмму в Славянск представителю фирмы «Эриксон и компания».

Роузен послушно схватил перо. Полковник вынул из кармана записную книжку и начал диктовать:

«Правление компании приветствует образование в Славянске демократической власти. Точка, Предлагаем оказать населению всемерную помощь, запятая, снизить на пять процентов цены на продовольственные товары. Точка».

– Но это убыток! – попытался возразить Роузен.

– Пишите, пишите! «Чтобы не сорвать промысел пушнины, запятая, обязываем раздать в долг все имеющиеся боеприпасы и оружие надежным охотникам. Точка. Подписи: Эриксон, Роузен, Сандберг». Написали?

– Не понимаю, – Роузен развел руками. – Сандберг – это вы?

– Представитель фирмы в Славянске знает, кто такой Сандберг, и прекрасно поймет, кому нужно выдать оружие. Отправьте немедленно.

– Элен! – крикнул Роузен.

Элен появилась в дверях. Он протянул бланк.

– На телеграф!

И телеграмма ушла.

Полковник закурил, прошелся по кабинету.

– Второе. Мы должны знать все, что происходит на русском Севере. Олаф Эриксон в Номе?

– Да.

– Вызвать!

Роузен снова позвал Элен.

– Вы недальновидны, – как только она удалилась, начал гость читать нотацию Роузену. – Вы хотите иметь рынок, но ничего не делаете для его закрепления за собой. В России родилась новая сила, которая может лишить вас такого рынка. Надо это учитывать.

– Вы не возражаете, полковник, рюмку виски? – и, не дождавшись ответа, начальник гарнизона вышел в приемную.

– Джонсон – это ваш? – продолжал полковник, заглядывая в записную книжку.

– Да, это представитель компании в Ванкареме.

Отлично, Ройс?

– Ройс? О нет, Ройс к нам никакого отношения не имеет.

Вскоре, бледный, испитой, вошел Олаф Эриксон.

Полковник окинул его быстрым взглядом.

– Вы нам нужны, – сказал Роузен, не представляя гостю Эриксона, который, впрочем, был тому достаточно знаком…

Объяснив вкратце своему старому агенту обстановку, офицер разведки сказал:

– Поручаю вам, Эриксон, сделать проспекторов более полезными Штатам. Многие из них, например Ройс, находятся в бедственном положении и не устоят перед долларами, которые вы им вручите, – с этими словами он вынул из бумажника десять сотенных ассигнаций и передал Эриксону, – Расписку!

– Не вздумай только, Олаф, сделать и тут свой личный бизнес, – предупредил его Роузен, – Это политика. Смотри!

– Я готов, мой полковник, но Ройс может упереться. Он упрям, как мул.

– Пусть норвежца да и других не смущает это пустяковое поручение. Они должны писать на ваше имя обо всем, что будет происходить на Чукотке, – и только, Скажите им, что такая информация нужна для коммерческих целей фирмам Америки, заинтересованным в торговле на севере России. Большего им знать не положено. Неужели, Эриксон, и этому до сих пор вас надо учить?! – Полковник зажег сигарету. – Мы больше вас не задерживаем.

Эриксон ушел, Навстречу ему в дверях появился краснощекий начальник гарнизона с подносом в руках.

– Полковник! – торжественно возгласил он, ставя поднос на стол.

Полковник налил виски, разбавил содой и выпил. Роузен сделал то же.

– Своих людей мы должны иметь в каждом населенном пункте, – продолжал посланец Вашингтона. – Задаривайте влиятельных аборигенов, шаманов, богатых чукчей, вербуйте верных людей. Обратите особое внимание на Славянск: там один из опасных очагов красной заразы. Обещайте, обещайте, обещайте! Это ничего не стоит и убытка не приносит. Впрочем, вот вам еще чек на пятьдесят тысяч. Пишите расписку, – и он снова налил себе виски.

Вошла Элен.

– Билл Бизнер, – доложила она.

– Занят, – коротко ответил Роузен, и Элен прикрыла за собой дверь.

– Вы знаете, что барон Клейст все еще находится в Славянске? – задал вопрос полковник.

Директор компании утвердительно кивнул головой.

– С ним вам надо связаться в предстоящую навигацию и оказать всякую возможную поддержку. Положение не терпит, чтобы вы продолжали отсиживаться в Номе. Ваше место сейчас на борту корабля. Вы поняли меня?

Начальник гарнизона снова направился в приемную к Элен.

– Прикажите, майор, подать нам кофе! – крикнул ему вслед вашингтонец. И, обращаясь снова к хозяину кабинета, продолжал: – Теперь о русских на Аляске. Мы располагаем данными, что в связи с событиями в России они тут начали шевелиться. Со своей стороны мы примем нужные меры, но и вы не будьте слепыми.

– Но что мне с ними делать?

– Вербуйте, развозите их по всей стране, чтобы стереть с карт эти русские очаги!

Дальнейшая беседа проходила за чашкой кофе, при участии Элен. Начальник гарнизона старался предупредить каждое ее желание. Потом, когда она собралась домой, он попросил у полковника разрешения проводить ее – и больше уже не возвращался.

Полковник и Роузен покинули контору акционерного общества лишь в сумерках.

Глава 39
ТАНЬГ ВАН-ЛУКЬЯН

Домик бывшего ссыльного снова заполнен вооруженными чукчами. Среди них – Элетегин, бедняки из ближайших поселений, работник купца. В табачном дыму трудно различить их лица. Похоже, что люди собрались сюда давно и о главном уже переговорили. Теперь они просто ждут возвращения таньгов с блестящими полосками на плечах – плохих таньгов, которые, обидев их тумга-тума Ван-Лукьяна, рано утром выехали из бухты Строгой.

– Все, что услышал, повезу домой и расскажу всем, кого здесь нет, – вслух высказал

свои мысли пожилой чукча, ни к кому не обращаясь. – Советская власть правильно думает, что надо помочь беднякам.

– Мы еще многого не знаем. Будто спим мы, – вздохнул кто-то в углу у двери.

– Я старик, но я не против новой жизни. Ленин правильно говорит. В голове его верные мысли.

– Однако, где так долго гонец? – перебил старика нетерпеливый Элетегин.

Ему никто не ответил.

День уже начал угасать, когда возвратился чукча-гонец и сообщил, что колчаковцы, видимо, поехали назад, в уезд.

– Почему сразу не позвал нас? – спросил Кочнева Элетегин. Он уже совсем было приготовился арестовать плохих таньгов, поймать Гырголя, прогнать американов.

– Ничего, Элетегин, – успокоил его Иван Лукьянович. – Дальше Славянска не уйдут.

Чукчи не расходились.

Иван Лукьянович задумался. Он не мог задерживаться дома. Нужно было немедленно выполнять предписание ревкома, время не ждало.

– Ничего, – повторил он. – Летом приедут сюда хорошие таньги, привезут товары, прогонят американцев. Вместе с вами заберем у шамана вельбот, поделим между бедняками оленей богачей, выберем свою бедняцкую власть.

Находясь в положении ссыльного, Кочнев, прикрываясь записками купца, имел возможность бывать в поселениях, расположенных лишь к югу от бухты Строгой. На северо-западе он был лишь один раз и далеко не во всех поселениях. Теперь ему предстояло отправиться именно туда.

– Вечером я ухожу на север, к проливу, рассказывать чукчам о новой жизни, – сказал Иван Лукьянович. – Потом прямо оттуда – в Славянск.

Чукчи внимательно слушали.

– Если плохие таньги станут спрашивать обо мне, говорите, что я ушел в южные селения… Поняли?

– И-и, – все утвердительно кивнули.

Во взоре Элетегина светилось восхищение. «Умный Ван-Лукьян», – думал он.

– Вернусь из Славянска вместе с хорошими таньгами. Ждите меня. Берегите Дину. Потом мы поймаем Гырголя, прогоним чужеземцев, устроим правильную жизнь.

– Ты смотри, Ван-Лукьян, – предостерег Кочнева старик, который недавно говорил, что в голове Ленина верные мысли. – Чукчи, однако, тоже встречаются плохие. Есть слухи, что Гырголь объявил себя хозяином Амгуэмской тундры. Берегись его. Он может убить человека. – Старик покосился на Элетегина, не желая прямо напоминать об убийстве его отца. – Шаманы тоже бывают злые. Ты смотри, Ван-Лукьян!

– Зачем им трогать меня? Я буду лечить больных, помогать чукчам, рассказывать им о новой жизни и новой власти.

– Это верно, – согласился Элетегин, – хороших чукчей, однако, больше. Также многие меня знают. Ты говори им, что я твой тумга-тум. Если найдешь старика Вакатхыргина, – тоже скажи. Умный старик. Также с Пеляйме из Уэнома мы были приятелями. Много раз встречались на ярмарке. Жалко, пропал куда-то Тымкар. Давно не слышно. Сильный он. Многое может.

– Да, да, это так, – послышалось сразу несколько голосов, и чукчи назвали еще ряд имен своих друзей из разных стойбищ.

– Спасибо, спасибо, – ласково поблагодарил Иван Лукьянович.

Затем он помолчал, словно вспоминая что-то, взглянул в окошко и твердо сказал:

– Ну, что делать вам – вы знаете. А теперь идите домой.

Поздними сумерками Кочнев и сам вышел из домика. За его спиной был большой мешок с продуктами и медикаментами. На шее – ружье, в руке – палка. Одет был Иван Лукьянович, как чукча.

Между высокими горами, над закованной в ледовую броню бухтой, висела луна.

Забитые снегом ущелья и скалистые вершины светились зеленоватым светом. Было тихо, как перед бурей.

Перейдя бухту, Иван Лукьянович сразу углубился в долину, чтобы по ней выйти на побережье, к ближайшему поселению.

По твердому снегу идти было легко. Но сердце гулко билось. Радостным волнением был охвачен Иван Лукьянович, в какой-то мере и от него, Ивана Кочнева, зависит приближение часа, когда народы Севера смогут вздохнуть полной грудью. Сознание этого наполняло сердце бывшего ссыльного лекаря гордостью. Сколько лет уже он совмещал медицинскую практику с подготовкой обездоленных к протесту… Конечно, здесь, в бухте Строгой, ему было легче: здесь он одержал не одну победу над болезнями и смертью. Труднее будет там, где его увидят впервые, думал он.

Однако уже в первом поселении опасения его начали рассеиваться.

– Какомэй! Ван-Лукьян! – встретили там его. – Заходи кушать. Здравствуй.

Оказывается, его знали. Знали и тут, знали и в других селениях – до самого Восточного мыса. Да и как было не знать его чукчам и эскимосам: ведь сколько лет он прожил среди них…

Иван Лукьянович не торопился. Лечил, присматривался, беседовал, примечал. Лишь к весне он достиг мыса Дежнева.

Потом попал в Уэном.

В Уэном он вошел ранним утром. Люди еще спали. Его встречали лишь собаки. Здесь его внимание сразу привлек к себе домик, очень похожий на его собственное жилище. Иван Лукьянович направился к нему. «Кто бы мог тут жить?» Постучал. За окном мелькнула голова и скрылась. Вскоре на пороге показался заспанный чукча средних лет.

Его смуглое лицо выражало что-то недружелюбное и настороженное.

– Здравствуй, – первым поздоровался пришедший.

– И-и, – ответил владелец домика, не выказывая признаков гостеприимства.

Собаки целой сворой продолжали лаять на незнакомца.

Из яранг начали высовываться головы.

– Это Уэном? – спросил Кочнев, хотя в таком вопросе не было надобности.

– И-и, – также безразлично подтвердил заспанный чукча.

– А где яранга Пеляйме? – вспомнил Иван Лукьянович имя, названное ему Элетегином.

Чукча часто заморгал, оглянулся, как бы ища защиты…

– Откуда знаешь Пеляйме? – вместо ответа хрипло спросил Пеляйме, тоже не узнав таньга.

– Я лекарь из бухты Строгой. Элетегин мой тумга-тум. Он сказал мне: «Пеляйме – мой друг. Иди к нему».

– Элетегин? Какомэй! Энмина! – крикнул чукча. – Тебя Ван-Лукьян звать? – Он протянул руку. – Этти, здравствуй! Однако, Пеляйме – это я… – Он явно смутился, щеки его порозовели.

Дверь снова открылась, в нее несмело просунулась женщина.

– Энмина, это Ван-Лукьян. Он друг Элетегина!

«Так вот он какой, этот таньг?» – подумала Энмина. Она попыталась улыбнуться, гноящиеся веки тяжело приподнялись, за распухшими губами показались белые десны.

«Боже мой, она еще может смеяться!» – болью сжалось сердце медика. Голова женщины была покрыта струпьями, жесткие волосы слиплись, железы на шее распухли, за ушами бугрилась гноящаяся короста.

– Пойдем, пойдем! Вот яранга Пеляйме, – с достоинством сказал ее муж про свое жилище. – Га-гы! – пугнул он собак и пропустил гостя вперед.

На нешироких нарах спали двое нагих детей, слегка прикрытых оленьей шкурой. Оконная рама была затянута прозрачным пузырем. Здесь стояли грубый стол, печка и такие же, как дома у Ивана Лукьяновича, обрубки плавника вместо стульев. Казалось, кто-то снял план с его домика и построил здесь точно такой же.

– Ты был когда-нибудь у меня?

Пеляйме улыбнулся.

– Один раз. Ты забыл, и я забыл, однако, Я тоже не узнал тебя. Давно было.

– А кто построил этот домик?

– Василь. Вместе строили, Потом он ушел, Теперь здесь я.

– Устюгов?

Теперь стало ясно, что Устюгов построил это жилище по образцу домика Кочнева.

Руки Энмины оказались тоже в болячках. Но, чтобы не обидеть ее, гость отведал всего, что подавала хозяйка этими страшными руками, такими же обезображенными болезнью, как и лицо.

Пришел подросток, сказал, что Кочак зовет Пеляйме.

Шамана бесило, что таньг миновал его ярангу. А про пришельца уже спрашивают соседи… Какой же он шаман, если не знает всего раньше других!

– Вижу – слабым становится Кочак, если посылает, чтобы знать, – сузив глаза, проговорила Энмина.

«Какие слова говорит Энмина…» – Пеляйме покачал головой. У него с детства внедрилось в сознание, что шаманы – нужные люди. Они заставляют зверя подходить к берегам, поэтому чукчи благодарны им. К тому же они связаны с духами…

– Не нужно тебя, уйди! – бросила Энмина младшему сыну Кочака.

– А кто такой Кочак? – спросил гость.

– Лживый человек. Он такой же обманщик, как янки, – так называть американцев она научилась от Василия и Натальи.

Кочнев заинтересовался.

– Давно было. Таньг-начальник искал другого таньга. Однако его никто не видел из наших людей. Тогда стал Кочак собирать песцов. Потом Пеляйме узнал: обманул нас шаман. Себе забрал все. Деревянный вельбот достал за них. Еще прогнал Тымкара, – рассказывала Энмина.

– А где теперь Тымкар?

– С эскимосами на острове. Были мы с ним раньше приятелями. Пусть отсохнут мои ноги, если я сейчас пойду к Кочаку, – вырвалось у Пеляйме, и он обтер руками вспотевшее лицо. – Хотел шаман, чтобы я дочь его себе в жены взял. Также хотел его сын забрать Энмину. Теперь сердятся. Говорят: умрете в этом домике, Не хочет шаманить, чтобы Энмина не болела.

– Я вылечу твою жену, Пеляйме.

Женщина присела на нары, не спуская глаз с таньга. Неужели она с-нова сможет стать здоровой и сильной? Ведь шаман сказал: «Подохнешь, как собака…»

– Ван-Лукьян… – задохнувшись от волнения, только и выговорила она.

– Через три руки дней Энмина будет здоровой.

Иван Лукьянович начал распаковывать свой мешок.

Потом попросил нерпичьего жира и на нем приготовил мазь.

Энмина тихо заплакала.

Весть о том, что таньг вылечит Энмину, быстро облетела Уэном. Чукчи не верили. Как можно сделать ее здоровой, если шаман сказал, что духи скоро заберут ее!

Кочак начал шаманить. Звуки бубна глухо доносились из его яранги.

Пеляйме не пошел на промысел. Он сидел в домике мрачный. С блестящим от мази лицом и завязанной головой и руками Энмина тоже сидела дома, молча поглядывая то и дело на мужа. Она знала, почему печален Пеляйме: ведь два года они копили шкурки, чтобы добыть второй винчестер, добыли его – теперь американы предлагают совсем негодные патроны… А русские перестали привозить товары, говорят: «Война…»

– Словно горло мне давят, – сетовал Пеляйме. – Где взять патроны? Говорит чернобородый: купи другой винчестер, к нему есть две пачки, – он взял свое новенькое ружье, любовно повертел его в руках и снова поставил в угол. У Пеляйме скопилось уже два

винчестера и карабин. – Плохие людишки. Обманщики, – помолчав, продолжал охотник. Совсем отуманила мне голову такая жизнь. Ум теряю. Патронов нет. Не имею долгого сна от дум, совсем обессилел.

– Теперь, Пеляйме, многие чукчи думают о жизни, – начал Иван Лукьянович. – Я был везде. Знаю.

– Сколько ни думай – все равно лучше не станет, – горько отозвался уэномец. – Раньше надеялись, верили Шаману. Теперь вижу: слабый шаман, – вздохнул он. – Кто поможет чукчам?

– Есть, Пеляйме, такой человек, он о бедняках думает.

– Думает… – чукча покачал головой.

– Этот человек собрал всех бедняков, и они прогнали шаманов и купцов-обманщиков. Теперь стали жить хорошо. Уже в Славянеке совсем другая жизнь, – осторожно продолжал Кочнев.

– Как можно прогнать шаманов? – усомнился Пеляйме. – Пустое говоришь, Ван-Лукьян.

– А как прогнал Кочак Тымкара?

Чукча не ответил.

Такие беседы велись здесь каждый вечер, когда чукчи заканчивали промысел.

Шаман не показывался, но слухи, распущенные им, ползли, как ядовитые змеи: «Таньг – не человек. Берегитесь его! Прячьтесь! Не пускайте в свои яранги. Не ходите в чертово жилище к Пеляйме!..»

Однако женщины тайком забегали посмотреть, как подсыхает короста на теле Энмины.

Лекарь приглядывался к людям, расспрашивал обо всех у Пеляйме.

Как-то он сказал:

– Оповести всех людей, пусть сойдутся сюда. Расскажу о большом человеке, который скоро поможет чукчам.

Но люди не собирались. Их страшил гнев Кочака.

Тогда вечерами Кочнев начал посещать яранги сам и засиживался там допоздна. В свои жилища его пускали и слушали охотно.

К концу третьей недели лицо Энмины стало заметно очищаться. Она посвежела. Уже смогла расчесать волосы. Болячки оставались лишь за ушами, но и они заживали. Бодрость возвращалась к женщине.

– Энмина, ты становишься совсем молодой, – радостно говорил ей муж.

– Если не ты, то кто же станет радоваться? – смеялась она.

Выздоровление Энмины озадачило Кочака, «Этот таньг погубит меня…» Ему казалось, что он видит смех в глазах чукчей. Ведь он, Кочак, говорил, что эта баба подохнет, а она снова стала здоровой и дерзкой, как прежде. Разве не нарочно она вчера приходила к соседней яранге и полдня хохотала там, чтобы он услышал?

Рассуждая так, шаман был прав. Хотя уэномцы внешне и не изменили своего отношения к нему, но в их умах стали шевелиться опасные для него мысли. Правда, чукчи по-прежнему настороженно присматривались к таньгу, но кто же не видел, что Ван-Лукьян вылечил Энмину, как обещал! А это очень важно, когда человек выполняет свои обещания. К тому же им нравилась смелость, с какой он дал такое трудное обещание. Даже Кочак никогда заранее ничего не обещал. Он просто шаманил и потом, если больной выздоравливал, хвастал своей силой.

– Странный этот таньг, – говорили чукчи.

– Сильный шаман наверное.

– Ничего, однако, не просит. Не шаманит тоже.

– Очень вонючий жир, которым мажет раны.

– Где берет такой?

– Много непонятного рассказывает.

– Есть, говорит, сильный человек – Ленин.

– Это верно. Так говорит.

– Скоро, сказал, Ленин и его помощники – большевики – вместе с бедными чукчами пойдут и прогонят американов и плохих таньгов.

– Но возможно ли это?

– Я, говорит, тоже помощник Ленина.

Чукчи группами стояли у яранг и тихо переговаривались. Временами они озирались на ярангу Кочака. Они не знали, что шаман выглядывал в щель дверцы, догадываясь об их разговорах.

«Власть моя слабеет, – думал шаман. – Надо сказать Ранаургйну, что духи велели убить таньга».

Ранаургин давно оставил свои притязания по отношению к Энмине, но злоба его не заглохла. Отец внушил ему ненависть к Пеляйме и к русским: разве не таньг Василь много лет назад помешал ему унести Энмину к себе в ярангу? Разве не Василь научил Пеляйме не слушать Кочака?

Ночью Кочак позвал к себе сына. Ранаургин влез в полог.

– Уйдите все! – приказал шаман домашним.

Жена, сын-подросток и взрослая незамужняя дочь выползли прочь.

– Каковы новости? – спросил отец.

– Без новостей я.

Кочак нахмурился. Взял железную круглую коробку с волокнистым табаком.

– Глаза твои, видно, ослабли. Разве ты не видишь, что таньг – помеха в нашей жизни?

Ранаургин молчал. Теперь голова его была занята только торговлей. Таньг ему не мешал, и он не замечал таньга.

– Разве ты не видишь, что по ярангам он ходит, против тебя говорит?

Сын тревожно взглянул на отца.

– Духи недовольны. Они требуют большой жертвы.

– А что принести?

– Скуден ум твой! – Кочак в гневе сморщил лицо, изрезанное глубокими морщинами старости. – Открой свои глаза!

Ранаургин часто замигал. При отце он всегда терялся, забывая, что сам уже взрослый человек, имеющий двух жен. Кочак глубоко затянулся дымом.

– Таньг хочет убить тебя, сын, и забрать твои товары и твоих жен. Так говорят духи.

Ранаургин, коренастый, как и отец, заерзал на шкуре.

– Разве ты забыл, что Пеляйме твой враг? Разве не он отобрал у тебя невесту? Теперь они вместе с таньгом хотят убить тебя.

– Какомэй… – глаза Ранаургина выпучились в испуге.

– Если ты не убьешь таньга, они с Пеляйме убьют тебя. Берегись, сын! Берегись! Да, да. Берегись.

Шаман искусственно возбуждал себя, уже веря в то, что он только что выдумал. Голос его становился все тревожнее, громче, порывистее.

– Что же ты сидишь? Разве сидя убивают?

Он схватил бубен и уже больше не обращал внимания на сына. Тот быстро выскользнул из полога.

– Опять шаманит, – прислушиваясь, сказал Пеляйме Ван-Лукьяну.

Энмина насторожилась. Теперь, когда она почти выздоровела, ее всегда пугали звуки бубна. Ей казалось, что Кочак снова старается причинить ей зло, чтобы она все-таки умерла.

– Я слышал от чукчей, Пеляйме, что шаман очень озлоблен на меня за Энмину. «Берегись его», – сказали мне вчера вечером.

– Это верно. Злой человек он. Ум его склонен на худое.

– Я не боюсь его. Но вы остерегайтесь: мне ведь пора уже оставить вас и двинуться дальше.

Энмина и Пеляйме молчали. Они тоже знали о гневе Кочака. «Конечно, будет лучше,

если Ван-Лукьян уйдет». Они опасались за него.

Хоть и восставал иногда Пеляйме против шамана, но все же побаивался его. Хоть и слабый, а все-таки шаман… Лучше уж его не гневить понапрасну.

– Конечно, нам жаль тебя, Ван-Лукьян. Однако, ты лучше иди, – чукча опустил глаза. – В другом стойбище ты сначала иди к шаману. Так лучше. Тогда он не станет сердиться. Чукчи боятся, когда шаман гневен. Голод, смерть, падеж собак – все может призвать он. Все может, однако. Также опять напустить болезнь может.

– Почему ты так говоришь, Пеляйме? – неожиданно вмешалась в разговор Энмина. – Разве Кочак не говорил, что я сгнию и подохну, как собака? А вот Ван-Лукьян сделал меня здоровой.

Муж замолчал. Энмина была права. Но как разобраться во всем этом?

– Однако, чукчи очень боятся, Вап-Лукьян, когда ты говоришь: «Прогоним шамана». Ты не говори так.

У дома зарычала собака. Послышались шаги, и тут же все стихло.

– Чукчи любят тебя, Ван-Лукьян. Также Василь хороший человек был. Однако, шаман не любит.

Иван Лукьянович задумался. Вот, казалось, он на случае с Энминой доказал, что Кочак болтун и обманщик. А чукчи все же боятся шамана… Видно, одним лечением тут ничего не изменишь. Сколько он говорил с ними за эти три недели! А все же они остались почти прежними. Даже Пеляйме, и тот признается: «Нам жаль тебя, но ты лучше иди…» Чувство неудовлетворенности угнетало Кочнева. Он еще не ощутил результатов того, что его трехнедельное пребывание здесь не прошло бесследно, что он посеял в умы людей здоровые семена, заслужил доверие, в какой-то мере подорвал авторитет Кочака. А задерживаться здесь Иван Лукьянович уже не мог: ему предстояло закончить обход побережья и явиться в ревком. Однако в памяти своей он записал несколько имен тех людей, на кого тут можно будет хоть немного опереться.

С рассветом Кочнев собрался в путь.

– Ван-Лукьян, – сказал на прощание Пеляйме, – ты не сердись на нас, Ван-Лукьян! Мы верим тебе, Пусть придет Ленин и сделает хорошую жизнь, Плохо живем мы. Всего боимся. Ты смелый и сильный, ты мой тумга-тум, Ван-Лукьян!

Кочак и Ранаургин не успели привести в исполнение свой замысел.

Через полмесяца Кочнев достиг выселка, где жил старик Вакатхыргин.

Имена Пеляйме, Элетегина и многих других чукчей, упомянутые Иваном Лукьяновичем, несколько смягчили старика, который вначале и разговаривать с ним не хотел. Особенно расположило старого чукчу то, что таньг хоть и не видел, но слышал и хорошо отзывался о Тымкаре.

– Давно не видел. На острове, говоришь? – переспросил старик.

Понравилось Вакатхыргину и то, что таньг отлично знал язык чукчей. Уже одно это внушало к нему симпатию. Притом многое приходилось слышать и раньше о лекаре Ван-Лукьяне.

– Куда направился? – спросил Кочнева старик.

– Дальше не пойду. Весна. Заеду еще на остроз и – назад. Спешу в Славянск.

Иван Лукьянович рассказал Вакатхыргину, что в Славянске теперь совсем другая жизнь, другая, справедливая власть. Вакатхыргин слушал, но отношения своего ко всему этому не высказывал.

– На острове найди Тымкара. Скажи: скучает старик. Пусть приедет. Умру скоро, однако.

Иван Лукьянович оглядел его: рослый, широкоплечий, но видно, что старость берет свое. Спина горбится, слегка трясутся руки. В глазах видна усталость.

Поселок состоял всего из пяти яранг. Сейчас здесь были только женщины и малые дети. Все взрослые ушли охотиться на кита. Собственно, они уже убили его и теперь, подняв паруса, медленно буксировали огромную тушу к берегу. Об этом рассказал ему

Вакатхыргин, глядя в море. Кочнев не видел там ничего. Подростки уже умчались в соседние поселения – оповестить о добыче кита. Пусть приходят к ним люди на разделку туши.

– Чем же вы убиваете китов? Ведь для такой громадины пушка нужна, – пошутил Кочнев.

Старик улыбнулся. Он сидел на высоком берегу у самого обрыва, наблюдая за морем. Иван Лукьянович присел на корточки против него. Кочнев еще не заходил в жилище, и его мешок и винчестер лежали тут же.

Старому китобою понравились открытый взгляд Ван-Лукьяна, его честные, пытливые глаза. «Нет, такой человек не может быть плохим», – подумал он.

Иван Лукьянович расспрашивал про китовую охоту.

– Сам я добыл, однако, семь китов, – наконец заговорил старый охотник.

– Под парусом охотились?

– Под парусом нельзя. Кит видит парус из-под воды. Целыми днями на веслах гоняемся, всю одежду снимаем: так жарко бывает.

Кочнев сел поудобнее.

– Идут! – отвлекся от рассказа старик, снова поглядев в море.

Действительно, теперь и Кочнев различил приближавшиеся один за другим четыре паруса.

– Хорошо. Много жира, много мяса будет, – улыбнулся Вакатхыргин.

– Значит, на веслах приходится?

– На веслах. Другие люди думают, что не смогут убить, боятся. Мы не боимся. Пусть кит ударит… Прямо иду на кита, хотя знаю: если ударит, то, как мне листок этот разорвать, – он сорвал узкий листок полыни, – так ему байдару разбить.

Вакатхыргин помолчал.

– Вот подплываем к киту… – старик вдруг оживился, глаза заблестели, как в молодости. Он стал жестикулировать, поднялся на ноги, приняв такую позу, как будто стоял в байдаре. – Так, так. Быстрее! – скомандовал он, и казалось, что он видит в воде кита, который вот-вот всплывет. Рука была занесена над головой.

Даже Кочнев почувствовал себя участником погони за китом.

Молча, левой рукой старик теперь регулировал действия гребцов. Но вот он весь напрягся и со страшной силой опустил занесенную над головой руку, как бы вонзая в гигантскую тушу дедовский гарпун и едва не свалившись за борт… Но тут же он резко попятился, опустился на землю и начал травить конец ремня…

– Скорей, скорей! – возбужденно кричал он.

Гребцы, судя по всему, должны были налечь на весла. Ивану Лукьяновичу казалось, что он видит, как кит вздрагивает и обрушивает на байдару поток студеной воды. Затем раненое животное погружается в море. Но поздно: длинный ремень от гарпуна в руках у Вакатхыргина, на ремне – воздушные пузыри.

Байдара несется вслед за морским чудовищем, старик продолжает травить конец и наконец выбрасывает его за борт совсем.

Кит тщетно старается освободиться от гарпуна. Постепенно он выбивается из сил, и тогда китобой ударом копья добивает его.

– Э-гей! – издает старик радостный крик, и Кочневу снова кажется, что он видит перед собой не только рассказчика, – но все, все, о чем только что с таким увлечением тот повествовал…

Уже в сумерках охотники действительно подбуксировали к берегу огромного финвала. Из соседних селений подходили байдары, спеша на праздник кита.

– Здесь Ван-Лукьян, – слышались всюду негромкие голоса.

– Мы знали, что ты идешь к нам, – говорили люди Кочневу.

– Мы ждали тебя, Ван-Лукьян.

– Откуда вы меня знаете? – искренне удивился Иван Лукьянович. Чукчи улыбались, говорили:

– Хорошие новости по тундре расходятся быстро.

– Кто же не знает тебя, Ван-Лукьян?

– Разве не ты победил шаманов в Уэноме и в бухте Строгой?

– Мы знаем, что ты наш друг.

– Ты – помощник Ленина, ты давно живешь с нами и приносишь нам только радость. Мы хотим, чтобы ты всегда остался с нами.

– Мы слышали, что ты собираешься избавить нас от Гырголя, прогнать американов и плохих таньгов.

– Все это правда, – ответил Кочнев. – Но мне трудно одному. Вы должны помочь мне. Все вместе мы сделаем жизнь лучше, как учит нас Ленин.

Пользуясь большим скоплением чукчей на празднике кита, Иван Лукьянович всю ночь беседовал с людьми. Говорил он о причинах вымирания северных народов, и о новой власти и жизни в России, о Славянске, о справедливой торговле, когда за двух-трех песцов каждый охотник сможет купить ружье, а патронов будет столько, сколько нужно для промысла, – и о многом, многом другом.

Шаманов здесь не оказалось, и чукчи без боязни слушали Кочнева.

Под утро приплыл за китовым мясом на своей байдаре Ройс.

– Он теперь вроде чукчи, – сказали про него Кочневу жители селения. – У него жена чукчанка и есть дети. Он остался жить с нами.

Иван Лукьянович попытался завязать с ним разговор, но Ройс не любил рассказывать о себе случайным знакомым, и беседы не получилось.

Около костра время от времени менялись люди. Одни, утомившись, отдыхали, другие, отдохнув, шли на разделку кита.

Взобравшись на тушу, зверобои большими ножами вырезали куски жира и зацепляли их крючьями. Берег покрывался пудовыми кусками бледно-розового китового жира. Пылали костры, гремели чайники и кружки. Всюду было шумно и людно, как на ярмарке.

Утомившись, люди подсаживались к костру, ели китовую кожу, костный мозг, наслоения на китовых усах – хрящевидную белую массу, пили чай.

Смысл праздника – в радости добычи, в разделке, лакомых кусочках. Здесь не было ни состязаний, ни танцев, ни борьбы, ни традиционных обрядов, ни новых нарядных одежд, ни песен.

Но все же это был праздник. У костров балагурили, смеялись, шутили.

– Хорошо, – говорил муж Эмкуль, срезая ножом хрящики с китового уса и отправляя их в рот. – Редко только стали китов убивать. Разогнали зверя бородатые американы.

– Скоро большевики вместе с вами прогонят американцев, – отозвался Кочнев.

– Надо, надо прогнать! – послышались голоса. – Плохие людишки. Обманщики.

– Давно дело было, – заговорил молчавший до этого Вакатхыргин, – очень давно. Помню, настало время короткого дня, начал народ голодать: не добыли летом зверя. Утром увидели мы кита, перетащили байдары через льды берегового припая и пошли в море. Ох, хотелось кита добыть! Рад был бы народ: живы бы остались. Но как добудешь?

Занявшись застрявшим в зубах кусочком китовой кожи, рассказчик на время смолк.

Около туши морского чудовища копошились люди. Они уже устали. Скоро должен был наступить рассвет, но поселок не спал: спешить надо. Вдруг ветер… Оторвет, унесет кита.

– Да, – не спеша продолжал старик, – как добудешь? Взял тогда из мачты и гарпунов смастерил большой клин. Слыхал – раньше так убивали. Подплыли к киту. Вынырнул он, фонтан пустил. Шумно, страшно, но голод велел: прыгнул я на него. Кит и не почувствовал. Приставил я к дыхалу клин, а другой охотник как ударит по клину и вбил, заткнул дыхало… Рванулся кит – я в море упал. Как жив остался, не знаю. На смерть шел… Потом скорее к берегу поплыли мы. Кит бросался на воду, на скалу, на лед. Околел далеко в море. «Как взять?»– стали мы думать. Нет сил, слаб поселок, не может веслами тянуть.

Чукчи жадно слушали, но старик не спешил, он прихлебывал чай, набивал трубку.

– Тогда стали ему дыру в спине делать. Потом мачту укрепили, парус подняли…

Целую зиму хорошо жили. Тепло было, сытно было, меня все люди хвалили. Давно дело было, – напомнил балагур и лукаво оглядел слушателей: верят ли?

У костра смеялись.

– Конечно, – продолжал Вакатхыргин, – кит – большой, чукча – маленький. Страшно одному. Однако, если собраться всем, кит становится бессильным, и мы убиваем его, как моржа.

Иван Лукьянович насторожился.

Олень, убегая, погибает от волка. Но если станет все стадо в круг, опустит рога к земле – волк повоет, пощелкает зубами и уходит…

«Умный старик», – вспомнился Ивану Лукьяновичу отзыв Элетегина о Вакатхыргине.

– Так же Гырголь, Он – один, чукчей – много. Почему боимся? Надо стать в круг, как олени, Пускать не надо, как не пускаю я сюда американов.

Иван Лукьянович понял: есть опора будущему ревкому и в этом поселке и по всем ближайшим поселениям… Вскоре Кочнев попал на остров. Правда, чукчи не хотели плыть туда, так как проливом шли льды, а от острова лед и вовсе еще не оторвался, Но один из чукчей, у которого было дело к Тагьеку, согласился довезти Ивана Лукьяновича до берегового припая.

Верст пять они вдвоем шли по льду пешком.

Здесь о Ван-Лукьяне не слышали ничего, и эскимосы отнеслись к нему настороженно и недоверчиво. Даже имена знакомых чукчей не улучшили положения. Слишком памятны были островитянам визиты к ним американцев. И хотя Кочнев пришел не с востока, а с запада, не было причин доверять ему. Осложнялось дело и тем, что у Ивана Лукьяновича не оставалось времени для длительного пребывания на острове, так как чукча, с которым он цришел, наутро собирался назад. Он привез Тагьеку моржовые клыки и заказы, и больше ему здесь делать было нечего.

В распоряжении Кочнева остались лишь вечер и ночь, и он не терял времени. Но все его усилия расположить к себе эскимосов, казалось, оставались тщетными. Люди молчали, хотя и слушали его внимательно.

Ночью поднялся сильный ветер. И утром все увидели, что течение и ветер нагнали с севера льды, загромоздили пролив.

Три дня свистел ветер, и три дня эскимосы слушали таныа все так же, с прежней настороженностью.

Они не отказывались от мази против болячек, но опасались, что таньг начнет просить за мазь пушнину. Однако Кочнев ничего не просил, ничего не требовал, ни на что не уговаривал. Он только рассказывал о войне бедных с богатыми, о каком-то большом человеке Ленине, о большевиках, которые вместе с чукчами и эскимосами скоро прогонят американцев, и жизнь тогда станет совсем другой – как в Славянске и у таньгов на Большой земле.

Иван Лукьянович не знал, что происходило в умах эскимосов, хотя по их взглядам он видел, как измучены люди, как тянутся они к свету. Не знал Иван Лукьянович и того, что своими словами он взбудоражил всю душу Гымкара.

В один из дней произошел следующий короткий разговор:

– А кто из вас Тымкар? – спросил островитян Кочнев.

– Откуда знаешь меня? – отозвался высокий мужчина с волевым лицом. В его гладких черных волосах виднелась седина.

– Мне говорили о тебе Богораз, Элетегин, Пеляйме, старик Вакатхыргин и другие чукчи.

Тымкар нахмурил брови, между ними собралась глубокая морщина. Эскимосы с любопытством смотрели то на Тымкара, то на таньга-большевика.

– Богораз сказал мне, что тебя оболгал Кочак. Но я и сам видел живого таньга Амвросия, Он живет сейчас в Славянске.

Тымкар, сдерживая себя, молчал. Но было видно, что он взволнован: его длинные

ресницы мигали чаще, рука ощупывала горло, зрачки сделались беспокойными.

Он думал, что если действительно есть такие люди – большевики, о которых говорит этот таньг, то это такие же настоящие люди, как чукчи, и ему надо бы быть с ними. Но, еще не уверенный в этом, Тымкар молчал, как молчали и другие. «Странный таньг, – думали эскимосы, – зачем пришел?» Они привыкли, что к ним приходили только торговать или грабить, и им непонятно было поведение этого человека. «Разве стоило плыть на остров только за тем, чтобы говорить и лечить!? Нет, непонятный таньг, хотя, как видно, хороший». Только Тагьек хмуро глядел на пришельца. Его озадачили слова: «Кто не будет сам работать – не будет есть». Тагьек обленился и теперь занимался лишь раздачей заказов, сбором их и продажей в Номе. Что же, выходит, ему не придется есть?

Так и уехал с острова Иван Лукьянович, не поняв, поддержат эскимосы ревком или нет. Островитяне остались такими же замкнутыми. Даже с Тымкаром, о котором так много ему повсюду рассказывали, сблизиться как следует не удалось.

Тем не менее Кочнев знал, что поездка его по побережью не бесполезна.

Задумчивый, он сидел в кожаной байдаре, шедшей под парусом к Уэному.

Льды то и дело преграждали путь. Они медленно дрейфовали назад, на север.

Вечерело, облачность рассеивалась. Показалось низкое солнце, и сразу преобразилось ледовое море. Льды заискрились, окрасились цветами радуги. Море казалось покрытым перламутром. И чем ниже спускалось солнце, тем сказочнее выглядело все вокруг. Различная плотность воздуха и многократность отражений рождали миражи.

Изумленным взором глядел Кочнев на это зрелище. Вот гигантская ваза величественно покоится в разводье. За ней – развалины какого-то восточного города; они наполовину засыпаны зеленовато-желтым песком… Потом – селение, яранги… А там, к северу, шпили минаретов и рядом купол церкви. Правее – дворец, обнесенный рвом, за ним тянется широкая гладкая дорога… Фантазия невольно дополняет картины, созданные сочетанием льдов, света и моря. Нагромождения торосов кажутся то средневековыми замками, то небоскребами, то хижинами, то древним Кремлем…

– Пароход! – засмеялся чукча, указывая назад на мираж.

Все оглянулись. «Пароход» уплывал вдаль.

Уэном приближался. Но Кочнев не видел его: он все еще смотрел на сказочный корабль, который, постепенно удаляясь, таял во льдах.

Солнце скрывалось за горизонтом. Все быстро серело, меркло, становилось обычным.

Иван Лукьянович очнулся, огляделся по сторонам. Ни корабля, ни замков уже не было. Лишь зеленоватые льды, свинцовое море и темный берег, где, словно на похоронах, столпились угрюмые люди.

Байдара подходила к берегу.

– Ван-Лукьян! – услышал он знакомый, но очень тревожный голос. Кто это? Пеляйме? Нет, Пеляйме говорит совсем не так.

К нему подскочил Элетегин.

– Элетегин? Ты как оказался здесь?

– Худые вести, Ван-Лукьян, – взволнованно проговорил его друг, схватил за руку и потащил в сторону.

Чукчи недоуменно смотрели на них.

– Что случилось?

– Ой, Ван-Лукьян, совсем плохо! – Элетегин уводил его все дальше. – В Славянск не ходи: убьют. Ой, хорошо, что разыскал тебя, думал – ушел уже!

– Говори толком: что случилось?

– Все пропало, Ван-Лукьян. Не будет новой жизни… Американы дали оружие, таньги-купцы убили в Славянске помощников Ленина! Снова все по-старому, Ван-Лукьян. Вот есть письмо, – полез глубоко за пазуху.

Иван Лукьянович быстро зашагал к домику Пеляйме. Читать здесь было трудно: слишком темно.

– Здравствуй, – приветствовала его Энмина.

– Здравствуй, здравствуй, – он даже не взглянул как следует на ее лицо, хотя совсем недавно так много думал о ее здоровье.

Пеляйме еще не вернулся с промысла.

Не раздеваясь, Кочнев присел на корточки к жирнику и стал читать. Элетегин, расставив ноги, присел на обрубок бревна.

Письмо было написано карандашом, как видно, наспех. Писал член ревкома из села, расположенного недалеко от Славянска. «Товарищ Кочнев, – начиналось оно, – в Славянске ревкома нет. Ни в коем случае не показывайтесь туда».

– Элетегин! То, что ты сказал мне, откуда узнал?

– Чукча из Славянска прибежал предупредить.

Сомнений не оставалось: в письме написана правда.

«…Белогвардейцы и колчаковские милиционеры, – читал он дальше, – которых не арестовал ревком, а также купцы и промышленники при содействии подручных Эриксона создали контрреволюционную группу; выждали ухода охотников в тундру, рыбаков – на реку Великую, а шахтеров – в копи и во время заседания ревкома пошли на открытое вооруженное выступление. Все товарищи погибли…»

Стараясь скрыть волнение, Кочнев продолжал читать:

«…Белогвардейцы еще до возвращения людей из тундры провели выборы в «совет», во главе которого стали они сами. «Совет» вернул рыбалки хозяевам. Есть неопровержимые факты, что мятеж организован при поддержке американцев».

Иван Лукьянович на секунду оторвал глаза от бумаги. Потом снова склонился над ней.

«Не падай, товарищ, духом. Трудовое население Славянска возвратилось. Назревает возмущение. В окрестных селах ревком продолжает работу, хотя «совет» и пугает нас контактом с Америкой и Колчаком. Мы знаем, что Эриксон обещает им поддержку Америки и вооружение (перехвачена его телеграмма из Нома), но мы верим в свои силы. Мы сообщили о положении дел Камчатскому ревкому. Население Славянска отказывается подчиняться бандитам. Наш ревком создает отряд Красной гвардии. С Камчатки ждем партизанский отряд Елизова. Готовьте народ, поддерживайте с нами связь. Окончательная победа не за горами. Колчак разбит, но интервенты все еще пытаются отторгнуть от России Дальний Восток. Не выйдет! Все мы допустили много ошибок. Больше не повторим их!

Ждем ваших сообщений», – так заканчивалось письмо.

Иван Лукьянович взглянул прямо в глаза Элетегину:

– О том, что ты знаешь, не рассказывай никому. Скоро все изменится. Тут так написано.

Чукча кивнул головой.

Пришел Пеляйме:

– Ван-Лукьян… Этти!

– Здравствуй, Пеляйме.

– Когда пришел?

– Сейчас мы уходим.

Энмина в изумлении опустила руки. Он даже не взглянул на нее как следует, а ведь у нее за ушами уже нет болячек…

– Куда пойдешь ночью? – удивился ее муж.

Элетегин молчал, С Пеляйме они уже виделись.

Ведь Элетегин ждал здесь Ван-Лукьяна три дня.

– Спасибо, Пеляйме. Тороплюсь. Есть дела. Пойдем, Элетегин.

– Какомэй… – в один голос удивились и муж и жена, и она все же не вытерпела:

– Смотри, Ван-Лукьян, совсем здоровая стала я!

– Да, да. Это очень хорошо. Молодец, Энмина!

Будь всегда здорова. До свиданья!

Кочневу было душно. Он снял шапку, расстегнул ворот.

Шли молча. Ночь выдалась темная. Но Элетегин не сбивался с какой-то одному ему приметной тропки.

«…Расстреляны. Ревкома нет. Белогвардейцы, Эриксон, оружие… – путались мысли в голове Ивана Лукьяновича. – Колчак разбит. Мы не повторим ошибок. Мы донесли Камчатскому ревкому… Ждут моих сообщенш Отряд партизан… Красная гвардия…»

– Нет, революцию не остановишь! – вслух вырвалось у него.

– Ты что говоришь, Ван-Лукьян?

– Что?

– Не понял слов твоих.

Иван Лукьянович удивленно взглянул на него, но темноте вместо лица увидел только светлое пятно.

«Народ с нами, с большевиками. Разве я не виде этого здесь?» – с горячей убежденностью мысленно говорил он себе.

Показался месяц. Озера и речки заблестели. Засеребрились лапки ягеля. Мхи, мягкие, как бархат, меняя тона, ласково стлались под ногами. Но Кочнева пошатывало от усталости.

– Слабым становишься ты. Поспать надо. Утро скоро.

– Новая жизнь, Элетегин, сама не приходит. Ее надо добывать, – твердо сказал Иван Лукьянович, обгоняя своего проводника.

С юга потянул ветерок. Светало. Тундра начала пробуждаться.

Глава 40
ЛЬДЫ ТРОНУЛИСЬ

Льды тронулись. В сквозных воронках, изъеденные талой водой, позеленевшие, они расходятся, образуют причудливые трещины. Извилистые полосы чистой вод ширятся, похожие на каналы, озера, реки…

Ни тучки, ни ветерка. Миллиардом зеркал остекленевшие торосы отражают лучи яркого солнца. Всюду ослепительный блеск и песнь льдов.

Острава давно обнажились. Только в ущельях, спрессованный, долго будет лежать снег. Из сухой прошлогодней полыни пробивается зелень. Несколько дней – и она изменит окраску острова, вплотную подступит к нестаявшим снегам, и завяжется между ними упорная борьба, которая будет продолжаться до самой зимы.

Льды тронулись! Как легко на сердце, как хочется жить, верить в счастье, трудиться, любить! Забыты метели, лишения, голод. Как все же хороша жизнь!

Детвора на берегу. Там слышен ее беззаботный смех. Мальчишки перепрыгивают с одной льдины на другую, за ними по берегу спешат девочки.

Взрослые тоже покинули опостылевшие за зиму жилища. Щурясь от яркого солнца, они глядят в пролив, не отходя от землянок, другие разбрелись кто куда.

Ширятся, ширятся разводья!

Льды уходят на север.

Солнце круглые сутки не покидает неба. Над Беринговым проливом, от одного материка к другому, оно совершает свой путь, честно расплачиваясь за долгое отсутствие.

На крутом берегу в потертой одежде из шкур, без шапки, сидит старик Емрытагин и наблюдает подвижку льдов. Он сидит там давно. Да не он ли первый заметил начало этого великого движения? Для него оно означало восемьдесят третий год жизни. Старик и сам удивляется своему долголетию. Глаза его выцвели, ослабели. Но он слышит шепот ледового моря и видит ближние разводья. На лице Емрытагина умиление.

А за мысом бегает от парня девушка в зеленой камлейке. Она такая же статная и краснощекая, как Майвик. По прибрежным камням она мчится, как олень. Но разве убежать ей от молодого охотника?

– Пусти, Гыкос! – вырываясь, требует дочь Майвик. Ее волосы растрепаны, грудь высоко вздымается.

Нет, от Тыкоса не вырвешься! Но и Уяхгалик не слабенькая…

– Скажи отцу! – отрывая от себя его руки, обдает она его жарким дыханием.

И юноша понимает, что начинать, кажется, надо именно с этого… Он не знает, что ответит ему Тагьек, но отец будет против – в этом Тыкос уверен: Уяхгалик – эскимоска…

У следующего мыса девушка останавливается, берет парня за руку, заглядывает ему в лицо. Тот молчит. Они медленно удаляются.

Женщины собрались у жилища Тагьека.

Сипкалюк не знает, где Тыкос, Майвик не знает, где Уяхгалик и Амнона. Но матери не беспокоятся: дети взрослые. Да и кто же в такой день сидит в спальном помещении! Это только Тагьек не выползает из своей норы, как евражка зимой. Много наделали ему соседи костяных изделий. Теперь он готовится отвезти их в Ном, на Аляску.

– Сытые дни близко, – глядя в море, произносит Сипкалюк.

На лице Майвик чуть заметна улыбка. Приятные слова говорит племянница. Умная женщина, работящая.

Майвик деловито оглядывает жену Тымкара. Ее скуластое лицо уже в морщинах. А ведь она еще молода.

Майвик значительно старше, но она сохранилась несравненно лучше: полногрудая, плотная, краснощекая. На ней праздничная камлейка из красного ситца, в густых черных волосах лишь кое-где серебрятся седые нити.

– Ты верно сказала: морж пойдет скоро.

Теперь улыбается Сипкалюк, но лицо ее от этого не становится красивее: в больших пугливых глазах всегдашняя усталость.

…Набродившись по берегу, жители поселка один за другим возвращаются к своим жилищам. Пришла румяная Уяхгалик, обхватила мать за талию, прижалась к ней головой. С другой стороны появился Тыкос. Направлялся к своей одинокой землянке и старик Емрытагин. С высокого плато спускался Тымкар. Его шапка повисла на ремешке за спиной.

Каждый по-своему встретили островитяне вскрытие моря и теперь вернулись домой. Нет только Амноны. И не знает Майвик, что никогда ей больше не увидеть дочери.

Еще с утра Амнона куда-то скрылась. Изможденная болезнью, она одиноко бродила по острову. Этот весенний день взволновал ее снова. На впалых щеках ветер сушил слезы. Нет, никогда не стать ей настоящей женщиной! Кто же возьмет заразную в жены? А разве она виновата?.. Что же делать? Как жить дальше? Ей неотступно вспоминался день ее похищения. Пьяные американы уволокли ее в Ном. Потом она перестала быть человеком. В конце концов Джонсон проиграл ее Бизнеру, и целых десять лет она плавала на «Китти». Работала, терпела унижения. Уже тогда ей хотелось выброситься за борт, умереть, но каждый раз жизнь оказывалась сильнее. Надеялась увидеть мать. Верила, что вырвется из плена. И это случилось! Помогли таньги. Но теперь она поняла, что жизнь ее все-таки погублена.

Нестерпимо болела голова. Глаза застилала едкая дымка. Амнона перестала узнавать окрестности, различать очертания того, что окружало ее, пошатывалась, как пьяная. Ей чудилось, что она снова на «Китти», ей виделись каюта, карты, пьяные лица, бороды, бутылки…

Вначале – с льдины на льдину: подальше от людей! А потом, выбрав одну из них, поменьше, она опустилась на холодное ложе и, измученная, забылась в тяжелой дремоте. Пусть уносит ее море от этих жестоких и страшных лиц, обступивших ее…

Разводья все ширятся, расходятся ледяные швы, льдину покачивает. В бреду Амнона корчится, стонет, судорожно впивается в кромку льдины: ей кажется – это горло Джонсона… Но перед нею уже не Джонсон, а Билл Бизнер. Даже море не унесло от него! Вскрикнув, она вскакивает, выпрямляется навстречу ветру и, протянув бессильные руки вперед, словно к спасению, падает в воду.

Целые сутки искали Амнону по острову. Спустили на воду байдары. Все было тщетно. И тогда, сразу постаревшая, сказала Майвик:

– Не надо. Я знаю, – она взялась за сердце и подняла глаза к небу, – Амнона ушла туда…

И вслед за матерью все островитяне устремили глаза к небу. Никто не проронил ни слова.

Молчаливые, задумчивые, эскимосы разошлись по землянкам. Поселок словно вымер: ни смеха, ни говора.

Глухо рокотал пролив, и под его мрачную песнь Тымкар накалывал новый рисунок на тонкую и длинную пластинку из моржового клыка.

* * *

Не успели еще островитяне выспаться и отдохнуть после поисков Амноны, как по поселку пугливой птицей пронеслась новая тревога.

Эскимосы поспешно поднимались на возвышенность и вглядывались в ледовое море, где тянулась черная полоса дыма из пароходной трубы. Какой-то – видно большой – корабль приближался к острову. Невольно всем вспомнился визит чернобородого янки.

Сизый огромный корабль вскоре подошел к берегу. Загремела якорная цепь. От борта сразу же отчалила шлюпка.

На гребцах были одинаковые куртки с какими-то значками на рукавах.

Двое американцев, выпрыгнув на берег, поспешно двинулись к землянкам.

– Дети мои, – по-эскимосски обратился один из них к девушке в зеленой камлейке и стройному парню (они первые попались навстречу). – Соберите отцов ваших. Мы сообщим важную новость.

Хмурые, настороженные, поселяне собрались у новой землянки Емрытагина. Уже одно то, что корабль пришел не от русского берега и в такое необычное время, внушало тревогу. К тому же это не «купец»: слишком много на нем пушек…

Высокий седобородый старик в одежде пастора закатил к небу глаза, перекрестился и начал:

– Жители, эскимосы! Из далеких краев мы поспешали к вам. – Лицо его выражало благостную скорбь. – Великое несчастье ожидает вас и всех, кто обитает там, – он указал рукой на азиатский берег. – И мы пришли спасти вас, мирные жители, от этого бедствия.

Он внимательно вгляделся в островитян, но не прочел в их глазах готовности следовать за ним. На секунду внимание его привлек большой сутулый мужчина с прямым носом и длинными ресницами: он как-то особенно мрачно смотрел в сторону, и в уголках губ его гнездилась злая усмешка. Пастор предпочел перевести глаза на других.

Долго толковал эскимосам посланец Соединенных Штатов о каких-то красных людях – большевиках, о всех ужасах и страхах, ожидающих мирных островитян. Временами пастор делал паузы, рассчитывая на вопли о помощи, на тревожные вопросы, однако люди молчали, только хмурились; проникнуть в их настроение не представлялось возможным.

На рейде маячил корабль, выбрасывая из топок клубы черного дыма.

Спутник пастора молча вертел в руках палку, похожую на вытянутый вопросительный знак. Во рту его торчала бурая сигара с красным ободком посередине. Его бесила, как он полагал, нравственная тупость этих «дикарей». Ведь уже добрых полчаса произносил свою взволнованную речь миссионер, а они, казалось, даже не старались вникнуть в смысл того, что говорилось им. Они смотрели то на пароход, то на пастора, то на него – мистера Роузена. Едва ли он догадывался, что рядом с худым и высоким миссионером он выглядел несколько забавно: его костюм сильно обтягивал живот, котелок делал голову непомерно большой, а перстни на пухлых и коротких пальцах вызывали у этих людей какое-то отталкивающее чувство.

Проповедник продолжал свою речь. Он, видимо, неплохо знал язык туземцев. Однако и он начинал уже беспокоиться, ибо лица людей продолжали оставаться бесстрастными. Их смутили его первые слова о несчастье, но по мере того, как миссионер развивал свою мысль,

они стали глядеть на него, как на слабого шамана, который пытается просто запугать их, чтобы затем побольше получить даров за обещание выручить из беды…

Роузену не терпелось: ведь ему приказано не только переселить на всякий случай на Аляску эскимосов с острова в Беринговом проливе, но попытаться уговорить на переселение и чукчей с азиатского берега вместе с их многочисленными оленьими стадами.

– Скажите им, что сюда больше не придут торговые шхуны Америки и они все, черт их побери, подохнут с голоду! – и он снова сунул сигару в рот.

Миссионер перевел. В толпе произошло небольшое движение, люди переглянулись. И лишь Тымкар по-прежнему мрачно глядел в сторону, и в уголках его губ таилась та же ироническая усмешка. Он хорошо помнил льстивую речь чернобородого янки, когда тому нужны были матросы… Нет, к людям с того берега у Тымкара уже давно потеряно всякое доверие.

«Как станем жить без чая и табака, без котлов, ножей и других нужных товаров?» – думали некоторые эскимосы.

В связи с войной и интервенцией за последние годы здесь совсем перестали появляться русские купцы.

Старец уловил замешательство на лицах островитян.

– Я вижу, дети мои, что вы озабочены своим будущим. Оно представляется мне страшным.

И он нарисовал им картину жизни без всего того, к чему уже давно привыкли эскимосы. Они будут пить простую воду вместо чая, не смогут сварить себе пищу, когда прогорят их котлы, забудут назначение трубок…

Однако, чем больше говорил этот старик, тем сильнее хмурился Емрытагин. За свои долгие годы он-то познал жизнь! Всегда, сколько он помнит, как голодные собаки мчатся за евражкой, так купцы устремляются к островам и другим местам за пушниной. А если американцев прогонят русские, то эскимосы получат товары у них. Да и кто же из купцов послушает слабоумного старика и откажется от пушнины!

– Святая церковь, – возвысил голос миссионер, – поможет вам устроиться на новых местах.

Он опять выждал, но никто не высказал желание о чем-либо спросить у него. Молчал и Тымкар: опять того и гляди начнут стрелять по ним из пушки, и опять могут подумать эскимосы, что виноват он, Тымкар. Нет, Тымкар будет молчать! Ну, а кто же тогда будет говорить, если молчит Тымкар? Быть может, Тагьек или Емрытагин? Но Емрытагин малоговорлив и никогда ничего не скажет, не подумав прежде как следует наедине с собой, а Тагьек… хотел бы Тымкар послушать, что он станет говорить! А если не вымолвит слова и Тагьек, кто же из более молодых посмеет первым подать голос!

Эдгар Роузен поглядывал на пролив и на фрегат. Цветастым платком, что торчал из кармана, он часто вытирал с лица пот, хотя было вовсе не жарко; докурив одну сигару, зажег вторую, то и дело доставал из жилета часы. Нужно было спешить, чтобы до прихода кораблей большевиков успеть переселить на Аляску туземцев.

«Пусть-ка попробуют господа большевики освоить незаселенные земли!»

– Вы точно перевели им мои слова? – спросил он пастора.

– О, да. Я нарисовал им картину запустения, жизнь, какая ожидает их, когда Штаты забудут про этот остров.

– Так спросите же, наконец, кто из них первый готов переселиться! Я дам ему десять долларов на обзаведение.

Пастор слегка улыбнулся.

– Едва ли, мистер Роузен, они знают деньги. Им лучше пообещать оружие, что ли: это их страсть.

– О-кэй! – воскликнул тот, быстро прикинув, что винчестер стоит на пять долларов меньше той суммы, которая ему отпущена на каждого переселенца, и таким образом он сумеет кое-что выкроить и для себя. Сознание, что и тут он оказался настоящим

бизнесменом, подняло настроение мистера Роузена. – О-кэй, – повторил он, сунув трость под мышку. – Каждый получит винчестер.

Миссионер перевел, и сразу же все повернулись к Тымкару: эскимосы наизусть знали историю его плавания за пролив в качестве матроса, чтобы получить винчестер…

– Что же они молчат? – недоумевал Роузен. – Или, быть может, они не верят мне?

Его спутник не мог ответить на этот вопрос.

«Странные эти американы, – думали люди. – Переселяйся… Легко сказать – покинь родные места…» И кое-кому стало даже весело от неразумных слов пришельцев. Конечно, винчестер – это соблазнительно: их было лишь пять на весь поселок, да и то без патронов. Но кто же согласится променять родину на винчестер! Что же касается каких-то большевиков, то хотя эскимосы и не знали их, кроме Кочнева, но они знали русских, а раз большевики придут оттуда – значит они русские! Зачем же убегать от них? Если красные большевики хорошие люди, что ж, пусть приходят. А с голоду жители острова все равно не умрут. Разве шхуны кормят их? Это пустые слова! Трудно даже поверить, что язык старого человека болтает пустое!

– Так что же вы молчите? – забыв, что его не понимают, прямо к толпе обратился бывший директор «Северо-Восточной компании» и выругался.

Веки Тымкара дрогнули. Он понял. Понял и старик Емрытагин.

– Он назвал нас собаками! – возмущенно бросил эскимосам Тымкар.

– Что он сказал? – обрадовался Роузен.

Миссионер опустил глаза.

– Кстати, они могут кое-что понимать по-английски.

Лица островитян сделались злыми. Женщины – и особенно Майвик – о чем-то зашептались и вдруг рассмеялись, глядя в упор на юркого американа в котелке: на своих коротких ногах, расставленных в стороны, он сам казался им похожим на шелудивого пса…

Пастор пожалел о несдержанности своего босса.

– Если они не переселятся, – перешел уже к угрозам янки, – мы никогда не позволим им посещать Штаты!

Не успел еще пастор открыть рта, как Роузен добавил:

– А ведь у них там могут быть родственники, не так ли?

– Безусловно, мистер Роузен, – и он перевел все это эскимосам.

Тагьек затоптался на месте. Как же так? Ведь нужно отвезти в Ном на Аляску костяные изделия!

Но остальные островитяне остались равнодушными и к этому заявлению. Как можно не пустить их к родным? По всему берегу караулить станут, что ли? Емрытагину даже смешно, из его выцветших глаз скатились смешливые слезинки. Нет, нет, эти американы просто, однако, глупые люди: вначале они пугали какими-то красными большевиками, потом стали предлагать винчестеры, теперь угрожают голодом и запрещением посещать родственников. Тут что-то неладно.

Эскимосы молчали.

– Какая огромная потеря времени из-за кучки этих дикарей! Я удивляюсь вашему терпению.

Вместо ответа грегорианский священник только погладил свою длинную бороду.

– Нам необходимо спешить. – Эдгар Роузен опять нетерпеливо оглядел пролив, по которому дрейфовали на север разреженные льды. – Полковник будет недоволен!

Затянувшаяся встреча становилась в тягость и эскимосам: для них были необычны такие формы общения. Кое-кто из женщин уже ушел, услышав, что в землянках плачут дети.

Роузен расценил этот уход как вызов. Миссионер только пожал плечами: «Туземцы. Чего вы от них хотите?»

– Но это же возмутительно! – не выдержав, воскликнул бизнесмен. – Мы потеряли с ними, – он быстро «взглянул на часы, – мы потеряли из-за них уже целый час! – он отгрыз непомерно большой конец новой сигары и бросил его.

Емрытагин подобрал окурок и стал его разглядывать.

– Вы предложили бы им покурить, мистер Роузен. Эти люди очень отзывчивы на дружбу, – оказал миссионер.

– О да, конечно! – Роузен достал пачку сигар и протянул ее Емрытагину.

Однако старик отрицательно качнул головой, отступил назад. Роузену стало смешно:

– Нет, вы полюбуйтесь!

Он снова попытался навязать свой подарок – теперь уже другим, но все отступали и сигар не брали…

Вдоволь насмеявшись, американец убрал сигары и снова посмотрел на часы.

– Я больше не имею права задерживаться. Мы рискуем провалить дело там, – он указал изогнутым на конце стеком на азиатский берег, – ведь главное именно там!

Он спешил в бухту Строгую, где должен был встретиться с бароном Клейстом, выгрузить ему оружие.

– Мистер Роузен торопится. Он хотел бы знать, когда вы покинете остров, – обратился пастор к эскимосам.

Тагьек взглянул на жену. Она настороженно наблюдала за ним. Тагьек знал, что Майвик не хочет возвращаться за пролив, где провели они несколько лет. Он теперь поставлен в весьма затруднительное положение: если не переселяться сейчас – значит его больше никогда туда не пустят и ему придется забросить выгодное дело и снова стать охотником.

– А если я переселюсь, меня будут пускать сюда? – вдруг спросил Тагьек.

– Конечно, – воскликнул обрадованный Роузен.

– Хорошо, – не глядя на жену, принял решение Тагьек.

– Вери-вел! – и посланец Штатов, не имея при себе винчестера, протянул ему десять долларов.

Тот взял их как должное. Он знал цену этим бумажкам. Но не успел еще Тагьек спрятать полученные деньги, как Майвик подняла невероятный шум.

– Что кричит эта дикарка? – брови Роузена удивленно поднялись.

Пастор объяснил. Роузен засмеялся:

– Глупости! Ерунда! Теперь они, как бараны, потянутся за ним. Я же знаю этих дикарей!

Решение Тагьека произвело на островитян известное впечатление. Толпа зашумела. Как-никак столько лет прожито вместе. Делали ему заказы, получали продукты. А теперь, кому теперь нужны будут их изделия? Однако дальше шума и размышлений вслух дело не шло, и наблюдательный миссионер заметил, что люди вопросительно поглядывают на сутулого эскимоса, на которого он обратил внимание еще в начале беседы. Что-то суровое, властное было в его чертах. Не случайно же он понял ругательство Эдгара и перевел его односельчанам!

Служитель церкви поделился своими соображениями с патроном:

– Нужно поколебать его. Мне думается, что за ним пойдут остальные.

– Которого? Где он? – вглядываясь в толпу, спросил директор акционерного общества. – Крайнего справа?

– Нет, нет. Смотрите: он выше остальных, на висках седина, сутул, у него прямой нос и волевое лицо. Слева… слева седьмой.

– О, этот? – янки бесцеремонно указал на него пальцем. – Подзовите его ко мне.

– Сын мой! Мистер Роузен хочет с тобой поговорить, подойди к нам.

Тымкар понял, что зовут его, но не двинулся с места. Тогда американцы подошли к нему сами:

– Как зовут тебя, суровый человек?

Эскимосы тревожно расступились.

– Тымкар из Уэнома, – не очень дружелюбно отозвался он.

– Из Уэнома? – изумился миссионер. – Значит, ты чукча?

Тымкар утвердительно кивнул головой.

– Его имя Тымкар. Правда, оригинальное имя? Оно соответствует его мрачной внешности. И к тому же, оказывается, он чукча!

– Это любопытно, – живо отозвался янки. – Меня зовут Эдгар Роузен, – представился «дикарю» американец.

Тымкар молчал.

Вокруг было тихо. Только из дальней землянки доносилась ругань Майвик: женщина сразу же ушла, как только услышала о решении мужа.

– Да, так вот, Тымкар, мы предлагаем вам переселиться.

Чукча вопросительно взглянул на старца.

– Мистер Роузен по поручению… – пастор запнулся, – обещает вам помочь хорошо устроиться на новом месте, – и тут же он что-то негромко сказал Роузену.

– Да, да, – тот вытащил из бумажника десять долларов.

Тымкар не протянул руки, как это сделал Тагьек. И хотя он ничего не сказал, Эдгар Роузен спросил:

– Что он говорит?

– Он молчит, мистер Роузен…

– Какое свинство! – вспылил американец. – Деловой, порядочный человек должен с протянутой рукой стоять перед нищим негодяем, уговаривать его взять деньги! Их нужно учить полицейской дубинкой, а не уговаривать… Бить, да, бить! Это лучший метод разговора с дикарями. Бить, как индейцев, – с оружием, с пушками… – он покосился на фрегат.

Едва ли многое из этой тирады понял Тымкар. Но слово «бить», подкрепленное злым взглядом, он понял…

– Каттам меркычкин![1] – глухим голосом выдавил он чукотское ругательство и, повернувшись, зашагал к своей землянке.

Вокруг стало еще тише. Сипкалюк, широко открыв глаза, испуганно смотрела вслед мужу.

– Что это значит? – на лбу Роузена опять выступила испарина.

Миссионер не знал чукотского языка.

Между тем Тымкар подошел к своей землянке и остервенело принялся ее разрушать, сбрасывая с кровли куски дерна. Пыль поднялась вокруг его жилища.

– Как видно, он решил переселиться, мистер Роузен.

– Отлично! Тогда я уверен в успехе. Но почему он не взял деньги?

Растерянные эскимосы искоса поглядывали на корабль. Они поняли ругательство Тымкара и вспомнили, как поступил почти при таких же обстоятельствах чернобородый янки, с которым они отказались торговать.

– Ну, в путь! Переведите им, что на обратном пути мы проверим, и, если они еще окажутся здесь, мы погрузим их в трюм фрегата вместе с их кожаными кораблями, собаками и прочей дрянью.

Через несколько минут фрегат выбрал якорь и взял курс к мысу Дежнева.

Эскимосы наблюдали, как Тымкар разваливал свое жилище.

– Тыкос! – крикнул он сыну. – Собери собак. Мы станем жить в Уэноме.

«Вот так здорово! Так он уплывает подальше от Аляски? А как же мы?»

Сипкалюк, обрадованная, что не плыть ей в ненавистный Ном, бросилась к мужу, но тот отстранил ее.

– Тыкос, готовь байдару!

Девушка в зеленой камлейке побледнела: Тыкос, с которым еще утром они бегали по острову, уплывает…

Среди эскимосов заметна была полная растерянность: все уходят… Тымкар, Тагьек…

Подошел старый Емрытагин.

---

1 Этакий мерзавец!

– У тебя в голове верные думы, – оказал он громко Тымкару. – Иди туда. Там твоя родина, – на глазах старика показались слезы. Любил он Тымкара: столько лет вместе прожили! Вместе трудились, голодали, мерзли. – Ты иди. А мы останемся. Здесь родились, здесь должны и жить. А когда увидим корабль американов, погрузимся в байдары и уйдем во льды. Посмотрят они, подумают – послушали их… Тогда вернемся в свои жилища. Так думаю я.

Решение мудрого Емрытагина ободрило эскимосов. В конце концов Тымкар – чукча, Тагьек – не охотник. А зачем и куда поплывут все они? Да и кто же может поверить этим американам? Нет, никуда не надо трогаться со своего острова…

Солнце уже описало полный круг и теперь пыталось вновь вырваться из туч у горизонта. В проливе шли льды.

Островитяне не спали. Они стаскивали на берег небогатое имущество. Вдали плакала девушка в зеленой камлейке.

Все смешалось в душе Тьшкара. Картины прожитой жизни, яркие, сильные, быстро сменялись одна другой, и какой-то внутренний голос, еще неведомый ему самому, властно звал его к новым поискам счастья: «Вперед, Тымкар, спеши, Тымкар!» Он смотрел на островитян, но не видел их. Как быстро пробегала перед ним сейчас вся его жизнь! И все настойчивее звучало:

«Вперед, Тымкар! Спеши, Тымкар! Твое счастье там, в родном селении. Там начинается, сказал таньг-большевик, новая жизнь!»

Все население острова загружало байдары домашним скарбом. На высоком берегу стоял наблюдатель.

Тымкар и Тагьек уже готовы к отплытию: им некого и незачем ждать. Вот они отталкиваются от берега, Тыкос поднимает парус из шкур, и байдары расходятся в разные стороны.

– Прощай, Тымкар!

– Прощай, Тагьек!

– Прощайте! – слышатся с берега голоса.

Байдары входят в ледяные каналы с подвижными берегами.

Из скопившихся у горизонта черных туч вырывается в небо яркое солнце.

Глава 41
ВЛАСТЬ КОЧАКА

Тымкар и сам едва ли отдавал себе отчет, что именно побудило его принять неожиданное решение. В самом деле, ведь не могла же болтовня этих двух американцев оказать такое влияние на образ его мыслей и поступки! А между тем вот он уже плывет к родным берегам.

Не каждому человеку дано на протяжении всей жизни сохранить бодрость душевных сил, неугасшее пламя юности. Даже незаурядная личность, потратив много сил на достижение какой-нибудь цели и не достигнув ее, порой надолго утрачивает черты индивидуальности.

И только время или какой-либо внешний толчок вдруг выводит ее из состояния чуть ли не полного безразличия, искра протеста воспламеняет давно тлевшую в сознании неудовлетворенность, в душе поднимается бунт, побуждая к новым попыткам осуществить свои чаяния и надежды – если уж не для себя, когда оказывается, что жизнь прожита, то для детей и потомков.

За годы, проведенные на острове, Тымкар много думал и многое понял. Да и пора: ведь уже тридцать семь лет!

…С большой кожаной байдары, идущей под парусом, отчетливо были видны такие знакомые Тымкару прибрежные горы, долины, сопки…

Тыкос сидел на корме, за рулем. Сипкалюк и Тымкар привалились к перевернутой

нарте, к которой были привязаны свернувшиеся клубками собаки. За кормой на буксире легко скользила маленькая байдарка.

Льды то и дело вынуждали менять направление, пережидать, спускать парус. Однако берега становились все ближе, а остров все глубже опускался в море…

Солнце достигло зенита, жгло, но тело пробирал озноб: от воды и льдов тянуло холодком.

Много, ох, как много мыслей теснилось в голове у Тымкара. У него теперь совсем большой сын, такой же рослый, как он сам. Только у Тыкоса еще нет ни одного седого волоса. Что ж, Тыкос спокойно прожил свои девятнадцать лет, а Тымкар в его годы уже побывал в Номе, у Омрыквута, зимовал по чужим стойбищам, исходил всю Амгуэмскую тундру.

Вдруг лицо Тыкоса напряглось, ноздри широко раздулись, он весь вытянулся, не двигаясь с места.

– Лахтак, – тихо, настороженно произнес он.

И Сипкалюк с Тымкаром заметили на воде морского зайца: он, видно, грелся на солнце. Юноша подтянул байдару, бесшумно перебрался в нее и, ловко перебрасывая весло с одного борта на другой, начал удаляться. У ног молодого охотника лежали копье, гарпун, закидушки: к винчестеру не было патронов. Тымкар спустил парус.

Лахтак, заметив опасность, нырнул. Тыкос начал его преследовать. И Тымкар, поняв, что ждать сына придется долго, причалил байдару к большой льдине, вылез и за выступ тороса укрепил конец. Сипкалюк последовала за ним: она тоже засиделась, озябла.

Собаки насторожили уши, беспокойно задвигали мордами. Льдины медленно дрейфовали на север, Тыкос удалялся к югу. И чем дальше морской заяц уводил охотника, тем острее чувствовал Тымкар какую-то горечь в душе. Ведь вот так и он всю жизнь гоняется с копьем и гарпуном за морскими зверями! А были бы патроны… В эту минуту он пожалел, что разъехался с Тагьеком: все же у того всегда есть патроны к винчестеру. Винчестер! Как много надежд возлагал на него в свое время Тымкар… Ему казалось тогда, что путь к счастью лежал через обладание ружьем. Оно должно было помочь ему заполучить Кайпэ в жены. Но годы прошли, нет ни Кайпэ, ни родных… И даже ружье его лежит без патронов, как никчемная вещь.

И Тыкос все вот так же охотится без ружья. Конечно, Тымкар не напрасно трудился эти годы: есть у него байдара, собаки, нарта, снасть есть. А в Уэноме еще должны сохраниться остатки яранги. Меховую палатку-полог он везет с собой.

Ничего, он еще достанет ружье Тыкосу у русских! Да, конечно, он достанет его!

Тымкар бродил по льдине, а Сипкалюк принесла из байдары чайник с пресной водой и из прихваченных с собою кусков плавника, политого жиром, разложила костер. На Тымкара потянуло пахучим дымом, он оглянулся, увидел огонь на льду, подошел, присел, протянул к костру руки, глядя то на яркие языки пламени, то сквозь него на порозовевшие льды. Его слегка знобило: сказывались и сырость, и холод льдов, и беспокойная ночь накануне с визитом американцев, и нервное состояние, заставлявшее временами дрожать его тело: это особенно неприятно.

Да, да, он сам точно не знал, что именно побудило его принять такое неожиданное даже для самого себя решение. И эта неспособность разобраться в себе еще больше возбуждала Тымкара. Как встретят его в Уэноме? Что скажет Кочак? Что подумают старики, увидев, что у него жена эскимоска… Хмурый Тымкар не дружелюбно посмотрел на жену. Она почувствовала его тяжелый взгляд.

– Ты что, Тымкар? – на ее лице заметно было волнение.

Тымкар прислушался к потрескиванию костра.

– Так, ничего, – он достал трубку, но там уже давно не бывало табака.

Чайник начал посвистывать. Жена ушла в байдару за кружками.

Тыкоса все не было. Он втащил свою легкую байдарку на льдину и теперь подползал к морскому зайцу. Тыкос не отступится: он не таков.

Из жестяных кружек Сипкалюк и Тымкар пили чай. Собственно, «чай» – это только слово: пили горячую воду. Она так приятно согревает тело.

– Ничего, – проговорил Тымкар, как будто до этого он утверждал нечто обратное. – Чукчи не хуже эскимосов.

Ведь жил же он, чукча, среди чужих!

Сипкалюк уже привыкла к его манере вести себя и выражать свои мысли.

– Однако, так лучше, – опять вслух высказал он что-то непонятное ей.

– Это верно, – поддакнула Сипкалюк, довольная, что муж заговорил с ней, хотя она и не знает, о чем он думает. – Ты правильно думаешь, Тымкар.

– Да, я думаю правильно, – согласился он и протянул жене кружку, чтобы она еще раз наполнила ее кипятком.

Отец не хотел, чтобы Тыкос женился на эскимоске, но разве стоило об этом говорить Сипкалюк?

– Ты правильно думаешь, Тымкар… – невпопад повторила она, решив втянуть мужа в разговор.

Тымкар покосился на нее и улыбнулся.

– Где же Тыкос? – он поднялся и долго всматривался вдаль.

Тыкоса не было видно. Сипкалюк смотрела туда же. Но разве можно заметить так далеко среди торосов человека, одетого в белую камлейку?

Даже лахтак – на что уж близко от него был сейчас Тыкос! – и тот не видел охотника, распластавшегося на льду у самой кромки. Охотник ждал лишь удобного момента, чтобы пронзить его брошенным копьем.

Костер догорал. Языки пламени поникли. Сипкалюк принесла из байдары еще плавника; надо же и Тыкоса напоить чаем. Тымкар опять бродил по ледяному полю – сутулый, задумчивый. Всю жизнь он принимал быстрые и внезапные решения. Так он решил плыть за пролив, так поссорился с чернобородым на трапе шхуны, затем – покинул Уэном, поселился на острове. А вот теперь…

Прошло уже несколько часов, как Тымкар оставил остров, а мысли его все были неспокойны. Сейчас он думал о том, как в долгие дни пурги станет рассказывать чукчам обо всем, что у него записано на моржовых клыках. Он расскажет им про Амнону, про большое стойбище американов, о том, как повсюду живут чукчи и эскимосы. Потом он спросит их: как они думают, почему у одного человека в лавке висит без дела много винчестеров, а у другого, кому они так нужны, нет ни одного? Почему даже слабый шаман живет лучше сильного охотника? Почему так неправильно живут настоящие люди – чукчи?.. Мало умеют. Сидят в ярангах, как мыши в норах.

– Тыкос! Тыкос идет! – раздался радостный возглас Сипкалюк.

Сильными движениями весла Тыкос вел байдарку на запах дыма. Вот он заметил и фигуры родителей.

Отец быстро пересек плавучую льдину и увидел, что в байдарке сына лоснится черная шкура лахтака. «Молодец, хороший охотник! Удача ждет нас в Уэноме», – радовался он, как будто ему самому было девятнадцать лет, и это была его первая удача… Он помог Тыкосу вытащить на лед морского зверя, одобрительно похлопал сына по плечу, заглянул ему в лицо, засмеялся. Вот таким же ловким был он сам в молодости!

Усатый, лоснящийся жиром морской заяц лежал у их ног. В байдаре поскуливали собаки.

Тыкос пил чай, даже не замечая, что это просто горячая вода.

Солнце спускалось к горизонту. Пролив стал лиловым, появились миражи. Чего только не увидишь в такой час среди ледового моря! Вот – поселок, яранги; дальше – большое стойбище, каких не видел даже Тымкар. Моржи. Нартовая дорога, упряжки. Шхуны. Оленье стадо, мшистая тундра.

– Акалпе, акалпе![1] – поторапливал Тымкар.

---

1 Быстрее, быстрее!

Теперь, когда не было уже причин задерживаться, он спешил: капризен пролив, того и гляди подует ветер, начнет сжимать льды, преградит путь к берегу.

Снова подняли парус. Но воздух был почти неподвижен, и отец с сыном налегли на весла. Поскрипывали уключины, пот выступил на лбу: тяжела байдара.

Отражаясь от льдов, лучи низкого солнца раздражали зрение. Гребцы достали из-за пазухи костяные пластинки с едва заметными отверстиями – «чукотские очки».

Сипкалюк дремала, склонясь к собакам.

Тихо. Только поскрипывают уключины да, раздвигая воду, шуршит кожаное днище байдары.

Все кажется прекрасным Тыкосу. Он с нетерпением ждет приближения берега, где еще никогда не был. А ведь там жил его отец! Там теперь станут жить они, и там, однако, побольше людей, чем на острове. Сердце его радуется, что наконец-то он сможет охотиться в настоящей тундре. Ему надоел остров: он знает там каждый камень, каждую кочку. Какой же там промысел для настоящего охотника! А тут, тут он добудет много песцов и лисиц. Все будут завидовать ему. А осенью они поедут на ярмарку к оленеводам. Как все это интересно!

Сонная Сипкалюк слегка стонет: ей снится, что Тымкар берет себе другую жену – чукчанку…

Тымкар гребет. Остров в проливе все глубже погружается в море. Теперь видна лишь его вершина. Родные берега совсем близко.

Солнце утонуло в густых темных испарениях у горизонта. Все посерело. Сильнее потянуло холодом.

Большое ледяное поле преградило путь. Пошли в обход. «Тут я родился, здесь должен и умереть», – вспоминаются Тымкару слова старика Емрытагина. Мудрый старик. Вот и Тымкар тоже плывет на свою родину. Хотя умирать он не собирается! Ему нужно так много еще самому рассказать чукчам и их рассказы записать рисунками и значками на кости.

А вот Тагьек тоже родился в Наукане, а поплыл в Ном… Разве в Наукане не его родина? И Тымкар вспоминает, как сопротивлялась всегда этому переселению Майвик, как не хотели плыть туда Уяхгалик, Нагуя. Почему Тагьек так поступил?

Думая о детях Тагьека, Тымкар с болью в сердце вспомнил свою дочурку. Она умерла, хотя после ее рождения отец долго не ходил на охоту, как этого требовал «закон жизни». Неправильный закон! Надо будет сказать об этом чукчам.

– Э-гей! – восклицает Тыкос.

Льдина кончилась, и почти одновременно подул ветерок, вырвалось из туч солнце. Снова подняли парус. Байдара заскользила по слегка зарябившему проливу.

Берега быстро приближались. И снова, как перед отплытием с острова, все перемешалось в душе Тымкара. И опять он не сумел ответить на вопрос: что так внезапно побудило его к переселению? Конечно, не появись эти американцы, он был бы сейчас на острове. Но Тымкар чувствовал, что истинная причина не в этом, не в них: они послужили лишь толчком. Ведь не послушали их эскимосы, не послушал Емрытагин! Только Тагьек да он.

Сипкалюк дремала. Днище кожаной байдары слегка пошлепывало по воде. Солнце быстро взбиралось на небо, пригревало. Клонило ко сну.

На берегу кто-то заметил их байдару, махал руками, сзывал народ: слишком странен был этот ранний приход с острова, когда еще не прошли в проливе льды.

Берег заполнялся чукчами. «Кто бы это мог быть?» – думали они. Вообще в этом году у них много необычайного. Зимой приезжал на нарте Ван-Лукьян, ходил по ярангам, собирал уэномцев, рассказывал охотникам о новой жизни. И хотя трудно было поверить ему, как вообще стало трудно верить людям, тем не менее рассказы его взбудоражили чукчей.

Как только вскрылся пролив, таньг умчался на остров. А сейчас вот плывет с острова еще какая-то байдара.

«Кто бы это мог быть?» – думал и сильно постаревший Кочак. Он стоял впереди чукчей, по обыкновению прищурив единственный глаз.

Тыкос опустил парус и теперь на веслах обходил льдины. Видно было, что он возбужден. Вот сейчас он увидит родное поселение отца, увидит тех, с кем пред стоит теперь жить. Он уже различал группу девушек: они стояли несколько особняком. Что ж, пусть они поглядят на него! Тыкос ловко работает веслами.

На лице Сипкалюк тревога. Не поднимаясь на ноги, с руками, сложенными на груди, она вглядывается в толпу. Ей немного страшно: как отнесутся к ней женщины, что подумают они про нее? «Эскимоска!..»

Тымкар стоит на корме, у руля. Он, кажется, видит Кочака, и сердце сильно бьется в груди. «Убийца! Лучше бы нам не видеть тебя!» – вспоминаются ему давние слова шамана. Что скажут чукчи? Как встретят они «убийцу», у которого жена – эскимоска?

На берегу он замечает деревянный вельбот. Это большое богатство! «Как добыли?» – думает Тымкар, и в этот момент ему становится досадно, что он не участвовал в приобретении вельбота и не войдет в байдарную артель.

– Какомэй! – изумленно воскликнул кто-то из стариков, стоявших на берегу. – Однако, это Тымкар, сын Эттоя!

– Тымкар?

Снова тишина. Все вглядываются в байдару.

– Как может он быть? – спустя минуту отзывается чей-то женский голос в толпе.

Несколько голов неодобрительно поворачиваются на голос: женщина говорит в такой серьезный момент, когда молчат даже мужчины!

– А Тымкар кто? – спрашивает какой-то подросток у отца, заглядывая ему в лицо.

– Тымкара только старики помнят. Это было давно.

Опять льдина мешает подойти к берегу. Тыкос направляет байдару в обход.

– Что было давно? – не унимается подросток, теребя отца за рукав.

– Тебя еще не было, – отмахивается от него тот, вспоминая, что в ту пору, будучи почти сверстником Тымкара, только что женился, а теперь ему уже сорок лет.

– А где он был так долго? Разве там тоже есть чукчи?

– Э-эх! – недовольно шикнул на него отец. – Замолчи.

«Но Тымкар ли это?» – думали уэномцы.

Обходя льдину, байдара удалялась.

Некоторые чукчанки зевали, но любопытство мешало им покинуть берег, Кто же станет спать, когда новости на подходе!

Как и в ту далекую весну, когда Тымкар возвращался из Нома, ему бросилось в глаза, что встречающих очень мало. Он вгляделся в уэномцев пристальнее и теперь ясно различил фигуру шамана.

– Кочак… – упавшим голосом произнес Тымкар.

– Что? – переспросил сын.

Отец не ответил. Сипкалюк заметила бледность на щеках мужа.

Одновременно узнал Тымкара и Кочак. Его глаз сощурился сильнее, усы задергались. Он что-то пробурчал себе под нос и поспешил в ярангу.

И не успела еще байдара причалить, как из яранги послышалось ворчание бубна.

Чукчи заволновались. Что бы это значило? Почему Кочак ушел и начал шаманить? Что-то недоброе слышалось им в звуках бубна. В поведении шамана они усматривали плохое знамение. Но, влекомые любопытством, чукчи все ближе продвигались к кромке воды.

Теперь уже все видели в байдаре двух мужчин и женщину. Они плыли со всем скарбом: с пологом, снастью, нартой, собаками; за кормой была привязана охотничья байдарка.

Ни Тыкоса, ни Сипкалюк никто не знал, а Тымкара могли знать лишь его ровесники да старики, которые еще не ушли к «верхним людям». Таких тут оказалось немного. Во всяком случае, Тымкар никого не узнавал. Среди встречающих было больше женщин, девушек, подростков и детей.

«Где же люди? – спрашивал себя Тымкар. – Куда могли они уйти, когда не ушел еще лед?» Но, с другой стороны, ему было приятно, что его теперь почти никто не знает. Ведь его

изгнали отсюда.

Тыкос делал последние взмахи веслом.

– Этти! – раздался голос с берега.

– Тымкар?

– Ты пришел, Тымкар?

В радостных приветствиях утонули звуки бубна. Уэномцы столпились у самой воды.

Тымкар первым спрыгнул на землю.

Широко улыбаясь, он здоровался и вглядывался в лица. Как все незнакомы! Да и на него многие смотрят с удивлением, как на человека другой земли…

Сипкалюк неподвижно сидела в байдаре. Тыкос убирал весла.

– Тымкар, это я – Пеляйме! – стоя против него, говорил пожилой чукча.

– Пеляйме! Тумга-тум! – они обхватили друг друга руками, счастливые встречей.

Пеляйме лишь на год старше Тымкара, он помнит все.

– А где Анкауге? Где Пелятагин? Где все люди этого поселения? Разве они перестали встречать приходящих к ним?

Уэномцы удивленно смотрят на него.

– Нет только Кочака, Все другие встречают тебя, Тымкар.

– Однако, я не вижу их. А где же Мэмель, Ильмоч, Эккем?

Чукчи опустили глаза. И Тымкар понял, что этих людей уже нет. Да, конечно, ведь прошло столько лет! Но разве все уже были тогда стариками?

– Какомэй…

Звуки бубна становились все громче.

– А где же Ренвиль?

– Ренвиль – я, – послышался в ответ пискливый голос подростка.

Уэномцы снова опустили головы: это был уже не тот Ренвиль…

На берег сошел Тыкос. Чукчи расступились, пропустили его к отцу.

– Тыкос! – в голосе Тымкара слышалось возбуждение. – Это Тыкос, мой сын.

– Тыкос? – повторили в толпе, улыбаясь.

– А где же Сипкалюк? Сипкалюк!

Сипкалюк? Это не чукотское имя…

Худенькая, с тревогой в больших глазах, жена подошла к Тымкару. Он взял ее за руку.

– Кочак? – он указал рукой туда, откуда раздавались тревожные звуки.

Ему никто не ответил, и он понял, что здесь не забыли историю его жизни.

В байдаре поскуливали забытые собаки; они пытались перегрызть поводки и выпрыгнуть на берег.

Злоба обуяла Тымкара. Он понял, зачем шаманит Кочак. «За что, за что? – думал он. – Разве я убил таньга?! Злой шаман, злой!»

Уэномцы обратили внимание, как страдальчески исказилось лицо Тымкара.

– Я не убивал таньга! – в отчаянии выкрикнул он. – Кочак… – но он не посмел договорить того, что само рвалось из сердца.

– Чего ты хочешь, скажи? – обратился к нему Пеляйме и быстро огляделся: все сочувственно смотрели на его сверстника.

– Слишком велика обида! – простонал изгнанник, ощупывая рукой горло.

– Почему не видно радости на твоем лице? Разве ты не рад, что вернулся к нам, в свое родное поселение? – сказал ему уже другой чукча, которого Тымкар не узнал.

– Я не нарушал правил жизни. Нет! Но как могу я остаться там, – он указал на остров, – где по-другому живут и говорят? Кто поймет меня? А мне надо так много рассказать вам!

Чукчи насторожились: он говорит так, как мог говорить только шаман… Уж не сделался ли он шаманом?

– Чего ты хочешь, скажи? – уже вторично задал ему вопрос Пеляйме, напряженно вглядываясь в друга.

– Я тут жить стану! Вот моя жена, вот сын. Байдара, снасть, собаки – все есть у меня.

И тут Тымкар заметил, что на месте яранги его отца и матери еще торчат вкопанные ребра кита. Протискиваясь сквозь толпу, он пошел к остаткам своего жилища. Сипкалюк, Тыкос и все уэномцы последовали за ним.

Собаки в байдаре заскулили громче, но ни их, ни звуков бубна никто не слышал. Все шли за Тымкаром. Шуршала под ногами галька, солнце отбрасывало длинную несуразную тень от движущейся толпы.

Каркас яранги почти полностью сгнил. Однако было видно, что ничья рука не разрушала жилища. Только ветры и снег. Кое-где виднелись обрывки истлевших шкур. Стойки были все целы, и Тымкар обхватил одну из них руками, прижался щекой. Глаза его блестели.

Бубен стих. Кочак выглядывал из яранги.

– Тут жить стану! Тыгкос, выгружай байдару, собак.

Сын пошел к берегу, за ним двинулась уэномская молодежь. Тымкар опустился у стойки, сел.

– Вельбот теперь имеете? – помолчав, спросил он.

– Кочак, – отозвался Пеляйме.

– Кочак? Разве он у вас лучший охотник?

Смущенные его речами, чукчи опустили глаза. Все они знали – Пеляйме рассказал им, – что Кочак выменял вельбот за те шкурки, которые утаил, когда собирал их от всех яранг, чтобы откупиться от русского начальника за преступление Тымкара. Пеляйме узнал свои шкурки, когда летом Кочак их просушивал.

– Много новостей у нас, Тымкар.

С берега тащили полог, разобранный каркас для спального помещения. Впереди бежали собаки.

– Хороши собаки! – похвалил кто-то.

Лицо Тымкара расплылось в улыбке. Какому же охотнику не веселят сердце такие слова? И Тымкар вспомнил, как он и Тыкос выращивали щенят. Вспомнил старика Емрытагина: это ведь он подарил первого щенка.

– Кочак! – глухо, испуганно проговорил кто-то, и все оглянулись.

Кочак шел сюда. Чукчи смолкли, насторожились. Это очень нехорошо, когда шаман сам идет к людям.

Крепкий, несмотря на свои шестьдесят лет, Кочак приблизился, пронизывая собравшихся недобрым, колючим взглядом черного глаза. Тымкару казалось, что этот тяжелый взгляд прижимает его к земле, достает до самого сердца. Шаман подошел, уставился на пришельца. «Как отказать ему?» – раздумывал он. «Как поступить мне с ним?» – думал Тымкар.

Чукчи отошли из-под колючего взгляда Кочака в сторону. Тымкар остался с Сипкалюк, Тыкосом, собаками. Разгрузку байдары прекратили.

– Откуда ты явился? Кто твой отец?

– Какомэй!.. – тихо ахнули в толпе. Кто же не знает Тымкара!

Тымкар поднялся на ноги. Горло перехватило. Хорошо, что он еще не знал, как Кочак приобрел вельбот!

– Кто звал тебя сюда, «зря ходящий»? – повысил голос шаман.

– Каттам… – вырвалось у Тымкара, но, спохватившись, он смолк, крепко сжав кулаки.

Люди снова ахнули. Неслыханное дело! Ругать шамана?! Что же теперь будет?.. Да и как это мог Кочак не узнать его? Стар стал, что ли?..

– Это Тымкар, сын Эттоя, – попыталась исправить положение Энмина.

– Га, ши! – как на собаку, шикнул на нее Кочак, топнул ногой. – Вы! Отправляйтесь! Великое несчастье принес вам этот пришелец! Разве вы ослепли! У него жена эскимоска. У него сын – родной брат кэле. Смотрите, смотрите! – растопырив пальцы, он выброеил вперед руки и, притоптывая, тыкал ими в переселенцев.

Ощерясь, на шамана зарычали собаки.

– Убери своих собак! Убирайся отсюда! – глаз шамана, казалось, горел желтым огнем, но почему-то взгляд этот уже не казался Тымкару страшным.

– Ты, видно, выжил из ума, если не узнаешь Тымкара, сына Эттоя, – сам о себе сказал Тымкар прерывающимся от волнения голосом.

– Сьгн Эттоя – убийца! Мы изгнали его. Разве вы забыли?!

– Ты лживый человек, Кочак! Я никого не убивал. Ты оболгал меня!

– Вы слышите? Вы слышите? Что же вы стоите? Разбегайтесь скорее по ярангам!

Озираясь, женщины, дети, подростки и даже Пеляйме начали отступать назад – одни с испугом, другие недоумевая. Что же это такое: Тымкар – не Тымкар… Да и верно: откуда мог взяться он? Уж не происки ли это кэле? Быть может, они ошиблись, и это не Тымкар? К тому же, разве стал бы чукча, если он человек, так разговаривать с шаманом?.. «Ты лживый человек», – сказал он ему. Как во всем этом разобраться? Кто поможет им?

– Ты слабый шаман и лживый! – повторил Тымкар, – Я не боюсь тебя, я не верю тебе! Уходи. Я стану жить тут! – его кулаки снова сжались.

Тыкос восхищенно смотрел на отца. Сипкалюк дрожала: как все это страшно! С шаманом так говорить! Как можно?

Кочак растерялся: он явно не был готов к такому обороту дела. Он решил, что немедленно запряжет собак – пока еще лежит в долинах снег – и поедет к другим шаманам совещаться. Пусть еще больше перепугаются чукчи, увидев, что он покинул их. А потом, потом они решат, как поступить с Тымкаром. Все эти мысли пронеслись мгновенно, так же быстро, как произошла вся эта сцена.

– Кэле! Кэле! – отмахиваясь руками и пятясь, повторял Кочак. – Бегите, бегите! – и сам он, спотыкаясь, заспешил к своей яранге, бормоча на ходу заклинания.

Через минуту из его яранги снова послышались удары бубна, а спустя четверть часа чукчи увидели, как Кочак покинул Уэном.

К Тымкару снова подошел Пеляйме.

– Тымкар, – Сказал он ему. – Я, Пеляйме, верю тебе. Я твой друг, и я знаю, что ты не убийца. Все люди поверят тебе, и ты будешь жить с нами.

– Пеляйме, тумга-тум! Значит, веришь, что я не убийца? Однако, сегодня я едва не стал им… Как мог он? Разве Эттой не рос вместе с ним? Что плохого я сделал Кочаку? Разве не человек я, а дух? – он опасался сказать «кэле».

– Это хорошо, что Кочак уехал. Пойдем есть. Завтра я помогу тебе установить полог.

Тымкар обнял своего старого друга.

– Много новостей у нас, Тымкар, – сказал Пеляйме, – Недавно приходил к нам таньг. Хороший. Скоро еще придет.

– Хороший таньг? Не Богораз ли?

– Богораз? – Пеляйме, казалось, что-то вспоминал.

– У него брови – как крылья у летящей чайки, длинный нос, большой лоб, не так ли?

– Однако, нет. Его зовут Ван-Лукьян. Ох, совсем забыл! Этот таньг плавал на остров. Разве ты не встретил его там?

– Он был там, – коротко ответил Тымкар.

Чукчи сидели на топчане, кусках плавника и просто на полу. В домике Пеляйме было тесно. Энмина разливала чай.

– Много таньг Ван-Лукьян говорил нам, – продолжал Пеляйме. – Так, говорит, несправедливо, так не будет, вы станете жить лучше. Тогда тоже куда-то уезжал Кочак.

– Верно, – подтвердил один из чукчей.

– Так было. Да, да, Еще сказал – торговля правильная будет, Американов выгоним, – дополнил другой.

Но можно ли этому поверить? – спросил сидящих Пеляйме.

Занятые чаепитием, чукчи молчали.

После чая Энмина куда-то ушла и увела с собой Сипкалюк. Мужчины закурили. Комнатка быстро наполнялась табачным дымом.

– Скоро, говорил Ван-Лукьян, вы сможете за двух песцов получить винчестер с патронами, – не унимался Пеляйме.

Тыкос вспомнил рассказ отца о том, как чернобородый янки требовал у него за ружье целую стопу шкурок высотою с винчестер, И вот за все годы, сколько их было, они с отцом так и не добыли ружья, к которому всегда можно было бы приобрести патроны.

– Конечно, этому трудно поверить, – продолжал муж Энмины, почесывая вспотевшую спину, – однако, так говорил таньг.

– А у него винчестеры были? – спросил Тыкос.

– Однако, не было.

Тыкос громко засмеялся. Чукчи неодобрительно посмотрели на него: хотя трудно поверить словам странного таньга, но разве можно смеяться над этим?

Взгляд Тымкара был сосредоточен и задумчив. Ведь это было бы большое счастье, если бы настала такая жизнь, как говорил Ван-Лукьян. «Меня, – сказал таньг, – прислал Ленин – самый большой и сильный человек на земле, который жалеет бедняков»…«Самый сильный!» – повторил в уме Тымкар, В тундре самым сильным всегда был Омрыквут. А таньг Амвросий говорил чукчам, что на земле самый сильный называется царем. Он помощник бога-духа, стойбище которого на небе. Тогда он представлялся Тымкару богатым оленеводом и шаманом, стаду которого, как звездам, нет числа.

Однако ни главного шамана – бога, ни его помощника – царя никто из чукчей не видел. А теперь оказывается, что самый сильный на земле – Ленин, Так говорил и на острове Ван-Лукьян.

Чукчи курили. Их лица были едва различимы в густом дыму.

– Сначала мы не поверили таньгу, – вмешался какой-то юноша, с достоинством взглянув на Тыкоса. – Думали – шаман он. «Мы, говорил он, большевики, красные». А сам белый, как все таньги.

– Ты много всего видел, Тымкар, – снова заговорил Пеляйме, – ты помоги нам.

– Да, да, много видел, – поддержали и другие.

– Однако, я много видел американов.

– Это так, – согласились чукчи, – мы тоже так думаем. Мы также думаем, что Кочак обманщик и слабый шаман. Ты правильно поступил. Живи с нами. Мы хотим тебя. Кочак нам говорил: «Прогоните таньга. Плохой. Пусть подохнет. Тогда радость появится в наших сердцах». Зачем, однако, станем прогонять? Возможно, он правдивый человек, станет за две шкурки давать винчестер, Разве это плохо? А шаман смеется: «Даже ребенок не поверит этому!» Но кто же в тундре не знает, что Ван-Лукьян правдивый человек! Он вроде как чукча! Ты как думаешь, Тымкар?

Тымкар глубоко затянулся дымом.

– Я думаю, что Кочака надо прогнать. Лживый человек. Возможно даже, что я убью его, хотя никогда убийцей не был.

Чукчи стихли, изумленные смелыми словами.

– Я также думаю, что американы – очень плохие люди. Не надо пускать их к себе. Один раз я уже не пустил чернобородого.

– Однако, он стрелять начал из пушки?

– Это верно, – подтвердил Тымкар, – но все же я не пустил его.

– Таньг Ван-Лукьян думает так же, – заметил Пеляйме. – Он также говорит, что там, где Ленин самый сильный, бедные дрались с богатыми.

– Это верно, – послышались голоса. – Все мы слышали это. Однако как могут бедные драться с богатыми?

Тымкар снова задумался.

– Я думаю, что такие таньги, как Богораз, Василь, Ван-Лукьян, – это правдивые таньги. Они наши друзья. Я также думаю… – но договорить ему помешали вернувшиеся Энмина и Сипкалюк.

– Э-эх! – дружно и весело ахнули они, едва различимые в табачном дыму.

Лишь тут мужчины обратили внимание, что и сами себя почти не видят.

– Моржи появились, Пеляйме! – радостная, объявила Энмина.

– Э-гей! – раздались в ответ одобрительные голоса, и, как по уговору, все потянулись к выходу.

Но ни появление моржей, ни встречи с земляком – ничто не могло согнать напряженного выражения с лиц охотников. Эта весна, как никогда, взбудоражила их. Что-то непонятное происходило вокруг.

Глава 42
БОЛЬШИЕ СОБЫТИЯ

Отец Амвросий жил в Славянске, но ему доводилось бывать и в бухте Строгой, и в Уэноме, и во многих других поселениях. Каждый раз, возвратившись домой, он втихомолку сбывал купцам пушнину, а деньги складывал в ларец, спрятанный в алтаре, Денег этих хватило бы и на усадьбу, и на дом, и на прочие надобности, но епископ не внимал просьбам провинившегося бати, и Амвросий, уже заметно постаревший, продолжал оставаться в Славянске, где, слава богу, как говорил он сам себе, ничего не знали о его истории с Омрыквутом и позорном бегстве из Нижнеколымска.

Чтобы не подвергать себя опасности снова застрять в тундре, Амвросий стал ездить по побережью летом, а зимой оставался дома. Вот и в эту весну, пользуясь попутными вельботами, он проехал прямо к мысу Дежнева, чтобы отсюда, пробираясь к дому, попутно выполнять задание владыки по обращению чукчей в христову веру.

Так однажды утром он оказался в Уэноме.

Тымкар и Тыкос строили ярангу, когда к ним подо шел миссионер.

– Дети мои…

Только эти два слова и уопел произнести Амвросий, так как Тымкар, взглянув на него, вздрогнул и так сильно изменился в лице, что тому показалось – чукча сейчас замертво грохнется на землю. Глаза и рот Тымкара широко раскрылись, лицо побледнело, левое веко задергалось. Он смотрел на пришельца так, как может смотреть только суеверный чукча, если ему почудится, что перед ним не человек, а кэле…

Тыкос с любопытством рассматривал таньга в женской одежде, на которой из-под длиннющей рыжей бороды виднелся белый крест на цепи.

Хриплым голосом Тымкар выдавил из себя:

– Амвросий?

Миссионер улыбнулся.

– Да. А как звать тебя, сын мой? Что-то я не помню…

– Тымкар я! – выкрикнул чукча. – Я видел тебя у Омрыквута. Но разве я убивал тебя?

От одного упоминания имени оленевода по лицу Амвросия также растеклась бледность. К тому же ему показалось, что этот чукча сказал: «Я убью тебя…» Миссионер растерянно оглянулся по сторонам, как бы ища защиты.

Услышав голоса, высунулись из своего домика Пеляйме и Энмина.

Амвросий увидел их, что-то закричал по-русски, и повернувшись, бросился к ним, Но в этот же миг Тымкар настиг его и крепко схватил за серебряную цепь под самой шеей.

– Ты почему убегаешь? – закричал он на весь Уэном.

Их быстро окружали чукчи. Они бежали со всех концов, Только Кочак опасливо выглядывал из яранги, стараясь догадаться, что бы там могло происходить. Единственный глаз шамана явно подводил его…

Ничего не понимая, Амвросий озирался по сторонам, как пойманный и посаженный на цепь зверь.

– Смотрите! Смотрите! Вот таньг, которого я убил! – возбужденно выкрикивал Тымкар.

– Какомэй! – изумлялись чукчи.

– Почему же он жизой, если ты убил его? Дух разве?

– Я никого не убивал, – с перепугу совсем запутался Амвросий.

К ним подходили все новые и новые жители селения. Среди них были и женщины, и дети, и старики, и старухи.

– Смотрите! Вот таньг, которого я убил! – продолжал выкрикивать побелевший от волнения Тымкар. – Однако, почему ты живой, если я убил тебя?

Ни сам Амвросий, ни уэномцы ничего не понимали. Тымкар объяснил им. Лицо Амвросия сразу просветлело, глаза просохли; только на запыленных щеках остались следы слез.

– Зачем прогнал меня Кочак? Зачем таньги забрали пушнину? Обманщики! – кричал Тымкар. – Разве я убивал тебя?

– Нет, нет, ты меня не убивал, – покорно отвечал Амвросий, которого Тымкар все еще не выпускал из рук.

– Как же так? Зачем неправду сказали таньги? – вслух рассуждали чукчи.

– Слабый шаман, – говорили другие.

– Прогнать такого надо! – неожиданно выкрикнула Энмина: всегда Кочак мешал Энмине жить.

Пеляйме тревожно скосил глаза на людей. Но никто не шикнул на его жену.

– Кочак, видно, нечестивый шаман. Он, однако, поклоняется луне… – послышался в толпе чей-то голос.

– Он себе забрал шкурки, которые мы принесли ему для таньгов-обманщиков, – снова заговорила Энмина, – Пеляйме видел, как он просушивал их, а потом выменял на них деревянный вельбот.

Но это уже не было новостью в Уэноме. Только раньше не все верили Пеляйме. А теперь, теперь кому же не ясно, что шкурки песцов и лисиц Кочак собирал зря! Ведь таньг Амвросий жив. Он сам говорит, что Тымкар не убивал его.

Старики вспомнили, что еще тогда, давно-давно, таньг Богораз говорил им, что Тымкар не убийца, а Кочак – лгун и обманщик. «Напрасно не послушали его, – думали они. – Однако, так говорит и Ван-Лукьян. Видно, правдивый таньг!»

Посланный Кочаком, подошел к толпе его сын Ранаургин.

– Вот таньг, которого я убил! – снова выкрикнул Тымкар.

Ранаургин молчал.

– Разве я убивал тебя? – опять спросил Тымкар Амвросия.

Нет, ты меня не убивал, – тут же послышался ответ.

– Ранаургин! – окликнул Тымкар, – Ты слышишь?

Я не убивал его! Твой отец – лгун и обманщик. Мы, однако, изгоним его из поселения.

Ранаургин что-то пробурчал и ушел. Амвросий попытался высвободиться. Но Тымкар сильнее сжал цепь в своей руке.

– Пойдем. Пойдем к Кочаку, – возбужденно говорил он, увлекая за собой миссионера.

– Кочак! Выходи, слабый и лживый шаман! – кричал Тымкар. – Посмотри. Вот таньг, которого я убил!

Но Кочак не выходил. В его пологе тревожно застонал бубен. Чукчи переглянулись. Как бы не нажить себе беды! Все же Кочак – шаман. Qp связан с духами…

Пугливо уэномцы стали расходиться от яранги шамана. Около Тымкара и Амвросия оставалось все меньше людей. Среди них были Тыкос и Энмина, Пеляйме, Сипкалюк, и, конечно, подростки, которых всегда одолевает любопытство.

Отец Амвросий, как медведь на цепи, ходил за своим поводырем.

– Что станешь делать с ним? – спросил Тымкара Пеляйме, указывая на миссионера.

– Он не виноват, однако, – заметила Энмина, – к тому же у него есть жена и дети.

Тымкар подумал, потом отпустил цепь, сказал:

– Уходи от нас, неразумный таньг.

Потрясенный случившимся, Амвросий тут же покинул Уэном.

Тымкар долго смотрел ему вслед.

– Дешевая плата, – он огорченно покачал головой, и все поняли, что действительно прогнанный Амвросий и посрамленный шаман – этого слишком мало за все страдания, которые перенес Тымкар.

– Прогнать надо, – сказал Тымкар про Кочака и огляделся вокруг.

Ему никто не ответил.

Кочак шаманил.

«Сколько лет искал я правду, – думал Тымкар, оставшись один, – теперь вижу, кто мешает чукчам жить». Ему еще раз вспомнились слова старика Емрытагина о том, что в жизни многое изменилось. «Видно, правду говорит таньг Ван-Лукьян, что счастье приходит тогда, когда бедные прогоняют богатых и лживых людей. Гырголь – убийца, он убил отца Элетегина, но его не прогоняет шаман из родного стойбища. Разве это правильно? Кочак объявил себя хозяином моржового лежбища. Но разве раньше так поступали шаманы? Таньги с полосками на плечах – обманщики. Американы – плохие людишки». И Тымкар постепенно укреплялся в мысли, что было бы очень хорошо прогнать всех этих плохих людей.

Но он не знал, как это сделать. Разве может он один прогнать всех? И ему вспоминались теперь слова Ван-Лукьяна, который говорил: «Вот все вы ищете счастья, но все – в одиночку. А вас грабят, обижают – шаманы, исправники, гырголи, омрыквуты, американцы, миссионеры. Надо вам объединиться».

«Но как это сделать?» – думал Тымкар. Вот он поймал Амвросия, сказал, что надо прогнать Кочака, а чукчи послушали-послушали и разошлись…

Но чукчи разошлись тоже в глубоком раздумье. «Как же так?..» – думали они. Никогда не предполагали уэномцы, что человек, а тем более шаман может сознательно лгать. Однако правда оказалась сильнее власти шамана над их умами. В этот день люди многое передумали и о многом переговорили. Почти в каждой яранге вспоминали правдивого таньга Ван-Лукьяна. Чукчи видели, что жизнь изменилась, что дальше жить, как жили прежде, невозможно.

Но они не знали, что же им делать.

Не знал этого и Тымкар. И сейчас ему захотелось снова встретиться с Ван-Лукьяном, все рассказать ему, спросить, как дальше жить чукчам. «Напрасно, однако, на острове не стал с ним говорить, – подумал Тымкар. – Видно, он не только правдивый человек, но у него доброе сердце».

Отпустив Амвросия и вернувшись домой, Тымкар не чувствовал удовлетворения. Вот он встретил рыжебородого таньга, теперь все знают, что Кочак и таньги-начальники – обманщики. Но разве этого достаточно? «Нет, дешевая плата!» – все чаще мысленно повторял Тымкар. Временами ему хотелось броситься на шамана, схватить его за горло и зарезать, как оленя. Однако он чувствовал, что и это будет все еще «дешевой платой». Но он также чувствовал, что больше не может жить по-старому, рядом с Кочаком, с чернобородым янки, с таньгами-обманщиками, с убийцей Гырголем. Ему хотелось что-то делать, как-то помочь себе и чукчам. Он чувствовал в себе новую силу, хотя и не знал, куда и как приложить ее.

– Почему у тебя печаль в глазах? – нежно спросила его Сипкалюк.

Тымкар не слышал ее слов. Он сидел и смотрел на пламя жирника, над которым закипал чайник. Крышка изредка приподнималась, как будто ее что-то выталкивало изнутри. Из носика вырывалась струя пара. Но вот крышка забилась, запрыгала, зазвенела, и стало слышно, как в чайнике бурлит кипящая вода.

– Тыкос, – окликнул сына Тымкар, – ты строй ярангу один. Учись. Пусть Пеляйме поможет тебе, а я пойду в бухту Строгую к Ван-Лукьяну.

Зная решительный характер мужа, Сипкалюк не стала его ни отговаривать, ни спрашивать о цели ухода.

– Я приготовлю тебе дорожный мешок, – сказала она и принялась за дело.

* * *

В бухте Строгой уже несколько месяцев было неспокойно.

В ночь, когда в Славянске свершился революционный переворот, руководители подпольной группы не арестовали бывшего правителя уезда барона Клейста, находившегося не у дел, и на следующий день он вместе с группой монархистов и белогвардейцев сбежал из Славянска.

Клейст понимал, что если ему удавалось находить общий язык с представителями временного и колчаковского правительств, то с большевиками это не удастся.

Вначале барон намеревался отсидеться у Берингова пролива до открытия навигации, чтобы затем перебраться в Америку. Но позднее, узнав об аресте ревкома, он решил связаться из бухты Строгой со своими заокеанскими друзьями и с их помощью удержать власть на Чукотке.

По пути в бухту Клейст встретил группу колчаковцев, которые присоединились к «свите» барона. Таким образом, в бухту Строгую их прибыло девять человек. Барон объявил, что он перенес сюда свою резиденцию, выдворил купца из его избы и устроил в ней «правление».

Когда Кочнев возвратился в бухту Строгую, там уже властвовал Клейст.

Чукчи спрашивали Кочнева:

– Ван-Лукьян, ты говорил нам, что летом начнется новая жизнь, Где же она, эта жизнь?

Иван Лукьянович объяснял им, что по всей стране идет гражданская война, что богачам помогают американцы, дают оружие, что в Славянске купцы и рыбопромышленники убили помощников Ленина и опять захватили власть.

– Убили?

– Да. Когда помощники Ленина были в яранге, купцы стали стрелять прямо в жилище.

– Какомэй… – качали головами чукчи.

– Они всех убивают, кто хочет новой жизни, – продолжал Кочнев. – Пришла пора нам взяться за оружие. Врагов только девять человек. Разве мы не можем связать их и установить справедливые порядки! Потом мы не будем пускать сюда американцев, поймаем Гырголя.

– Надо, надо! – громче всех отозвался Элетегин.

Иван Лукьянович приступил к организации вооруженного отряда, разослал несколько чукчей по соседним поселениям. По первому сигналу оттуда должны прийти вооруженные люди.

Вся эта работа проводилась в строжайшей тайне от шаманов, их приспешников, женщин, детей и дряхлых стариков. В бухте Строгой начальником отряда Кочнев назначил Элетегина.

Устюгов ждал парохода, чтобы всей семьей отправиться на Амур. Кочнев намекал ему, что если в бухте Строгой будет находиться барон Клейст, едва ли Василию удастся выехать, Ведь к барону он уже обращался однажды…

– Не возьмет капитан, буду на своей лайбе спускаться к югу. Хватит!

Видя настроение Устюгова, Кочнев не считал нужным вовлекать его в вооруженный отряд. К тому же Иван Лукьянович знал, что Василий всем делится с Натальей, советуется с ней, а уж это совсем негоже.

Наталья часто бывала у Дины. Через жену Кочнев знал, что Устюговы ждут не дождутся возможности выехать отсюда и, конечно, ничего не станут делать по устройству новой жизни на Чукотке. Собственно, Иван Лукьянович и не осуждал аляскинцев. Он понимал, что наивно было бы рассчитывать, что Василий станет вдруг революционером. Слишком тяжел на его душе груз прошлого, слишком мало он знает Россию. Аляскинец с удовлетворением отнесся к сообщению о свержении царя, но дальше этого революционность его мышления не шла. Однако Кочнев был уверен, что на Амуре, когда Василий устроится и поймет, что ему дала Советская власть, он будет драться за нее наверняка.

Вооруженное выступление против Клейста и его сообщников Кочнев наметил на субботу после полуночи. Иван Лукьянович ждал ухода из бухты двух торговых американских шхун, которые почему-то задерживались здесь уже третий день. На корме одного из «купцов», забросанная брезентами, виднелась пушка.

В пятницу в Строгую пришел Тымкар и направился в ярангу Элетегина.

– Тымкар?! К радости я тебя имею! Заходи, заходи! Большие новости есть у нас! – сказал Элетегин и осекся, вспомнив предупреждение Кочнева. – Где так долго был?

Почти до самого вечера беседовали давние друзья. Тымкар рассказывал о своем изгнании из Уэнома, об Амвросии, Кочаке, о жизни на острове, про американский берег.

– Говорят, Гырголь убил твоего отца?

– Откуда знаешь? – Элетегин сжал кулаки, вскочил на ноги, хотел что-то сказать, передумал, снова сел.

– Ван-Лукьян здесь? – спросил Тымкар.

– Ты знаешь его, Тымкар?

– Я хочу стать его помощником, – твердо заявил уэномец.

– Тымкар! К радости тебя мы имеем! Я побегу к Ван-Лукьяну, – Элетегин выскочил из полога.

– Ван-Лукьян, Ван-Лукьян! Пришел Тымкар из Уэнома. Он хочет стать твоим помощником!

– Тымкар? – переспросил Кочнев, и тут же глаза его засветились радостью. – Где он? У тебя? Пойдем.

– Здравствуй, Тымкар! – Иван Лукьянович протянул ему руку.

– Здравствуй, Ван-Лукьян!

– Ты очень кстати пришел. Я давно тебя ждал.

– Меня?

– Да. Я знал, что ты придешь, только не знал когда.

– Какомэй… Откуда знал? – Тымкар удивленно смотрел на Кочнева.

– Все люди, которые не хотят жить по-старому, придут ко мне, и мы…

– Верно, Ван-Лукьян, верно! Я не могу больше по-старому! В жизни многое изменилось. Скажи, что мне делать с Кочаком? Как помочь чукчам? Обманщик он! Точно горло мое схватил…

Элетегин отправил жену и детей к матери, В яранге остались только трое мужчин. Тымкар с благодарностью взглянул на своего друга. До полуночи рассказывал он Кочневу о своей жизни, о жизни чукчей, объяснял, почему он больше не может «по-старому».

Иван Лукьянович видел, что чувство протеста против действительности достигло у Тымкара (Предела. Он требовал действий. Кочнев рассказал ему о гибели членов первого ревкома, о плане ареста Клейста и установления новой, народной власти.

– Потом, – продолжал Иван Лукьянович, – мы доберемся и до Кочака, и до Гырголя, до всех, из-за кого страдают охотники и пастухи. Я беру тебя, Тымкар, в помощники. А сейчас пора спать.

Тымкар немного успокоился, но заснуть долго не мог. Не опал и Кочнев. Приход Тымкара, который еще недавно, на острове, казался пассивным, взволновал и обрадовал Ивана Лукьяновича.

– Ты почему, Ваня, так возбужден? – спросила Дина мужа.

– Динушка, родная, если бы ты знала! Передовые люди уже сами поднимаются на борьбу… Сегодня пришел чукча из дальнего поселения и заявил, что он хочет быть моим помощником.

Дина радовалась за мужа. «Умный, смелый, люблю».

Утром на рейде не оказалось ни одной шхуны. Кочнев начал готовиться к аресту клейстовского «правления», но попал под арест сам… Случилось это так.

Около полудня в бухту неожиданно вошел фрегат под американским флагом. Вскоре – пока происходила выгрузка оружия, небольшой радиостанции и катера – Роузен расхаживал

по кабинету барона Клейста и торопливо говорил:

– Это мы одобряем, Вери-гуд! Отсюда вы нанесете смертельный удар Советам. Но полковник Сандберг все же недоволен вами. Вы не видите, что делается у вас под носом. Как же это: рядом враг – а вы не знаете?!

– Позвольте, дорогой Роузен, о чем вы говорите? – барон тоже поднялся и уставился на старого приятеля.

Роузен открыл записную книжку.

– Кочнев, – он сделал паузу, – Иван.

– Ссыльный?

– Большевик! – выкрикнул Роузен, сел на стул и, недовольный, отвернулся.

– Майн готт! – пробормотал Клейст.

Вызвав дежурного, он приказал немедленно схватить ссыльного.

– Мы в Штатах, я вижу, знаем лучше, что делается в вашей красной империи, – съязвил Роузен.

Клейст недоумевал. Откуда у них такие сведения?

– Большевик? – сразу набросился на Ивана Лукьяновича Роузен, когда его ввели колчаковские милиционеры, те самые, которые делали зимой обыск у Кочнева.

Иван Лукьянович всматривался в американца, ожидая новых вопросов. Но тот, как видно, кроме слова «большевик», приводившего его в ярость, по-русски не знал больше ничего.

– Откуда тебе известно, что происходит в Славянске? – задал вопрос Клейст.

Кочнев молчал. Он понял, что его предали, «Но какое отношение ко всему этому имеет американец?»

– Прикажите страже научить его разговаривать, – посоветовал барону Роузен.

И Клейст приказал…

* * *

Кочнев крепился.

Он думал о том, что Дина, конечно, догадается известить товарищей через чукчей о случившемся. Однако пока еще ни Дина, ни Элетегин, ни Тымкар, ни Устюгов – никто не знал об его аресте. Когда пришли за ним колчаковцы, Иван Лукьянович был дома один. Все свершилось так неожиданно и быстро, что он даже не успел взять шапку.

Дина гуляла с малышом у моря. Чукчи охотились. Устюгов вслух читал Наталье письмо от отца Савватия, Письмо передал какой-то матрос с фрегата.

Савватий писал:

«…Письмо ваше читали всем миром в храме, после обедни, в воскресный день.

Много было пролито слез. Расходились прихожане с глубокой скорбью во взорах. Видно, суждено и нам, и детям нашим, и внукам маяться здесь. Твои слова, что хлопотал ты о нас и в уездном управлении, и губернатору писал, но ничего не добился, думать нас побуждают, что забыл про нас царь. Ропот идет в народе.

Прослышали мы, что ноне и царя вроде бы уж нет в России. Верно ли то?

Дед твой, чадо, преставился в николин день, царствие ему небесное!

А мы по-прежнему терпим всякое гонение и притеснение от нонешних правителей Аляски».

Дальше описывались новости Михайловского редута. У кого родился сын, у кого дочь, кто помер, кто женился. В конце передавались поклоны от поселян. Только одни имена их заняли целый лист, И о каждом из перечисленных в письме было что вспомнить Василию и Наталье…

Уже вечерело, когда в ярангу Элетегина пришла Дина.

– Ваня не у вас?

– Нет.

– Куда же он делся? Сказал «буду дома», а сам куда-то исчез. – Дина ушла.

Вскоре вернулся Элетегин. Вслед за ним снова прибежала взволнованная Дина. Устюгов вышел помочь ей разыскать Кочнева и наткнулся на Роузена, возвращавшегося на фрегат.

Василий узнал бывшего директора компании. Устю гова обуяла жаркая злоба на своего разорителя. Но тот уже садился в шлюпку с военными моряками на веслах.

Фрегат вскоре снялся с якоря и ушел.

Дина подняла на ноги чуть не все поселение. Куда мог деться Иван? Ружье дома, ящик с медикаментами дома, даже шапка… Оставив малыша Наталье, Дина бегала по поселению. Уже все яранги обошла она. Искать больше было негде.

В конце концов она бросилась к дежурному у дома «правления»:

– Мой муж не заходил сюда?

Колчаковец нагло оглядел ее полную фигуру:

– Был муж, а ноне думай о другом…

Дина рванулась к двери.

– Тихо, тихо, пышненькая! Приемный день послезавтра.

– Пусти! – закричала она, схватившись за винтовку, но дежурный оттолкнул ее.

К «правлению» собирались чукчи, Колчаковец безуспешно кричал на них: люди не расходились. Клейст заметил в окно скопление чукчей и в сопровождении охраны вышел на крыльцо.

– Что за сборище?

– Пошто заарестовал мужика ее? – послышался голос Устюгова.

– Зачем обижаешь? Ван-Лукьян – тумга-тум! – раздались голоса.

Барон поморщился. Ему хотелось разогнать бунтовщиков, выпороть крикунов, но сейчас он не мог доставить себе этого удовольствия: предстояло сколотить из чукчей вооруженный отряд и двинуть его навстречу партизанскому отряду Елизова, угрожающему Славянеку с юга. Овладев собой, Клейст ласково сказал:

– Арестованный есть большевик, враг царя и отечества. Большевики… – барон говорил по-русски, нимало не заботясь, что понимают его далеко не все.

Есаул стал переводить.

В это время к толпе подошел Тымкар.

Слушая есаула, чукчи переглядывались. Какомэй! Ван-Лукьян их враг? Что болтает язык этого толстого, как морж, человека. Они должны убивать таких, как Ван-Лукьян? Какомэй…

– Кто станет кормить наших детей, если мы уйдем в Славяяск? – спросил какой-то чукча.

Его слова перевели барону.

– Скоро наши друзья американцы привезут всяких товаров и продуктов, – ответил Клейст.

«Наши друзья? – снова подумали чукчи. – Нет, какие же они друзья?! Они просто обманщики».

– К тому же, – снова послышался тот же голос из толпы, – чукчи не могут убивать людей. Звери, что ли? Кто станет убивать?

Ласковые уговоры ничего не давали, и Клейст, потеряв терпение, пригрозил:

– Тех, кто будет отказываться от защиты царя и отечества, я буду арестовывать и расстреливать на месте.

Есаул перевел это чукчам. Толпа зашумела.

– Отправляйтесь по домам! – приказал Клейст. – Скоро мы вызовем вас.

Всю эту белую ночь не опали люди в бухте Строгой, Ходили от яранги к яранге, советовались, думали, слушали, что говорят другие.

– Все таньги с блестящими полосками на плечах – обманщики! – взволнованно говорил Тымкар, рассказывая историю своего изгнания из Уэнома. – Знаю теперь! Ван-Лукьян

приходил на остров. Напрасно не слушал его.

– Там разорили русских людей, теперь сюда лезут, – негодовал Устюгов… – Узнал я того Роузена, что ноне к барону на фрегате приходил. Что надо поганым янкам тут?

– Видно, правду говорил Ван-Лукьян, что это плохие таньги, – все чаще слышались голоса.

– Какомэй… Что станем делать?

Дина металась от яранги к яранге.

– Помогите Ивану! – плакала она, обращаясь к чукчам, Устюгову, Наталье, Элетегину, – Надо освободить, они убьют его!

«Верно, – думали чукчи, – если любят людей убивать, могут убить Ван-Лукьяна».

– Плохо, – вздыхали старики, – совсем плохо.

– Что станем делать? – опрашивали их молодые мужчины.

Старики молчали.

– Если б был Ван-Лукьян, он научил бы нас, что делать, – сказал Элетегин.

Лишь перед восходом солнца заснули встревоженные жители селения. Но спали не все. Лежа на шкуре, Василий говорил Наталье:

– Не можно в беде Ивана оставить. Вызволить надо.

Устюгов был зол и на янок, и на царя, и на Клейста, отказавшего ему в паспорте.

– Не ввязывайся ты, Вася, в это дело. Купим вот паспорт, как сказывал есаул, и ну их всех к лешему! Нам это ни к чему.

– Так то фальшивый будет. С ним, гляди, и в тюрьму угодишь. Неладно эдак.

Элетегин ворочался и тоже не спал.

– Верные мысли в твоей голове, – неожиданно вклинился он в разговор, – надо помогать Ван-Лукьяну. Тумга-тум, – вздохнул он.

– Как можно оставить в беде своего православного, Наталья? Нешто мы не русские с тобой? Это опять тут Роузен, вижу, напакостил.

– Батя, а я видел, куда его солдаты отвели, – послышался голос Коли.

– Кого?

– А дядю Ивана.

– Ну?

– А на складе, где раньше у купца товары были.

Тымкар, остановившийся у Элетегина, напряженно вслушивался в разговор.

Когда в яранге, казалось, уже все заснули, Устюгов окликнул Элетегина:

– Ты спишь? Нет? Ну, давай выйдем!

Вместе с ним и Элетегином вышел и Тымкар.

На следующий день все трое ходили по чукотским ярангам, а Коля с приятелями наблюдал за складом, где под замком сидел избитый колчаковскими палачами Кочнев. Склад посменно охранялся караульными.

Наталья неотлучно находилась около Дины и всячески старалась утешить ее. А в сумерках Дину с малышом усадили в байдару и куда-то увезли. Домик Кочнева опустел.

Тревожная тишина царила в бухте Строгой, хотя чукчи в этот день и не выходили на промысел. Не слышно было их голосов ни на берегу, ни в поселении. Самозванные правители тоже не показывались из дому. Клейст только что перехватил радиограмму, где сообщалось, что Колчак разгромлен и расстрелян. Барон совещался с есаулом.

…Сумеречной ночью, придя сменять у склада часового, один из колчаковцев обнаружил, что его предшественник лежит на земле, а склад взломан. Там не оказалось не только большевика, но и полученного с фрегата оружия…

В окнах «правления» замерцали огни, в доме поднялась паника. Колчаковцам мерещилось, что вот-вот «правление» начнут обстреливать. Барон метался по комнате, не зная, на что решиться.

Тем временем семьсот винтовок и ящики с патронами уплывали на байдарах по направлению к Уэному. Оружие сопровождали Тымкар и Кочнев.

Иван Лукьянович решил собрать отряд в ближнем поселении, вооружить его и в одну из ближайших ночей сделать налет на бухту Строгую. Однако уже утром выяснилось, что на восходе солнца «правители» перебрались на катер, полученный от Роузена, и сбежали в Америку.

Очнувшийся у склада часовой оказался единственным здесь представителем расстрелянного в Иркутске Колчака.

С этого дня в бухте Строгой непрерывно нес дозорную службу вооруженный отряд чукчей во главе с Элетегином.

Вскоре Кочнев наладил связь с партизанским отрядом Елизова, отправил ему пятьсот винтовок. В июле Ел изов взял Славянск.

С пароходом Кочнев получил директивы и полномочия от Камчатского губревкома, декреты Совета Народных Комиссаров, речи и статьи Ленина. Кочневу с отрядом чукчей надлежало отправиться вдоль побережья на северо-запад для повсеместного провозглашения Советской власти и изгнания американских торговых резидентов. Сообщалось, что состав районного ревкома прибудет сюда осенью.

– Ну, Вася, – сказала мужу Наталья, – иди к Ивану. Он теперь тут главный начальник. Просись на пароход.

Устюгов пришел к Кочневу.

– Собираешься уходить? – спросил он.

– Иду, Василий Игнатьевич, – радостно отозвался Кочнев. – Берегите здесь Дину.

– Нет, Иван Лукьянович, не смогу.

– Как?

– Уезжать собрался.

Иван Лукьянович прошелся по комнатке, помолчал.

– Упрямый ты человек! Столько лет прожил здесь, а все куда-то тянешься. Давай уж до конца доведем дело! Приедет ревком – и поедем вместе. А сейчас оставайся вместо Элетегина.

Устюгов внезапно поднял голову и посмотрел прямо в глаза Кочневу:

– Ты не думай, Иван, что уезжаю из упрямства. Я многое понял за это время. Там ведь тоже нужны люди. А Амур-то больно в душу запал…

Иван Лукьянович крепко пожал ему руку.

– Я верю, что мы еще встретимся с тобой, Василий.

– Спасибо, Иван Лукьянович. Спасибо и вам, Дина Кузьминична, за все. Не поминайте лихом, как говорится.

Глава 43
ДРУЖБА ПО-АМЕРИКАНСКИ

К концу непродолжительного на Севере лета уполномоченный Камчатского губревкома достиг селения Ванкарем. С ним было пятеро вооруженных чукчей, включая Элетегина, Тымкара и Тыкоса. От усталости Кочнева слегка пошатывало. Глаза воспалились, лицо обветрило, загорело, на губах выступила лихорадка.

«Что за люди?» – думали чукчи, выглядывая из яранг.

Среди местных жилищ ревкомовцы еще издали заметили европейский домик, сросшийся с ярангой. Своей странной формой он напоминал головастика. Неподалеку от него стоял большой склад, весь обитый оцинкованным железом.

Оставив спутников около склада, Иван Лукьянович вошел в наружную часть шатра-головастика, подал голос. Никто не откликнулся. Тогда он вполз в жилое помещение, но и там никого не оказалось.

Кочнев огляделся, устало сбросил вещевой мешок, и тут же одна из закопченных стен полога неожиданно разверзлась, заставив Ивана Лукьяновича вздрогнуть. Рука потянулась к карману…

На пороге открытой двери стоял невысокий обрюзгший мужчина в куртке и штанах из тюленьих шкур. Сапоги, сорочка, покрой куртки и цвет щетины на лице выдавали в нем чужеземца.

– Здравствуйте! – по-русски поздоровался Кочнев.

Джонсон удивленно склонил набок голову, подставляя ухо навстречу непонятным звукам.

– Вы не русский? – уже по-английски спросил его уполномоченный губревкома.

Услышав английскую речь, Джонсон просиял: «Мой бог! А я уже подумал – не большевик ли явился…»

– Нет, нет! Я американец! – обрадованно воскликнул он. И, перешагнув порог, протянул гостю руку:

– Мартин Джонсон из Чикаго.

По утомленному лицу ревкомовца скользнула едва уловимая улыбка.

– Иван Кочнев, – ответил он. – Уполномоченный Камчатского губревкома.

– Камчатка? – снова насторожился американец. – Камчатка, понимаю, – он кивнул головой. – А что есть такое «гупрефкома», не понимаю.

– Ну, это я разъясню. – Кочнев снял шапку, обнажив копну черных измятых волос.

В зеленых глазах шведа-американца блеснула тревога.

– Разве пришла шхуна? Я не заметил.

– Нет, мой пароход еще в пути. Я пешком.

Джонсон остановился у порога.

– Позвольте, как вас понимать? Пешком по воде?

Кочнев разглядывал жилище – маленькую комнату с кроватью, печкой, окованным сундуком, полкой с винами.

– Зачем же по воде, по суше.

С деланной улыбкой янки продолжал:

– О, вы, я вижу, большой шутник!

Иван Лукьянович тяжело опустился на стул, отстегнул пуговицу косоворотки, продолжая оглядывать комнату. Было похоже, что живут в ней давно: у каждой вещи – свое место, удобное для владельца, обои выцвели. Сомнений не оставалось: это и есть Джонсон – один из тех, с кем ему уже довелось иметь дело на Чукотке.

Джонсон также составил себе мнение об этом странном «англичанине». Конечно же, это какой-то новый осторожный и хитрый китобой. Он оставил шхуну где-то за мысом, полагая, что здесь могут оказаться красные… Во всяком случае он, Джонсон, на его месте поступил бы так же. Мартин слышал, что в мире что-то случилось: была война, а затем войска Штатов высадились во Владивостоке и Архангельске. Но откуда здесь могут взяться большевики? Кому нужна эта дикая страна?

Это только он, Мартин Джонсон из Чикаго, оказался способным просидеть здесь двадцать лет, чтобы эти дикари не погибли без товаров.

– О, я все понял! – доверительно заявил компаньон чернобородого янки, погрозив пальцем. – Я все понял, мистер Кочнев. Итак, «Камчатка» стоит за мысом? – он лукаво подмигнул. – Молчите, молчите! Я все понял! Так чем вы торгуете?

– Торгую чем? – Иван Лукьянович дивился находчивости Джонсона.

– Не притворяйтесь, пожалуйста! С чем идет «Камчатка»? – Джонсон сделал жест ладонью, означавший, что попытки продолжить игру были бы напрасны. – Для деловых людей, – продолжал уже серьезно бывший проспектор «Северо-Восточной компании», – это небезынтересно. Я могу предложить вам тысячу «хвостов». К тому же не забывайте: время – деньги! Вы напрасно так далеко оставили свою шхуну, – Мартин взглянул в окно.

Иван Лукьянович не торопился лишить себя удовольствия полюбоваться этим представителем Америки.

– Так что? – не терпелось Джонсону.

– Вы, кажется, спрашивали, с чем идет мой корабль?

– Конечно! От этого зависит и мой и ваш бизнес.

– Мой корабль идет с правдой, – ответил Кочнев, глядя на озадаченного янки.

– Что? Что это за товар? Вы опять шутите, мистер Кочнев? Не понимаю! «Приплыл пешком». «Торгую правдой…»

– Я не говорил, что торгую правдой…

– Отлично! Я деловой человек и не намерен больше играть в прятки. – Он подошел к полке у стены, протянул руку. – Виски, ром, коньяк? – сухо спросил он.

– Чай, – так же резко ответил «мистер Кочнев».

– Олл-райт!

Гость взял вещевой мешок, достал галеты, сахар.

Это был вызов. Ведь на столе всего, казалось, достаточно: и сахар, и галеты, и масло, и консервы, и колбаса.

– Мистер Кочнев! – сорвавшимся голосом начал Джонсон. – Я попросил бы вас не валять дурака, а прямо объяснить мне цель вашего визита.

Хлебнув чаю, Кочнев достал из пиджака тощий бумажник, из него – вчетверо сложенный листок и протянул озадаченному хозяину:

– Вы напрасно торопите события, мистер Джонсон.

В документе было два текста: русский и английский, скрепленные подписями и красной печатью со звездой посередине. Уполномоченный губревкома видел, как постепенно изменялось лицо американца. Содержание бумаги достаточно подробно отвечало на все интересующие мистера вопросы. И тот вдруг так ясно вспомнил все, что ему довелось читать за эти годы о России. «Какой ужас! Он значит большевик, красный, коммунист! Однако пресса описывала их не такими. Что же теперь будет? Как глупо я повел себя!..»

Уполномоченный пил чай, а Джонсон, не соображая, что этим выдает свое волнение, делал вид, что никак не осилит бумаги. Впрочем, исподтишка он косился на окованный сундук и незаметно пытался ощупать задний карман своих штанов…

– А чем торгуете вы, мистер Джонсон? И кто разрешил вам здесь торговать? – прервал Кочнев столь долгое чтение, протягивая руку за своим документом.

Секунду янки молчал.

– Я представляю тут компанию.

– Вы, конечно, ознакомите меня с вашими полномочиями?

Джонсон нервно глотнул виски «Какие полномочия? Какое разрешение? Он сам тут хозяин и вправе сам разрешать или не разрешать другим! Ведь более двадцати лет!..»

– Но какие полномочия в стране открытых возможностей?! – янки высоко поднял плечи, развел руками.

Взгляд ревкомовца сделался жестким. Он отодвинул кружку.

– На землях Советской России этих возможностей больше нет. Они закрыты. И я закрываю их вам! Проводите меня на склад.

– Но это насилие! – выкрикнул американец, вскочил, быстро ВЗЯЛ с полки ключи, отступил к кровати и полез в задний карман брюк…

В тот же миг Кочнев поднялся, внезапно оказался рядом, резким движением ударил его по руке и сам вынул из заднего кармана Джонсона браунинг.

– Никогда без нужды не беритесь за оружие! Полагаю, поладим и без него. – Он разрядил пистолет и без патронов возвратил владельцу.

Перепуганный Джонсон направился к выходу.

…Чего только не было на складе! Тюки упакованной пушнины, шкуры старых оленей и телят, местная обувь, бивни моржей, китовый ус, снова шкуры – белых медведей, моржей, лахтаков, нерп, волка; бочки из-под спирта, пустые ящики…

– Сколько на складе песцов?

– Две тысячи «хвостов», – на всякий случай соврал Джонсон.

– Советское правительство, – сказал Кочнев, – заключило соглашение с «Норд-компанией», Она будет по твердым ценам обеспечивать население Севера.

– «Норд-компания»? – удивленно переспросил Джонсон. – Но это не по-джентльменски! Уж если на то пошло, прежде всего вы обязаны начать переговоры со мной.

Как ни утомлен был Иван Лукьянович, но по его лицу скользнула улыбка. Поняв ее не так, как следовало, Мартин Джонсон осмелел совсем:

– Сколько эта «Норд-компания» вам заплатила?

– Но это не имеет значения, мистер Джонсон.

– Как? Деньги – это не имеет значения?!

На пороге склада появились любопытные чукчи.

– Если я не ошибаюсь, то, наоборот, Советское правительство уплатило какую-то разницу «Норд-компании», чтобы она торговала по твердым ценам. Мы сами в эту навигацию еще не в силах привезти сюда товары.

– О-кэй! – воскликнул предприимчивый янки, убедившись, что большевик не так уж страшен, как об этом-пишет пресса. – О-кэй! Я согласен торговать без дотации с вашей стороны.

Кочнев медленно продвигался к выходу.

– Нет, нет, мистер Джонсон. Этой же навигацией вам предлагается отплыть в Америку.

– Не понимаю! Но ведь я готов, не сходя с места, уплатить вам достаточно приличную сумму!

– А пока, – продолжал Кочнев, – до прихода вашей шхуны вы можете торговать вот по этому прейскуранту, если, конечно, он вас устраивает, – и он подал ему листок бумаги и тут же по-чукотски объявил о новых ценах чукчам.

Джонсон побагровел: «Грабеж! Разбой! Винчестер – за двух песцов?» Такие цены его не устраивают!.. Но вслух он не высказал ничего.

Чукчи то и дело громко выражали удивление и нескрываемую радость. Мартина больше всего бесило, что большевик рассказал чукчам о ценах при нем, Джонсоне. Мало того, он рассказал им, как он, Джонсон, обманывал их.

– Вы все поняли, мистер Джонсон? – также по-чукотски спросил его уполномоченный ревкома.

И тот был вынужден подтвердить, что он понял, все понял…

– Какомэй! – еще больше удивились чукчи…

* * *

Ночевать у Джонсона Кочнев не остался. Допоздна беседовал с чукчами, а утром двинулся дальше. Он вернется сюда через месяц для создания сельревкома и избрания делегатов на первый съезд бедноты. Предстояло побывать еще на реке Бельме, куда из многих поселений и стойбищ съедутся чукчи на обменную ярмарку.

Запершись с утра в комнате, Джонсон рассуждал вслух: «Норд-компания»! Знаю я этих жуликов! Твердые цены… Какой же осел станет по ним торговать! Ничего, эти большевики еще вспомнят Мартина Джонсона.

Лицо его заметно осунулось. Мартин сидел за столом, перед ним – торговые книги, счеты, виски, банковые квитанции.

В ожидании торговли по новым ценам у склада собрались чукчи. Они были видны в окно Джонсону.

– Нет, мистер Джонсон не дурак! Хотел бы я послушать, что скажет мой патрон, если застанет меня за такой торговлей. Он пристрелил бы меня, как бешеную собаку. Винчестер за двух песцов!

Однако все эти бодрые слова вовсе не соответствовали истинному настроению мистера Джонсона. Ведь в его планы совсем не входило вдруг покинуть Чукотку, Конечно, его тянуло в Штаты, где он уже давно придумал себе много пикантных удовольствий. Но прежде он должен был довести здесь свой личный счет до четверти миллиона долларов. А теперь,

теперь его просто выгоняют: «Нет, нет, мистер Джонсон, вам в ближайшую же навигацию предлагается отплыть в Америку», – сверлили мозг слова этого большевика.

– Сто тысяч, – Джонсон щелкнул счетами, – на дом, комфорт и прочее. Еще сто, – к первой косточке он с наслаждением присоединил вторую, – на покупку железнодорожных акций. Остается тридцать семь… Тридцать семь тысяч, конечно, не так уж много, но и не мало…

Как ни приятны бывали всегда для него часы таких грез, сегодня они отравлены. Потерять такой рынок, потерять такого поставщика мягкого золота, как Гырголь!..

Он наливает виски, пьет, машинально выглядывает в окно, трет лоб.

– Блестящая идея! – вдруг громко восклицает он, хватая сигару, спички. – Мистер Гырголь останется моим поставщиком… Да, да, останется! – Мартин вскакивает из-за стола.

«Акции? Зачем акции? Что они дадут тебе, Мартин? Доллар за доллар? Не пойдет! Я буду делать за доллар десять! Через год я миллионер. Через десять…» Он снова уселся за стол, придвинул к себе счеты.

«Шхуна – пятьдесят тысяч. Товары – пятьдесят тысяч. Капитан – я сам!..»

Спать этой ночью он не ложился. Лишь к утру немного задремал, но отекли руки, и он быстро очнулся, вызвал к себе чукчу Тенеуге.

Мужчина средних лет в поношенной одежде с любопытством рассматривал комнатку Джона-американа. Ведь здесь, кроме женщин и Гырголя, никто из чукчей не бывал. Они только в окно рассматривали ее, когда купец торговал в складе. И вдруг его позвали сюда!

– Ты хороший человек, Тенеуге, – начал янки.

– Ко-о, – осторожно отозвался тот.

– И я хочу быть твоим приятелем.

Бедный охотник насторожился.

– Садись.

Широко и неумело расставив ноги, Тенеуге сел, выпил огненной воды, улыбнулся.

– У тебя, Тенеуге, есть большая байдара, но у тебя нет винчестера. Это верно?

Чукча огорченно покачал головой: да, это так.

– Мне «ужно отвезти товары на Вельму-реку, к Гырголю. Тому, кто их отвезет, я дам винчестер и патроны.

Тенеуге широко улыбнулся.

– Ты скажешь Гырголю, что его друг Джонсон отдает ему эти товары под пушнину будущего года. Я приплыву за ней на своей шхуне.

Тенеуге, конечно, согласился так легко приобрести винчестер, и тут же они отправились на склад. А к вечеру до бортов загрузили байдару товарами для Гырголя. На складе остались только заготовки и пушнина, приготовленные для вывоза в Штаты.

Чукчи мрачно смотрели на эти приготовления.

– Вот тебе и винчестер за двух песцов!

– Однако, Джон обманул таньга. Сказал – буду так торговать, а теперь все товары отправил Гырголю.

– Джон – «сильный товарами человек», он все может сделать.

– Джон говорит: совсем брошу вас. Живите, как хотите.

– Пусть уходит. Не надо его. Плохой человек. Обманщик. К тому же женолюбивый.

– Где товары тогда возьмем?

– Таньг Ван-Лукьян сказал – другие люди привезут товары.

– 1 Но когда это будет? И верно ли это?

– Разве ты не знаешь, что Ван-Лукьян – правдивый человек? Даже ребенок знает об этом!

– Новый закон жизни будет, сказал Ван-Лукьян. Бедняки станут лучше жить.

До самого вечера вспоминали чукчи все, о чем говорил им Ван-Лукьян.

…Прошла неделя. Тенеуге еще не вернулся, да Джонсон его так скоро и не ждал. Он списал по книгам товары, отправленные Гырголю, перенес в склад из личного хранилища в

конце села тюк пушнины и теперь ждал лишь своего бывшего хозяина, а ныне компаньона, чтобы отплыть в Америку. Свою личную пушнину, утаенную от товарища по торговле, он хотел оставить здесь до будущего года, если не успеет ее продать на другую шхуну до прихода «Морского волка».

Однако раньше чернобородого к поселению подошла шхуна Эриксона. Олаф Эриксон постоянно торговал в Славянске, но не забывал и всего побережья, и Джонсон, обманывая компаньона, делал с ним свой личный бизнес почти каждую навигацию. Мартин и Олаф всегда теперь встречались, как старые друзья.

Несмотря на свои сорок восемь лет, Эриксон выглядел браво. Рослый, плечистый, сильный, он казался особенно цветущим рядом со щуплым, обрюзгшим и лысым Джонсоном, хотя тот и был моложе его на целых пять лет.

Как и всегда, друзья на всю ночь засели за столом в комнате Мартина, и хозяин поведал о «красном большевике», о предстоящем выезде, о своих планах – обзавестись шхуной и заняться контрабандной торговлей.

Олаф молчал.

Он о чем-то думал.

– Ты знаешь, Олаф, что-то мне страшно плыть с чернобородым. Думаю, подозревает он, что все эти годы я надувал его. Ведь только тебе продал на сотню тысяч. – Мартин уселся поудобнее. – Он всегда как-то странно смотрит на меня. Ты ведь знаешь, что я и раньше избегал подниматься к нему на борт, а если и случалось, то вот это, – он похлопал себя по заднему карману, – всегда держал наготове.

Эриксон наполнил стопку, выпил. Какие-то еще не совсем ясные, но заманчивые мысли зашевелились в его мозгу.

– Он подойдет за пушниной со дня на день, – продолжал Мартин.

Олаф раздумывал о том, что торговать, как видно, придется со значительными трудностями, раз большевики добрались сюда; его раздражало, что вместо поставщика Мартин намерен стать его дополнительным конкурентом. Боязнь Джонсона плыть со своим компаньоном наталкивала Эриксона на смелые мысли.

– Как ты думаешь, Олаф, если он догадывается, то не окажется ли наше с ним совместное плавание удобным для него случаем, чтобы рассчитаться со мной?

– Я сам боюсь его, Мартин. Глаза, бородища, весь его вид не внушают доверия. Ты прав. Он ведь вооружил пушкой «Морского волка» – ты знаешь? – Олаф помолчал. – Что ж, плыви со мной.

– Я никогда не сомневался в тебе, Олаф, но меня связывает его пушнина.

Эриксон снова умолк и снова надолго. В комнате было сизо от дыма. От нехватки кислорода лампа под потолком помигивала, За окном стоял полярный полумрак.

– Есть план, Мартин, – неожиданно заговорил Олаф, когда его друг уже было задремал, склонив голову на стол между бутылками, тарелками, банками.

– План? Какой план? – оживился Джонсон.

– Сколько ты припас «хвостов» для чернобородого?

– Три тысячи, а что?

– Они стоят денег… – задумчиво, как бы сам себе, заметил Эриксон.

Хозяин зажег потухшую сигару, поднял редкие брови.

– Ты оставишь письмо, что пушнину забрали большевики…

Джонсон встал.

– Это оригинально, – еще неуверенно откликнулся он. – А если он встретит меня в Штатах?

– Ты повторишь ему то же самое, – усмехнулся Эриксон. – А впрочем, давай-ка спать, – и он аппетитно потянулся.

– Что? Спать? А куда же пушнину? Тебе?

– Пополам, – зевая, пояснил Олаф, всем своим видом показывая, что его совсем не интересует это дело, и он знает, что Мартин на такой вариант все равно не пойдет.

Теперь смолк Джонсон. Он шагал поперек комнаты – три шага туда, три обратно. За ним тянулись слои табачного дыма. Мысль Олафа поразила его своей простотой и такими заманчивыми возможностями. Но было немного страшно. Было жалко отдать Эриксону полторы тысячи «хвостов». Однако так приятно напакостить чернобородому и большевику! Пусть-ка попробует чернобородый потребовать несуществующую пушнину у Камчатского губревкома!

– Надоела эта жизнь, – прервал его размышления Эриксон. – Кончать думаю. Вложу капитал в издание газеты. Дядя на этом деле сделал миллион. Зовет меня.

– Миллион на газете?

– Ты, я вижу, совсем одичал тут, Мартин. Тебе пора в Штаты.

Всю ночь не потухал огонь в комнате Джонсона, а утром распахнулись двери склада, и потекли ценности чернобородого в трюмы Олафа Эриксона. Тот даже не подозревал о таком количестве заготовок!

К полудню рейд опустел.

Теперь друзья сидели в капитанской каюте. Тут же стоял окованный сундук Мартина Джонсона.

– Сознайся, бродяга, что тебе повезло: полторы тысячи «хвостов» за доставку пассажира!

– А план, а текст письма ты разве ни во что не ценишь?

Смеясь, они выпили. Мартин хмелел.

– В конце концов, бродяга, мы неплохо с тобой пожили… – он хлопнул приятеля по плечу. – Предлагаю – за дружбу!

Выпили снова.

Мартину стало совсем весело.

Выпили еще. Тост предложил Эриксон. Себе он наливал из другого графина воду…

Вскоре Джонсон прилег и сразу заснул.

– Олл-райт! – потирая руки, пробормотал Олаф, подошел к другу, вытащил из заднего кармана его брюк браунинг, сунул в стол, достал веревку и, не торопясь опутал ею ноги, а затем руки Мартина. Совершенно пьяный, тот только изредка мычал. Обшарив карманы жертвы, Эриксон нашел ключи и под музыку замка открыл окованный сундук. Там лежали пачки долларов и банковые квитанции. Капитан начал подсчитывать. Квитанции с 1902 года, их целая пачка!

– О, они на предъявителя! Совсем хорошо! Тысяча, две, пять, десять…

Знал бы Эриксон, что они фальшивые!

Мартину, вероятно, снился сон: он ворочался, что-то бубнил, стонал.

Олаф пересчитывал тугие пачки долларов; среди них он узнал и те, которыми сам платил Мартину за пушнину. Подведя итог, Эриксон захлопнул сундук. В замке снова заиграла музыка.

Джонсон испуганно открыл глаза, страшно повел ими, еще не понимая, явь это или сон. Хмель – как вышибло!

– Олаф! – дико закричал он, увидев, что связан.

Не спеша, тот подошел к нему.

– Какой же ты осел, Мартин! Ведь у тебя четверть миллиона! – возбужденно воскликнул капитан.

Джонсон только вращал безумными глазами. Эриксон махнул рукой.

– Впрочем, я всегда считал тебя недалеким. – Он отошел к столу, налил себе теперь уже настоящего виски.

– За идиотов! – провозгласил он тост и выпил.

– Олаф… – упавшим голосом повторил его друг, еще не веря, что все это правда.

Ни один мускул не дрогнул на лице Олафа Эриксона. Он вытащил из кармана грязный носовой платок и заткнул им Мартину рот. Извиваясь, как червь, Джонсон забился, замычал, глаза словно пытались выскочить из орбит. Он свалился с койки.

– Вилли! – крикнул капитан в переговорную трубу.

На пороге появился низкорослый человек в комбинезоне с засученными рукавами.

– Слушаю, хозяин, – хрипло доложил он о своем приходе.

– Ты заработал сегодня сто долларов, Вилли, – и жестом Эриксон показал ему, что нужно сделать.

Спустя минуту капитан увидел, как Вилли вышвырнул Джонсона за борт.

«Пусть попробует теперь найти концы чернобородый, – усмехнулся Эриксон, потирая потные руки. – А с Роузеном мы сумеем договориться и на этот раз».

Глава 44
ОСЕННЯЯ ЯРМАРКА

Великое множество съехалось чукчей на праздник раздачи в стойбище Омрыквута.

Праздник в разгаре. Здесь поднимают тяжести, там лоснятся смуглые тела борцов, мчатся бегуны, а у яранги Ляса то и дело взлетает вверх какой-то чукча, смешно растопырив руки: четверо здоровяков, растянув шкуру старого оленя, поочередно подбрасывают на ней оспаривающих первенство, кто дольше удержится на ногах. Смех, шум, веселье…

Церемония раздачи уже окончилась; пастухи и бедные родственники получили от хозяина по оленю и Теперь, довольные, принимают участие в празднике.

Завтра обмен с береговыми охотниками, а там и на зимние пастбища…

Несколько одряхлевший Омрыквут переходит от одной группы людей к другой. Он – под хмельком, щеки покраснели, седая голова обнажена. На нем дубленые штаны и добротная кухлянка с обвисшими пустыми рукавами. Не спеша он подходит к бегунам. За ним пастух Рольтыргыргин тянет заарканенного оленя.

– Пусть возьмет его самый быстрый из вас, – бросает хозяин вызов чукчам.

И в тот же миг срывается с места до десятка людей. На ходу они сбрасывают кухлянки, шапки. Бежать далеко. Одобрительно гудит толпа. Омрыквут идет дальше.

У борцов меряется силой и ловкостью уже последняя пара. Это Кутыкай и Гырголь. Оба в расцвете сил: пастуху – сорок два, хозяину – тридцать восемь. Вокруг плотное кольцо потерпевших поражение, любителей, зевак.

– Какомэй! Пастух и хозяин?

Кутыкай худ, мускулист. Гырголь плотен, тяжел, краснощек; он покряхтывает, надувается. Кто знает, как ему удалось выйти в последнюю пару…

Рольтыргыргин опять подвел оленя. Почти все повернулись к хозяину стойбища. Но тот что-то медлил. Он не ожидал, что в решающей паре окажутся его зять и пастух. Едва ли предполагал оказаться в этой паре и сам Гырголь. Его больше тянуло на торговую пляску, но и от борьбы отказаться мешала традиция; к тому же он все время побеждал…

Схватка обостряется. Но Гырголь уверен, что пастух не посмеет одолеть хозяина. И действительно, Кутыкай нападает только для вида, чтобы обмануть зрителей, чтобы не было стыдно. Он давно готов быть побежденным.

Омрыквут как бы не замечает подведенного оленя. «Зачем зятю этот дрянной олень? – думает он. – Разве есть число его стаду?» Он опасается, что пастух, чего доброго, соблазнится и поборет Гырголя. Старик старается перехватить взгляд Кутыкая. Однако тот совсем не смотрит в стороны.

Мелькают смуглые тела (кухлянки сброшены), Слышно тяжелое дыхание Гырголя.

Рольтыргыргин – этот верный хозяйский пес, как называют его другие пастухи, – видит, как сдвинулись седые брови Омрыквута. Не на него ли гневается хозяин, думая, что он все еще не подвел призового оленя?

– Я привел призового, – робко напоминает он.

Лицо старика дернулось.

– Пусть возьмет его победитель! – вынужден он объявить.

Толпа снова одобрительно зашумела. Кутыкай услышал слова хозяина, оглянулся.

Гырголь не замедлил схватить его, бросил на помятую траву, навалился всей тушей, пытаясь уложить на спину. И кто знает, почему в этот миг не поддался пастух. Он резко повернулся, вскочил на ноги, ошалело оглядывая толпу, но не различая ничего, кроме стоящего оленя. Олень! «Пусть возьмет его победитель!» Так сказал хозяин. Олень, целый, живой олень!

За год труда сегодня, в праздник раздачи, Омрыквут подарил Кутыкаю оленя. «Совсем теперь богачом станешь», – сказал он ему. А какое тут богатство!.. Вот уже две руки и две ноги лет пастухом он, а личных оленей не прибавилось.

Гырголь опять схватил и бросил на землю противника. И снова вырвался Кутыкай. Толпа совсем стихла.

«Олень, живой олень!» Как волна о скалы, ударяет кровь в голову пастуха. «Пусть возьмет его победитель!» «А зачем Гырголю олень?» – думает он, легко отбиваясь от наседающего противника. Но Кутыкаю страшно стать победителем. Как можно? Хозяин! Однако и оленя упустить никак нельзя…

Уже возвратились бегуны, кончилось подбрасывание на шкуре, поднятие тяжести, а борьба все еще продолжалась. Теперь сюда собралось множество людей. Тут и соседи, и береговые охотники, и девушки, женщины, подростки. В стороне – Ляс, такой же хмурый, как и его брат Омрыквут. Они оба поняли, что дух жадности вселился в Кутыкая. И Ляс уже придумывал способ, как прекратить борьбу. Если не он, шаман, так кто же выручит Гырголя? Но тут, видно, случайно, Кутыкай слишком сильно рванул на себя руку Гырголя. Измученный, тот резко, всем телом подался вперед, споткнулся, падая, увлек за собой пастуха и тут же оказался придавленным.

Толпа только ахнула.

Испуганный Кутыкай вскочил, но всем было уже ясно, что он оказался победителем.

Рольтыргыргин передал ему призового оленя. Омрыквут первый отошел от места борьбы и, слегка пошатываясь, побрел к стаду, видневшемуся невдалеке.

Под его ногами шелестят порыжевшие травы и мхи – палевые, ржавые, темно-зеленые; нет-нет да мелькнет рубином ягода брусники или бирюзой замерцает стыдливая голубика.

Омрыквут не различает ни спокойного течения обмелевшей к осени реки, ни идущих на веслах байдар, ни зеркальных озер, ни чистого неба, ни солнца. Гневен, сильно расстроен Омрыквут.

Свежо. Воздух прозрачен. Кажется, нет конца ни тундре, ни реке, ни небу. Все неподвижно, спокойно. Только в долине шевелится серая масса оленей. Туда и направился искать утешения Омрыквут.

Кутыкай озадачен. На месте борьбы он остался с призовым оленем один. И только Гырголя, кажется, меньше всех волновало поражение. Все равно! Кто же не знает, что самый сильный человек в Амгуэмской тундре – это он, ее хозяин! Так думал он, хотя недобрым огнем горели глаза его, а в сердце шевелились злые желания. Чукчи сторонились его. А он, заметив недалеко от своей яранги Вээм – молодую жену сына старика Канкоя, – быстро зашагал туда. Сейчас он пригласит ее на торговую пляску.

Еще с весны Гырголь приметил Вээм. Ничего, он доберется к стаду упрямого Канкоя! Пусть они станут с мужем Вээм товарищами по женам. Потом он, Гырголь, отдаст ему в жены свою дочь.

Зайдя в ярангу, Гырголь выбрал лучшую шкуру молодого оленя, вышел и, нагнав Вээм, бросил шкуру к ногам молодой женщины. Она стыдливо опустила глаза.

– Енок! Я приглашаю Вээм на торговую пляску, – не обращая внимания на смутившуюся женщину, заявил он ее мужу.

– Какомэй…

Енок едва не вдвое моложе Гырголя.

– Какомэй! – все так же неопределенно повторил он.

Но разве можно отказаться? Гырголь и без того, видно, сердит на него: пасет оленей на его исконном пастбище. У Енока нет желания ни уступать Вээм, ни приглашать на торговую пляску младшую жену Гырголя. Но хозяин Амгуэмской тундры ждет, и Енок уже видит

гневные искры в его помутневших глазах.

– Ты самый сильный в тундре, Гырголь. Ты помогаешь нам всем, – наперекор чувству, льстиво произнес он, потупя глаза.

Плотный краснощекий Гырголь тут же принялся выплясывать вокруг шкуры, приглашая Вээм, Лишь на мгновение он задержался около ее мужа, подержал за плечи.

– Кайпэ понравится тебе, Енок.

На щеках Вээм пылали красные пятна, голова ее была опущена. Молодая женщина не смела взглянуть на людей. А чукчи все плотнее и плотнее окружали их.

Наконец упорство становилось уже оскорбительным, и Енок сказал:

– Мы станем плясать все трое, Вээм.

Не поднимая головы, женщина шагнула на белую оленью шкуру, и все трое исполнили плясовой ритуал. Затем невтум взял с земли эту шкуру и подарил ее своей новой подруге.

Узнав, что Гырголь стал товарищем по женам с Еноком, молодые чукчанки осмелели: сегодня их уже миновала участь Вээм, а завтра они разъедутся по своим стойбищам.

Вээм укрылась в какой-то яранге. Ей не хочется видеть соболезнующих взглядов женщин, ей не нужен этот бык – Гырголь, красный, потный, противный; ей не нужны его подарки; пусть, может быть, другие рады породниться с Гырголем! Ей досадно, что она теперь всегда обязана подчиняться его желаниям, всегда, всегда, когда бы он того ни захотел. Она знает, что у него невтумы в каждом стойбище, она знает всех этих мужчин и женщин, и от этого ей становится еще больнее, еще противнее. Но что ей делать? Гырголь может погубить их стадо, потравить пастбище. Разве не поступал он уже так с другими? «Твое стадо мало, – говорил он, – откочуй!»

Вээм не слышала, как все съехавшиеся на праздник устремились к берегу Вельмы; она плакала, горько сожалея, что соблазнилась поехать в стойбище Омрыквута на праздник раздачи.

А на берег в это время выходили из байдар морские охотники, с ними какой-то таньг.

Ляс, Гырголь, Кайпэ, Кутыкай, Кейненеун и множество других мужчин и женщин – хозяев и гостей – рассматривали приплывших. Среди них были знакомые береговые охотники, но шестерых не знал никто. Один из них – таньг, пятеро – совсем незнакомые.

– Этти! – приветствовали их стоящие на берегу.

– И-и, – откликнулись приехавшие.

– Каковы новости? – осведомился Гырголь.

– На ярмарку к вам приехали, – отозвался кто-то из охотников.

– Э-гей! – одобрительно загудели оленеводы.

Один из приплывших тихо спросил какого-то подростка:

– Гырголь который?

Паренек указал ему, Тут же этот чукча подскочил к Кочневу.

– Ван-Лукьян! Вот Гырголь, смотри!

– Спокойно, Элетегин, спокойно, – строго сказал ему уполномоченный губревкома, рассматривая Гырголя. – Теперь он от нас не уйдет. Потерпи.

«Так вот ты какой – хозяин Амгуэмской тундры!» – думал Кочнев, вспоминая, что видел его очень давно.

Плотный, невысокий Гырголь с независимым видом разглядывал таньга и незнакомых чукчей. Мясистые влажные губы «хозяина тундры» приоткрыты. На щеках румянец, на лбу зеленый целлулоидный козырек – подарок Джонсона; он укреплен на ремешке, охватившем голову.

Взволнованный Тымкар всматривался в толпу, отыскивая глазами Кайпэ. Сердце сильно стучало, ресницы вздрагивали. Вдруг он шагнул вперед, остановился, рука поднялась к горлу. В нескольких шагах стояла она – большеглазая, с румянцем цвета недозрелой брусники; на носу и щеках – такая знакомая татуировка! Что? Она не узнает его? В глазах Тымкара мутнеет, ему кажется, что все смотрят только на него и сейчас узнают и прогонят…

Рядом с Тымкаром стоит в нарядном плаще из шкурок бакланов его сын Тыкос, А

около девушки – ее мать; лицо морщинистое, щеки осунулись, плоская грудь высоко вздымается. Ей чудится, что все уже заметили ее волнение. Она смотрит на Тыкоса – такого стройного, каким когда-то был Тымкар. И перед ее мысленным взором мелькают картины их кратковременной встречи. Кайпэ оглядывается на мужа. Гырголь не смотрит на нее; он, как и все, разглядывает таньга.

Губы Кайпэ дрожат. Так похож этот юноша на Тымкара! Но почему же она не знает его? Разве он раньше никогда не приплывал к ним для обмена ремней, жира, лахтачьих шкур?

А дочь, заметив, что какой-то чукча не спускает с нее глаз, потупилась, зарделась.

– Однако, что же вы медлите? – по-хозяйски спросил Гырголь. – Идите в стойбище. У нас праздник раздачи.

Уэномцы направились к ярангам оленеводов.

– Зачем пришел этот человек другой земли? – осведомился Гырголь.

– Мы встретились с ним в пути, – уклонились от прямого ответа гости.

– Этот таньг – непонятный таньг, – услужливо пояснил взрослый сын Кочака Ранаургин.

К стойбищу шел Омрыквут.

«Непонятный таньг»? – старый Ляс прищурил глаза.

– Однако, почему непонятный? – вмешался Элетегин. – Таньг человек; он нового закона торговли хочет: за винчестер – двух песцов. Его зовут Ван-Лукьян.

Гырголь насторожился.

– Он уже заставил американов давать товары по новому закону, – продолжал Элетегин.

– Пустое болтаешь, – перебил его хозяин Амгуэмской тундры.

Повелительный тон Гырголя смутил чукчей. Из яранг выглядывали женщины с малыми детьми, Вээм, какой-то совсем дряхлый, несуразный старик. Тымкара никто не узнал. Только Омрыквут долго и пристально вглядывался в Тыкоса. Что-то далекое, полузабытое напомнил ему этот охотник.

Усталые за день, после сытного ужина чукчи разбрелись по ярангам, и вскоре стойбище заснуло.

Гырголь направился в ярангу, где остановились Вээм и ее муж Енок. Однако Вээм там не оказалось.

– Я сам ищу ее, – поспешил успокоить хозяина тундры муж Вээм.

Но это была неправда. Енок и Вээм договорились, что с наступлением сумерек Вээм пешком уйдет отсюда в сопровождении пастуха из стойбища Канкоя. Так она и поступила.

– Иди, ищи! – кричал Гырголь на Енока. – Пока не приведешь ее ко мне, я не дам тебе никаких товаров. Ты, видно, слабый человек, если жена тебя не слушает. Уходи! Мои глаза не хотят смотреть на тебя!

«Не нужны твои товары! Сам поеду на берег, – уходя с праздника раздачи, думал муж Вээм. – А потравишь пастбище – убью!»

Вакатхыргин не спал (старый тоже приехал на ярмарку). Он разыскал Тымкара, вызвал его из яранги.

– Где так долго жил, Тымкар? Совсем забыл старика.

Тымкару хорошо с ним. Он – как отец. Вспомнилась зима, прожитая в Ванкареме.

Голова старика обнажена. Седые волосы серебрятся при лунном свете.

Влажная тундра сочится, чавкает под ногами.

– Искал счастье, – после долгой паузы ответил Тымкар. – Вот скоро сам уже стариком стану…

– Да, плохо живут чукчи. Плохо.

– Я думаю тоже так. Но как сделать, чтобы стали лучше жить? Никто не знает. Даже таньг Богораз не знает. А многое знал. Умный таньг. Теперь пришел таньг Ван-Лукьян. Говорит – я знаю, помогайте мне. Прогоним американов, убьем Гырголя. Тогда новая жизнь начнется. Уже многих американов прогнал. Джона – тоже.

– Как мог он прогнать его? Разве сильный очень? Почему чукчи не могли?

Тымкар рассказал.

Сутулый, рослый, суровый, старик молчал.

– А где Эмкуль? Как живет она?

Вакатхыргин шумно раскуривал трубку, потом вытер глаза, разъеденные дымом.

– Дочка… Эмкуль… Погибла Эмкуль.

– Эмкуль? – Тымкар остановился, смотрит в заблестевшие от слез глаза старика.

– Распутник он! Гырголь погубил дочь. Гордая.

Ушла. Замерзла. Гырголь нарушил правила жизни, – старик выбрасывал изо рта клубы табачного дыма, которые тут же бесследно исчезали в лунном свете. – Много людей погубил Гырголь.

Луна заходит за облака. С севера тянет холодом. Вакатхыргин смотрит на небо.

– Льды близко, – говорит он.

Тымкар и Вакатхыргин медленно идут по тундре.

– Дни уходят. Много зим позади. Долго жил, состарился.

Тымкар молчит.

– Умру скоро.

«Зачем он пришел сюда? – думает про старика Тымкар. – Не отомстить ли за Эмкуль?»

– Ты много видел, Тымкар. Ты расскажи чукчам, как надо жить. Мой язык устал говорить им. Состарился я, – как сына, старик берет его нежно за плечи, усаживает на кочку, опускается сам.

Долго сидят они тут. То думают, то говорят.

– Гырголь теперь называет себя хозяином тундры. Стаду его нет числа. Много людей губит. Безобразничает.

– Как можно быть хозяином тундры? Байдара, что ли?

– Жизнь изменилась, Тымкар. Если приходят сюда за пушниной другие люди, Гырголь убивает. Много рассказал мне пастух Кутыкай. Однако боятся чукчи Гырголя.

Тымкар и сам уже многое слышал о том, что творится в тундре. Не одну бессонную ночь провел он, думая, как сделать, чтобы чукчи жили лучше. Ван-Лукьян говорит, что для этого нужно прогнать американов и шаманов, отнять вельботы у богатых и отдать их охотникам, оленей поделить между бедными пастухами. Тымкар и сам думает, что это было бы правильно. Хорошо, если бы все чукчи думали так!

Упомянутое стариком имя Кутыкая отвлекло Тымкара от своих мыслей. Кутыкай… Как мог он рассказывать о хозяине, если для него он отобрал тогда у Тымкара Кайпэ?

– Разве Кутыкай стал другим человеком? – спросил он и, не ожидая ответа, рассказал Вакатхыргину про аркан.

– Раньше слепым был Кутыкай, как новорожден" ный щенок. Теперь стал зрячим. Другие пастухи тоже не любят Гырголя. Хуже волка, говорят про него, Эмкуль… – хотел что-то еще сказать старик, но не смог. Слезы снова застлали его глаза.

Сердце Тымкара наполнилось гневом. Почему же чукчи не прогонят Гырголя? Эти мысли вернули его к давно минувшим событиям. Вспомнил свое посещение стойбища Омрыквута. Нет, всю жизнь у Тымкара не было гнева на Гырголя из-за Кайпэ. Тымкар не нашел стойбища, она стала женой Гырголя – вот и все. Но теперь, когда Тымкар узнал об Эмкуль, когда он так много узнал о Гырголе, гнев кипел у него в сердце.

Луна скрылась. Темно. Где-то неподалеку журчит ручей да изредка доносятся звуки бубна. Это шаманит Ляс. Он искренне убежден, что связан с духами.

Стойбище спит. Только у Омрыквута старческая бессонница. Да Кайпэ бредит в полудреме. Вместе с дочерью она убегает от Гырголя… «Уйду», – слабо шепчут ее сонные губы.

Скоро рассвет. Но Кочнев и Элетегин еще не вернулись из стада. Кочнев решил ночью, без хозяев, поговорить с пастухами.

Вакатхыргин и Тымкар подходят к стойбищу.

– Ты, однако, напрасно не взял Эмкуль в жены.

Тымкар молчит.

– Добровольно весной попрошу смерти, – говорит Вакатхыргин. – Кто станет кормить старика? Сами голодные, умирают чукчи, когда нет зверя.

– Вместе станем жить, приходи! – в голосе Тымкара так много нежности, совсем неожиданной у этого сорокалетнего большого мужчины.

Вакатхыргин отрицательно покачивает головой:

– Мой винчестер износился. Эмкуль ушла.

Тымкар не знает, как отговорить старика от ухода из жизни.

Он пытается:

– Таньг-губревком говорит: винчестер – за двух песцов, новый закон!

– Это верно, так говорит он всем людям.

Из яранги доносится рокотание бубна.

Начинает светать.

Выходит из шатра Омрыквут.

– Почему не спится вам, беспокойные люди? – он подозрительно оглядывает их! «Разный народ съехался…»

– Льды близко, спешить надо.

Омрыквут провожает их недоверчивым взглядом. «Беспокойное время, – думает он, – Таньг, эти двое, какой-то парень еще». Где он видел его? Всю ночь этот Тыкос не давал покоя голове Омрыквута. Что-то далекое, но знакомое напоминал ему сын Тымкара. Но стар Омрыквут, ослабела память, а узнать позабыл.

– Много чукчей уходит, мало живут, – сокрушается Вакатхыргин. – Вымрем, исчезнем…

– Это так: совсем обезлюдел Уэном.

Старик останавливается.

– Ты много видел, Тымкар, Рассказывай чукчам. Пусть думают. Лиши их покоя. Тогда найдут дорогу, прогонят американов, убьют Гырголя. Рассказывай! Пусть захотят жить, как в сказке!

– Стану! Сам думал так. – Голос Тымкара от волнения стал хриплым. – В голове твоей верные думы, – тихо заканчивает он.

Лицо у Тымкара строгое, взгляд ясен. Лоб пересекла глубокая морщина.

Стойбище безлюдно. Только хозяин, страдающий бессонницей, маячит у шатра. Но дни его сочтены. Их не продлит большое стадо. Оленями готовится безраздельно завладеть Гырголь. Давно ждет он смерти тестя.

Вакатхыргин и Тымкар расходятся по шатрам.

Утро холодное, мрачное. Неприветлива тундра без солнца.

* * *

С севера мчатся рваные облака. Причудливы, страшны их узоры. Кажется, вот сейчас обрушатся тучи вниз, все сомнут, захватят и поволокут за собой по сырой и угрюмой тундре.

Поднимается ветер. Чукчи встревожены: ветер пригонит льды, не застрять бы здесь со своими байдарами! Идет торопливый обмен. Береговые отдают связки ремней, лахтачьи шкуры на подошвы, моржовый и нерпичий жир для отопления. Кое-кто привез табак, трубки. Взамен получают шкуры оленей на зимнюю одежду, камусы для теплой обуви, жилы – нитки, туши оленей.

Тыкос – в долине Вельмы. Там с девушками дочь Кайпэ собирает ягоды. Он идет ей навстречу.

– Здравствуй!

– И-и, – игриво отвечает она (невысокая, ладная, на щеках вспыхивает румянец) и, опустив голову, проходит мимо. Неподалеку другие девушки; они понимающе

переглядываются.

Тыкос красив и строен. Какая же девушка не захочет его в мужья! Сердце его бьется часто. Он не видит мрачного неба, потемневшей, суровой тундры. В его юной голове зреет план: он приплывет сюда через год, припасет разных товаров отцу девушки, в крайнем случае он отработает за нее. Она станет его женой.

Эх, Тыкос!.. Твое счастье, что наступает время новой жизни – свободной и справедливой, когда ты сможешь без подарков и отработки жениться на любимой девушке. Родись ты раньше – твои мечты остались бы несбыточными. Разве ты не знаешь, что отец дочери Кайпэ – Гырголь? Зачем ему твои подарки? Разве он отдаст дочь бедняку? Он хочет выдать ее за Енока, сына Канкоя, стаду которого нет числа.

Тыкос весел. Он уверен, что она станет ждать его, хотя они не говорили об этом: он понял ее взгляд. Напевая, Тыкос торопится к стойбищу. Там возле байдары уже суетятся люди.

Не спеша, девушки тоже повернули назад.

Тымкар с утра потерял сына и ту, которую он накануне принял за Кайпэ, Он уже обменял свои заготовки и теперь бродит по стойбищу, переходит от одной группы людей к другой. Всюду торговля$_1$ сосредоточенные лица, спешка.

– Однако, где же старшая жена Гырголя? – смущенно спрашивает он подростка.

– Кайпэ? А вот стоит у яранги.

У яранги – невысокая морщинистая женщина.

Тымкар всмотрелся. Неужели? Неужели это Кайпэ? Он почувствовал, как кровь прилила к щекам; затуманило взор. Оглянулся. Никто не наблюдал за ним, но Кайпэ уже скрылась в яранге.

Сутулый, седеющий, он стоял, не зная, как поступить, что сделать. Щемило сердце, кровь стучала в виски, глаза увлажнились. «Кайпэ, – беззвучно шептали губы, – Кайпэ, Кайпэ…»

– Какомэй! – глядя на него, как на глухонемого или сумасшедшего, воскликнул какой-то чукча, стоя рядом. Он сзывал людей по просьбе таньга, но этот чукча его не слышал.

– Тагам! Таньг зовет всех!

Тымкар еще больше ссутулился и пошел за посыльным.

Кочнев собирал людей, чтобы выбрать делегата на зимний съезд бедноты в Уэлен. Конечно, не поднимись ветер, собрать чукчей было бы нетрудно, но сейчас все спешили: одни – отплывать, другие – выменять у них нужные товары.

Гырголь ходил недовольный. Эти осенние ярмарки с береговыми чукчами в известной мере конкурировали с ним. Уже много лет все нужные оленеводам заготовки он получал от Джонсона и за них брал в тундре пушнину или оленей, если для расплаты с ним не хватало пушистых шкур. Гырголь был уверен, что он помогает жить всем оленеводам Амгуэмской тундры. Правда, еще упирался старик Канкой, но скоро его стадом завладеет сын Енок…

Представителю губревкома удалось все же собрать порядочную группу оленеводов.

– Советская власть, – говорил он по-чукотски, – несет счастье всем угнетенным народам. Она…

Чукчи слушали его, раскрыв от удивления рты. Кочнев говорил о причинах плохой жизни бедных оленеводов и охотников, о том, что при новой, народной власти бедняки получат оленей и вельботы, выгонят шаманов и американских купцов, будут у чукчей дома для больных, дети будут обучаться грамоте, парни смогут жениться без отработки за будущую жену, и обо всем, что следовало сказать и во что искренне верил Иван Лукьянович.

«Даже думать об этом невозможно», – рассуждали некоторые чукчи.

«Однако, есть слухи, что Ван-Лукьян – правдивый таньг. Людей от смерти спасает, помогает чукчам и плату никогда не берет, – эти слухи давно растекались по тундре. – Он обещает хорошую жизнь».

«Правильно говорит Ван-Лукьян, – думал Элетегин. – Надо такую жизнь! Также надо

убить Гырголя».

Кутыкай и Кеутегин, с которыми ночью беседовал уполномоченный губревкома, переглядывались.

– Старикам не надо будет добровольно умирать, – говорит Кочнев.

В толпе то и дело слышались возгласы удивления.

– Советская власть, – продолжал Кочнев, – русский народ протягивают вам руку братской помощи.

Чукчи сосредоточены. Они не все понимают из того, что говорит этот таньг. Но он совсем не такой, как Амвросий, как все другие. И эта необычность его поступков и таких заманчивых слов привлекает к Кочневу и Кутыкая, и Кеутегина, и других пастухов и бедняков.

– Больше не будет несправедливой торговли. Вы сможете за двух песцов получить винчестер.

«Что болтает этот неразумный таньг?!» – одна и та же мысль обжигает Гырголя, Омрыквута, Ляса.

– Какомэй! – слышатся непроизвольные возгласы из толпы.

– Убийцу и насильника Гырголя народ будет судить!

Ляс – этот дряхлый старик, похожий на своего брата Омрыквута, – подполз к Кочневу, заглянул ему в лицо, попятился на четвереньках, вскочил, издал хриплый крик и бросился на толпу, озираясь и руками пробивая себе дорогу, как если бы за ним кто-то гнался.

– Дух заразы! Бегите! Скорее! – он втискивался в ошалелую от неожиданности массу людей.

Толпа расступилась. Ляс вырвался из круга и неуверенным старческим шагом заспешил к своей яранге, крича:

– О-о! Скорее, скорее! Разбирайте шатры, грузитесь! Скорее, скорее!

Испуганные люди пятились подальше от «духа заразы». Круг расширялся.

Гырголь набросился на Кутыкая:

– Бездельник! Видно, я давно не бил тебя! Беги за упряжными.

Кутыкай продолжал стоять.

– Что случилось? Почему все уходят? Какая зараза? – строго спросил Гырголя представитель ревкома.

Кочневу было жарко, он снял шапку, ветер шевельнул волосы на седеющих висках. На щеках Гырголя расплылись красные пятна.

– Кто ты и откуда? – вместо ответа сам спросил он, ощупывая на поясе не то аркан, не то нож.

– Я – уполномоченный Камчатского губревкома. И я спрашиваю: как ты смеешь прогонять людей?!

– Однако, и тебя прогоню я… Рольтыргыргин! – на всякий случай позвал Гырголь мелькнувшего у яранги пастуха. – Кто звал тебя сюда? – Он снова повернулся к Кочневу. – Зачем явился? Убирайся! Амгуэмской тундры хозяин – я!.. Ты медлишь, я вижу?

Пастухи, женщины, подростки уже начали разбирать шатры. На берегу грузились в байдары чукчи, приезжавшие на обменную ярмарку.

«Каков негодяй!» – подумал Кочнев.

«Как мне с ним поступить? – еще не решил Гырголь, стоя рядом с пастухом, в нескольких шагах от того, в ком он сразу увидел своего врага, – За винчестер – два песца? Прогоним шаманов? Новый закон?!»

Старика Вакатхыргин а во время речи ревкомовца здесь не оказалось, и сейчас, узнав, что шаман разогнал чукчей, он быстро шел сюда от берега. Но еще до его прихода Тымкар сообразил, что происходит. Слова Гырголя о том, что он хозяин Амгуэмской тундры, возмутили Тымкара:

– Как можешь ты прогонять человека из тундры? Разве яранга это?

«Хозяин тундры» недоуменно оглядел его.

– Ты! Откуда явился ты – жалкий бедняк? – с едкой усмешкой спросил Гырголь. – Га, гы! – как на собаку, прикрикнул он и двинулся на Кочнева.

Кровь хлынула в голову Тымкара. Мгновенно он оказался рядом с Гырголем, схватил его за ворот и за штанину, рванул на себя, и в тот же миг грузное тело «хозяина тундры» оказалось у Тымкара над головой.

– Не надо! – уполномоченный ревкома бросился к нему.

Но было уже поздно. На вытянутых руках Тымкар с силой грохнул «хозяина тундры» об землю. Хотел что-то крикнуть, но горло перехватило, и губы шевельнулись беззвучно. Зеленый козырек с головы Гырголя отлетел в сторону.

Рольтыргыргин в испуге отскочил.

С выпученными глазами Гырголь попытался встать, но Тымкар снова двинулся на него.

В эту минуту Тымкар едва ли отдавал себе отчет в своем поступке. Он защищал правдивого таньга, который старался помочь чукчам хорошо жить; он вымещал злобу за свою неудавшуюся жизнь, за гибель Эмкуль, за убийство отца Элетегина, за шрам на шее от аркана, которым поймал его пастух Гырголя, за свое изгнание, за все, что наболело у него на сердце. Все это смешалось воедино, взволновало кровь Тымкара, и сейчас он был готов руками разорвать этого насильника.

– Кутыкай! – снова закричал Гырголь.

Но пастух и теперь не двинулся с места: «Пусть убьют, – думал он. – Пусть подохнет!»

Кутыкай уже давно сожалеет, что тогда, давно-давно, отнял у Тымкара Кайпэ. Теперь ему стыдно встречаться с ней взглядом: в глазах ее он всегда видит немой укор. Разве мало горя причинил ему и другим чукчам Гырголь? «Пусть убьют», – мысленно твердит Кутыкай, все же стараясь не смотреть в глаза Гырголю.

– Именем ревкома, – громко сказал Кочнев, – за свершенное убийство и другие преступления приказываю арестовать его и предать суду народа!

Чукчи из вооруженного отряда уполномоченного связали преступника. Напуганные Лясом, забыв про Гырголя, оленеводы спешно заканчивали приготовления для перекочевки. «Хозяина тундры» увели на берег Вельмы и усадили в байдару.

* * *

Льды едва не закупорили горло Ванкаремской лагуны. И теперь, опоздав, злобные, со скрежетом гнались за байдарами.

Ночь настигла в пути. Неожиданно стих ветер, паруса обвисли. Льды отстали. На море опустился густой туман. Уэномцы высадились на берег, собрали плавника, разложили костры.

Сыро, зябко, совсем уже близко зима.

– Ты, однако, очень сильный. Откуда ты? – спросил Кочнева Тыкос.

– Я от Ленина, – ответил он.

И долго рассказывал в эту ночь Иван Лукьянович о Ленине чукотскому юноше.

Потом рассказал о своей жизни Тымкар. И как ни печален был его рассказ, все же в голосе Тымкара не слышалось тоски. Слова гнева и веры звучали в эту ночь у костра.

Утомленный, в полудреме, Вакатхыргин уже не различал слов Тымкара, но в голосе его – то суровом, то нежном – старик слышал то, что сказал Тымкар минувшей ночью: «Стану! Сам думал так. В голове твоей верные думы!»

– Сынок… – ласково, почти беззвучно назвал он этого сорокалетнего чукчу, И с улыбкой на лице забылся.

Этой ночью, не просыпаясь, старик Вакатхыргин спокойно умер.

Глава 45
СУДЬБА «ПРЕЗИДЕНТА»

Быстротечно время! Давно ли Ройс был еще молод, а вот у него уже дети… Дочери – десятый год. Ральфу – месяц. Тырко умер.

На кожаном полу спального помещения Ральф лежит на спине, согнув в коленях крошечные ножки. Тэнэт над жестяным тазом моет посуду; она в европейском платье из красного ситца.

Полог большой, разделен шкурой на две части. Он отличается от других жилищ только величиной и хозяйственной утварью. Тут, видно, даже чистят зубы: на подсунутых под жердь зубных щетках сушатся меховые носки. Мебели – никакой: ни стола, ни кроватей. Чисто. Для света и тепла горит жирник. Дети умыты. Говорят они по-чукотски.

Сам Ройс в «Золотом ущелье». До наступления сильных морозов он спешит подорвать породу. На нем дубленая бурая кухлянка мехом внутрь и какая-то необычно высокая шапка.

Ройс слегка поседел, но все так же полон сил. Рыжеватые брови деловито сдвинуты, маленькие глазки неподвижны.

За последние годы Ройс дважды пытался покинуть семью и Чукотку, но оба раза оказался не в состоянии расстаться с «Золотым ущельем».

У него отличные собаки, хорошая нарта, просторная яранга; в ее наружной части – товары для меновой торговли: патроны, табак, чай, Частенько вместе с чукчами он отправлялся на охоту.

Но когда семья обеспечена мясом и жиром, найти Ройса можно только на прииске, что в полумиле от поселения. Вот и сегодня, в этот холодный осенний день, на пороге зимы, – он там.

Вокруг скалы. На вершинах далеких сопок белые шапки снега.

Бент не любит безделья: тогда всякие тревожные мысли лезут в голову.

Недавно Ройс встретился с русским начальником Кочневым. О торговле и поисках золота Ройс ничего не сказал, утаил это. Ревкомовец ушел, не предъявив к нему никаких требований. Дети, семья… Но встреча все же оставила в душе тревогу. Ройс знал, что русский преследовал торговцев и скупщиков пушнины. Как золотоискателю, Ройсу было предложено отплыть за пролив уже много лет назад. А ведь он еще на Аляске дал себе слово, что с пустыми руками в Норвегию не вернется!

Ройс долбит породу, заканчивает шурф для закладки динамита. Сегодня после взрыва он наконец-то увидит золото. Жила должна быть здесь, в этой гранитной глыбе. Он знает, он уверен в этом!

Ройс смотрит на свои огрубелые руки. Под ногтями грязь. «Президент»… Вспомнил, как однажды в баре Кони-Айленд ему подал визитную карточку вот такими же руками его новый знакомый; в ней значилось: «М-р Реджинальд Г. Сайкс, президент объединения чистильщиков обуви». Позднее он не раз встречал подобных президентов! И лишь, прожив около десяти лет в Америке, он понял, что в Соединенных Штатах президентами называют всех глав компаний, фирм, акционерных обществ, председателей различных правлений и кустарных объединений. А в Европе, чудаки, что вообразили! Таким «президентом» он с успехом мог стать и у себя в Норвегии!

Что-то долго нет взрыва. Упершись растопыренными пальцами в подмерзающую землю, Ройс приподнялся. Высокая шапка, бурая, как кухлянка, высунулась из-за камня.

Нетерпеливо билось сердце, сильно пульсировала в висках кровь.

Каждый раз в минуты такого ожидания Ройсом овладевает волнение, «Вот сейчас взрыв и…» Норвежец уже видит себя сидящим в комфортабельном кабинете, перед ним – Роузен, жалкий, постаревший, со взглядом голодной собаки. «Мистер Роузен? Это вы? Чем могу быть полезен?» – «Я пришел, мистер Ройс, предложить вам свои услуги! С вашей настойчивостью и моим опытом мы кое-что сделаем, мистер Ройс…» И вслед за этим Роузен уже приколачивает у подъезда огромного здания на 45-ой улице в Нью-Йорке вывеску… Щуплый, подвижный, он похож на юркого чертенка, какого Ройс видел на подмостках Кони-Айленд; только тот был с хвостом… Так отчетливо видится визитная карточка: «Бент Б. Ройс, президент компании «Чукотское золото». Бродвей, собственный дом».

Вокруг – навороченная повсюду порода, выбоины, шурфы. Все это его труды. Он по праву станет владельцем этих разработок! Пионер здесь – он. Он – законный хозяин.

Норвежец выползает из-за укрытия. В том, что взрыв задерживается, он усматривает доброе предзнаменование: «Золото тут! Оно еще пытается укрыться от него, но нет, поздно…» Прижимаясь к земле, Ройс осторожно ползет все дальше, рядом с резиновой оболочкой шнура. Волнение усиливается. В чем же дело? Обрыв? Отсырел шнур? Погас? Пот заливает глаза, руки торопливо ощупывают опору, чтобы зацепиться и еще немного поближе подтянуть тело. В висках стучит.

«Как жаль, что уже стынет море! Придется еще зимовать». Эта трезвая мысль была последней. Блеснула струя пламени, вокруг все грохнуло, взлетело вверх, и почти в тот же миг что-то огромное обрушилось на вытянутые руки. Ройс рванул их к себе и почти потерял сознание.

Корчась, Ройс медленно сползал под откос. В помрачненном мозгу нагромождались образы – фигура матери, здание на Бродвее, мистер Роузен, белокурая Марэн – и все это вместе неумолимо погружалось в какую-то темную пучину…

Так же быстро наступило прояснение, И тотчас ущелье огласилось криком смертельно испуганного человека. С обезумевшими глазами Ройс сжался в комок, вскочил – огромный, без шапки – и, шатаясь, крупны ми шагами кинулся прочь из «Золотого ущелья». Раздробленные до запястей кисти рук едва держались на сухожилиях. За ним тянулся кровавый след.

– Мой бог, мой бог! – хрипло бормотал он.

Взрыв и необычная поспешность бегущего Ройса привлекли внимание энуминцев. Тэнэт первая кинулась навстречу.

– Мой бог, – хрипел Ройс, глядя на изувеченные руки.

Кровь текла по рукавам, кухлянке, штанам. В глазах все больше темнело. Он споткнулся, упал, корчась от жестокой боли, поднялся и, снова потеряв сознание, упал, уткнувшись лицом в мерзлую землю. Он так и остался лежать ничком, судорожно обхватив култышками рук окровавленную кочку.

Глава 46
ШАГИ ИСТОРИИ

Уполномоченный Камчатского губревкома задержался в южных селениях, и выборы делегатов от Уэнома на первый съезд бедноты проходили лишь сегодня – за неделю до открытия съезда.

День выдался тихий. Снежинки, мелкие, как пыль, медленно сыпались с неба, искрились на солнце, горели разноцветными огоньками. Потом появилась полярная радуга.

Уэномцы толпились у заснеженного домика Пеляйме.

– Нам нужно избрать троих, – по-чукотски заканчивал Кочнев. – Потом они обо всем вам расскажут. Так кого мы пошлем?

Собрание молчало. «Что-то совсем непонятное творится в последнее время, – думали старики. – Что станем делать на этом съезде бедняков?»

Кочак зло поглядывал на сына. Ведь еще год назад можно было убить этого таньга. А теперь власть шамана совсем пошатнулась.

– Корма нет, собаки ослабели. Как поедем? – задумчиво начал Кочак и снова покосился на сына.

«Это так, – молчаливо согласились многие. – И без того вот сегодня не пошли в море».

– Мы охотники, – продолжал шаман, – ты отрываешь нас своей болтовней от промысла.

«И это верно, – подумал Пеляйме, – однако, разве стоит так говорить: «болтовней»?! Ван-Лукьян – хороший таньг. Зачем обижать?» – но вслух он ничего не сказал.

Неудобное молчание продолжалось. И Кочнев имел возможность убедиться, что

трудностям еще не видно конца. Даже Тымкар и Пеляйме, с которыми он так много беседовал, возвращаясь с ярмарки, и те молчали.

– Или, быть может, вы не хотите новой жизни? – спросил он, не отвечая шаману.

Тымкара подмывало вызваться, но ведь таньг-губревком не спрашивал, кто хочет сам, а говорил, чтобы чукчи выбирали!

– Мы ценим твою заботу о нас, – неожиданно по-другому заговорил Кочак. – Хватит одного человека, так думаю я. Потом он все расскажет нам. Пусть едет мой сын Ранаургин.

Ранаургин? Он вроде Гырголя, торгует, обманывает, обижает всех… Чукчи переглянулись, но все же никто не посмел открыто выступить против.

Уполномоченный ревкома хотел уже сам возразить против этой кандидатуры, как из толпы послышался звонкий голос женщины:

– Однако, разве Ранаургин бедняк? – Энмина выкрикнула это, и щеки ее вспыхнули.

Пеляйме зашикал на жену. Слыханное ли дело говорить женщине, когда молчат даже мужчины!

– Чьи мысли в твоей голове? – возмутился такой дерзостью отец Ранаургина.

– В голове ее верные мысли! – вступился Тымкар и зачем-то шагнул вперед.

– Мы хотим Тымкара! – выкрикнула Энмина.

Иван Лукьянович едва заметно улыбнулся.

– Верно! Пусть поедет Тымкар! Он многое видел, – послышались голоса.

Кочак сверлил говорящих своим прижмуренным глазом.

– Я предложил бы еще Пеляйме и Энмину, – сказал уполномоченный ревкома.

– Что? Женщину? – засмеялись старики, а за ними и все остальные.

Кочневу стало ясно, что и здесь выбрать женщину не удастся.

– Пеляйме – согласны. Что ж, пусть поедет.

– А третий кто?

Тымкар назвал несколько имен. Но чукчи отказывались, ссылаясь на необходимость идти в море: в ярангах кончается жир и мясо.

Кочнев все уже рассказал уэномцам о предстоящем съезде, все объяснил, но третьего делегата выбрать все же не удалось. Время шло, Ивану Лукьяновичу хотелось сегодня же, пока нет пурги, выехать в Уэлен, где его давно ждал весь состав районного ревкома. И так он слишком долго задержался в командировке…

Кочак демонстративно ушел и увел с собой Ранаургина. Женщины потянулись к ярангам, откуда доносился плач малых детей.

– Ну что ж, – согласился уполномоченный, – пусть от вас едут двое.

Люди начали расходиться. В этот же вечер Кочнев выехал в Уэлен.

* * *

Дни бежали быстро.

Шаман выдумывал всякие небылицы, пугал чукчей и Пеляйме. Но из южных селений делегаты ехали один за другим. Иногда они задерживались на ночлег в Уэноме, и тогда до полуночи слышались голоса в ярангах, где они остановились. Проехал на съезд и Элетегин из бухты Строгой.

Накануне выезда Тымкар засиделся у Пеляйме. Рассказывал уэномцам сказку о жизни, которой, однако, еще нигде нет. Но сам он искренне верил, что жизнь такая может быть и она обязательно будет. Так говорит и таньг Ван-Лукьян.

Потом, задумчивый, он одиноко бродил по селу.

Кочак шаманил. Звуки бубна глухо разносились по сонному Уэному. «Хорошо, что моя яранга далеко, – думал Тымкар, – совсем без сна, видно, соседи шамана…»

Почему-то вспомнились Тагьек и Майвик. Как-то они там живут в Номе?

В доме Пеляйме погас свет.

Морозно. Звезды. И по ним, через все небо, протянулась зеленовато-малиновая лента.

Она волнуется, трепещет, но вдруг в безудержном вихре сбивается у зенита в комок и… исчезает. А из-за гор, как из прожектора, уже бьет мощный луч бирюзового света. Он рыщет по небу, медленно пробирается к югу. За ним мерцают зеленые звезды. Но вот луч мчится к востоку, достигает его, и вся дуга отвесными струями льется вниз. Занавес! Он соткан из подвижных нитей, окрашенных в холодные тона. Секунду завеса колеблется, цветет, но вскоре вздергивается и начинает виться растрепанным канатом. За ним растерянно мечутся маленькие шары, они то красные, то зеленые, то белые. А разноцветные волокна скручиваются все туже. Тоньше, тоньше становится бечева – и вдруг, свернувшись мертвой петлей, падает на ярангу Кочака…

– Какомэй… – испуганно прошептал Тымкар и огляделся по сторонам.

Из-за гор, откуда минуту назад била мощная струя света, теперь поднималась луна. Засверкали льды в проливе, осветились промерзшие берега. Тень с предгорья, медленно поджимая щупальца и извиваясь, нехотя уползала к мрачным ущельям. В Уэноме становилось светло.

Пеляйме не спал у себя в яранге. Он думал. «Многое изменилось в жизни», – говорят чукчи. А что изменилось? Патронов нет. Таньги болтают, как видно, пустое: ни один американ летом не давал винчестера за двух песцов. Есть, правда, слухи, что в Уэлене – новый закон торговли, но и этому трудно поверить. Скоро начнутся пурги, а в яме-хранилище мало мяса.

Утром Тымкар подошел к яранге Пеляйме!

– Этти. Моя нарта готова.

– Что станем делать на таньговском празднике?

– Будем говорить, что нам нужно, чтобы лучше жить.

Из яранги Кочака опять донесся рокот бубна.

– Однако, Ван-Лукьян будет ждать. Многие чукчи приедут. Пеляйме, есть слухи, что в Уэлене – новый закон торговли, многие получили ружья!

– Никому нельзя верить, – задумчиво произносит Пеляйме. «Говорят все – и таньги, и Кочак, – только почему никто из них не сделает, чтобы чукчи жили лучше?»

– Ты медлишь, я вижу, – забеспокоился Тымкар.

– Дорога дальняя, – зачем-то заметил Пеляйме, хотя это и без слов было известно. И стал одеваться.

Мысли его двоились. «Вот так же когда-то Тымкар одевался, чтобы стать за руль «Морского волка»… Нет! Еще никогда не приходили к чукчам другие люди с добрыми побуждениями. Зачем поеду? Что стану говорить?» Вереница неясных мыслей проносилась в мозгу Пеляйме, но, размышляя, он тем не менее собирался, запрягал собак.

И вскоре две упряжки с лаем промчались по селению. Чукчи смотрели им вслед.

По накатанной дороге собаки бегут бодро, быстро семенят ногами.

«Бедные дрались с богатыми, – вспоминает слова таньга-губревкома Тымкар. – Скоро все люди станут счастливыми и свободными». Непонятно Тымкару, что значит быть свободным. Ему также хочется представить себе очень большое счастье, в которое он снова верит, как сам в себя.

Впереди виден развилок: направо – к разводьям, прямо – в Уэлен.

Пеляйме останавливает собак. Подкатывает Тымкар. У обоих белые от инея ресницы. Тымкар видит на нарте друга охотничью снасть, – сам он ничего этого не взял.

Пеляйме делает вид, что у него что-то неладно с упряжью. Тымкар ждет. Он начинает догадываться, что спутник его ненадежен: не напрасно же Пеляйме прихватил закидушку, гарпун, копье.

Собакам не терпится. Пеляйме старается не встречаться взглядом с приятелем. Тымкар поглядывает на солнце, оно совсем близко к горизонту.

Не поднимая головы, Пеляйме говорит:

– Дорога дальняя. Корма собакам мало.

– Какомэй! – слышится в ответ недоуменный вздох.

«Хитрые! – думает Пеляйме про уэномцев. – Поезжай, а сами теперь будут охотиться…»

– Ты поезжай, пожалуй, тихонько. Поохочусь я. Корма мало, дорога дальняя.

«Какомэй!..» Тымкар озадачен. Он знает, что друг его прихватил с собой две шкурки песцов – в надежде получить за них по новому закону винчестер. И вдруг…

Пеляйме заворачивает упряжку к разводьям.

Тымкар не без труда заставляет своих собак бежать прямо. «Поезжай, пожалуй, тихонько. Поохочусь я…» – повторяет он про себя слова, сказанные другом. Непонятен такой поступок!

Гладкий лед слегка припорошен снегом. Тихо. Слышно, как под лапами собак похрустывает мерзлый наст. Под полозьями – шорохи.

Солнце повисло над горизонтом, распухшее, холодное. Всюду бело. Морозно.

Пеляйме сидит у разводья, в руке – копье. В своей кухлянке из шкуры старого оленя и в косматой шапке он похож на большую бурую кочку.

Нерпа не появляется.

Собаки в отдалении привязаны к перевернутой нарте, дремлют, прислушиваются, уши шевелятся.

Начинаются сумерки. Пеляйме хмур. Сегодня все его поступки непонятны ему самому.

Сумерки сгущаются. Нерпы нет. Вода чернеет.

В голове Пеляйме неразбериха. «Никому нельзя верить. Поверил капитану, поднялся на шхуну, а он наручники и – в трюм, а байдару потопил. Поверил Тымкар чернобородому – погибли мать, отец, брат. Поверил Богоразу – едва не был задушен арканом. Пеляйме верил Кочаку, а он за его шкурки – вельбот! Теперь таньг-губревком…»

Пеляйме поднимается, идет к упряжке, переворачивает нарту на полозья. «Тымкар ждет, однако», – думает он.

– Га-га! – торопит он собак.

Темно. Показалась луна. На севере замерцало сияние.

Добежав до скалистого берега, упряжка повернула к дому. Пеляйме закричал, вскочил, остановил ее, угрожая тяжелым остолом. Собаки шарахнулись в стороны, перепутались в упряжке, сбились в кучу, худые, жалкие. Став около передовика, Пеляйме снова задумался. «Что может дать разговор бедняков из разных поселений? Нет, сколько ни говори – голод уже близко. А поедешь – только собак погубишь, на которых одна и надежда. А собак не будет – и нам конец…»

– Кхр-кхр! – скомандовал он, и упряжка кинулась к дому.

Нартовый след, ведущий к Уэлену, остался позади. И хотя это была именно та дорога к счастью, которую вот уже столько лет безуспешно искал его народ, Пеляйме даже не оглянулся на нее.

«Никому нельзя верить», – думал он.

* * *

– Этим можно верить, – вслух рассуждал сам с собой в это время Кочнев, просматривая список делегатов. – Вот они строители новой жизни!

Перед мысленным взором Ивана Лукьяновича вставали Тымкар, Элетегин, Кутыкай, Пеляйме и многие другие. «Плохо, что среди делегатов не будет женщин. Видно, не сумел я найти путей к их сердцу». Кочнев задумался. Вначале он попытался представить себе, как будет проходить съезд, потом перед ним стала возникать жизнь Чукотки через десять лет… Картины будущего сменялись одна другой, и везде Кочнев видел и себя участником и строителем этой новой жизни.

Перед заседанием ревкома, после утомительного и хлопотливого дня, Иван Лукьянович прилег отдохнуть. Но вот уже скоро надо было вставать, а задремать он так и не мог. Дина еще не перебралась сюда из бухты Строгой, и он в одиночестве рассуждал сам с собой:

«Какая будет жизнь! Какие возможности! – Ему так не хватало сейчас собеседника. – Дина поймет меня. Ведь было бы преступлением перед партией, перед собственной совестью уехать отсюда теперь, когда столько дел, столько дел! Побережье, тундра… Уехать мне – тому, кто знает район, кого знают люди… Нет, нет! Съездим к старикам – ив следующую же навигацию назад! Повидаюсь с товарищами в столице, заряжусь – и за работу, за работу!.. Откроем на первых порах больницу, фельдшерские и ветеринарные пункты…» Стук в дверь прервал течение его мыслей. Было время идти на заседание ревкома.

* * *

Долго поджидал Тымкар друга, не торопил собак, но вот уже взошла луна, а Пеляйме все не было.

– Га! – крикнул он на упряжку, и нарта засвистела по твердому снегу.

На душе у Тымкара легко. Он вспоминает свой разговор на ярмарке с Ван-Лукьяном и Вакатхыргином. «В твоей голове верные думы, – сказал ему старик, – Рассказывай чукчам. Лиши их покоя. Пусть захотят жить, как в сказке. Тогда прогонят американов, убьют Гырголя».

– Да, да, – вслух рассуждает он, – так говорит и Ван-Лукьян. Так нужно, да! Уже выгнали мы Джона, не пускаем чернобородого. Будет у Тыкоса ружье. Все будет, да! Вакатхыргин и Ван-Лукьян – настоящие люди. А Кочака мы прогоним, как когда-то прогнал меня он. Пусть уходит. Лживый человек. Теперь все знают, что он обманщик.

Тымкар представляет себе, что он говорит это на празднике говоренья и люди слушают его.

– Да, я скажу все это. И еще скажу многое, чтоб чукчи стали жить лучше. – Он ощупал мешок, где были увязаны моржовые клыки, на которых так много записано рисунками и значками. – Я расскажу также про Амнону и про разрушенную землянку Емрытагина. Все расскажу я, да!.. Напрасно, однако, Пеляйме не поехал, совсем он, как нерпа!

Снег мягко искрится под луной. Упряжка бежит бодро.

– Наверно, очень хороший человек Ленин, если его помощники такие. Где так долго были они, почему не пришли раньше? Все люди их хотят, только еще боятся Кочака. Ничего, я помогу им. Теперь знаю я, что счастье там, где правда. Таньг Ван-Лукьян – это правда.

И Тымкару почему-то вспомнилось, как двое американцев хотели снова заманить его в Ном.

– Плохие людишки. Знаю! Жадные, как собаки. Ничего. Теперь их не будем пускать к нам.

Впереди что-то зачернело. Тымкар всмотрелся: нарта.

– Га-га! – весело прикрикнул он на собак, и те понеслись вскачь.

– Этти! Куда едешь? – догоняя, спросил он.

– К Ван-Лукьяну, на праздник говоренья. Будем также говорить о Гырголе.

– Э-гей! Едем вместе! – Тымкар чему-то громко засмеялся и попытался обогнать незнакомого делегата.

Но тот тоже крикнул на упряжку, и две нарты понеслись рядом.

* * *

…В домике Пеляйме шумно. Энмина допрашивает мужа о причине возвращения.

– Чужие мысли в голове твоей! – кричит она на него. – Что скажут люди? Засмеют. Разве вернулся Тымкар? Лучше б я с ним поехала!

Пеляйме молчит. Он не ожидал, что и Энмина осудит его поступок, думал – она обрадуется, увидев его дома.

– Никому нельзя верить, – уже в который раз оправдывается муж.

– Как можно не верить человеку, который выполнил свое обещание, сделал меня

здоровой, который помогает чукчам жить лучше! Ты болтаешь пустое!

Энмина выскочила из домика.

Началась поземка. В небе – сполохи сияния.

– Собирайся скорее. Пурга начнется – как поедешь?

Пеляйме не отвечает. Вначале он притворяется спящим, а вскоре действительно засыпает.

«Лучше б я сама поехала», – думает Энмина. Какая-то еще неизведанная боль щемит ее сердце. Что-то новое проснулось в ней, не дает покоя. Завтра вечером начнется съезд. Если не выехать сейчас – будет уже поздно. На мгновение вспомнился Кочак: днем он уехал к другим шаманам совещаться.

– Пеляйме, – говорит Энмина мужу. Не помутился ли твой разум? – Но Пеляйме не отзывается. Утомленный беспокойным днем и трудными мыслями, он крепко спит.

Энмина начала одеваться.

…Никто не видел, как под утро из селения выбежала упряжка – по направлению к Уэлену. На нарте сидела женщина.

* * *

Съезд состоялся. И еще не закрылось первое заседание, а телеграмма с мыса Дежнева об установлении и здесь Советской власти уже мчалась по просторам Сибири в Москву, в Кремль, к Ленину…